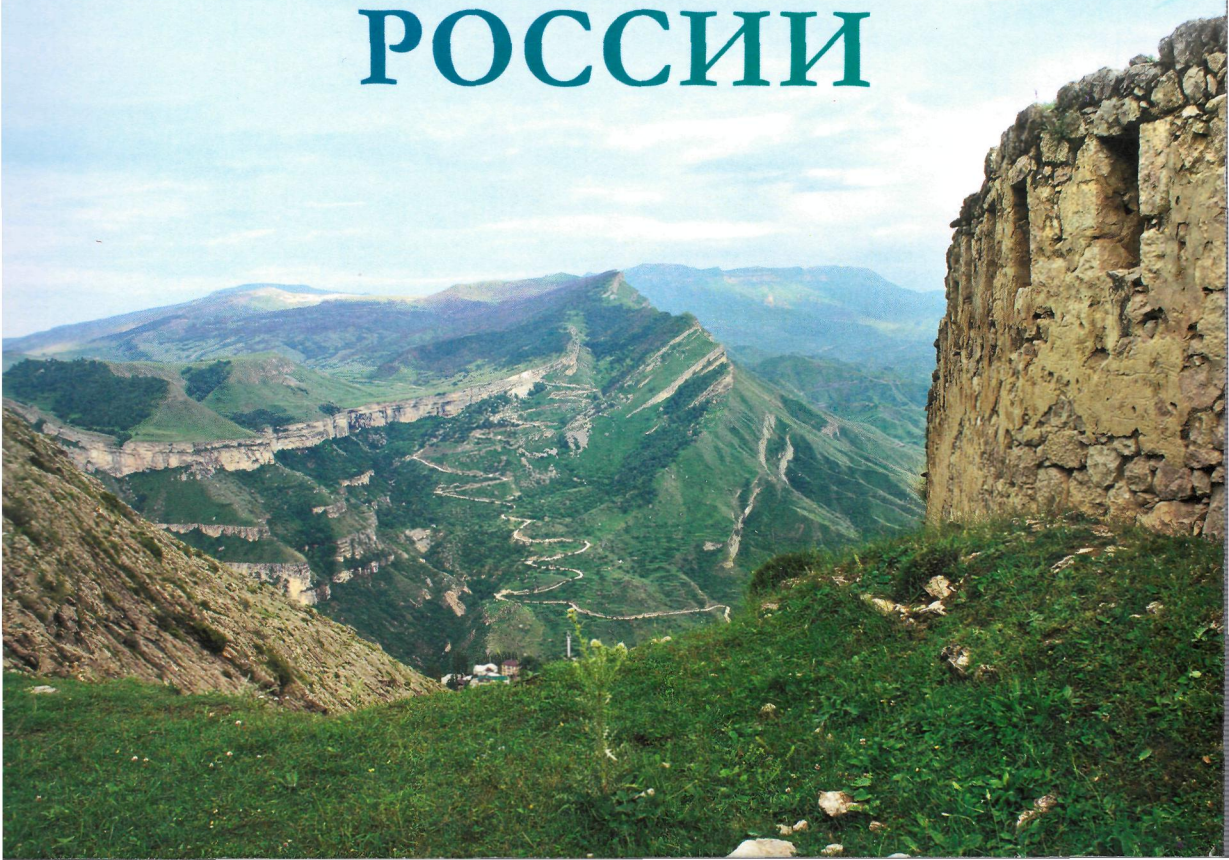
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АКАДЕМИЯ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД «КАВКАЗ – НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ»

НАРОДЫ КАВКАЗА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ



РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АКАДЕМИЯ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД «КАВКАЗ – НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ»

НАРОДЫ КАВКАЗА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Материалы VI Международного форума
историков-кавказоведов
(г. Ростов-на-Дону, 13–15 ноября 2019 г.)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2019

УДК 94(47)(063)
Н30

При финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-20077 «VI Международный форум историков-кавказоведов “Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России”»

Редакционная коллегия:
академик Г.Г. Матишов (отв. редактор),
д.и.н. Е.Ф. Кринко (зам. отв. редактора),
д.филол.н. М.Ч. Ларионова, к.и.н. П.А. Аваков,
к.филол.н. Т.Е. Гревцова, к.филос.н. И.В. Пащенко,
к.филос.н. О.В. Семенова, к.г.н. Е.Э. Кириллова

Н30 **Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России:** материалы VI Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 13–15 ноября 2019 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – 598 с. – ISBN 978-5-4358-0188-0.

В материалах сборника рассмотрен широкий круг проблем, связанных с развитием народов Кавказа в цивилизационном пространстве России. В статьях нашли отражение политические и социально-экономические процессы на Кавказе в XVI–XXI вв., проблемы региональной безопасности, военной истории, значение Кавказа как пространства межкультурного диалога и исторической памяти. Особое внимание уделено поиску новых подходов, оценок, методов и источников на современном этапе развития кавказоведения. Главной целью научного форума стало обсуждение спорных проблем истории Кавказа для формирования целостной научной картины истории региона и населяющих его народов.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)(063)

ISBN 978-5-4358-0188-0

© ЮНЦ РАН, 2019

RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
THE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
ACADEMY OF SCIENCES OF THE CHECHEN REPUBLIC
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
HUMANITARIAN FOUNDATION "THE CAUCASUS – NEW FRONTIERS"

PEOPLES OF THE CAUCASUS IN THE CIVILIZATION SPACE OF RUSSIA

Proceedings of the VI International Forum
of Historians – Specialists in the Caucasian Studies
(Rostov-on-Don, 13–15 November 2019)

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2019

UDC 94(47)(063)
M39

With the financial support from the Russian Foundation for Basic Research, Project № 19-09-20077 "VI International Forum of Historians – Specialists in the Caucasian Studies "Peoples of the Caucasus in the Civilization Space of Russia"

Editorial Board:
Academician RAS G.G. Matishov (Managing Editor),
Dr (History) E.F. Krinko (Deputy Managing Editor),
Dr (Philology) M.Ch.Larionova, PhD P.A. Avakov, PhD T.E. Grevtsova,
PhD I.V. Pashchenko, PhD O.V. Semenova, PhD E.E. Kirillova

M39 **Matishov, G.G.** (Ed.) Peoples of the Caucasus in the civilization space of Russia: Proceedings of the VI International Forum of Historians – Specialists in the Caucasian Studies (Rostov-on-Don, 13–15 November 2019). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2019. 598 p. (In Russian). ISBN 978-5-4358-0188-0.

The proceedings cover a wide range of problems related to the development of the peoples of the Caucasus in the civilization space of Russia. The articles reflect the political and socio-economic processes in the Caucasus in the XVI–XXI centuries, the problems of regional security, military history, and the importance of the Caucasus as a space for the intercultural dialogue and historical memory. Special attention is paid to the search for new approaches, assessments, methods, and sources at the current stage of development of the Caucasian Studies. The main purpose of the scientific forum is the discussion of the disputable problems of the history of the Caucasus to form a comprehensive scientific picture of the history of the region and its peoples.

The publication is intended for researchers, university teachers, postgraduates, students, and readers interested in the subject.

UDC 94(47)(063)

ISBN 978-5-4358-0188-0

© SSC RAS (2019)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кавказ представляет собой уникальный географический и этнокультурный регион с богатой историей и яркими традициями населяющих его народов. Значение Кавказа в социально-экономических, политических и культурных процессах прошлого и настоящего трудно переоценить. Вместе с тем этот регион – часть так называемой дуги нестабильности. Именно здесь начались первые в СССР межэтнические столкновения, переросшие затем либо в полномасштабные войны, либо в латентные, замороженные конфликты. Задача ученых – изучать прошлое и настоящее Кавказа и населяющих его народов, делать прогнозы и экспертные заключения, способствовать предотвращению новых и прекращению старых конфликтов.

Отечественное кавказоведение имеет глубокие научные традиции, однако между его представителями существуют серьезные расхождения во взглядах на роль России в развитии народов региона. Для преодоления этих разногласий и формирования целостной научной картины истории региона и населяющих его народов еще в последние десятилетия существования советской историографии был предпринят крупный издательский проект «История народов Северного Кавказа». К участию в нем были привлечены ведущие специалисты-кавказоведы того времени. Однако изменения в оценках в связи с распадом Советского государства, обновлением подходов к истории, рассекречиванием и публикацией новых документов привели к прекращению данного издания после выхода двух первых томов.

К началу XXI в. историческое кавказоведение на постсоветском пространстве оказалось в тупиковой ситуации: крайняя политизация полемики между различными «национальными историографиями», научными школами и направлениями превратила дискуссию в настоящую «войну историографий». Гиперболизированный этноцентризм и популизм подтолкнули многих ученых к отказу от научных принципов в сторону паранаучности и политической пропаганды.

С целью предотвращения негативных тенденций разделения научного сообщества по «национальным квартирам» в период с 2013 по 2017 г. в Ростове-на-Дону были проведены пять международных форумов историков-кавказоведов. Этот научно-организационный опыт взаимодействия историков оказался чрезвычайно полезным для налаживания научного диалога.

Не вызывает сомнений актуальность проведения VI Международного форума историков-кавказоведов в текущем, 2019 году. Она объясняется прежде всего необходимостью переосмысления проблем, связанных с развитием народов Кавказа в цивилизационном пространстве России, на основе новых научных подходов, методов, источников, отказа от прежних идеологизированных штампов и стереотипов, формирующих предубеждения и предрассудки во взаимоотношениях разных народов.

Очередной форум призван способствовать дальнейшему переходу от бескомпромиссной полемики к конструктивному научному диалогу по дискуссионным вопросам истории региона, продолжению поисков новых путей к взаимопониманию между оппонирующими сторонами. Его особенностью, в отличие от предыдущих мероприятий, является расширение не только круга обсуждаемых научных проблем, но и состава участников за счет привлечения представителей не только республик Северного Кавказа, но и зарубежных государств Южного Кавказа, что должно способствовать укреплению авторитета российской науки в научном диалоге ученых разных стран.

Кавказоведческая тематика всегда занимала важное место в исследованиях Южного научного центра Российской академии наук. Это одно из стратегических направлений научной деятельности нашего центра. Именно в рамках этого направления были подготовлены и изданы несколько томов «Атласа социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России», в которых был дан системный научный анализ явлений и процессов, имеющих ключевое значение для обеспечения стабильности южного полиэтничного макрорегиона, частью которого является и Кавказ. Наряду с ним вышли и другие фундаментальные труды по военной и политической истории Северного Кавказа, казачеству Юга России и другим проблемам. Они встретили горячий отклик со стороны самых разных специалистов, органов государственной власти и управления, силовых структур, преподавателей и ученых, что отражает высокую степень востребованности кавказоведческой тематики в самых различных кругах.

Уверен, что и публикация материалов VI Международного форума историков-кавказоведов позволит ответить на многие вопросы, которые ставит перед наукой общество.

Академик Г.Г. Матишов

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ, ОЦЕНОК И ИСТОЧНИКОВ

Е.Ф. Кринко

ИСТОРИЧЕСКОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ[1]

Историческое кавказоведение в России имеет давние и глубокие традиции. В начале XX в. в Санкт-Петербурге, Москве и непосредственно на Кавказе сложилась широкая сеть научных и просветительских обществ, занимавшихся изучением истории и культуры населявших его народов, в деятельности которых активно участвовала региональная интеллигенция, нередко при поддержке местной администрации. Несмотря на различия в направлениях и содержании деятельности, российских кавказоведов объединяло стремление к полидисциплинарности и комплексному подходу к изучению Кавказа, базировавшееся на представлении о нем как едином историко-культурном регионе [1].

Утверждение советской власти и начатые ею преобразования на Северном Кавказе вызвали подъем краеведческих исследований. В национальных автономиях появились собственные краеведческие общества: в 1919 г. – Северо-Осетинское краеведческое общество, в 1922 г. – Кабардино-Балкарское общество изучения местного края, в 1924 г. – Общество изучения Адыгейской автономной области и Литературное общество в Ингушетии, занимавшееся вопросами краеведения, в 1928 г. – Грознен-

[1] Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

ское научное общество, вошедшее в созданное через год Чеченское краеведческое общество [2].

В целях обеспечения руководства всеми краеведческими обществами и координации их работы во Владикавказе как административном центре Горской АССР в 1920 г. был организован Северо-Кавказский горский научно-исследовательский институт (НИИ) краеведения. Институт организовал ряд археологических и этнографических экспедиций в отдаленные районы Северной Осетии, Ингушетии, Чечни и Кабарды, лингвистические и другие исследования [3]. В конце 1922 г. на Северном Кавказе была создана ассоциация краеведов, а в 1924 г. состоялся учредительный съезд Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации. Институт по изучению другой северокавказской автономии – Дагестана – был первоначально открыт в Москве в 1922 г., но через два года руководство республики, убедившись в недостаточной эффективности его работы на столь значительном расстоянии, создало НИИ в Махачкале при наркомате просвещения [4]. В 1926 г. возникло Северо-Кавказское бюро краеведения.

После распада Горской АССР Северо-Кавказский институт краеведения во Владикавказе был закрыт, а координирующий центр исторического кавказоведения на юге страны переместился в Ростов-на-Дону как административный центр Северо-Кавказского края, руководство которого осознало, что «управлять краем нельзя, не зная его действительности» [5]. 20 сентября 1925 г. Совет по просвещению национальностей нерусского языка при Северо-Кавказском краевом отделе народного образования (крайоно) постановил: «Признать необходимым создание краевого научно-исследовательского института для изучения горских языковых и этнических культур края» в виде «самостоятельного отдела Северо-Кавказской краевой ассоциации НИИ в Ростове». Но кадров, способных профессионально изучать историю и культуру горских народов, особенно из их среды, не хватало, и в крайоно было направлено ходатайство о выделении стипендий для подготовки научных работников из числа национальных меньшинств по 50 руб. каждая [6].

И все же в первые годы советской власти главную роль в изучении истории и культуры народов региона по-прежнему играли представители дореволюционной историографии. В Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО) сохранилось заявление «профессора Кавказоведения и Истории Адыгов, и Карачая, как и Языковедения Алексея Николаевича Грена» (*орфография и употребление прописных*

букв оригинала сохранены. – Е. К.) в Северо-Кавказское краевое отделение Центриздата от 4 июля 1926 г., в котором он давал согласие на составление истории Адыгеи, Черкесии, Карачая и Балкарии общим объемом в 29 печатных листов с оплатой по 100 руб. за лист. Ему также предоставлялись командировочные расходы на сумму в 300 руб. для сбора недостающих материалов в Ленинграде [7]. К этому времени профессор А.Н. Грен уже возглавлял кафедру краеведения в Кубанском педагогическом институте и читал студентам, помимо прочих предметов, кавказоведение и историю адыгов [8].

В 1927 г. в Ростове-на-Дону был создан Северо-Кавказский краевой горский институт краеведения с целью изучения естественно-экономического положения, этнографии, истории, языка, литературы и национальных культур народов региона. Он занимался подготовкой научных работников, организацией краеведческого дела на местах и решал другие научно-исследовательские задачи. Возглавил институт У.Д. Алиев. В 1934 г. он был переименован в Северо-Кавказский горский историко-лингвистический НИИ, на следующий год переведен в Пятигорск, ставший новым краевым центром, а в 1937 г. – упразднен.

Наряду с этим встал вопрос о создании на Юге России и первых академических научных учреждений. В июле 1931 г. Общее собрание АН СССР приняло решение о создании академической базы в Ростове-на-Дону, оставшееся не реализованным из-за разделения Северо-Кавказского края. Впоследствии обсуждался вопрос о возможности создания филиала АН СССР в Краснодаре, но и этот проект остался нереализованным.

В национальных автономиях, образовавшихся после распада Горской АССР, появились собственные научно-исследовательские учреждения. 1 марта 1925 г. на основе Осетинского историко-филологического общества был создан Осетинский НИИ краеведения с целью изучения Осетии «в трех разрезах: а) естественно-историческом, б) экономическом, в) культурно-историческом» [9]. В начале января 1926 г. был образован Кабардино-Балкарский НИИ, в декабре 1926 г. – Ингушский НИИ краеведения. В марте 1930 г. научное общество Чеченской АО реорганизовалось в НИИ краеведения имени Десятилетия Советской власти в Чечне [10]. В 1934 г. он соединился с Ингушским НИИ в Чечено-Ингушский НИИ истории, языка, литературы и искусства. Решение о создании Адыгейского НИИ краеведения было принято при активном содействии Общества по изучению Адыгейской АО в 1927 г., но сам институт появился только через два года, в 1929 г.

10 мая 1931 г. ВЦИК РСФСР обязал Северо-Кавказский крайисполком совместно с Наркоматом просвещения РСФСР «обеспечить нормальную работу научно-исследовательских институтов во всех нацобластях» [11]. На основе данного решения в апреле 1932 г. было принято постановление о создании Черкесского НИИ. В том же месяце был создан и Карачаевский НИИ, работа которого осложнялась ввиду «отсутствия помещения, неукомплектованности штата, неопределенности существования». В результате институт фактически прекратил свою деятельность и возродился только в 1935 г. как Институт карачаевского языка и литературы [12].

Основными направлениями деятельности первых НИИ на Северном Кавказе являлись сбор и публикация материалов по фольклору, этнографии, истории народов региона, написание учебников для национальных школ, составление словарей, разработка алфавитов, а также изучение природных ресурсов автономий. Научное руководство их работой осуществляли научно-исследовательские центры Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону. Для проведения экспедиций привлекались профессора А.С. Башкиров, Н.Ф. Яковлев, Е.М. Шиллинг, И.А. Орбели и другие известные ученые.

С ужесточением советского режима в 1930-х гг. были репрессированы многие кавказоведы, отстаивавшие своеобразие историко-культурного наследия региона, и организаторы науки: У. Алиев; директора Адыгейского НИИ М. Хуажев и И. Барон; директора Института карачаевского языка и литературы И. Тамбиев, М. Халилов и Я. Джабаккуев; директор Черкесского НИИ Х.Ш. Булатуков. Дагестанский НИИ в 1938 г. был переименован в Институт истории, языка и литературы, из 23 его сотрудников 8 были арестованы, в том числе директора А. Тлюняев и Г. Гаджибеков [13].

В годы Великой Отечественной войны большинство созданных на Северном Кавказе научных учреждений кавказоведческой направленности прервало деятельность из-за нацистской оккупации. Вследствие депортации балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей сбор материалов о них фактически прекратился, а выполнявшие данные задачи научные учреждения были ликвидированы. В то же время почти сразу после войны, 30 октября 1945 г. была создана Дагестанская база АН СССР, ставшая первым академическим подразделением на Северном Кавказе. В ее состав вошел и Институт истории, языка и литературы. В 1949 г. база была преобразована в Дагестанский филиал АН СССР.

Восстановление работы других научно-исследовательских учреждений на Северном Кавказе было длительным процессом. Только в 1951 г. возобновил свою деятельность Черкесский НИИ [14]. С возвращением из ссылки карачаевцев в 1957 г. он был преобразован в Карачаево-Черкесский НИИ. В том же году был воссоздан Чечено-Ингушский НИИ. К середине 1960-х гг. при поддержке руководства страны в автономиях Северного Кавказа сложилась система научных учреждений кавказоведческой направленности. В 1965 г. в Адыгейском НИИ языка, литературы и истории работало 20 чел. (в том числе 14 научных сотрудников), в Кабардино-Балкарском НИИ истории, языка, литературы и экономики – 32 чел. (24), в Карачаево-Черкесском НИИ истории, языка и литературы – 17 чел. (13), в Северо-Осетинском НИИ языка, литературы и истории – 21 чел. (14), в Чечено-Ингушском НИИ истории, языка и литературы – 23 чел. (15) [15]. Главное внимание данных научно-исследовательских учреждений, находившихся в ведении местных органов власти – советов министров в автономных республиках и облисполкомов в автономных областях, – уделялось изучению вопросов истории автономий, национальной литературы и фольклора, языкознания, археологии и этнографии. Приоритетным в духе советской историографии являлось исследование классовой борьбы, революционного движения, национально-государственного строительства, героического вклада народов в Победу в Великой Отечественной войне. Во всех автономных областях и республиках Северного Кавказа в 1950–1980-е гг. были изданы обобщающие труды по истории данных образований, в которых указанным сюжетам отводилось ведущее место.

Немаловажную роль в подготовке национальных кадров историков-кавказоведов в 1960–1980-е гг. сыграл Ростовский государственный университет, превратившийся благодаря его ректору, члену-корреспонденту РАН Ю.А. Жданову, в самый крупный вуз региона с развитой научно-исследовательской структурой, что позволило вновь поставить вопрос об открытии академического центра в Ростове-на-Дону. Но против выступили руководители министерств высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР. В 1969 г. в Ростове-на-Дону был открыт Северо-Кавказский научный центр высшей школы, способствовавший интеграции исследований кавказоведов региона. По инициативе Ю.А. Жданова была начата работа над фундаментальным издательским проектом «История народов Северного Кавказа», к которой привлекли лучших на тот момент исследователей из Москвы, Ленинграда, республик, краев и областей Северного Кавказа. Несмотря на доминирование

в советской историографии марксистской методологии, составившей основу и данного исследования, в ходе работы над ним возникло немало разногласий [16]. Но их преодоление в итоге позволяет считать реализацию проекта одним из самых успешных примеров организации совместной работы столь крупного коллектива историков.

С начала 1990-х гг. структура научных учреждений Северного Кавказа подверглась серьезным трансформациям. Значительно выросли по сравнению с советским периодом сеть и состав академических НИИ. В 1991 г. Дагестанский филиал АН СССР был преобразован в Дагестанский научный центр АН СССР, а на следующий год входивший в него Институт истории, языка и литературы разделили на два института – исторической и филологической направленности. Кабардино-Балкарский НИИ истории, филологии и экономики в 1993 г. был включен в состав Кабардино-Балкарского научного центра РАН, а Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований в 2000 г. – в состав Владикавказского научного центра РАН.

В то же время кардинальные политические и социально-экономические изменения в жизни страны, ввод в научный оборот новых источников в связи с рассекречиванием архивов, переосмысление прежних оценок бросили новые вызовы развитию российского кавказоведения. Методологический плюрализм способствовал появлению новых подходов и концепций в изучении региона, среди которых необходимо выделить историческую антропологию, теорию модернизации, социальную историю, гендерную историю, микроисторию, теорию фронтира, устную историю, новую локальную историю. В то же время в условиях отказа от единой марксистской парадигмы часть историков обратилась к позитивистскому (точнее, неопозитивистскому) методу исследования, стремясь воссоздавать историю «как это в действительности было», опираясь на документы и отказываясь от общетеоретических концепций. Другая часть выступает за использование цивилизационного подхода к истории, который с трудом может быть применим в конкретно-исторических исследованиях.

Значительное влияние на развитие северокавказской историографии оказали этнополитические процессы 1990-х гг., усиление этноцентризма в общественном сознании, что вело к прославлению и героизации прошлого отдельных народов, их противопоставлению России. Питательную почву для своего развития получили старые и новые исторические мифы, среди которых можно выделить несколько основных: 1) мифы о древности происхождения и уникальности историко-куль-

турного наследия народов; 2) мифы об историческом праве народов на обладание той или иной территорией, вследствие того что они первыми на ней сформировались и являются единственными коренными, по отношению к которым все другие выступают пришлыми; 3) мифы о наиболее высокой степени преданности отдельных народов государству (как вариант – религии); 4) мифы о том, что отдельные народы в наибольшей степени пострадали от политики царского самодержавия и/или советского режима; 5) мифы о враждебном окружении народов, позволяющем, несмотря ни на что, проявить им самые замечательные качества своего национального характера. Следствием этого стала настоящая «война историографий», разделявшая историков нередко не по используемой методологии, а по месту проживания.

Только в 2000-х гг. постепенно возобладало стремление к научному диалогу. В данной связи следует отметить создание в декабре 2002 г. Южного научного центра РАН во главе с академиком Г.Г. Матишовым. В структуре ЮНЦ РАН в 2004 г. был создан гуманитарный отдел, впоследствии преобразованный в Объединенный отдел социально-политических и экономических проблем южных регионов, в 2008 г. выделившийся в самостоятельный Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, а в 2017 г. снова объединившийся с ЮНЦ РАН. Научные подразделения отдела, помимо Ростова-на-Дону, действовали в Ставрополе, Волгограде, Краснодаре, Майкопе и Элисте. Кроме того, в структуру ЮНЦ входили Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Комплексный НИИ в г. Грозном, Сочинский научно-исследовательский центр РАН. Своеобразной формой научной интеграции академических учреждений стала совместная реализация кавказоведами различных научных учреждений РАН, расположенных в ЮФО/СКФО проектов Программ фундаментальных исследований Президиума РАН, ответственным исполнителем которых выступал ЮНЦ РАН. Однако реформа РАН с 2013 г. снизила роль Программ фундаментальных исследований в организации кавказоведческих исследований.

В последнее время определенные усилия для объединения кавказоведов предпринимает Южный федеральный университет, разработавший ряд научно-образовательных проектов, а также Академия наук Чеченской Республики, выступающая с инициативой создания нового обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа [17]. Действительно, необходимой основой для научного взаимодействия историков-кавказоведов выступают, наряду с периодически проводимыми форумами, со-

вместные исследования, но их реализация требует серьезной подготовки, включая выработку исследовательской концепции и соответствующих ей методологического инструментария и организационных форм.

Примечания

1. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. 2-е изд., доп. Ставрополь, 2011. С. 431.

2. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. С. 263–264.

3. Шеуджен Э.А. Северный Кавказ в 20-е годы XX века: у истоков исторического знания // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. Вып. 1. С. 76.

4. Каймаразова Л.Г. Изучение культуры народов Дагестана в 20-е гг. XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2014. № 1. С. 76.

5. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 531. Л. 18.

6. Там же. Д. 164. Л. 102.

7. Там же. Д. 347. Л. 42 об.

8. Подробнее об А.Н. Грене см.: Данилов А.В., Фоменко В.А. Исследователь Алексей Николаевич Грен и его археологические разведки и раскопки Кавказских Минеральных Вод // Археология и этнология Северного Кавказа. Сб. научных трудов. Нальчик, 2015. Вып. 4. С. 46–51; Жеребцов И.Л., Попов А.А. А.Н. Грен и общество изучения Коми края. Материалы к III Международным Иналиповским чтениям (Сухум, 4–6 октября 2016 г.). Сыктывкар, 2016.

9. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 53.

10. Эльбуздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. Грозный, 2012. С. 173.

11. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (далее – ГАКЧР). Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 16. Л. 7.

12. Урусов Б.Г. О местных истоках научного кавказоведения в Карачаево-Черкесии: довоенный период // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 180-летию присоединения Карачая к России. Карачаевск, 2008. Ч. II. С. 235.

13. Лысенко Ю.М. Первый научно-исследовательский институт Дагестана: Сложный этап становления и развития. 1924–1938 гг. // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 49. С. 85–90.

14. Пафова С.Ю. Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт в послевоенный период: возрождение и развитие (1950–80-е гг.) // Горские общества Кавказа… Ч. II. С. 168.

15. ГАКЧР. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 132. Л. 7–9.

16. См.: Кринко Е.Ф., Горюшина Е.М. По следам южнороссийского кавказоведения… (памяти Виктора Владимировича Черноуса) // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1. С. 114–122.

17. Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Гациева Т.И. «История народов Северного Кавказа» – незаконченный проект региональной истории: к вопросу о реактуализации // Научная мысль Кавказа. 2019. № 1. С. 52–58.

П.А. Кузьминов

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Размышляя над проблемами исторического бытия народов, их менталитета, материальной и духовной культуры, В.А. Юрченков справедливо пишет, что они неотделимы от бытия определенных территорий, регионов. Поэтому, подчеркивает исследователь, есть смысл и необходимость говорить о региональной историографии, допуская определенную относительность этого понятия [1]. Развивая мысль, А. Шадже и Э. Шеуджен отметили, что понятие «северокавказская историография» может быть рассмотрено как собирательная, достаточно четко фиксированная дефиниция, включающая историю развития исторического знания в конкретном географически, территориально обусловленном регионе [2]. Соглашаясь с исследователями в значимости северокавказской историографии, все-таки не будем ограничивать кавказоведение географическими рамками нашего края, а будем опираться на достижения мировой исторической науки в познании истории народов Кавказа. Достаточно вспомнить публикации работ иностранных авторов [3], раздвинувших рамки современного кавказоведения введением в научный оборот новых исторических нарративов и концептуально обогативших науку.

Сегодня аксиоматично звучит мысль об относительности и принципиальной неполноте наших знаний о прошлом, о познавательных возможностях и практике исторического исследования. Но «понимание истории как постоянно возобновляющейся дискуссии, территории, подверженной интеллектуальному эксперименту, влечет за собой поиск более надежных способов получения научного знания», по мнению Т.П. Хлыниной [4]. Этим инструментом движения к зонам историче-

ского знания, формой проникновения в прошлое и исследовательской практикой является историография. Опираясь на достижения дореволюционной и новейшей историографии в области теории исторического познания о наличии внутренних механизмов развития науки, мы предлагаем начать их коллективный анализ, проследить связь и преемственность в формировании различных взглядов и подходов к историческому прошлому народов Кавказа.

В монографии М.Е. Колесниковой детально проанализирован процесс формирования северокавказской историографической традиции, нашедшей выражение в деятельности академических экспедиций, научно-исследовательской работе столичных и провинциальных научных учреждений и обществ, в исследовательских практиках историков-любителей и краеведов. К столичным отнесены масштабные академические экспедиции XVIII – первой половины XIX в., Императорское русское географическое общество (с 1845 г.) и его Кавказское отделение (с 1850 г.), Императорское русское археологическое общество (с 1846 г.), Императорская археологическая комиссия (с 1859 г.), Общество любителей естествознания (с 1863 г.), Императорское московское археологическое общество (с 1864 г.), Русское историческое общество (с 1866 г.) и др., сыгравшие значительную роль в выявлении новых комплексов источников по истории народов Кавказа. К местным – «Кавказский областной статистический комитет», Ставропольский губернский, Терский, Кубанский и Дагестанский областные статистические комитеты, которые, по сути, были научными центрами, занимавшимися широким кругом краеведческих исследований.

К третьей группе научных учреждений можно отнести ряд организаций: Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество (1894), Общество любителей изучения Кубанской области (1897), Общество любителей казачьей старины, Общество распространения в народе грамотности и полезных знаний (1901), Кавказское горное общество (1902), Кубанское общество народных университетов (1907), Терское общество любителей казачьей старины (1909), Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края (1910), Кубанское общество любителей изучения казачества (1911), Терское общество защиты и сохранения памятников старины (1915) и др. [5].

В годы утверждения советской власти, с одной стороны, была продолжена работа созданных ранее обществ, с другой – получила поддержку краеведческая работа в регионах Северного Кавказа. Но уже в начале 30-х гг. XX в. это направление изучения прошлого народов региона было

официально закрыто. Одновременно, в начале 20-х гг., на Северном Кавказе была сформирована сеть научных обществ, средних и высших учебных заведений, где шло планомерное, но недостаточно эффективное изучение истории народов края.

Ситуация принципиально изменилась в 60-е гг. XX в., когда партийные органы перестали навязывать научному сообществу свое видение исторических процессов прошлого. В регионе были созданы десятки научных и учебных заведений, в которых велась исследовательская работа, готовились кадры историков-профессионалов. Функционировала единая государственная система архивов, музеев, библиотек, которая давала возможность хранить и использовать национальное наследие. В Институте истории СССР АН СССР в начале 70-х гг. был образован Отдел общих проблем истории народов СССР, который координировал работу в масштабе всего Союза. Тогда же в рамках АН СССР возникла идея создания обобщающих работ по истории крупных регионов страны. Эта серия получила условное название «региональные истории» [6].

Особую значимость для развития кавказоведения имело создание в августе 1969 г. Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ), который возглавил член-корреспондент АН СССР Ю.А. Жданов. Центр объединил «50 высших учебных заведений и 206 научно-исследовательских учреждений, где трудится около 50 тысяч сотрудников, в том числе свыше 21 тысячи научных работников. Это значительно больше, чем во всей дореволюционной России» [7]. На базе пединститутов с 1957 по 1972 гг. были открыты Кабардино-Балкарский, Дагестанский, Северо-Осетинский, Кубанский, Чечено-Ингушский университеты [8]. СКНЦ ВШ объединил ученых вузов, академических и отраслевых научных учреждений Северного Кавказа, что позволило создать каркас единого научно-образовательного пространства региона как органичной части общесоюзного.

Многонациональные коллективы ученых вырвались из плена мелкотемья, замкнутости исследований и активно стали разрабатывать общерегиональные северокавказские проблемы. Видимым следствием научной интеграции стала реализация ряда крупных проектов в области познания прошлого. Важнейшим из них стала 4-томная «История народов Северного Кавказа», над которой работало около 200 ученых. По мнению В.В. Черноуса, материализация проекта позволила «ослабить этническую замкнутость и территориальную ограниченность исследований, выйти на общекавказские истоки культуры народов региона, их общую историческую судьбу» [9].

С развалом СССР ушла в прошлое марксистско-ленинская идеология, бывшая единственным методологическим принципом исторических исследований. Но это, к сожалению, не способствовало качественным изменениям в области познания истории прошлого народов Кавказа. Пришел, по мнению Х.Г. Тхагапсоева, этноцентризм, идеи этноэтатизма и гипертрофированная реактуализация этнической идентичности [10]. Попытки консолидировать ученых на академической платформе кавказоведения оказались не эффективны.

Об опасности этих процессов прямо писали и говорили Ю.А. Жданов, Г.Г. Гамзатов, А.И. Османов, Э.А. Шеуджен, В.В. Черноус, О.М. Давудов, В.А. Кузнецов, О.В. Матвеев и др. Так, Давудов в 2013 г., выступая в Ростове-на-Дону на международном форуме кавказоведов, откровенно заявил, что «в Дагестане складывается альтернативная история, сформулированная дилетантами, националистами и их сторонниками» [11]. «Мифотворчество имеет националистическую окраску и направлено на идеологическое обслуживание политической конъюнктуры» , – подчеркивал известный археолог В. Кузнецов [12]. Причем этноцентризм не является достоянием только титульных народов Кавказа, он характерен, как справедливо подчеркнул В.В. Черноус, «для сочинений по истории и культуре любых народов региона, включая русских и казаков» [13]. С этим выводом солидарна Э.А. Шеуджен, отметившая, что в современной историографии продолжает закрепляться образ «другой», «национальной», в известном смысле «чужой» истории, сохранение и изучение которой является задачей не российской науки, а лишь ее «национальных» представителей [14].

Несмотря на этноидеологический негатив, периодически сотрясающий научное пространство кавказоведения и актуализированный видными его представителями, считаем, что процесс развития науки в нашем макрорегионе от Махачкалы до Ростова-на-Дону идет достаточно позитивно. Об этом свидетельствуют выходящие в свет монографии, сборники документов, проведение десятков научных конференций, форумов, увеличение числа научных рецензируемых журналов и публикаций. Осваиваются новые методологические принципы исторических исследований, все чаще используются достижения зарубежной историографии. Практически во всех университетах идет целенаправленная подготовка магистров и аспирантов. В Грозном, Нальчике, Ставрополе, Майкопе работают диссертационные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций. Приведенный логический ряд, кажется, показывает определенные достижения в области научного кавказоведения. Однако представляется, что количе-

ственные показатели не отражают динамику научной жизни, ее болевые точки, требующие решения.

13 октября 2005 г., выступая в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева с пленарным докладом на международной научной конференции, посвященной проблемам кавказоведения, автор настоящей статьи предложил программу выхода из сложившегося организационного тупика кавказоведения, в которой обозначил принципиальную проблему разобщенности ученых региона: отсутствие координирующего центра и интеграции научного сообщества. Для выхода из сложившейся ситуации было предложено начать совместную работу по подготовке ряда обобщающих трудов по истории народов Северного Кавказа [15]. В ходе конкретной работы исследователей будут сглажены объективные и субъективные методологические и идеологические противоречия «ястребов» и «голубей», «консерваторов» и «либералов», «левых» и «правых», «своих» и «чужих», «нас» и «их», будет налажен конструктивный диалог на основе научных принципов историзма, объективности, альтернативности. Совместное заинтересованное обсуждение исторических проблем объединит ученых, и они коллективно выработают новые подходы, научные практики и интерпретации истории народов кавказского края. Это касается, например, ареала расселения народов в эпоху первобытного общества, ведь сегодня только ленивый не садится за письменный стол, чтобы убедить «отсталых» соседей в том, что именно его великие предки освоили в далеком прошлом горный и равнинный Кавказ; сложности этногенетических факторов, обусловивших формирование горских народов; влияния географической среды на развитие народов; уровня развития общественных отношений; качества взаимоотношений с соседними державами; миграционных вертикальных и горизонтальных перемещений социальных общностей как местных, так и славянских народов; уровня материальной и духовной культуры; военных и мирных методов укрепления власти персидских шахов, турецких султанов, российских императоров в регионе; оценки выселения горцев в Турцию; форм и методов проведения преобразований в крае, обусловивших трансформационный спринт горских народов от традиционных к новым, товарно-денежным отношениям; качества российской системы управления и жизнедеятельности народов Кавказа в пореформенный период и многого, многого другого.

Высказанное предложение встретило противоречивую оценку. Профессор Ю.Ю. Клычников, выступая в 2018 г. на форуме кавказоведов,

заявил, что «попытки создания некоего универсалистского подхода в трактовке прошлого изначально обречены на неудачу», не конкретизировав тезис: «это не означает, что исследователи не должны стремиться к выработке некой оптимальной модели прошлого, в которой найдется место для аргументированных доводов каждой из сторон» [16].

Нам ближе и понятнее позиция заслуженного деятеля науки Российской Федерации Э.А. Шеуджен, которая несколько ранее в рамках этого же форума кавказоведов заявляла, что «сегодня одной из наиболее важных проблем кавказоведения является консолидация сообщества историков: при этом речь идет не столько о формах непосредственного общения (конференции, круглые столы и т. п.), сколько об объединении творческих усилий, направленных на разработку вопросов, способных принципиальным образом повлиять на структуру исторического знания, преодолеть “сведение” его к отдельным традиционно изучаемым событиям» [17]. Идею воссоздания коллективного труда по истории народов нашего региона отстаивали Ю.А. Жданов, А.П. Пронштейн, Н.С. Авдулов, Т.Х. Кумыков, Х.Х. Рамазанов, А.И. Хасбулатов, В.В. Черноус и другие представители старшего звена кавказоведов.

В коллективной статье Ш.А. Гапурова, А.М. Бугаева и Т.И. Гациевой, опубликованной в первом номере журнала «Научная мысль Кавказа» за 2019 г., проанализирована работа авторского коллектива, работавшего в 70–80-х гг. XX в. над незавершенным проектом «История народов Северного Кавказа». Обобщив опыт старшего поколения ученых, авторы предложили начать совместную работу над коллективным обобщающим трудом. Причем, что весьма важно, указали возможные источники финансирования проекта [18].

Представляется, пришло время материализовать идею о коллективной подготовке «Истории народов Северного Кавказа», которая, считаем, внесет серьезный вклад в формирование гражданской идентичности жителей нашего региона. Для этого необходимо:

Создать координационный совет по подготовке коллективного труда «История народов Северного Кавказа» в составе 12–15 человек, в который должны войти ведущие ученые, готовые трудиться на благо науки и общества.

Координационный совет должен подготовить обращение к Правительству РФ и руководству РАН об оказании организационной и материальной помощи в реализации проекта.

Координационный совет должен подготовить примерный персональный состав редакционной коллегии, обговорить структуру, объем,

разделы, время, примерный объем финансирования, необходимые на подготовку обобщающего труда.

Координационный совет должен в течение месяца-двух разработать теоретико-методологические принципы, на основании которых будут работать ученые, приглашенные редакционной коллегией в качестве авторов.

Не сделав сегодня этих конкретных шагов, мы не увидим результатов завтра. Наша сила в официальном статусе настоящего форума, от имени которого и будем обращаться к Правительству РФ, руководству РАН, губернаторам краев и областей, главам республик Северного Кавказа.

Примечания

1. Юрченков В.А. Региональная историография. Российский опыт // Регионология. 1993. № 1. С. 96.

2. Шадже А., Шеуджен Э. Северокавказское общество: опыт системного анализа. М.; Майкоп, 2004. С. 135.

3. Осетины глазами русских и иностранных путешественников / сост., вводная ст. и прим. Б.А. Калоева; перевод части текстов И.С. Зевакиной. Орджоникидзе, 1967; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. переводов, введение и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974; Иоганн Бларамберг. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / сост. и перевод И.М. Назаровой. М., 2005; Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму / предисл. А. И. Мусукаева; сост., перевод В. М. Аталикова. Нальчик, 2002; Джеймс Белл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов: в 2 т. / пер. К.А. Мальбахова. Нальчик, 2007; Юлиус Клапрот. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / пер. К.А. Мальбахова. Нальчик, 2008; Эдмунд Спенсер. Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году / пер. К.А. Мальбахова. Нальчик, 2008.

4. Хлынина Т.П. Идеи «географического синтеза» и проблемы исторических исследований // Вопросы теории и методологии истории. Сб. научных трудов. Майкоп, 1987. Вып. 2. С. 21.

5. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. 2-е изд., доп. Ставрополь, 2011. С. 317.

6. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. М., 2008. С. 412.

7. Жданов Ю.А. Северо-Кавказский научный центр высшей школы // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия: Общественные науки. 1973. № 1. С. 7.

8. Кузьминов П.А. Х.М. Бербеков и становление университетского образования на Северном Кавказе // Междунар. науч.-практич. конф. «Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии», посвященная 80-летию Чеченского государственного университета, 25–26 сентября 2018 г., г. Грозный / отв. ред. М.Р. Нахаев. Махачкала, 2018. С. 30.

9. Крамарова Е.Н., Черноус В.В. Кавказоведение: роль в процессе реинтеграции, становления российской гражданской идентичности и потенциал бизнеса // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 83.

10. Тхагапсоев Х.Г. Этноэтатизм как инобытие российского федерализма // Научная мысль Кавказа. 2002. № 2. С. 25–34.

11. Давудов О.М. Проблема объективности исторических исследований // Материалы междунар. форума историков-кавказоведов (14–15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2013. С. 57.

12. Кузнецов В.А. Исторические мифы // Материалы к науч. конф. «Россия и Кавказ: история и современность». Владикавказ, 2004. С. 24.

13. Крамарова Е.Н., Черноус В.В. Указ. соч. С. 85.

14. Шеуджен Э.А. Проблема консолидации историков Северного Кавказа // Материалы Междунар. форума историков-кавказоведов (14–15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2013. С. 147.

15. Кузьминов П.А. Кавказоведение на грани веков // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы Междунар. науч. конф. 13–14 октября 2005. Владикавказ, 2006. С. 5–34.

16. Клычников Ю.Ю. Конфликтные страницы прошлого на примере т. н. «Кавказской войны» // Идентичности на Кавказе: от конфронтации к консолидации: Материалы II Междунар. форума кавказоведов. (19–22 ноября 2018 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. А.В. Сериков; сост. А.В. Бедрик, И.В. Губарев, М.В. Куценко. Ростов н/Д., 2018. С. 24.

17. Шеуджен Э.А. Указ. соч. С. 147.

18. Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Гациева Т.И. «История народов Северного Кавказа» – незаконченный проект региональной истории: к вопросу о реактуализации // Научная мысль Кавказа. 2019. № 1. С. 57.

Д.Я. Рахаев

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ АДЫГОВЕДЕНИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Проблема политогенеза народов Северного Кавказа относится к числу фундаментальных проблем кавказоведения. Особое значение в этом смысле имеет круг вопросов, касающихся геополитического развития восточных адыгов, оказывавших в период позднего Средневековья колоссальное воздействие на кланы, племена, вождества и раннегосударственные образования региона.

Без преувеличения можно сказать, что в XIX – первой половине XX в. в изучении проблематики генезиса государства доминировали эволюционисты и марксисты. Этот вопрос был принципиально важен для марксизма, поскольку, во-первых, наглядно объяснял, что государство является важнейшим орудием эксплуататорских классов; во-вторых, убедительно демонстрировал неизбежность «социалистической» революции; и, наконец, в-третьих, решал важнейшую идеологическую задачу – внедрял в массовое историческое сознание как инородцев бывшей Российской империи, так и населения колониального Востока представления о возможности перехода к социалистическому, а в конечном счете и коммунистическому обществу, минуя стадию феодализма и капитализма. Не случайно на протяжении многих лет одной из наиболее влиятельных работ в этой области была книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанная в 1884 г. Она оказала огромное влияние на советскую науку.

Адыгская историография XIX – начала XX в., представленная именами Ш. Ногмова, С. Хан-Гирея, А. Мисостова, З. Брантова и др., отличалась специфическим восприятием прошлого, фиксировавшим свое внимание не на датах, а на важнейших событиях – битвах, эпидемиях, народных собраниях.

Ситуация кардинально изменилась лишь после Октябрьской революции, предоставившей малочисленным народам Северного Кавказа шанс на сохранение и развитие своей культурной традиции в рамках автономии. На деле политическая риторика большевиков вылилась в физическое уничтожение «кулаков», представителей духовенства и знати, то есть привела практически к полной утрате этнической

культуры взамен на приобщение к суррогатам культуры «социалистической».

В 1930–1950-е гг. представители старой адыгской интеллигенции были вынуждены эмигрировать или были уничтожены в ходе сталинских репрессий. Новые национальные кадры, создававшиеся советской властью, также подверглись безжалостному уничтожению в период репрессий (достаточно упомянуть «Адыгейское дело» 1937 г., одним из жертв которого стал выдающийся общественный деятель, один из организаторов Адыгейской автономной области, первый директор Адыгейского областного музея, краевед и библиограф И.А. Наврузов).

В силу отсутствия в это время работ по истории Черкесии, написанных самими адыгами, естественным образом возникла необходимость переиздания и популяризации трудов адыгских просветителей, опубликованных до революции. Проведение в 1944 г. юбилея по поводу 100-летия со дня смерти Ш.Б. Ногмова ознаменовалось переизданием «Истории адыгейского народа».

В послевоенный период научная разработка проблем средневековой истории восточных адыгов начинается с исследований Г.А. Кокиева. «Кабардинское общество, – пишет он, – накануне его завоевания царизмом находилось на стадии завершенного феодализма с некоторыми даже элементами разложения» [1]. На III научной сессии Кабардинского НИИ (1948), была предпринята безуспешная попытка возврата к общинно-родовой теории Ф.И. Леонтовича. Решающую роль в дискуссии оказала непреклонная позиция Г.А. Кокиева. После того как в 1949 г. Г.А. Кокиев был репрессирован, в адыговедении укоренилось сталинское определение социально-экономических отношений у народностей Северного Кавказа и Средней Азии как «полупатриархальных-полуфеодальных» [2]. На 7-й сессии Кабардинского НИИ (август 1953 г.) к «враждебным элементам, извращающим историю кабардинского народа», были отнесены те, кто пытался доказать отсутствие «патриархальных пережитков» в Кабарде в XVIII – первой половине XIX в. и, соответственно, наличие так называемого «чистого феодализма» [3].

В 1960-е гг. важнейшей вехой в историографии адыгского средневековья становится монография В.К. Гарданова «Общественный строй адыгских народов», в которой автор приходит к заключению, что в Черкесии «феодализм все еще находился на первоначальных стадиях своего развития и не мог освободиться от прикрывающей его патриархальной оболочки» [4]. Подобного взгляда придерживалось большинство историков-кавказоведов.

Большое влияние на адыгскую историографию 1970–1980-х гг. оказала кандидатская диссертация Е.Дж. Налоевой «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.» [5]. Однако государственно-политический строй Кабарды, определенный ею как аристократическая республика, большей частью декларировался, нежели доказывался путем конкретного анализа его системных элементов.

Новым этапом в разработке фундаментальной проблемы адыговедения – типологизации государственно-политического строя Кабарды в XVI–XVIII вв. явились труды В.Х. Кажарова. В.Х. Кажаров показывает, что определение государственно-политического строя средневековой Кабарды в качестве республиканского или монархического зависит от того, рассматривается ли он в «горизонтальной» плоскости отношений между князьями или в «вертикальной» плоскости отношений между управляющими и управляемыми (князьями и их подданными). Применительно к политической организации кабардинского феодального общества эти термины не исключают, а дополняют друг друга, причем термин «монархия» больше относится к ее сущности, «республика» – к ее форме. В итоге автор приходит к противоречивому выводу о том, что государственно-политический строй Кабарды в XVI–XVIII вв. определяется как сословно-представительная монархия в форме федеративной княжеской республики [6]. Искусственность концепции В.Х. Кажарова, наиболее последовательно воплотившей гиперэволюционный марксистский подход к прошлому, раскрывается именно в главном ее тезисе: кризис традиционных общественных институтов кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в. – прямое следствие колониального натиска России. В то время как в XVI – первой половине XVIII в. кабардинская государственность, по мысли В.Х. Кажарова, достигает пика своего развития. Вместе с тем исторические реалии позднесредневекового кабардинского общества ничего не говорят нам о наличии в нем специализированной бюрократии, единой религии, судопроизводства и полицейской машины. Популярность концепции В.Х. Кажарова в адыговедении конца XX – начала XXI в. во многом объясняется уровнем теоретизации социальной эволюции народов Северного Кавказа, отрывом российского кавказоведения от достижений западной антропологии.

Попыткой выбраться из методологического тупика марксистского гиперэволюционизма явилась кандидатская диссертация Ю.М. Азиковой «Система власти в традиционном кабардинском обществе: XVI–XVIII вв.», в которой автор попыталась применить теорию раннего

государства к политической истории средневековой Кабарды [7]. Как известно, теория «раннего государства», созданная в 1980-х гг. известным нидерландским антропологом Х.Дж.М. Классеном при деятельном участии чешского антрополога П. Скальника, различает три типа ранних государств: *зачаточное, типичное* и *переходное* [8]. Зачаточное государство отличается от типичного доминированием клановых связей, отсутствием кодифицированного права и специальных судебных органов, примитивным аппаратом управления, существующим за счет собираемой дани и редистрибуции, размеры которых строго не определены. Для переходного типа характерно преобладание назначаемых должностей в административном аппарате, чиновники получают жалованье, и эта система выплат доминирует над кормлениями, право кодифицировано и все правовые вопросы решаются судейским аппаратом, функционирует регулярное налогообложение. Новаторский подход Ю.М. Азиковой существенно ослаблен переоценкой уровня развития позднесредневековой кабардинской государственности как *типичного* раннего государства,в то время как весь доступный нам репрезентативный материал позволяет говорить лишь *о зачаточном* раннем государстве у восточных адыгов в XVI–XVIII вв. В современной политической антропологии исследователи пришли к консолидированному мнению о том, что *зачаточное* раннее государство и *вождество* фактически идентичны, а посему от градации *зачаточное* раннее государство вполне уместно отказаться.

Теория вождества принадлежит к числу наиболее ярких достижений западной политической антропологии и наиболее перспективных применительно к исследованию средневековой истории Северного Кавказа. Вождество понимается как первая форма общественной иерархии, которая предшествует появлению государства. Принято выделять следующие базовые признаки этой формы политической и социальной организации: иерархическая организация власти, которая, по археологическим данным, отражается в разных размерах поселений; социальная стратификация и разная степень доступа к ключевым ресурсам, отделение эндогамной элиты от массы населения в сословие; редистрибуция, то есть перераспределение прибавочного продукта по вертикали; общая идеологическая система (культ, ритуалы). По количеству уровней иерархии вождества принято делить на простые (один уровень), сложные (два) и суперсложные (три и более).

Доминирующее положение в Центральном Предкавказье в XVI–XVIII вв. занимали восточные адыги (кабардинцы). Базовые признаки

социально-политического строя средневекового кабардинского общества сводились к следующему: иерархическая организация власти, социальная стратификация, редистрибуция и общая духовная культура.

Во главе кабардинского княжества стоял князь (*пши*). Его высокое социальное положение признавали не только все адыги, но и соседние вождества, племена и кланы, которые эпизодически уплачивали дань кабардинским князьям. Кабардинский князь был неограниченным господином в пределах своих владений, считался верховным собственником земли, он обладал высшей политической и судебной властью, а также должен был защищать всех своих подданных от набегов соседей и притеснений со стороны землевладельцев.

Кабардинский князь был сюзереном для всех дворян (*уорков*), живущих в его «уделе». Отношения пши со своими уорками строились по принципу так называемого *уорктын* (кабард. «дворянские подарки»). С его помощью образовывалась длинная и сложная иерархическая лестница, связывавшая большинство статусных групп кабардинского общества. За военную службу пши «дарил» землю с прикрепленными к ней крестьянами своим вассалам – *тлекотлешам* и *дыжинуго*, составлявшим высшее, потомственное дворянство. Те, в свою очередь, за военную службу передавали часть земли в виде уорктына своим вассалам *уорк-шаотлугусам*, образовывавшим низшее дворянство. Уорк-шаотлугус как аульный владелец передавал свою землю крестьянским кланам на правах общинного землепользования с условием несения оброчных или барщинных повинностей. Как и тлекотпеши, князь уступал часть земель своим дружинникам, принадлежавшим к низшему дворянству, – *беслан-уоркам* и *пшикеу*, а те передавали ее крестьянам.

Вассальная служба уорков была обязанностью всех без исключения уорков, живших во владении князя. Их служба носила прежде всего военный характер. Уорки выходили на войну обязательно конными, одетыми в панцири (кольчуги), шлемы (с сетками или забралом), налокотники и наручи.

Опираясь на военную мощь дворянской панцирной конницы, кабардинские князья сделали набеги своим основным занятием и одним из главных источников пополнения своих доходов. «Самые знатные из них не обрабатывают землю, а стараются набрать небольшую кучку людей и ночью грабят и угоняют скот, похищают людей как у друзей, так и у врагов», – писал о кабардинцах в конце XVII в. Н. Витсен [9].

Возглавляя войско, князь в пределах своих владений имел право объявлять войну и заключать мир. В случае если в данном вождестве

было несколько князей, такое право принадлежало по обычаю старейшему, который, однако, должен был советоваться с другими князьями, как, впрочем, и князья советовались со своими дворянами.

Номинально все адыгские, в том числе и кабардинские князья считались равными. Все они вели свое происхождение от одного общего родоначальника – легендарного Инала. Однако реальное значение каждого пши определялось прежде всего числом его подданных, личным имущественным положением, определяемым главным образом количеством скота.

Приблизительно до начала XVI в. кабардинское вождество находилось под властью одного князя, затем оно разделилось на четыре вождества, названные по имени своих князей: Къабардей во главе с пши Бесланом Джанхотовым, Идарей во главе с пши Идаром, Талъостаней во главе с пши Талъостаном и Джылахъстаней во главе с пши Джылахстаном. На рубеже XVI–XVII вв. владение Джыляхстаней также разделилось на два вождества: Мударовых и Ахловых.

Геополитическое значение кабардинских вождеств определялось их географическим положением. Кабардинский пши мог находиться в зависимости от иностранных государей. На протяжении всего позднего Средневековья кабардинские князья вступали в отношения патронатаклиентелы с московскими царями, османскими султанами, крымскими ханами и сефевидскими шахами.

Примечания

1. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: сб. ст. и док. Нальчик, 2005. С. 434.

2. Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе // Сочинения: в 16 т. / И.В. Сталин. М., 1947. Т. 5. С. 24, 25.

3. Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954. Вып. 3. С. 215, 216.

4. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов в XVIII–первой половине XIX в. М., 1967. С. 154.

5. Налоева Е.Дж. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века: автореф. … дис. канд. ист. н. Нальчик, 1973.

6. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII–XIX вв. Нальчик, 1994. С. 267.

7. Азикова Ю.М. Система власти в традиционном кабардинском обществе: XVI–XVIII вв. Нальчик, 2011.

8. Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. Волгоград, 2006.

9. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам, 2010. Т. 2. С. 687.

Р.М. Бегеулов

МУХАДЖИРСТВО: АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА В КОНТЕКСТЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА О ПУТЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Проблема мухаджирства в той или иной степени затронула практически все северокавказские народы, оставив глубокий след в этническом самосознании. В то же время наиболее трагичными последствия массового исхода населения в Османскую империю оказались для западных адыгов, абазин, абхазов и ногайцев, в среде которых эта тема остается одной из центральных в исторической памяти и одной из самых обсуждаемых и дискуссионных в социуме, научном сообществе, в том числе в формате конференций, электронных площадок, социальных сетей и т. д.

При этом дискуссия о причинах этой трагедии зачастую сводится только к одному фактору – экспансии Российской империи и захвату ею территории традиционного проживания северокавказских этносов. Часть адыгских организаций открыто называет события Кавказской войны геноцидом черкесов [1]. Как известно, с подобным подходом согласился парламент Грузии, в 2011 г. принявший соответствующую резолюцию [2]. Таким образом, вся вина за произошедшую трагедию возлагается целиком и полностью на Россию, на имперские власти.

Понятно, что такой подход является значительным упрощением проблемы, вуалирует ряд важных внутренних факторов, приведших к трагедии. К тому же они зачастую оказываются вне поля современного дискурса как о самой проблеме мухаджирства, так и современных вопросов развития северокавказского региона. Следовательно, такой односторонний подход несет в себе потенциальную опасность для само-

го северокавказского социума, так как осознание внутренних причин, способствовавших трагедии мухаджирства, на уровне местных горских социумов по большому счету так и не произошло, что чревато негативными рецидивами.

Среди внутренних факторов проблемного свойства, проявлявшихся в XIX в. и в значительной степени перекочевавших в XXI в., хотелось бы затронуть только два аспекта – межнациональный и, если можно так выразиться, «протекторальный». Остановимся на первом факторе. На наш взгляд, одной из значимых причин, приведших к массовому исходу горского населения в Османскую империю в XIX в., стала слабость собственных государственных институтов на Северном Кавказе. Очевидно, что там, где они получили свое большее развитие (в силу естественной эволюции феодальных отношений или нового государственного строительства на основе исламской идеологии), основная масса населения осталась на родной земле (Чечня, Дагестан, Кабарда, Карачай и др.). Естественно, что у этого явления была масса объективных причин, и на всех мы останавливаться не будем. Но отметим, что слабость государственных институтов во многом была детерминирована межэтническими, межплеменными и даже внутриэтническими противоречиями и конфликтами, характерными для региона и в XIX в., и в предшествующие периоды. Перманентные конфликты между различными группами населения, между этнополитическими образованиями на Кавказе естественным образом ослабляли враждующие стороны, создавали условия для внешней агрессии, для ее успешности. Это было серьезной проблемой северокавказского социума, осознаваемой не только некоторыми современниками из горской среды, но и представителями имперской военной и гражданской администрации.

В постсоветский период значительная часть возродившихся национальных движений довольно быстро эволюционировала в направлении этноцентризма и начала процесс конструирования образа «исторического врага», выставляя в этом качестве соседние народы. Не вдаваясь в подробный анализ причин и последствий данного явления, отметим, что межнациональные противоречия и даже прямые конфликты, которыми наполнена постсоветская история Северного Кавказа, продолжают создавать серьезные проблемы для полноценного развития региона, для государственных институтов в национальных республиках. В частности, сегодня мы не в состоянии создать полноценные условия для национально-государственного развития в том числе потому, что отсутствует нормальная экономическая база. Все республики Северного

Кавказа остаются сугубо дотационными. У этого явления, конечно, не одна, а много причин. Но объективно следует сказать, что в современных условиях развитие экономики невозможно без инвестиций. Однако даже внутрироссийский инвестор, не говоря об иностранном, не будет серьезно и на перспективу вкладываться в регион, имеющий высокий конфликтогенный потенциал. При этом усилия самых различных структур по поднятию имиджа северокавказских республик, по тиражированию официальных материалов про традиционную дружбу народов на Кавказе нетрудно свести на нет, обнародовав только малую часть материалов из националистического дискурса, публикующихся в ходе различных дискуссий, которыми изобилуют различные социальные сети и форумы в Интернете. Вообще, можно констатировать, что проблема межэтнического диалога, гармонизации межнациональных отношений в должной мере не решается, не регулируется и не прогнозируется, подменяясь официальными лозунгами, красочными мероприятиями и бравурными отчетами. В регионе пока слабо просматриваются формы потенциального и реального сотрудничества на межреспубликанском уровне в самых различных сферах. А отсутствие совместных проектов, общих инициатив в решении проблем и задач, стоящих перед Северным Кавказом, заведомо ставят отдельные республики и этносообщества в проигрышную позицию. Современные вызовы, особенно в сфере экономики и культуры, требуют солидарных действий северокавказских этносов. А этого пока почти не наблюдается.

Обозначенные проблемы не позволяют решать не только вопросы социально-экономического, культурного и другого характера, но и непосредственным образом затрагивают даже судьбу северокавказских диаспор за рубежом и, в частности, такой важный вопрос, напрямую связанный с мухаджирством, как репатриация. Как известно, в ходе обсуждения этого вопроса ряд общественных организаций (прежде всего черкесских) стал озвучивать не только жесткие претензии к российскому руководству, но и публично представлять национальные проекты как антироссийского содержания, так и затрагивающие интересы других народов. Например, в одном из таких проектов предлагается объединить Адыгею, Карачаево-Черкесию и Кабардино-Балкарию в республику Черкесия, передать ей часть Краснодарского края, земли «между реками Тэн (Дон) и Псыж (Кубань)», на которых хотя в одно время и жили ногайцы, но «из этого не следует, что указанная территория перестала быть частью Черкесии» [3]. Причем такие действия зачастую провоцировались из-за рубежа. В результате российская сторона предсказуемо за-

няла, мягко говоря, настороженную позицию по вопросу репатриации представителей горских народов на историческую родину, а в потенциальных регионах размещения репатриантов начались межэтнические коллизии и споры по этому поводу (например, в Карачаево-Черкесии, где, казалось бы, и карачаевцы, и черкесы, и абазины, и ногайцы имели общий интерес по проблеме возвращения части соотечественников). В итоге эти планы оказались фактически сорванными.

По нашему мнению, давно назрела необходимость организации разноуровневого диалога по поводу вариантов межэтнического взаимодействия и реформ национально-государственного устройства таких своеобразных, двуединых республик, как Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Существующая форма их государственности не отвечает интересам всех вовлеченных в нее этносов. Продолжать же делать вид, что ничего особенного в этих республиках не происходит, чревато дальнейшим обострением в них межнациональной обстановки с далеко идущими последствиями.

Касаясь второго «протекторального» фактора, отметим, что по-прежнему, как и в XIX в., Северный Кавказ продолжает жить в ожидании «чуда», которое должен совершить кто-то извне. В регионе наблюдается чрезмерное, как нам кажется, увлечение представителей местной политической элиты и значительной части населения внешними (относительно Северного Кавказа) центрами влияния, без деятельной поддержки которых в регионе якобы невозможно сколько-нибудь успешное развитие, улучшение ситуации, проведение реформ и т. д. В XIX в. такие настроения на Северо-Западном Кавказе, пропаганда помощи от Османской империи, Великобритании, других европейских держав в борьбе против России зачастую только истощали силы горцев, приводили к переоценке своих сил и возможностей, вели к тяжелым поражениям и гибели мирного населения. В свою очередь последствия Крымской войны, когда даже поражение России не привело к значимым изменениям ее позиций в кавказском регионе, обусловили состояние фрустрации у определенной части горского населения, что также находило свой выход в массовом мухаджирстве.

В сегодняшних реалиях, естественно, главные устремления направлены на федеральный центр. То есть собственные силы, ресурсы, возможности в деле создания полноценной региональной экономики в расчет зачастую не принимаются. Основной акцент руководство республик продолжает делать на финансовые вливания со стороны Москвы, на их освоение, на увеличение и т. д. В итоге многие представители местного бизнеса жалуются на невнимание со стороны республиканских властей,

различные группы населения неудовлетворительно оценивают эффективность местной системы управления, государственной власти и т. д. В 2012 г. в среднем 45 % населения северокавказских республик плохо оценивали работу региональных органов власти [4]. В 2018 г. эти показатели только снизились: всего 29 % россиян доверяют региональным органам власти [5]. В целом социально-экономическая ситуация в республиках Северного Кавказа продолжает оставаться сложной, а значительная часть населения не видит особых перспектив для себя и своих детей в регионе. Наверное, настало время, с одной стороны, избавляться от комплекса неполноценности, а с другой – учиться объективно оценивать свой потенциал, возможные векторы развития на уровне региональных элит, общественных организаций и т. д.

В этой связи заметим, что последние годы характеризуются постоянным оттоком горского населения из республик Северного Кавказа. Причем если по поводу миграции русского населения из кавказских республик писали и говорили на самых разных площадках, то упомянутая проблема, похоже, мало кого интересует. Между тем только ногайцев в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, по результатам переписи населения 2010 г., насчитывалось 8802 человека [6] (при численности ногайцев в Карачаево-Черкесской Республике в 15 654 человек). Их северокавказских республик уезжает молодежь и прежде всего наиболее квалифицированные кадры, задействованные в самых различных сферах. При этом они рассредоточиваются не только в российских регионах и столичных центрах. Все больше людей уезжает в Европу, США, Турцию. То есть мы столкнулись с новым потоком миграции, который, конечно же, не может сравниться с массовым исходом второй половины XIX – начала XX в., но также представляет серьезную угрозу для будущего северокавказских республик.

Таким образом, самим северокавказским этносообществам необходимо начинать диалог и выработку решений имеющихся проблем, часть из которых не только тянется из прошлого, но и имеет негативный потенциал в настоящем. Без этого Северный Кавказ могут ждать новые потрясения. Как известно, сходные причины могут привести к аналогичным последствиям.

Примечания

1. От России требуют признать геноцид адыгов // РИА Новости. 2006. 25 ноября. URL: https://ria.ru/20061125/55986873.html (дата обращения: 28.05.2019).

2. Грузия признала геноцид черкесов в царской России // LENTA.RU. 2011. 20 мая. URL: https://lenta.ru/news/2011/05/20/cherkesy/ (дата обращения: 28.05.2019).

3. Кеш Р. Что такое «черкесский вопрос»? // NatPress. Информационно-аналитическое агентство. 2011. 11 февраля. URL: https://natpressru.info/index.php?newsid=748 (дата обращения: 29.05.2019).

4. Землянская Л.Ю. О расхождениях электоральных и повседневных оценок государственной власти (на примере республик Северного Кавказа) // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. М., 2012. Вып. 6. Т. 5. С. 144.

5. Институциональное доверие // Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. 2018. 4 октября. URL: http://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/ (дата обращения: 29.05.2019).

6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 29.05.2019).

И.Ю. Васильев

ОБЩИНЫ БЕЗ ПЕРВОБЫТНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Особое место в историографии занимают концепции общественного устройства, характерного для разных народов в течение длительного периода времени, включавшего сразу несколько исторических эпох. Подобные концепции активно развивались в том числе и в советский период, когда господствовала жесткая историософская схема, основанная на сменяющих друг друга формациях. Эти виды социального устройства в период господства формационного подхода обычно называли «переходными», «предшествовавшими» и т. п.

Так, А.И. Неусыхин описывает характерное для «варварской Европы» общество, основу которого составляли свободные общинники, имеющие определенные права и обязанности [1]. «Будучи общинным без первобытности и заключая в себе в то же время элементы соци-

ального неравенства, этот общественный строй еще не был классово-феодальным», – писал А.И. Неусыхин [2].

«В целом социальные институты Древней Руси являлись модификациями родового строя с характерными дофеодальными чертами. Общество, сложившееся на протяжении XI–XII вв., было построено главным образом на территориальных началах, утратило былую архаичность, но и не приобрело еще классового характера. В своих теоретических построениях И.Я. Фроянов использовал термин, восходящий к работам А.И. Неусыхина “общинность без первобытности”», – отмечает В.Н. Солдатов. При этом сам А.И. Неусыхин предпочитал термин «дофеодальный период», в большей степени указывающий на стадиальность явления [3].

Для Древней Руси были характерны быстрые политические, экономические и культурные изменения при сохранении социальной организации в виде общин без первобытности. Одна из причин устойчивости общинных отношений – способность меняться в зависимости от условий, изменять акцент на выполнение тех или иных функций [4].

Подобную социальную специфику исследователи подмечали и на Северном Кавказе. Ф.Х. Гутнов также обращает внимание на термин А.И. Неусыхина «дофеодальное общество», где непосредственные производители свободны и экономически самостоятельны при наличии социального неравенства и эксплуатации. Г.А. Меликишвили и А.И. Робакидзе отрицали существование феодализма угорских народов Кавказа, называя их уклад жизни дофеодальным. Например, власть уцмия Кайтага ограничивало народное собрание. Черкесские феодалы продолжали быть членами местных общин [5].

В условиях легкого и быстрого заимствования материальной культуры, периодических миграций местные идентичности и социальная структура оставались достаточно стабильными. Например, кавказские сельские общины без первобытности не становились аналогами хазарского или золотоордынского государственного устройства, элементы культуры этих держав успешно ассимилировались [6].

При этом высокий уровень развития земледелия и скотоводства, материальной культуры, стратификации общества на территориях, где распространены общины без первобытности, наблюдается и в обществах со сравнительно слабой ролью городских центров, гораздо большей значимостью семейно-родовых отношений. Например, протогородские поселения на землях пруссов, как и на Северном Кавказе, были в большей степени ориентированы на протяженные торговые пути, имели ограни-

ченное влияние на жизнь местных общин [7]. Если обитатели цитадели царя Серира исповедовали христианство, то большинство населения было язычниками [8].

Города Северного Кавказа были центрами власти государств, контролирующих те или иные территории региона. Существовали также крупные укрепленные поселения, население которых занималось сельским хозяйством. Причем некоторые, обладавшие, например, цитаделью, приближались к протогородскому уровню. Развитым древним городом был Дербент, обладавший развитой самоорганизацией купцов и ремесленников [9].

Для аварских вольных обществ был, по мнению советских этнологов, характерен «полупатриархальный/полуфеодальный быт» с высоким уровнем значимости родственной самоорганизации разного уровня, которая иногда «перекрывала» территориальную самоорганизацию [10]. Выдающейся ролью семьи в прошлом объясняются такие явления в быту современных адыгов, как большое число однофамильцев в аулах, кварталы, состоящие из родственных семей, преобладание одного из родов в ауле и другие пережитки старины [11]. При этом общины без первобытности Северной Евразии в целом имели существенные отличия от античных полисов, которые считаются наиболее развитыми вариациями на тему общин без первобытности. Например, они были не столь монолитны и централизованы [12].

Не были им чужды и элементы феодализма как «идеального типа» социального устройства. Общества, отчасти соответствующие определению феодализма как идеального типа, порой в советской историографии именовали полуфеодальными. Действительно, в некоторых северокавказских социумах имели место и элементы феодального общества, например наличие сравнительно многочисленных зависимых крестьян [13].

Сходные с описанными выше протогосударственные образования были характерны и для других регионов мира, например Западной Африки. Но здесь большую роль уже на начальном этапе играл институт монархической власти. Поэтому такие общества были скорее вождествами, чем общинами без первобытности [14]. Взаимодействие этих общин сопровождалось и сильной военной активностью, и мощными культурными контактами. Однако долгое время это не приводило к исчезновению специфики отдельных общин и их групп.

Для общин без первобытности Северной Евразии были характерны острые конфликты между аристократами (интересы которых отстаивал

не государственный аппарат, а они сами, лично или объединившись в группы) и простолюдинами, нередко выливающиеся в настоящие революции. В этом плане социальная жизнь горцев Северного Кавказа имеет много сходств с таковой Древней Греции и Древней Руси. Однако, в отличие от Руси и Греции, на Северном Кавказе преобладали сельские «общины без первобытности» [15].

Разумеется, имели место не только отношения внутрисоциального фронтира. На примере казаков и горцев на Северном Кавказе можно говорить о фронтирных отношениях носителей уклада сельских общин без первобытности, хозяйство которых было основано на земледелии и скотоводстве [16].

Казачество являлось трансформированным наследником древнерусской общины без первобытности, где городская составляющая оказалась ассимилированной государством, а общинное самоуправление было вытеснено на местный, сельский и промысловый уровень. Казачьи общины без первобытности были гораздо более вписаны в государственные имперские структуры, чем горские [17].

Эпоха Кавказской войны стала временем адаптации системы ценностей казаков, переселившихся на берега Кубани, к новым условиям и ее окончательного оформления. Большую роль в этом процессе сыграли как условия военного времени, так и непосредственные контакты с коренным населением Северного Кавказа – горцами. Последние в большей степени повлияли на складывание такого знакового элемента казачьей культуры, как форменная одежда. На Кавказе издавна существовало наездничество, институт, характерный практически для всех народов Кавказа. Он заключался в организации военных походов против соседних племен с целью захвата добычи, в основном скота и рабов. Подобный образ жизни был характерен не только для аристократических племен адыгов (кабардинцев, темиргоевцев, бесленеевцев), но и для демократических племен (шапсугов, абадзехов, натухайцев).

В свое время северокавказский фронтир во многом поддерживался антагонизмом и одновременно взаимодействием казачьих и горских сельских общин без первобытности на основе воинской мужской субкультуры. Причем казачьи общины без первобытности функционировали в рамках российской имперской государственности [18].

В условиях многочисленных автономных, но свободно контактирующих (как мирно, так и в ходе конфликтов) друг с другом общин без первобытности, многочисленных, в том числе полиэтничных мужских

союзов стремительно распространялись мода и ремесленные технологии, особенно престижные предметы: оружие, украшения и т. п. [19].

Рассматривать специфику обществ Северной Евразии сквозь призму теории общин без первобытности весьма продуктивно в контексте выявления специфики региона как целого, существующего на протяжении длительного исторического периода, при сохранении возможности уделять должное внимание местной специфике. Также могут оказаться плодотворными сравнения различных аспектов истории и культуры общин без первобытности различных регионов Северной Евразии (Циркумбалтийского, Северного Кавказа и др.) разных исторических периодов. Особенно перспективным представляется сравнение сходства и различия влияния специфики местных общин без первобытности на развитие государственности, эволюцию социальных и этнических идентичностей разного уровня.

Примечания

1. Земляков М.В. А.И. Неусыхин и его концепция переходного периода: восприятие и интерпретации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: «История; история Русской Православной Церкви». 2014. Вып. 1. С. 113–136; Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

2. Неусыхин А.Ю. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 76.

3. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 267; Солдатов В.Н. Историческая концепция И.Я. Фроянова – проблема определения и характеристики структурных элементов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23. Сер. «История». Вып. 47. С. 82; Неусыхин А.Ю. Указ. соч. С. 86.

4. Лисюченко И.В. Критерии и особенности государственности в Древней Руси // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 17–18; Сопин В.С. Эволюция российской крестьянской общины как неформального экономического института // Проблемы современной экономики. 2009. № 4. С. 414–418.

5. Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Владикавказ, 2014. Ч. 3. С. 7, 53–54, 91, 435.

6. Фоменко В.А. Роль Белореченской археологической культуры в этногенезе населения центрального Кавказа // CyberLeninka – научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-belorechenskoy-

arheologicheskoy-kultury-v-etnogeneze-naseleniya-tsentralnogo-kavkaza (дата обращения:17.06.2019).

7. Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 159–172; Кулаков В.И. Пруссы эпохи викингов: жизнь и быт общины Каупа. М., 2016.

8. Гутнов Ф.Х. Указ. соч. С. 92.

9. Там же. С. 174–186.

10. Никольская З.А. Пережитки патриархально-родового строя у аварцев в конце XIX – начале XX в. // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М., 1951. С. 224–233.

11. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар, 1989.

12. Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданские общины Древнего мира // Сайт История Древнего Рима. URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1290950920 (дата обращения: 26.05.2019); Лисюченко И.В. Указ. соч. С. 14–19.

13. Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик, 2014. С. 8; Гутнов Ф.Х. Указ. соч. С. 29, 400–410.

14. Кочакова Н.Б. Ранее государство: особенности структуры // Рождение африканской цивилизации: Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986. URL: http://rikonti-khalsivar.narod.ru/Kochakova10.htm (дата обращения: 26.05.2019).

15. Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусской государственности. СПб.; М., 2014. С. 287–292; Берент М. Государственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 235–258; Карасёв И.В. Славянские вольности. Гибридные демократии между Востоком и Западом // Сайт Ивана Карасева. URL: http://rbardalzo.narod.ru/news/slavjanskie_volnosti_gibridnye_demokratii_mezhdu_vostokom_i_zapadom/2016-10-22-130 (дата обращения: 15.10.2016).

16. Романова А.П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтирных территориях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3. С. 266–271; Довбыш Е.Г. Электронный фронтир как метафора // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 1. С. 100–115; Якушенков С.Н. Фронтир как культурная парадигма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 288–298.

17. Васильев И.Ю. Воздействие Кавказской войны на формирование ценностных установок казачества // Кавказская война: символы, образы стереотипы (к 150-летию со дня окончания). Сборник научных статей. Краснодар, 2015.

18. Васильев И.Ю. Северокавказский фронтир между общинами без первобытности // Славянский мир на Северо-Западном Кавказе. Сборник статей Десятых научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры. Майкоп, 2017. С. 24–33.

19. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989. С. 16–40.

И.В. Зозуля, М.Е. Колесникова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ (вторая половина XIX – первая четверть XX в.)[1]

Историческая библиография представляет собой репрезентативный и универсальный исторический источник, без которого невозможно комплексное изучение истории и культуры региона. Накопление научных знаний о прошлом народов Кавказа в отечественной исторической науке – это длительный процесс, начавшийся в XVIII в. и продолжающийся в XXI в. Каждое новое поколение исследователей открывает новые грани истории региона, вводит в научный оборот исторические источники. Многочисленные и разнообразные научные труды (публикация источников, статьи, монографии, рецензии, тезисы докладов, материалы конференций, диссертации и т. д.) по истории Кавказа, созданные за последние два столетия, являются источниковой базой по истории изучения региона. Представить комплексно процесс накопления научных знаний о Кавказе позволяют библиографические указатели, в которых год за годом фиксировалось нарастание книг и статей по кавказоведению.

О роли библиографии и возможностях источниковедческого изучения библиографических пособий писали Н.В. Здобнов, М.В. Сокурова, М.В. Машкова, Г.В. Михеева, О.С. Острой, Б.А. Семеновкер, А.И. Слуцкий, В.Ф. Патракова, Л.М. Есипенко, Л.В. Астахова, Д.Н. Бакун, Т.В. Бернгардт и др. В их работах, посвященных разным периодам развития исторического знания, рассмотрена функциональная роль исторической библиографии в сохранении исследовательской традиции историописания.

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и АНА в рамках научного проекта № 19-59-40001.

Библиографические указатели являются своеобразным отражением характера запроса общества на те или иные существующие публикации, которые содержатся в справочном пособии. Каждая работа, внесенная в библиографический указатель, фиксирует не только адресные сведения, но и информацию об издателе, типографии, тираже, что позволяет рассмотреть степень распространения той или иной литературы, ее читаемость и потребность в ней, определить исследовательский интерес на том или ином этапе развития исторического знания. В структуре указателя, характере вспомогательных ключей к нему, системе записей, стиле аннотаций четко прослеживается авторская позиция составителя-библиографа, его понимание исторической реальности.

Библиографические издания представляют собой особый вид источников для изучения различных вопросов, связанных с организацией научной деятельности, с проблемой научных кадров, тенденцией развития научных идей, межличностных взаимодействий ученых, с рассмотрением историографических сюжетов. Такое свойство библиографических указателей позволяет рассматривать их в качестве источников, несущих первичную науковедческую информацию, дающих представление о корпусе исследователей, занимавшихся разработкой проблем истории науки, об уровне вовлеченности в этот процесс представителей различных направлений дисциплинарного знания, а также о характере околонаучного сообщества (в лице издателей, краеведов-любителей, собирателей древностей и т. д.). Своеобразие этого источника на уровне типологизации (общая, специальная, отраслевая, региональная библиография, биобиблиография) отражает степень участия той или иной категории отдельных исследователей в научном процессе.

Первые опыты составления исторической библиографии относятся к XIX в., когда было начато текущее библиографирование исторических публикаций в отечественной печати. Это обзоры изданий и сочинений по истории, выполненные С.М. Соловьевым, К.Д. Кавелиным, А.Н. Афанасьевым, Т.Н. Грановским. Обзоры научной периодики печатались на страницах «Современника», «Журнала Министерства народного просвещения» и др. В 1825–1826 гг. выходили «Библиографические листы» П.И. Кеппена, в которых содержались не только полные заглавия новых книг, издаваемых на разных языках в России, но и предлагалось краткое изложение их содержания. На их страницах нашли отражение и материалы по Кавказу.

В 1870 г. вышел «Краткий статистический и библиографический обзор литературы русского отечествоведения за 1859–1868 гг.», подготов-

ленный библиографом В.И. Межовым. В нем были представлены итоги библиографических поисков и описаний историко-краеведческой, историко-географической, историко-статистической и этнографической литературы. В 1886 г. в Санкт-Петербурге при его же участии была издана книга «Вклад правительства, ученых и других обществ на пользу русского просвещения: Библиографический указатель книг, изданных казенными учреждениями и частными учеными, благотворительными и литературными, сельскохозяйственными, промышленными и другими обществами». В этих указателях встречаются отдельные исследования по истории Кавказа, которые попадали в Императорскую Публичную библиотеку, где работал В.И. Межов. Он одним из первых обратил внимание на необходимость учета и регистрации книжных провинциальных коллекций, подчеркивая их малодоступность и информативность. И, как отмечает Д.Н. Бакун, в одиночку сделал для исторической библиографии «едва ли не больше, чем все коллективные предприятия XX в.», имея в виду ретроспективный, а не текущий учет библиографической информации [1].

Публикации о Кавказе, в том числе и о Северо-Западном, нашли отражение в библиографиях, посвященных общим вопросам истории, этнографии и географии России Л.С. Багрова, П.И. Бартенева, И.Е. Забелина, С.Р. Минцлова, М.П. Полуденского, В.П. Семенникова, В.С. Сопикова, А.Д. Черткова, П.И. Кеппена, П.П. и В.П. Ламбиных, В.С. Иконникова и др.

Во второй половине XIX в. появились и библиографические указатели по истории Кавказа, что было связано с возросшим интересом к региону и необходимостью систематизации сведений о нем. Среди них особо следует отметить список источников, помещенный в третьем томе «История войны и владычества русских на Кавказе» (СПб., 1871) Н.Ф. Дубровина, «Библиографический указатель книг и статей, относящихся до Кавказского и Закавказского края» (Тифлис, 1866) К.А. Компанского, систематический каталог М.М. Миансарова «Bibiographia Caucasica et Transcaucasica. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих» (СПб., 1874–1876), «Перечень некоторых книг, статей и заметок о Кавказе» (Тифлис, 1913), составленный Д.Д. Пагиревым. Работы по истории Кавказа были включены в библиографические издания А.П. Берже, Л. Броссе, Н.И. Воронова, Г.М. Туманова, Л. Загурского, А. Грена, К.Н. Бегичева, Е.Г. Вейденбаума, А. Кауфмана, А.С. Хаханова и др. Созданные ими библиографические указатели и сегодня сохраняют свое научно-справочное значение.

Библиографической деятельностью в конце XIX – начале XX в. занимались библиотеки. Они издавали каталоги, которые были дополнением к выходившим библиографическим указателям. В рубрикаторах каталогов появились «местные отделы», в которых систематизировалась информация о краеведческой литературе, в том числе и о редких изданиях, по какой-либо причине не вошедших в общие указатели. Дополнением к библиографии Кавказа служат каталоги книжных магазинов и издательств, относящиеся к так называемой книготорговой библиографии [2].

Библиографической деятельностью в дореволюционный период занимались губернские (областные) статистические комитеты (Кавказский, Ставропольский, Кубанский, Терский, Дагестанский) и возникающие в регионе во второй половине XIX в. научные общества. Так, членами Общества любителей изучения Кубанской области и Кубанского областного статкомитета Е.Д. Фелицыным и В.С. Шамраем был подготовлен «Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии» (1899–1914) [3]. Указатель литературы по Терской области подготовил А. Грен [4], по Черноморскому побережью – Н.И. Воробьев [5], по Дагестанской области – секретарь Дагестанского областного статкомитета Е.И. Козубский [6]. Значительное место в библиографической деятельности северокавказских статистических комитетов, как справедливо отмечает А.И. Слуцкий, занимала подготовка универсальных ретроспективных указателей [7].

Распространенным видом библиографических изданий также являлись указатели периодической печати и биобиблиографические словари (Е.Г. Вейденбаума, Г.М. Туманова и др.), на страницах которых нашли место биографические справки об исследователях региона [8]. Значительным дополнением к библиографическим указателям служат критико-библиографические обзоры литературы по истории и культуре народов Кавказа. Систематизированная в них литература дает определенное представление и об истории накопления и расширения научных знаний о Кавказе.

Составление библиографий – совершенно особый жанр научного исследования. Авторы-составители во многом предопределяют последующие исследования в определенной области, а также задают условия для трансляции имеющегося исторического знания. Науковедческое и методологическое значение библиографий еще не в полной мере осознано современным научным сообществом, несмотря на то, что роль исто-

рии науки в структуре и содержании научного знания стремительно возрастает. До сих пор многие библиографические указатели и справочники продолжают оставаться недоступными для большинства профессиональных исследователей из регионов страны и зарубежья, поскольку являются раритетами, хранятся в фондах отделов редких книг центральных и провинциальных научных библиотек. Важнейшим направлением представляется работа по созданию в Интернете библиографических баз данных.

Актуальной представляется и задача по созданию обобщающих библиографических указателей по истории, источниковедению и историографии отдельных регионов Кавказа. Огромный корпус публикаций, созданных с XVIII в., библиографическое наследие кавказоведов требует дальнейшей систематизации и изучения. Создание библиографических указателей будет способствовать дальнейшему развитию региональных исследований. Стоит и задача воссоздания истории библиографии Кавказа, эта тема до сих пор остается неизученной [9]. Ее разработкой должны заниматься профессиональные историки, что в свою очередь позволит увидеть особенности и специфику развития кавказоведения.

Примечания

1. Бакун Д.Н. Развитие библиографии исторических источников в России (XVIII – начало XX вв.). М., 2006. С. 468.

2. Бегичев К.Н. Каталоги книжного магазина К.Н. Бегичева по кавказоведению. Тифлис, 1891–1902. Вып. 1–40.

3. Фелицын Е.Д., Шамрай В.С. Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 1–120; 1900. Т. 6. С. 121–218; 1901. Т. 7. С. 219–280; 1902. Т. 8. С. 281–338; 1903. Т. 9. С. 339–375, 377–402; 1904. Т. 10. С. 403–489; 1908. Т. 14. С. 490–553; 1910. Т. 15. С. 554–586; 1914. Т. 19. С. 587–640; 1916. Т. 21. С. 641–663.

4. Грен А. Библиографический список карт, картин, сочинений и статей, относящихся к Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1891. Вып. 2. Кн. 2. Отд. 2. С. 1–28.

5. Воробьев Н.И. Указатель сочинений о Черноморском побережье Кавказа (Анапа – турецкая граница). Петроград, 1915. Вып. I.

6. Козубский Е.И. Материалы для истории управления Дагестанской областью // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902–1904. Вып. 1–2.

7. Слуцкий А.И. К истории библиографии Северного Кавказа // Донской временник. Год 2009-й. Ростов н/Д., 2008. Вып. 18. С. 178.

8. Вейденбаум Е.Г. Материалы для историко-географического словаря Кавказа. Тифлис, 1894. Вып. 1; Туманов Г.М., Туманов К.М. Словарь кавказских деятелей. Тифлис, 1890 (Приложение к справочной книге «Кавказ»).
9. Слуцкий А.И. Указ. соч. С. 176.

О.В. Матвеев

ИЗ КАВКАЗОВЕДЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Ф.С. ПАНКРАТОВА

В ряду военных кавказоведов, посвятивших себя изучению полиэтничного региона, важное место в дореволюционный период и в первые годы советской власти принадлежало Ф.С. Панкратову (1872–1938) – казачьему офицеру, этнографу-фольклористу, литератору, исследователю древностей народов Северо-Восточного Кавказа. В обзорах современной историографии встречаются указания на вклад Ф.С. Панкратова в изучение традиционной культуры гребенцов [1] и в археологию Осетии, Ингушетии и Чечни [2], однако его имя и научное наследие остаются малоизвестными и требуют комплексного осмысления.

Согласно послужному списку, Ф.С. Панкратов происходил «из Штаб-офицерских детей Терского казачьего войска», старообрядческого вероисповедания [3]. Его отец, Панкратов Степан Федорович, старообрядец, 1811 г.р., был сыном войскового старшины ст. Калиновской, служил в Моздокском полку, участвовал в Кавказской войне, в 1847 г. был переведен в Гребенской полк с проживанием в ст. Червленой [4]. В этой неофициальной «столице» гребенского казачества в семье заседателя полкового правления Гребенского полка и появился на свет 12 сентября 1872 г. поздний ребенок, которого нарекли Федором. Общее образование он получил в Ставропольской гимназии, однако, как сообщалось в «Списке по старшинству…» за 1916 г., «курса не окончил» [5]. 27 мая 1891 г. юноша поступил на службу казаком в 1-й Кизляро-Гребенской полк Терского казачьего войска «на правах по образованию 2-го разряда». В сентябре этого года поступил в Ставропольское казачье юнкерское училище «для прохождения курса наук». По-видимому, в результате усиленных занятий у него ухудшилось зрение: в послужном списке приводится выписка из приказа по училищу о разрешении, согласно свидетельству врача Ставропольского военного госпиталя, носить очки.

В августе 1893 г. Ф.С. Панкратов окончил училище по 2-му разряду и в чине подхорунжего был откомандирован в свой полк. 14 мая 1896 г. он был произведен в хорунжии, 1 июля 1900 г. – в сотники, служил делопроизводителем полкового суда, с 1901 г. – адъютантом Управления Кизлярского отдела, 6 мая 1905 г. произведен в подъесаулы, в июне 1907 г. стал выполнять обязанности старшего адъютанта Управления Сунженского отдела Терской области [6]. 18 сентября 1914 г. его произвели в есаулы. За успешную службу был награжден орденами Св. Станислава 2-й и 3-й ст., Св. Анны 3-й ст., Бухарской Восходящей звезды, медалями: серебряной Красного Креста и светло-бронзовой в память 300-летия Дома Романовых. Служба адъютантом при атамане Сунженского отдела, по-видимому, позволяла Ф.С. Панкратову выкраивать досуг для проведения обширной собирательской работы и проведения археологических раскопок, изучать быт и культуру казачества, помещать свои произведения в «Терских ведомостях», в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК) и «Записках Терского общества любителей казачьей старины». Поскольку Федор Степанович занимал официальное положение в административной структуре Терского войска, ему не всегда было удобно печататься под своим именем. Поэтому свои работы он часто подписывал псевдонимом *Гребенец*.

В мае 1915 г. есаул Панкратов был назначен обер-офицером для поручений при интенданте 1-й Кавказской казачьей дивизии и отбыл на фронт [7]. Под командованием своего соратника по Обществу любителей изучения казачьей старины генерала Н.Н. Баратова прошел боевой путь от Турецкой Армении до Персии. В годы Гражданской войны Ф.С. Панкратов оказался в Вооруженных силах Юга России, выполнял обязанности интенданта 1-й Кавказской дивизии, получил чин полковника [8]. Пережив революционные потрясения, он остался в советской России, в середине 1920-х гг. вел активную краеведческую работу [9]. Однако накал политических страстей в стране, подозрительное отношение к бывшим белым офицерам, объявление краеведения лженаукой, по-видимому, все-таки вынудили Ф.С. Панкратова покинуть родину. Он обосновался в Иране, в памятной по фронтовым будням провинции Семнан, где и скончался 10 декабря 1938 г.

Песенная культура гребенских казаков сопровождала исследователя с детства. Федор Степанович впоследствии вспоминал: «Еще на школьной скамье, в гимназии, видя, как с каждым годом все более и более, благодаря проникновению цивилизации, забываются свои родные песни, я задался мыслью воскресить забываемую народную литературу первых

колонизаторов Кавказа. Шесть лет работал я над сбором песен по Гребенским станицам, ходил на “беседы”, и, наконец, труды мои увенчались успехом, хотя и неполным. Еще тысячи песен сохраняются в устах Гребенцов, которые я в будущем постараюсь передать. Пребывание в полку и близкое нахождение как от своей станицы, а также вообще от Гребенских станиц, помогли мне» [10].

В итоге он составил ценный сборник исторических, бытовых, обрядовых, лирических песен, на публикацию которого запросил санкцию начальства. В Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания сохранилось интересное дело «О составлении подхорунжим 1-го Кизляро-Гребенского полка Панкратовым сборника песен гребенских казаков и о посвящении его почетному казаку станицы Кахановской генерал-лейтенанту Каханову». Обычно при подготовке подобных собраний имела место прежде забота о военно-патриотическом воспитании личного состава, поэтому внимание всегда уделялось текстам, прославлявшим прежде всего царских военачальников. В данном случае офицеры штаба оказались на высоте. Младший помощник атамана Терского войска полковник С.И. Писарев, уроженец ст. Наурской [11], в декабре 1894 г. дал весьма обстоятельную оценку сборника: «С целию чистоты издания сборника полагал бы корректуру поручить лицу привычному к этому делу и опытному, для чего рекомендую секретаря статистического комитета, если он за это возьмется, и для цельности следовало бы песни, помещенные в начале II Отдела на странице 94 “Полным сердцем торжествуя” (сочинение генерала Сафонова) и на с. 95 “С Богом, терцы” (сочинение полковника Кулебякина), перенести в конец этого отдела как произведения не народного сложения, а лишь усвоенные в последнее время. Помещенное в конце сборника послание Слоткина к делу, т. е. к гребенским песням, не относится и показывает незнакомство подхорунжего Панкратова с распространенными в сунженских станицах списками стихов Слоткина» [12]. Все пожелания были собирателем приняты. В 1895 г. сборник казачьих песен Ф.С. Панкратова был издан и явился первой систематической публикацией, отражающей песенную культуру гребенских станиц [13]. Постоянно пополняющийся архив песенных текстов собиратель публиковал и в дальнейшем на страницах «Записок Терского общества любителей казачьей старины».

Специальное исследование Ф.С. Панкратов посвятил традиционной свадебной обрядности гребенских казаков, которое было опубликовано в 40-м выпуске СМОМПК [14]. Он описал основные этапы и обряды казачьей свадьбы: рукобитие, «лепешки» (день, когда в дом невесты

приходят родные жениха для договора), венчание, стол, привел тексты специальных песен, дал глубокую характеристику персонажам, участвующим в ритуалах. Сегодня, когда традиционная культура старожильческого русского населения Чечни переживает глубокий кризис, полевые материалы Ф.С. Панкратова крайне востребованы для реконструкции духовного наследия гребенцов.

В 1915 г. в 44-м выпуске СМОМПК была опубликована статья Ф.С. Панкратова «Новогладковская станица в ее прошлом и настоящем». Автор представил исторические сведения о станице, охарактеризовал ее географическое положение, подробно описал жилище и хозяйственные постройки новогладковцев. Описывая семейный быт станичников, Федор Степанович отметил культурное взаимодействие с миром горцев: «Казачка приобрела легкий стан кавказского горца, а сама заимствовала от казака рост, мускульную силу и резвый характер русской женщины. Таким образом, в каждом новогладковском казаке течет кровь чеченца, кабардинца или ногайца и многих других народностей Кавказа, которые так или иначе соприкасались с ними, входили в семью гребенцов и становились затем ее членами. Отсюда естественно, что весь семейно-бытовой уклад новогладковцев, рядом со многими особенностями русского человека, воспринял много из окружавшей его среды – кабардинской и чеченской» [15]. Хорошо показано положение казачки в соционормативной культуре гребенцов, подробно описаны элементы женского традиционного костюма, трудовая повседневность. Специальный раздел Ф.С. Панкратов посвятил конфессиональным особенностям и стереотипам станичников. По наблюдениям офицера, основное население станицы старообрядческого вероисповедания находило общий язык с казанскими татарами-мусульманами, однако питало сильную неприязнь к «хохлам» – малороссийским переселенцам из Харьковской губернии [16]. Среди старообрядцев он отметил приверженцев белокриницкой метрополии, а также 10–12 семей так называемых «неокружников», которые имели свой молитвенный дом. Обстоятельно описал Ф.С. Панкратов традиционные занятия казаков: земледелие, скотоводство, луговодство, садоводство и виноградарство, рыбный промысел.

В работах Панкратова встречается немало интересных наблюдений об особенностях традиционной культуры других народов Северо-Восточного Кавказа. Так, о жителях осетинского Далакауса он сообщал, что «женщины этого селения, за исключением легких домашних работ, совсем не работают, чего нельзя сказать про плоскостные осетинские селения, где женщина на своих плечах несет всю тяжесть работы. Далакаус-

ские женщины называют себя “горными княгинями” и работу для себя считают чем-то позорным, а мужчины, хотя и называют себя таубиями (горными князьями) и, гордясь этим почетным званием, повторяют, что они никогда не знали крепостного права, но в этом приходится усомниться: живя на земле помещиков Цаликовых, они находились как бы в зависимости от них» [17].

О верованиях ингушей с. Плиевского Ф.С. Панкратов писал, что они «с благоговением» относятся к кургану Борга-Каш, где по местным преданиям был захоронен один из потомков ханов Золотой Орды. «В период бездождия, в страдную летнюю пору все местное население селения Плиевского собирается к этому памятнику и во главе с муллами возносят горячие молитвы к Престолу Всевышнего, испрашивая дождя. По словам ингушей, ни одно паломничество их не пропало даром и в таких случаях всегда обильный и многодневный дождь служил утешением опечаленному населению, которое с грустью начинало смотреть на свои пропадавшие кукурузные поля» [18].

Еще в феврале 1900 г. Ф.С. Панкратов выступил со статьей в «Терских ведомостях» о необходимости профессионального изучения курганов и валов укреплений в окрестностях станицы Щедринской, которые он считал остатками первых казачьих городков на Тереке [19]. В ноябре 1909 г. во Владикавказе было учреждено Общество любителей изучения казачьей старины, одним из направлений деятельности которого была объявлена «регистрация исторических памятников Терской области и войска (монументы, крепости, развалины, регалии и т. п.» [20]. Активным членом общества стал старший адъютант Управления Сунженского отдела подъесаул Ф.С. Панкратов [21]. Ему удалось получить открытый лист Императорского археологического комитета, и он начал производить археологическую разведку и раскопки в Северной Осетии и Ингушетии, одновременно всячески содействуя охране памятников.

Ф.С. Панкратов открыл богатые аланские погребения у ст. Фельдмаршальской [22], исследовал городище Верхний Джулат, могильник в ст. Змейской [23]. В полном объеме, с чертежами и фотографиями результаты его исследований были опубликованы в 44-м выпуске СМОМПК [24]. Правда, итоги работы Ф.С. Панкратова в этом направлении современный археолог Р.Х. Мамаев оценивает скептически, указывая на поверхностные выводы, ошибочное приписывание калмыкам Алхан-Калинского городища, Улус-Керта и курганов Чеченской равнины, атрибутирование находок в Ассинском ущелье как римских и др. [25]. Однако даже ошибки и недоработки Ф.С. Панкратова способство-

вали накоплению фактического материала о древностях Притеречья и Сунжи, а также в дальнейшем – замечательным открытиям выдающихся археологов-кавказоведов Е.И. Крупнова, В.А. Кузнецова, того же Р.Х. Мамаева. Часть материалов раскопок Ф.С. Панкратова оказалась в советское время в Чеченском краеведческом музее.

Панкратов-историк интересен своими догадками о средневековом христианском городе Татар-Туп, сделанными на основе изучения выписок из архива Султана-Казы-Гирея и чиновника Т. Макарова, занимавшегося разбором архива кумыкских князей Касеевых, Гамзаевых и Аджиевых. Он пытался привязать ранние сунженские городки XVII в. к имеющимся археологическим памятникам, выявлял и публиковал архивные свидетельства о Кавказской войне [26], откликался на юбилейные исторические даты [27]. В советское время в местной периодической печати появились его статьи, где выражалась надежда на то, что создание комиссии по краеведению при исполкоме Чеченской автономной области в 1925 г., а также открытие в Грозном краеведческого музея позволит возобновить активное изучение региона [28]. Известен Ф.С. Панкратов и как самобытный казачий писатель, художественные рассказы и очерки которого посвящались терской старине, основывались на легендах, преданиях, старинных песнях гребенских казаков [29].

Таким образом, кавказоведческое наследие Ф.С. Панкратова обширно и многогранно. Его разыскания носили во многом любительский характер, однако им двигала искренняя увлеченность родной стариной, прошлым и настоящим земляков и соседей, стремление понять и сохранить духовное наследие всех народов региона. Научная деятельность казачьего офицера во многом способствовала расширению археологических, источниковедческих, фольклорно-этнографических исследований на Тереке, усилению внимания к исторически сложившемуся здесь уникальному этнокультурному пространству.

Примечания

1. Белецкая Е.М. История собирания казачьего фольклора на Тереке: итоги и перспективы // Терский сборник. Вып. 1. М., 2016. С. 151–154.

2. Савенко С.Н. Терские казаки и сохранение северокавказских древностей (вопросы истории) // Терский сборник. Вып. 1. М., 2016. С. 118; Мамаев Р.Х. Археологические исследования Ф.С. Панкратова (Гребенца) в Чечне // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М., 2014. С. 363–365.

3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 52227. Л. 1 об.

4. Петров А.В. Из истории Гребенского казачьего полка. Самара, 2015. С. 250.

5. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11155. Л. 2 об.

6. Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 51349. Л. 2 об.

7. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 11. Оп. 53. Д. 1285. Л. 7.

8. Волков С.В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013. С. 603.

9. Мамаев Р.Х. К истории археологического изучения Чечни в 20–30-х годах XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 2. С. 120.

10. Гребенцы в песнях: Сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен Гребенских казаков с кратким очерком Гребенского войска и примечаниями / Собрал подхорунжий 1-го Кизляро-Гребенского полка Ф.С. Панкратов. Владикавказ, 1895. С. V.

11. Киреев Ф.С. Административно-командный корпус Терского казачьего войска 1860–1920 гг.: биографический справочник. Владикавказ, 2017. С. 156.

12. ЦГА РСО-А. Ф. 54. Оп. 1. Д. 822. Л. 3 об.

13. Белецкая Е.М. Указ. соч. С. 153.

14. Гребенец Ф.С. Из быта гребенских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отд. 2. С. 9–47.

15. Он же. Новогладковская станица в ее прошлом и настоящем (краткий историко-географический и статистический очерк) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1915. Вып. 44. Отд. 1. С. 96–97.

16. Там же. С. 103.

17. Гребенец Ф.С. Могильники в Куртатинском ущелье // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1915. Вып. 44. Отд. 3. С. 84.

18. Он же. Борга-Каш (могила Борга-Хана) // Терские ведомости. 1913. № 234. С. 3.

19. Он же. Памятники гребенской старины // Терские ведомости. 1900. № 14. С. 2.

20. Караулов М.А. Общество любителей казачьей старины // Терские ведомости. 1909. № 132. С. 2.

21. ЦГА РСО-А. Ф. 203. Оп. 1. Д. 20. Л. 109.

22. Гребенец Ф.С. Древнейшие могильники в Ассинском ущелье (Отчет о раскопках, произведенных 25-го августа 1913 года в окрестностях стани-

цы Фельдмаршальской, Сунженского отдела) // Терские ведомости. 1914. № 54. С. 3; № 55. С. 3; № 56. С. 3.

23. Он же. На развалинах городища Тагар-Туп (Археологические экскурсии в окрестностях станицы Змейской) // Терские ведомости. 1914. № 137. С. 3–4; № 138. С. 2–3; № 139. С. 3–4; № 142. С. 3–4; № 143. С. 3–4; Он же. По Алхан-Чуртовской и Сунженской долинам (отчет о раскопках, произведенных 8 сентября 1913 года) // Терские ведомости. 1914. № 58. С. 2; № 59. С. 2; № 60. С. 2.

24. Он же. Курганы в окрестностях станицы Змейской // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1915. Вып. 44. Отд. 3. С. 1–30.

25. Мамаев Р.Х. Археологические исследования Ф.С. Панкратова (Гребенца) в Чечне... С. 363–364.

26. Из рук князя Воронцова [Архив областного правления, связка 8, дело 30-27; устные предания] // Терские ведомости. 1910. № 129. С. 3.

27. Гребенец Ф.С. К 24 мая 1905 года: (Из кавказской войны) // Терские ведомости. 1906. № 77; Он же. К полувековому покорению Кавказа // Терские ведомости. 1914. № 106.

28. Мамаев Р.Х. К истории археологического изучения Чечни в 20–30-х годах XX века... С. 120.

29. Гребенец Ф.С. Забытый бугор // Голос казачества. 1913. № 7; Он же. На выручку брата // Записки Терского общества любителей казачьей старины. 1914. № 2; Он же. Гребенские досуги // Терские ведомости. 1910. № 126, 127, 128.

Л.П. Ермоленко, С.Ш. Салакая

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АБХАЗИИ В 20-е гг. XX в.[1]

Изучение интеллектуального наследия исследователей Абхазии XX в. составляет органичную часть истории кавказоведения. Выявление основных каналов накопления знаний об Абхазии, осмысление многообразного опыта исторического познания региона необходимы для дальнейшего развития исторической науки в целом. Важную роль в развитии исторических исследований, провинциальной историографии, в сохранении духовного наследия, особенно на переходных этапах, сыгра-

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и АНА в рамках научного проекта № 19-59-40001.

ли региональные организации и общества научно-культурной направленности, общественные деятели, краеведы, которые в разные годы организовали научно-исследовательскую работу в Абхазии. Достижения национальной науки во многом зависят от степени развития научно-организационной инфраструктуры не только в столице, но и в регионах.

События первой четверти XX в., изменение политической ситуации, социальные взрывы обострили ситуацию в сфере научных изысканий. В связи с этим активизировалась деятельность научной общественности. Центральные и местные научные общества приобрели значение главных хранителей культурных традиций, природных и историко-культурных памятников. Все это предопределило роль провинциальных научных обществ как организационных научных центров, занимающихся научным поиском ответов на сложнейшие вопросы жизни и являющиеся своеобразными очагами организации изучения родного края. Именно такие цели преследовало Абхазское научное общество (АбНО), основанное в августе 1922 г. на основе Сухумского общества сельского хозяйства. АбНО было создано как научное и краеведческое общество, которое занялось собиранием и всесторонним изучением Абхазии, теоретической разработкой научных вопросов по всем отраслям знания и распространением научных знаний среди населения. Окончательно оформляется оно в мае 1923 г., когда утверждается руководящий орган – Совет общества, приступивший к изысканию средств, необходимых для существования и проведения научных изысканий на территории Абхазии. В этом же году Совнаркомом Абхазии была выделена субсидия в размере 180 червонцев (1 800 руб.), передано имущество «б. О-ва С-Хозяйства (участок земли ок. 360 кв. саж. со складочными и торговыми помещениями) с предоставлением ему права эксплуатации этого имущества» [1]. Это означало фактическое завершение процедуры создания Общества и начало его самостоятельной научно-исследовательской работы.

Общество в период с 1922 по 1931 гг. состояло из четырех секций, возглавляемых правлениями секций: медицинской, сельскохозяйственной, технической и географо-этнографической. Во главе Общества стоял Ученый совет, в состав которого входили ученые, специалисты-практики в разных областях знаний, руководители республики, между которыми и распределялась основная работа. Председателем общества был выбран Г.П. Барач, тов. председателя – В.М. Козлов, секретарем – В.П. Малеев, членами совета в разные годы являлись Н.А. Лакоба, Н.Н. Акиртава, С.Я. Чанба, Л.Л. Захаровский и С.П. Басария, кандидатами – Д.И. Гулия, Е.А. Кублицкий и Л.В. Карташев. Активными членами в деятельности

Общества были представители интеллигенции, учителя, врачи, агрономы, инженеры, техники и др. Общество имело свои местные отделения в Самурзаканском, Кодорском, Гудаутском и Гагрском уездах. Всего в обществе в разные годы числилось от 120 до 193 человек [2]. Материальная база общества состояла главным образом из правительственных субсидий, средства которых в основном использовались для научно-исследовательских изысканий.

Исследовательская деятельность Общества развивалась по нескольким взаимосвязанным направлениям: установление связей с научными и краеведческими учреждениями других республик; научно-организационные мероприятия по проведению экспедиций, съездов и конференций; изучение естественных производительных сил региона; изучение природных богатств Абхазии; собирание и запись памятников устного народного творчества; исторические, археологические, этнографические исследования; просветительская, консультативная, издательская и музейная деятельность; сохранение духовного и культурного наследия. Формами работы в Обществе были регулярные заседания и обсуждения докладов, экскурсии и экспедиции, охрана, научное описание и классификация памятников абхазской старины.

Научные исследования членов Общества имели широкую естественнонаучную, географическую, историческую, этнографическую и культурную направленность, а также установку на изучение конкретных исторических фактов, документов, явлений современной жизни. Внимание было обращено на систематическое ботаническое, зоологическое, геологическое изучение Абхазии, ее населения, природы и естественных богатств; на проблемы медицины и курортного дела; на изучение и эксплуатацию горных и лесных богатств, использование водной энергии; на разыскивание, научное описание, классификацию памятников абхазской старины; на развитие краеведения и обучение учителей в Абхазии. В определенной мере тематика исследований формировалась под влиянием молодого государства и центральных научных обществ, прежде всего Российской академии наук, а также посредством расширенных международных контактов. В целом АбНО поддерживало научные связи с 175 научными учреждениями Советского Союза, 12 германскими и 67 отдельными учеными [3].

Неотъемлемой частью была культурно-просветительская деятельность, музейная работа и издательская деятельность Общества [4]. Вся деятельность членов Абхазского научного общества не только была безвозмездной, но и явилась результатом активной краеведческой работы

Общества [5]. Основные результаты своей деятельности члены общества публиковали на страницах «Бюллетеней» [6] и «Известий Абхазского научного общества» [7]. Члены общества издавали свои труды и отдельными книгами. Эти издания представляют собой универсальный комплекс исторических источников по становлению научного абхазоведения, истории, географии, библиографии Абхазии в частности и Кавказа в целом.

В 1925 г. Обществу удалось организовать под руководством А.С. Башкирова археологическую экспедицию на выданные Совнаркомом ССР Абхазии деньги. Были обследованы памятники Сухума и его окрестностей, Пицундского мыса, Гудаутского и Ново-Афонского районов. Исследования были направлены на составление археологической карты для дальнейшей разработки плана систематического обследования памятников истории материальной культуры Абхазии [8]. В 1926 г., получив от Главнауки РСФСР бесплатно некоторые приборы (микроскоп, микротом, весы и пр.), Обществу удалось организовать небольшую лабораторию, в которой «велись работы главным образом по ботанике и зоологии» [9]. В 1922–1931 гг. Абхазское научное общество вело неустанную работу по изучению метеорологии, геологии, флоры и фауны Абхазии, ее природных богатств; собиранию памятников старины, истории, этнографии, археологии и т. д.

В августе 1931 г. с целью объединения ученых и научных обществ Президиум ЦИКа Абхазии принял решение о слиянии Абхазского научного общества с Научно-исследовательским институтом абхазского языка и литературы. Новая организационная научная структура получила название Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АбНИИК), который в дальнейшем стал единым научно-исследовательским центром Абхазии.

Свой вклад в изучение и познание истории Абхазии внесли общественные деятели и публицисты, так как изучение этого региона стало насущной необходимостью, а профессиональных кадров в Абхазии не было. Среди них С.П. Басария [10], Д.И. Гулиа [11], С.М. Ашхацава [12], К.Д. Кудрявцев [13] и др.

Одной из первых научных работ по истории Абхазии XIX в. был труд К.Д. Кудрявцева, который использовался в школах, на лекциях и просветительских мероприятиях как пособие по истории Абхазии. Однако после серьезной критики содержания, касающейся идеологического несоответствия марксизму, работа была надолго забыта и превратилась в библиографическую редкость [14].

Составлением научного обзора по географии Абхазии в 1920-е гг. занялся абхазский общественный деятель, первый председатель Абхазского народного совета С.П. Басария. Автор дал характеристику этногеографическому состоянию Абхазии, привел статистические данные переписи населения до 1914 г. и национального состава Абхазии, рассмотрел проблемы, касающиеся абхазского языка, религии и культуры абхазов, земельного и национального вопросов, а также народного образования и истории Абхазии. В начале 1930-х гг. Симоном Басария был написан новый учебник – «География Абхазии», в котором уже не было никаких разделов, посвященных этнографии [15].

Работы Д.И. Гулиа и С.М. Ашхацава также были посвящены истории Абхазии. В них авторы указывали на самостоятельность истории Абхазии, аборигенность и автохтонность ее народа. С.П. Басария, Д.И. Гулиа и С.М. Ашхацава были подвергнуты обвинению в национализме, а их работы были раскритикованы. Впоследствии, в годы массовых политических репрессий, С.П. Басария и С.М. Ашхацава были арестованы и уничтожены. От имени Д.И. Гулиа была написана брошюра «О моей книге “История Абхазии”», в которой он отказывался от большинства положений, изложенных в книге [16]. Несмотря на отсутствие специального профессионального образования и связанные с этим недостатки исследований, С. Басария, С. Ашхацава, Д. Гулиа, К. Кудрявцев смогли заложить основу новой истории Абхазии XIX – начала XX в. Они оставили научное наследие, которое никогда не потеряет своего значения для истории Абхазии.

Анализ истории Абхазского научного общества позволяет говорить о консолидации местных знатоков древностей, учителей, национальной интеллигенции и т. д., получивших возможность участвовать в естественнонаучной, исторической, просветительской, этнографической работе и издавать труды. Деятельность членов Абхазского научного общества заложила основы научного краеведения в Абхазии. Основными результатами их работы стало формирование источниковой базы, тематики историко-краеведческих исследований, накопление опыта публикаций собранных материалов, архивных документов и исторических сочинений на страницах периодических научных изданий.

Примечания

1. Деятельность Абхазского научного общества за 1923–1924 гг. // Краеведение на Кавказе: Общекавказский научно-информационный журнал. Владикавказ, 1924. № 1. С. 93–96.

2. Обзор деятельности Абхазского научного общества за время с 15 мая 1923 г. по 15 февраля 1924 г. Сухум, 1924. С. 2; Обзор деятельности Абхазского научного общества с 15 февраля 1924 г. по 1 января 1925 г. // Известия Абхазского научного общества. Сухум, 1925. № 1. С. 202; Отчет о деятельности Абхазского научного общества за 1925 г. (с 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г.) // Известия Абхазского научного общества. Сухум, 1926. № 3. С. 97.

3. Отчет о деятельности Абхазского научного общества за 1925 г. С. 102.

4. Обзор деятельности Абхазского научного общества с 15 февраля 1924 г. по 1 января 1925 г. С. 204; Деятельность Абхазского научного общества за 1923–1924 гг. С. 94.

5. Куправа А.Э. Труды в десяти томах. Т. 1: АбИГИ им. Д.И. Гулиа АН Абхазии. Сухум, 2013. С. 467–468.

6. Бюллетень Абхазского научного общества. Сухум, 1925. № 8–10.

7. Известия Абхазского научного общества. Сухум, 1925. № 1; Там же. Сухум, 1926. № 2; № 3; № 4.

8. Бюллетень Абхазского научного общества. Сухум, 1925. № 9–10. С. 49–52.

9. Отчет о деятельности Абхазского научного общества за 1925 г. С. 102.

10. Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.

11. Гулиа Д.И. История Абхазии. Тифлис, 1925. Т. 1.

12. Ашхацава С.М. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1925.

13. Кудрявцев К.Д. Материалы по истории Абхазии. Сухум, 1926.

14. Салакая С.Ш. Изучение истории Абхазии XIX – нач. XX века в 20–30-х гг. XX в. // Абхазоведение: Археология. История. Этнология. Сухум, 2013. Вып. VIII–XIX. С. 120–121.

15. Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 1925. С. 36.

16. Салакая С.Ш. Указ. соч. С. 123.

М.А. Тангиев

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИЗУЧЕНИЯ ПОДЗЕМНЫХ СКЛЕПОВ ЧЕЧНИ XIII–XVII вв.

С 1957 по 1970 г. Северокавказская археологическая экспедиция (далее – СКАЭ) проводила разведки и раскопки в основном на территории Чечни и Ингушетии. Отдельный Аргунский отряд СКАЭ под руковод-

ством кавказоведа В.И. Марковина исследовал и открыл большое количество разнообразных погребальных и замковых памятников позднесредневекового периода в горной Чечне.

Из дореволюционных авторов, уделивших внимание интересующим нас памятникам, следует отметить В. Долбежева – преподавателя Владикавказского реального училища. В 80-е гг. XIX в. он исследовал подземные склепы с многочисленными черепами со следами трепанации и рубленых ударов, а также некоторые предметы быта горцев, обнаруженные им случайно у селения Верхний Кий (Голанчожский район Чеченской Республики (далее – ЧР)) [1]. Академик В.Ф. Миллер, также занимавшийся проблемами кавказоведения, в 1886 г. обследовал и сделал зарисовки подземных склепов близ аула Мохде и других мест [2]. Известный этнограф и исследователь австриец Б. Плечке во время экспедиции в Чечню в 1928 г. посетил известный некрополь («город мертвых») Васеркел в Майстинском ущелье. Материалы экспедиций исследователь опубликовал на немецком языке с фотоиллюстрациями [3]. Интересные наблюдения были сделаны А.Ю. Бальшиным в 1923 г. Его материалы обнаружены в архивах Кунсткамеры Дж. Месхидзе и опубликованы им [4].

Начиная с 1956 и по 1960 г. в Чечне было исследовано большое количество археологических памятников, в том числе и подземных склепов позднесредневекового периода [5]. Так, например, археологические разведки, проведенные отрядом В.И. Марковина в 1960 г. близ селения Кохт (Верхний Кокадой) (Итум-Калинского района ЧР), выявили 20 подземных склепов. Все они в очень плохом состоянии, своды у всех склепов обрушились. Отрядом исследован один склеп. У входа в склеп были обнаружены фрагменты трех деревянных мисок, изготовленных на токарном станке, и два оселка из темного сланца с отверстиями на конце, бусы, подвески. В том же году в названом районе, в местности Пхакоч, отрядом был исследован еще один склеп, целиком впущенный в склон небольшого возвышения. Он был сложен из песчаника и сланца на растворе глины с известью. Указанные склепы датированы IX–XIV вв. [6]. В том же Аргунском ущелье в окрестностях хутора Дёре В.И. Марковин открыл и частично исследовал могильник из подземных склепов [7], а также могильник у селения Щулкаг [8], могильник близ селения Верхнее Хьера (в окрестностях селения Итум-Кале). В 1960 г. на окраине селения А.А. Исламовым открыт могильник из подземных склепов, который датирован предварительно XIII–XIV вв. [9].

В 1939 г. А.В. Мачинским был зафиксирован могильник из подземных и полуподземных склепов у селения Доза (верховья р. Чанты-

Аргун). Могильник не исследовался. В 1964 г. В.И. Марковиным открыт подземный склеп с захоронениями близ селения Чармах (Галанчожский район ЧР). Инвентарь отсутствует [10].

На южной окраине селения Орзни-кале (общество горного Акки) на округлой поверхности узкого мыса, образованного рекой Акки-хи и ее левым притоком, В.И. Марковиным открыт могильник из подземных склепов (около десяти). По архитектуре склепы совершенно идентичны склепам Кокадоя и Моча, ориентированы с севера на юг. Могильник не исследовался [11].

Значительный вклад в изучение подземных склепов внес известный археолог Чечни С.Ц. Умаров. Так, в 1968–1969 гг. им исследовались подземные склепы XII–XIII вв. Цеча-Ахка. Могильник у селения Моч был открыт близ селения Галан-чож в 1968 г. отрядом С.Ц. Умарова. При расчистке одного из склепа были найдены лишь фрагменты красноглиняной керамики с волнистым и линейным узором. На могильнике имеется семь склепов, которые, по мнению С.Ц. Умарова, по форме и планировке напоминают вышеописанные Кокадойские склепы [12].

В 1968 г., в 200 метрах к северо-западу от селения Хаге (общество Акки), отрядом С.Ц. Умарова исследован подземный склеп. В нем было захоронено 10–12 человек. Датирован склеп XIV–XVII вв. В 1969 г. отрядом Умарова осмотрен могильник из подземных склепов около селения Герите (общество Мержой). Ориентированы они с севера на юг (вход с юга). Один из склепов во время дорожных работ (дорога из Алкуна в Ялхарой) был наполовину срезан. В обнажениях этого среза отмечены фрагменты красноглиняной посуды. Архитектурно эти склепы отличались лишь тем, что они сложены из огромных валунов и плит известняка без малейшей обработки. По форме и планировке они идентичны склепам Хаге, Моча, Орзни-кале и др. Фрагменты сосудов указывают на время (позднее Средневековье), которым следует датировать описанный склеп. К северу от селения Хайбахой (общество Нашаха) (в 400–500 м), близ дороги, ведущей в соседнее селение Моцарой, отрядом С.Ц. Умарова в 1968 г. осмотрен подземный склеп, полностью засыпанный землей и ориентированный с севера на юг. Могильник не исследовался. В этом же году отрядом Умарова осмотрены два подземных склепа к северо-западу от селения Моцарой (общество Нашаха), неподалеку от кладбища. Ни у одного из них не сохранилось ни фасадной стены, ни лаза. Один из них ориентирован с запада на восток, угол восточного края обвалился. Он имеет форму (в плане) прямоугольника (3,15 × 1,70 м). Высота камеры 1,25 м. Потолок продольно-сводчатый. В северной стене имеет две оди-

наковые ниши (0,19 × 0,17 × 0,15 м). На полу – масса перемешанных с землей человеческих костей, среди которых отмечены обрывки холщовой ткани. Склеп датирован эпохой позднего Средневековья [13].

В 1969 г. к северу от развалин жилых казенных сооружений у селения Мужген-юхе обнаружен могильник из подземных склепов. Склепы имели продольно-сводчатые перекрытия, которые у всех склепов обрушились. Количество склепов семь [14].

В 1970-е гг. археологическим отрядом Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии под руководством Р.А. Даутовой были исследованы подземные склепы в Аргунском ущелье Итум-Калинского района Чечни, в том числе и у селения Ушкалой. Здесь отрядом исследован один склеп. Он находится на юго-восточной окраине селения, на левом берегу р. Зумсой-ахк, в 1,5 км выше ее впадения в р. Чанты-Аргун и занимает небольшой холм с крутыми склонами. Здесь же была найдена серебряная монета Мухамед-Булак, чеканенная в 1369–1370 гг., с отверстием для подвешивания. Таким образом, Ушкалойский могильник № 2 датирован поздним Средневековьем. В то же время исследован могильник в центральной части селения Бугарой, которое находится в 2,5 км восточнее селения Ушкалой, на левом берегу р. Зумсой-эхк. Он занимает склоны холма, и был обнаружен случайно при прокладке дороги. При этом оказались поврежденными несколько погребений, два из которых (наиболее сохранившиеся) были исследованы отрядом в 1979 г. Р.А. Даутовой исследован и могильник Чааре (Медвежья поляна). Здесь еще в 1975–1976 гг. были расчищены два склепа. А в 1979 г. исследовано еще три. Некрополь расположен у впадения в р. Чанты-Аргун притока Басты-хи и занимает верхнюю пологую речную террасу правого берега. Материал разнообразен: керамика, бронза, железо и дерево [15].

В 1976 г. тем же отрядом на территории известного некрополя Цой-Педе были обнаружены подземные склепы, расположенные на гребне утеса, между надземными усыпальницами, на склоне, который обращен в сторону р. Меши-Хи. По провалам перекрытий удалось зафиксировать не менее десяти склепов, три из которых были обследованы [16].

Из наблюдений известно, что склепы (как подземные, так и надземные), как правило, строились на хорошо освещаемом солнцем месте (обычно на солнечной стороне мыса, склона горы, берега реки и т. д.). Вероятно, при выборе места и ориентации определенную роль играл культ солнца. На это указывает и название склепов – «маьлх-кешнаш»,

что означает «солнечные могилы». По форме и архитектуре все подземные склепы однотипны и представляют собой подземные камеры прямоугольной формы, выложенные из камня, чаще на глинистом, иногда и на известковом растворе.

Осенью 2016 г. автор настоящей статьи побывал в Майстинском ущелье Чечни. Цель похода – осмотр склепового некрополя, установление его состояния и мониторинг. Здесь нами осмотрены все виды склепов, в том числе и подземные, которые находятся в удовлетворительном состоянии [17].

Перечисленные подземные склепы исследователями датированы: XII–XIII вв. (Цеча-Ахк, Чааре); XIII–XV вв. (Кокадой, Ушкалой, Дере, Чармах, Верхнее Хьера, Шулгак). Остальные, следовательно, можно отнести к последнему этапу позднего Средневековья – XV–XVIII вв. (Цой-Педе, Майста, Ердати, Акки).

Примечания

1. Dolbeschef W. Archaologische Forschungen im Bezirk des Terek (Nordkan Kasus) // Zeitschrift fun Ethnologie. Berlin, 1884. P. 134–163; Zeitschrift fun Ethnologie. Berlin, 1887. P. 101–118.
2. Миллер В.Ф. Археологические экскурсии. Материалы по археологии Кавказа. Вып. 1. М., 1888. С. 1–42. Рис. 44–46.
3. Plfetschke B. Die Tshcetschenen. Hamburg, 1929. Fig. 14.
4. Бальшин А.Ю. Разведка в Нагорной Чечне 1923 года // Кунсткамера Этнографические тетради. Вып. 12. СПб., 1998. С. 178–197. Чертеж III.
5. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966. С. 243; Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Новые данные о средневековых подземных склепах Чечено-Ингушетии // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 128–129; 33–59; 49–53. Рис. 11; 43–49. Рис. 8–11.
6. Исламов А.А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Т. III. Вып. I. Грозный, 1963. С. 243–252, 248. Рис. 3, XV; Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII–XVII вв.: дис. … канд. ист. наук. М., 1970. С. 133–134, 139, 203, 209–212, 225; Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969. С. 13–17, 79.
7. Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Указ. соч. С. 33–59, 128–129. Рис. 8–11.
8. Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 13–17, 79.
9. Умаров С.Ц. Указ. соч. С. 133–134, 139, 203, 209–212, 225.
10. Там же.

11. Марковин В.И. Указ. соч. С. 140.
12. Умаров С.Ц. Указ. соч.
13. Там же.
14. Умаров С.Ц. Археологические исследования в высокогорных районах Чечни в 1968 году // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. Грозный, 1976. С. 141, 213.
15. Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Указ. соч.
16. Там же.
17. Тангиев М.А., Шаптукаева Э.С. История изучения археологических памятников Майстинского ущелья и немного об их состоянии // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сб. ст. VI Междунар. конф. Назрань, 2018. С. 385–389.

П. Адамчевский

ПОЛЬСКИЕ ИСТОЧНИКИ О КАВКАЗЕ

В Польше кавказоведческие исследования никогда не развивались в больших масштабах. Это не значит, что поляки не проявляли интерес к этому региону. Они являются авторами интересных источников, касающихся Кавказа, часто неизвестных широкой аудитории даже в самой Польше.

Важными польскими источниками о Кавказе являются архивные материалы. Некоторые из самых ранних датируются XVII в. Однако не все они сохранились до наших дней. В качестве примера можно привести рукопись, находившуюся перед Второй мировой войной в библиотеке Красинских (рукопись № 2983). Из двадцати ее частей восьмая была посвящена Черкесии, а десятая – Дагестану. Однако сегодня трудно что-либо написать об этой работе и ее авторе, так как большая часть этой библиотеки была сожжена немцами после подавления Варшавского восстания в 1944 г.

Из самых старых архивных материалов, дошедших до наших дней, можно упомянуть документы о католических миссиях в Персию, в том числе и в восточную часть Закавказья. Они отражают период начиная с Владислава IV Вазы (1595–1648) и заканчивая Августом II Сильным (1670–1733), когда польские короли выступали опекунами католиков

в Персии (Иране). Сохранились документы, помимо прочего касающиеся Шемахи. Польский король Ян III Собеский (1629–1696) в акте об основании католической миссии в этом городе возложил на нее обязательства по размещению послов из Кракова (через Шемаху проходил маршрут польских дипломатических миссий в Персию). Одним из наиболее известных глав шемахинской миссии был иезуит Франциск Игнаций Запольский. Орден иезуитов в 1689 г. выслал его с миссией в Китай, куда он отправился по суше через Россию. В результате разногласий с российскими властями иезуит свернул с маршрута и поселился в Персии [1], где в течение двух лет на него были возложены обязанности посла Речи Посполитой при персидском дворе [2]. Польское духовенство также действовало на землях современной Армении, что привело к созданию миссионерского дома в Ереване в 1699 г. [3]. Священники Армянской апостольской церкви из Закавказья, прежде всего католикос всех армян, резиденция которого располагается в Эчмиадзине, также проявляли свою активность в контактах с Речью Посполитой. Например, сохранились письма первой половины XVII в. католикоса Моисея III и Филиппа I львовским армянам и королю Владиславу IV Вазе [4].

Из сохранившихся документов известно, что в XVII в. на Кавказе пребывали посольства Речи Посполитой [5]. Кроме них появлялись купеческие миссии, которые часто выполняли функции неформальных представительств [6]. Обычно во главе их стояли иностранцы, служившие польским королям, которые отправлялись в дипломатические миссии к шахам Персии. Сохранившиеся материалы лучше всего описывают экспедиции армянина Сефера Муратовича, саксонца Теофила Шемберга и грузина Богдана Гурдзецкого.

Первыми известными по имени и фамилии поляками, которые побывали на Кавказе и оставили после себя объемные материалы о регионе, были иезуиты Михал Вечорковский и Тадеуш Крусиньский [7]. Их поездка на Восток была связана именно с деятельностью католических миссий в Персии, которые находились под защитой правителей Речи Посполитой.

Вечорковский является автором двух работ – “Breve comppendium fidei catholicae turcio textu” и польско-тюркского “Katechizm”, опубликованных в Польше в 1721 г., в период между первым и вторым путешествием монаха в Персию. Материалы Крусиньского более известны. Он является автором таких произведений, как “Relatio de mutationibus Regni Persorum” (эта работа была переведена на английский, немецкий, французский, турецкий и голландский языки), опубликован-

ного в Риме в 1727 г., “Chronicon peregrinantis seu Historia ultimi belli Persarum cum Aghvanis”, изданного в Лейпциге в 1731 г., “Prodromus ad Historiam revolutionis persicae”, напечатанного во Львове в 1733 г., и “Pragmatographia de legitymo usu ambrozyi tureckiei, to jest: Sposobu należytego zażywania kawy tureckiej, przez X. Tadeusza Krusińskiego S.J. Missyonarza Perskiego”, изданного в Варшаве в 1769 г. Крусиньский получил международное признание как исследователь Персии. В своих работах он поместил сделанное поляком описание народов (первое среди сохранившихся до наших дней), населяющих Восточный Кавказ (прежде всего территорию Дагестана и Ширвана), а также сведения о грузинах. Часть о Дагестане поверхностна. Более подробную информацию Крусиньский привел в части о Грузии, в которой он описал ее христианизацию, историю грузинской церкви, некоторые верования, практики гадания, обряды воспитания детей и многое другое из сферы культуры [8].

Описывая источники, относящиеся к истории Кавказа, авторами которых являются поляки, стоит упомянуть Яна Потоцкого. В 1797–1798 гг. он был в экспедиции на Кавказе, во время которой вел дневник под названием “Voyage dans les steps d’Astrakhan et du Caucase”. Его фрагменты были впервые опубликованы в Париже в 1827 г. Хотя в Польше возникло много мифов об экспедиции Потоцкого, собранный им материал является интересным источником для современных этнологов и историков, занимающихся изучением этого региона. Например, автор уделил большое внимание верованиям ингушей, которые во время его пребывания на Кавказе еще не приняли ислам [9]. В настоящее время в Архиве древних актов в Варшаве хранятся оригинальные выдержки из дневника.

Интерес к Кавказу на польских землях особенно возрос в середине XIX в. Некоторые современные ученые считают, что тогда темы, связанные с Кавказом, в том числе с Эльбрусом и кавказскими реками, появлялись в польской поэзии (речь о работах, опубликованных на землях бывшей Речи Посполитой, отошедших к России после раздела) чаще, чем, например, тема Гевонта и Дуная [10]. Феномен использования кавказских мотивов в тот период был связан с тем, что за участие в ноябрьском восстании 1830–1831 гг. и за деятельность в различных польских национальных организациях царская администрация в 1840-х гг. в качестве наказания отправила служить на Кавказ группу людей, которые с большим или меньшим успехом занимались литературной деятельностью. В польской литературе ее иногда называют «кавказской группой

поэтов», хотя следует помнить, что у них не было отдельной литературной программы и, по сути, единственным, что их связывало, было место пребывания и использование кавказских тем.

Анализируя содержание стихов поэтов, находившихся на Кавказе, можно увидеть, что мотив, касающийся истории региона или местного населения, присутствует в очень небольшой части произведений. Эльжбета Лиевска, исследователь, занимающаяся поэзией одного из самых известных из них, Владислава Стшельницкого (1820–1846), который за участие в организации «Содружество польского народа» был отправлен в служить в Кавказский корпус, пришла к выводу, что польские ссыльные на Кавказе писали свои произведения в основном под впечатлением от «Кавказских повестей» А.А. Бестужева-Марлинского [11]. Кавказ соответствовал характеру романтической поэзии: суровость высоких гор вызывала интеллектуальную рефлексию, а величие пейзажа – мысли о человеческой доле. Кроме того, нетронутая природа представляла собой мощь в сравнении с хрупкостью и ничтожеством человеческой жизни. По этой же причине природа региона была одним из доминирующих мотивов произведений польских поэтов из так называемой кавказской группы.

Помимо поэзии о Кавказе, были опубликованы воспоминания поляков о прохождении военной службы в регионе. В настоящее время эти работы являются одними из наиболее ценных польскоязычных источников изучения истории Кавказа и этнических отношений в регионе в XIX в. Автором первых известных мемуаров среди ссыльных – “Podróże do Georgii w czasie mojej niewoli w Rosji odbyte w roku 1813, 1814 i 1815” – является Станислав Новацкий, служивший в армии Варшавского герцогства. Они были опубликованы в Познани в 1933 г. После поражения Наполеона Новацкий попал в русский плен и был сослан на Северный Кавказ (он находился, среди прочего, в Александровской крепости и Моздоке). В Грузии, однако, он никогда не был, а название его работы является следствием отсутствия географической ориентации [12].

Следует иметь в виду, что произведения, изданные в Российской империи, подвергались строгой цензуре. Следовательно, можно предположить, что в них не могли появиться сведения, показывающие Россию в негативном свете. Всё было иначе с изданием воспоминаний на территориях, попавших под австрийское и прусское влияние, где авторы не имели уже таких ограничений. По этой причине одно из наиболее ценных произведений о Кавказе, написанное польским ссыльным, было опубликовано во Львове, находящимся в то время в Австро-Венгрии. Речь

идет о работе “Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli”, которая по своему характеру является антироссийской. Ее автор, Матеуш Гралевский, был арестован и сослан в 1845 г. на Кавказ в Ширванский полк за участие в деятельности организации «Содружество польского народа». Он получал информацию о регионе из личных наблюдений, а также от людей, которых он встретил во время своей военной службы. Из содержания *“Kaukazu…”* следует, что он имел доступ к государственным материалам (включая военные документы), что, скорее всего, связано с его возможной работой в канцелярии. Из текста воспоминаний можно сделать вывод, что автор лично посетил районы Северной Чечни, Дагестана, современного Азербайджана, Грузии, Осетии и Кабардино-Балкарии. Однако сомнительно, что он побывал на Западном Кавказе, на побережье Черного моря. Фрагмент работы, касающийся этой области, не несет характеристик непосредственных наблюдений Гралевского, которые имеются в частях о Восточном Кавказе. Этот отрывок представляет собой этнографическое описание, а его значительная часть касается положения поляков, служивших на Кавказе в царской армии; последняя глава целиком посвящена этому вопросу.

Второй ценный источник – это работа “Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila. Od 1844 do 1854” Кароля Калиновского, изданная в Варшаве в 1883 г. Вероятно, ее автор является единственным европейцем, который, будучи свободным человеком, служил в войсках имама Шамиля, а затем описал это в своих мемуарах. Калиновский в качестве наказания был отправлен в царскую армию, дислоцированную на Кавказе, куда он прибыл в 1845 г. Местом его пребывания была крепость Внезапная, расположенная на границе Чечни и Дагестана. Через несколько месяцев после прибытия поляк был похищен местными жителями и продан в рабство независимым горцам. Сначала он попал к чеченцам, затем к андийцам, а потом снова к чеченцам. Находясь в Ведено, где в то время располагалась резиденция имама Шамиля, он принял ислам, приобрел много друзей и несчастливо влюбился в местную девушку, ради которой решил остаться в Чечне и отказаться от своих мечтаний вернуться на родину. Судьба, однако, сложилась иначе. По традиции и обычаям горцев любимая Калиновского была предназначена для другого, а тот, в свою очередь, привел ее к смерти. После двухлетнего пребывания среди независимых горцев в качестве раба Калиновский был освобожден Шамилем и мог жить с ними как свободный человек. Однако после потери любимой у него не было причин оставаться среди чеченцев, поэтому он решил бежать в русскую армию.

В этом он видел единственную возможность возвращения в Польшу, по которой постоянно скучал. В рядах царской армии на Кавказе Кароль Калиновский прослужил еще несколько лет. В 1858 г. он вернулся на родину на основании коронационного манифеста царя Александра II. Этот документ, изданный в 1856 г., в частности освобождал от службы польских политических ссыльных, которые в качестве наказания находились в рядах русской армии на Кавказе. Вернувшись домой, Калиновский работал в железнодорожной конторе. Он умер в Варшаве в 1882 г.

Дневник Калиновского является ценным источником в кавказоведческих исследованиях, поскольку содержит богатый этнографический материал. Автор, помимо описания своего собственного опыта и чувств, включил много информации о социальных отношениях, культуре и обычаях местного населения. Побывав в Чечне и Дагестане, он смог в своей работе изнутри показать многие важные и интересные подробности общественной организации и быта местного населения, которое в конце 1840-х гг. было вне контроля российской администрации. Дневник Калиновского представляет большой интерес и в связи с тем, что во время плена у него была возможность встретиться со многими влиятельными личностями, включая имама Шамиля. Некоторые фрагменты мемуаров Калиновского свидетельствуют о том, что он больше ценил жизнь среди независимых чеченцев, чем среди царских солдат. Однако, несмотря на свою симпатию к чеченцам, Калиновский верно служил в русской армии. Он активно участвовал в походах против независимых горцев, за что его повысили до офицера, он получил должность батальонного адъютанта и был удостоен Креста Святого Георгия [13], которым награждали за боевые заслуги.

Еще один польский источник о Кавказе – это частные письма ссыльных, отправленные писателями друзьям и родственникам. Однако их сохранилось не так много. Некоторые из них были опубликованы. Примером могут служить письма 1842–1843 гг. анонимного автора, изданные в одном из варшавских журналов. Он путешествовал в восточной части Кавказа с неопределенной целью, что описал в своей переписке, добавив интересную информацию о культуре (например, вспашка, выпечка хлеба) и об экономическом положении (например, цены на рабочую силу и различные товары, денежная система) [14].

Большое количество материалов о Кавказе хранится в архивах библиотеки князей Чарторыйских в Кракове. Прежде всего они связаны с личностью Ежи Адама Чарторыйского. Небольшая часть архивных ма-

териалов касается периода, когда он занимал должность министра иностранных дел Российской империи, то есть 1804–1806 гг. В частности, это переписка с Павлом Цицианов ым, тогдашним главнокомандующим русской армией на Кавказе. Подавляющее большинство материалов, связанных с этим регионом, относится к периоду эмиграции Чарторыйского после поражения ноябрьского восстания. В 1833 г. он поселился в Париже и возглавил консервативную партию «Отель Ламберт». Князь поддерживал антироссийскую политику европейских государств, а также революционные движения, направленные против России, видя в этом возможность восстановления независимой Польши. Для этих целей он создал свою дипломатию. Важное место в ее структурах занимало главное восточное бюро, созданное в 1841 г., со штаб-квартирой в Стамбуле. Ее деятельность касалась и Кавказа. Например, сохранились письма главы бюро Михаила Чайковского имаму Шамилю, а также письма Чайковского и Чарторыйского Сефер-бею Зану, документы, касающиеся экспедиций эмиссаров Чарторыйского на Кавказ, и планы активистов «Отеля Ламберт» относительно использования ситуации на Кавказе для воссоздания Польши.

В польских архивах находится очень мало документов, связанных с размещением в Царстве Польском в середине XIX в. кавказского конно-горного дивизиона. Одним из немногих документов являются акты “Napad przez żołnierzy dywizjonu kaukaskiego konno-górskiego w gub. warszawskiej”, хранящиеся в Архиве древних актов в Варшаве. Кстати, можно добавить, что мусульманское кавказское кладбище, основанное в 1830 г. и использовавшееся до 1867 г., сохранилось в Варшаве.

Интересные материалы хранятся в Центральном военном архиве в Варшаве. Например, мемуары Измаил-бека (Юзефа) Петруцин-Петрушевского, относящиеся к 1917–1919 гг. и описывающие события, связанные с революциями и Гражданской войной в России. Их автор – единственный известный поляк, который служил в вооруженных силах Горской Республики и боролся за ее независимость. Кроме того, в архивах хранятся документы межвоенного периода, связанные со службой кавказцев в польской армии, а также материалы польской разведки о Кавказе.

Польские источники о Кавказе также хранятся за границей. Например, в Лондоне находятся три польских архива – Студия польского подполья, архив Института Юзефа Пилсудского и архив Польского института и Музея имени генерала Сикорского. В этих учреждениях сохранились документы, касающиеся выходцев с Кавказа, которые во

время Второй мировой войны служили в польских вооруженных силах на Западе, а также связанные с участием польских эмиграционных политиков в прометеевском движении после 1945 г.

Сегодня польские источники о Кавказе кажутся скудными. Научных работ, посвященных этому региону, по-видимому, мало, и в основном они касаются деятельности поляков на Кавказе. Из популярных книг в настоящее время издаются репортажи и путеводители. В 1990-х гг. они главным образом касались борьбы Чечни за независимость, а в настоящее время – Грузии, которая проводит самую открытую из стран Кавказа политику для туристов и активно посещается поляками. На этом фоне выделяется работа "Nie bój się, nie ufaj, nie proś..." Зофии Фишер-Малановской и Магомеда Р. Магомедова. Это воспоминания о похищении в Дагестане в 1999 г. троих ученых-экологов: двух гражданок Польши Зофии Фишер-Малановской, Евы Мархвинской-Вырвал и Магомеда Магомедова. Обе похищенные польки были освобождены в середине ноября 2000 г., когда их оставил чеченский полевой командир Рамзан Ахмадов, спасаясь от наступления российских войск [15].

Примечания

1. Miazek-Męczyńska M. Indipetae Polonae – kołatanie do drzwi misji chińskiej. Poznań, 2015. S. 80.

2. Woźniak A. O kaukaskich drogach Polaków // Etnografia Polska. 1987. T. XXXI. № 1. S. 234.

3. Koseski A. Polacy w Armenii: problematyka kwerendy i główne kierunki badań // Dzieje Najnowsze. 2000. № 32/1. S. 194.

4. Jaśkowski S., Kołodziejczyk D., Mnatskaanyan P. Stosunki dawnej Rzeczypospolitej z Persją Safawidów i katolikosatem w Eczmiadzynie w świetle dokumentów archiwalnych. Warszawa, 2017. S. 44–45.

5. Woźniak A. Z dziejów diaspory gruzińskiej w Polsce // Etnografia Polska. 1992. T. 36. № 1. S. 84.

6. Jaśkowski S., Kołodziejczyk D., Mnatskaanyan P. Stosunki dawnej Rzeczypospolitej z Persją Safawidów i katolikosatem w Eczmiadzynie w świetle dokumentów archiwalnych. Warszawa, 2017. S. 16.

7. Reychman J. Stosunki literackie polsko-azerbejdżańskie w XIX wieku // Przegląd Humanistyczny. 1963. № 6 (39). S. 123.

8. Wozniak A. Kultura ludowa Gruzji w relacjach polskich do początków XX w. // Etnografia Polska. 1983. T. 17. № 1. S. 300.

9. Адамчевски П. Нахские народы в дневнике Яна Потоцкого, написанного во время его поездки на Кавказ в 1797–1798 гг. // Материалы между-

народной практической конференции «Актуальные проблемы кавказоведения в XXI веке». Назрань, 2015. С. 8–11.

10. Warneńska M., Notatki z podróży do Gruzji // Przegląd Humanistyczny. 1960. № 3(18). S. 197.

11. Lijewska E. Władysław Strzelnicki: „pisarz wielkich nadziei" // Poezje Władysława Strzelnickiego. Kraków, 2013. S. 13.

12. Wozniak A. Kultura ludowa Gruzji w relacjach polskich do początków XX w. // Etnografia Polska. 1983. T. 17. № 1. S. 303.

13. Kalinowski K. Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie oraz niewoli u Szamila: od 1844 do 1854. Warszawa, 2017. S. 308–311.

14. Korespondencja z Kaukazu // Przegląd Naukowy. 1842. T. 2. № 11. S. 434–444; To samo // Przegląd Naukowy. 1843. T. 2. № 14. S. 214–217.

15. Fischer-Malanowska Z. To grupa bezwzględnych terrorystów. URL: http://www.rmf24.pl/fakty/newsfischer-malanowska-to-grupa-bezwzglednych-terrorystow,nId,127661#utm_source=paste&utm_medium=paste&utm_campaign=firefox (дата обращения: 21.07.2019).

А.А. Боголюбов

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА 1817–1864 гг. В ВОСПОМИНАНИЯХ ПОЛЯКОВ

Продолжавшаяся на юге Российской империи около полувека Кавказская война, стоившая с обеих сторон больших жертв и материальных затрат, неизменно вызывала и продолжает вызывать огромный интерес как широкой общественности, так и специалистов-историков. Целью настоящей работы является попытка показать эту войну с точки зрения представителей страны и народа, лишь за несколько лет до начала Кавказской войны вошедших в состав Российской империи. Речь идет о Польше (во всяком случае, о большей части ее территории) и поляках.

Эта тема интересна тем, что поляки, пребывавшие в то время на Кавказе, были в массе своей людьми широко образованными, а следовательно, оставившими широкой пласт мемуарной литературы о себе и своем участии в той войне. Следует отметить, что отношение представителей польского народа как к России, так и к проводимой ею войне на Кавказе было различным, сочетавшим порой диаметрально противоположные

взгляды. Это хорошо видно из мемуарной литературы. Авторами многих мемуаров являются поляки, сосланные на Кавказ либо за участие в польском восстании 1831–1832 гг., либо за участие в более поздний период в 1840-х гг. – в деятельности различного рода подпольных организаций, ставивших своей целью борьбу за независимость Польши.

Многие из польских мемуаристов из среды ссыльных с пренебрежением, а порой и ненавистью смотрели не только на российские официальные власти или православное духовенство, но и в целом на российский народ. В то же время эти авторы превозносили благородство горцев – сторонников имамата. Среди такого рода мемуаристов следует отметить Станислава Пилята, Матеуша Гралевского, Викентия Гедеона Гедройца [1]. О последнем мемуаристе следует сказать особо: свои мемуары Гедройц написал в стихах, ничего подобного автору настоящей работы в мировой мемуарной литературе не встречалось.

Менее эмоциональные воспоминания о Кавказской войне и своем участии в ней оставил польский ссыльный 1840-х гг. Кароль Калиновский [2]. Тяжелейшие условия содержания в плену у Шамиля, издевательства над пленными и радость долгожданного освобождения описывает в своих мемуарах поляк, пожелавший остаться неизвестным, воспользовавшись псевдонимом A.Z. [3].

Наконец, особое место среди польских ссыльных мемуаристов занимает имя Ипполита Яворского. Прекрасно видя и осознавая всю громоздкость и низкую эффективность российской бюрократической машины, он в своих мемуарах тем не менее подчеркивает справедливость Кавказской войны со стороны России, воюющей, по его мнению, как подобает христианским рыцарям, за установление цивилизованного порядка на Востоке [4].

Наконец, были поляки, участвовавшие в Кавказской войне добровольно, в рядах российской армии. Мемуаров они оставили немного. Среди них особо можно выделить имя Генрика Дзержка, не только восхвалявшего российское оружие, но и оставившего подробное описание Северного Кавказа, который он проехал с запада на восток [5].

Представленный здесь краткий обзор взглядов поляков на события Кавказской войны 1817–1864 гг., разумеется, не может претендовать на всеохватывающее исследование проблемы, тема, которая является неисчерпаемой, представляет и будет представлять огромное поле деятельности для нынешних и будущих исследователей.

Примечания

1. Pilat S. Ustęp z pamiętników... z czasu jego niewoli na Kaukazie // Album Lwowskie. Lwów, 1862; Gralewski M. Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli. Opisanie kraju – Ludność – Zwyczaje i obyczaje, Lwów, 1877; Giedroyć G. Kilka wspomnień z kaukaskiego wygnania. Lwów, 1867.

2. Kalinowski K. Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila od roku 1844 do 1854. Warszawa, 1883.

3. A.Z. Niewola u Szamila // Athenaeum. 1850. T. VI. S. 135–139.

4. Jaworski H. Wspomnienia Kaukazu. Poznań, 1877.

5. Dzierżek H. Wspomnienia Kaukazu // Athenaeum. 1848. Oddział 2. T. III. № 4. S. 77–215.

А.Н. Максимчик

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАВКАЗА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КИНЕМАТОГРАФЕ НАЧАЛА XX в.

В историографическом плане комплексное представление о процессе присоединения Кавказского региона к Российской империи в исторической науке XIX – начала XX в., помимо использования обилия научной, публицистической и художественной литературы, будет неполным без привлечения результатов деятельности государственных или общественных структур, занимавшихся разработкой и внедрением механизмов формирования целенаправленной политики памяти об этом историческом явлении. В качестве такого оригинального источника, к примеру, может выступить постоянная экспозиция Кавказского военно-исторического музея в Тифлисе, окончательно оформившаяся к моменту его освящения и открытия в феврале 1907 г., либо военно-историческая реконструкция штурма Гуниба в августе 1909 г. в рамках проведения юбилейных торжеств по случаю окончания военных действий на Северо-Восточном Кавказе. Как в первом, так и во втором случае ведущую роль в организации этих учреждений и мероприятий сыграл коллектив военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа. Информацию о создании и деятельности данного отдела можно почерпнуть из работ Л.М. Паровой и Т.А. Колоссовской [1], однако в них не нашла своего отражения еще одна сторона работы отдела –

написание и научное редактирование сценариев к художественным фильмам, посвященным истории присоединения Кавказа к России. Частично информацию по этому вопросу можно найти в исследованиях Б.С. Лихачева, С.А. Ризаева, И. Ратиани, А.С. Вознесенского [2], в воспоминаниях режиссера и сценариста Б.А. Михина, работавшего вместе с О.А. Дранковым и А.Г. Талдыкиным [3]. Историографический обзор по заявленной теме будет неполным, если не отметить работу историка кино В.Г. Вишневского, благодаря которой можно представить тематику кинематографа Российской империи и получить краткую информацию о выпущенных в прокат фильмах [4].

Переходя непосредственно к рассмотрению отдельных аспектов темы, следует подчеркнуть, что по отношению к рассматриваемым в статье художественным фильмам «Покорение Кавказа, или Взятие Гуниба» А. Дранкова и «Покорение Кавказа, или Пленение Шамиля» А. Ханжонкова невозможно применить в полной мере источниковедческий анализ, поскольку сами они не сохранились. Частично этот дефицит информации можно заполнить благодаря архивным документам, статьям и заметкам в периодической печати о подготовке и съемках фильма, описании сюжета и отдельных сцен фильма, воспоминаниях участников кинопроцесса. Также необходимо указать на то, что к началу XX в. кинематограф не только в Российской империи, но и в других странах стал выступать как художественный, социальный, идеологический и производственно-экономический фактор [5]. Кино стало оказывать влияние на процессы формирования и поддержания определенных ценностных установок и ориентаций в обществе. Это может объяснить причины появления фильмов и их определенную идеологическую заданность в трактовке событий прошлого. К тому же на выбор тематики для съемки фильмов оказывал так называемый юбилейный фактор – в 1914 г. отмечалось 50-летие окончания военных действий на Северо-Западном Кавказе. О том, что это событие имело большое значение в исторической жизни государства, видно из указаний военного министра В.А. Сухомлинова на имя организатора ряда юбилейных военно-исторических комиссий генерала В.Г. Глазова [6].

История создания указанных выше фильмов интересна в том плане, что снимались они в условиях конкурентной борьбы между Торговым домом «А. Дранков и А. Талдыкин» и акционерным обществом «Ханжонков и К°» за лидерство в российском кинопроизводстве. Впервые идею съемок фильма, посвященного истории присоединения Кавказа к России, высказал кинооператор и продюсер А.О. Дранков. 16 февра-

ля 1913 г. он был удостоен аудиенции у Николая II в Царском Селе, где продемонстрировал свою работу – юбилейную историческую хронику «Трехсотлетие царствования дома Романовых». Во время состоявшегося разговора между продюсером картины и императором А. Дранков поделился творческими планами на ближайшую перспективу. В частности, он сказал, что задумал ряд исторических фильмов по истории российской армии, и в первой очереди – историческая хроника «Покорение Кавказа». Николай II, одобрив идею продюсера, сказал: «Снимайте, но только старайтесь, чтобы не было бутафорской постановки, как то было с современным оружием при постановке “Обороны Севастополя”» (имеется в виду картина 1911 г. А. Ханжонкова). А. Дранков писал: «Услышав столь осчастливившие меня многомилостивые слова Его Императорского Величества, я по приезде в Москву принялся за приготовление к постановке столь сложной картины, желая выполнить ее возможно старательнее, чтобы избежать всякой бутафории согласно дорогим для меня словам Государя Императора» [7]. Уже на первых порах Торговый дом «А. Дранков и А. Талдыкин» столкнулся с проблемой написания сценария. Б.А. Михин отмечал: «Материал этой грандиозной эпопеи был очень обширен, и его хватит на добрый десяток отдельных полнометражных фильмов <…> Материал давил на сценарий, события путались и мешали правильному историческому изложению хода этой войны». Выход из сложившейся ситуации был найден, когда к работе над сценарием пригласили специалиста в этой области. Это был известный военный историк-кавказовед, начальник военно-исторического отдела при Штабе Кавказского военного округа, директор Кавказского военно-исторического музея С.С. Эсадзе. 15 июля 1913 г. между Торговым домом и историком был заключен договор, состоявший из шести пунктов: «1) Я, г. Эсадзе, принял участие в постановке картины “Покорение Кавказа” в качестве историка, причем я должен давать надлежащие указания режиссеру и художнику, преследуя цель исторической точности; 2) исправить в пределах возможности сценарий, ранее сего написанный, и внести в оный сюжеты, которые найдет нужным; 3) моя фамилия как редактора военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа должна быть везде напечатана там, где и фирма Т/д А.О. Дранков и А.Г. Талдыкин; 4) Торговый дом уплачивает г. Эсадзе пять процентов имеющейся быть чистой прибыли от продажи картины “Покорение Кавказа”; причем чистая прибыль определяется по торговым книгам и уплачивается при написании сего договора: триста рублей и по окончании съемок двести рублей, каковые должны быть за-

считаны в уплату вышесказанных процентов; окончательная же уплата причитающихся Эсадзе % должны быть учтены не позже того сезона, в котором будет выпущена означенная картина, а в следующие годы по мере этих картин; 5) дорога на съемки и обратно принимается на счет Торгового дома; 6) в случае убытка от продажи этой картины аванс пятьсот рублей обратно Торговому дому не возвращается» [8]. Вполне возможно, что для С.С. Эсадзе, который сам живо интересовался кинематографом, недавно опубликовал работу «Штурм Гуниба и пленение Шамиля» (Тифлис, 1909 г.), был одним из организаторов исторической реконструкции штурма Гуниба в 1909 г., это предложение было крайне заманчивым и интересным. Со стороны А. Дранкова, помнившего слова Николая II, согласие С.С. Эсадзе было большой удачей. К тому же директор Кавказского военно-исторического музея предоставил образцы оружия из собрания музея, по которым в Туле изготовили ружья и пушки для съемок фильма, а также доступ к съемке отдельных предметов в залах музея. Так, в качестве образца для возведения декораций (моста, мечети, аула) были использованы батальные картины Ф.А. Рубо. Уже после окончания работы над фильмом начальник штаба Кавказского военного округа в письме на адрес Торгового дома настоятельно просил «пожертвовать полную ленту для хранения в музее», апеллируя именно к этому обстоятельству [9].

Подписание договора между Эсадзе и Торговым домом совпало с первым днем съемок фильма, производившихся в Мцхете. Из этого следует, что возможные исправления сценария фильма проводились Семеном Спиридоновичем в режиме реального времени. За день до начала съемок в газете «Кавказ» было помещено объявление, в котором Торговый дом приглашал 15 июля в Мцхету военных, воспитанников учебных заведений и всех желающих понаблюдать за процессом создания исторической картины. Для местного населения всё это было в диковинку, потому объявление быстро нашло отклик: Мцхета была запружена массами зрителей из окрестных дачных местечек и тифлисскими обывателями, специально приехавшими на место съемок. Помимо Мцхеты съемки производились в Сарыкамыше, Карсской области, около Гуниба.

Из подготовленной С.С. Эсадзе программы, предназначавшейся для ознакомления с фильмом перед его просмотром, видно, что хронологически сюжет охватывал период с 1801 по 1864 г. и состоял из нескольких частей: 1) присоединение Грузии к России; 2) русские орлы; 3) экспедиция генерала Граббе; 4) подвиг Архипа Осипова; 5) Хаджи-Мурат; 6) пленение Шамиля. В фильме были отражены подвиг рядового 17-го егер-

ского полка Гаврила Сидорова 8 июля 1805 г., которому также была посвящена картина Ф.А. Рубо «Живой мост», эпоха генерала А.П. Ермолова на Кавказе, подвиг прапорщика Щербины 6 декабря 1819 г., участие М.Ю. Лермонтова в сражении на р. Валерик, похищение Хаджи-Муратом мехтулинской ханши Нух-Бике, подвиг подполковника Дмитрия Золотухина 8 апреля 1851 г., штурм Гуниба и плен Шамиля [10]. В фильме также были запечатлены памятники, сооруженные в честь подвигов кавказских войск. Газета «Утро России» писала, что в фильме были «воспроизведены 16 пушек имама Шамиля, гунибская площадь, где находилось раньше кукурузное поле Шамиля. Здесь с тех времен сохранились руины крепости и развесистое дерево курага. Затем снята панорама ширванской тропы, по которой доблестный полк двинулся на последние высоты» [11]. Из статьи Ю. Кобякова в газете «Кавказ» известно, что к августу были отсняты следующие сцены: «Дело подполковника Нижегородского полка кн. Захария Чавчавадзе на Сулаке. В этой сцене, изображающей отважный прыжок кн. З. Чавчавадзе на лошади в реку, и кровавом эпизоде в самой реке роль кн. З. Чавчавадзе исполнял его сын, ротмистр Д. Чавчавадзе. Смерть командира Северского полка кн. Багратиона, Ахульгинская экспедиция генерала Граббе, свидание Шамиля с ген. Пулло и выдача им в аманаты сына своего Джемал-Эддина, даргинский поход кн. М.С. Воронцова» [12]. При съемке батальных сцен были задействованы военные части Кавказского военного округа. Для военной массовки в костюмерных мастерских А.Г. Талдыкина были изготовлены обмундирование и снаряжение соответствующих эпох. Всего во время съемок фильма было задействовано около 20 тыс. солдат [13].

Описание процесса съемок освещалось в периодической печати. Присутствовавший на съемочной площадке корреспондент газеты «Тифлисский листок» А.Е. Толин довольно подробно обрисовал сюжет, посвященный нападению Сурхай-хана Казикумухского на Чирагский пост 6 декабря 1819 г. и подвигу прапорщика Щербины, роль которого сыграл актер А.Г. Задонцев. Журналист описывал это так: «Уничтожив первую часть отряда (горцев. – *А. М.*), прапорщик Щербина с небольшой госткой солдат отбивается от численно превосходивших сил противника и скрывается в мечети. Бой продолжается и в мечети». По тексту статьи видно, что в картине присутствует и художественное видение событий. А.Е. Толин, обратив на это внимание, отмечал: «В мечети выявляется и вводный лирический момент. Мулла, в прекрасном изображении артиста Нигафа, увлеченный красотой природы, беззаботно собирает полевые цветы. Услышав вдруг выстрелы, он отрывается от пленившей его

грезы… Мулла направляется на резкий шум выстрелов. Ожесточаясь, он призывает своих единоверцев к священной войне. Видя геройское упорство прапорщика Щербины, мулла велит сжечь часть мечети, в которой скрывается Щербина» [14].

Интересные сцены были описаны и с участием имама Шамиля, роль которого исполнил грузинский актер Валико Гуниа. Ю. Кобяков отметил сюжет, посвященный взятию аула Ахульго. Для этой сцены был выстроен аул, максимально приближенный к картине Рубо «Штурм Ахульго». В день съемок, писал Ю. Кобяков, «“Аул” ожил, кишит яркими пятнами черкесок и халатов. Веет знамя Шамиля. Верхом на белом коне издалека выделяется рослая, характерная фигура имама. А на этом берегу пропасти идут спешные приготовления к штурму – подкатывают пушки, заряженные особыми ракетами, тащат чучела, которые должны изображать убитых, несут охапки сена, чтобы поджечь мост <…> Затрубили трубы, забили барабаны и с громким “ура” кинулись солдаты на штурм. Лихо карабкаясь по скалам оврага, взбирались они в аул. На мосту жаркое дело. Грудью отстаивают “горцы” свое гнездо. В пропасть летят через перила моста чучела убитых солдат и горцев. Сам Шамиль принимает участие в деле. Выхватил ружье у одного из лезгин и стреляет в наступающих гяуров. Загорелся мост. Но русские солдаты храбро бегут среди столбов пламени» [15].

Не обходилось на съемочной площадке и без курьезных случаев. Так, во время репетиций актер Задонцев получил сильный удар прикладом ружья по голове, чуть не свалился с ног. Во время одной из батальных сцен другой артист был ранен саблей в голову.

Окончательно съемки «Покорения Кавказа» закончились в начале осени. Еще во время съемок в газетах восторженно писали, что этот фильм «несомненно составит богатейший вклад в кинематографическое искусство и будет иметь цену не только как зрелище, как развлечение для скучающей публики, но и как образовательное средство. По воспроизводимым Дранковым картинам многие получат подлинно историческое представление о той грандиозной борьбе, местом действия которой был Кавказ» [16]. По метражу пленки длина фильма составлял 2525 м, а по хронометражу – 7 часов (!). В 1914 г. эта картина после перемонтажа (1775 м) была выпущена на экран под названием «Взятие Гуниба, или Покорение Кавказа».

После завершения работ над фильмом между С.С. Эсадзе и Торговым домом велась активная переписка, из которой видно, как был воспринят фильм со стороны императорской фамилии и высших государственных

чинов. В письме к С.С. Эсадзе А.Г. Талдыкин писал: «4 ноября (1913 г. – *А. М.*) была демонстрирована картина “Покорение Кавказа” в театре “Одеон” в присутствии министров, барона Фредерикса, князя Трубецкого и других. На сеанс всем присутствующим были предложены брошюры “Покорение Кавказа”, изданные Вами в Петербурге. Картина на всех произвела хорошее впечатление. На следующий день 5 ноября картина демонстрировалась в Ливадийском театре в присутствии Его Императорского Величества, великих княгинь, приглашенных было 200 человек. На сеанс были всем розданы Ваши брошюры и была подарена брошюра Его Императорскому Величеству, которую Государь до начала сеанса в продолжение 15 минут изволил читать. По просмотру картины Государь выразил милостивое одобрение за постановку, исполнение и пожелание дальнейших успехов» [17]. Несмотря на успех, из другого письма видно, что отношения между ними испортились. С.С. Эсадзе подал иск на Торговый дом «о неудовлетворении его причитающимися от торгового дома… проездными и суточными деньгами, а также гонораром за постановку картины “Покорение Кавказа”» [18]. Конфликт между ними дошел до того, что А.Г. Талдыкин в одном из писем к Эсадзе отказался вообще признавать его участие в постановке картины. В итоге иск на Торговый дом в размере 850 руб. не был рассмотрен, поскольку Дранков и Талдыкин ликвидировали предприятие.

Одновременно с фильмом А. Дранкова велись съемки картины А. Ханжонкова «Покорение Кавказа, или Пленение Шамиля». К сожалению, об этом фильме известно не так много. В работе В. Вишневского указано, что фильм по метражу пленки составлял 2100 м, а по хронометражу – 4 часа. На съемки было затрачено 3 месяца. К идее снять данный фильм очень благосклонно отнесся военный министр, генерал-адъютант В.А. Сухомлинов, который посодействовал привлечению к съемкам войск Кавказского военного округа.

Сценарий для фильма был подготовлен военным корреспондентом газет «Утро России» и «Голос Москвы» капитаном Н.П. Мамонтовым «в строгом соответствии с исторической правдой и проникнут искренним уважением к героизму Шамиля и его сподвижников, равно как и к беззаветной храбрости русского солдата». Режиссером фильма был один из основателей российского кинематографа В.М. Гончаров, а оператором – Н.В. Ефремов. Из архивных документов видно, что разрешение на съемки было получено от главнокомандующего войсками Кавказского военного округа, а за режиссером было установлено негласное наблюдение [19]. Съемки производились Тифлисе, Мцхете, а также в районе

железнодорожных станций Алаверди и Ахтала. На роль имама Шамиля был приглашен артист А. Шахатуни. Исследователь А. Бахчинян описал интересный случай с актером во время съемок фильма. Когда А. Шахатуни, загримированный под имама Шамиля, проезжал через одно из сел Дагестана, окруженный свитой мюридов, толпа местных жителей поклонялась ему, крича: «Да здравствует наш имам!» [20].

Для исторической достоверности фильма были заказаны сотни мундиров исторической эпохи, костюмы горцев, благодаря содействию некоторых коллекционеров оружия были использованы подлинные сабли, ружья и кинжалы сподвижников Шамиля, по моделям 1855–1859 гг. заказана на одном из заводов артиллерия [21]. Помимо натуральных съемок, в фильме были показаны фотографические снимки некоторых картин и портреты лиц, принимавших участие в покорении Кавказа, из собрания Кавказского военно-исторического музея. С таким письмом 9 августа 1913 г. начальник штаба Кавказского военного округа обратился к С.С. Эсадзе, в котором отмечал, что получено разрешение на съемку в музее [22].

Исследователи-киноведы соглашаются, что в конкурентной борьбе за фильм «Покорение Кавказа» победу одержал А. Дранков, однако, как показало время, из них не выиграл никто, поскольку сами фильмы оказались утраченными. Нужно признать, что в своей идейной основе эти художественные фильмы являлись продуктом своей эпохи, были визуальным отражением официальной версии процесса присоединения Кавказа к Российской империи.

Примечания

1. Парова Л.М. Создание и деятельность военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 87–91; Колоссовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М., 2015.

2. Лихачев Б.С. Кино в России (1896–1926). Л., 1927. Ч. 1. С. 126; Ризаев С.А. Армянская художественная кинематография. Ереван, 1963. С. 16; Ратиани И. У истоков грузинского кино. М., 2003. С. 14; Вознесенский А.С. Кинодетство (глава из «Книги ночей») // Искусство кино. 1985. № 11. С. 83.

3. Государственный центральный музей кино. Ед. хр. КП-1240/9.

4. Вишневский В.Е. Художественные фильмы дореволюционной России. М., 1945.

5. Жабский М.И., Тарасов К.А., Фохт-Бабушкин Ю.У. Кино в современном обществе. М., 2000. С. 25–26.

6. Российский государственный исторический архив. Ф. 922. Оп. 1. Д. 112. Л. 10 об.

7. Янгиров Р. Одиссея рыжего «арапа», или Опыт жизнеописания Александра Дранкова // Искусство кино. 1995. № 1. С. 133.

8. Центральный исторический архив Грузии (далее – ЦИАГ). Ф. 1438. Оп. 1. Д. 766. Л. 2.

9. Там же. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 209. Л. 1 об.

10. Там же. Л. 4–7 об.

11. Утро России. 1913. 16 сентября.

12. Кобяков Ю. «Взятие Ахульго» // Кавказ. 1913. 13 августа.

13. Летопись российского кино. М., 2004. С. 136.

14. Толин А.Е. «Покорение Кавказа» // Тифлис. листок. 1913. 17 июля.

15. Кобяков Ю. «Взятие Ахульго» // Кавказ. 1913. 13 августа.

16. Булгаков П. «Покорение Кавказа» // Кавказ. 1913. 17 июля.

17. ЦИАГ. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 766. Л. 3.

18. Там же. Л. 5.

19. Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7945. Л. 1.

20. Бахчинян А. О нем мечтали женщины и ему завидовали мужчины: бурная жизнь армянского актера Ашо Шахатуни // Иные берега. Журнал о русской культуре за рубежом. 2012. № 1. URL: http://inieberega.ru/node/385 (дата обращения: 17.07.2019).

21. N. Воскрешение кавказской старины // Тифлисский листок. 1913. 11 августа.

22. ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 123. Л. 488.

Н.В. Кратова

ДОКУМЕНТЫ УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В постсоветской период возрос интерес исследователей к изучению различных аспектов конфессиональной проблематики. Он был обусловлен неизученностью темы в советское время, так как вопросы, связанные с религиозной тематикой, рассматривались исключительно с атеистических позиций, ведь это был вопрос идеологии. За эти годы было

введено в научный оборот значительное количество источников как из центральных, так и региональных архивов. Одним из направлений современных исследований является изучение и анализ источников по истории государственно-конфессиональных отношений советского и постсоветского периодов. Предметом изучения и анализа стали в первую очередь рассекреченные фонды Совета по делам религий при Совмине СССР и архивы уполномоченных Совета по делам религий в регионах, наиболее востребованные исследователями. Это не удивительно, поскольку именно в этих фондах компактно сосредоточены документы, освещающие вопросы государственно-конфессиональных отношений, долгое время являвшиеся недоступными для исследователей.

В последнее десятилетие появились источниковедческие работы, в основном статьи, но, к сожалению, фундаментальных монографических исследований не вышло до сих пор. Вышедшие работы носят прикладной характер. Следует признать, что теоретическое источниковедение применительно к источникам XX–XXI вв. до сих пор испытывает определенные трудности. Идеологический плюрализм породил плюрализм методологий исследований, отсюда и путанность в классификации источников по новейшей истории. Общие проблемы порождают частные. Естественно, отсюда исходят и сложности с анализом корпуса источников по государственно-конфессиональным отношениям. Поэтому немногие опубликованные работы по этой проблематике вносят серьезный вклад в изучение вопроса. Среди публикаций значителен удельный вес региональных исследований [1].

Сложность работы с документами уполномоченного Совета по делам религии по Карачаево-Черкесской автономной области (далее – КЧАО) заключается в том, что в архивах Карачаево-Черкесской Республики (далее – КЧР) они рассредоточены в разных фондах: Карачаево-Черкесского обкома КПСС, райкомов и горкомов КПСС. Часть документов находится в текущем архиве Правительства КЧР и Министерстве по делам национальностей, печати и информации КЧР. Копии части документации уполномоченного Совета по делам религии по КЧАО находились в личном архиве уполномоченного и были любезно переданы автору настоящей статьи. Поэтому предметом нашего исследования будет не фонд уполномоченного, а документы, непосредственно подготовленные уполномоченным или непосредственно связанные с его деятельностью и проходившие через систему административного делопроизводства. Фактически автором была проведена реконструкция фонда, в котором были сгруппированы различные виды источников. Часть документов по ха-

рактеру идентична документам уполномоченных по другим регионам, так как существовали общие требования к сбору информации и ведению документации уполномоченными в СССР. Однако наполнение корпуса документов по КЧР имело свои особенности, связанные с субъективными факторами, в том числе личностью уполномоченного по КЧАО – Н.Г. Проваторовым. Николай Георгиевич являлся профессиональным историком, много лет проработавшим учителем, лектором в обществе «Знание». Поэтому материалы подготовлены с достаточной долей объективности, нет однозначных оценок, ярлыков, отсутствуют излишние идеологические штампы типа «во исполнение решения», «в соответствии с постановлениями» и т. д. Информация субъективного характера предваряется фразами: «по моему мнению», «я считаю», «на мой взгляд». Были и другие особенности, о которых мы расскажем немного позже.

Формирование архива уполномоченного Совета по делам религий при Сомине СССР по Карачаево-Черкесской автономной области началось с мая 1980 г., когда была учреждена эта должность. Назначенному на эту должность Николаю Георгиевичу Проваторову были переданы регистрационные дела действовавших в КЧАО религиозных общин – 19 мусульманских, 6 православных и 5 евангельских христиан-баптистов, а также несколько папок с информацией о реализации местными партийными и исполнительными органами постановлений союзных и краевых партийных органов, касающихся проведения атеистической работы.

Нормативно-правовые документы, которыми руководствовался в своей деятельности уполномоченный, были сосредоточены в номерном экземпляре сборника «Законодательство о религиозных культах», изданного под грифом «для служебного пользования» в издательстве «Юридическая литература» [2]. Этот сборник содержал тематические выдержки из произведений классиков марксизма, документы КПСС и государственные акты СССР о религии и церкви, законодательные акты союзных республик о религиозных культах, выдержки из кодексов об административных и уголовных правонарушениях. В сборник был помещен «Справочник об отдельных религиях в СССР». Этот справочник содержал краткие своедения о 19 различных религиозных течениях и основных духовных центрах, действующих на территории Советского Союза. В конце сборника были размещены краткий словарь к алфавитно-предметному указателю и краткий предметно-тематический указатель.

А вот постановления местных партийных и государственных органов, относящиеся к деятельности уполномоченного, несмотря на то, что были заявлены в номенклатуре, в виде отдельного дела не отложились.

Они сохранялись в соответствующих накопительных папках, куда наряду с соответствующим постановлением крайкома или обкома подшивалась информация об их выполнении городскими и районными исполкомами, общественными организациями, а также обобщающая информационная сводка, которая направлялась для рассмотрения в соответствующий партийный орган. Таким образом, за годы деятельности уполномоченного отложились достаточно информативные подборки документов, о которых мы расскажем ниже.

Делопроизводственная документация составляет основную массу документального наследия уполномоченного. В этой группе откладывались самые разные виды документов.

Основными *нормативными* документами являются положение об уполномоченном, в котором определялись его должностные обязанности, полномочия и компетенции, а также номенклатура дел.

Положение было типовым и не содержало каких-либо особенностей, в отличие от номенклатуры дел, которая была разработана и утверждена 31 декабря 1980 г. В соответствии с этим документом в дальнейшем и проводилось накопление и сортировка документации [3].

Номенклатура составлялась на основании инструкции по делопроизводству [4], в качестве образца, возможно, использовалась номенклатура уполномоченного по Ставропольскому краю [5]. Уже при составлении номенклатуры проявились некоторые нюансы, повлиявшие на сбор и хранение материала. Для большинства документов ставропольского уполномоченного устанавливался ограниченный срок хранения (исключение составляли документы религиозных организаций, которые должны были храниться постоянно). Уполномоченным по КЧАО постоянные сроки хранения были определены практически для всех видов документов, за исключением журналов, входящей/исходящей корреспонденции, жалоб и заявлений и переписки с местными органами власти. Для этих видов документации устанавливались ограниченные сроки хранения – 3, 5 и 10 лет соответственно.

Инструкцией по делопроизводству определялись условия комплектования дел. Отдельным пунктом оговаривалось, что «включение в дело документов, не относящихся к нему, а также черновиков, вариантов, размноженных копий и документов, подлежащих возврату, не допускается» [4]. По факту в накопительных папках уполномоченного сохранялись и черновики, и размноженные копии, и другие документы, не представляющие интерес с точки зрения официального делопроизводства и нарушающие порядок ведения ведомственного архива, однако со-

держащие большой объем информации, представляющей значительный интерес для исследователя. То обстоятельство, что на должности уполномоченного достаточно долгое время проработал один человек, также повлияло на сохранность и достаточную полноту документов. Следует признать, что такая ситуация является отнюдь не типичной. Практика ведения ведомственных архивов показывает, что при доминирующем в учреждениях формальном подходе к списанию и утилизации делопроизводственной документации уничтожается значительное количество документов, представляющих интерес для историка. Ситуация усугубляется в переходное время. Ликвидация Совета по делам религий и института уполномоченных на фоне общего хаоса, царившего в стране, наряду с ликвидацией системы профессионального менеджмента в сфере государственно-конфессионального управления привела во многих регионах к уничтожению текущих архивов уполномоченных. Смутное время не обошло стороной и Карачаево-Черкесию. Однако основной массив документов по религиозной ситуации в республике в последнее десятилетие советской власти и первые постсоветские десятилетия сохранился.

Формирование документального массива напрямую было связано с характером деятельности уполномоченного и выполняемыми функциями, изменение которых сказывалось на характере документации. Одной из таких функций была регистрация религиозных объединений.

Регистрация осуществлялась Советом по делам религий при Совмине СССР. В задачи уполномоченных на местах входила подготовка документов для регистрации общины и ведение регистрационных дел.

Регистрационные дела содержат широкий спектр делопроизводственной документации: нормативные документы, протокольную документацию, деловую переписку, информационные, учетные и отчетные документы, документы личного характера, а также личную документацию.

Независимо от конфессиональной направленности дела составлялись по одному принципу и содержали схожие документы. На обложке дела размещались регистрационный номер, наименование религиозного общества и дата регистрации. На развороте вклеивался конверт с вложенными фотографиями разных ракурсов культового здания, переданного в пользование общине. Само дело включало справки о регистрации приходской общины, ревизионной комиссии и духовенства, заполненный и подписанный типовой договор о передаче общине в пользование анкеты членов приходского совета, ревизионной комиссии и духовенства, протоколы общих собраний прихожан, описи имущества, акты пе-

редачи культового здания, имущества, ценностей и приемо-сдаточные ведомости, списки членов «двадцатки». Какой-либо аналитики эти дела не содержали, ограничивались «констатирующими» документами.

Одними из наиболее содержательных пакетов документов, отложившихся в архиве, являются, безусловно, материалы, связанные с подготовкой информационных записок, направляемых в Совет по делам религий.

Помимо ежегодных отчетов о религиозной ситуации, готовились аналитические мероприятия по крупным религиозным праздникам, прежде всего мусульманским – Ураза-байрам и Курбан-байрам.

Подготовка информации осуществлялась на основании циркулярных писем, направлявшихся из центрального аппарата. На основании этих писем уполномоченным готовились запросы в горисполкомы и райисполкомы. После обобщения поступивших из городов и районов сведений готовилась уже сводная информация, которая и направлялась в центр. Однако если информационные отчеты сохранились за весь период деятельности уполномоченного, то циркулярные письма и переписка с гор- и райисполкомами сохранились не в полном объеме, особенно за первые годы деятельности уполномоченного.

Единой схемы построения информационных отчетов не существовало. Обычно указывались сведения о действующих в области религиозных течениях, регистрации и закрытии религиозных обществ, показателях религиозности населения, поступивших жалобах и письмах населения, проведенных уполномоченным беседах с верующими, контрольных мероприятиях [6]. Иногда информация расширялась указывались принятые решения местных партийных и советских органов, сообщались сведения об образовательном уровне духовенства, финансовой и материально-технической базе религиозных обществ, о проведенных социологических исследованиях, визитах иностранных делегаций [7]. Иногда отчеты дополнялись приложениями в виде табличных данных о религиозных объединениях.

Первичным источником для составления отчетов была информация, направлявшаяся из городов и районов, однако следует отметить, что переписка с исполкомами носила в какой-то мере формальный характер, поскольку уполномоченный часто владел информацией о ситуации на местах значительно лучше исполкомов. Для местного руководства религиозная сфера по объективным причинам находилась на крайней периферии интересов. Агитационно-пропагандистские отделы проводили широкий фронт атеистических мероприятий, не вдаваясь в тонкости

жизни религиозных общин. Кроме того, местные власти не были заинтересованы показывать объективную картину.

В оценке количества участников религиозных обрядов, проведенных крещений и венчаний, которые часто фигурируют в отчетах уполномоченного, безусловно, присутствует известная доля субъективизма. Поэтому абсолютизировать эти показатели ни в коем случае нельзя. Однако и пренебрегать этими цифрами не стоит, поскольку они, при всей условности, говорят об имевшихся тенденциях, которые очень чутко улавливал уполномоченный и старался добросовестно отразить их в своих справках.

Значительный пласт документов сохранился в папках с материалами о выполнении решений краевых и областных партийных органов.

Примером могут послужить материалы по выполнению решения Карачаево-Черкесского облисполкома № 26-4 от 20 января 1987 г. [8]. Подборка документов содержала собственно текст решения исполкома вместе с прилагаемым планом мероприятий, ежегодные информационные справки о выполнении этого решения, которые уполномоченный готовил в 1987–1989 гг., информацию о работе, проведенной гор- и райисполкомами, обществом «Знание», облпотребсоюзом, редакциями республиканских газет «Ленин йолы», «Коммунизм алашара», «Ленин нур», «Ленинское знамя», «Ленинни байрагъы», Управлением культуры облисполкома, Управлением здравоохранения, Облфинотделом, Управлением внутренних дел, Облбытуправлением, Областным производственно-техническим управлением связи, книжным издательством, писательской организацией.

Подобные документальные комплексы наглядно показывают, как проводилась работа самыми разными организациями. При этом важно понимать, что за привычным, набившим оскомину призывом об усилении атеистической работы зачастую стоят действительно серьезные проблемы или процессы. К примеру, причиной проявления «атеистической атаки» стала радикализация советского социума, появление экстремистских течений в мусульманской среде, в полной мере проявивших себя несколькими годами позднее, но вызывавшие озабоченность властей в еще, казалось бы, безмятежные годы.

Своеобразное продолжение этой активной работы мы находим в подборках газетных публикаций [9], а также материалах подготовки к первому съезду мусульман Ставропольского края, учредившему самостоятельный духовный центр, превратившийся в скором времени в Духовное управление мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья [10].

Таким образом, сохранившиеся документы уполномоченного Совета по делам религий при Совмине СССР по КЧАО содержат разнообразную и достаточно полную информацию как о действовавших в это время на территории области религиозных течениях, так и о проводимой властями политике. Несмотря на неизбежную тенденциозность, эти документы позволяют восстановить в значительной степени картину религиозной жизни в 80-е годы прошлого века, а потому являются важнейшим источником по истории государственно-конфессиональных отношений этого периода.

Примечания

1. Зильберштейн М.М. Документы объединенного архивного фонда уполномоченного Совета по делам религий Совета Министров СССР по Оренбургской области. Комитет администрации Оренбургской области по делам национальностей и связи с религиозными организациями как источник изучения государственно-церковных отношений в 20–90-х гг. XX в. // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2. С. 341–347; Копылова О.Н. Отчеты уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви как источник по изучению истории Русской церкви во 2-й половине XX столетия // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 64–92; Митрохин М. Болезнь под названием «фонд уполномоченного», или Несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 505–511; Молодов О.Б. Церковные документы православных епархий периода позднего социализма в СССР как исторический источник // Textus et Studia. 2015. № 2. S. 105–116. doi:10.19265/TES.2015.022105; Панов П.В. Интернациональный анализ документов фонда уполномоченного Совета по делам РПЦ по Чкаловской/Оренбургской области // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 18. 2017. Вып. 2. С. 185–193; Сердюк М.Б. Документы фондов уполномоченных Совета по делам религий при Совете министров СССР в государственных архивах Дальнего Востока (1943–1953 гг.) // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 76–83; Федирко О.П. Документы государственных учреждений и политических партий как источник религиозной ситуации в России в 1990-е // Архонт. 2018. № 3 (6). С. 77–87; Чумаченко Т.А. Информативные возможности документальной коллекции фонда Совета по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 42. 2010. № 30. С. 132–136.

2. Законодательство о религиозных культах: сб. мат-лов и док. Изд. 2-е, доп. М., 1971.

3. Номенклатура дел уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по КЧАО. 31 декабря 1980 г. (копия). Личный архив автора.

4. [Инструкция по делопроизводству] (фрагмент, точное название документа не известно). Личный архив автора.

5. Номенклатура дел уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Ставропольскому краю. 4 января 1981 г. № 016. (копия). Личный архив автора.

6. Отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах в КЧАО за 1980 г. Личный архив автора.

7. Информационный отчет о деятельности религиозных обществ и состоянии религиозной обстановки и контроля за соблюдением законодательства о культах СССР, КЧАО, Ставропольского края за 1987 г. Личный архив автора.

8. Материалы по выполнению решения Исполнительного комитета Совета народных депутатов КЧАО № 26-4 от 20 января 1987 г. «О комплексных мероприятиях облисполкома по выполнению бюро обкома КПСС № 14/1 от 30 октября 1986 г.»; Постановление ЦК КПСС от 18 августа 1986 г. «Об усилении борьбы с влиянием “ислама” и задачи областной партийной организации по коренному улучшению атеистического воспитания и обеспечению соблюдения законодательства о религиозных культах». Личный архив автора.

9. Общественно-политическая ситуация в 1980-е (мат-лы прессы). Личный архив автора.

10. Первый съезд мусульман Ставропольского края. 24 января 1990 г. Личный архив автора.

М.В. Медведев

МАТЕРИАЛЫ ДОНСКИХ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

События Великой Отечественной войны, происходившие на территории Ростовской области, сыграли важную роль в решении судьбы

[1] Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

юга страны в этот период. Уже на следующий день после объявления войны, 23 июня 1941 г., согласно приказу Народного комиссара обороны СССР № 219, в Ростовской области было введено военное положение [1]. В первые месяцы на фронтах Великой Отечественной войны немецким войскам удалось нанести серьезное поражение Красной армии. За несколько недель немцы заняли Прибалтику, Белоруссию и продолжили наступление по территории Украины. В начале осени 1941 г. противник прорвался к Ленинграду, взяв его в блокаду. Положение Красной армии на советско-германском фронте заметно ухудшилось.

Уже 8 октября 1941 г. войска противника с западного направления вторглись в пределы Ростовской области. В это время командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов принял решение организовать оборону на рубеже р. Миус, от Матвеева Кургана до устья Миусского лимана. Развивая наступление, 1-я танковая армия генерала Э. фон Клейста теснила войска Южного фронта к Миусу. По тревоге были подняты курсанты ростовских военных училищ, им на помощь выдвинулся сводный отряд из 33-го полка НКВД, а также формируемые в округе стрелковые и кавалерийские части. 17 октября противник захватил Таганрог, а почти через месяц, 21 ноября, занял Ростов-на-Дону. Через неделю донская столица была освобождена. Противник отступил на запад, заняв оборону по высотам западного берега р. Миус и Самбекским высотам. Попытки армий Южного фронта сокрушить немецкую оборону на Миусе в декабре 1941 – апреле 1942 г. не принесли ожидаемого результата. После четырехсуточного сопротивления советских войск 24 июля 1942 г. донская столица была во второй раз захвачена вермахтом. В июле – августе Ростовская область практически полностью была оккупирована, и только Вёшенский и часть Верхнедонского районов находились в зоне боевых действий [2].

В ходе контрнаступления советских войск под Сталинградом и операции «Малый Сатурн» в конце ноября – декабре 1942 г. началось освобождение временно оккупированной территории области. В январе 1943 г. вновь сформированный Южный фронт, перейдя в контрнаступление, начал освобождение территории Ростовской области, взаимодействуя с армиями Юго-Западного фронта, наступающими на донбасском направлении. В начале февраля 1943 г. войска Южного фронта приблизились к столице Ростовской области. Освобождение города и прилегающих к нему населенных пунктов длилось целую неделю. Основная тяжесть операции легла на соединения 28-й армии. Важную роль при освобождении южной части Ростова сыграли дей-

ствия казачьих кавалерийских дивизий гвардейских 4-го Кубанского и 5-го Донского корпусов. За подвиги в боях за Ростов старшие лейтенанты Г.К. Мадоян и Д.М. Песков удостоены звания Героя Советского Союза. 14 февраля 1943 г. Ростов-на-Дону был полностью очищен от войск противника. Однако дальнейшее продвижение советских войск во второй половине февраля было остановлено на мощном оборонительном рубеже противника «Миус-фронт». 30 августа 1943 г. советские войска вошли в Таганрог и освободили районы Примиусья, завершив полное освобождение Ростовской области [3].

В период оккупации немцы проводили массовые расстрелы жителей Ростова и Таганрога. В связи с этим трагичную известность приобрели Змиевская и Петрушинская балки. В оккупированном Таганроге действовали подпольные организации, самую крупную возглавляли Василий Афонов и Сергей (Николай) Морозов. В период оккупации Ростова в городе действовал единственный в стране городской партизанский отряд М.М. Трифонова (Югова). Самоотверженно работали труженики тыла. За весь период Великой Отечественной войны на фронтах воевало 665,6 тыс. уроженцев Ростовской области. Однако больше половины не вернулись домой с войны. 280 человек, призванных с Дона, получили звание Героя Советского Союза, 5 человек стали дважды Героями, а еще 57 – полными кавалерами ордена Славы [4].

События Великой Отечественной войны на Дону отражены в различных научных трудах, художественных произведениях и фильмах. В послевоенные десятилетия на местах трагических событий были установлены мемориалы и памятники, увековечивающие историю военного лихолетья. Важнейшую роль в исследовании событий на Дону в период войны играют документы, хранящиеся в государственных, ведомственных и муниципальных архивах Ростовской области. Основная часть документальных источников содержится в фондах Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственного архива Ростовской области (ГАРО), его филиала – Таганрогского филиала ГАРО (ТФ ГАРО) и Центра хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области. В послевоенный период на материалах фондов донских архивов было опубликовано несколько сборников документов, отражающих события Великой Отечественной войны на Дону [5]. В 1980 г. был опубликован сборник документов о партийной организации Дона в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на основе фондов Партийного архива Ростовской области (в наши дни – ЦДНИРО) [6]. В 1982 г. вышел в свет сборник архивных

документов по истории донского комсомола 1920–1945 гг., где значительная часть материалов посвящена периоду Великой Отечественной войны [7].

В 2000-х гг. были изданы два сборника архивных документов, отражающие события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Дону. Первый сборник был приурочен к 70-летию образования Ростовской области [8], а второй посвящен 70-летию Великой Победы [9]. В обоих изданиях опубликованы новые, ранее не публиковавшиеся материалы из фондов архивов Ростовской области. Определенный интерес вызывают материалы работы комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ, городских комитетов обороны, акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба населению и различным организациям. Только Ростовская областная комиссия в соответствии с требованиями ЧГК СССР привлекла к расследованию данных преступлений 14,5 тыс. свидетелей [10].

Как правило, в сборниках документов, извлеченных из региональных архивов Ростовской области, в первую очередь ГАРО и ЦДНИРО, посвященных истории Дона в годы Великой Отечественной войны, имеются разделы, в которых отражены вопросы перевода экономики региона на выпуск военной продукции, оказания помощи жителями фронту, период оккупации Ростовской области, освобождение и восстановление разрушенного войной народного хозяйства.

Необходимо отметить характерную особенность имеющихся документов в архивах Ростовской области. В фондах ГАРО и ЦДНИРО по истории Великой Отечественной войны хранится немного документов с 22 июня 1941 г. до момента второй оккупации Ростова-на-Дону в июле 1942 г. Это связано с тем, что после перехода противника в наступление летом 1942 г. началась эвакуация, в процессе которой часть документов была оставлена или потеряна. В донских архивах также можно найти информацию о деятельности оккупационных властей. Больше всего таких документов представлено в ТФ ГАРО, поскольку именно Таганрог находился в оккупации самый длительный период. Наибольший объем документов в донских архивах посвящен восстановительному периоду после освобождения Ростовской области в 1943 г. Здесь представлены материалы о работе партийных и комсомольских организаций, восстановлении социальной и хозяйственной инфраструктуры региона, сборе средств для нужд фронта, подготовке молодежи к военной службе и к труду. Много документов посвящено подсчету ущерба

в сельских районах и городах Ростовской области. За весь период оккупации в области было уничтожено, отправлено на трудовые работы и увезено в Германию 182 021 чел. Материальный ущерб, нанесенный гражданам, колхозам, государственным предприятиям, учреждениям и организациям, составил 13 435 287,7 руб. в довоенных ценах [11]. В фондах донских архивов можно найти и источники личного происхождения.

Таким образом, документы донских архивов являются основой для комплексного изучения событий на Дону в годы Великой Отечественной войны. Документы по данной проблематике хранятся и в других государственных федеральных и региональных, а также в зарубежных архивах. Однако многие неизвестные страницы истории Дона в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. можно исследовать только благодаря богатейшим фондам донских архивов.

Примечания

1. Общий перечень приказов Народного комиссара обороны СССР за 1941 г., не имеющих грифа секретности. URL: http://www.soldat.ru/doc/nko/1941.html (дата обращения: 29.07.2019).

2. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д., 2010. С. 10–15.

3. Таганрог: огненные годы. Таганрог, 1993. С. 148–149.

4. Ростовской области – 70 лет (1937–2007 гг.): сб. док. Ростов н/Д., 2007. С. 39.

5. Трудящиеся Дона – фронту: сб. док. Ростов н/Д., 1965. 87 с.; Наш край. Из истории Советского Дона (октябрь 1917 – 1965 г.): сб. док. Ростов н/Д., 1968.

6. На защите Родины: партийная организация Дона в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): сб. док. Ростов н/Д., 1980.

7. Летопись донского комсомола (1920–1945 гг.): сб. док. Ростов н/Д., 1982.

8. Ростовской области – 70 лет (1937–2007 гг.): сб. док.

9. Завещано помнить… Донские архивы – 70-летию Великой Победы: сб. док. и мат-лов. Ростов н/Д., 2015.

10. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 7–8.

11. Там же. Л. 1–3.

Г.М. Бабаян

ОПЫТ РАБОТЫ ЦЕНТРА КАВКАЗОВЕДЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТА МЕСРОП МАШТОЦ

Центр кавказоведения Университета Месроп Маштоц (УММ) был организован в 2015 г. на базе уже существовавших Центра стратегических исследований и Центра арменоведения. Центр кавказоведения является научно-исследовательским подразделением УММ [1] и призван, наряду с аналитической работой, способствовать качественной подготовке студентов и магистрантов на специальности «кавказоведение», которая функционирует в университете уже четыре года. Структурно центр состоит из следующих отделов:

– отдел стратегических и политических исследований;
– отдел исследований проблем Юга России и Северного Кавказа;
– отдел исследований проблем Южного Кавказа и Ближнего Востока;
– отдел арменоведческих исследований;
– отдел исследований правовых, экономических и социальных проблем Арцаха.

Центр кавказоведения УММ строит свою работу и перспективу деятельности исходя из интересов армянского народа и руководствуется государственными интересами Арцаха и Армении.

Отдел стратегических и политических исследований занимается проблемами, имеющими стратегическое значение для Арцаха: анализирует процессы, происходящие в регионе, особенно в соседних государствах, и делает определенные прогнозы относительно того, как данные процессы могут повлиять на республику. Политические исследования посвящены проблемам политического, экономического, военного, социального характера республики и региона. По их результатам публикуются статьи и аналитические обзоры в СМИ.

Отдел исследования проблем Юга России и Северного Кавказа работает над изучением вопросов, связанных с районами компактного проживания армян на Юге России. В данном случае ученых интересуют проблемы армянского населения южнороссийского региона, например – целенаправленные попытки разжигания межнациональной розни, намеренный вред добрососедским отношениям между народами, живущими испокон веков мирно и дружно, организация пропаганды ненависти и арменофобии. Также анализируются факты участия бандфор-

мирований Северного Кавказа в армяно-азербайджанском конфликте в Нагорном Карабахе на стороне Азербайджана, их причины и делаются прогнозы и предложения, направленные на предотвращение подобных случаев в будущем. Сотрудники отдела также занимаются налаживанием контактов с интеллигенцией, учеными, вузами и студенчеством северокавказских и южных республик, краев и областей Российской Федерации.

Изучением современных проблем Ближнего Востока и их влияния на Южный Кавказ занимается отдел исследований проблем Южного Кавказа и Ближнего Востока. Это особенно актуально, поскольку процессы, происходящие в наши дни на Ближнем Востоке, непосредственно или опосредованно влияют и на Южный Кавказ. В ближневосточных странах происходит перемещение потоков беженцев, военных формирований, уничтожение христианских общин и храмов, в том числе армянских, и т. д.

Отдел арменоведческих исследований в основном ориентирован на исследование проблем филологического, этнографического и диалектологического характера. Среди них – вопросы арцахского диалекта армянского языка, говоры отдельных районов и сел Арцаха, традиции и обычаи арцахских армян и т. д.

Название отдела исследований правовых, экономических и социальных проблем Арцаха говорит само за себя. Данная структура может расширяться в связи с новыми вызовами, которые будут иметь значение для безопасности Арцаха и Армении.

Ежегодно Центр кавказоведения УММ организовывает международные научные конференции по современным актуальным проблемам, в том числе проблемам Кавказа, помогает в организации круглых столов и встреч с известными политиками, учеными, дипломатами, журналистами и блогерами, представителями властей и оппозиции. Особое внимание уделяется проблемам Кавказского региона, которым и были посвящены три последние международные научные конференции: «Кавказ – наш общий дом», «Кавказ в геополитических интересах мировых и региональных держав» и «Государства де-факто постсоветского пространства: проблемы и перспективы их развития». В их работе приняли участие ученые из Армении, России, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Арцаха. По итогам всех конференций изданы сборники статей участников, которые находятся в открытом доступе.

Результаты исследований сотрудников Центра публикуются в открытой печати, совместных межвузовских сборниках, ежегодных сборниках по результатам международных научных конференций, а также в

журнале «Вестник Университета Месроп Маштоц», признанном Высшей аттестационной комиссией Армении. В этом ряду хочется выделить три совместных сборника, подготовленных Университетом Месроп Маштоц, Центром системных региональных исследований и прогнозирования Института повышения и переподготовки преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета, Институтом социально-политических исследований Российской академии наук и научным центром «Мир Кавказа» [2]. Последний из них посвящен памяти выдающегося российского ученого-кавказоведа и большого друга армянского народа Виктора Владимировича Черноуса.

Деятельность Центра кавказоведения УММ имеет и педагогическое преломление, так как формирует тематику научно-исследовательских работ для написания курсовых, дипломных работ и магистерских диссертаций студентов-кавказоведов.

Будучи научно-исследовательским подразделением, Центр кавказоведения УММ развивается в том числе благодаря самой специальности «кавказоведение», на которой сейчас обучаются 65 студентов. Учебный план подготовки специалистов-кавказоведов построен исходя из интересов и нужд нашей страны, потребностей рынка труда и объективных реалий, существующих в регионе сегодня. Студенты-кавказоведы УММ по завершении уровня бакалавриата свободно владеют тремя региональными языками – армянским, азербайджанским и фарси, и двумя языками ООН – русским и английским. Основной упор делается на свободное владение разговорным языком, а также овладение навыками письма и чтения на этих языках.

Кроме языковой подготовки, студенты углубленно изучают историю, культуру, религии, традиции, обычаи, быт, праздники государств и народов Кавказского региона и других соседних стран – России, Турции, Ирана и др. Так, преподается курс «История ислама». Большое внимание уделяется изучению основных законов, экономики, внешней политики государств Кавказа. Студенты знакомятся с внутренними процессами, которые происходят в странах региона, их возможным влиянием на обстановку в регионе. Особое значение за все время обучения кавказоведов придается их патриотическому воспитанию, которое является важной составляющей всей системы образования.

Особое внимание уделяется обучению навыкам научно-исследовательской работы, развитию аналитического мышления студентов. С этой целью уже во втором семестре первого курса бакаларвриата каждый студент выбирает тему своего исследования и все годы обуче-

ния под руководством научного руководителя работает над ней. Здесь преследуются две цели: первая – воспитать культуру аналитической исследовательской работы, которая будет нужна студентам в дальнейшей профессиональной деятельности, и вторая – подготовить будущих экспертов в той или иной области.

Студенты-кавказоведы УММ проходят практику в Министерстве иностранных дел и парламенте Нагорно-Карабахской Республики, в высших учебных заведениях Республики Армения: в Институте Кавказа и Институте Востока Российско-армянского университета (Ереван), на кафедре иранистики Ереванского государственного университета.

В своей работе Центр кавказоведения сталкивается с рядом проблем, среди которых можно выделить следующие:

1. Нехватка научной литературы, посвященной народам Северного Кавказа, их истории и культуре, традициям и обычаям, языкам.

2. Недостаток серьезных научных исследований по малочисленным автохтонным народам Кавказа, живущим на территории современного Азербайджана.

3. Сложности прохождения практики студентами-кавказоведами в структурах Армии обороны и Службы национальной безопасности Арцаха в связи с проблемами допуска к секретным документам.

4. Гендерный дисбаланс: сегодня из 65 студентов-кавказоведов более 60 % – девушки.

5. Низкий уровень общегуманитарной и интеллектуальной составляющей у выпускников школ – абитуриентов УММ, обусловленный переходом школьного образования в Нагорно-Карабахской Республике и Армении к европейским стандартам (Болонский процесс, тесты и т.д.). Это усложняет обучение на начальных курсах.

Центр кавказоведения Университета Месроп Маштоц открыт к сотрудничеству с другими центрами, кафедрами, учеными-кавказоведами из разных стран.

Примечания

1. Университет Месроп Маштоц // URL: http://www.mashtots.am/ru/index.php (дата обращения: 26.08.2019).

2. Россия и армяне Нагорного Карабаха в прошлом и настоящем / отв. ред. В.В Черноус. М.; Ростов н/Д.; Степанакерт, 2011 (Южнороссийское обозрение. Вып. 67); Государства де-факто Черноморско-Каспийского региона: проблемы внутреннего развития и влияния на политический процесс Юга России: сб. науч. ст. / под. ред. Г.М. Бабаяна и В.В. Черноуса. М.; Ростов н/Д.,

2013 (Южнороссийское обозрение. Вып. 77); Кавказ в геополитических интересах региональных и мировых держав: сб. науч. ст., посв. памяти В.В. Черноуса / отв. ред. Г.М. Бабаян, М.А. Васьков. Ростов н/Д.; Степанакерт, 2018.

Н.И. Медвенский

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОИСКОВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «САНЧАРО. ВЫСОКОГОРНЫЙ ФРОНТ – 2018»

Память о Великой Отечественной войне является одним из основополагающих элементов гражданской идентичности и духовного наследия большинства народов бывшего Советского Союза, что обусловлено непреходящей значимостью данного события в мировой истории. С одной стороны, Великая Победа определила поступательное развитие СССР на многие десятилетия вперед, а воинские подвиги, совершенные воинами РККА, ВМФ и партизанами, наряду с трудовыми подвигами работников тыла стали предметом заслуженной гордости граждан и примером для подрастающих поколений. С другой стороны, огромные людские потери, понесенные СССР, оставили неизгладимый, трагический след практически в каждой советской семье.

Одной из важнейших форм увековечения исторической памяти о павших защитниках Отечества являются поисковые экспедиции, имеющие целью обнаружение, идентификацию и перезахоронение останков советских воинов, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками и военнослужащими стран-сателлитов гитлеровской Германии. Как и в других уголках некогда единого Советского государства, в Абхазии подобные мероприятия регулярно проводились вплоть до распада СССР и по ряду причин были возобновлены лишь в 2012 г. Географически они охватывают перевалы и прилегающие территории Клухорского, Марухского и Санчарского направлений, на которых, наряду с Эльбрусским и Умпырско-Белореченским направлениями, летом и осенью 1942 г. наносил удары 49-й горнострелковый корпус вермахта.

В июле 2018 г., во время выпаса скота на высокогорных пастбищах к юго-западу от перевала Санчаро (2589 м), жителями села Псху Сухум-

ского района были обнаружены фрагменты незахороненных человеческих останков. Ввиду того, что в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. в указанном районе велись боевые действия между советскими и немецкими войсками, было высказано предположение, что останки принадлежат военнослужащим одной или обеих противоборствующих сторон. О находке было сообщено в Государственный музей боевой славы (далее – ГМБС) им. В.Г. Ардзинба, руководство которого обратилось к Президенту Академии наук Абхазии (далее – АНА) З.Д. Джапуа с просьбой оказать содействие в проведении экспедиции «Санчаро. Высокогорный фронт – 2018». Ее целями должны были стать поиск, определение в системе координат GPS, фото/видеофиксация, спуск и погребение вышеупомянутых останков, а также потенциальное пополнение фондов ГМБС им. В.Г. Ардзинба новыми экспонатами.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, президент АНА принял решение об оказании организаторам экспедиции необходимой правовой поддержки. 24 июля 2018 г. Академия наук Абхазии на основании представления Археологической комиссии АНА выдала Открытый лист (форму №3) № 3000005 на право проведения археологических разведок на имя председателя Археологической комиссии АНА академика О.Х. Бгажба, заместителя директора ГМБС им. В.Г. Ардзинба Н.И. Медвенского и научного сотрудника Абхазского государственного музея Д.А. Счастного. Содействие в организации экспедиции, состоявшейся с 4 по 8 августа 2018 г. под патронажем президента РА Р.Д. Хаджимба, оказали также Служба государственной безопасности РА, Министерство по чрезвычайным ситуациям РА и администрация с. Псху Сухумского района. В состав экспедиции вошли сотрудники ГМБС им. В.Г. Ардзинба, Абхазского государственного музея, Венского университета (Австрия). Работы проводились на основании закона «О историко-культурном наследии Республики Абхазия» (1998), инструкции «О порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых объектов историко-культурного наследия РА» (2003), положения «О производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах» (2003).

Историко-архивная справка о районе исследования. На протяжении тысячелетий перевалы Санчарского направления (Чмахара, Адзапш, Санчаро, Аллаштраху, Цегеркер и др.) являлись связующим звеном между побережьем Черного моря и Северным Кавказом. По данному пути велась оживленная торговля, перегонялся скот. На побережье доставлялись зерно и шкуры, обратно через перевалы увозились ткани, соль, оружие и посуда. Сам перевал Санчара, расположенный на Глав-

ном Кавказском хребте (далее – ГКХ), является внекатегорийным, имеет пологую тропу с севера и легкий спуск с юга. Это один из наиболее протяженных перевалов на Западном Кавказе – длина его перемычки составляет около 800 м. Он проходим с начала июля до начала октября и являет собой удобный транзитный пункт как в г. Сухум – через перевал Доу, так и в г. Гудаута – через перевал Гудаутский.

В ходе битвы за Кавказ Санчарское направление было избрано немецким командованием в качестве одного из приоритетных участков фронта для нанесения удара по советским войскам. 25 августа 1942 г. 3-й батальон 91-го полка 4-й горнострелковой дивизии "Enzian" разгромил 1-ю роту 1-го батальона 808-го полка 394-й стрелковой дивизии РККА, державшую оборону на перевале Санчаро, перешел на его южные склоны и вместе с другими подразделениями немецкой боевой группы "Stettner" устремился к перевалам Бзыбского хребта [1]. Позднее, ввиду усилившегося сопротивления Санчарской группы войск под командованием полковника И.И. Пияшева, гитлеровцы были вынуждены остановить наступление, покинуть ранее оккупированное ими с. Псху и отступить к перевалам ГКХ.

К концу сентября 1942 г. под перевал Санчаро подошли 307-й стрелковый полк и 1-й батальон 66-го стрелкового полка 61-й стрелковой дивизии РККА. Этим силам противостоял 1-й батальон 91-го полка 4-й горнострелковой дивизии "Enzian", оборудовавший на перевале блиндажи, стрелковые ячейки и пулеметные точки. Минометные батареи немецких горных стрелков располагались непосредственно на его седловине и обратных скатах. Атаки советских войск, направленные на овладение Санчаро, начались 25 сентября и продолжались практически ежесуточно, вплоть до 17 октября 1942 г., когда в горах выпал 2,5-метровый снег [2]. Штурмовые группы численностью от взвода до роты, реже – двух, выдвигались к перевалу ночью, после минометной и артиллерийской артподготовки, не приносившей противнику ощутимого ущерба ввиду отсутствия возможности ведения результативной корректировки огня. Все атаки были отражены. По немецким данным, лишь за неполный месяц боев на южных склонах перевала Санчаро советские потери составили до 500 человек убитыми и свыше 1000 – ранеными. Противник удерживал свои позиции до середины января 1943 г. и покинул их в связи с общим отходом немецкой группы армий «А» в южном секторе советско-германского фронта [3].

Первые работы по поиску и захоронению военнослужащих РККА, павших на Санчарском направлении и других участках высокогорного

фронта, а также по сбору оружия, боеприпасов и иного воинского имущества, были организованы летом 1943 г. Наркоматом обороны СССР. В силу ряда причин их результаты остались ограниченными. Ввиду того, что после окончания войны все имеющиеся трудовые резервы страны были брошены на восстановление народного хозяйства, а возможно, и по определенным обстоятельствам политико-идеологического характера, масштабных поисковых работ на перевалах ГКХ не велось. Лишь в связи с 20-летним юбилеем битвы за Кавказ на Санчарском и иных операционных направлениях инициативными группами молодежи из различных регионов СССР были организованы историко-патриотические экспедиции по местам боевой славы. Их целью являлся поиск и погребение останков погибших военнослужащих РККА, установка мемориальных плит и обелисков на братских могилах советских воинов и местах боев, сбор артефактов, передаваемых в музеи либо так называемые уголки памяти в школах, вузах и на предприятиях. Так, например, в июле 1963 г. группа преподавателей и учащихся средней школы № 19 г. Сухум и сотрудников Сухумского физико-технического института совершила восхождение на перевал Санчаро, собрала обнаруженные останки погибших там советских воинов и предала их земле в братской могиле в ущелье р. Бешта.

В 1970–1980-х гг. на Санчарском направлении работали отряды «АСЮТ» из Авдеевки, «Чергид» из Невиномысска, «Романтик» из Одессы, «Крокус» из Таганрога и др., координируя свои действия с Абхазским государственным музеем и Республиканским отделением общества ДОСААФ. К сожалению, точное число найденных и перезахороненных в ходе этих работ красноармейцев остается неизвестным ввиду отсутствия соответствующих данных. По оценкам покойного директора Абхазского государственного музея А.М. Тариа, общее количество обнаруженных и преданных земле военнослужащих РККА на Санчарском, Марухском и Клухорском направлениях вплоть до 1991 г. составило свыше 300 человек. Это составляет лишь незначительную часть безвозвратных потерь советских войск, понесенных в горах Абхазии в 1942–1943 гг.

После распада СССР, грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., а также последующего периода экономической блокады Абхазии на перевале Санчаро и других направлениях абхазского участка ГКХ поисковых работ не велось. В июле 2017 г. по инициативе ГМБС им. В.Г. Ардзинба была организована международная военно-историческая поисковая экспедиция «Санчаро. Высокогорный фронт – 2017». Мероприятие состоялось при поддержке президента РА Р.Д. Хаджимба, руководства

Службы государственной безопасности РА, Министерства обороны РА, Министерства по чрезвычайным ситуациям РА, Республиканского центра судебно-медицинской экспертизы РА, Института археологии РАН, Общественного общероссийского движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России». В ходе работ в 0,7 км к западу от перевала Санчаро на каменистой осыпи были обнаружены останки 33 военнослужащих РККА, фрагменты советского обмундирования и снаряжения, а также стандартный шестигранный эбонитовый медальон с вкладышем на имя Ионова Александра Николаевича, минометчика 66-го полка 61-й стрелковой дивизии. Согласно обобщенной базе данных «Мемориал» и обобщенной электронной базе данных «Подвиг народа», красноармеец погиб 15 октября 1942 г. Все останки с воинскими почестями были преданы земле 2 августа 2017 г. у мемориала защитников Кавказа в селе Псху. Коллекция артефактов, собранная в процессе работ и насчитывающая 120 предметов, пополнила фонды ГМБС им. В.Г. Ардзинба.

Содержание работ. Работы международной военно-исторической поисковой экспедиции «Санчаро. Высокогорный фронт – 2018» проводились на выявленном объекте, получившем условное обозначение «Коллективное скопление останков участников боев за перевал Санчаро». Он располагается в 10 км к северо-востоку от села Псху, в зоне высокогорья, в непосредственной близости (10 м) от государственной границы с Российской Федерацией. Для географической привязки работ был выбран репер № 1, представляющий собой железный четырехгранный обелиск, вершину которого ранее венчала пятиконечная звезда, в настоящее время лежащая у его основания. На лицевой стороне обелиска, обращенной на юго-запад, закреплена мемориальная табличка с надписью: «Героям, павшим в боях за нашу Родину. От преподавателей и учащихся техникума советской торговли г. Пятигорска. Октябрь 1966». К основанию обелиска прислонена мемориальная плита с надписью: «Здесь покоится прах одиннадцати неизвестных Героев, отдавших свою жизнь за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков. 1942–1943». В качестве репера № 2 был выбран массивный камень на седловине перевала в 10 м от обелиска. GPS-координаты репера № 1: 43°25′38.98″ С; 40°55′18.55″ В; GPS-координаты репера № 2: 43°25′35.60″ С; 40° 55′14.66″ В.

Под обелиском расположена каменная насыпь, ориентированная своей осью с юго-запада на северо-восток. Ее длина составляет 275 см, ширина – 170 см, высота – до 30 см. На момент начала работ насыпь

была частично разобрана неизвестными лицами (возможно, так называемыми черными копателями), при этом между камней, на открытой поверхности, находилась первая группа беспорядочно лежащих человеческих останков. Участниками экспедиции было принято решение о разборке насыпи и извлечении всех доступных костей и их фрагментов. В результате из-под камней была изъята вторая группа костных человеческих останков, также располагающихся в хаотическом порядке (так, например, две нижние челюсти находились в нижней части насыпи, вместе с большими и малыми берцовыми костями, а фрагменты черепных коробок были сосредоточены в средней ее части). В непосредственной близости от насыпи, на южном склоне перевала, находилась третья группа человеческих костных останков, бессистемно разбросанных вокруг обелиска в двух направлениях: северо-западном и юго-восточном. Наиболее удаленные из них лежали на расстоянии 9 м от насыпи. Общее количество обнаруженных костных останков составило 108 единиц.

Вперемешку с костными останками были обнаружены: переломанная надвое алюминиевая столовая ложка, пряжка от вещевого мешка РККА, пуговицы с советской военной формы, барабанная пружина от пистолета-пулемета Шпагина. На все предметы была составлена опись и впоследствии они пополнили фонды ГМБС. Кроме того, в ходе разборки насыпи было найдено несколько десятков гильз под немецкий винтовочно-пулеметный унитарный патрон Mauser калибра 7,92×57 мм. Это указывает на наличие в данном пункте стрелковой ячейки горных стрелков вермахта, из которой велся огонь по воинам РККА, штурмовавшим перевал Санчаро осенью 1942 г.

Таким образом, было сделано заключение, что выявленные костные останки принадлежали советским военнослужащим, погибшим на юго-западных склонах перевала. Вероятно, после обнаружения в 1966 г. преподавателями и учащимися техникума торговли г. Пятигорска они были собраны, подняты на перевал и присыпаны камнями, образующими насыпь под обелиском. Однако впоследствии (возможно, в результате действий черных копателей) захоронение подверглось внешнему воздействию, на что указывают следующие факторы: а) соответствующее состояние частично разобранной насыпи на момент начала работ; б) наличие хаотично разбросанной группы останков вблизи обелиска, чего, очевидно, не позволили бы себе инициаторы его установки; в) минимальное количество предметов советского воинского снаряжения и обмундирования, найденных при останках.

После транспортировки находок на погранзаставу «Псху» Погранотряда СГБ РА была проведена их камеральная обработка: мойка, чистка, сушка. По завершении антропологических исследований главой администрации с. Псху Д.И. Зухба был выделен земельный участок для погребения останков. Обустройство территории захоронения, рытье могилы, установка ограды, изготовление гроба велось под руководством начальника пожарно-спасательного поста «Псху» МЧС РА капитана С.Ф. Зинченко. 8 августа 2018 г. останки красноармейцев в присутствии пограничников, спасателей, участников экспедиции и жителей села с воинскими почестями были преданы земле.

Антропологические исследования. В задачу антропологических исследований входила первичная оценка степени сохранности костной ткани и подсчет минимального количества индивидов. Все три группы останков не имели анатомического порядка и содержали костный материал различной степени фрагментации, отличающийся средним и низким уровнем сохранности. Это может быть объяснено обстоятельствами захоронения первой и второй группы останков под 30-сантиметровой каменистой насыпью, произведенного спустя 24 года после гибели красноармейцев, причем довольно бессистемным способом, а также длительным периодом нахождения костей на поверхности земли и их подверженности разрушительному воздействию природно-климатических факторов, таких как дожди, снега, ветра, морозы. После того как часть костей была вторично извлечена из-под насыпи неустановленными лицами, она также продолжала находиться на грунте, при этом ее состояние регулярно ухудшалось.

В первичную атрибуцию антропологического материала вошел подсчет минимального количества обнаруженных индивидов, производившийся по общепринятой методике, используемой в судебной медицине и при исследовании коллективных захоронений. Наиболее сохранными остались плотные и прочные части длинных трубчатых костей – большеберцовой, малоберцовой и бедренной, а также кости стопы – пяточная и таранная. Кости были по возможности разложены по отделам скелетов, подсчитано количество костей правой и левой стороны отдельно, а также общее количество для всего комплекса. Наиболее представленным элементом стала правая (12 ед.) и левая (11) бедренная кость.

Некоторые из костей носили на себе следы осколочных и пулевых ранений. Обнаружение при группе останков, лежащих на грунте, осколков немецких минометных мин Wgr. 38 калибра 81 мм от батальонного миномета вермахта Schwerer Granatwerfer 34 является очередным

подтверждением того, что кости принадлежат военнослужащим РККА. Причиной летальности были, очевидно, травматический шок и кровотечения, а наличие переломов прямо указывает на воздействие минометного огня. Близкое расстояние, отделяющее место нахождения останков от позиций немецких горных егерей на седловине перевала Санчаро, может быть объяснено тем, что последние подпустили атакующих на максимально близкую дистанцию и только после этого открыли огонь на поражение. Этим же объясняется минимальный настрел гильз со стороны солдат и офицеров РККА: перед гибелью они успели произвести в сторону противника лишь несколько выстрелов, что свидетельствует о скоротечности боя. Зачастую уцелевшие красноармейцы были лишены возможности забрать при отходе своих раненых товарищей, беспомощно лежавших на снегу и камнях на виду у врага. Отсутствие медицинской помощи служило причиной летального исхода, нередко наступавшего в результате быстрого замерзания обездвиженного и истекающего кровью солдата.

После проведения первичной атрибуции антропологического материала и консультации с начальником Бюро судебно-медицинской экспертизы Миздрава РА Г.Х. Бобуа было установлено минимальное количество обнаруженных индивидов, составившее 12 человек. Не исключено, что на седловине Санчаро могут быть обнаружены новые человеческие останки, однако проверка данного предположения может быть осуществлена только в случае организации археологической экспедиции в строгом соответствии с законодательством Республики Абхазия.

Заключение. В ходе разведывательных полевых работ, проведенных на месте обнаружения костных человеческих останков на перевале Санчаро, а также антропологического исследования последних был осуществлен комплекс мероприятий. Установлено, что: а) останки принадлежат не 11, как указано на мемориальной плите, а 12 военнослужащим РККА (наличие 12 правых и 11 левых бедренных костей), погибшим при штурме перевала предположительно в сентябре или октябре 1942 г., некоторые из них имели следы осколочных и пулевых ранений; б) останки были собраны и засыпаны камнями на седловине перевала в октябре 1966 г. группой преподавателей и учащихся техникума советской торговли из г. Пятигорска. Впоследствии насыпь подверглась частичной разборке неустановленными лицами, возможно, так называемыми черными копателями. При этом часть костных останков остались лежать на поверхности хаотично разбросанными. Не представляется возможным установить, было это сделано в советский либо постсоветский период,

однако, судя по состоянию костной ткани, останки пролежали на грунте не один год; в) с большой долей вероятности можно предположить, что не похороненные останки советских воинов могут находиться не только на перевале Санчаро и в прилегающей местности, но и в других горных районах Абхазии.

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 3. Оп. 35164. Д. 10. Л. 18–18 об.
2. Там же. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 112. Л. 8–10.
3. Там же. Д. 56. Л. 119, 188–188 об.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАВКАЗА В XVI–XX вв.

Ш.А. Гапуров

ОТ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА – К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЕДИНСТВУ: ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ

Северный Кавказ является важной составной частью современной России, регионом, прикрывающим южные границы страны. Отношения между Российским государством и народами Северного Кавказа, зародившиеся в XVI в., прошли долгий и сложный путь: от военно-политического союза в XVI–XVIII вв. до государственного единства с рубежа XVIII–XIX вв.

Российско-горский военно-политический союз XVI–XVIII вв. был результатом взаимного притяжения, обоюдного интереса. Россия на пути к превращению в великую державу была крайне заинтересована в утверждении своего влияния на Северном Кавказе. Для этого в условиях острой борьбы с Турцией и Ираном за регион ей был необходим союз с северокавказскими народами. Сами же горцы тоже были заинтересованы в торгово-экономических отношениях с Россией и нуждались в ее помощи для отражения постоянных нападений Крымского ханства, Османской империи и Ирана. В результате этой взаимной заинтересованности в военно-союзнических отношениях горские делегации в XVI–XVIII вв. постоянно посещали Москву (где их принимали на самом высоком уровне) и российские административные центры на Северном Кавказе. В свою очередь официальные российские представители были частыми гостями у горских владельцев и обществ. Следствием разви-

тия дипломатических связей и иных контактов местного уровня были различные соглашения о подданстве и покровительстве России над горскими народами, приносились соответствующие присяги со стороны горцев.

У кавказоведов не сложилось единой периодизации истории российско-горских взаимоотношений до XX в. По нашему мнению, многовековая политика России на Северном Кавказе хронологически может быть разделена на четыре этапа: 1) вторая половина XVI – конец XVII в., когда закладываются ее основы, намечаются стратегические цели, путем проб и ошибок идет поиск оптимальных форм и методов установления российского влияния в регионе, форм взаимоотношений с местными народами, что позволяет России закрепиться на северокавказских рубежах; 2) XVIII в. – переходный период в кавказской политике России, когда она явно начинает одерживать верх в борьбе с Турцией и Ираном за контроль над регионом, а в отношениях с горцами происходит постепенный переход от политики «ласканий» к политике силового давления; 3) первая четверть XIX в., когда российское правительство начинает устанавливать свою реальную административную власть на Северном Кавказе, опираясь на предельно жесткие, военно-силовые методы, что и явилось основной причиной Кавказской войны; 4) конец 1820-х гг. – 1864 г. – эпоха Кавказской войны, завершившейся окончательным присоединением Северного Кавказа к России, полным установлением здесь российской власти.

Период с XVI до середины XIX в. был временем сложных, далеко не прямолинейных взаимоотношений между Россией и горскими народами, когда «помимо войн, грабительских набегов, оборонительно-наступательных союзов и контрсоюзов, существовали отлаженные торговые, политико-дипломатические, культурные связи на всех уровнях, династические браки, личная дружба и симпатии между правителями и пр. <…> Граница между Российским государством и местными раннеполитическими образованиями находилась в подвижном состоянии, представляла собой не только линию вооруженного соприкосновения (даже в период Кавказской войны), но и своего рода контактно-цивилизационную зону, где развивались интенсивные хозяйственные, политические, личные (куначеские) связи. Шел процесс взаимопознания и взаимовлияния народов, ослаблявший вражду и недоверие» [1].

Своеобразными вехами в становлении и развитии политических отношений между Россией и горскими владельцами или обществами становилось подписание соглашений о верности и подданстве горцев

России, в которых оговаривались, как правило, права и обязанности сторон. Как известно, первыми акт о вступлении в российское подданство подписали кабардинские князья. Они же в 1558 г., в условиях резко возросшей в Кабарде турецкой угрозы, заключили с Москвой соглашение, ставшее «образцом для последующих договорных грамот» между Москвой и северокавказскими феодалами [2]. За покровительство и защиту кабардинцы обязаны были выставлять войска против врагов России, от них требовалось полное и безусловное подчинение. Нарушение горской стороной взятых на себя обязательств предусматривало серьезное наказание.

Далее мы рассмотрим историю становления и развития российско-северокавказских отношений в XVI–XIX вв. на примере Чечни. Первые контакты между русскими и чеченцами восходят к раннему Средневековью. В конце XVI в. между Россией и Чечней оформился военно-политический союз. В установлении таких отношений были заинтересованы обе стороны. Российские укрепленные поселения по Тереку (в 1567 г. была основана казачья станица Червлённая, в 1569 г. – Щедринская, в 1588 г. – крепость Терки) [3] одновременно являлись центрами местной торговли, и чеченцы были крайне заинтересованы в продаже здесь излишков своего производства (продуктов земледелия, скотоводства, изделий домашних промыслов) и приобретении необходимых для себя мануфактурных товаров. Кроме того, чеченцы рассчитывали на помощь царских властей в борьбе с кабардинскими и дагестанскими феодалами, стремившимися установить свою власть над переселяющимися на равнину чеченцами.

Интерес московского правительства к Чечне объяснялся прежде всего ее географическим положением: непосредственным соседством с терскими городками и тем, что по ее территории проходили наиболее удобные пути сообщения с Грузией [4]. Основной путь, связывающий Московское государство с первыми его союзниками на Кавказе – Кабардой и Грузией, назывался в источниках «дорога в Черкасы», Черкасской дорогой. Один из важных ее отрезков проходил вдоль левобережья р. Сунжи в непосредственной близости от мест обитания чеченцев и затем по верховьям р. Терек через кабардинские и ингушские владения достигал Грузии [5].

В.А. Потто писал о Чечне: «Эта малодоступная страна лежала первою на пути распространения русского владычества не потому только, что она приходилась ближайшею к русским владениям, с которыми не могла не сталкиваться постоянно. Главнейшее ее значение было в том,

что она, со своими богатыми горными пастбищами, с дремучими лесами, посреди которых были раскиданы роскошные оазисы возделанных полей, с равнинами, орошенными множеством рек и покрытыми богатою растительностью, была житницей бесплодного каменистого Дагестана. И только завоевав Чечню, можно было принудить к покорности и мирной гражданской жизни горные народы восточной полосы Кавказа» [6]. Стратегическую значимость Чечни увеличивал и тот факт, что по ее территории проходила так называемая Османовская дорога (ее название связано с событиями 1583 г., когда турецкое войско Османа-паши, шедшее из Дербента в Крым, было разбито на Терке казаками) [7]. По ней осуществлялась связь Дагестана с Кабардой и северокавказских народов с Россией. Дорога шла из Кабарды вдоль Терского хребта, мимо современной станицы Горячеисточненской, пересекала Сунжу южнее Сунженских городков 1635, 1651 и 1653 гг. и далее через Качкалыковский хребет, через чеченские земли мичкизов и ауховцев выходила к Таркам [8].

Разумеется, в XVI–XVII вв. царизм не ставил задачу завоевания или покорения Чечни, но ее стратегическая важность для дальнейшего продвижения на Северном Кавказе московским правительством была осознана уже тогда. Установленные союзнические отношения России с народами Северного Кавказа устраивали обе стороны. Иные формы сотрудничества между ними в ту эпоху вряд ли были возможны. В XV–XVII вв. Россия весьма гибко и искусно создавала фундамент для будущего включения северокавказских народов в свой состав и действовала при этом преимущественно мирными средствами. Как полагала Е.Н. Кушева, установление политических и иных отношений с чеченцами для Москвы было связано с общими вопросами русской политики на Кавказе и шире – на Востоке, с задачами борьбы против Крыма и Турции [9].

У истоков становления русско-чеченских отношений в 60-е гг. XVI в. стоял Ушурма-мурза Окоцкий. Во главе подвластных ему окочан (ококов, или акинцев) он, вместе с терскими и гребенскими казаками, охранял российские границы на Кавказе, ходил вместе с казаками в военные походы против противников Москвы в регионе (Ушурма имел под своим началом до ста конников и около тысячи пеших воинов), помогал терским воеводам в строительстве первых русских городков по Тереку, снабжал их продовольствием [10]. После смерти Ушурмы около 1688 г. его политический курс, направленный на служение России, продолжил сын Ших-мурза. При нем русско-чеченские связи стали очень тесными и перешли на качественно новый уровень.

Отношения России и чеченцев к тому времени вполне созрели для их официального закрепления путем проведения соответствующих переговоров и подписания договора о союзе. В том же 1588 г. в Москву отправилось первое чеченское посольство с грамотой от Ших-мурзы, и 21 ноября чеченский посол Батай был принят царем Федором Ивановичем. В целом аудиенция носила весьма торжественный характер.

В августе 1589 г. в Терки из Москвы прибывают русские послы князь Семен Звенигородский и Тихон Антонов, которые привезли Ших-мурзе царскую грамоту о принятии чеченцев под покровительство России. С этого времени чеченцы активно участвуют во всех военных и дипломатических мероприятиях России на Кавказе.

Таким образом, первое чеченское посольство и присяги чеченских владельцев до и после посольства по существу привели к официальному оформлению союзнических отношений ряда вайнахских обществ с Россией. Царские власти проинформировали дворы европейских монархов о вступлении чеченцев в российское подданство [11]. Так, с конца XVI в. чеченцы твердо и осознанно избрали политический курс на сближение и единство с Российским государством.

В XVII в. политические и экономические связи чеченцев с Россией расширились и укрепились. Ориентация большинства чеченских обществ на союз с Россией стала господствующей тенденцией в развитии Чечни.

Уже к середине XVIII в. значительная часть чеченцев, учитывая выгоды торгово-экономических связей с русскими поселенцами, «обнаруживали относительную устойчивость в отношениях с Россией» [12]. В 1747 г. российское подданство приняли жители обществ Чебутли, Шали, Алды и Герменчик [13]. В 1748 г. Коллегия иностранных дел Российской империи установила жалованье пятидесяти чеченским старшинам и четверым князьям: Росланбеку Айдемирову, Алисултану и Алибеку Казбулатовым, Турлову, принявшим российское подданство [14]. Видимо, В.А. Потто не без оснований отмечал, что к середине XVIII в. большая часть Чечни считалась находящейся в российском подданстве [15]. Я.З. Ахмадов считает, что в течение первой половины XVIII в. взаимоотношения Чечни с Россией намного расширились, ориентация на Россию стала преобладающей [16].

Несомненно, утверждению России на Северном Кавказе способствовало наличие пророссийских политических настроений среди определенной части местного населения. Они обусловливались тем обстоятельством, что в России как мощном военном и политическом факторе

были заинтересованы различные общественные слои, стремившиеся использовать его в своих целях. Временами сфера распространения этих настроений сужалась, в том числе из-за просчетов русской администрации, желавшей ускорить вовлечение новоприобретенных территорий в общеимперскую систему [17].

К середине XVIII в. чеченский народ уже прочно вошел в орбиту российских владений на Северном Кавказе. Не случайно в одном из официальных документов правительства императрицы Елизаветы Петровны указывалось, что «чеченской подданной Ея императорского величества народ… жительство имеет на реке Сунже, из гор вытекающей, не в дальнем расстоянии от Червленного и Щедрина казачьих городков, в гористых и лесных, а потому и весьма крепких местах» [18].

Даже крайне неровные, иногда противоречивые русско-чеченские отношения конца XVI – первой половины XVII в. «вполне созидательно сказывались на Чечне». Наметился процесс национальной консолидации, «менялся внутренний и внешний мир Чечни», она втягивалась в российское экономическое пространство, ускорилось развитие внутренних социальных процессов [19]. Однако это в целом поступательное развитие русско-чеченских отношений шло далеко не прямолинейно и зачастую прерывалось непоследовательной, непродуманной политикой и действиями царской администрации в крае. М.М. Блиев подчеркивает, что «российские власти не имели еще достаточного опыта, чтобы строить свои контакты с учетом многообразия этнокультурных сообществ, с которыми им предстояло столкнуться. Они не вникали в веками складывавшиеся межэтнические отношения северокавказских народов… не отдавали себе отчета в том, к каким последствиям приведет столь активное вмешательство в незнакомый и в сущности чуждый для них мир» [20].

Важным этапом вхождения Чечни в состав России явилась последняя треть XVIII в. В 1781 г. целый ряд равнинных чеченских обществ подписал соглашения о подданстве России, весьма неоднозначно толкуемые в исторической литературе, вышедшей за последние тридцать лет. В.Б. Виноградов, М.М. Блиев и солидарные с ними авторы назвали это событие «добровольным вхождением Чечни в состав России» [21]. Однако целый ряд исследователей (Е.Н. Кушева, Л.И. Лавров, Я.З. Ахмадов, С.С.-А. Исаев и др.) уже в начале 1980-х гг. не соглашались с этой концепцией, считая, что присоединение Чечни к России стало результатом Кавказской войны.

И всё же нет сомнения, что в 1781 г. в российско-чеченских взаимоотношениях произошло важное событие, безусловно, наложившее отпечаток на их дальнейшее развитие. Россия с этого времени стала рассматривать Чечню как составную часть своей территории.

Договоры о подданстве северокавказских народов при всей их непрочности постепенно подготавливали политическую почву для будущего установления власти России на Кавказе, укрепляли здесь ее позиции. Эти соглашения – особенность кавказской политики России.

Российско-горский союз, пророссийская ориентация большей части северокавказского общества явились главным фактором в победе России над Османской империей и Ираном в борьбе за Северный Кавказ. Так что реальный вклад горцев «в обеспечение безопасности собственной территории и российского пограничья» был огромным. Достаточно вспомнить борьбу дагестанцев с иранскими завоевателями и борьбу кабардинцев с крымскими вторжениями. Но с конца XVIII в. Россия берет курс на превращение северокавказских вассалов-союзников в покорных подданных. Задача эта выполнялась преимущественно силовыми методами, сводя к минимуму использование политико-экономических средств.

В 1807 г. в Чечню были введены российские войска под командованием генерала С.А. Булгакова, уничтожившие многие равнинные селения. По требованию главноуправляющего в Грузии, астраханского и кавказского военного губернатора графа И.В. Гудовича почти все общества равнинной Чечни приняли (уже в который раз) российское подданство. Документы о присяге были отправлены в Санкт-Петербург для хранения в архиве Министерства иностранных дел [22]. Целый ряд историков не без оснований считает, что именно в 1807 г. произошло реальное присоединение Чечни к России. Однако к 1816 г., ко времени приезда на Кавказ нового командующего Отдельным Грузинским корпусом генерала А.П. Ермолова, с чьей десятилетней деятельностью в регионе связывается начало Кавказской войны, практически вся горная часть Чечни была вне контроля России. Да и на Чеченской равнине российская власть существовала лишь на бумаге. С 1818 до 1859 г. почти на всей территории Чечни (за исключением притеречных районов) шли военные действия. Окончательное присоединение Чечни к России произошло в 1859 г., с окончанием Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе.

Таким образом, присоединение Чечни (и других районов Северного Кавказа) к России было длительным, поэтапным процессом, который

начался в конце XVI в. и завершился в 1859 г. Эта интеграция стала результатом применения и действия различных методов: политических, экономических, культурных и военных. Утверждая свою власть на Северном Кавказе, Россия исходила из своих геополитических, стратегических и экономических интересов. Чеченцы (и горцы в целом) в силу различных причин были заинтересованы в союзе с Россией, с готовностью принимали подданство, но при этом стремились сохранить свою внутреннюю автономию. Однако логика и законы строительства империи, из которых исходила Россия (и другие великие державы), отрицали сохранение такой автономии. Тем не менее с XVI в. северокавказские горцы (адыги с середины этого столетия, чеченцы – с конца, а большинство дагестанских владельцев и обществ – с XVII в.) стремились к союзу, добрососедству и дружбе со своим великим северным соседом – Россией. С середины XVIII в. начало складываться и российско-северокавказское государственное единство. Процесс этот, замедленный Кавказской войной, завершился к середине 60-х гг. XIX в. У северокавказских народов началось ускоренное развитие экономики и культуры, что привело к серьезным изменениям в социальных отношениях внутри горского общества.

Создание, преимущественно мирным путем, государственного единства России и народов Северного Кавказа можно считать уникальным явлением, аналога которому нет в мировой истории. В рамках Российской империи объединились народы с разной культурой, разными религиями и находящиеся на разных уровнях общественного развития. Это стало результатом многовекового развития отношений сторон и их взаимной заинтересованности в союзе и объединении. Разумеется, это был длительный и сложный процесс.

Примечания

1. Дегоев В.В. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности // Вестник Института цивилизации. Владикавказ, 1999. С. 129.

2. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 34.

3. Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1912. С. 74.

4. Там же.

5. Магомадова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI–XVII вв. // Взаимоотношения

народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 26.

6. Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Т. 2. Ставрополь, 1994. С. 65–66.

7. Магомадова Т.С. Указ. соч. С. 25.

8. Исаева Т.А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 20.

9. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII в. Сборник документов. М., 1997. С. 10.

10. Ахмадов Я.З. Первое вайнахское посольство в Москву (1588–1589 гг.) // Роль России в исторических судьбах Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). Грозный, 1983. С. 27–28.

11. Там же.

12. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа: на пути к цивилизации. М., 2004. С. 80.

13. Гапуров Ш.А. Страницы истории российско-горских отношений в XVI–XIX веках // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 56. С. 53.

14. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 74.

15. Потто В.А. Указ. соч. С. 72.

16. Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 65.

17. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе. М., 2003. С. 16.

18. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115. Оп. 1. 1757 г. Д. 9. Л. 1.

19. Блиев М.М. Указ. соч. С. 83.

20. Там же.

21. См., например: Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980.

22. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 4 т. Т. 3. Грозный, 2013. С. 54–63; Арсанукаева М.С. Русско-чеченский договор 1807 г.: политико-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2009. № 6. С. 109–112.

Р.М. Султанбеков

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVI – начало XIX в.)

В политической истории народов Дагестана особое место занимают события, связанные с вхождением в состав России. Российское многонациональное государство складывалось столетиями в результате присоединения различных народов, разбросанных на огромной территории, находившихся на разном уровне социально-экономического и культурного развития, имевших различное вероисповедание. Одни народы добровольно вошли в состав России, другие присоединились в поиске покровительства, третьи – в результате длительной и кровопролитной войны или в результате дележа территории после очередной победоносной войны.

На сегодняшний день в условиях политической нестабильности на Юге России с возрастанием угрозы политического, религиозного и этнического экстремизма возникает необходимость объективного изучения процесса присоединения народов Дагестана и в целом Кавказа к России. Без изучения истории вхождения в состав России отдельных малых народов Кавказа, в том числе дагестанских, невозможно дать объективную оценку этому процессу, выявить его позитивные и негативные стороны.

Другая сторона проблемы, относительно которой мнения исследователей расходятся, – какую дату или какое событие можно считать точкой отсчета вхождения многочисленных дагестанских народов в состав России. Одни исследователи называют подписание Георгиевского договора в 1802 г., другие считают таким событием и датой заключение Гюлистанского договора в 1813 г., третьи – пленение Шамиля в 1859 г.

Процесс присоединения народов Дагестана к России был не единовременным актом. Его исторические корни следует искать в длительном периоде взаимоотношений народов Дагестана с народами Кавказа и России, которые то имели характер торгово-экономических связей, то перерастали в военное противостояние.

Процесс интеграции Кавказа в российское цивилизационное пространство начался в XVI в., когда с присоединением Казанского, Астраханского и Сибирского ханств Москва объявила себя правопреемницей Золотой Орды, а южное направление приобрело особую геополитиче-

скую значимость [1]. Перед Россией открывались широкие возможности освоения стратегически важного Кавказского региона. Этому благоприятствовала и пророссийская ориентация местной феодальной знати, способствовавшая появлению в 1567 г. первого военного укрепления русских на Кавказе – Терского городка [2].

Причем на протяжении длительного периода, вплоть до конца XVIII в., политика России на Северном Кавказе отличалась гибкостью и стремлением уйти от конфронтации с населением этого региона. Это объяснялось тем, что «регион был необходим России как опорная база, военно-политический плацдарм в борьбе с Османской империей, Крымским ханством и Ираном, утверждение в котором не только позволяло отвести угрозу нападения последних на русские поселения на Северном Кавказе, но и посредством эффективного использования антитурецкого и антииранского потенциала народов всего региона нанести военно-политическое поражение данным государствам, долгое время угрожавшим безопасности и интересам России на южном направлении» [3].

Взаимоотношения русских военных и горцев на начальном этапе интеграционного процесса носили взаимовыгодный характер: коренные народы с помощью русских решали задачи локального характера. Царская Россия стремилась к установлению своего контроля над военно-стратегическими и торговыми путями, проходящими вдоль Каспийского моря, или хотя бы к тому, чтобы эти пути находились под контролем устойчивой власти, с которой можно было бы разговаривать не языком силы, а дипломатии. Россия строила цепь военных городков-крепостей для определения будущих границ и степени их надежности. По оценке большинства исследователей, политические соглашения середины XVI в. для кавказской феодальной знати выглядели как своеобразный взаимовыгодный военно-политический союз [4].

В конце XVII в. большинство феодальных владетелей Кавказа обратились к Москве с просьбой о принятии в российское подданство, что способствовало интеграции народов приграничной территории (фронтира) в состав Российского государства, которая осуществлялась как мирными, так и военными средствами [5]. При этом надо подчеркнуть, что в процессе своей экспансии Россия не претендовала на полное господство в регионе, а осуществляла административную власть, привлекая для управления представителей местной феодальной верхушки.

В исследуемое время на южных окраинах Российского государства, Ирана и Османской империи так называемая приграничная территория

превратилась в зону фронтира, с присущими для нее признаками политической и военно-административной нестабильности [6]. Барьерные территории с характерным для них отсутствием централизованной системы административно-политического устройства и военной организации с 1739 г. являлись кавказским фронтиром – зоной скрытого и явного противостояния России, Ирана и Османской империи [7].

Россия, Иран и Османская империя на протяжении XVIII в. различными путями пытались выстроить стабильные вассально-подданнические отношения с политическими образованиями Северо-Восточного Кавказа. В результате Каспийского похода Петра I 1722 г. России удается укрепить свои позиции в Прикаспийской части Дагестана. Согласно условиям Петербургского договора 1723 г. и Стамбульского договора 1724 г., заключенных соответственно с Ираном и Турцией, под контроль России отошла значительная часть Дагестана [8].

Принятие присяги на верность Российской короне в 1725 г. с выдачей аманатов, с их последующим содержанием в Дербенте при военном коменданте, является начальным этапом вхождения народов Дагестана в состав России. В последующие годы XVIII в. вследствие ослабления позиций России на Кавказе, в частности в Дагестане, процесс вхождения дагестанских народов в состав Российской империи был приостановлен. Народы Дагестана оказались втянутыми в борьбу между Турцией, Ираном и Россией, принимая то одну, то другую сторону.

В освоении южного российского приграничья большая роль отводилась терскому и гребенскому казачеству, которое населяло эти земли еще с XVI в. Появление в регионе российских городских поселений, возникновение непосредственных контактов с казачеством и знакомство с городским укладом жизни (городской культурой) в свою очередь имело последствия, оказавшие серьезное влияние на процессы культурогенеза в регионе [9].

По сведениям исторических источников, российская военная администрация в отношении местных народов действовала скорее методом убеждения, чем принуждения, но по мере укрепления своего влияния всё больше преобладал метод принуждения [10]. В 1763 г. Россия построила Моздокскую крепость, которая стала центром переселения казачества, грузин, армян, ингушей и кабардинцев. Подобную роль сыграла и крепость Кизляр, основанная в 1735 г., которая стала центром торгово-экономических и культурных связей русского населения и дагестанских горцев. Моздок, Кизляр и другие города-крепости являлись опорными пунктами военного присутствия России в Кавказском регионе.

Россия не имела документов международного права для своих территориальных приобретений до конца XVIII в. – времени первых серьезных военных успехов в противостоянии с Османской империей. Принятие в подданство и зависимость отдельных владений по отношению к России было сугубо добровольным и происходило на взаимовыгодных условиях. Поэтому оно не сопровождалось продвижением государственной границы и не приводило к назначению в эти владения представителей российской военной администрации.

С заключением Георгиевского трактата 1783 г. связано дальнейшее укрепление присутствия России в Кавказском регионе. Но усиление российского влияния на Северном Кавказе и дальнейшее продвижение в Закавказье невозможно было без укрепления позиций России в Дагестане. Во время персидского похода генерала В. Зубова в 1796 г. большинство дагестанских феодальных владетелей изъявило желание вступить в российское подданство [11]. В свое время известный ученый Р.М. Магомедов писал, что дагестанские владетели в условиях российско-турецко-иранского противоборства на Северном Кавказе выработали своеобразную «политику лавирования», состоящую из следующих моментов: 1) не допускать ни поглощения, ни столкновения с сильными соседями; 2) по возможности использовать любой поворот в их отношениях, дабы занять более выгодное положение; 3) не допускать в Дагестане никакого управления извне [12]. Эта «политика лавирования» дагестанских владельцев оправдывала себя до тех пор, пока Россия вела в Дагестане «политику компромисса».

Вступление Восточной Грузии под покровительство России оказало определенное влияние на многих ханов и владетелей Дагестана и Азербайджана. Они один за другим обращаются к России с просьбой о принятии их в российское подданство [13]. Однако официальный Петербург не спешил с принятием под свое крыло всех феодальных владетелей Дагестана. Исключение было сделано только для аварского Султан-Ахмед-хана, имевшего на тот момент сильное влияние в Нагорном Дагестане, особенно среди аварских обществ. Добровольное вступление в российское подданство аварских ханов должно было усилить их пророссийскую ориентацию и тем самым обезопасить Грузию от набегов.

Принятие Аварского ханства в подданство России оказало огромное влияние на остальных владетелей Дагестана и Северного Азербайджана. Этим и воспользовался Александр I, который решил образовать из владений Дагестана и Азербайджана союз кавказских владельцев.

Несмотря на разногласия среди участников съезда 26 декабря 1802 г., в крепости Георгиевск был подписан договор, который состоял из 12 статей.

С этого времени наступил новый период внешнеполитической деятельности феодальных владетелей Кавказа, им надо было определиться, поскольку время политики лавирования между Турцией, Ираном и Россией завершилось. Они видели, что Россия одерживает верх в этой борьбе, и потому готовы были принять российское подданство, но только в качестве союзников России, с сохранением своей самостоятельности. Единственная обязанность, возложенная на них, состояла в сохранении верности России. При этом немаловажным фактором являлось и то, что народы Дагестана уже к концу XVIII в. имели широкие экономические связи с Россией. Следует отметить и то, что политика «ласканий», политика компромисса в отношении горских феодалов со стороны России дольше всего продолжалась именно в Дагестане. И наконец, до 1818 г. дагестанские земли не подвергались разорительным походам царских войск. Видимо, основную роль тут сыграл тот факт, что до Гюлистанского договора 1813 г. Дагестан формально считался сферой влияния Ирана, и России приходилось воздерживаться от прямого военного вмешательства в дагестанские дела.

Сущность колониальной политики царизма в Дагестане в тот период не была столь жесткой, и потому большинство владетелей Дагестана ориентировались на Россию [14]. В этой связи мы не можем согласиться с мнением В.В. Лапина, что «при Александре I дагестанцев вынудили принять русское подданство силой оружия» [15].

Расширение южных границ Российской империи в XVIII в. и постепенное включение в ее состав Кавказа поставило перед царским правительством сложную проблему подготовки взаимовыгодных форм и методов интеграции вновь присоединяемых территорий в российское цивилизационно-культурное пространство. «Поскольку формирование общегосударственного единства происходило в сложной военно-политической обстановке, – пишет Т.А. Колосовская, – одну из главных ролей в этом процессе сыграли российские военные. Сосредоточив в своих руках одновременно и военную, и гражданскую власть, представители высших военных кругов высказывали идеи и предлагали конкретные проекты включения Кавказа в общую структуру России: от жестких силовых методов до компромиссных решений, основанных на изучении психологии и традиций горских народов» [16].

Другими мерами царской администрации по усилению позиций Российского государства на Кавказе стало установление прочных отно-

шений с представителями различных социальных групп кавказского сообщества в целях расширения имперского политического, социального и культурного влияния в регионе. Главной задачей России на Кавказе являлось создание пророссийски настроенных социальных групп как из числа местных элит, так и из числа русских поселенцев.

Установление «сотрудничества с лояльными нерусскими элитами» как одно из направлений кавказской политики России открывало для царской администрации возможности «широко применять невоенные способы проникновения на Кавказ» [17]. Лояльно настроенные группы северокавказской феодальной знати шли на установление разносторонних, хотя и разной степени прочности, связей с империей, формируя тем самым «пророссийский вектор» влияния в Кавказском регионе, со временем перераставший в «устойчивую тенденцию» [18].

Началом завершающего этапа интеграции народов Дагестана стало подписание Гюлистанского мирного договора 1813 г. и активизация колониальной политики царской России на Кавказе. В результате значительная территория – междуречье Терека и Куры – была присоединена к России. К середине XIX в. этот этап был завершен. Кавказские народы прочно вошли в состав Российского государства. Фронтирная территория в результате административно-территориальных реформ становится более или менее устойчивой, сохраняя при этом множество нерешенных проблем на будущее.

Примечания

1. Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 28.

2. Гаджиев В.Г. Вхождение Дагестана в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. Махачкала, 1988. С. 21.

3. Гапуров Ш.А. «Союз кавказских владельцев» в восточной политике России в начале XIX века (К истории Георгиевского договора) // Интеграция народов Кавказа и России: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Махачкала, 2013. С. 11–17.

4. Дзамихов К.Ф. Северный Кавказ и Россия: исторические циклы и переходные периоды // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Ростов н/Д., 2000. С. 51.

5. Серебряков Л.М. Мысли о делах наших на Кавказе / публ. Я.А. Гордина // Звезда. 1996. № 12. С. 88.

6. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб., 2000. С. 783.

7. Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (кон. XVII – пер. треть XIX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2013. С. 26.

8. Там же.

9. Тхагопсаев Х.Г. Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. СПб., 2008. С. 23.

10. Узлов Ю.А. Крым и Кавказ как феномен внешнеполитической стратегии России (XVI–XIX вв.). URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2014-2/uzlov.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

11. Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX в.). Махачкала, 1940. С. 108.

12. Магомедов Р.М. У истоков имамата // Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. С. 20.

13. Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала, 2004. С. 229.

14. Джахиев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX века. Махачкала, 1985. С. 23.

15. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 22.

16. Колосовская Т.А. Из истории сохранения и использования документов военных архивов Северного Кавказа в последней четверти XIX – начале XX в. // Отечественные архивы. 2015. № 4. С. 3–12.

17. Дзамихов К.Ф. Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик, 2007. С. 43.

18. Дегоев В.В. Политические архетипы в отношениях между Россией и Закавказьем. URL: http://viperson.ru/articles/v-v-degoev-politicheskie-arhetipy-v-otnosheniyah-mezhdu-rossiey-i-zakavkaziem (дата обращения: 15.07.2019).

М.Е. Шалак

ОПЫТ ВЫЖИВАНИЯ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ СООБЩЕСТВ ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVI–XVII вв. (на примере донского казачества и Малой Ногайской Орды)

Донское казачество и Малая Ногайская Орда как военизированные сообщества возникли приблизительно в одно и то же время, в одном регионе и практически в одинаковых природно-географических услови-

ях. Однако, несмотря на исходные равные возможности, донское казачество сумело выжить и продолжает свое дальнейшее развитие, а Малая Ногайская Орда исчезла с исторической сцены. Попытаемся разобраться, почему так произошло.

Первые сведения о донских казаках относятся к концу 40-х гг. XVI в. Так, царь Иван IV Васильевич через своего посла Ивана Борисовича Федцова сообщил бию Ногайской Орды Шейх-Мамаю в 1549 г.: «…яз ныне для вашие дружбы велел казаком своим путимльским и донским крымские улусы воевати и недружбу царю делати» [1]. Другой ногайский бий Юсуф в том же году писал в грамоте русскому царю о нападении, которому подверглись возвращавшиеся из Москвы ногайские купцы: «ваши казаки и севрюки, которые на Дону стоят, пришли на тех наших людей, да иных побили, и куны их взяли, а иных деи к тебе повели» [2]. В другом послании Ивану IV 1549 г. Юсуф назвал такое условие мира между Ногайской Ордой и Московским государством: «только тех розбойников руси, которые на Дону живут, к нам пришлешь или их изведешь – то братству знамя будет» [3]. Бий жаловался царю на донских казаков, грабивших его купцов.

Таким образом, эти данные позволяют сделать вывод о том, что в 1549 г. казаки уже жили на Дону постоянно, а не приходили сюда время от времени, как прежде, и это было новым явлением для середины XVI в. [4]. Недаром Юсуф пенял тогда Ивану IV: «Холопи твои, нехто Сары Азман словет, на Дону в трех и четырех местех городы поделали» [5].

Тут важно отметить, что бий считал донских казаков холопами русского царя. Подтверждением тому служит уже упомянутое нами высказывание самого Ивана IV о том, что он велел «своим» донским казакам промышлять против крымских татар. Хотя в другой своей грамоте к ногайскому бию, жаловавшемуся на холопов царя, живущих на Дону и грабивших его караваны, Иван Васильевич отвечал, что «те разбойники живут на Дону без нашего ведома, а от нас бегают». Как бы снимая с себя ответственность за происходящее, он пояснял, что «на Поле» живут выходцы из разных государств и обеспечить безопасность ногайским купцам и послам в регионе он не может, так как они не входят в состав Московского государства [6].

Всё же необходимо подчеркнуть, что с момента своего появления в письменных источниках донские казаки неизменно квалифицировались как поданные русского государя. Причем таковыми их считали ногаи, исстари кочевавшие по Ногайской (левой) стороне Дона. Есть немало документальных подтверждений тому, что в середине XVI в. ногаи

имели здесь кочевья [7]. Например, в послании ногайского мирзы Исака русскому царю 1552 г. сказано: «…а вверх по Волге летовище наше, а Дон зимовище наше. А за Медведицу (левый приток р. Дон. – *М. Ш.*) не идут» [8]. В адресованной царю грамоте мирзы Айсы 1553 г. отмечается: «А наше зимовище Дон. Осенуем на Илеке (левый приток р. Урал. – *М. Ш.*), а летуем на самой Волге» [9]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что как только донские казаки начали активно действовать в степи, на них сразу же поступила жалоба ногайского бия Юсуфа. При этом в ответ на нее Иван IV не скрывает, что разбойники Сары Азмана – действительно его подданные: «те наши холопи в нашей земле многое лихо учинили». Спасаясь от преследования со стороны московских властей, они бежали «на Поле» [10].

Что касается Малой Ногайской Орды, то среди исследователей до сих пор нет единого ответа на вопрос о времени ее образования. Так, еще шведский историк второй половины XVIII в. И. Тунманн, писал, что современные ему малые, или черные, ногаи (Кара-Ногайлар), кочевавшие прежде от истока р. Маныч до устья р. Кубань, были переселены сюда крымскими ханами. По его мнению, Гиреи вытеснили из прикубанских и приазовских степей черкесов, а на их место переселяли астраханских ногаев, уведенных ими или добровольно ушедших с Волги под покровительство крымских ханов после покорения Астрахани Иваном IV [11]. П.Г. Бутков также полагал, что выделение Малых Ногаев произошло после взятия Астрахани русскими войсками в 1554 г. [12].

С деятельностью крымского хана Сахиб-Гирея (1532–1551) по переселению части ногайских племен в Волго-Донское междуречье, в Буджак и на Кубань, связывал появление Малых Ногаев (Кичи Ногай) турецкий историк Х. Иналджик [13]. В то же время А.А. Новосельский впервые указал на внутренние причины образования Малой Ногайской Орды, или Казыева улуса. Именно с нежеланием признавать власть бия Исмаила (1554–1563) в Ногайской Орде он связывал уход из-за Волги мирзы Гази (Казыя), обосновавшегося со своим улусом между Кабардой и Азовом и принявшего номинальное подданство Турции [14]. О том, что главной причиной отделения Гази был отказ признать верховным бием Исмаила, писал и турецкий историк А.Н. Курат. Но в то же время он уточняет, что именно страшный голод, поразивший Большую Ногайскую Орду в 1557–1558 гг., заставил мирзу Гази и его сторонников перейти на правый берег Волги и двинуться к низовьям Кубани – в область, контролируемую Крымским ханством и Османской империей [15]. Е.Н. Кушева датировала появление Малой Ногайской Орды концом

50-х гг. XVI в., когда часть ногаев во главе с мирзой Казыем Ураковым заняли степи между «Азовом и Северным Кавказом, “в промежке”» [16]. Где-то между 1557 и 1559 гг. датировал откочевку Гази в степное Предкавказье и возникновение самостоятельного Казыева улуса В.М. Жирмунский [17]. По мнению А.И. Сикалиева, Малая Ногайская Орда образовалась в результате борьбы Исмаила за титул бия в тогда еще единой Ногайской Орде, когда часть мирз во главе с Гази откололась от нее, так и не подчинившись новому правителю [18]. Согласно М. Ходарковскому, в конце 1550-х гг. ногайский «нурадин Казы» оставил свои пастбища вдоль Волги и двинулся в степи Северного Кавказа. С этого времени его ногайцы стали известны как Казы-ногайцы, или Малая Ногайская Орда [19]. Концом 1540-х или началом 1550-х гг. датирует возникновение Казыева улуса В.В. Трепавлов [20].

Как убедительно показал В.В. Трепавлов, лучшим аргументом и наиболее авторитетным свидетельством времени появления Казыева улуса могут служить сведения, исходящие из среды самих ногаев. Так, он вслед за В.М. Жирмунским пишет, что первое упоминание о Гази б. Ураке и его людях относится к маю 1552 г. и содержится в грамоте ногайского нурадина Исмаила к Ивану IV, в которой он сообщал, что «из Астрахани люди выехали да пристали х Казы мирзе, и учинилось их четыреста человек. А того не ведаем, на вас ли будет поидут или на промежке гостей ли будет им стеречи. Волгу до Переволоки вы ловите, а ниже того мы ловили» [21]. В действительности в Москве об основателе Малой Ногайской Орды узнали годом ранее. Окольничий Федор Нагой писал царю, что в понедельник 14 сентября 1551 г. к нему в Касимов прибыли ногайские гонцы, а с ними вместе бастановский татарин, «а взял его на поле сее весны Казы мирза Ураков на Ахматовых горах» [22].

Если под «Ахматовыми горами» имелся в виду Донецкий кряж, то можно предположить, что к весне 1551 г. Гази мирза уже обособился от Ногайской Орды, перебрался на Крымскую (правую) сторону Волги и стал «казаковать на Поле», собрав вокруг себя таких же «казаков» – ногайцев, порвавших связь со своей улусно-эльной системой и ставших ядром Казыева улуса – самостоятельного политического образования, получившего в историографии название Малой Ногайской Орды [23].

В отличие от донских казаков, изначально ориентированных на тесные связи с Московским царством, Малые Ногаи некоторое время пытались определиться с приоритетным для себя направлением выстраивания международных отношений, налаживая сложные контакты с основными политическими силами, стремящимися включить Север-

ный Кавказ в ареал своих владений. Главными конкурентами за обладание этим регионом в эпоху позднего Средневековья выступали Россия и Крымское ханство.

В грамоте османского султана Сулеймана I Кануни, отправленной ногайскому мирзе Исмаилу весной 1551 г., сообщается, что Иван IV отнял у турок р. Дон с прилегающей степью посредством поселившихся здесь его казаков, которые, «с Озова оброк емлют и воды из Дона пить не дадут». Но казаки притесняли не только азовских турок. Они совершили агрессию во владениях крымского хана, «пришед Перекоп воевати», взяли Астрахань, заняли оба берега Волги и нападают на ногайские улусы. В этой жалобе постоянно подчеркивалась принадлежность этих казаков к людям русского царя. Так, Сулейман I просил Исмаила помочь ему очистить окрестности Азова «от царя Ивана казаков» [24].

Первоначально и Малые Ногаи пытались наладить дружественные контакты с Москвой. Так, в августе 1553 г. мирза Гази отправил своего гонца Ярлагамыша в Москву. Но уже в апреле 1555 г. он упоминается среди участников похода на Астрахань, организованного свергнутым ханом Ямгурчи б. Бирдибеком (1546–1550, 1551–1554) [25]. Эта акция в целом была враждебна по отношению к Москве, так как ее целью являлось свержение ее ставленника на астраханском престоле – хана Дервиш-Али (1554–1556). Примечательно, что в этом военном предприятии, наряду с тремя сыновьями убитого ногайского бия Юсуфа, принял участие и отправленный крымским ханом Девлет Гиреем I отряд крымских татар с янычарами во главе с Шигай-богатырем Антуловым [26]. Однако вскоре между союзниками произошел раскол, и мирза Гази убил хана Ямгурчи, поддерживаемого Девлет-Гиреем I [27].

И всё же главным врагом для Гази был бий Большой Ногайской Орды Исмаил (1554–1563). Гази и его ногаи-казаки использовали любую возможность, чтобы вторгнуться в Заволжье и пограбить кочевья своих недавних единоплеменников. Так, в том же 1555 г. Гази вместе с теми же братьями Юсуфовичами, которые ходили с ним на Астрахань, вторгся в пределы Большой Ногайской Орды и даже временно свергнул бия Исмаила [28]. Эта ненависть к Большим Ногаям будет характерной чертой внешней политики Малой Ногайской Орды практически весь период ее дальнейшего существования. Поэтому неудивительно, что Гази ровно настолько удалялся от союза с Москвой, насколько сближался с ней бий Исмаил. Следовательно, антимосковская позиция, которую всё сильнее занимали Малые Ногаи, может быть объяснена промосковской позицией Больших Ногаев.

Но если в силу вышеизложенных обстоятельств Гази нельзя было опереться на Россию, то кого тогда ему оставалось выбрать в качестве своего основного союзника? Выбор очевиден: единственным противовесом Московскому царству на Северном Кавказе в эпоху позднего Средневековья выступало Крымское ханство. Тем не менее, союз между Крымом и Казыевым улусом оформился далеко не сразу. Сказывалась традиционная неприязнь ногаев к крымцам. Поэтому Гази продолжал попытки наладить контакты с Россией. Так, среди прибывших в Москву 4 декабря 1556 г. послов ногайских мирз находился и Туларсак, посол Гази [29]. Из отправленной ему в феврале 1557 г. ответной грамоты Ивана IV мы узнаем, что еще три года назад (в 1554 г.) Гази посылал своего человека Янгораза в Москву с просьбой разрешить ему переселиться со своим улусом во владения царя. Иван Васильевич не возражал, обещая к тому же пожаловать Гази «своим великим жалованием» [30]. Однако казыевцы так и не перешли на службу к русскому государю.

Вместо этого в 1560 г. мирза Гази заключает союз с ханом Девлет-Гиреем I, зафиксированный в грамоте бия Исмаила Ивану IV: «с крымским царем Казы мирза содиначился» [31]. Следовательно, понадобилось около десяти лет, чтобы из традиционного врага крымский хан стал самым близким союзником казыевцев. Союз между Крымским ханством и Малой Ногайской Ордой укреплялся с каждым годом, вызывая зависть в Большой Ногайской Орде. В итоге этот выбор Гази определит последующую судьбу Малой Ногайской Орды, которая всё прочнее будет входить в орбиту крымского влияния.

В это же время московское правительство попыталось взять под свой контроль донское казачество. В 1559 г. на Дон был отправлен воеводой «со многими людьми» постельничий Игнатий Михайлович Вешняков с заданием «крымские улусы воевати, которые блиско Дону и которые кочюют у моря около Керчи». Кроме того, русские воеводы обязаны были защищать Большую Ногайскую Орду со стороны Крыма в силу договоренностей между Иваном IV и Исмаилом. Примечателен тот факт, что воеводе И.М. Вешнякову было поручено присмотреть место на Дону, где удобно было бы построить город «того для, чтоб из того города блиско ходити х Крыму воевати и твоим (бия Исмаила. – *М. Ш.*) бы улусом береженье было» [32].

Вероятно, мероприятие по закреплению царского влияния на Дону сопровождалось какими-то карательными действиями против казаков. Так, посол к бию Исмаилу Елизар Мальцев в 1559 г. сообщал, что многих воров-казаков царь казнил, прочие же, спасаясь от государевой опалы,

бежали в Азов и Крым [33]. По времени это совпало с аналогичным намерением русских властей установить порядок на Волге, для чего было необходимо принять решительные меры против казачьих разбоев. Они выражались как в борьбе с волжским казачеством в целом, так и в намерении построить города на волго-донской Переволоке, близ Астрахани и в устье р. Самары [34].

Такими мерами царское правительство пыталось взять вольное казачество под свой контроль. Однако ни о каком реальном подчинении донских казаков Московскому государству в то время говорить не приходится. Пока что правительство пыталось привлекать казаков на службу и целенаправленно использовать их в своих интересах в борьбе с Крымским ханством и, конечно же, с Малой Ногайской Ордой. Так, в грамоте Ивана IV к Исмаилу 1561 г. говорится: «А что еси писал о Казы мирзе, и мы велели з Дону казаком своим над ним промышляти, как вместно» [35]. В другой грамоте от 8 августа 1561 г. царь сообщал своему ногайскому союзнику: «А о Казы мирзе есмя в Черкасы приказали, велели над ним промышляти. А будет он в котором месте на поле, и мы казаком своим приказали. А велели над ним промышляти же, как будет мочно» [36].

Эта борьба донских казаков с Малыми Ногаями постепенно будет принимать форму поголовного истребления. Так, уже в 1633 г. правительство царя Михаила Федоровича ставило перед Войском Донским такую задачу: казыевцев «до конца разорити и искоренити, чтоб им неповадно было вперед воровать и на наши украйны войною приходить и государство наше пустошить» [37]. В марте – апреле 1634 г. донские казаки атаковали улусы Малых Ногаев, расположенные на р. Ея у взморья, и ногаев «без остатку порубили», захватив 400 человек ясырей [38]. 25 декабря 1634 г. на р. Чумбурке казаки застигли врасплох почти 2000 ногайских «дворов»: взрослых мужчин порубили, захватили в плен более 150 человек, которых затем уничтожили, приведя к себе в юрты [39].

В итоге к концу 1630-х гг. Малая Ногайская Орда как политическое образование перестала существовать. Остатки Малых Ногаев переправились через Дон и ушли в Крым. Донские казаки заняли опустевшие приазовские степи. Даже уход казаков из захваченного на время Азова в 1642 г. не исправил положения. Сделав ставку на Крымское ханство как на своего основного союзника, Малая Ногайская Орда обрекла себя на поражение. Донские казаки, в силу сложившейся исторической близости, нашли свою опору в Российском государстве, благодаря чему смогли выжить в суровых условиях фронтира и сохраниться до наших дней.

Примечания

1. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 285.
2. Там же. С. 295.
3. Там же.
4. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998. С. 78.
5. Посольские книги … 1489–1549 гг. С. 305.
6. Там же. С. 298.
7. Шалак М.Е. «…Кому ни будучи на поле тому своею головою промышляти»: к вопросу о первых контактах Московского царства с Казыевым улусом // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.). Ростов /Д., 2017. С. 48.
8. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 96.
9. Там же. С. 128.
10. Посольские книги … 1489–1549 гг. С. 327.
11. Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь, 1936. С. 66.
12. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1. СПб., 1869. С. 170.
13. İnalcık H. Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569) // Belleten / Turk Tarih kurumu. Ankara, 1948. Cilt 12. Sayı 46. S. 359.
14. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 15.
15. Kurat A.N. The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // The Slavonic and East European Review. 1961. Vol. 40. No. 94. P. 11, 12.
16. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963. С. 236.
17. Жирмунский В.М. Избранные труды. Тюркский героический эпос. Л., 1974. С. 485.
18. Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 43.
19. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Indiana University Press, 2002. P. 11.
20. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань, 2016. С. 385.
21. Посольские книги … 1551–1561 гг. С. 86; Трепавлов В.В. Указ соч. С. 385; Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 482–483.
22. Посольские книги … 1551–1561 гг. С. 68.
23. Шалак М.Е. К постановке проблемы идентификации «Ахматовых гор» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном науч-

ном знании: мат-лы XXXII Междунар. науч. конф. (г. Москва, 11–12 апреля 2019 г.). М., 2019. С. 439–441.

24. Посольские книги … 1551–1561 гг. С. 57–58.
25. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 249.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 245.
27. Посольские книги … 1551–1561 гг. С. 177; Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 391, 392.
28. Посольские книги … 1551–1561 гг. С. 178; Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 391.
29. Посольские книги … 1551–1561 гг. С. 214.
30. Там же. С. 243–244.
31. Там же. С. 323.
32. Там же. С. 286.
33. Там же. С. 287.
34. Мининков Н.А. Указ. соч. С. 79.
35. Посольские книги … 1551–1561 гг. С. 333.
36. Там же. С. 339.
37. Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898 (Русская историческая библиотека. Т. 18). Стб. 380.
38. Новосельский А.А. Указ. соч. С. 238.
39. Там же. С. 238–239.

А.Х. Абазов

МОЗДОКСКИЙ ВЕРХНИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ СУД (1793–1822): НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ЭТНИЧЕСКИМИ ЭЛИТАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Введение на Северном Кавказе первоначальных форм локального судебно-административного контроля в конце XVIII в. является одним из направлений преобразований, последовавших после учреждения в 1785 г. Кавказской губернии в составе Кавказского наместничества. В то время в состав Кавказской губернии входило шесть уездов, в том числе Моздокский. Правовые основания деятельности губернских и уездных органов власти были установлены на основе «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г.

Иерархия судебных учреждений в «Учреждениях для управления…» была представлена следующим образом: палата уголовного суда, палата гражданского суда, верхний земский суд. В этой системе предусматривалось и создание уездных судов, в компетенцию которых входило рассмотрение как уголовных, так и гражданских дел. Базовое звено в этой структуре занимали нижние земские суды. Такая система на Северном Кавказе с середины 80-х гг. XVIII в. начала складываться в отношении российских подданных – жителей Моздокского уезда. Народы, проживавшие за пределами Кавказской линии, с того времени стали фигурировать в российских делопроизводственных и некоторых нормативных документах как «залинейные горцы». Для них властями были выработаны другие формы инкорпорации в политико-правовое пространство Российской империи, одной из которых стало учреждение в 1793 г. Моздокского верхнего пограничного суда.

Устанавливая первоначальные формы локального судебно-административного контроля, центральная власть стремилась во многом сохранить права коренных народов посредством адаптации их важнейших традиционных соционормативных институтов к правовой системе России. Представители местных этнических элит включались в социальное и правовое пространство Российской империи, получая право на участие в выборах заседателей в судебные коллегии первой и второй инстанций [1]. Значительный интерес для исследователя представляют формы взаимоотношений российской власти с северокавказскими этническими элитами и особенности закрепления их статусов в новых политико-правовых реалиях на примере Моздокского верхнего пограничного суда: назначение на должности судей после избрания на народном голосовании, присвоение воинских чинов и званий, назначение жалования от российской казны и т. п.

Моздокскому суду было предоставлено право «суждения по российским законам всех без изъятия кабардинских уголовных дел, касающихся до измены, явного ослушания начальства, разбоя, грабежа, воровства, учиненных насильственно вооруженною рукой, и убийства; а также апелляция на решения родовых судов и расправ по гражданским искам, позволенная тяжущимся в случае неудобства на решения тех судов и расправ» [2]. Помимо этого пограничный суд должен был осуществлять надзор за деятельностью учрежденных в том же 1793 г. в Большой и Малой Кабарде родовых судов и расправ [3]. Дела же о тяжких преступлениях направлялись «для дальнейшего поступления по законам или военному начальнику, на линии поставленному, или ген[ерал]-

губернатору Кавказского наместничества» [4]. Помимо исключительно судейских обязанностей пограничный суд выполнял административные (контроль организации жизнедеятельности «залинейных» горцев через приставов), делопроизводственные (перевод документов с языков местного населения на русский) и досудебные процессуальные (проведение следственных мероприятий для обеспечения как правосудия в пределах своей компетенции, так и по запросам иных судебных учреждений) функции. Также в его компетенцию входили переводы документов, связанных с его деятельностью, на русский язык, засвидетельствование сделок, совершаемых проживавшими на подведомственной ему территории народами, и т. п.

Этническая политика России на Северном Кавказе с самого начала внедрения первоначальных форм локального судебно-административного контроля учитывала различные формы инкорпорации местных элит в политико-правовое пространство, например, включение местных жителей в состав Моздокского верхнего пограничного суда, выплата им жалования и присвоение классных чинов и воинских званий. При этом практиковались демократические принципы комплектования кадрами создаваемых для местных жителей судебных учреждений: судьи поступали на службу в суды по итогам проводимых выборов в представляемых ими обществах. Результаты выборов утверждались высшим военным начальством в регионе, а избранные допускались к работе после принятия присяги по канонам той религии, которую исповедовали.

Сведения о персональном составе Моздокского верхнего пограничного суда содержатся в некоторых нормативных и делопроизводственных документах. В частности, наиболее значимым в этом плане является указ Екатерины II Кавказскому наместническому правлению об организации деятельности Моздокского верхнего пограничного суда 1793 г. [5]. Данные, позволяющие проследить динамику кадрового состава, содержатся в таких делопроизводственных документах пограничного суда, как докладные и настольные регистры, книги «на записку прихода и расхода экстраординарной Моздокского верхнего пограничного суда суммы», списки членов суда, ведомости об оплате их труда, судебные протоколы (в том числе так называемые расходные протоколы) и т. п.

Моздокский верхний пограничный суд состоял из председателя, двух российских офицеров, шести кабардинских князей и шести дворян, одного армянина, одного грузина, одного мурзы от ногайцев, проживавших в то время в районе Пятигорья, муллы и двух помощников муллы,

трех переводчиков, секретаря суда, протоколиста, регистратора и архивариуса. Состав суда переизбирался через каждые три года.

По состоянию на 23 сентября 1793 г. штат Моздокского верхнего пограничного суда был уже полностью укомплектован. Первый его состав был представлен следующим образом: председателем был назначен моздокский комендант полковник Д. Тоганов. Судьями стали российские офицеры подполковник князь А. Ураков и секунд-майор И. Протопопов. От Большой Кабарды в суд были избраны: князья Р. Мисостов, Д.-М. Касаев, М. Мисостов и Т. Кайтукин и уздени – Ж. Елтаров, Т. Бабуков, Д. Отпанов и А. Буков. От Малой Кабарды – князья К. Келеметов и Д. Таусултанов, уздени – Ж. Астемиров и М. Анзоров. Также судьями стали: от армян – С. Арутюнов, от грузин – А. Курупоков и «из мурз, живущих около Бештовых гор по р. Калаусу Маытовской фамилии» – К. Кельмамбетов. Переводчиками были назначены поручики А. Уграов и И. Чегерин. Обязанности муллы исполнял И. Кутлуев [6].

Дошедшие до нас многочисленные материалы Моздокского верхнего пограничного суда дают возможность определить порядок назначения на должность новых судей. Процедура назначения стартовала с сообщения суда главнокомандующему войсками в регионе об открытии вакансии, в ответ на которое в суд следовало его предложение представить в установленном порядке на его утверждение «достойного кандидата». Суд, в свою очередь, направлял на рассмотрение главнокомандующего кандидатуру. Причем в отношении судей из числа местного населения такая кандидатура подбиралась на основании произведенного выбора с соблюдением принципов этнического, территориального и сословного представительства. После одобрения со стороны высшего начальства кандидату на должность судьи предлагалось принять присягу, что и являлось основанием для допуска к исполнению обязанностей.

В качестве примера рассмотрим поданное на имя председателя Моздокского верхнего пограничного суда 1 марта 1797 г. коллективное письмо представителей знатных фамилий Малой Кабарды «об определении избранного ими из роду Ахлова в сей суд заседателем князя У. Ахлова» [7]. Судьям был подан арабографичный документ, написанный на «местном диалекте», с приложенным к нему переводом на русский язык. Учитывая важность этого источника, позволим себе процитировать по переводу. Он озаглавлен следующим образом: «Перевод с письма татарского, присланного Малой Кабарды от владельцев Девлетуки Ахлова, Дола Мударова, Темира Ахлова, Гилястана К[…] (неразб. – *А. А.*), Шолоха Келеметева, Калмансута Ахлова на имя господина полковника и кава-

лера Моздокского коменданта Тоганова». Далее ходатаи пишут: «Вашему высокоблагородию донести имеем, выбрали мы обществом нашим в заседатели [в] сей Моздокский пограничный суд живущего в Моздоке из братьев наших владельца Уцмия Ахлова, о котором покорнейше просим вашего высокоблагородия о причислении его тамо в заседатели…» [8].

30 июня 1797 г. судьи решили направить данную кандидатуру на утверждение главнокомандующего Кавказской дивизии, астраханского военного губернатора генерала от инфантерии графа И.В. Гудовича [9]. В представлении сообщалось, что в судебном заседании председатель суда генерал-майор Д. Тоганов «внес рапорт, присланный к нему Малой Кабарды от владельцев Давлетуки Ахлова, Дола Мударова, Темрюки Ахлова, Гелятана Кайтукина, Шолоха Келеметова и Алмансата Ахлова, в котором значит, что обществом избрали они на текущее трехлетие в сей суд в заседатели жительствующего в городе Моздок из братьев своих владельца прапорщика Уцмия Ахлова на место заседателя владельца Темрюки Ахлова же, коего в разделе с оными Ахловыми в означенной Кабарде и имение состоит, почему о определении его и просят учинить рассмотрение». Вследствие этого суд вынес определение: «как из фамилии Гелестановой владелец Шолох Ахлов в сей суд на текущее трехлетие избран в заседатели и состоит уже определенным, а из Таусултанова рода за малолетством в означенной Малой Кабарде живущих другого избрать некого, поколику объясненный владелец прапорщик Уцмий, а по получении в христианстве законом наречен Федор Ахлов, состоит из оного Таусултанова роду, а для того вашему сиятельству представить и об определении его в сей суд в заседатели просит благорассмотрения» [10]. В ответном предложении граф И.В. Гудович сообщил об утверждении представленной кандидатуры и предложил «о приводе его на сию оного должность к присяге о допущении к исправлению сей должности сделать сему суду на основании законов свое определение, и об оном дать от себя знать Большой и Малой Кабарды приставу господину коллежскому советнику и кавалеру Лабе» [11]. После чего пристав Большой и Малой Кабарды Лабе получил об этом уведомление из пограничного суда [12]. Клятвенное обещание кандидата в судьи о допуске к должности было составлено в рукописном виде и заверено печатью заседателя, владельца – прапорщика Федора Ахлова. Печать была круглой формы, с выгравированной в центре большой литерой «А». К присяге судью привел священник Евстратий Николаев [13].

Не менее интересна и процедура увольнения судей с занимаемой должности. Рассмотрим ее на основе прошения в Моздокский погранич-

ный суд судьи Алексея Мисостова об увольнении с должности в связи с истечением срока полномочий [14]. После его получения суд направил графу И.В. Гудовичу соответствующее представление [15], после чего последний предложил суду «в определении на его место другого поступить по законам» [16]. 26 октября 1797 г. на имя пристава Большой и Малой Кабарды Лабе было послано уведомление, в котором отмечалась: «владельца майора Алексея Мисостова от заседательской должности уволить, на место его по силе высочайшего о губерниях учреждения главы 3 статьи 76 удостоенного из фамилии Жембулатовой при выборе чинимом по повелению… господина генерала… Гудовича в кандидаты на текущее трехлетие по большинству голосов, владельца Магомета Докшукина в сей суд в заседатели определить, о чем в учрежденной в Большой Кабарде Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий родовой суд послан указ, и велеть немедленно вышеписанного владельца Магомет Докшукина к отправлению должности в сей суд выслать…» [17]. Магомет Докшукин был утвержден в должности определением генерала графа И.В. Гудовича 24 ноября 1797 г. [18].

Характеристику подробных примеров можно продолжить. Однако практика включения представителей местного населения в состав Моздокского пограничного суда в то время сталкивалась и с целым рядом сложностей. Во-первых, в материалах суда часто встречаются сообщения, что судьи – представители местного населения – отказывались исполнять свои обязанности или вообще не являлись в присутственные места. Во-вторых, сложности с делегированием представителей от кабардинцев в пограничный суд стали массово проявляться после учреждения в 1807 г. в Большой и Малой Кабарде духовных судов «мехкеме», что было в определенной мере связано с осложнением социально-политической ситуации в регионе (карательные экспедиции, эпидемии чумы и т. п.). Всё это привело к тому, что в первом десятилетии XIX в. Моздокский верхний пограничный суд функционировал в усеченном виде. В кадровых и финансовых документах судах отмечалось, что на некоторые должности, отведенные делегатам от Большой и Малой Кабарды, имелись вакансии. Выборы практически не проводились, а отработавшие полный трехлетний цикл судьи не увольнялись и продолжали исполнять свои обязанности в течение неопределенного времени.

Моздокский верхний пограничный суд был упразднен на основании указа Правительствующего Сената от 24 июля 1822 г. «О переименовании Кавказской губернии областью и о назначении уездного города Ставрополя областным городом» [19]. Делопроизводственные материа-

лы суда позволяют установить, что взаимоотношения российской власти с местными этническими элитами строились на основании принципов выборности и представительности. При этом применялось несколько форм закрепления их статуса в новых условиях. Однако представители местного нобилитета по-разному реагировали на эти изменения. Одни активно включались в деятельность суда, получали российские воинские звания и жалование от казны. Другие же не желали сотрудничать с судом, уклонялись от исполнения обязанностей, бойкотировали распоряжения высшего военного начальства, обязывавшие их исполнять судейские функции.

Как бы то ни было, учреждение Моздокского верхнего пограничного суда в 1793 г. стало одним из важных каналов интеграции населения Северного Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи и способствовало появлению новых социальных лифтов для части северокавказской этнической элиты.

Примечания

1. Воропанов В. Национально-религиозный вопрос в политике Екатерины II // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Востоковедение, евразийство, геополитика. 2006. № 3. С. 72.
2. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 2. СПб., 1869. С. 264; Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825 гг.). Нальчик, 1998. С. 126; Ставровский. Записки о Кабарде. СПб., 1865 // Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Ф. 1. Оп. 5. Д. 34. Л. 73.
3. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 3. Д. 138. Л. 15–16.
4. Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 2000. С. 50.
5. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 244. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.
6. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 138. Л. 12–23 об.
7. ЦГА РСО-А. Ф. 244. Оп. 1. Д. 179. Л. 1.
8. Там же.
9. Там же. Л. 3.
10. Там же. Л. 4–4 об.
11. Там же. Л. 5.
12. Там же. Л. 7.
13. Там же. Л. 8–8 об.

14. Там же. Д. 183. Л. 1.
15. Там же. Л. 3.
16. Там же. Л. 4.
17. Там же. Л. 7.
18. Там же. Л. 8.
19. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материалах Осетии): сб. док. / сост. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ, 2012. С. 118.

Ш.А. Магарамов

ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА В ДАГЕСТАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (XVIII — начало XIX в.)

Институт аманатства (заложничества), являющийся одним из ключевых аспектов проблемы российско-кавказских отношений, в силу разных обстоятельств до наших дней остается одной из слабо разработанных проблем отечественного кавказоведения. В последнее десятилетие положение начало меняться: данная проблема привлекла внимание ряда исследователей [1], в том числе изучающих российско-дагестанские политические отношения [2].

Цель нашей работы – изучить институт аманатства как инструмент национальной политики самодержавия в Дагестане, служивший одним из методов достижения подчинения и подданства дагестанской правящей верхушки российской власти, контроля царской власти над местными правителями. В то же время заметим, что данное исследование, являясь определенным вкладом в историографию заявленной проблемы, ни в коей мере не претендует на полное ее освещение.

Институт заложничества как необходимый инструмент возник в русско-дагестанских политико-дипломатических контактах, когда происходил процесс выстраивания двухсторонних отношений, начиная со второй половины XVI в., с выходом границ Московского государства к Северному Кавказу и Каспию. Известно, что первые контакты дагестанского правителя шамхала Казикумуха с царской властью восходят к 1555–1557 гг. Прибывшие в столицу шамхальские послы «били

челом о холопстве» и просили, чтобы государь приказал астраханским воеводам «беречи их со всех сторон» и дал бы «чистую дорогу» торговым людям [3]. В качестве гарантии верноподданнических отношений посольство шамхала предлагало уплату ежегодной дани. Однако данное условие не было внедрено в практику, царская власть решила использовать институт аманатства.

Обязательным условием для самодержавия при приведении дагестанских правителей к присяге (шерти) являлся заклад (аманат [4]) из числа близких родственников правящей верхушки или именитых семейств. Историк В.В. Трепавлов пишет, что институт заложничества, очевидно, был заимствован русскими властями из ордынской политической практики [5], как и шертные соглашения. Институт аманатства показал свою эффективность для центральной власти во время присоединения восточных территорий. Поэтому данный метод царская администрация пыталась активно применять и в условиях Северного Кавказа. В отличие от восточных регионов, на Северном Кавказе этот инструмент не привел к ожидаемым действиям, поскольку кавказские владетели быстро научились обходить обязательства, связанные с аманатством. Нередки были случаи, когда вместо сыновей или других близких родственников дагестанские владетели отдавали в аманаты обычных людей из числа своих подданных, одетых для отвода глаз в богатую одежду, или же побочных сыновей, рожденных от наложниц [6]. Соответственно, в этом случае местных владетелей нисколько не волновала судьба аманатов, и они могли без особого ущерба нарушать обязательства, данные перед самодержавием.

В отношении аманатов взгляды центральной власти и местных политических элит существенно различались. Если российские правящие круги или представители региональной власти – воеводы – видели в аманатах знак безусловного и исключительного подчинения самодержавию, то местные власти – неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с царским правительством о военном союзе, взаимном ненападении или покровительстве [7]. Для царской власти аманаты служили единственным действенным механизмом держать местные власти в орбите своей политики. Тем не менее данный прием не являлся эффективным, политика лавирования между сефевидами, османами и русскими царями составляла основу внешнеполитической деятельности дагестанских владетелей.

Аманаты от дагестанских владетелей содержались в Терском городке, являвшемся форпостом царской политики и военно-административ-

ным центром царизма на Северном Кавказе в XVII – начале XVIII в., откуда воеводы поддерживали связи с местными горскими правителями. Во всех предписаниях терским воеводам из Посольского приказа указано, чтобы присягу на верность царю дагестанские владетели приносили в Терках лично или через своих доверенных лиц, после чего они обязывались присылать аманатов, обычно из числа сыновей. В кремле Терской крепости, называемом «Малым городком», для содержания аманатов были построены 3 избы [8]. С упразднением Терской крепости аманаты от северокавказских владетелей держались в крепости Святого Креста, а затем в Кизляре. Здесь для них был построен специальный «двор» [9], которым ведал полковник Эльмурза Черкасский. Позже управление аманатным двором перешло в распоряжение кизлярского коменданта [10]. С 1722 по 1735 г., в период нахождения Дербента в составе Российской империи, дагестанские аманаты содержались и в дербентской крепости. С выводом российского военного гарнизона из Дербента и крепости Святого Креста после заключения Гянджинского договора 1735 г. с Персией аманаты от дагестанских владетелей были отпущены на волю, поскольку территория Дагестана была уступлена персидскому шаху, за исключением аманатов от аксаевских и эндиреевских владетелей (они считались оставшимися под российской протекцией), которые были переведены в Кизлярскую крепость [11]. После поражения Надир-шаха в Дагестане и падения его власти политические отношения между дагестанскими правящими элитами и российской администрацией на Кавказе, не прекращавшиеся и в период завоеваний шаха Надира, начали восстанавливаться; аманаты от вступивших в российское подданство владетелей, как и в предыдущий период, содержались в Кизляре.

Как видно, институт аманатства являлся важной составляющей системы взаимоотношений российской центральной и региональной власти с местными политическими элитами, поскольку для заключения договора о подданстве или протекции российской власти взятие аманатов от местных властей считалось обязательным условием. Б.В. Виноградов высказал мнение, что «аманатов не следует рассматривать как заложников в современном восприятии данного понятия. Скорее, к ним можно применить термин “гаранты верности”». Для обоснования этой версии автор ссылается на то, что российские власти в конце XVIII в. имели мало «рычагов» для управления горскими народами; в горской среде сохранялись традиционные «схемы» управления и взаимных контактов. В этом контексте взятие аманатов должно было хотя бы частично предостеречь представителей феодальной знати или «вольных обществ»

местных народов от антироссийских действий, нарушающих ранее принятые «подданнические присяги» [12].

Согласиться с утверждением, что аманаты не являлись заложниками, сложно, поскольку в Кизляре они порой содержались «не лутче невольников, без выпуску из крепости», под стражей [13]. Следует также заметить, что нередко аманаты подвергались различного рода наказаниям и карательным мерам за антироссийские действия своих отцов-владетелей. Так, после нападения кабардинцев в 1779 г. на Марьинскую крепость на Азово-Моздокской линии генерал-майор Якоби приказал «всех находившихся в Кизляре кабардинцев посадить в острог» и задействовать их на тяжелых работах, а взрослых аманатов, «чтоб чувствовали продерзость своих отцов», заковать в кандалы. Затем они были отправлены в астраханскую тюрьму [14]. Репрессивные действия применялись и в отношении аманатов от дагестанских владельцев. Так, в письме от 17 мая 1738 г. дженгутаевский владетель Ахмед-хан просит кизлярского коменданта И.М. Красногородцева вернуть из ссылки своего аманата и содержать в Кизляре, где находилось большинство северокавказских аманатов [15]. Правда, в документе не указано, где находился в ссылке данный аманат.

Судьбы разных аманатов складывались по-разному. Часто малолетние дети, будучи в аманатах, умирали от непривычных для них условий содержания. В челобитной царю Михаилу Федоровичу от 11 сентября 1643 г. эндиреевский владетель Султан-Мут писал, что у него в Терской крепости три сына в аманатах умерли, после чего он отдал в аманаты нового «от прямой жены своей рожденного сына» [16]. В случае если после смерти аманата местный владетель не предоставлял нового, то российские власти брали заложника из числа влиятельных общинников или членов правящего дома. Такое правило было предписано российской кавказской администрации Коллегией иностранных дел от 1754 г. [17].

Тяжелые условия содержания аманатов вынуждали местных владетелей довольно часто обращаться к царской администрации с просьбой обменивать их на новых. Так, в 1739 г. с подобной просьбой в Кизлярскую администрацию обратился эндиреевский владетель Айдемир, в 1748 г. – аксаевский владетель Каплан-Гирей, в 1753 г. – эндиреевский владетель Темир Хамзин и костековский правитель Алиш Хамзин [18]. Кизлярские коменданты не правомочны были самостоятельно принимать решение о замене аманатов, для этого требовалось согласование с астраханскими властями и с Коллегией иностранных дел. При этом царская администрация строго следила, чтобы замена была равноценной,

поскольку кавказские владетели старались обходить обязательства, связанные с аманатством при замене. Получив согласие, местные владельцы «нарядя в хорошее платье крестьянского или пленного мальчика и назвав сыном, онаго на обмен настоящего отдавали, и потом от верности и послушания отставали». Поэтому прежде чем осуществить замену, всячески старались посредством лазутчиков выведать о новом аманате как можно больше, «чтоб новый не хуже был первого» [19].

В дальнейшем по инициативе кизлярского коменданта И.С. Вешнякова принцип смены аманатов упорядочивается. В рапорте от февраля 1784 г. генерал-поручику П.С. Потемкину комендант ввиду того, что местные владетели или старшины старались обойти сложившиеся порядки и выдавали вместо родных сыновей детей своих подданных, информирует, что отныне ведомости по аманатам содержали данные, от «которых владений сыновья», «кто отцы и матери, из каких фамилий» [20]. В одной из ведомостей по аманатам Кизлярской крепости от 22 января 1762 г. имеется графа под названием «Кому в аманата быть или переменить кого надлежит». В данной графе содержались данные, кому еще предстоит быть в аманатах или же на кого следует заменить действующего аманата. Так, согласно поступившей из Коллегии иностранных дел ведомости № 12 от 29 января 1762 г., следовало принять в аманаты сына эндиреевского владельца Аджи Муртазали Чопанова Нуцала, которому 4 года от роду. Следовало тратить на его содержание «кормовых денег» 110 руб. 40 коп. в год. Эта ведомость также содержит информацию об остальных детях данного владельца: «первый сын Чопан, 20 лет от роду, второй – Чопан, 14 лет, третий – Касай, 5 лет, четвертый – Мусалав, одного году» [21]. Как правило, последние сведения нужны были для равноценной замены аманата. Таким образом, порядок выдачи аманатов и их смены в интересах российской администрации на Кавказе становится более упорядоченным и регламентированным.

О тяжелом положении аманатов и тяжелых условиях их содержания свидетельствует А.С. Пушкин, который совершил путешествие на Кавказ в 1829 г., в вышедшем позднее произведении «Путешествие в Арзрум»: «В крепости (Владикавказ. – *Ш. М.*) видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе» [22]. Описанную А.С. Пушкиным картину жалкого положения аманатов исследователь Д.Д. Такова связы-

вает «совсем с другой исторической эпохой развития русско-северокавказских отношений, с периодом их временного системного обострения» [23]. Однако выше мы приводили факты о тяжелом положении аманатов более раннего периода развития российско-кавказских отношений, задолго до начала Кавказской войны.

На северокавказских, в частности дагестанских, аманатов возлагалась совершенно другая функция, нежели на их «коллег» на Востоке, считает В.В. Трепавлов. Они рассматривались как важное средство распространения российского влияния в регионе [24]. Для этого императорскими указами предписывалось дагестанских и кабардинских аманатов в Кизляре «стараться искусным образом отвадить от варварских нравов, вселять людность и лучшее обхождение, и для того доводить их к частому обращению с русскими, призывать их в торжественные дни к столам», обучать их русскому языку и грамоте [25]. Важно было воспитывать их в духе политической благонадежности и российской лояльности. В этом плане показателен и возраст аманатов, как правило от 7 до 20 лет, когда им легче всего прививать элементы русской грамоты, культуры и быта. По замыслу имперских властей аманаты, получив подобное воспитание, станут впоследствии надежной опорой укрепления российского влияния на Северном Кавказе. Однако решающим фактором при установлении российской власти на Северном Кавказе стали не эти воспитанные аманаты из числа горцев, а военные успехи российской армии в войнах с Турцией, Ираном и горцами в период Кавказской войны.

Предусмотрено было на содержание находившихся в Терской крепости и Кизляре аманатов выплачивать так называемые кормовые деньги из местных доходов. По данным П.Г. Буткова, в 30-е гг. XVIII в. малолетнему аманату полагалась сумма в размере 4 руб. в месяц, по достижении ими 12 лет сумма увеличивалась до 12 руб. в месяц [26]. В год получается 48 руб. и 144 руб. соответственно. Гораздо меньшие суммы выплачивались на содержание аманатов из сельских обществ (аманатами из сельских обществ обычно служили дети старшин или влиятельных узденей), в пределах 50–60 руб. в год.

Таким образом, институт аманатства возник в период выстраивания политико-дипломатических контактов между дагестанскими владетелями и царской властью во второй половине XVI в. как инструмент верности присяге царю и продолжал действовать в течение всего дальнейшего периода развития политических отношений между ними, в том числе в период Кавказской войны. Взятием аманатов российская

кавказская администрация рассчитывала держать местных владетелей в орбите своего влияния, аманаты служили средством политического давления на принявших подданство владетелей. Взгляды сторон на данное явление кардинально различались: если воеводы видели в аманатах знак безусловного и исключительного подчинения самодержавию, то местные власти – неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с царским правительством о военном союзе, взаимном ненападении или покровительстве. За нарушение условий достигнутых договоренностей аманаты подвергались наказаниям и другим мерам карательного характера. Содержались заложники под стражей в российских крепостях. В то же время их обучали русской грамоте, этикету, прививали им лояльность к русским, поскольку они должны были в будущем служить проводниками распространения и укрепления российского влияния на Кавказе. Однако решающим фактором установления имперской власти на Кавказе стали не эти воспитанные в духе русской культуры, этикета, политической благонадежности аманаты, а военные успехи российской армии над Турцией, Ираном и горцами Кавказа.

Примечания

1. Такова Д.Д. Аманаты – гаранты верности складывающегося общества // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 13. О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. Армавир, 2007. С. 108–111; Торопицын И.В. Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII–XVIII вв. // Кавказский сборник. М., 2007. Т. 4 (36). С. 59–80; Озова Ф.А. Роль института аманатства в черкесско-русских отношениях в 1552–1864 гг. // Вопросы истории. 2015. № 4. С. 166–171; Она же. Институт аманатства в кавказской политике Петра I // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 220–229; Она же. Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552–1829 гг.: дис. … д-ра ист. наук. Нальчик, 2018. 679 с.

2. Акбиев А.С., Абдусаламов М.-П.Б. Аманатство во взаимоотношениях кумыкских феодальных владетелей с Россией в XVII в. // Вестник Тамбовского университета. 2014. № 7 (135). С. 154–160; Абдусаламов М.-П.Б. Роль аманатства в политических связях кумыкских феодальных владетелей с Россией в XVIII в. (По материалам Кизлярского комендантского архива) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 86–89; Абдулаева М.И., Кидирниязов Д.С. Институт аманатства в контексте военного образования кавказских горцев // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 4. С. 11–16.

3. Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 275.

4. Слово «аманат» в переводе с арабского языка означает залог, заложник.

5. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 140.

6. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. 1578–1613 гг. М., 1889. С. 58.

7. Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 164–165.

8. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. С. 43.

9. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 157.

10. Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: история Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала, 2011. С. 130.

11. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 157.

12. Виноградов Б.В. Специфика Российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005. С. 118.

13. Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 224.

14. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 52–53.

15. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 70.

16. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 161.

17. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 163.

18. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 1. Д. 29. Л. 39–39 об., 83–84; Д. 291. Л. 55, 116.

19. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 163.

20. Виноградов Б.В. Указ. соч. С. 123.

21. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 556. Л. 33 об.

22. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. URL: http://www. pushkin/01text/06prose/01prose/0870.htm (дата обращения: 04.05.2018).

23. Такова Д.Д. Указ. соч. С. 110.

24. Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 224.

25. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 157, 268.

26. Там же. С. 157–158.

Н.С. Степаненко

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ АДЫГСКОГО «ЧЕРНОГО НАРОДА» НА ПОДКОНТРОЛЬНЫЕ РОССИИ ТЕРРИТОРИИ В 30–40-е гг. XIX в.

В первой половине XIX в. в среде горского населения Северо-Западного Кавказа существовали острые противоречия. Противостояние дворянской аристократии и старшинской верхушки представляло собой борьбу двух группировок, одинаково претендовавших на различные привилегии. Несмотря на противоборство, обе группы стремились закрепостить представителей социально незащищенных слоев горского общества. Эта и ряд других причин (страх быть проданными в рабство, бытовые разногласия, криминал, голод) вынуждали выходцев из «черного народа» (так именовали адыгских тфокотлей или пшитлей в служебной переписке) [1] бежать под защиту российской власти. Целью данной статьи является выяснение причин и обстоятельств переселения представителей низших и социально незащищенных категорий адыгских обществ на подконтрольные России территории в 30–40-е гг. XIX в.

Усиление феодальной эксплуатации привело к фактическому бесправию пшитлей в адыгском обществе. Пшитли находились в личной поземельной зависимости от господина и несли в его пользу различные повинности. Зависимый крестьянин не мог найти защиты даже в случае покушения на его жену. Так, в 1842 г. пятеро пшитлей шапсуга Циока Гакар выбежали на российскую сторону. Они рассказали, что их хозяин жестоко с ними обращался, более того, он намеревался совершить прелюбодеяние с их женами. Беглецы сообщили, что первоначально они просили хозяина не делать этого, ссылаясь при этом на законы ислама. Однако Циок не внял их просьбам и продолжил преследовать жен своих пшитлей. Оскорбленные крестьяне начали задумываться о мести. Вскоре им представился удобный случай. Циок прибыл на временную пастушью стоянку, где находилось его стадо скота под присмотром этих крестьян. Там у них возник конфликт, в результате которого оскорбленные пастухи повалили своего хозяина на землю и закололи кинжалами [2]. Беглые пшитли и унауты, перейдя под российское покровительство, сохраняли ненависть и жажду мщения в отношении их прежних хозяев. Многие из них поступали на службу в казачьи части, получали офицерские звания и награды.

Внутренняя социальная борьба адыгов продолжалась на подконтрольных российским властям территориях. Знатные адыги вели наступление на казачьи права рядовых казаков-адыгов, стесняя их землепользование, расширяя площадь собственной запашки, сенокосов, пытаясь закрепостить отдельные малоимущие казачьи семьи. Например, адыг на российской службе Пшекуй Могукоров самовольно отстранил выборную станичную администрацию станицы Гривенской, где компактно проживали выходцы из Закубанья. Взяв управление в свои руки, Могукоров выделил себе лучшие земельные угодья и запретил в них заниматься «сенокосами и хлебопашеством бедным простым черкесам, а в особенности выбежавшим из-за Кубани» [3]. Историк М.В. Покровский сделал интересный вывод по этому поводу: «Объективно это было ни чем иным, как перенесением в среду адыгской эмиграции борьбы, которая кипела за Кубанью между знатью и народной массой» [4].

Рассказы беглых адыгов в управлении Черноморской кордонной линии часто повествуют о том, что после смерти родителей положение этих людей в обществе заметно ухудшалось. 9 мая 1847 г. под российскую защиту в Варениковское укрепление выбежал горец. Об этом Г.А. Рашпилю донес начальник крепости войсковой старшина Лисевыцкий. Его направили в управление Черноморской кордонной линии, где он рассказал находившимся там должностным лицам о причинах своего бегства к русским. Звали его Чурай Синен, из натухайского племени. От роду ему было 35 лет. Жил на реке Пшиш в ауле Синен. Его отец умер 20 лет назад, а мать в прошлом году, таким образом, он остался полным сиротой. После смерти матери он проживал в родном ауле в полной нищете. Ему не оказывали помощь не только соседи, но и два родных брата. Поэтому Чурай Синен принял решение перейти под покровительство России. Также он заявил, что на возвращение в Закубанье он ни в коем случае не согласен [5]. Данный сюжет показывает, что бытовая неустроенность и разногласия вынуждали горцев переходить на сторону России.

Похожая история произошла с 20-летним шапсугом Гатаром, выбежавшим 16 июля 1844 г. Он рассказал, что являлся крестьянином простого черкеса Гамдара Теркова (по нашему мнению, Гамдар Терков принадлежал к социальному слою зажиточных тфокотлей. «Простым черкесом» он был в глазах российской администрации, смотревшей на дело через призму сословных категорий). Он жил на реке Афипс. По всей видимости, Гатар был зависимым крестьянином, или пшитлем. Находясь несколько лет в крестьянах у Теркова, он никогда не противился ему, но в 1844 г. умер его отец. Гатар не желал больше находиться

у своего владельца, взял лошадь, ружье, седло, пистолет и шашку и бежал к русским [6].

Подобный случай произошел с абадзехом Шумафом, который рассказал о своих злоключениях 10 июля 1847 г. в управлении Черноморской кордонной линии. Из его показаний выяснилось, что он был 12-летним сиротой и проживал в ауле простого абадзеха недалеко от Георгие-Афипского укрепления. За два года до побега прежний владелец мальчика продал его шапсугу Ногаю Жаде. Новый хозяин подвергал его различным наказаниям. Плохо обращался с мальчиком не только он, но и другие окружающие его адыги. Из-за этого Шумаф решил бежать под покровительство российских властей, но не имел ни удобного случая для побега, ни надежного проводника. В том же ауле жил русский пленник Ян Манчурук. Он предложил юному абадзеху вместе бежать в Георгие-Афипское укрепление, что они и сделали. Начальник этого военного укрепления отправил их в Екатеринодарский карантин. Оттуда они были доставлены в управление Черноморской кордонной линии. Шумаф изъявил желание остаться в России, принять христианство, быть принятым в казачье сословие и поступить на военную службу [7]. Как видно из документов, отношение в горах к слабым членам общества было достаточно жестким. С появлением русского фактора у них появилась альтернатива. В России для них существовали социальные лифты, например воинская служба, за счет которой выходцы из Закубанья могли существенно укрепить свой общественный статус. Подобные перспективы на родине для них отсутствовали.

Исследователь М.В. Покровский указывал, что более 1,5 тысяч изученных им фактов бегства горцев в российские укрепления совершались из-за страха быть проданными в рабство [8]. Опасаясь неволи, адыги выбегали под российскую защиту целыми семьями. Например, начальник Новотроицкого поста есаул Удовица доносил своему руководству о том, что ночью 8 апреля 1849 г. к нему выбежали братья натухайцы Бат и Габид Агуп вместе со своей семьей, состоящей из 8 чел. Также они пригнали 8 голов скота и 4 буйвола. Они желали поселиться в татарской станице Ады. 29 апреля 1848 г. Бат и Габид Агуп дали показания в управлении Черноморской кордонной линии. Они рассказали, что первому было 45 лет, а второму – 30. Прежде они проживали в землях натухайцев на реке Шокон. Их семейство состояло из 3 мужчин и 5 женщин. Прежде они являлись крепостными крестьянами простого вольного черкеса Мусы Агупа. Бат и Габид договорились со своим хозяином о выкупе из крепостной зависимости. Они обязывались доставить Мусе 250 голов

рогатого скота до конца весны в обмен на свободу. Однако братья смогли отдать только 150 голов. Оставшихся 100 голов у них просто не было, поэтому Бат и Габид не стали свободными. Муса предложил отдать это семейство на суд, собранный у шапсугов. Он хотел взамен 100 голов недостающего скота отобрать у Бата и Габида их детей и распродать их разным владельцам. Опасаясь этой угрозы, братья решили со своим семейством бежать под покровительство российского правительства. Бат и Габид просили поселить их в татарской станице Ады, при их воспитаннике Султане Шагат-Гирее (видимо, один из братьев Агупов приходился ему аталыком). Вскоре в управление Черноморской кордонной линии явился родственник беглого семейства Иберух. Он сообщил, что 100 штук недостающего скота были уплачены Мусе. Семья Агупов обрела свободу. Бат и Габид попросили у властей разрешения вернуться обратно в Закубанье. Это им было позволено [9].

Данный пример показывает, что адыгские владельцы могли фактически бесконтрольно распоряжаться подвластными им крестьянами, вплоть до продажи отдельных членов семьи в рабство. Эта несправедливость толкала пшитлей искать спасения в России. Помимо прочего, поступок натухайцев показывает нам конъюнктурное отношение некоторых горцев к российскому покровительству. Оно воспринималось как возможность переждать трудности. Как только ситуация для них менялась в лучшую сторону или условия, предлагаемые российскими властями, казались им невыгодными, они с легкостью отказывались от покровительства и уходили на неподконтрольные территории.

Именно так поступил беглый 19-летний шапсуг Закорий Касум Шисуд, явившийся 11 мая 1844 г. на Екатеринодарский карантин. Он рассказал, что проживал в ауле на реке Иль. Из-за сильного негодования на него ильского общества Закорий Касум Шисуд не захотел там дальше жить и решил бежать в пределы России. Скорее всего, он совершил криминальный проступок, сделавший невозможным его дальнейшее проживание в родном ауле. 8 мая он, покинув аул, направился в Черноморию. Напротив Великолагерного поста казаки перевезли его через Кубань и взяли под караул. В дежурстве Черноморской кордонной линии молодому шапсугу сообщили о запрете селить закубанцев в пределах Черноморского казачьего войска. Ему было предложено ехать в Новочеркасск. Однако Закорий Касум Шисуд отказался переезжать на Дон. Он изъявил желание вернуться обратно в Закубанье [10].

На Северо-Западном Кавказе в семьях горцев издавна существовала патриархальная традиция в случае крайней необходимости продажи

в рабство старшими мужчинами своих родственниц – дочерей, жен, сестер, племянниц. Отношение к этим фактам во многом диктовалось социальным положением той или иной семьи (чем выше статус, тем более недостойной считалась такая продажа). Наиболее распространенными причинами продажи женщины в рабство могли стать: нищета родителей и желание обеспечить себе и ей богатую жизнь, супружеская измена [11]. Также в рабство могли продать и детей мужского пола. Результатом этого становилось то, что в российские владения выбегали младшие члены адыгских патриархальных семей. Когда глава семьи принимал решение о продаже своих младших детей либо братьев и сестер в Османскую империю, те от безысходности решались на побег под российское покровительство. Так, в апреле 1848 г. из аула Мезыб убежала 16-летняя черкешенка Эзе Гуаш с младшим братом. Причиной побега было намерение их старшего брата продать Эзе в Турцию. Об этом ей рассказал бежавший с ней младший брат. Девушка слышала от других, что у русских таких продаж женщин братьями не позволяется и что в России вообще жить лучше, чем в горах. Поэтому они и решились на побег [12].

Другой категорией рабов, выбегавших в российские укрепления, являлись жители мирных горских аулов, захваченные в плен в результате набегов непокорных горцев. 17 мая 1834 г. горская партия под предводительством кабардинских князей Мухаммеда Атажукина, Арслан-Гирея Беярсланова и братьев Карамурзиных численностью около 100–150 человек напала на мирный абазинский аул владельца Арслан-бека Дударукова, находившийся напротив станицы Баталпашинской. В плен были взяты 40 жителей и большое количество скота. В погоню за ними устремились 200 казаков под командованием есаула Студеникина. Им удалось отбить 20 пленников и часть скота, с остальными невольниками немирные горцы рассеялись в лесах. 14 июня 1834 г. полковник Г.Х. Засс выступил с отрядом в Закубанье. Ночью 20 июня в расположение отряда, находящегося на неподконтрольной российским властям территории, выбежал мальчик 16 лет из аула Арслан-бека Дударукова, плененный горцами в мае [13].

10 мая 1847 г. Г.А. Рашпилю пришло отношение из управления Черноморской береговой линии. В нем говорилось, что в апреле 1847 г. в Головинское укрепление выбежал черкес Уоседль. Он рассказал, что являлся крестьянином Магомета Аббата из аула Аббат-Хабля, расположенного на Каракубанском острове. Во время одного из набегов немирных горцев его захватили в плен. Долгое время этот крестьянин находился в плену у убыхов. Он хотел вернуться обратно в свой аул. Вскоре его переправили на Каракубанский остров [14].

В мае 1847 г. в Варениковское укрепление выбежал хамышевец Гаджебрил Шанук. На допросе он рассказал, что являлся уроженцем аула Энем, расположенного на левой стороне Кубани, от роду ему было 45 лет. Своих родителей адыг не помнил. Гаджебрил был зависимым крестьянином прапорщика Наурзы Шуменукова. В 1832 г. до жителей аула дошли слухи о готовящемся набеге со стороны непокорных горцев. Наурз Шуменуков приказал своим крестьянам вместе с их имуществом укрыться в ауле российского офицера Дударука Бжегако. Гаджебрил рассказал, что в один из дней он был послан в аул Дударука Бжегако, но по дороге был остановлен двумя вооруженными всадниками, которые взяли его в плен и увлекли в горы. Там он сменил нескольких хозяев, пока не попал к натухайцу Доган-Туркаю. У него он проживал долгое время. Когда представился подходящий случай для побега, Гаджебрил бежал в Варениковское укрепление. Оттуда его вернули на постоянное место жительства в аул Энем [15].

Молодые адыги спасались в российских пределах от голода. 6 марта 1841 г. в форт Раевский явился черкес абадзехского племени Тоукуз. Он рассказал, что от роду ему было 12 лет, исповедовал ислам и являлся выходцем из абадзехского аула Декоз. Юный горец проживал у родного дяди, который терпел сильный голод, как и остальные жители аула. Не имея терпения, он прибыл в форт Раевский, чтобы навсегда принять подданство России [16]. 12 марта 1841 г. 25-летний абадзех Селим, спасаясь от голода, также бежал в это укрепление [17].

Беглым горцам оказывалась материальная поддержка. В 1834 г. командующий Отдельным Кавказским корпусом барон Г.В. Розен предложил императору выплачивать выбегающим в Черноморию жителям Закубанья денежное пособие. Николай I с этим согласился. В итоге вышел указ, согласно которому взрослому человеку полагалось в сутки 10 копеек денежного содержания, а детям 5 копеек. Эти расходы брала на себя казна [18]. Помимо денежных выплат, на горцев распространялись и другие меры социальной поддержки. Закубанцы из покорных и непокорных племен, проживавшие в районах Черноморской береговой и Кавказской линий, имели право на лечение в военных госпиталях и лазаретах за счет казны [19].

На основании приведенных фактов можно сделать следующие выводы. В 30–40-е гг. XIX в. представители низших социальных слоев горских обществ бежали в Россию по целому ряду причин. Побудительным мотивом перехода представителей «черного народа» на сторону России была усилившаяся феодальная эксплуатация и процессы закрепощения

в Закубанье. Разбогатевшие тфокотли и представители старой знати были едины в желании подчинить себе своих единоплеменников. Прежде всего это касалось социально незащищенных слоев населения.

В делопроизводственной документации того периода часто упоминались факты перехода на российскую сторону сирот. Отсутствие семьи делало членов горских обществ слабыми и уязвимыми для произвола со стороны других адыгов. В результате этого их дальнейшая жизнь в горах становилась бесперспективной. Россия стала для таких людей хорошей альтернативой, где за счет доступных социальных лифтов они могли укрепить свое общественное положение. На правый берег Кубани бежали и адыги, совершавшие проступки, вызывавшие негодование со стороны единоплеменников.

Другой важной причиной побегов горцев Северо-Западного Кавказа на подконтрольные российским властям территории являлся страх быть проданными в рабство. Активная внутренняя работорговля и продажа невольников в Османскую империю способствовали тому, что ранее свободных общинников продавали в неволю за долги или после их захвата в плен. Имели место факты, когда главы адыгских патриархальных семей, испытывая нужду в деньгах, не гнушались продажей в рабство младших членов своих семей.

Под защиту империи бежали так называемые мирные горцы, попавшие в плен в результате набегов закубанцев на аулы прикубанских владетелей, лояльных России. Выходцы из Закубанья спасались в российских пределах от голода. Власти на законодательном уровне предпринимали меры социальной поддержки для переходивших на сторону горцев Северо-Западного Кавказа.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 1295. Л. 2.
2. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 183.
3. Там же. С. 201.
4. Там же. С. 203.
5. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 898. Л. 20.
6. Там же. Д. 632. Л. 57.
7. Там же. Д. 898. Л. 58–67.
8. Покровский М.В. Указ. соч. С. 183.
9. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 955. Л. 17.

10. Там же. Д. 632. Л. 4–4 об.

11. Цыбульникова А.А. О некоторых аспектах продажи в рабство свободных женщин их родственниками на Северо-Западном Кавказе в XVIII–XIX веках // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа (23–24 октября 2009 г.). Ставрополь, 2009. С. 142–146.

12. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Краснодар, 2007. С. 734.

13. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 8. Тифлис, 1881. С. 744–745.

14. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 898. Л. 41.

15. Там же. Л. 49–49 об.

16. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1648. Л. 206.

17. Там же. Л. 207.

18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е (далее – ПСЗРИ-2). Т. 9. СПб., 1835. № 7080.

19. ПСЗРИ-2. Т. 33. СПб., 1858. № 33154.

А.Ю. Перетятько

КАВКАЗСКИЕ КАЗАЧЬИ ВОЙСКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ТРАДИЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ[1]

Период истории российских казачьих войск между Крымской войной и революциями 1917 г. ряд современных историков предлагает рассматривать как эпоху модернизации. В донской историографии данную позицию наиболее последовательно защищает Р.Г. Тикиджьян, в самих названиях статей которого часто присутствует слово «модернизация» [1]. Однако существуют и другие точки зрения. Исследователь донского казачества второй половины XIX в. А.А. Волвенко в 2019 г. выпустил монографию «Власть и казачество в эпоху “Великих реформ” Александра II (1860–1870-е гг.)», в которой он пришел к выводу о том, что «опыт использования теории модернизации… пока не дает основания считать данную теорию эффективной, по крайней мере в отношении анализа преобразовательного процесса 1860–1870-х гг. в казачьих войсках» [2]. А.А. Волвенко последовательно аргументирует свою позицию: так, Р.Г. Тикиджьян, по

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 18-39-00009.

его мнению, декларируя приверженность теории модернизации, фактически не пользуется ею при описании конкретных фактов [3], а исследовательница терского казачества Н.Н. Великая, действительно использовавшая теорию модернизации в своих исследованиях, пришла к выводу, что «казачество оказалось если не в стороне от модернизационных процессов, то весьма мало ими затронутым» [4]. Безусловно, проблема в данном случае заключается еще и в том, что сами понятия «модернизация» и «модернизационные процессы» рассматриваются, например, Р.Г. Тикиджьяном как интуитивно понятные, не требующие дополнительной расшифровки [5]. Между тем в современных статьях о теории модернизации отмечается: «специалисты вынуждены признавать, что понятие "модернизация" не слишком четкое и допускает определенные двусмысленности в толковании его содержания» [6].

Однако если мы попытаемся отталкиваться не от современных концепций, а от событий конца XIX в., то увидим, что в это время даже в правительстве Российской империи шла борьба между сторонниками двух путей развития казачества. В начале 1899 г. военный министр А.Н. Куропаткин, всерьез обеспокоенный массовым обеднением казаков, обратился к министру финансов С.Ю. Витте с просьбой поддержать выплату дополнительной субсидии Донскому войску в размере 538 000 руб. в год, причем в дальнейшем планировалось аналогичное увеличение правительственных ассигнований и другим казачьим войскам [7]. При этом А.Н. Куропаткин подчеркивал, что «с развитием промышленности в казачьих областях не следует пока спешить», а меры к развитию этой промышленности он называл «нежелательными» [8]. Генерал-лейтенант Н.А. Маслаковец, эксперт Военного министерства по казачьим вопросам, предлагал даже прямо написать, что полноценное развитие не только промышленности, но и сельского хозяйства в казачьей среде будет невозможно до тех пор, пока «сохраняется в казачьих войсках их настоящий домашний быт, обусловленный лежащими на них исключительными обязательствами» [9]. Но подобная аргументация категорически не удовлетворила С.Ю. Витте, возражавшего, что любая субсидия казачьему войску есть «не что иное, как возмещение пополнения недочетов в благосостоянии казаков на остальное население империи, которое уже приносит для этого крупные жертвы» [10]. Отдельно министр остановился на деятельности комиссии под руководством Н.А. Маслаковца, которая должна была выяснить причины обеднения казаков. По мнению С.Ю. Витте, комиссии следовало, помимо своих прямых обязанностей, «найти средства к изысканию местных источников и способов для увеличения благосостояния казаков» [11].

Иными словами, А.Н. Куропаткин предлагал искусственно затормозить экономическое развитие казачьих войск, считая промышленность на их территории вредной для поддержания военной организации казачьих частей. Даже в условиях обеднения казачества военный министр предлагал выделять казачьим войскам дополнительные суммы из государственного бюджета, но не пытаться перестроить экономику казачьих регионов на более современный, индустриальный лад. С.Ю. Витте же, напротив, полагал, что решать экономические проблемы казачьих войск нужно за счет их внутренних ресурсов, за счет разработки тех отраслей хозяйства, которые исторически были не развиты, включая и промышленность. С нашей точки зрения, похожие подходы по отношению к казачьим войскам можно проследить в течение всей второй половины XIX в.: в соответствии с первым из них, традиционным, казачество следовало оберегать, не давая никаким изменениям в государстве разрушить сложившиеся формы его внутреннего устройства; в соответствии же со вторым, модернизационным, казачество надлежало перестроить в духе изменившегося времени в надежде на то, что полученный результат, обычно не очень четко представляемый самими реформаторами, будет лучше существующего положения. Сторонников первого подхода пугал риск гибели казачества в результате неудачных преобразований, и, например, в начале 1860-х гг. лидер донских консерваторов князь А.М. Дондуков-Корсаков писал: «Невозможно без некоторого риску уничтожить в народе его исторические воспоминания, его вековые обычаи и преимущества, составляющие его гордость и благосостояние» [12]. Но сторонники второго подхода не считали сохранение казачества, по крайней мере в его существующих формах, достойной задачей: почти одновременно с вышесказанной сентенцией А.М. Дондукова-Корсакова на страницах официального «Военного сборника» цитировалось мнение радикальных реформаторов, согласно которому, «если обстоятельства, родившие казачество, миновались, казачество должно пасть, а то, что должно пасть, не следует поддерживать искусственными средствами» [13].

С 1860-х гг. российские казачьи войска, включая кавказские, оказались в прямом смысле слова поставлены перед выбором между традицией и модернизацией как двумя вариантами ответа на новые вызовы времени. При этом именно опыт кавказских войск носит совершенно особый характер и представляет особенный интерес. Дело в том, что уже в начале интересующего нас периода необходимость серьезных реформ большинства других казачьих войск представлялась современникам

очевидной. В Донском войске к этому времени резко ухудшилась подготовка молодых казаков из-за отмирания военных традиций в станицах, причем даже местные донские авторы противопоставляли молодым донцам, иногда вовсе не умеющим ездить верхом, великолепных наездников-линейцев [14]. В случае с Оренбургским войском вообще ставилось под сомнение его казачье происхождение, причем и ему во внутренних документах Военного министерства противопоставлялись Кубанское и Терское войска как более близкие к некоему служебному идеалу: в одном из подобных документов, например, написано, что оренбургское казачество было искусственно создано правительством, которое «зачисляло в войско целые полки и батальоны, наделяя их достаточным количеством земли и обязав их так называемою казачьей службою; однако же пограничные неприятели, киргизы и другие народы Западной части Азии далеко не были так воинственны, чтобы развить в оренбургских казаках, подобно Терским и Кубанским, постоянное воинское напряжение, любовь к отваге и пренебрежение жизнью ради воинской славы» [15]. В противоположность этому, кавказские казачьи войска на фоне подходившей к концу, но еще продолжавшейся Кавказской войны позиционировались в прессе тех лет как последние «настоящие» казаки, чье существование рядом с воинственными горскими народами было естественно [16].

Таким образом, к середине XIX в. большинство казачьих войск, безусловно, нуждались в реформах, и это признавали даже сторонники традиционного пути развития казачества. Так, упомянутый нами А.М. Дондуков-Корсаков даже предложил свой проект реформ Донского войска, направленный на решение бесспорных и наиболее очевидных проблем донских казаков [17]. Однако кавказским войскам реформы были фактически навязаны сверху. Еще в 1840 г. Д.А. Милютин, тогда молодой офицер Кавказской армии, в своих рукописях предсказывал колонизацию Кавказа и рост доли местного крестьянского населения, готового заниматься хлебопашеством, в отличие от казаков, предпочитающих скотоводство и рыбную ловлю [18]. Кавказское линейное войско должно было быть сохранено, но сильно уменьшено в составе, оставив за собой только внутреннюю службу [19]. Всё это должно было преследовать те же цели, достижения которых через полвека будет добиваться С.Ю. Витте: по мнению Д.А. Милютина, за счет притока неказачьего населения Кавказ быстро перестал бы быть убыточным для российской казны краем, поскольку подобной мерой «доход области увеличится без всякой соразмерности и настойчивости» [20]. Безусловно, за прошедшие с 1840-х до

1860-х гг. взгляды Д.А. Милютина на казачество могли несколько поменяться, однако он, безусловно, оставался последовательным сторонником модернизационных по отношению к казачеству идей. И уже в 1862 г. в своем первом годовом докладе в качестве министра генерал требовал превратить казачьи территории из «военных лагерей» во всесторонне развитые части империи [21].

Фактически Д.А. Милютин на этом этапе своей деятельности ставил перед кавказскими войсками не столько военные, сколько экономические задачи, желая добиться их независимости от правительственных субсидий. В том же 1862 г. он поставил перед руководством Кубанского и Терского казачьих войск задачу отказаться от «вспомогательных из Государственной казны денежных казачьим войскам отпусков» [22]. В делах Временного комитета при Управлении иррегулярных войск по пересмотру казачьих законоположений содержится ряд документов аналогичной тематики. В частности, в одном из них, датированном 1868 г., сообщается, что увеличение доходов Кубанского и Терского войск необходимо для дальнейших реформ, поскольку они планируют «увеличение расходов на новые административные и судебные должности» [23]. За счет ряда преобразований, в частности введения разряда неслужилых казаков, освобожденных от воинской повинности взамен уплаты дополнительного налога, предполагалось увеличить доходы Кубанского войска на 157 782 руб., а Терского войска на 73 013 руб. [24]. Для сравнения: доход этих войск с торговых акцизов не превышал 71 725 руб. и 8 592 руб. соответственно [25]. Вероятно, самым существенным шагом по модернизации кавказских войск было как раз разрешение представителям неказачьего населения свободно селиться на их территории, предлагавшееся Д.А. Милютиным еще в 1840 г. Вот как описывались результаты подобного решения в документах 1880 г.: «Наплыв иногородних, выражающийся общей цифрой в 290 000 душ, принес несомненные выгоды и пользу стране: они внесли особый, американский, так сказать, дух во все предприятия – подняли стоимость земли и распространили в крае в чрезмерном количестве земледельческие орудия и машины» [26].

Однако подобная модернизационная политика привела к ряду неожиданных для самого правительства результатов. Так, в документах 1880 г. сообщается, что рост экономики в кавказских войсках не только не улучшил, но и резко ухудшил положение казачества. В частности, переселенцам по традиции давалось право наравне с казаками пользоваться станичным выгоном, и в результате скачкообразного увеличения количества скота эти выгоны пришлось расширить, что в свою очередь

привело к сокращению размеров наделов казачьих семей в некоторых станицах до 7–8 десятин [27]. Иногородние пользовались станичными церквями, мостами, дорогами, даже пожарным инструментом, но не платили за это; дело доходило до абсурдных ситуаций, когда станичный сход принимал решение ввести сбор на ту или иную необходимость, но иногородние отказывались платить наравне с казаками [28].

И это привело к тому, что после ухода Д.А. Милютина с поста военного министра в имперской политике традиционный подход к казачеству начинает преобладать над модернизационным. Следует отметить, что уже в 1870-е гг. Военное министерство отказывается от наиболее радикальных идей, оказавшихся куда менее эффективными, чем предполагалось. В одной из своих прошлых работ мы показали, что попытка освободить часть казаков от службы в обмен на денежные выплаты как раз в кавказских войсках показала свою полную несостоятельность: в разряд неслужилых казаков часто попадали люди «нетрезвой жизни и вообще дурного поведения», которые просто не платили положенных сумм, не принося правительству никакой пользы [29]. Однако именно в 1880 г. появляются тексты, в которых реформы 1860-х гг. в казачьих войсках подвергаются жестокой критике не общественными деятелями, а высокопоставленными правительственными чиновниками. Например, в 1889 г. Н.А. Маслаковец, на тот момент оренбургский атаман, представил в Главное управление казачьих войск служебную записку о текущем положении оренбургского казачества. В его интерпретации это положение было без преувеличения катастрофическим: «Население положительно голодает, скот гибнет от бескормицы!» [30]. А причиной катастрофы он считал именно преобразования казачьих войск в правление Александра II ввиду «несоответствия начал их с духом и бытовыми особенностями казачьих обществ» [31].

Напомним, что кавказские казачьи войска, в отличие от других казачьих войск Российской империи, в середине XIX в. не только не демонстрировали признаков кризиса, но и рассматривались как своеобразный эталон. Поэтому не удивительно, что многие представители местной элиты рассуждали со схожих с Н.А. Маслаковцом позиций. Так, в 1883 г. комиссия для преобразования управления Кубанским и Терским войсками констатировала, что состояние этих войск «не вполне уже согласно с видами правительства», причем изменения к худшему заключались в «упадке боевых достоинств казачества», произошедшем из-за «преобладающего влияния гражданской администрации» над администрацией военной и «наплыва иногороднего элемента» [32]. Соответственно, хотя

напрямую члены комиссии не обвиняли Д.А. Милютина в разрушении прежней, более эффективной системы управления и функционирования кавказских казачьих войск, фактически они выступали против идей бывшего военного министра о модернизации казачества. И с 1880-х гг. кавказские казачьи войска пытаются не только законсервировать в существующем состоянии, но и вернуть в некоторых аспектах к прежнему, дореформенному положению. Так, администрация Кубанского войска в 1883 г. предложила «воспретить, и по возможности неотлагательно иногородним приобретать в собственность недвижимое имущество не только в станицах, но даже и в станичных наделах» [33].

И в 1899 г., во время спора между А.Н. Куропаткиным и С.Ю. Витте, военные чиновники будут апеллировать именно к тому, что «мнение военного министра о том, что с развитием промышленности в казачьих войсках не следует пока спешить, основано на близком знакомстве с теми тяжелыми условиями службы (поголовной), которая выпала на долю казаков» [34]. Иными словами, модернизационный подход к казачеству, доминировавший в эпоху Александра II, затем был совершенно сознательно отвергнут как слишком опасный для самого сохранения казачьих войск в качестве источника военной силы. Традиционалисты в казачьих войсках доказывали подобные взгляды еще с 1860-х гг., но с 1880-х гг. их поддерживает Военное министерство. А поскольку без его ведома никакие реформы в казачьих областях не могли быть проведены, сторонники модернизации казачества, как С.Ю. Витте, могли выражать свои взгляды только в дискуссиях с военными чиновниками, но не в реальных действиях. Модернизационные реформы 1860-х гг. были свернуты, а порой и полностью отменены. И именно это создает иллюзию неприменимости теории модернизации к казачеству: его исторический путь во второй половине XIX в. действительно нельзя трактовать как путь модернизации, путь непрерывного и поступательного развития. Однако этот путь точнее всего описать как борьбу между модернизацией и традицией, борьбу, которая была не завершена, а искусственно прервана после 1917 г.

Примечания

1. Тикиджьян Р.Г. Проблемы историософского осмысления российской «догоняющей» модернизации и процессов трансформации донского казачьего сообщества // Философская инноватика и междисциплинарные проблемы государственного управления в современной России. Ростов н/Д., 2010. С. 468–481; Он же. Расказачивание как процесс и государственная по-

литика в контексте российских модернизационных циклов // Казачество: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов н/Д., 2010. С. 218–230.

2. Волвенко А.А. Власть и казачество в эпоху «Великих реформ» Александра II (1860–1870-е гг.). Ч. 1. Таганрог, 2019. С. 53.

3. Там же. С. 50.

4. Там же. С. 52.

5. Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013. С. 80–92.

6. Матвеенко Ю.И. Модернизация: теория и современность // Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 154.

7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 3 об.

8. ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 4.

9. Там же. Ед. хр. 60. Л. 2 об.

10. Там же. Ед. хр. 59. Л. 4.

11. Там же. Л. 4 об.

12. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив. Кн. 3. 1896. № 12. С. 580.

13. Ст[олыпин А.Д.] По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках // Военный сборник. 1861. № 1. С. 202.

14. К[раснов И.]И. Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. 1865. № 1. С. 73–89.

15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 124–124 об.

16. Ст[олыпин А.Д.?] По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках. С. 202–203.

17. Карасев А.А. Указ соч. С. 569–591.

18. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. Кар. 18. Ед. хр. 16. Л. 27.

19. Там же. Л. 26 об.

20. Там же. Л. 27 об.

21. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1860–1862. М., 1999. С. 262–263.

22. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 252. Оп. 2. Д. 575. Л. 2 об.

23. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7572. Л. 308.

24. Там же. Л. 311.

25. Там же. Л. 308.

26. РГИА. Ф. 560. Оп. 41. Д. 147. Л. 8 об.

27. Там же. Л. 8 об.
28. Там же. Л. 8 об. – 9.
29. Peretyatko A.Y. The Choice of the Way to the Future: to the History of the Don and Orenburg Cossack Hosts as Polygons for Military and Economic Reforms in 1860–1870 // Bylye Gody. 2018. Vol. 50. Iss. 4. P. 1637.
30. ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 9.
31. Там же. Л. 5.
32. РГИА. Ф. 560. Оп. 41. Д. 147. Л. 2 об.
33. Там же. Л. 76 об.
34. ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 5.

Ю.Ю. Клычников, С.С. Лазарян

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ С ГОРЦАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ЗАМЫСЕЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Северный Кавказ первой половины XIX в. в силу ряда военно-политических, социальных и иных обстоятельств стал использоваться имперскими властями как место ссылки и средство государственного воздействия на умы тех категорий и слоев населения страны, которые выступали против или были не в ладах с существовавшими в государстве законами и общественным устройством. В этой связи край даже получил славу «теплой Сибири». Неслучайно туда отправили военнопленных поляков, воевавших против России в армии Наполеона, а в дальнейшем там же вынуждены были отбывать наказание и многие участники мятежа (Ноябрьского восстания) 1830 г. и войны 1831 г. Ссыльным полякам предстояло в составе российского Кавказского корпуса с оружием в руках заслужить амнистию и право вернуться на родину [1].

Далеко не все из них мирились с положением ссыльных и выражали готовность сотрудничать с российской властью. Среди поляков оставались те, кто хотели продолжать сражаться за свои идеалы в новых условиях, и в горцах Северного Кавказа, противостоявших России, видели естественных союзников в борьбе против империи. При первой возможности эти люди дезертировали из военных подразделений, в которых несли службу, и скрывались на неподконтрольных русским горских землях.

Туда же прибывали тайными путями (морем из пределов Османской империи) поляки-эмигранты, проживавшие в других европейских государствах, вынужденные оставить Польшу после поражения Польского восстания. Они не смирились с поражением и искали случая продолжать борьбу против русских. Северный Кавказ им казался (или это внушалось им вождями) местом, где отстаиваются идеалы свободы, где война горцев против России была сродни их борьбе за свободу Польши.

Реальная картина противостояния на Северном Кавказе, которая воплощалась в сложном и многозначном комплексе военно-политических, социокультурных и иных процессов и смыслов, реализовывавшихся в рамках полиморфности Кавказской войны, сильно отличалась от того, на что рассчитывали и ожидали увидеть польские инсургенты. Прибывавшие на Черноморское побережье Кавказа польские команды и эмиссары, не имевшие соответствующего сопровождения или предварительных договоренностей с местными горскими обществами, встречались с подозрением и враждебностью, впрочем, как и те, кто такими средствами обзаводились заранее.

Не меньшей неожиданностью для польских перебежчиков из состава российских войск была реакция горцев на их появление в местных ущельях. Им не были рады. Более того, часть из них не только не достигла желаемого, но и пополнила ряды горских ясырей [2], и в этом состоянии некоторые из них пребывали долгие годы, даже десятилетия.

В то же время среди польских ссыльных или легионеров были те, кто сумел добиться расположения местных жителей. В этой категории лиц можно, например, выделить фигуру некоего Броневича, прибывшего к горцам в составе одной из тайных партий. Ему оказал покровительство сподвижник первого имама Чечни и Дагестана – Гамзат-бек, который был заинтересован в упрочении контактов с властями Османской империи и надеялся с пользой для себя употребить военные знания и опыт Броневича [3]. Находясь в рядах «немирных» горцев, беглые поляки становились опасными противниками российской стороны. Будучи носителями европейских военных традиций и опыта противостояния русским, поляки обучали горцев тактическим приемам ведения боевых действий, способным причинять большой вред российским войскам [4].

Неудивительно, что российские имперские власти весьма пристально следили за настроениями, царящими среди польских ссыльных, стараясь пресекать деятельность любых пропагандистов или распространение любых идей и слухов, способных подвигнуть людей на опасные действия. Особенно настораживали случаи распространения в военных

подразделениях и среди военнослужащих, в том числе не являвшихся этническими поляками, литературы и воззваний революционной направленности, которые переводились на русский язык [5]. Кавказская администрация не раз получала циркулярные предписания из Министерства внутренних дел выявлять или отслеживать возможные перемещения тайных эмиссаров, действовавших от имени революционных польских организаций. В случаях обнаружения таковых их немедленно обязаны были подвергать аресту.

Иногда из-за непонимания чужой ментальности применяемые пропагандистами способы воздействия на умы непосвященных в существо дела людей оборачивались курьезами. Так, однажды в расположение русских военных контингентов в продажу поступила папиросная бумага, содержавшая аллегорические рисунки, изображавшие Польшу «в виде окровавленной женщины, в красной одежде, с одноглавым орлом, разорванными цепями и косою у ног и с звездою, окруженною сиянием на голове» [6]. Некоторые казаки, купившие курительную бумагу у торговцев, приняли такую аллегорию «за изображение Богородицы или святой, помещали между образами» [7] и вряд ли задумывались об истинном посыле этого символа.

Полиция на подконтрольной России территории Северного Кавказа неоднократно вынуждена была реагировать на поступавшие ориентировки на различных беглых ссыльных из числа поляков, которые имели возможность укрываться на южной окраине империи, затерявшись в среде немалого количества своих земляков, находившихся в крае [8]. В 1838 г. властям стало известно о гибели в горах некоего европейца, которого первоначально приняли за англичанина. Однако после проведенного расследования оказалось, что это был поляк. По словам Н.Н. Раевского, ошибка произошла по причине того, что «горцы называют англичанами всех европейских агентов, приезжающих в горы» [9]. Сами англичане пытались не допустить прямого столкновения с русскими, «предпочитая действовать из-за польской ширмы» [10]. Через Центральный национальный совет польского национально-освободительного движения (Жонда Народового) они планировали создать на горских территориях, неподконтрольных русским, особое военное подразделение – легион, ядро которого предполагалось комплектовать из числа дезертиров Отдельного Кавказского корпуса [11]. Возглавить его должны были генералы Ю. Бем и Г. Дембиньский [12].

В середине 1830-х гг. британский общественный деятель Дэвид Уркварт начал устанавливать контакты с представителями польской евро-

пейской эмиграции, которые не смирились с итогами событий 1830–1831 гг. и рассчитывали на реванш. Наиболее близкими и отзывчивыми оказались сторонники Адама Чарторыйского, сумевшие сплотиться вокруг своего лидера и демонстрировавшие готовность к конструктивному сотрудничеству. Данная организация представляла собой консервативно-монархическое крыло в польском освободительном движении, известном как «Общество 3 мая». Их штаб-квартира размещалась в Отеле Ламбер, расположенном в Париже. Обе стороны сошлись во взглядах на роль Кавказа в борьбе против России и готовились поддерживать местные горские народы, неприязненные русским, всеми средствами – пропагандой и с помощью оружия. Для реализации данной цели открывались возможности после того, как в Турции сформировалась достаточно многочисленная польская колония, в которой было немало решительных людей, знающих военное дело и мотивированных на противоборство с Россией. Из них предполагалось рекрутировать добровольцев для отправки в Черкесию, связи с которой у турок не прерывались, несмотря на противодействие Петербурга [13].

Лидеры польских инсургентов не испытывали иллюзий в отношении истинных целей сотрудничества с ними со стороны англичан, но хотели использовать возможности Англии для оказания давления на Россию. Как вспоминал один из деятелей польского национального движения М.С. Чайковский, «я решил также завязать их с черкесами и чеченцами, чтобы придать князю Адаму Чарторыйскому более веса в глазах Англии, которая интересовалась этими азиатскими народами гораздо более, нежели славянами. Англия доказывала это каждый раз, когда дела польской справы касались английского кабинета: черкесы и азиатские народы, обитавшие между Черным и Каспийским морями, были в ее руках орудием, коим она тревожила и пугала Россию» [14]. М.С. Чайковский предпочитал делать ставку на турок, а потому способствовал отправке на Кавказ миссии Людвига Зверковского, стремясь установить прямые контакты с наиболее авторитетными горскими предводителями и убедить их действовать совместно против русских без британского посредничества.

Сами лидеры польских эмигрантов стремились объединить все антироссийские силы в Европе и на Востоке и готовы были пойти на немалый риск в поисках союзников. Однако жажда реванша и страстность желаний неизбежно толкали к авантюризму. Их прожекты предполагали руками донских и черноморских казаков, казаков-некрасовцев и кавказских горцев, добровольцев из числа южных славян совместно с поль-

скими отрядами воссоздать Речь Посполитую в границах 1772 г. Все перечисленные силы должны были по разным направлениям двинуться на Москву. При этом считалось, что такой поход мог бы стать прологом социальной революции в России. На Кавказе в качестве ленников Порты возникали буферные государства из Федерации мусульманских народов, Грузии и Армении [15]. Уповая на такое фантастическое единство столь разных во всех отношениях сил, сторонники А. Чарторыйского слишком заблуждались, выдавая желаемое за действительное, в чем им пришлось очень скоро убедиться.

Северокавказские реалии явно не совпадали с умозрительными конструкциями руководства Отеля Ламбер. Л. Зверковский сделал для себя неприятное открытие. Черкесы отнюдь не горели желанием подчиниться чьей-либо воле вообще, в том числе выступать под знаменем имама Шамиля. Они даже готовы были предпочесть имаму Чечни и Дагестана русского государя, который старался без крайней необходимости не вмешиваться в их традиционный жизненный уклад [16].

Настороженность и недоверие со стороны черкесских предводителей друг к другу и к прибывавшим к ним чужеземным эмиссарам не только не ослабевала, но постоянно росла, превращалась в неприязненность. По мере увеличения попыток достижения единства в рядах самих черкесов или определения среди них лидирующей фигуры, претендовавшей на роль всеобщего вождя, которые предпринимали польские эмиссары, они влекли за собой опасные для их жизни последствия. По дороге к Шамилю на Л. Зверковского, пребывавшего в горах под прикрытием азиатского имени Каракрак-бея, было совершено покушение, закончившееся спасением эмиссара. Несостоявшийся убийца, однако, не был пойман охранявшими Каракрак-бея черкесами.

Это происшествие и связанные с ним перипетии сделали невозможной личную встречу Л. Зверковского с имамом Шамилем. Польский эмигрантский центр в Париже очень рассчитывал на установление прямых контактов с главой северокавказских мюридов, что могло бы породить плодотворное сотрудничество всех враждебных России сил, придать их действиям более организованный и скоординированный характер, по крайней мере на это очень надеялись.

Досадная неудача миссии Л. Зверковского не уменьшила решимости лидеров польских инсургентов искать прямых контактов с лидерами противников Российской империи на Кавказе. При этом изменялся сам формат и задачи взаимодействия. Во главу угла ставились практические военные нужды сторон. В 1846 г. в Черкесские горы был отправлен Адам

Высоцкий, которому поручалось организационно-техническими мерами обеспечить горцев возможностью самостоятельно изготавливать боеприпасы, в которых они из-за российской блокады Черноморского побережья стали испытывать серьезную нехватку. В сложившихся обстоятельствах иностранные агенты сочли целесообразным сделать ставку на передачу технологий, чтобы, опираясь на местные ресурсы, попытаться нивелировать успехи русского оружия [17].

Кроме того, М. Чайковский, носивший в Турции имя Мехмет-Садык-паша, получил инструкцию от А. Чарторыйского, в которой ему повелевалось «где бы ни поселились поляки-католики, стараться сформировывать из них отдельные отряды; посылать к ним ксёндзов, чтобы они не забыли веру и обычаи своих предков; выхлопотать у черкесов и у Шамиля разрешение строить костёлы, к которым могли бы принадлежать поляки, и, если таковых окажется в каком-либо приходе несколько тысяч человек, посылать в этот приход епископа» [18].

Эмиссаром Парижа был Казимеж Гордон, потомок выходцев из Шотландии, чьи предки в XVII в. получили польское дворянство. Он бескомпромиссно боролся за возвращение былого величия Речи Посполитой. По заданию Отеля Ламбер К. Гордон должен был в горах выйти на Шамиля и Даниэль-бека, а также заручиться поддержкой своей миссии у англичан.

В горах К. Гордон выступал под именем Бендерли-бея, получив неоднозначную оценку своей миссии в польских эмигрантских кругах. По словам, например, М. Чайковского, «Бендерли-бей был не особенно доволен черкесами, которые отправляли всех поляков, попадавших к ним в плен или приходивших к ним добровольно, к абазинцам, жившим близ Сухум-Кале и принявшим подданство России, а те отсылали их тотчас для продажи на персидские, египетские и турецкие рынки. Они оставляли Бендерли-бею только самых старых и немощных. Он получил разрешение устроить домовую церковь и поместить при ней ксёндзов, польских дервишей, как называли их горцы, которые совершали бы богослужение. Как видите, всё дело обратилось в злую шутку» [19].

Более того, сама миссия К. Гордона закончилась трагически. Предполагавшийся во главе с ним конный рейд вглубь русских территорий на Кубани с привлечением около двадцати тысяч горских всадников завершился тем, что «однажды ночью он был убит в своей комнате выстрелом из пистолета. Убийца скрылся» [20]. Кто стоял за ликвидацией Бендерли-бея, теперь уже вряд ли удастся узнать. Скорее всего, это была тайная акция, инициированная российским командованием, которое

весьма последовательно занималось уничтожением своих непримиримых противников в горской среде. В этой связи уместно вспомнить о сходном случае, имевшем место несколько ранее. По указанию барона Г.Х. Засса, житель Армавирского аула Багиров уничтожил другого польского инсургента – артиллерийского поручика Якубовича, известного среди черкесов под именем Якуб-хан [21].

Череда европейских революций 1848–1849 гг. привела к активизации усилий польских революционеров, направленных на дестабилизацию российских позиций на Кавказе. Увеличился поток контрабанды, в том числе оружия и боеприпасов, поставлявшихся «немирным» горцам. О них писал венгерский кондотьер Янош Бандья: «Эти господа желают сделать из Черкесии военный склад для будущей революции в Польше» [22].

В связи с этим император Николай I потребовал от турецких властей выдать ему польских и венгерских эмигрантов, враждебных России, поскольку их действия в Кавказском регионе наносили вред российским интересам и осложняли российско-турецкие отношения. Турки не пошли на уступки, среди прочего мотивируя это тем, что опасаются осложнений со стороны Франции и Великобритании. Обстановка накалилась настолько, что возникла угроза вооруженного столкновения между Петербургом и Стамбулом, но затем всё разрешилось дипломатическими методами [23].

С началом Восточной (Крымской) войны интерес к полякам со стороны антироссийской коалиции возрос. Предполагалось привлечь их в состав османского корпуса и перебросить в Черкесию, чтобы придать борьбе местных племен против русских новое качество [24]. Однако все попытки такого рода закончились неудачей. Завершившееся в 1864 г. вооруженное противостояние на Северном Кавказе и массовый исход горцев в Турцию поставили точку в планах польской эмиграции по использованию потенциала местных народов в борьбе против России.

Примечания

1. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1816–1827 гг.). Пятигорск, 2002. С. 107.

2. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Набежавшими хищниками взят в плен…»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа. Пятигорск, 2018. С. 31–34.

3. Маркова О.П. Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки. 1953. № 42. С. 231.

4. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК) / под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1884. С. 252.

5. Бижев А.Х. Из истории формирования оппозиций политики царизма в русской армии и в среде польских ссыльных на Северном Кавказе в 30–40 гг. XIX в. // Черкесия в XIX веке (материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп, 1991. С. 136; О появлении революционной литературы на польском языке см.: Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 1400; Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1411.

6. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2485. Л. 1.

7. Там же. Л. 1 об.

8. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 68. Оп. 1. Д. 5639; Там же. Д. 6140; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2061; Там же. Д. 2752.

9. Архив Раевских. СПб., 1910. Т. 3. С. 93.

10. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М., 2009. С. 430.

11. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992. С. 76.

12. Об этих планах стало известно российскому правительству, которое предприняло весьма энергичные шаги по предотвращению задуманной акции (см.: ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 199).

13. Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992. С. 22–23.

14. Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1898. Т. 95. Август. С. 435–436.

15. Widerszal L. Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831–1864. Warszawa, 2011. S. 93, 106.

16. Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши). С. 444.

17. Осетия в кавказской политике Российской империи: сб. док. и мат-лов / под ред. А.А. Хамицаевой. Владикавказ, 2008. С. 92–93.

18. Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши). С. 447.

19. Там же. С. 448.

20. Там же. С. 449.

21. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогаев. Краснодар: Традиция, 2010. С. 107–152.

22. Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан – политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Нальчик, 2010. С. 122.

23. Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях ... С. 73, 78.

24. Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1898. Т. 96. Октябрь. С. 173–174.

Л.В. Бурыкина, Л.Д. Федосеева

СТАНОВЛЕНИЕ ДОБЫВАЮЩЕЙ, ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ И ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ в 80-х гг. XIX в. – начале XX в.

В 80-е гг. XIX в. в Российской империи завершился промышленный переворот, позволивший ей вступить в стадию раннеиндустриальной модернизации и открывший горизонты для дальнейшей эволюции капиталистической промышленности. Ход модернизационных процессов не только был обусловлен внутренними стимулами соответствующих сегментов общества, но и зависел от внешних факторов развития страны.

Экономическое развитие Северо-Западного Кавказа было неразрывно связано с интерполяцией его в экономическую структуру России. Эволюция капиталистических отношений в стране способствовала дальнейшему росту сельского хозяйства, торговли, ускоренному развитию промышленного производства, сооружению железнодорожной сети, строительству новых дорог, мостов. На территории Северо-Западного Кавказа подобные процессы стали проявляться уже в середине 1870-х гг., когда была построена Владикавказская железная дорога. Только строительство железной дороги могло на практике связать Северо-Западный Кавказ с Центральной Россией и интегрировать его во всероссийский рынок.

Процесс завершения промышленного переворота и дальнейшее развитие капитализма в метрополии сопровождались еще большим приобщением народов окраин к экономической системе Российской империи. Это совпало с периодом, когда крупные фабрики и заводы центральной России, не удовлетворяясь темпами развития капитализма «вглубь», стали искать дополнительные источники сырья и рынки для сбыта своих товаров.

В ходе распространения капитализма «вширь» во второй половине XIX в. происходило экономическое освоение Северо-Западного Кавказа. Одновременно шло выдавливание «вековых» кустарных промыслов

горских народов. Начался процесс втягивания народов в общероссийские и мировые торговые отношения. Промышленность в 70-е гг. XIX в. находилась в зачаточном состоянии, поскольку ее развитие сдерживалось отсутствием удобных путей сообщения [1].

Поддерживая интересы российских капиталистов, царское правительство санкционировало создание в крае железнодорожной сети, которая бы позволила укрепить, помимо военно-стратегических, и экономические позиции царской России на Северо-Западном Кавказе [2]. Оно началось в 1872 г., когда было учреждено «Общество Ростово-Владикавказской железной дороги», контрольный пакет акций которого принадлежал казне. Первая ветка (Ростов – Владикавказ) стала функционировать со 2 июля 1875 г. До начала XX в. были возведены и другие важнейшие ветки: Екатеринодар – Новороссийск, Кавказская – Ставрополь, Тихорецкая – Царицын, Порт Петровск – Дербент – Баку и др. [3]. Общая протяженность Владикавказской железной дороги к началу XX в. насчитывала 2 331 версту. Она протянулась к Чёрному и Каспийскому морям, Волге и Закавказью, пересекала Донскую, Кубанскую, Терскую, Дагестанскую области, Ставропольскую, Бакинскую, Черноморскую и Саратовскую губернии [4].

К концу XIX в. Владикавказская железная дорога соединила все ключевые центры Северо-Западного Кавказа, стала одной из самых крупных и важных магистралей в стране. Железнодорожное строительство и эксплуатация Владикавказской железной дороги стали мощнейшим стимулом развития промышленности региона. Сама Владикавказская дорога была одним из самых масштабных коммерческих и производственных предприятий. К началу XX в. при дороге находилось 18 мастерских (одни из самых значительных – депо и мастерские Ростова, Батайска, Тихорецка, Новороссийска). В 1904 г. в Обществе Владикавказской железной дороги было занято свыше 28 тыс. рабочих и служащих. Общество занималось добычей нефти и ее переработкой, ему принадлежала важнейшая инфраструктура Новороссийского порта (пристани, амбары и склады, элеватор, судоремонтные заводы, нефтехранилища и др.) [5]. Сооружение Владикавказской железной дороги позволило многим бывшим селам превратиться в крупнейшие торгово-промышленные центры. Всего за четверть века Общество Владикавказской железной дороги стало одним из лидеров капиталистического строительства на Кавказе, координируя транспортные средства, промышленные предприятия и ссудный капитал.

Связав между собой ключевые центры края, а сам край с остальной Россией, дорога благоприятствовала ускоренной эволюции сельского хо-

зяйства, массовому притоку рабочей силы, стимулировала формирование капиталистической промышленности на Северо-Западном Кавказе.

Также нельзя не отметить тот факт, что Северо-Западный Кавказ обладал обильными природными ресурсами. Местное сырье и топливо способствовали развитию промышленности, более всего отраслей, ориентированных на переработку сельскохозяйственной продукции, которые выросли на базе старых промыслов – текстильного, табачного, мукомольного, маслобойного, пищевкусового и других производств.

В 1913 г., по свидетельству статистики, в области функционировали 8 винокуренных заводов (на которых трудились 263 рабочих), 9 консервных (234 рабочих), 9 сыроваренных (62 рабочих) 45 пиво-медоваренных (635 рабочих) [6]. Успешности развития мукомольной и маслобойной отрасли содействовало наличие богатого сырья. Эти отрасли пищеобрабатывающей промышленности оказались самыми сусцептибельными к техническому прогрессу и передовым формам организации производства. К 1913 г. в Кубанской области насчитывалось 553 маслобойных заведения с 3 353 работниками и годовой производительностью примерно в 16,5 млн руб., 2 619 мельниц, из которых 537 паровых (годовая продуктивность – 10,9 млн руб.) [7].

В маслобойной промышленности в конце XIX – начале XX в. доминировали сельские мелкие заведения, базировавшиеся на ручном труде. Здесь формировался весьма значимый мелкотоварный уклад, находивший выражение в трех формах: ремесленной (работа на заказ), кустарной (работа на местный рынок) и смешанной (работа на заказ и на местный рынок одновременно). Практически всё оборудование подобных маслобоен было кустарного производства и приводилось в движение ветром, водой или конской силой, редко – паровыми двигателями. Заняты в производстве здесь были в большинстве случаев сами хозяева либо вместе с 1–3 наемными работниками.

Разделения труда или не было вовсе, или оно находилось в стадии становления, а эффективность производства не менялась к лучшему. В условиях острой конкурентной борьбы некоторые владельцы мелких маслобоен сумели скопить капитал, а затем вложить его в расширение и техническую реконструкцию производства, наем мастеровых и подсобных рабочих. Это привело к созданию мануфактур, где их владельцы непосредственно не занимались производством, кроме того, очень редко сами выращивали масличные культуры, превратившись в классических капиталистов. В результате связи маслобоен-мануфактур с сельским хозяйством постепенно атрофировались.

Мануфактуры, как правило, создавались в городах и больших станицах; наиболее крупные – в Екатеринбурге, Майкопе, Ейске, Армавире, станице Лабинской. Доходы их возрастали до нескольких тысяч рублей [8]. В маслобойной промышленности постепенно происходило становление и развитие капиталистического уклада [9].

Постепенно рычажные, винтовые маслобойные прессы заменялись механическими. Сооружение паровых маслобоен находило поддержку у местной администрации, которая, видя в этом стабильный источник доходов местного бюджета, без возражений выделяла в вечное пользование участки городских и станичных земель. Нажившие значительный капитал владельцы мануфактур и торговцы стремились вкладывать средства в возведение крупных заводов. Высокая рентабельность маслобойной отрасли вызывала интерес и у крупных промышленников. Примером этого служит деятельность предприимчивых аристократов барона Рудольфа Штейнгеля и его дяди Леонарда, которые построили в Кубанской области не только маслобойные заводы, но и винокуренные предприятия высокой рентабельности [10].

Ответом на усилившуюся в конце 1890-х гг. конкурентную борьбу между предпринимателями стало учреждение акционерных обществ, среди которых на Кубани лидировало «Общество Аведовских маслобойных заводов» братьев Аведовых. Это было одно из крупнейших маслобойных предприятий в России, где трудилось 439 рабочих [11]. К концу XIX в. в Баталпашинском отделе имелось 8 маслобойных предприятий, в Екатеринодарском – 4, в Ейском – 7, в Лабинском – 22, в Майкопском – 8, в Темрюкском – 12 [12].

В начале XX в. мукомольная промышленность Кубанской области, как и маслобойная, носила многоукладный характер, что выражалось в сосуществовании капиталистического и мелкотоварного укладов. Наиболее крупные мукомольные предприятия функционировали в Екатеринодаре. Кубанская мука выдерживала конкуренцию с продукцией традиционных мукомольных центров – Елецкого, Замосковского, Тверского, Западного – и пользовалась спросом не только во всех регионах России, но и за границей [13].

Из других производств пищевкусовой промышленности Северо-Западного Кавказа с 1870-х гг. стали выделяться винокурение и пивоварение. К числу крупнейших винокуренных заводов региона можно отнести екатеринодарский завод «Первенец Кубани» купцов П.В. Якунинского и Ф.В. Верхоглядова, завод-гигант, построенный Штейнгелем в 1883 г. в селе Кубанском, предприятие купца Леонидова в станице

Лабинской [14]. К концу XIX в. в крае имелось 19 пивомедоваренных заводов. Наиболее крупным предприятием в Екатеринодаре владели Д.М. Дон-Дудин и М. Ирза, в Майкопе – С. Чибичев и А. Хоросанов [15].

Пищеобрабатывающая промышленность стала полем конкурентной борьбы не только отечественных, но и зарубежных капиталистов. Стремясь закрепить за собой местный сельскохозяйственный рынок, иностранные капиталисты постепенно внедрялись и в другие области переработки сельхозпродукции, да и вообще всей промышленности в целом [16].

На Северо-Западном Кавказе табачным производством занимались в Екатеринодаре, Армавире и Майкопе. В выходе кубанских табаков на международный рынок определяющую роль сыграли греки-табаководы в силу наличия у них специальных технических знаний и свободных оборотных капиталов [17]. В 1890-е гг. возросло число табачных плантаций, владельцами которых были горцы Северо-Западного Кавказа [18].

Видное место в Екатеринодаре занимали табачные предприятия «Торговый дом И.П. Бедросова с сыновьями» и «Торговый дом братьев Сеферовых». Они владели табачными магазинами, оптовыми складами листового табака, как и торговые дома «Братьев Тарасовых», «Братьев Богорсуковых», В. Асмолова. В городе Майкопе к 1902 г. находились табачные фабрики Я.М. Терзиева, И.М. Мнацаканова, Д.И. Зинковецкого и Е.К. Сушкова [19].

Успешно развивалось и ювелирное дело. Так, в станице Ханской «золотых и серебряных дел мастеров было 5 человек со среднегодовым заработком в 50 руб. В станице Гривенско-Черкесской 2 горца-шапсуга занимались обделкой оружия в серебро» [20]. Поделки адыгских золотокузнецов получили признание и за пределами Кавказа.

В 1860–1890-х гг. как в горской среде, так и в казачьей и крестьянской был популярен шерстеобрабатывающий промысел. Следует отметить, что изделия из шерсти у горцев славились не только широтой ассортимента, но и хорошим качеством. Особым спросом пользовались наплечные бурки [21]. Текстильные фабрики Северо-Западного Кавказа в основном выпускали грубые шерстяные ткани, которые были востребованы не только на местных рынках, но и в Средней Азии, а также экспортировались в Иран [22].

Быстрыми темпами развивалось в регионе производство кирпича, стимулируемое строительным бумом. В конце XIX в. здесь насчитывалось 423 кирпичных предприятия [23]. Потребность в стройматериалах привела к становлению и бурному развитию производства цемента.

В 1898 г. в регионе действовали 3 цементных завода, «из коих один “Общества Черноморского цементного производства” близ Новороссийска, а другой “Франко-Русской компании портландских цементов” в деревне Геленджик, а также в окрестностях Новороссийска построен еще один завод – “Общества Цепь”» [24].

Северо-Западный Кавказ известен в России в качестве старейшего района добычи нефти. Первопроходцем, внесшим свои средства в дело формирования нефтяной промышленности на Кубани, был отставной полковник А.Н. Новосильцев. Добыча нефти на землях, которыми владело Кубанское казачье войско, осуществлялась обществом «Русский стандарт». Этим нефтяным товариществом в течение 1897 г. было извлечено из недр 1 156 293 пуда сырой нефти, из них 1 049 879 пудов было отправлено в переработку [25].

Помимо нефти в недрах нагорной полосы были обнаружены серебросвинцовые руды, каменный уголь, всевозможные виды камня, селитра, алебастр, а также следы железа и ртути. В 1895 г. к разработке серебросвинцовых руд в Баталпашинском отделе приступило петербургское акционерное общество «Эльборус» [26].

В Кубанской области с 1900 по 1913 г. число предприятий фабрично-заводской промышленности увеличилось с 77 до 144, то есть почти в два раза, количество рабочих с 2 866 до 7 543, почти в три раза. В Черноморской губернии число предприятий осталось прежним, а количество рабочих на них выросло почти вдвое [27].

Таким образом, в 80-х гг. XIX в. – начале XX в. на Северо-Западном Кавказе шаг за шагом шел процесс форсированного развития промышленности в сопоставлении с торговлей. С 1885 по 1913 г. по всем объемам торгово-промышленного оборота процент индустриального производства неуклонно возрастал. Крупные промышленные заводы и фабрики постепенно побеждали кустарные промыслы и мануфактуру, но только в ведущих отраслях производства. Современные промышленные заведения не могли еще полностью удовлетворить спрос населения на предметы их производства. Поэтому наблюдается своеобразное сосуществование всех типов капиталистического предпринимательства [28].

Процессы модернизации, стремительная эволюция капиталистических отношений в пореформенный период не вызвали сколько-нибудь ощутимый резонанс у казачьего и горского населения Северо-Западного Кавказа. Присутствие казаков и горцев среди городского и промышленного населения региона в сравнении с иногородними было незначительным. Российский капитализм создавал условия для социально-экономи-

ческого роста и развития торгово-экономических отношений у народов Северо-Западного Кавказа. Он постепенно разрушал базовые ценности патриархально-феодальных отношений, национальную и сословную изолированность, вовлекал экономику автохтонных и аллохтонных этносов региона во всероссийский рынок, усиливал торгово-экономические связи горцев с другими народами и содействовал их более тесному сотрудничеству.

Примечания

1. Предписание о сооружении железных дорог на Кубани и Черноморье с 1875 до 1918 г. // Хрестоматия по истории Кубани: в 2 ч. Ч. 1. Краснодар, 1975. № 78. С. 139.

2. Куприянова Л.В. Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период // Исторические записки. 1963. № 73. С. 294.

3. Сведения о новой ветви Владикавказской железной дороги от станции Тихорецкой до города Царицыно // Кубанские областные ведомости. 1896. № 25. С. 3.

4. Положение об управлении Владикавказской железной дорогой // Кубанские областные ведомости. 1896. № 2. С. 11.

5. Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864–1904): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. С. 324.

6. Статистические сведения о состоянии Кубанской области за 1912 г. // Кубанский календарь на 1912 г. Екатеринодар, 1912. С. 452.

7. Ратушняк В.Н. Кубанские исторические хроники. Краснодар, 2005. С. 135.

8. Государственное казенное учреждение Республики Адыгея «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ГКУ РА «Нацархив»). Ф. 1/15С. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

9. Собриевский А.С. Производительность и доходность промышленных предприятий в городе Екатеринодаре 1895 г. // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4. С. 1–13.

10. Представление о паровом маслобойном заводе товарищества барона Л.В. Штенгеля и В.В. Вондалковского // Кубанские областные ведомости. 1896. № 12. С. 7.

11. Джимов Б.М. Развитие капитализма в Кубано-Черномории в XIX – начале XX в. // Информационно-аналитический вестник. 1999. № 2. С. 62.

12. Живило К.Т. Сельскохозяйственный и промышленный справочник Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 15. С. 523, 529, 563.

13. Из обзора полицмейстера о состоянии города Екатеринодар за 1885 г. // Хрестоматия по истории Кубани: документы и материалы / Арх. отд. Краснод. крайисполкома. Краснодар, 1975. Ч. 1. / сост. Г.Т. Чучмай (отв. сост. и ред.), Т.И. Бондарева, Е.Г. Ботина и др. С. 145–146.

14. Живило К.Т. Указ. соч. С. 563.

15. Статистические сведения о состоянии Кубанской области за 1897 г. // Кубанский календарь на 1899 г. Екатеринодар, 1898. С. 133.

16. Представление об английском капитале в кубанской нефтепромышленности в начале XX в. // Хрестоматия по истории Кубани: документы и материалы. С. 224–225.

17. Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо-Западный Кавказ в 90-е гг. XVIII – 90-е гг. XIX в. Майкоп, 2002. С. 144.

18. ГКУ РА «Нацархив». Ф. 21. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–3.

19. Там же. Ф. 1/15С. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

20. Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Терской и Кубанской областей // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 341.

21. Федосеева Л.Д. Северо-Западный Кавказ во второй половине XIX в.: от промыслово-ремесленного производства к промышленному // Индустриальное наследие. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Гусь-Хрустальный, 26–27 июня 2006 г.). Саранск, 2006. С. 176.

22. Крикунов В.П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60–90-е гг. XIX в. Грозный, 1973. С. 103.

23. Черняк Я.Н. Очерки по истории кирпичного производства России (X – начало XX в.). М., 1957. С. 105.

24. Статистические сведения о состоянии Кубанской области за 1897 г. // Кубанский календарь на 1899 г. Екатеринодар, 1898. С. 131.

25. ГКУ РА «Нацархив». Ф. 1/15С. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.

26. Кондратьев А.Д. Отчет о горных работах на руднике Общества Эльборус за 1895 г. СПб., 1896. С. 4.

27. Статистические сведения о состоянии Кубанской области за 1912 г. // Кубанский календарь на 1912 г. Екатеринодар, 1912. С. 386–389.

28. Пустарнакова И.А. Развитие производительных сил на Северо-Западном Кавказе в условиях рыночной модернизации страны, 60-е гг. XIX – начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2001. URL: http:// cheloveknauka.com/razvitie-proizvoditelnyh-sil-na-severo-zapadnom-kavkaze-v-usloviyah-rynochnoy-modernizatsii-strany-60-e-gg-xix-nachalo-xx#ixzz5mtTcdgps (дата обращения: 28.06.2019).

Э.О. Сагинадзе

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: ВЗГЛЯД ИЗ ПЕТЕРБУРГА[1]

На рубеже XIX–XX вв. правительство Российской империи приняло целый ряд административных и экономических мер по обустройству и освоению Черноморского побережья Кавказа. К началу правления императора Николая II побережье всё еще оправлялось от последствий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Многие населенные пункты были разорены, и земли приходили в запустение, поскольку русское население массово покидало эти территории, опасаясь нападений горцев. Острейшими проблемами региона было бездорожье и эпидемии.

Об имперской модели экономической модернизации этого региона много писали современники тех событий: только в 1-м томе «Указателя сочинений о Черноморском побережье Кавказа», изданном в 1913 г., приводятся названия 2 276 книг, статей и заметок о побережье на русском и иностранных языках [1]. Фундаментальными исследованиями об освоении хозяйственно-экономического потенциала побережья являются работы А.В. Фадеева и В.Н. Ратушняка [2]. Вопросы экономической политики правительства на Кавказе в общеимперском контексте нашли свое отражение и в целом ряде современных исследований [3].

В настоящей статье мы рассмотрим стратегию экономического развития Черноморского побережья на рубеже XIX–XX вв. и попытаемся найти ответы на следующие вопросы: какие меры колонизации имперское правительство считало наиболее эффективными и неотложными, как чиновники оценивали перспективы русской колонизации региона, как менялись общие характеристики кавказского переселения, как оценивали итоги экономической модернизации Кавказа?

Главными архитекторами имперской политики на Кавказе в указанное время были министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов и член Государственного совета, гофмейстер Н.С. Абаза. К «оживлению Черноморского побережья Кавказа» проявлял живой интерес и лично Николай II.

[1] Статья выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)» (№ 18-18-00142).

В 1894 г. при Государственном совете была созвана особая Комиссия для выработки законоположений по устройству Черноморского берега Кавказа, ее первым председателем стал Н.С. Абаза. В ходе заседаний обсуждался широкий круг вопросов. Новый вектор экономического развития побережья был задан административными преобразованиями: в 1896 г. указом императора Черноморский округ был выделен из состава Кубанской области, чтобы стать самой маленькой в империи губернией – Черноморской.

Первоочередной задачей на Черноморском побережье в Санкт-Петербурге считали сельскохозяйственную колонизацию этой отдаленной окраины. Поначалу предполагалось привлечь на Кавказ состоятельных переселенцев из внутренних губерний России, которые могли бы осуществить демографическое и хозяйственное освоение побережья. С этой целью были выработаны законы 12 февраля и 6 мая 1896 г., положившие начало образованию так называемых «культурных и дачных участков». Правительство отдавало в частные руки земли на льготных условиях, но с обязательством их застройки и развития инфраструктуры – канализации, водопровода, электрификации, строительства шоссейных дорог и пр.

Одновременно при содействии правительства проводились осушения болот, разрабатывались меры по борьбе с эпидемиями. Для научного и всестороннего изучения сельскохозяйственного и природно-климатического потенциала в регион неоднократно командировались специальные комиссии, в которые входили известные ученые. В 1897–1898 гг. в Черноморской губернии работали две правительственные экспедиции: одна разведывала и нарезала переселенческие участки, другая проводила физические и химические исследования местности. В состав комиссий входили: географ, климатолог А.И. Воейков, гидролог А.И. Лебедев; профессор медицины, терапевт Ф.И. Пастернацкий и горный инженер М.В. Сергеев. В течение месяца второй комиссии удалось провести на побережье беглые исследования физико-географических и климатических условий местности. По итогам командировки ученые и врачи однозначно признали, что Черноморье обладает уникальным климатом и ценным земельным фондом. Однако для раскрытия его колоссального потенциала потребуются большие средства и деятельное участие опытных лиц, а также особая поддержка со стороны правительства [4].

Русская сельскохозяйственная колонизация Кавказа, которая мыслилась главным мероприятием по экономической интеграции этой важной окраины в состав империи, была сопряжена с весьма сложны-

ми подготовительными работами. Краеугольное значение имело строительство дорог в регионе. До 1890-х гг. Кавказ был фактически отрезан от остальной России, не имея с ней прямого сухопутного сообщения, а существующее морское сообщение не удовлетворяло растущих потребностей в регионе. Прежде всего необходимо было прокладывать нагорные и шоссейные дороги, при этом в горных и прибрежных районах они должны были отвечать особым требованиям прочности. По этой причине общая мера целесообразности расходов на дорожные работы, прилагаемые к сметам в других регионах империи, требовала существенной корректировки для подобных расчетов в Кавказском крае, и особенно на Черноморском побережье. В межведомственных дискуссиях о развитии Черноморья 1903 г. отмечалось, что стоимость шоссированных дорог варьировалась от 3 до 5 тыс. руб., а иногда доходила даже до 7 тыс. руб. за версту, что было почти в два раза дороже, чем на аналогичные мероприятия за Уралом и в Сибири [5].

В течение 1897–1899 гг. были построены важнейшие пути сообщения, например шоссе от Адлера до Романовска (Красной Поляны) под непосредственным контролем Н.С. Абазы. Развивалось и пассажирское сообщение: с 1910 г. начались регулярные автобусные и автомобильные перевозки между Сочи и Сухуми, а с 1912 г. – между пунктами Сочи – Хоста – Адлер. Дальнейшее успешное развитие Черноморской губернии требовало строительства железной дороги от Армавира до Туапсе, порта в Новороссийске и развития портовой инфраструктуры. Революция 1905–1907 гг. временно приостановила и сооружение новых дорог, и поток переселенцев.

Так или иначе, к концу первого десятилетия XX в. в Санкт-Петербурге подвели первые итоги русской колонизации Кавказа. Оценивая постановку переселенческого дела на побережье, правительство вынуждено было признать, что процесс идет гораздо более медленными темпами, чем ожидалось. Особенно разительными были различия при сравнении с самым важным в политическом отношении направлением переселения – Сибирью. Главной причиной медлительности названного процесса признавалось недостаточное казенное финансирование. Так, наместник на Кавказе князь И.И. Воронцов-Дашков, отвечая в 1910 г. на критику из столицы, сообщал, что за пять лет его службы в регионе было организовано 261 поселение, а из внутренних губерний империи туда переехали 54 тыс. человек обоего пола. «Если эти успехи могут казаться недостаточно значительными по сравнению с Сибирью, то *исключительно* (выделено в документе. – *Э. С.*) по причине скромности

ассигнуемых казной средств», – отмечал князь, которому неоднократно приходилось в дискуссиях с казначейством отстаивать сметы финансирования Кавказского края [6].

Казенные кредиты, отпускаемые на нужды кавказского переселения, ежегодно становились предметом острых дискуссий между Главным управлением землеустройства и земледелия, Переселенческой и Бюджетной комиссиями Государственной думы. При немалом количестве пустующих переселенческих участков на колонизационные нужды запрашивались крупные суммы. При этом, по оценкам столичных сановников, главная цель колонизации – закрепление в крае русских поселенцев, – так и оставалась не достигнутой. Большой резонанс вызвала резкая реплика думского члена П.П. Червинского, произнесенная на одном из заседаний, о том, что, несмотря на колоссальные усилия, правительству не удается «пробить брешь в стене, которая отделила Кавказ от остальной России» [7].

Затягивалось и строительство дорожных коммуникаций. К 1 января 1910 г. в Черноморском районе удалось построить 11 дорог общей протяженностью 129 верст (всего к тому времени в Кавказском крае за счет казны проложили 156 верст дорог) [8]. Однако в большинстве населенных пунктов все еще не хватало подъездных путей к переселенческим участкам. Бездорожье препятствовало формированию полноценного рынка сбыта сельскохозяйственной продукции. Затягивалось и строительство главной магистрали – Черноморской железной дороги. О необходимости прокладывания железнодорожного пути между побережьем и остальной Россией министр А.С. Ермолов докладывал императору еще в 1902 г., однако ее сооружение откладывалось – как из-за недостатка финансирования, так и событий революции 1905–1907 гг. Устав Черноморской прибрежной железной дороги был утвержден только в 1912 г.

В немалой степени процесс имперского освоения Кавказа тормозила и плохая координация между ведомствами в Петербурге и на Кавказе. В 1910 г. в письме сенатору А.П. Никольскому, замещавшему кавказского наместника в высших государственных установлениях, главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин отмечал, что отчеты с Кавказа получаются в Петербурге нерегулярно и с опозданием: «К сожалению, вверенное мне ведомство не может похвалиться ни полнотой, ни своевременностью отчетных данных, в отличие от переселенческого дела за Уралом… с Кавказа доставлена лишь краткая ведомость о положении дела 1908 г., в которой неполные данные» [9]. В таких усло-

виях сложно было обосновывать новые сметы надежными отчетными данными и эффективно планировать дальнейшие меры.

В свою очередь, высшая местная власть находила объяснение столь скромным итогам кавказской переселенческой политики в культурно-бытовых и климатических особенностях края, не позволяющих переселенцам из центральных губерний в полной мере освоить участки и пользоваться плодами сельского хозяйства. В качестве решения проблемы князь И.И. Воронцов-Дашков еще в 1906 г. предлагал главноуправляющему землеустройством и земледелием князю Б.А. Васильчикову сделать ставку не на выходцев из центральных губерний (как планировалось поначалу), а на «иногородних» поселенцев из других районов Северного Кавказа, прежде всего из Кубанской области. Они, в отличие от крестьян Европейской России, привыкших к зерновому хозяйству, были более приспособлены к культивированию ценных сельскохозяйственных культур, огородничеству, садоводству, табаководству и пчеловодству. В таком случае можно было надеяться на образование прочных русских поселений на Кавказе [10].

К пониманию специфики Кавказского края и невозможности проведения колонизации в традиционном для того времени духе пришли в Петербурге накануне Первой мировой войны. «Черноморский район более других кавказских подрайонов нуждается ныне в коренном пересмотре существовавшей в нем постановки переселенческого дела», – признавал А.П. Никольский в письме князю И.И. Воронцову-Дашкову в январе 1914 г. Несмотря на огромный спрос на земли побережья, переселенческие участки все еще нуждались в проведении серьезных межевых работ и устранении земельного неустройства. Отмечалось, что и иногородние Юга России не слишком пригодны для колонизации столь своеобразного земельного фонда. Черноморский губернатор В.Н. Барановский в марте 1914 г. строго предписывал, чтобы переселенческие межевые чины в ближайшие годы занимались решением только этой острой проблемы, не отвлекаясь на другие задачи [11]. Из-за бездорожья и недостаточных землеустроительных работ поселенцы были лишены импульса к долгосрочному хозяйствованию: «Главным образом этим обстоятельством должно быть объяснено и то безудержно хищническое отношение переселенцев к природным богатствам края, которое так поражает на Черноморском побережье всякого нового наблюдателя». Если же не принять должных мер в нынешнем положении, которое признавалось критическим, колонизация Черноморской губернии и дальше «будет направлена по линии наибольше-

го сопротивления», – заключалось в отчете чинов Переселенческого управления в марте 1914 г. [12].

Подводя итоги, нельзя не признать, что накануне Первой мировой войны губерния динамично развивалась, продолжалось портовое и дорожное строительство, происходили серьезные изменения в порядке землепользования. Вместе с тем традиционная сельскохозяйственная колонизация Черноморья в задуманном правительством виде не осуществилась. Причина неуспеха предложенной модели модернизации заключалась в недостаточности казенных ассигнований, слабой координации между центральной и местной бюрократией, недостаточной развитости дорожных путей между населенными пунктами побережья и железнодорожного сообщения между центром империи и ее отдаленной окраиной.

Примечания

1. Черноморское побережье Кавказа: справочная книга / сост. О.П. Доброхотов; под ред. Н.И. Воробьева. Краснодар, 2009. С. 20.

2. Фадеев А.В. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959 г. М., 1961; Ратушняк В.Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978.

3. Правилова Е.А. Финансы империи: деньги и власть России на национальных окраинах: 1801–1917. М., 2006; Северный Кавказ в составе Российской империи / под ред. О.В. Бобровникова, И.Л. Бабич. М., 2007; Флоринский М.В. Центральная власть и кавказская администрация в системе управления Российской империей в 1905–1914 гг. // Центр и регионы в истории России: проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия: сб. науч. ст. СПб., 2010. С. 380–411.

4. Воейков А.И., Пастернацкий Ф.И., Сергеев М.В. Черноморское побережье. СПб., 1898. С. 122.

5. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 504. Л. 61.

6. Там же. Д. 505. Л. 34.

7. Там же. Л. 48.

8. Там же. Д. 504. Л. 62.

9. Там же. Д. 505. Л. 49–50.

10. Там же. Оп. 3. Д. 258. Л. 23–25.

11. Центральный исторический архив Грузии. Ф. 365. Оп. 1. Д. 163. Л. 51.

12. Там же. Л. 74–75 об.

Н.В. Дмитриева

ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАВКАЗСКИМ КРАЕМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]

Политика Российской империи на национальных окраинах находится в центре внимания российских и зарубежных исследователей на протяжении уже нескольких десятилетий и не теряет своей актуальности. Поиск эффективного подхода к анализу форм взаимодействий между имперским центром и местными сообществами приводит историков к отказу от ранее востребованных регионального подхода и взгляда на проблему «из центра». Предложенный А.И. Миллером ситуационный подход в контексте новой имперской истории представляется наиболее эффективным при исследовании сложной многоуровневой системы взаимоотношений центра и периферии в рамках имперского пространства. В этом случае объектом исследования является определенная структура этнокультурных, этноконфессиональных, межнациональных отношений, а задачей становится реконструкция ситуации взаимодействия в возможной полноте через выявление участвовавших в этом процессе акторов и понимание логики их поведения [1].

В конце XIX – начале XX в. сложный комплекс внутренних причин актуализирует для имперского руководства России проблему сохранения политического и административного доминирования на национальных окраинах. Процессы социальной и национальной мобилизации, протекавшие с разной степенью интенсивности в различных регионах Российской империи вплоть до конца XIX в., усиливали гетерогенность страны [2]. С другой стороны, с середины XIX в. Российская империя вступила в период ускоренной модернизации, результатом которой стало развитие интеграционных процессов в экономике и потребность в существовании единого административно-правового пространства. Русификаторская политика царской власти стала причиной того, что борьба за политические, экономические и социальные права на окраинах приобретала национальную окраску. Однако в этот период, по свидетельству современников, среди национальных меньшинств не про-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли»).

являлись сепаратистские тенденции: «Я не помню открытых врагов старой России, – пишет В.А. Маклаков. – Помню врагов самодержавия, а не русского общества». Самодержавие выступало общим врагом не потому, что оно было националистически настроенным, а в силу стремления к унификации всех сфер жизни для сохранения унитарного характера государства. По определению В.А. Маклакова, «вся Россия одинаково была против воли самодержца бесправна» [3].

В начале XX в. к вышеперечисленным обстоятельствам следует добавить Первую русскую революцию (1905–1907 гг.). 1905-й стал не только первым революционным годом, но и временем поиска форм выстраивания диалога между центральной властью и местными сообществами. Начало данному процессу было положено указом 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», пункт 7 которого предполагал «произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих право инородцев и отдельных местностей империи, с тем чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и явной пользой русского народа» [4]. Фактическое обещание императора пересмотреть принципы проведения национальной политики было дополнено 18 февраля 1905 г. высочайшим рескриптом на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в соответствии с которым было принято решение «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений» [5]. По мнению лидера кадетской партии П.Н. Милюкова, «важнее этой маленькой уступки, не выходившей за пределы прежних, неосуществившихся попыток этого рода, был для русского общества секретный циркуляр министра внутренних дел “не препятствовать существующим общественным и сословным учреждениям” и т. д., “подвергать своему обсуждению предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства” и т. д.» [6].

Оба документа были восприняты представителями местных сообществ как разрешение на проведение публичных съездов и обсуждение вопросов об изменении существовавшей системы взаимодействия центра и национальных окраин. По свидетельству И.П. Белоконского, в первой половине 1905 г. общероссийские земские съезды и съезды городских деятелей в Москве и Санкт-Петербурге происходили параллельно с совещаниями и заседаниями городских и земских деятелей в регионах. Результатом этих встреч стали «энергичные петиции некоторых

городских дум, не только требовавших всеобщего (равного, прямого и тайного) голосования, но даже и учредительного собрания». Автор отвечает, что наиболее крайне были настроены города Кавказа [7]. В канцелярии Совета министров по наместничеству на Кавказе, созданному 26 февраля 1905 г., сохранились многочисленные адреса представителей дворянства, буржуазии, городских и сельских обществ Кавказа, приветствовавших инициативу императора по созданию общероссийской Государственной думы [8].

Помимо приветственных адресов представители сообществ ряда городов Кавказского края подготовили и направили в соответствии с указом от 18 февраля 1905 г. [9] в Совет министров ряд записок, содержавших конкретные меры по усовершенствованию государственного устройства как страны в целом, так и Кавказского края в частности. Рассмотрение данных предложений в сравнении с разработанными в период Первой русской революции программами модернизации административно-территориального устройства страны общероссийскими земскими и городскими съездами, а также имперской администрацией позволяет выявить в них общее и различное в восприятии перспектив дальнейшего функционирования России как целостного государственного образования.

Среди городских органов самоуправления Кавказского края особую активность проявляли представители Кутаисской городской думы, которые находились в тесном контакте не только с организационными бюро общероссийских съездов земских и городских деятелей, но и нелегальной организацией либеральной направленности «Союз освобождения».

После издания указа 18 февраля 1905 г. в рамках Кутаисской городской думы была образована особая комиссия для разработки проекта усовершенствования государственного устройства и улучшения народного благосостояния. 15 июня 1905 г. данная записка была принята на заседании Думы с незначительными изменениями и передана в Совет министров. В концентрированном виде основные положения данной записки были также переданы в оргбюро общероссийского съезда земских и городских деятелей, проходившего в Москве 12–15 сентября 1905 г. Суть предложений Кутаисской городской думы сводилась к идее о необходимости децентрализации управления на Кавказе. Под децентрализацией понималось «предоставление прав широкого политического самоуправления, т. е. введение автономии с сохранением государственного единства… Российской империи» [10]. Практическое

воплощение политическая децентрализация должна была получить в форме сейма в Тифлисе, избранного всеобщим, равным, тайным и прямым голосованием. Правовой основой работы сейма должен был стать органический статут, выработанный местным учредительным собранием. Представители Кутаисской городской думы предлагали создать в рамках империи грузинскую автономию, конституцию которой должен был утверждать общероссийский парламент. Территориально автономия включала Тифлисскую, Кутаисскую губернии, Закатальский, Сухумский округа и Батумскую область. Вопрос о правах многочисленных народностей, проживавших на данной территории, решался через традиционную формулу равенства всех перед законом. Описание практических мероприятий по воплощению данного постулата в жизнь записка не содержала. Однако был оговорен территориальный принцип при организации выборов в центральное законодательное собрание. Радикализм представителей Кутаисской городской думы проявился в требовании немедленного созыва как центрального, так и местных учредительных собраний на основе «четырехвостки», без различия полов и национальностей. Под «местными» учредительными собраниями понимались собрания исключительно на национальных окраинах [11]. Связано это было с тем, что представители национальных окраин причину роста сепаратистских тенденций в провинциях видели именно в унитарной форме государственного устройства страны: «100 лет Грузия находилась в руках русского правительства, и это центральное управление привело в конце концов только к борьбе населения с русскими войсками. Единственное средство умиротворения края – автономия» [12].

Не менее активно проявили себя и представители Сухумской городской думы, которые провели 12 апреля 1905 г. экстренное заседание и утвердили проект послания в Совет министров относительно усовершенствования государственного устройства и улучшения народного благосостояния, разработанный специальной комиссией Думы. Послания Николаю II подписали 24 гласных Сухумской городской думы [13].

Так же, как и члены Кутаисской городской думы, сухумские городские гласные будущий представительный орган видели исключительно законодательным, а выборы в него должны были осуществляться на бессословной основе и пропорционально количеству населения, без учета национальности и вероисповедания. Вопрос об участии в выборах представителей обоих полов не обсуждался. Кроме вопроса о выборах, записка содержала пункты о необходимости немедленного введения свобо-

ды слова, собраний, союзов и печати, неприкосновенности личности и жилища. Особое внимание обращалось на необходимость соблюдения равенства всех национальностей перед судом.

Сухумские городские гласные не ставили вопрос о политической децентрализации, решая проблему административно-территориального деления через введение широкого местного самоуправления, суть которого сводилась к созданию бессословной мелкой земской единицы, общины, управляющейся сходом, обладающей полной автономией в вопросах суда, полиции, народного образования, медицины и т. д. Отдельно оговаривалась возможность взаимодействия между отдельными земскими единицами, что было запрещено для внутрироссийских земств по положениям 1864 г. и 1890 г. [14].

Подобное обращение местных сообществ к центральной власти в 1905 г. имеет общеимперский характер. Предложения представителей городских сообществ Кавказского края являются частью того огромного потока записок и петиций, который поступал в канцелярию Совета министров в течение 1905 г. [15]. Обращает на себя внимание, что, с точки зрения представителей окраин, «Великие февральские государственные акты» не были призваны разрушить самодержавный строй в России или лишить монарха власти, напротив, они способствовали сплочению населения вокруг престола, сохранению порядка и упразднению произвола бюрократии. Немного смущала только некоторая заминка с образованием комиссии по выработке положения об общеимперском законодательном органе [16].

Приведенные выше предложения от городов Кавказского края можно сравнить с теми предложениями, которые были сформулированы в 1905 г. в ходе работы общероссийских съездов земских и городских деятелей. Первый подобный съезд городских деятелей состоялся только в июне 1905 г., несмотря на то, что полулегальные земские съезды начали проходить с апреля 1905 г. Во многом это можно объяснить имевшимся у земцев опытом самоорганизации конца XIX в. Вопрос о гражданском равноправии в ходе обсуждения на съездах представлялся окончательно решенным и полностью совпадал с интерпретацией представителей окраин: равенство всех перед законом, свобода слова, вероисповедания, печати, собраний. Вопрос о национально-государственном устройстве России с представительной формой правления решался земскими и городскими съездами менее радикально.

Одним из вариантов решения областного вопроса выступала административная децентрализация «в форме широкого развития зем-

ских и городских учреждений». Широкое местное самоуправление подразумевало расширение компетенции земских и городских учреждений «на всю область местных польз и нужд» и управления, в том числе и полицейский надзор, за исключением решения вопросов, связанных с таможенными тарифами, железнодорожным транспортом, почтой, акцизом и т. п. Предполагалось, что местное самоуправление, организованное на широких демократических началах (через всеобщие, прямые, равные и тайные выборы), должно было удовлетворить потребностям большинства территорий империи, «особенно в центральной России».

Иной формой была законодательная децентрализация с «участием в законодательстве местных представительных собраний». По мнению оргбюро общероссийских съездов, политическая децентрализация возможна в современных ему условиях только в Царстве Польском, так как остальные окраины, претендующие на автономию, не имеют четких границ и требуют пересмотра существующего искусственного административного деления [17].

Существует и третий уровень, на котором обсуждался вопрос о возможности изменения системы управления Кавказским краем, – государственный. 26 февраля 1905 г. было восстановлено Кавказское наместничество. Полномочия наместника скорее провозглашались, а не закреплялись. Наместник должен был постоянно бороться за свою самостоятельность, доказывая императору необходимость автономной формы управления краем. Именно это являлось лейтмотивом всеподданнейшей записки И.И. Воронцова-Дашкова от 10 февраля 1907 г., в которой он мягко, но настойчиво убеждает монарха в правильности принятого ранее решения: «Все те основания, по которым Вашему Величеству благоугодно было восстановить должность наместника, приобрели ныне в моих глазах, по ближайшем ознакомлении на месте с делом управления Кавказским краем, значение неопровержимых доказательств невозможности управления далекою окраиною из Петербурга» [18]. Отказ от института наместничества привел к усилению сепаратистского движения на Кавказе, угрожая потерей южной окраины государства. Исключительно полицейские меры борьбы усиливали центробежные тенденции. Два года управления Кавказом в должности наместника привели И.И. Воронцов-Дашкова к весьма важному выводу. В своей записке Николаю II он писал: «Я не допускаю возможности управления Кавказом из центра, на основании общих формул, без пристального внимания к нуждам и

потребностям местного населения» [19]. Необходимость сохранения наместничества объясняется им разнообразием вероисповедания, религиозных воззрений и преданий, племенного состава и политического прошлого населения края.

Однако не только институт наместничества, с точки зрения И.И. Воронцова-Дашкова, мог решить проблему управления Кавказским краем и сохранения его мирным путем в составе Российской империи. Важная роль в этом вопросе должна была отводиться введению в систему управления окраиной общественных сил в форме земства и представительства каждой уездной земской единицы в совете наместника. По мнению И.И. Воронцов-Дашкова, эти предложения, включенные в специально разработанное положение о Кавказском наместничестве, не могли угрожать целостности российского государства, а, напротив, удовлетворив потребности кавказцев в реформировании системы управления, привели бы к снижению политической активности кавказского населения и сняли бы с повестки дня вопрос о предоставлении этой окраине национальной автономии в рамках Российской империи.

Таким образом, в ходе Первой русской революции на различных уровнях начинают разрабатываться проекты переустройства системы управления национальными окраинами российского государства с целью сохранения его территориальной целостности. Предложения местных сообществ, либерально настроенных общероссийских земских и городских съездов и представителей имперской администрации на Кавказе по вопросу местного самоуправления во многом перекликались. Однако мысль о необходимости введения элементов автономного управления на Кавказе в большей степени прослеживается в предложениях городских гласных и записке И.И. Воронцова-Дашкова, что может быть объяснено более близким их знакомством с местными условиями и пониманием того, что децентрализация управления может стать единственным шансом для сохранения края в составе империи. Однако ни один из предложенных вариантов не был реализован на практике. И можно уверенно утверждать, что социально-политический кризис Кавказского края рубежа XIX–XX вв. был спровоцирован именно падением эффективности системы управления регионом. Многие проблемы модернизации края так и не получили полного разрешения, что способствовало дальнейшему возрастанию конфликтного потенциала и развитию центробежных тенденций.

Примечания

1. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 28.

2. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 208.

3. Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Ч. 1. Париж, 1936. С. 227.

4. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 5–6.

5. Высочайший рескрипт, данный на имя министра внутренних дел (18 февраля 1905 г.) // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 22.

6. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 184.

7. Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 272.

8. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 19. Д. 15. Л. 10–15.

9. Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 18 февраля 1905 г. // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 18.

10. О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1905. С. 5.

11. Там же. С. 6.

12. Съезд земских и городских деятелей в Москве // Право. 1905. № 37. С. 3062–3063.

13. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

14. Там же. Л. 4.

15. Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы Первой русской революции // Отечественная история. 2005. № 5. С. 49.

16. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

17. О правах национальностей и о децентрализации. С. 21, 23.

18. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб., 2005. С. 493.

19. Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 157.

В.А. Матвеев

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В РОССИИ 1917–1920 гг.

После Февральского переворота 1917 г. в России утверждение веротерпимости в системе государственных отношений Временное правительство стало относить лишь к своей политике, отрицая тем самым достижения предшествующего периода. Распространявшиеся заявления о том, что оно установило положение, при котором «пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к вероисповеданию», и отменило преследования и ограничения «в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры» [1], не соответствовали российской действительности. Дискриминация других конфессий в России не допускалась и до произошедших перемен. Преследованиям независимо от религиозной принадлежности подвергались лишь сектанты, отступавшие от существовавших канонических установлений.

Манифестом же 17 октября 1905 г., по которому в России устанавливались различные политические свободы, были сняты и существовавшие религиозные ограничения [2]. Несмотря на то, что в 1917 г. возобладала версия об «оскорблении религиозных чувств при старом режиме» [3], в условиях революционного кризиса, когда вскрывалась слабость или устойчивость той или иной тенденции, сформировавшаяся ранее идентичность мусульман выдерживала испытание на прочность. Кризисные события приводили в ряде случаев лишь к пророссийской консолидации исламского духовенства. Инициатива же проявлялась преимущественно снизу. Российская идентичность мусульман в условиях углубления революционного кризиса в целом выдерживала испытание на устойчивость к разрушительным воздействиям.

Наблюдалось это и при попытке установить теократическое правление (имамат) группировкой мусульманского духовенства из Дагестанской области, предпринятая на I съезде Союза объединенных горцев в мае 1917 г. Избранными посланцами от аульных обществ она была отвергнута. Идею имамата через съезд намеривались провести последователи (мюриды) шейха Н. Гоцинского. Разногласия по этому вопросу при обсуждении оказались настолько сильны, что чуть не привели к вооруженному столкновению. Против выступили и представители «чеченско-

го духовенства» Д. Арсанов, А. Митаев и др. Сторонники Н. Гоцинского на фоне протестов оказались немногочисленными [4].

Несмотря на очевидный провал попытки провести идею установления теократического правления (имамата) на I съезде Союза объединенных горцев, сторонниками Н. Гоцинского в июне 1917 г. стала проводиться в чеченских округах усиленная агитация. Ее организовал один из его сподвижников шейх Узун-Хаджи. На аульных сходах он извещал присутствующих о том, что на границе Дагестанской области («у озера Эйзен-Ам») Н. Гоцинский объявит себя имамом. Кавказ же, по его утверждению, «переходит во владение турок» [5].

Проводя пропаганду, Узун-Хаджи в этой связи через аульные сходы призывал мусульманское население «приобретать оружие во что бы то ни стало». Все приглашались в указанное место, где в подтверждение своей призванности на имамство богом Н. Гоцинский «покажет чудо»: совершит молитву, расстелив «бурку по середине озера» [6]. В ряде случаев утверждалось, что это сделает Узун-Хаджи. После молитвы, по замыслам организаторов, должен был быть провозглашен «газават», священная война с неверными [7]. Призывы Узуна-Хаджи давали результаты. По всему краю стала происходить усиленная скупка оружия, о чем свидетельствуют и возросшие на него цены [8]. В свою очередь ЦК Союза объединенных горцев заблаговременно 4 августа 1917 г. объявил о созыве II съезда [9]. Он должен был, по замыслам организаторов, в очередной раз продемонстрировать единство мусульман края [10].

В связи с намечавшимся на 20 августа 1917 г. в селении Анди II съездом «делегатов народов» края активизировалась деятельность и сторонников Н. Гоцинского. Место проведения определялось, судя по всему, под давлением его сторонников. Инициаторами во внимание принималось прежде всего то, что аул Анди располагался в нагорном Дагестане у границы с Чечней. Ставка делалась, таким образом, на мусульманское население пространства, входившего когда-то в состав имамата Шамиля. При подготовке съезда поступали сообщения, что шейх Узун-Хаджи призывал к насильственному изгнанию всех иноверцев. Наряду с этим велась агитация за избрание Н. Гоцинского, председателя Аварского округа, «имамом Чечни и Дагестана» и «восстановление шариата» [11]. Следует заметить, что нормы мусульманского права на восточных окраинах Российской империи действовали, общим законодательством они заменялись лишь в особых случаях.

В 1917 г. ситуация не изменилась. Очевидно, речь шла о полном восстановлении. Вместе с тем предполагалось провозглашение Северо-Кав-

казского имамата [12]. Место для проведения в ауле Анди было выбрано, по разъяснениям организаторов, чтобы «вдали от войск и городов» народы края смогли «свободно высказаться о своих нуждах и обсудить их без давления со стороны» [13]. Приглашены были делегаты от всех мусульманских общин, представители исламского духовенства, интеллигенции, Кавказского фронта, Закавказского комитета, партийных организаций края, национальных объединений и казачества, комиссары Временного правительства [14].

Однако на съезд прибыли вооруженные отряды, собранные при поддержке председателя Аварского округа Н. Гоцинского. Сторонники его разъезжали по аулам Аварского и Андийского округов, призывая, как сообщалось в донесении «начальнику войск Дагестанской области» из ботлихского гарнизона, «туземное население… к неповиновению поставленной над ними революционной власти» [15]. На «объявленный съезд» к озеру Эйзен-Ам прибыло со всего Северного Кавказа, по воспоминаниям Х. Ошаева, до 20 тыс. человек. Среди них оказались «представители всех племен и народностей» [16].

Наиболее последовательные пророссийские позиции в этих условиях занимали члены ЦК Союза объединенных горцев, относившиеся к интеллигенции, получившей образование в различных (гражданских и военных) учебных заведениях Российской империи [17]. Именно с ними соотносились угрозы расправы. Из-за давления съезд в селении Анди, начало работы которого намечалось с 20 августа 1917 г., оказался сорванным [18]. На следующий день после соглашения между противоборствующими сторонами открытие ограничилось только приветственными речами, произносившимися на «местных наречиях» народов Северного Кавказа, с которых делались переводы на аварский, кумыкский, карачаевский, осетинский, черкесский, чеченский и другие языки, а также арабский [19]. Это указывает на поверхностный характер «русификации», игравшей интегрирующие функции для населения края, на сохранявшееся состояние цивилизационного разлома.

Собравшиеся сподвижники требовали провозглашения Н. Гоцинского имамом, угрожая расправой тем, кто выступит против. В мечетях муллами ежедневно оглашалось воззвание, в котором массам верующих внушалось, что отказавшиеся «от участия в движении по созданию имамата» утратят «свое мусульманство» [20]. Н. Гоцинский в свою очередь подводил теософское обоснование: «Раз… провозглашена свобода, тот мусульманин гяур, кто не способствует созданию имамства» [21]. Агитацию с такой направленностью совместно с Узуном-Хаджи вели и дру-

гие шейхи [22]. В воззвании содержалось и такое весьма показательное разъяснение: «Главнейшая цель… имамата – установить еще теснее взаимоотношения» мусульман Северного Кавказа с русским народом [23].

Н. Гоцинским была также предпринята попытка объединить в пределах края шиитов и суннитов [24]. Намерение же его «объявить себя имамом» вызывало серьезную обеспокоенность [25]. Инициатива не нашла поддержки и у многих северокавказских клерикальных авторитетов (шейхов) и низшего духовенства (мулл). Со своей стороны члены «шариатского блока» убеждали Н. Гоцинского «называться не имамом, а муфтием» [26]. Скопление вооруженных его сторонников, поддерживавших требования «избрания имама и восстановления шариата», породило слухи о возможном нападении на гарнизон крепости Ботлих. Но отряд чеченцев, прибывший на съезд, Н. Гоцинский призвал «уважать русского солдата как борца за свободу всех народностей России» [27].

Впрочем, в искренности таких призывов можно усомниться. Еще до революции на заданный как-то вопрос, «существует ли связь между Турцией и Дагестаном», Н. Гоцинский ответил: «Мы с нетерпением ждем турок, все, как один человек, восстанем против царя» [28]. Идею «горской независимости» проповедовал тогда и шейх Узун-Хаджи [29]. Заявления же о намерениях претендента на имамство в 1917 г. оказывались нередко противоречивыми. Тем не менее некоторые авторы, изучавшие личность Н. Гоцинского, склонны к его идеализации [30]. В ряде случаев ему всё же не чужда была и пророссийская риторика, очевидно, в расчете на получение более широкой поддержки.

После срыва «андийского съезда» Н. Гоцинский обратился с воззванием «К мусульманам Кавказа», в очередной раз попытавшись убедить массы, что «избрание его имамом… связано лишь с защитой религии и шариата» [31]. В проекте создания «Северо-Кавказского имамата», на наш взгляд, просматривается одна из сепаратистских тенденций, так как осуществление проекта способствовало бы разрушению государства. На это указывает и то, что в пропаганде шейха Узуна-Хаджи отмечались призывы к изгнанию «всех иноверцев». В местные же органы власти поступала информация, что сторонников у него «слишком мало» [32]. Несмотря на их усилия, на том этапе намерение введения теократического правления обернулось неудачей.

Между тем в некоторых изданиях по-прежнему отображается точка зрения, что на «Андийском съезде» горцев Северного Кавказа и Дагестана «в конце лета 1917 г.» Н. Гоцинский имамом был всё же избран. Намерение же «восстановить… теократическое государство» для мусульман

края, по утверждению Ю.Ю. Карпова, оказалось реализованным [33]. Однако это не так. На «Андийском съезде» Н. Гоцинский так и не получил признания в качестве имама [34]. Вследствие достигнутого компромисса он был объявлен «муфтием всех мусульман Северного Кавказа и Дагестана» [35]. В постановлении по этому поводу сообщалось, что «духовные лица и избранные представители горских народов» провозглашают муфтием («Шейх-уль-ислам») Нажмутдина-Эфенди. При этом возлагались надежды, что «явившись религиозным главою, он сумеет провести шариат в полном объеме и прекратить грабежи и разбои» [36].

Российская идентичность мусульман Северного Кавказа между тем проявлялась не только в преломлении различных событий 1917 г. Прослеживалась она при распространении революционного кризиса на всех окраинах отечественного Востока. В связи с «мятежом» генерала Л.Г. Корнилова, например, исполнительный комитет Всероссийского мусульманского совета выразил глубокую обеспокоенность за судьбу отечества. В специально составленном 30 августа 1917 г. воззвании содержалась, в частности, такая тревожная констатация: «Граждане мусульмане! Россия в чрезвычайной опасности!» [37]. Возникновение конфликта внутри страны признавалось крайне несвоевременным, так как на фронтах, как особо подчеркнуто в тексте, «наша армия напрягает все силы, чтобы отбить натиск врагов» [38]. Напоминалось вместе с тем о широком участии в этом единоверцев. Мусульман России авторы обращения призывали «в грозный момент» поддержать государственную власть [39].

15 сентября 1917 г. Министерство внутренних дел представило Временному правительству специальную информацию о распространении в среде российских мусульман настроений на обретение автономии [40]. Формы ее какой-либо определенности не имели. Под автономией понималась нередко возможность проведения тех или иных изменений в сфере образования. В предоставленной Временному правительству информации наряду с этим говорилось о том, что национальные требования сводятся лишь «к желанию услышать со стороны общегосударственной власти признания права… на самоопределение за отдельными народами, вошедшими в состав русского государства в процессе его исторического роста» [41]. Но под самоопределением, как разъяснялось далее, понималось отнюдь не отделение. Это разъяснение подкреплялось подтверждением: «Среди мусульман встречает сочувствие мысль об… автономии» [42].

Поступившее известие об «избрании» Н. Гоцинского имамом для II съезда Союза объединенных горцев, возобновившего работу во Владикавказе 20 сентября 1917 г., оказалось «неожиданностью». По свидетель-

ству очевидцев, присутствовавших на заседаниях, «многие протестуют, но выступить открыто не решаются» [43]. Через прессу сообщалось об учреждении муфтиата, который во главе с Н. Гоцинским, по заверению «духовной секции» II съезда, обеспечит проведение «в жизнь законов шариата» [44]. В резолюции определялись и территории, подпадавшие под компетенцию «Кавказского горского духовного правления» [45]. Создание его с резиденцией во Владикавказе предусматривалось «для мусульман Терской, Дагестанской, Кубанской и Сухумской областей, Ставропольской и Черноморской губернии и Закатальского округа» [46].

Состав правления в проекте намечался из «9 духовных лиц»: председатель («он же муфтий»), остальные члены («кадии») [47]. Согласие на это Н. Гоцинским, как говорилось в последовавшем разъяснении, было дано ради того, чтобы установление имамата не нарушило «мирные отношения между русскими и мусульманами» [48]. Соответственно, «главнейшей целью» как муфтий Н. Гоцинский провозглашал установление тесных взаимоотношений мусульман Северного Кавказа с русским народом, устранений межэтнических столкновений и беспорядков [49]. Настрой в среде верующих на сохранение сложившегося государственного единства, несмотря на существовавшие сепаратистские отклонения, оказывался преобладающим.

Сепаратистской радикализации конфессиональной ситуации в мусульманских округах северокавказской окраины не произошло и после съезда народов в Киеве, организаторы которого надеялись на совершенно иной результат. На этом форуме делегаты от окраин, в том числе и от мусульманских, высказывались только «за федеративную связь всех народов и национальных групп» в составе России. Выработанная на основе этого заявления политическая платформа получила на Кавказе широкую поддержку [50].

Устойчивость российской интегрированности мусульманского населения в северных ареалах края, таким образом, проявлялась и в условиях революционного кризиса 1917 г. Политизация исламского фактора происходила во взаимосвязи с общими процессами в стране, что так или иначе являлось показателем гражданской общности. Стремление сохранить целостность российской государственности существовало у значительной части мусульманского духовенства. Альтернатива исламской исключительности поддерживалась лишь отдельными его представителями. Российский вектор самоопределения, несмотря на существовавшие сепаратистские отклонения, оказывался преобладающим и в среде верующих.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6. Оп. 2. Д. 128. Л. 35.
2. Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 68.
3. Политика Советской власти по национальному вопросу за три года (1917–1920 гг.). М., 1920. С. 7–8.
4. Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927. С. 15.
5. Там же. С. 14.
6. Там же.
7. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 58.
8. Ошаев Х. Указ. соч. С. 14–15.
9. Горская жизнь. 1917. 4 августа.
10. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.
11. Там же.
12. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.): документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов и др. Махачкала, 1994. С. 5.
13. Там же.
14. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 24–25.
15. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.
16. Ошаев Х. Указ. соч. С. 14–15.
17. См. подробнее: Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. Изд. 2-е, испр. и доп. Нальчик, 2012. С. 16–22, 26.
18. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.
19. Музаев Т.М. Указ. соч. С. 182.
20. Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 24–25, 29.
21. Цит. по: Гаджиев А.Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 153.
22. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.
23. Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 29–30.
24. Там же. С. 30.
25. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 588.
26. Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 25.
27. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.
28. Жизнь национальностей. 1919. 21 сентября.
29. Там же. 1920. 29 февраля.

30. Доного Х.-М. Нажмутдин Гоцинский: грани личности. Махачкала, 2002; Он же. Наш имам Нажмутдин Гоцинский. Махачкала, 2004.
31. Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю (национально-освободительное движение в Дагестане). М., 1972. С. 44–45.
32. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 293. Л. 52.
33. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017. С. 38.
34. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.)… С. 5.
35. Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 45.
36. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 501–502.
37. Заря свободы. 1917. 1 сентября.
38. Там же.
39. Там же.
40. ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1302. Л. 4.
41. Там же.
42. Там же.
43. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 502.
44. Голос Дагестана. 1917. 22 октября.
45. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 8.
46. Там же. Л. 8–8 об.
47. Там же. Л. 8 об.
48. Музаев Т.М. Указ. соч. С. 182.
49. Там же.
50. Центральный исторический архив Грузии. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 316. Л. 16.

С.А. Бегуев

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ 1918–1920 гг. В ЧЕЧНЕ

Участие мусульманского духовенства в политических процессах 1918–1920 гг. в Чечне и на Северном Кавказе – одна из наиболее актуальных проблем исторического исследования. Ни один исследователь темы революции и Гражданской войны в Чечне и на Тереке не обошел вниманием различные моменты деятельности духовных руководителей мусульман Чечни и Северного Кавказа.

Актуальность темы связана с тем, что духовенство в Чечне традиционно представляло значительную реальную силу, которая вела за собой народные массы. Шейхи и муллы руководили религиозной, политической, а в некоторых случаях и повседневной жизнью людей. Именно поэтому мусульманское духовенство здесь находилось под особым вниманием как царской, так позднее и большевистских властей. Шейхи и руководители религиозных мусульманских вирдов (религиозных братств) имели своих последователей, которые в случае необходимости составляли реальную и надежную силу. Более того, в условиях обострения межнациональных отношений духовенство выступало в роли стабилизатора, играя конструктивную роль в чеченском обществе.

Идеи мусульманской реформации стали разделять лидеры накшбандийских вирдов Юсуп-Хаджи Байбатыров, Солса-Хаджи Яндаров. Однако более влиятельными были традиционалисты. В мае 1917 г. аварский имам Узун-Хаджи начал свою общественно-политическую деятельность. Одновременно началась борьба соперничавших группировок, опиравшихся на разные вирды и их вооруженные отряды.

По инициативе Временного ЦК объединенных горцев 14 марта 1917 г. в Грозном состоялся съезд чеченского народа. На это представительное собрание съехалось, по некоторым данным, до 10 тысяч человек, в том числе влиятельные духовные лица, адвокаты, учителя, офицеры, торговцы, крестьяне. Там обсуждались вопросы об установлении шариата, о признании Временного правительства, там же был выделен Чеченский национальный совет. В состав совета вошли крупный землевладелец и промышленник Тапа Чермоев, шейх Дени Арсанов и присяжный поверенный Ахметхан Мутушев, избранный председателем [1].

На съезде наметились две основные группы, претендующие на влияние и представительства в органах национального управления. Одну из этих групп составляла демократическая интеллигенция (А.-М.О. Чермоев, А.М. Мутушев, Т.Э. Эльдарханов, А.Д. Шерипов и др.), к которой примыкали наиболее известные предприниматели, торговцы, часть офицерства. Представители этой группы считали, что в Чечне должна быть создана светская демократическая система национального самоуправления в структуре национально-территориальной автономии. Вторая группа, представленная влиятельными шейхами и муллами, а также их последователями, стремились к установлению в Чечне политической власти, основанной на шариате. Шейхи считали, что при отсутствии твердой власти и религиозности мусульманского населения, последнее может управляться только по шариату [2].

Кадирийский тарикат в Чечне был представлен вирдовыми братствами шейхов Кунта-Хаджи Кишиева из Иласхан-Юрта, Бамат-Гирей-Хаджи Митаева из Автуров, Али Митаева из Автуров, Чиммирзы Таумирзаева из Майртупа, Мани-шейха Назирова из Баммат-Юрта. Накшбандийский же тарикат был представлен вирдовыми братствами Ташу-Хаджи из Саясана, Гази-Хаджи из Зандака, Абдул-Вахаба-Хаджи Куркаева из Чанти-Юрта, Абдул-Салама из Алхан-Юрта, Абдулла-Хаджи из Брагунов, Абсат-шейха из Аллероя, Абубакар-Хаджи из Бердыкеля, Абу-шейха из Ташкичу, Ахмад-Дука-Хаджи (Абухан) Батукаева из Шаами-Юрта, Билу-Хаджи Гайтаева из Урус-Мартана, Шейха Дени Арсанова из Кень-Юрта, Докку-шейха (Абдул-Азиз) Шаптукаева из Толстой-Юрт (Девлетгири-Эвла), Солса-Хаджи Яндарова из Урус-Мартана, Шейха Сугаип-муллы Гойсумова из Шали, Сулим-Хаджи из Апши, Умалат-шейх из Сержень-Юрта, Умалат-Хаджи из Аллероя, Усман-Хаджи Хантиева из Лаха-Невра, Шамсуддин-Хаджи из Шали, Элах-моллы Дебирова из Чанти-Юрта, Юсуп-Хаджи Байбатырова из Кошкельды, Узун-Хаджи Салтинского и др. [3].

Особенностью Чечни являлось то, что здесь наряду с официальной мечетью и духовенством, регулирующими жизнь прихода, по-прежнему важное место занимали религиозные общины или братства – вирды. Политическая составляющая вирдовых братств впервые четко обозначилась именно в период распада Российской империи, когда различные вирдовые братства по-разному видели выход из создавшегося положения. К примеру, последователи шейха Бамат-Гирей-Хаджи Митаева считали большевиков не способными взять верх в гонке за власть и поэтому относились к ним как к возможным временным союзникам в борьбе с Деникиным. Эти силы возглавлял в это время сын Бамат-Гирей-Хаджи шейх Али Митаев. Представители шейха Сугаип-муллы Гойсумова считали возможным достижение соглашения с большевиками не только в противовес силам генерала Деникина, но и желанию имама Н. Гоцинского стать единым лидером всех мусульман Северного Кавказа, а также выступая против усиливавшейся роли шейха Узун-Хаджи Салтинского, объявившего Эмират Северного Кавказа со столицей в Ведено. Некоторые силы, к примеру мюриды шейха Солса-Хаджи Яндарова, соблюдали строгий нейтралитет по отношению ко всем политическим фигурам, определившимся в эти годы. То есть налицо было разделение вирдовых братств по политическим взглядам в ответе на вопрос, с кем быть новой Чечне.

Духовные лидеры развернули активную агитацию среди чеченского населения. Шейхи Сугаип-мулла Гойсумов, Дени Арсанов, Али Митаев,

Абдул-Вагаб-Хаджи Дидимов со своими партиями мюридов ездили по Чечне и активно проводили агитацию среди чеченского населения, проповедовали идею необходимости шариата [4].

После начавшегося размежевания Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана горская интеллигенция не смогла укрепить свои позиции на политической арене. А мусульманское духовенство, наоборот, укрепило свое положение на этой волне. Имея большую поддержку верующих горцев, мусульманское духовенство стремилось оттеснить терявшую доверие народа интеллигенцию [5].

В 27 декабря 1917 г. в станице Грозненской предательски был убит один из авторитетных лидеров Чечни шейх Дени Арсанов и сопровождавшие его 32 мюрида. В ответ на убийство шейха озлобленные горцы напали на станицы. В свою очередь, казаки напали на ряд чеченских аулов. В начале января 1918 г. были разгромлены селения Алхан-Юрт и Старый Юрт [6].

В начале января 1918 г. в Шали состоялось совещание руководства Чеченского совета с офицерами «Дикой дивизии» и предводителями вооруженных отрядов. Совещание пришло к выводу о необходимости формирования в Чечне новых органов власти. 15 января 1918 г. в селе Урус-Мартан состоялся второй съезд чеченского народа. Главой нового состава Чеченского национального совета (меджлис) был утвержден авторитетный А. Мутушев с местом пребывания в селе Старые Атаги. Однако и вновь избранный орган власти поддерживал политику горских верхов, не стремился решить назревшие вопросы. Члены меджлиса Ибрагим Чуликов, Абдул-Вагаб-Хаджи Дидимов, Юсуп-Хаджи Байбатыров и Белу-Хаджи Гайтаев требовали передачи всей власти представителям духовенства с целью создания панисламистского шариатского государства [7].

Чеченский национальный комитет, расположившийся в селении Старые Атаги, состоял из правой и левой частей. Правая часть выражала интересы высшего духовенства, торговцев, купцов, кулачества, и возглавляли его И.М. Чуликов, М.-М. Токаев, М. Мациев, И. Арсанукаев и др. Левое крыло составляли представители прогрессивной интеллигенции – А. Мутушев, Т. Эльдарханов, М. Ахтаханов и др., радикальной революционной молодежи – А.Д. Шерипов, А.-Р. Исаев и др., либеральной части мусульманского духовенства – Сугаип-мулла Гойсумов, Ибрагим-Хаджи Гойтинский и др.

Из-за безуспешности гражданских и военных планов перед глухим сопротивлением духовенства, имевшего большинство мандатов в совете и недвусмысленно требовавшего себе полноты всей светской и духов-

ной власти над Чечней, Мутушев ушел в отставку, а левое крыло во главе с Таштамиром Эльдархановым созвало съезд представителей аулов, который избрал Гойтинский народный совет [8].

Деятельность Гойтинского народного совета, особенно революционно настроенного А. Шерипова, его резкая критика в адрес шейхов и мулл вызывало недовольство. В самом совете выявились разногласия по вопросам о роли религии и духовенства в революции.

В борьбе с революцией активизируют свою деятельность шейхи и муллы. Они создают свои отряды мюридов, принимают участие в работе национальных советов. Муллы и шейхи вошли в состав нового Чеченского национального совета, избранного 15 января 1918 г. на съезде в Урус-Мартане. Наряду с чеченским духовенством в политическую борьбу вступают Нажмуддин Гоцинский и Узун-Хаджи Салтинский [9].

Узун-Хаджи, играя на религиозных чувствах горского населения, предпринимал попытки организовать борьбу против Военно-революционного комитета.

В сентябре 1918 г. через Гудермес к Грозному пытался прорваться с трехтысячным отрядом Лазарь Бичерахов. Вооруженные отряды чеченцев из селений Гудермес, Цацан-Юрт, Курчалой, Шали, Герзель-Аул, Гельдыген, Ойсунгур, Исти-су, Кошкельды и Нойберы заняли позиции на Качкалыкских высотах, расположенных в 4 километрах от станции Гудермес. Общее руководство осуществлял шейх Али Митаев. Усилия белых восстановить железную дорогу и пробиться к Грозному прерывались атаками чеченских вооруженных отрядов [10].

Потеряв надежду сломить сопротивление чеченцев, Л. Бичерахов решил обойти Гудермес и подойти к Грозному с северной стороны. Под Кизляром войска Л. Бичерахова были разбиты ставропольскими и дагестанскими отрядами под командованием А. Хорошева.

Опираясь на широкие слои горского крестьянства во главе с А. Шериповым и Н. Гикало, горная Чечня превращалась в оплот антиденикинского движения. Руководству повстанческих сил пришлось пойти на временный союз с Северо-Кавказским эмиратством, возникшим в горах Чечни и Дагестана летом 1919 г. во главе с шейхом Узун-Хаджи.

О создании Северо-Кавказского эмиратства имамом Узун-Хаджи пишет И.Х. Сулаев: «После роспуска Деникиным правительства Горской Республики Узун-Хаджи Салтинский обосновался в чеченском селе Ведено, где позже объявил о создании государства – Северо-Кавказского Эмирата. Сюда стекались недовольные бесчинствами белых отряды чеченцев, кабардинцев, балкарцев, ингушей, дагестанцев и русских» [11].

Возглавить правительство было поручено Иналуку Арсанукаеву из рода Дышнинских, явившемуся к шейху с грамотой (фирманом) якобы от турецкого халифа, где горцам Кавказа предлагалось под его священным покровительством создать самостоятельное государство. Узун-Хаджи назначил его великим визирем.

В.Х. Акаев пишет: «В период гражданской войны в Чечне и Ингушетии последователи накшбандийа и кадарийа ведут совместную борьбу с добровольческой армией Деникина, хотя незначительная часть их находилась в лагере белогвардейцев. В основном ими являлись представители местных капиталистов, кулачества и состоятельного духовенства. Одним из самых крупных организаторов разгрома добровольческой армии Деникина на Северном Кавказе был шейх Узун-Хаджи» [12].

Таким образом, в Чечне определились три основных политических направления: 1) националистическое, которое опиралось на поддержку имущих, элитных слоев чеченского народа, стремилось к сохранению Горской независимой республики (А.-М. Чермоев, И. Чуликов); 2) панисламистское, с политической ориентацией на Турцию, опиравшееся на ортодоксальное крыло мусульманского духовенства, со ставкой на шариатское государство во главе с эмиром шейхом Узун-Хаджи (лидеры: шейх Узун-Хаджи, И. Арсанукаев (Дышнинский), Н. Гоцинский); 3) революционно-демократическое, которое опиралось на малоимущие слои горского крестьянства, духовенства и интеллигенции с ориентацией на социальную программу большевиков (лидеры А. Шерипов, Т. Эльдарханов, Сугаип-мулла Гойсумов, Ибрагим-Хаджи Гойтинский) [13].

Мощной силой в это время выступили Солса-Хаджи Яндаров, Юсуп-Хаджи Байбатыров, Кана-Хаджи Хатиев, Абдул-Вагаб-Хаджи Дидимов, видный атагинский мулла Ю. Баширов и др.

Другая часть чеченского духовенства заняла антиденикинские позиции и вскоре присоединилась к эмиру Узун-Хаджи, который начал создавать независимое теократическое государство в горной части Чечни и Дагестана.

Большевики были вынуждены поддерживать Узун-Хаджи в его борьбе против Деникина, видя в нем своего союзника и лидера, за которым шли крестьяне-горцы Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабарды. Естественно, идеологию Узун-Хаджи, его политику большевики не разделяли, ибо они противоречили их политическим замыслам.

В армию Узун-Хаджи входили революционные отряды большевиков, временно объединившиеся с ним в борьбе против общего и опасного врага – белогвардейцев. В отряде Гикало против деникинцев воевали

зикристы вирда Чим-Мирзы. А представители небольшого зикристского братства Янгульби-Хаджи, существовавшего в ауле Гельдеген и в его окрестностях, в дни Гражданской войны считались «красными партизанами», они на шапках носили красные повязки, так сын Янгульби-Хаджи служил в отряде большевика Гикало [14].

Главный удар белые направили против революционного центра Чечни – аула Гойты, где были сосредоточены большевики и красноармейцы. Усилился нажим на белых со стороны аулов Урус-Мартан, Гехи, Чечен-Аул, Новые и Старые Атаги и др. Чеченцы потеснили заслон белых и стали обходить их отряды, угрожая им полным окружением. Боясь оказаться отрезанными от Грозного, деникинцы в панике отступили, бросив две пушки [15].

23 марта 1919 г. части белых начали наступление на Алхан-Юрт, Кулары, Хадис-Юрт, Устар-Гордой, Бердыкель и другие села, расположенные вдоль железной дороги. В тот же день в Мескер-Юртовском сражении погиб полковник Пушкин – командир 1-й конной дивизии Добровольческой армии. Предварительно разграбив и уничтожив Устар-Гардой и Бердыкель, деникинцы свой главный удар направили против Алхан-Юрта, где неожиданно встретили организованный отпор. Взбешенные деникинцы дотла сожгли аул. Такая же участь постигла аулы Кулары и Хадис-Юрт [16].

Одним из самых кровопролитных и ожесточенных было сражение под селением Цацан-Юрта 9 апреля 1919 г., продолжавшееся три дня. Около 500 защитников Цацан-Юрта было убито. Деникинцы понесли тяжелые потери. Разъяренные каратели разгромили и сожгли аул [17].

Как только стало известно о нападении белогвардейцев на Цацан-Юрт, на помощь его защитникам со своим отрядом примчался шейх Али Митаев. Взяв на себя руководство защитой села, он переломил ход событий. По его приказу на трех подводах были подвезены оружие и боеприпасы [18]. Также на помощь цацанюртовцам пришли отряды соседних плоскостных чеченцев. Деникинцы, потеряв надежду, поспешно отступили.

К концу 1919 г. партизанское движение в горах усилилось. Отряд Н.Ф. Гикало увеличился за счет стекавшихся к нему чеченцев и представителей других народов. В марте – апреле 1920 г. в Чечне была восстановлена советская власть.

В 1917–1920 гг. большевистский режим сделал упор на привлечение к сотрудничеству влиятельных лидеров мусульманского духовенства в целях нейтрализации их влияния на чеченское население. С 1922 г.

большевистское руководство начало планомерное наступление на мусульманское духовенство и его лидеров, которое завершилось к августу – сентябрю 1925 г. физическим устранением наиболее значимых политических противников.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 207. Л. 76.

2. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917–1918 год. Нальчик, 2012. С. 132.

3. Вачагаев М.М. Шейхи и зияраты Чечни. М., 2009. С. 50–262.

4. Ошаев Х.Д. Очерки начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1928. С. 17.

5. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН (далее – НА СОИГСИ). Ф. 21. Оп. 1. Д. 290а. Л. 45.

6. НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 440. 9б. Л. 18.

7. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 2. Грозный, 2008. С. 207.

8. Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни. [Б.м.], 1930. С. 55.

9. Гойгова З.А.-Г. Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. Грозный, 1963. С. 44.

10. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 241.

11. Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество (1917–1921 гг.). Махачкала, 2004. С. 88.

12. Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 99.

13. Магамадов С.С., Бегуев С.А. Некоторые аспекты участия духовенства Чечни в политических процессах в 1917–1920 гг. // Дербент – город трёх религий: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Дербент, 25 марта 2015 г.). Махачкала, 2015. С. 150–151.

14. Авторханов А.Г. Империя Кремля: советский тип колониализма. Франкфурт-на-Майне, 1988. С. 100.

15. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 2. Грозный, 1972. С. 54.

16. Заурбеков М.Д. Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик, гений – эталон справедливости и чести. Грозный, 2008. С. 64–65.

17. Музаев М.Н. Историко-революционные места Чечено-Ингушетии (1917–1920 годы). Грозный, 1969. С. 81.

18. Заурбеков М.Д. Указ соч. С. 59.

Х.Б. Мамсиров

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В 1920-х гг.

Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (с изменениями на 29 марта 2019 г.) нацелено на поиск современным обществом новых ценностных ориентиров, адекватных реальным возможностям народов России и способных обеспечить ему движение вперед. В связи с этим важен учет историко-культурных традиций для осознания общности исторических судеб всех народов России. В этом плане интерес представляет опыт реализации советской национальной политики на Северном Кавказе, ее анализ без приукрашивания, с одной стороны, и недооценки видимых подвижек – с другой. Это актуально для оценки содержательных перспектив внутрироссийского культурного диалога, федерализма.

Февральская революция 1917 г. стимулировала подъем национального самосознания и государственное развитие народов Северного Кавказа. Это проявилось в создании в мае 1917 г. I съездом Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана Временного центрального комитета объединенных горцев. К осени 1917 г. Союз объединенных горцев стал фактически общенациональным движением и играл роль основного законодательного органа власти и органа общенационального самоуправления горских народов.

Стремясь оградить регион от нарастающей в центре анархии и революционного радикализма, северокавказская элита 20 октября 1917 г. во Владикавказе консолидировалась в межнациональное региональное объединение «Юго-восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» для решения региональных проблем и объединения казачьей и горской элит. Но их реализации помешала Октябрьская революция и начавшиеся вскоре межнациональные конфликты на Тереке.

С приходом большевиков к власти СНК РСФСР принял 23 января 1918 г. декрет о создании при Наркомнаце Центрального мусульман-

ского комиссариата для учета интересов мусульманского населения [1]. Летом 1918 г. его филиалы появились в мусульманских регионах страны, а осенью на съезде мусульман-коммунистов создано их Центральное бюро.

В пику советскому центру на Кавказе группа бывших лидеров Союза объединенных горцев в мае 1918 г. в Батуми провозгласила при поддержке Турции Горскую республику, пытаясь включить в нее горцев Дагестана, Терека, Кубани, Ставрополья и Черноморья. Но она просуществовала с сентября 1918 г. по май 1919 г. как Северокавказское эмиратство с охватом части территории Дагестана.

Пытаясь разыграть «мусульманскую карту», белые, заняв Ростов, провозгласили создание Мусульманского центра юго-востока России и надеялись с помощью конфессиональной реформы включить в его состав Северный Кавказ, Туркестан, Закаспий, Крым, Урал, Поволжье [2]. Для нейтрализации этих попыток конструировать аналоги северокавказской государственности советский центр в апреле 1918 г. создал альтернативные структуры при Наркомнаце: мусульманский комиссариат и отдел горцев Кавказа. Руководили им образованные горцы, перешедшие на сторону советской власти. Отдел организовал ряд национальных подотделов для снабжения мест агитационно-пропагандистской литературой. Наркомнац считал национальные отделы «рупорами, через которые передовой пролетарский авангард России говорил с далекими и отсталыми народностями» [3], с помощью которых он рассчитывал создать сеть местных органов на всей территории Северного Кавказа для «объединения… вокруг советской власти» [4].

Аналогичный подотдел горцев Кавказа был создан в 1919 г. в Наркомпросе РСФСР в отделе просвещения национальных меньшинств для решения проблем просвещения и школьного образования. На практике он дублировал функции аналогичного отдела в Наркомнаце. Подотдел был связующим звеном центрального аппарата с местами при оказании помощи культурным силам региона [5]. С 1921 г. отдел просвещения национальных меньшинств реорганизован в Совет по просвещению национальных меньшинств при коллегии Наркомпроса РСФСР. Кроме того, Центр активно использовал институт специальных эмиссаров на Северном Кавказе, представлявших Москве информацию о состоянии дел в регионе. В 1920 г. в связи с реорганизацией Наркомнаца постановлением ВЦИК от 6 ноября 1920 г. национальные отделы и комиссариаты были преобразованы в национальные представительства автономных республик. Интересы народов Северного Кавказа вначале представляло Горское

представительство. Представительства докладывали центру о соблюдении советской национальной политики на местах, содействовали установлению «правильных отношений» между органами РСФСР и автономиями. На них возлагалась задача изучать «историческую, этнографическую и культурную жизнь народностей… данной автономии… особенностей быта и классовой структуры, требующих специфических мероприятий… необходимых для приобщения этих народностей к советскому строительству». Представительства содействовали «охране прав и интересов национальных автономий», следили «за тем, чтобы работники из центра, не знающие местных условий или основы советской национальной политики, не нарушали своими неосторожными действиями автономности». В случае нарушений представительства были обязаны «принять все меры… к безболезненному улаживанию конфликтов» [6].

Национальные автономии представляли довольно разнообразные личности: от вчерашнего выпускника школы II ступени до члена Реввоенсовета армии, лидеров национальных движений. Здесь и «люди случая», которые спешно занимали ту или иную должность, и люди, срочно делающие карьеру в изменившихся в результате революции условиях, и люди, серьезно озабоченные судьбами своих народов. Не всегда интересы той или иной автономии представляли люди этой национальности. Их социальное происхождение весьма неоднородно. Но это были, как правило, люди с неплохим образованием. Эти факты демонстрируют дефицит кадров: на важные для автономий должности трудно было подыскать необходимые кандидатуры. В определенной степени ситуация отражала не только «ужасное наследие самодержавия», но и плоды деятельности Кавбюро ЦК РКП(б), которое по окончании Гражданской войны с энтузиазмом и с революционным напором провело чистку в партии и в составе местных органов власти.

10 мая 1921 г. СНК РСФСР обязал наркоматы представлять на заключение проекты декретов, вносимые в СНК и СТО, затрагивающие интересы автономий, в Наркомнац [7]. Благодаря этим мерам в первой половине 1920-х гг. представительства активно продвигали вопросы финансирования отраслей культуры и образования, особенно в тяжелые первые годы нэпа.

С образованием северокавказских автономий были связаны надежды на возможность формирования реальной формы государственности, когда началось формирование автономных аппаратов управления народным образованием. Однако все чрезвычайные задания, возлагаемые на Наркомпрос РСФСР партийными и центральными государствен-

ными органами, являлись обязательными и для автономных аппаратов республик, и тем более областей [8]. Это означало, что автономные аппараты управления изначально были ограничены в выстраивании собственной политической линии в автономной сфере, обязаны сообразовывать свои действия с указаниями центра.

В Ростове в 1925 г. создан Крайнацсовет по вопросам развития и руководства сферой культуры, контроля использования государственного и местного бюджетов. В совет входили по одному представителю автономий горских народов [9]. Крайнацсовет активно разрабатывал графику для языков горских народов, организовывал периодические издания на родных языках, областные и краевые издательства для горских народов (Крайнациздат), Краевой горский научно-исследовательский институт. Крайнацсовет поддерживал и защищал автономные права областей.

Тем не менее автономии испытывали сложности в части исполнения указаний центральных наркоматов при реализации общероссийских просветительских и общеобразовательных программ. Местные комиссии по ликвидации безграмотности, всеобучу, хотя и являлись структурными частями облоно автономий, но напрямую реализовывали установки центра. Местные органы обращались к центру, утверждая, что «большим тормозом является отсутствие помощи» от него, а именно «отсутствие инструкций, руководств» [10].

На этом фоне в центре возникали проекты ликвидировать автономность органов управления, в частности после принятия Конституции РСФСР в мае 1925 г., когда к юрисдикции центра были отнесены основные начала и принципы содержания образования [11]. В сфере народного образования это выразилось в «желании создать при аппарате Наркомпроса РСФСР Федеральный комитет для руководства делом всеобщего обучения» [12].

Председатель ДагЦИКа Н.П. Самурский указывал, что такое решение «поведет не к ослаблению роста национализма и национальных антагонизмов, но к усилению их». Самурский видел выход в «участии представителей малых национальностей в управлении РСФСР», усилении темпов развития промышленности, кооперации. Чтобы «парализовать нарастающие уклоны центрального аппарата, необходимо создание Совета национальностей во ВЦИК» по примеру ЦИК СССР. Существующий же отдел национальностей ВЦИК, «не будучи выборным, никоим образом не может заменить Совета национальностей, ибо никогда не может завоевать авторитета представительного органа» [13].

Отдел национальностей ВЦИК понимал, что его функции сведены к разрешению «текущих вопросов», требующих в большинстве случаев сиюминутного вмешательства. Однако отдел недостаточно руководит «проведением на местах национальной политики», у него полностью отсутствует учет «опыта работы, проделываемой в той или иной республике или области, который имел бы существенное значение для дальнейшей работы» [14]. Отсюда и проистекает «ненормальность»: «всё делается от случая к случаю», в то время как в автономиях «возникает масса жгучих вопросов, требующих внимательнейшего изучения центральных органов».

Иную альтернативу более демократических взаимоотношений автономий с центром пытался выстроить Наркомпрос РСФСР и лично А.В. Луначарский, который обратился с письмом в Наркомнац, призвав совершенствовать взаимоотношения центра с автономиями, так как должного опыта не было ни у центра, ни у автономий. Он настаивал на создании механизма взаимодействия в форме совещаний наркомов просвещения, которое «создаст предпосылку дружной и братской работы» [15].

Накануне образования СССР в декабре 1922 г. на совещании наркомов встал вопрос о создании союзного комитета по образованию. Но в результате борьбы ведомств остановились на механизме взаимодействия между республиками в форме совещаний наркомов. К их функциям отнесены разработка единства системы народного образования, содержания ее работы, типов образовательных учреждений и т. п. Но участие автономных областей на совещаниях зависело от позиции союзных республик. При квотировании мест для участников совещаний союзные республики получили по 5 мест, автономные – по три. Вопрос об автономных областях остался открытым, они в реальности пока принимали участие в совещаниях.

Позиция Наркомпроса РСФСР была более демократической. Прибегнув к механизму координации в форме совещаний наркомов, Наркомпрос, в отличие от Наркомнаца, отказался от идеи выстроить централизованную систему управления под своим началом. Но Наркомпросу не удалось отстоять участие в совещаниях автономных областей. Ввиду малого опыта и слабой кадровой базы автономные облоно попадали в зависимость от краевого партийного руководства, которое напрямую транслировало им партийные установки и директивы центра.

Для автономных облоно ситуация складывалась сложно и в том смысле, что они должны были заниматься сразу всем, не имея возможности самостоятельно осмыслить положение с делом просвещения, выде-

лить узловое звено, наметить собственные пути решения в зависимости от кадровых возможностей и культурных ресурсов края. Они вынуждены были реагировать на все директивы и указания и из Москвы, и из Ростова, затрачивая много времени и сил на подготовку информации «наверх». Это был стиль руководства, уже становящийся традицией: засыпать инструкциями и директивами, не заботясь о возможностях и условиях их выполнения.

В понимании или уточнении автономных прав автономным облоно не способствовала и политика краевых органов. Они укрепляли себя как контролирующую и руководящую инстанцию. С укреплением краевых структур центр пытался сосредоточить функции автономий на методическом обслуживании общегосударственных программ и проектов. Об этом рассуждал на II краевой конференции по вопросам культуры и образования горских народов представитель Наркомпроса РСФСР М. Мухитдинов [16]. По сути это был верный ход, если учитывать специфику той или иной национальной культуры, ее реальный уровень развития, то есть приспосабливать их к общегосударственным проектам. Но в Наркомпросе РСФСР уже имелись структуры, которые разрабатывали методические установки по реорганизации школьных систем, реформированию письменности, разработке учебников. Более того, они совместно с отделами ЦК ВКП(б) разрабатывали сроки и темпы проведения кампаний и культурных мероприятий. Только Наркомпрос мог разрешить отсрочку введения всеобуча среди северокавказских народностей «в зависимости от местных условий и от степени подготовленности» [17].

Более широкие полномочия автономных органов в определении хотя бы сроков способствовали бы пониманию собственной сферы ответственности: найти путь, как подойти к решению той или иной модернизационной задачи. Многие проблемы невозможно было адекватно оценить в центре. Речь должна бы идти о доверии. Однако такого мотива у центральной власти не было. Она часто подозревала местных работников в сотрудничестве с «чуждыми элементами» и получала «подтверждения» своему «подозрению». Проблема заключалась в том, что «чуждые» в ее представлении элементы были специфическими, но единственно культурными силами.

Крайисполком ходатайствовал о дотировании дела просвещения, установлении ряда льгот по оплате учительства из республиканского бюджета, особенно в нагорной части автономий [18]. Такие меры, конечно, способствовали усилению работы автономных аппаратов, но

дотируемые средства, как правило, использовались на множество политических кампаний, инициируемых центральными и краевыми органами.

Пленум национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в октябре 1928 г. указал и на то, что, помимо засилья в советских органах «чуждого элемента», есть проблема – работники аппарата и население не понимают друг друга. Ибо первые не знают местных языков, а вторые не знают русского языка. Поэтому ставилась задача установить пропорцию в их составе: «подросших грамотных молодых активистов из коренного населения нацобластей» должно быть не менее 50 % [19].

В 1930 г. последовали новые установки: «обеспечить политически, производственно и национально квалифицированный государственный контроль и руководство национальным просвещением сверху донизу», к чему обязывала, по оценкам центра, «сложность национально-политической и культурно-бытовой обстановки». Центр требовал «укомплектовать национальными и вполне марксистски компетентными работниками» все звенья аппаратов. Усиливалась и концентрация руководящих функций. Округам и районам оставлены функции «мобилизации внимания общественности» и контроль на местном уровне. В крае (области) сосредоточивалось все «планирование, управление и руководство… программно-методическая работа с правом окончательного утверждения учебников, учебных пособий и локальных программ». «Основным звеном руководства просвещением» становился край. Структура крайоно, по сути, повторяла структуру Наркомпроса. Одним из заместителей заведующего крайоно должен стать национальный работник [20].

Такие предложения выдвинуты Всесоюзному партийному совещанию 26–30 апреля 1930 г., которое провел новый нарком просвещения А.С. Бубнов, сменивший либерального и «мягкотелого» А.В. Луначарского. Одной из целей реорганизации ставилась задача борьбы с бюрократизмом, но этой цели не достигли, а низовое (районное, окружное) звено управления в ходе параллельного районирования практически ликвидировали, что пришлось срочно исправлять уже с 1931 г. постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 сентября [21]. Другой целью реорганизации было привлечение общественности к контролю работы государственных органов. Предполагалось создать советы по народному образованию, что, по сути, было правильно. Но культурный уровень общественности в автономиях не создавал возможности осуществлять предполагаемый контроль.

Изначально целью большевиков было перевоспитание, изменение человека не только посредством влияния «внешнего фактора», но и изменения его внутреннего мира. То, что у большевиков хватало фантазии на изобретение различных форм участия населения в собственном преображении, следовало бы одобрить. Но цель подменили средства и методы решения проблемы, игнорирование автономных прав, предоставленных народам после Гражданской войны. Институтов гражданского общества у народов Северного Кавказа, находившегося еще во власти традиции, не существовало. Большевики не учитывали, что взгляды на мир, на смысл жизни, убеждения, мышление, ценности и поведение ими не предлагались, а навязывались реципиентам новой культуры. И не для ориентации в новой обстановке, а для неукоснительного следования им, как предписаниям.

Примечания

1. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства 1917–1938 гг. 1918. № 17. Ст. 243.

2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 859. Оп. 1. Д. 14. Л. 94–95; Нефляшева Н.А. Традиции и власть (на примере Адыгеи конца XIX – 20 гг. XX в.): дис. … канд. ист. наук. Майкоп, 1996. С. 97.

3. Национальный вопрос и Советская Россия. Народный комиссариат по делам национальностей. 1921 г. М., 1921. С. 29–30.

4. Известия ВЦИК. 1918. 2 августа.

5. Государственный архив российской Федерации (ГАРФ). Ф. 296. Оп. 2. Д. 12. Л. 23 об. – 24.

6. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 407. Л. 194–195; Национальный вопрос и Советская Россия. С. 34.

7. Ленин Владимир Ильич. Биографическая хроника. 1870–1924. Т. 10. М., 1980. С. 402.

8. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 459. Л. 7.

9. Еженедельник Севкавкрайоно. 1926. № 2. С. 13.

10. ГАРФ. Ф. 2314. Оп. 6. Д. 6. Л. 2–2 об.

11. Съезды Советов ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. 1917–1937 гг. сб. док. Т. IV. Ч. II. Съезды Советов автономных советских социалистических республик. 1923–1937 гг. М., 1963. С. 40–41.

12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 33.

13. Там же. Л. 35.

14. Там же. Л. 180.

15. Там же. Ф. 65. Оп. 1. Д. 86. Л. 7 об.

16. Стенографический отчет 2-й краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северо-Кавказского края. От 16 по 23 июня 1925 г. Ростов н/Д., 1926. С. 90.

17. Рахимбаев А.Р. Национально-культурное строительство на современном этапе // Революция и национальности. 1930. № 8–9. С. 96.

18. ГАРФ. Ф. 1575. Оп. 10. Д. 362. Л. 66 об., 68–69 об.

19. Центр документации новейшей истории Ростовской области Ф. 7. Оп. 1. Д. 839. Л. 7; Еще о «коренизации» // Горцы Кавказа. 1933. № 46. С. 28.

20. Давыдов И. Очередные задачи просвещения национальностей: реорганизация органов образования // Просвещение национальностей. 1930. № 4–5. С. 33.

21. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик // Собрание законов. 1931. № 6. Ст. 400.

И.Е. Татаринов

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ В 1924–1937 гг.

Сегодня одним из актуальных вопросов межнациональных отношений на Северном Кавказе является проблема границ. Административно-территориальное устройство в регионе на протяжении XX в. неоднократно менялось, да и сегодня оно далеко от оптимального. Российская Федерация является многонациональным государством, а изучение опыта административно-территориальных преобразований республик, краев и областей Северного Кавказа исключительно важно для проведения оптимальных административных реформ в многонациональном регионе.

Поднятый вопрос неоднократно освещался. Высокопрофессиональный историографический анализ по административно-территориальным преобразованиям в регионе дали ученые Южного научного центра РАН [1]. Следует упомянуть труды Ю.И. Галкина, Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлыниной и А.Т. Урушадзе, В.А. Матвеева и других историков, чьи труды отмечены широтой выводов и основательной работой с источниками [2]. Отдельно отметим результаты украинских исследователей, за-

тронувших преимущественно территориальный спор между Донецкой губернией УССР и Северо-Кавказским краем РСФСР в 1925–1928 гг. [3]. В целом исследуемая тема хорошо освещена в историографии, однако ее оценки различны.

Выбор советским руководством национально-территориального принципа построения союзного федеративного государства обусловил появление национальных автономий. Это отразилось в значительных административно-территориальных изменениях на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. Северокавказский край был образован 16 октября 1924 г. объединением упраздняемой Юго-Восточной области с рядом северокавказских автономных областей. Тогда же началось внутреннее районирование – уточнение административных границ проживания народов. Однако районирование нарушило сложившиеся в регионе традиционные практики землепользования, местами обострив отношения между различными этническими группами. Более того, оно вошло в противоречие с прежним административным устройством в регионе, где ранее определяющим было отсутствие внутренних границ между народами. Стремление «советского режима к абсолютному единству и централизации вступало в непримиримое противоречие с признанием факта жизненности национального самосознания, стремившегося к определению и легитимности в рамках самостоятельных административно-территориальных единиц» [4].

Вопросы внутреннего районирования автономий решались не только за счет уточнения границ землепользования и уплотнения земельных наделов. Так, в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии власти выделили казачьи округа в автономные административные районы. Практика переселения и расселения одних групп населения за счет других получила широкое распространение. Так, при образовании Чеченской автономной области были выселены казачьи станицы Сунженского округа, что привело к освобождению равнинных территорий для передачи этих земель в хозяйственное пользование чеченцам. Вынужденное переселение станичников имело целью снять остроту земельного вопроса в крае. Однако отчуждение излишков в фонд малоземельных и безземельных горцев имело пагубные последствия. На это в свое время указал Н.Ф. Бугай, который документально доказал, что высвобожденные казачьи территории на протяжении длительного времени чеченцами и ингушами не заселялись [5].

Попытки совмещения различных практик нередко требовали кардинальных территориальных трансформаций, часто приводивших

к пограничным конфликтам с соседями. Известен спор между УССР и РСФСР, вызванный отторжением в 1920 г. от бывшей Области Войска Донского западных районов и их передачей в состав создаваемой Донецкой губернии УССР. Этот спор отражен во множестве документов. Так, в секретном циркуляре Юго-Восточного крайкома РКП кандидатам и членам ЦК РКП рекомендовалось «не принимать во внимание аргументов украинских властей, выступающих против присоединения Шахтинского и Таганрогского округов к РСФСР». Считалось, что «расчленение Донской области и присоединение… Александро-Грушевского и Таганрогского районов к Украине носило спешный характер в условиях военной обстановки без достаточного учета моментов экономического тяготения. Оно вызывалось временными политическими соображениями, потерявшими свое значение в данный момент, а именно: а) «расказачить» Дон и тем ослабить гнездо белогвардейской опоры, б) объединить весь Донецкий угольный бассейн в единую угольную губернию по производственному главкистскому в то время признаку». В заключение циркуляра следуют слова В.И. Ленина, «который со всей своей решимостью выступил… против украинцев, заявляя, что социализм не может быть построен на административном экономическом делении, установленном в старину, и что, наконец, пора взяться за создание целесообразно построенных административных экономических районов, что и было принято подавляющим большинством ЦК» [6].

В октябре 1924 г. межреспубликанская комиссия по урегулированию границ наметила контуры российско-украинского пограничья. Часть территорий отходила к Северо-Кавказскому краю, в состав которого 16 октября вошла Юго-Восточная область. Планы оставить Амвросиевский, Екатериновский, Федоровский, часть Голодаевского и Матвеево-Курганского районов в составе УССР вызвали протест жителей этих местностей. На прошедших собраниях они пожелали присоединиться к Северо-Кавказскому краю. Жители отметили экономическое тяготение к Таганрогу, незнание «чужого для нас украинского языка» и, как следствие, «непонимание всех распоряжений, издаваемых правительством». Особые опасения вызывала проводившаяся на Украине украинизация и необходимость «перерождаться во всех отношениях жизни» [7]. Против отторжения части районов от Таганрогского округа высказались и окружные партийные деятели. В итоге Президиум ВЦИК признал вопрос «недостаточно проработанным и несогласованным с точки зрения национальной и экономической» [8]. Лишь спустя год удалось согласовать приграничные вопросы, и 16 октября 1925 г. Постановлением

ЦИК СССР «Об урегулировании границ Украинской Социалистической Советской Республики с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Белорусской Социалистической Советской Республикой» утвердили новую российско-украинскую границу. Среди прочего Шахтинский и Таганрогский округа вернули в состав РСФСР, включив их в состав Северо-Кавказского края [9].

Зачастую административно-территориальное устройство требовало приближения к этническим границам. К этническому критерию активно апеллировала Украина. Известна полемика между властями пос. Меловое Старобельского округа УССР и станции Чертково Северо-Кавказского края РСФСР, обострившаяся в 1926 г. Так, в письме секретаря Старобельского окружкома КП(б)У Д. Казачкова в ЦК КП(б) Украины речь шла о притязаниях Северо-Кавказского края на входивший в состав округа Меловской район. Там же Д. Казачков упомянул и о желаниях украинцев добиться вхождения станции Чертково и Леоно-Калитвинского района в состав Украины [10]. Конфликт приобрел настолько острый характер, что был поставлен под удар план хлебозаготовок в этих районах. Д. Казачков писал, что украинская сторона, не имея своей железнодорожной станции, вынуждена задействовать российскую – Чертково. Он отмечал, что на станции к 1 марта 1926 г. скопилось более 300 тыс. пудов зерна от украинских хлебозаготовителей, сложенных на неприспособленных для хранения площадках. По его мнению, подача вагонов для отправки намеренно тормозилась Миллеровским окружным исполкомом [11].

Споры обострились настолько, что стороны открыто проявляли недоброжелательность, а иногда и враждебность. Так, письмом от 26 августа 1926 г. в Старобельский окружком Меловской РКП жаловался на отказ представителей Северо-Кавказского края провести совместную первомайскую демонстрацию, сопровождаемый словами: «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела» [12]. Старобельский окружком возмущался фактом недопуска его спецкомиссии к изучению работы украинских заготовительных организаций в Чертково по указанию главы Маньково-Калитвинского исполкома Серова и секретаря райкома партии Туменко. Комиссию возмутили слова: «…мы знаем цель Вашего приезда, но Ваше дело не выйдет. Мы никогда не согласимся присоединиться к Украине». Кроме этого заведующий клубом хладобойни некий Данцев открыто «высмеивал украинизацию, особенно украинизацию кино». В словах Данцева члены комиссии усмотрели «шовинизм и неуважение» [13]. Последующая проверка этих фактов контрольными комиссиями Миллеровского и Старобельского окружкомов подтвердила их.

В октябре 1926 г. глава Старобельского ОПК Д. Казачков написал официальное письмо секретарю ЦК КП(б) Украины Л.М. Кагановичу. В нем он отметил «вопиющие безобразия, творящиеся на границе УССР и Северо-Кавказского края, принимающие местами характер преступлений, о которых дальше молчать нельзя». Он указал, что экономически и этнически район Чертково тяготеет к УССР. В качестве решения вопроса Д. Казачков предложил присоединить к УССР Маньково-Калитвинский район, где население «на 70–80 % украинское». Он аргументировал это тем, что потеря Чертково для Северо-Кавказского края не будет ощутимой, поскольку поблизости находилась узловая станция Миллерово, а также ряд станций возле Чертково, «а у нас Чертково единственный выход» [14].

Изложенные Д. Казачковым факты вошли в докладную записку для ЦК ВКП(б) «По вопросу об исправлении государственных границ УССР и Северо-Кавказского края в районе ст. Чертково» (апрель 1927 г.). Отмечалось, что «создавшаяся на месте коллизия может быть решена лишь путем прирезки части Донского округа Северо-Кавказского края РСФСР к Старобельскому округу УССР». Украинцы доказывали, что «существующая граница искусственно разрезает экономически однородные и тяготеющие друг к другу части территории Старобельского округа УССР и Донского округа Сев. Кав. Края РСФСР» [15]. Несмотря на положительное мнение Политбюро ЦК ВКП(б) об исправлении границ и рекомендацию ЦИК СССР «оформить передачу бывшей Леоно-Калитвинской волости Донского округа Северо-Кавказского края в состав Старобельского округа УССР», передача спорных земель Украине не состоялась. Известна антиукраинская позиция по вопросу границ председателя ВЦИК СССР М.И. Калинина. Тот же Д. Казачков неоднократно просил «всесоюзного старосту» изменить мнение: «Очень прошу Вас, Михаил Иванович, изменить свое решение и помочь нам в разрешении этого вопроса» [16]. Аналогичные аргументы приводились и в отношении Донецко-Шахтинского округа, отторжение которого от УССР в пользу РСФСР, по мнению УССР, «искусственно делит хозяйственно-целостную единицу – Донбасс – между двумя республиками, что не может не отражаться на оперативном управлении предприятиями. Возвращение УССР Таганрогского округа… даст возможность… путем изменения его границ поднять хозяйство и экономику как города Таганрога, так и округа в целом и выпрямить в этом месте государственную границу, врезавшуюся узким и длинным клином в территорию УССР» [17].

В 1928–1929 гг. с учетом итогов районирования 1924–1925 гг. в РСФСР была проведена новая административная реформа. В ее основе лежал опыт согласования и взаимодействия политико-административного районирования с экономическими проблемами территорий. Наиболее крупными единицами стали область и край, совпадавшие с экономическим районом. Они также выступали в качестве территориальных производственных комплексов, интегрированных вместе с другими областями в систему народного хозяйства. Ввиду отсутствия нужных статданных, земленеустроенности территорий, наличия спорных участков, сложной географии, национальной неоднородности и чересполосицы реформирование заняло многие годы.

Характер преобразований часто обусловливался решением народнохозяйственных задач как всех субъектов края в целом, так и его отдельных районов. При определении административной подчиненности определенной территории немалых проблем добавила необходимость придерживаться принципа «экономического тяготения». В итоге за пределами автономий оказались их административные центры – Краснодар, являвшийся до 1936 г. центром Адыгеи; Владикавказ – длительное время центр Северной Осетии и Ингушетии; Грозный, бывший центром Чеченской автономии и не входивший до 1928 г. в ее состав. Исследователи отмечают многоступенчатый и многовариантный характер административно-территориального устройства в крае вследствие «быстрой смены форм национально-государственного строительства» [18]. В итоге удалось достичь экономической целостности национальных образований и размыть национальный состав населения. Вместе с обретением национальной целостности происходила и фрагментация самих автономий. В июле 1926 г. Президиум Северо-Кавказского крайисполкома поделил Карачаево-Черкесскую автономную область на Карачаевскую автономную область и Черкесский национальный округ с прямым подчинением Северо-Кавказскому крайисполкому. В 1928 г. Черкесский округ преобразовали в автономную область, включив его в состав края. В итоге Москва создавала управляемые автономии, решая попутно народно-хозяйственные задачи.

Создание Северо-Кавказского края стало первым советским опытом организации крупной административно-хозяйственной и территориальной единицы на основе объединений различных субъектов. Это была первая административно-территориальная реформа на научной основе в контексте решения хозяйственных задач. В последующие годы центр приступил к административно-территориальным изменениям исходя из решений партии по улучшению работы госаппарата. По мне-

нию Е.С. Тютюниной, «поворотным моментом в принципиальном подходе к структуре административно-территориального деления страны стал 1930 г.» [19]. Так, постановлением Президиума ВЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. ликвидировались округа и одновременно укреплялись районы как основное звено социалистического строительства в деревне. На Северном Кавказе упразднили 10 русских округов. Отмечалось, что «эти командные, волевые методы, апробированные в крае при ликвидации в 1928 г. Грозненского и Сунженского округов, прочно заняли свое место в системе управления, отбросив даже формальную видимость демократии» [20].

С 1930-х гг. видна смена приоритетов в реализации национальной политики в регионе. Ключевым стало разрешение социально-экономических проблем, что обусловило новую структуру Северо-Кавказского края. В итоге край разделили на 87 районов (7 – национальных округов, 10 городов и 7 национальных автономных областей). При этом внутри автономий округа просто переименовали в районы. Например, «районы Чечни и Ингушетии… управлялись из единого краевого центра. Как показала практика, эта система не всегда была удачной, указания отдавались сверху порой без должного учета местных специфических условий, волеизъявления трудящихся» [21]. В 1934 г. Северо-Кавказский край вновь подвергся реорганизации. Он был разделен на Азово-Черноморский край с центром в Ростове-на-Дону и собственно Северо-Кавказский край с центром в Пятигорске. С принятием Конституции СССР 5 декабря 1936 г. регион претерпел еще более масштабные трансформации. Уже в декабре 1936 г. все автономные области Северного Кавказа (Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская, Кабардино-Балкарская) преобразовали в автономные республики, а 13 марта 1937 г. Северо-Кавказский край был переименован в Орджоникидзевский.

Таким образом, процесс довольно частых административно-территориальных изменений в Северо-Кавказском крае не всегда был успешным в решении хозяйственных задач. Нельзя также забывать желание укрепить советскую власть на местах посредством урегулирования межнациональных отношений в многонациональном крае. Можно согласиться с мнением, что «выбиралась в конечном итоге наиболее удобная форма административно-территориального устройства, при которой максимально учитывались интересы трудящихся различных национальностей, соблюдались их традиции, обычаи, тяготения к тем или иным экономическим промышленным центрам» [22]. Однако в результате проведенных преобразований не удалось создать единой системы

управления всем Северным Кавказом. С одной стороны, было стремление Кремля к созданию более однородных в этническом отношении автономий, а с другой – тяготение к приданию им более высокого и полноценного государственного статуса.

Примечания

1. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Советский Северный Кавказ в 1920–1940-е гг.: проблемные зоны современной отечественной историографии // Вестник Южного научного центра. 2009. Т. 5. № 3. С. 76–82.

2. Галкин Ю.И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М., 2007; Кринко Е.Ф., Медведев М.В. «…Избрать паритетную комиссию»: документы о передаче Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР в 1924–1925 гг. // Русский архив. 2015. № 3–4(10). С. 204–219; Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е. «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела…»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы: Черноморский исторический журнал. 2014. № 34. С. 639–644; Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: Исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д., 2012; Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2014; Матвеев В.А. Русская оседлость на Северном Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX в. Ростов н/Д.; Таганрог, 2018.

3. Боєчко В.Д, Ганжа О.І, Захарчук Б.І. Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.): історична ретроспектива та сучасний стан. Київ, 1994; Сергійчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. Київ, 2008; Он же. Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. Київ, 2014.

4. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Указ. соч. С. 152.

5. Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917 – 1990-е годы). М., 2001. С. 32.

6. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО). Ф. 1. Оп. 20. Д. 1813. Л. 70–72.

7. Галкин Ю.И. Указ. соч. С. 16.

8. Там же.

9. Известия. 1926. 31 января.

10. Государственный архив Луганской Народной Республики (далее – ГА ЛНР). Ф. П-4. Оп. 1. Д. 107. Л. 3–5.

11. Там же. Л. 11.

12. Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е. Указ. соч. С. 642.

13. ГА ЛНР. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 216. Л. 18–20.
14. Там же. Д. 107. Л. 45–48.
15. Там же. Д. 216. Л. 13–18.
16. Там же. Л. 25.
17. ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1813. Л. 35–36.
18. Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 32.
19. Тютюнина Е.С Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. С. 234.
20. Там же.
21. Очерки по истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. Грозный, 1972. С. 128.
22. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». Майкоп, 1994. С. 166.

Б.М.-Г. Харсиев

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ ИНГУШСКОГО НАРОДА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Земельный вопрос на Северном Кавказе давно переплетен с национальным вопросом. Во время Российской революции 1917 г. земельный вопрос сыграл существенную роль в победе большевиков, которые декларировали наделение землей трудового народа. Это позволило им получить поддержку со стороны народов бывшей Российской империи. Лидер большевиков В.И. Ленин прекрасно понимал, что с понятием революции связывались важнейшие идеалы русского крестьянства (прежде всего земля и воля).

Распустив Учредительное собрание, большевики получили полную власть над основным богатством страны – землей. В сложившейся революционной обстановке энергию масс необходимо было направить в нужное русло. Только развязав революционную борьбу, а по существу гражданскую войну, большевики могли закрепиться у власти, мобилизовав угнетенные классы против существовавшего строя, обещая счастли-

вую жизнь: землю – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим, свободу – угнетенным народам. Чтобы урегулировать происходящие процессы и закрепить те формы, которые соответствовали главным идеям новой государственности, большевикам необходимо было принять Конституцию. Ее создание стало переломным моментом в становлении нового Советского государства.

Конституция РСФСР декларировала равные права граждан, независимо от их расовой и национальной принадлежности. В РСФСР было впервые положено начало созданию этнополитических территориальных образований. Для управления национальным вопросом и реализации национальных прав народов России в составе советского правительства был создан специальный Наркомат по делам национальностей во главе с И.В. Сталиным. Однако на практике декларации никогда и ни к чему не обязывали советскую власть. И.В. Сталин стремился к централизации системы управления и концентрации всей власти в своих руках. Тем не менее декларируемые принципы позволили большевикам одержать победу в Гражданской войне. Руководители Белой армии оттолкнули массу населения своей позицией по национальному и земельному вопросам.

13 ноября 1920 г. в Темир-Хан-Шуре открылся Чрезвычайный съезд народов Дагестана, на котором нарком по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин провозгласил Декларацию о советской автономии Дагестана. 17 ноября 1920 г. на съезде народов Терской области была провозглашена Горская Автономная Социалистическая Советская Республика. На съезде выступил Сталин с докладом о советской автономии Терской области. Он заявил: «Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы цари и угнетатели царские генералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках общей Конституции России». Далее он сказал: «У каждого народа, у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, а также у оставшихся на автономной горской территории казаков должен быть свой национальный Совет, управляющий делами соответствующих народов применительно к быту и особенностям последних» [1].

20 января 1921 г. декретом ВЦИК были утверждены Дагестанская АССР и Горская АССР. В состав Горской АССР вошли 8 округов (Балкарский, Ингушский, Сунженский, Дигорский, Кабардинский, Чеченский, Осетинский и Карачаевский) и 2 автономных города (Владикавказ

и Грозный). Центром стал город Владикавказ. 16–22 апреля 1921 г. состоялся учредительный съезд Горской АССР, на котором были избраны ее руководящие органы – ВЦИК и СНК.

Однако территориальный вопрос стал вскоре причиной распада Горской АССР. 1 сентября 1921 г. из ее состава вышла Кабарда. Ее выделение было связано «с осложнениями политического характера», а также земельными спорами и претензиями к Кабарде со стороны других национальных округов, поддержанных руководством Горской АССР [2]. Руководство Горской АССР резко отрицательно отнеслись к выходу Кабарды из ее состава. Однако под влиянием Сталина, который уже не видел целесообразности в существовании Горской АССР, коллегия Наркомата по делам национальностей поддержала это решение. ВЦИК 1 сентября постановил выделить «автономную область кабардинского народа, непосредственно связанную с РСФСР» [3]. 16 января 1922 г. вследствие ее объединения с Балкарским округом возникла Кабардино-Балкарская автономная область.

Примеру Кабарды последовали и другие автономные округа. 12 января 1922 г. Карачаевский округ был объединен с большей частью Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области в Карачаево-Черкесскую автономную область. 30 ноября 1922 г. из Горской АССР выделился Чеченский округ, преобразованный в Чеченскую автономную область.

7 июля 1924 г. вышло Постановление ВЦИК об упразднении Горской АССР и ее разделении на две автономные области – Северо-Осетинскую и Ингушскую, Сунженский округ с правами губернского исполнительного комитета. Город Владикавказ превращался в административный центр и Северо-Осетинской АО, и Ингушской АО, сохранив самостоятельный административный статус с подчинением его краевым и центральным властям. Горская АССР выполнила свои задачи и была более не нужна советскому руководству.

На этом преобразования не завершились. Карачаево-Черкесская автономная область в 1926 г. была разделена на Карачаевскую автономную область и Черкесский национальный округ, преобразованный через два года в Черкесскую автономную область. К Чеченской автономной области в 1929 г. был присоединен Сунженский казачий округ, а в 1934 г. она объединилась с Ингушской автономной областью. Общим административным центром стал Грозный, а Владикавказ, переименованный в 1931 г. в Орджоникидзе, остался административным центром только Осетинской автономной области.

Включение Ингушетии в состав объединенной Чечено-Ингушской автономной области, а с 1936 г. – АССР ухудшило возможности для самостоятельного развития ингушского народа. Являясь меньшим по численности народом, ингуши были хуже представлены в органах власти и управления, не имея соответствующих количественных квот. А 23 февраля 1944 г. и ингуши, и чеченцы были принудительно выселены на восток страны, а Чечено-Ингушская АССР перестала существовать. Большая часть ее территории вошла в состав Грозненской области, а Пригородный район – в состав Северо-Осетинской АССР.

9 января 1957 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области». С возвращением депортированных жителей Чечено-Ингушская АССР была восстановлена, но Пригородный район, как и часть Малгобекского района, остался в составе Северо-Осетинской АССР.

Несмотря на посмертное разоблачение культа личности Сталина, территориальная и правовая реабилитация в отношении ингушского народа осталась не полной. Так, 30 июля 1959 г. заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР Тепсаев расписался на типографской карте (К-38-42) о согласовании границ Чечено-Ингушской АССР с Северо-Осетинской АССР. В декабре 1959 г. Председатель Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР И.А. Алмазов расписался на типографской карте (К-38-42) о согласовании изменения границы Чечено-Ингушской АССР и Северо-Осетинской АССР на участке от реки Терек до горы Столовой. 23 февраля 1960 г. Постановлением Совета Министров ЧИ АССР № 107 под строительство складов Северо-Осетинскому карьероуправлению переданы земли госземфонда Назрановского района в долине реки Армхи. 27 июня 1967 г. Постановлением Совета Министров ЧИ АССР № 358 Северо-Осетинскому карьероуправлению «Кавдоломит» под строительство промплощадки Боснийского карьера доломитов передано 40 гектаров Госземфонда Армхинского лесничества в долине реки Терек [4]. По моему мнению, эти решения не учитывали интерес ингушского народа.

Без всякого сомнения, этнополитические процессы, происходившие на Северном Кавказе, должны рассматриваться в контексте национальной политики Российского и Советского государства. Сталинская национальная политика способствовала созданию, а затем упразднению ингушской государственности. Она была противоречивой: одни народы подлежали репрессиям, а другие – поощрению, в том числе в земельном вопросе. Последствия этой политики ощущаются до сих пор.

Примечания

1. Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1947. С. 401–402.
2. Кара-Мурза С. История Советского государства и права. М., 2004. С. 139.
3. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007. С. 348.
4. Патиев Я. Хроника истории ингушского народа. Махачкала, 2007. С. 170.

В.З. Акопян

ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ В НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1920–1980-е гг.

В настоящей статье мы проанализируем политику властей Азербайджанской ССР (АзССР) по изменению этнического баланса в Нагорном Карабахе (НК) в советский период (1921–1987). Вне анализа остается временной отрезок с 1988 г., когда в регионе началось движение карабахских армян за самоопределение.

Территориальные рамки исследования ограничены пределами Автономной области Нагорного Карабаха (АОНК), с 1936 г. называвшейся Нагорно-Карабахской автономной областью (НКАО). Площадь НКАО (4,4 тыс. кв. км) и численность ее населения в момент образования в 1921–1923 гг. были в два-три раза меньше того НК, который в имперский период составляли предгорные и горные уезды Елизаветпольской губернии. После распада Российской империи в 1918–1920 гг. армянское население региона и сформированные им органы власти (Армянский национальный совет и его правительство) рассматривали НК как часть Армении. Но решением Кавказского бюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г. [1] была образована НКАО в составе АзССР.

Политику деарменизации НКАО можно разделить на несколько этапов. На первом этапе, с 1921 г. до начала 1930-х гг., политическая элита АзССР пыталась не допустить создания самой автономии. Однако в результате давления со стороны руководства ЗСФСР и СССР 7 июля 1923 г. был принят декрет ЦИК АзССР от 7 июля 1923 г., в котором говорилось: «Образовать из армянской части Нагорного Карабаха автономную область» [2]. В нее не были включены армянские села равнинного Карабаха, предгорные армянские районы Северного Арцаха, населенные курдами

земли Кашатага, Джраберта и другие территории. На последних в 1923 г. был создан Курдистанский уезд, отгородивший НКАО от АрмССР [3]. Таким образом, в результате территориального сужения АО из 300-тысячного армянского населения НК в пределах самой АО на 1921 г. осталось 127,9 тыс. человек (94,4 %). Тюркское население на 1921 г. в границах выделенной в 1923 г. территории АО составляло 7,6 тыс. (5,6 %) [4].

В политической элите АзССР в это время были представлены две властных группы: «интернациональная» (руководители Азербайджанской коммунистической партии большевиков), надзиравшие за соблюдением республиканскими властями лояльного отношения к Центру. Руководители республиканской партийной организации до начала 1930-х гг. представляли разные национальности. Должности председателя Президиума, а затем первого секретаря ЦК компартии Азербайджана занимали: М.Д. Гусейнов, В.И. Нанейшвили, Е.Д. Стасова, В.Е. Думбадзе (1920), Г.Н. Каминский (1920–1921), С.М. Киров (1921–1926), Л.И. Мирзоян (1926–1929), Н.Ф. Гикало (1929–1930), В.И. Полонский (1930–1933) и Р.Г. Рубенов (1933). Вторая группа (тюркско-азербайджанская элита) проводила политику тюркизации (официальное название политики коренизации в АзССР). Своеобразным штабом этой политики до середины 1930-х гг. был Совет Народных Комиссаров (СНК) АзССР. Председателями СНК АзССР являлись: Н. Нариманов (1920–1922), Г. Мусабеков (1922–1930), Д. Буниатзаде (1930–1932), М.Д. Багиров (1932–1933), У. Рахманов (1933–1937), Т. Кулиев (1937–1953).

Второй этап (середина 1930-х – 1960-е гг.) ознаменовался усилением мер, направленных на заселение АО азербайджанским населением. Эту политику проводил первый секретарь ЦК компартии республики М.Д. Багиров (1933–1953). По данным переписи 1939 г., в НКАО проживало 150,8 тыс. чел., в том числе 132,8 тыс. армян (88,1 %), 14,1 тыс. азербайджанцев (9,4 %), 3,2 тыс. русских (2,1 %) и 0,7 тыс. представителей других национальностей [5]. После М.Д. Багирова ЦК возглавляли только азербайджанцы: М.А. Якубов (1953–1954), И.Д. Мустафаев (1954–1959), В.Ю. Ахундов (1959–1969), Г.А. Алиев (1969–1982), К.М. Багиров (1982–1988) и др. Азербайджанцами были и руководители СНК/Совмина.

Во время Великой Отечественной войны из НКАО были мобилизованы и ушли на фронт добровольцами около 45 тыс. чел. (32 % населения). Эти цифры намного превышали средние показатели по СССР. Из числа ушедших на фронт из НКАО карабахских армян погибли, по разным данным, от 18 до 22 тыс. чел., что составило от 12 до 15 % [6].

В результате потерь в годы войны многие села лишились трудоспособного населения. В послевоенные десятилетия этот процесс еще более обострился за счет трудовых мобилизаций. Десятки тысяч карабахцев возводили города и промышленные предприятия Баку, Сумгаита, Мингечаура и др. В Ждановском (Бейлаганском) районе АзССР было создано полтора десятка новых колхозов и совхозов.

Представители армянского населения неоднократно поднимали вопрос о присоединении НКАО к АрмССР или даже к РСФСР. Но все обращения в центральные органы власти были отвергнуты. Это приводило к оттоку значительной части армянского населения из НКАО. Результаты демографической политики на этом этапе показывают следующие цифры. В соответствии с переписью 1959 г. в НКАО проживало 130,4 тыс. чел., в том числе 110,1 тыс. армян (84,4 %), 18,0 тыс. азербайджанцев (13,8 %), 1,8 тыс. русских и 0,4 тыс. чел. других национальностей [7].

Третий этап в осуществлении политики изменения демографического баланса в НКАО пришелся на 1960–1980-е гг. и перерос в 1988 г. в настоящую войну. Особая роль принадлежала Г.А. Алиеву, занимавшему должность председателя КГБ АзССР (1966–1969), а затем – первого секретаря Азербайджанской компартии (1969–1982). Если за период 1926–1976 гг. в НКАО стало на 85 армянских населенных пунктов меньше, то с 1960–1970-х гг. опустошенные села интенсивно заселялись азербайджанцами из-за пределов НКАО. За 1921–1988 гг. на территории АО появилось 36 новых азербайджанских сел [8].

Особое место в демографической политике отводилось г. Шуше и одноименному району. Еще до проведения властями АзССР границ автономии в 1923 г. было проигнорировано решение о Шуше как центре автономии. Для столицы автономии руководство АзССР решило построить новый город Степанакерт на месте, где раньше находилось армянское село Вараракн. Такое решение республиканских властей мотивировалось катастрофическим состоянием разрушенного города.

В доимперский период Шуша была единственным местом в НК, где присутствовала относительно значимая группа тюрок. По данным «Кавказского календаря» на 1852 г., в 1851 г. в городе проживало 12,7 тыс. жителей, в том числе 6377 армян, 6371 мусульманин и 7 православных [9]. В 1916 г. в Шуше проживало более 43,8 тыс. чел., из них 23,4 тыс. армян (53 %) и 19,1 тыс. мусульман (44 %) [10].

В период кровавых столкновений 1918–1920 гг. между арцахцами и вторгшимися в Карабах турецкими и мусаватистскими войсками, в частности в результате резни в марте 1920 г., подавляющее большин-

ство армян Шуши были убиты или покинули город. В 1932 г. в городе проживало 5 597 человек, главным образом азербайджанцы [11].

В 1930 г. был образован самый маленький в ЗСФСР район (290 км^2), сконструированный таким образом, чтобы в нем преобладало азербайджанское население. По переписи 1959 г. население Шушинского района составляло 10 626 человек, из которых азербайджанцев насчитывалось 6564 человек (61,8 %), а армян 3794 человек (35,7 %). В районном центре проживало 6117 человек (в том числе 4453 азербайджанца, 1428 армян). Как и раньше, армяне составляли большинство сельского населения: 2366 армян (52,5 %), 2111 азербайджанцев (46,8 %) [12].

В середине 1960-х гг. в Баку было принято решение снести развалины армянской части города и развернуть строительство санаториев, домов отдыха, пионерских лагерей, турбаз и жилья для азербайджанских переселенцев. Возводились дачи для партийных функционеров, деятелей науки и культуры. Сельскохозяйственный техникум и педагогическое училище набирали абитуриентов из других регионов АзССР, а выпускников трудоустраивали в сельских районах НКАО.

В 1977 г. постановлением Совмина АзССР Шуша была объявлена городом-заповедником. При этом охраняемой была объявлена и восстанавливалась только бывшая азербайджанская часть города. Результаты демографической политики в Шушинском районе были следующие: согласно переписи 1989 г., в районе числилось 23,1 тыс. человек, из которых 21,2 тыс. (91,7 %) были азербайджанцами и 1620 (7 %) – армянами. В городе проживало 17 тыс. человек, 98 % которых составляли азербайджанцы [13].

С начала 1980-х гг. власти АзССР приступили к решающему этапу по разрешению карабахского вопроса путем окончательного изменения этнического баланса в НКАО. По данным на 1979 г., население АО составляло 162,2 тыс., в том числе 123,1 тыс. армян (75,9 %), 37,2 тыс. азербайджанцев (23 %). В 1989 г. в НКАО проживало уже 189,1 тыс. жителей, из которых 145,5 тыс. армяне (76,9 %), 40,7 тыс. азербайджанцы (21,5 %), 1,9 тыс. русские (1 %) и 1 тыс. представители других национальностей [14]. Таким образом, несмотря на постоянное давление, массовый выезд за пределы родины (только в России в настоящее время проживает более 500–700 тыс. арцахцев), целенаправленное заселение НКАО азербайджанцами, армяне сохранились здесь как этническое большинство.

Примечания

1. Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сб. документов и материалов. Ереван, 1992. С. 649–650.
2. Там же.
3. Бабаян Д. Красный Курдистан: геополитические аспекты создания и упразднения // 21-й век. 2005. № 2. С. 115–136.
4. Атлас Нагорно-Карабахской Республики. Ереван, 2009. С. 35.
5. Там же.
6. Арутюнян К.А. Участие армянского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Ереван, 2004. С. 829–843.
7. Атлас Нагорно-Карабахской Республики. С. 35.
8. Бабаян Д.В. Проблема водной безопасности Республики Армения и Арцаха в контексте урегулирования нагорнокарабахского конфликта. Ереван, 2006. С. 173.
9. Кавказский календарь на 1852 год. Тифлис, 1851. С. 433–453.
10. Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916. С. 190–196
11. Большая советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1933. Т. 62. С. 767.
12. Шушинский район (1959 г.). URL: http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/shusha59.html (дата обращения: 22.06.2019).
13. Атлас Нагорно-Карабахской Республики. С. 35.
14. Там же.

Е.Н. Бадмаева

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНДЕРНОГО СТАТУСА В ТРАДИЦИОННОМ КАЛМЫЦКОМ И КАБАРДИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 1920–1930-е гг.

Исследование гендерного статуса женщин Юга России в первой половине XX в. имеет немаловажное значение для анализа последующей государственной гендерной политики, особенно на современном этапе, позволяющего переосмыслить историю и нынешнее состояние проблемы адаптации женщин к происходящим изменениям. В связи с этим представляется весьма актуальным рассмотрение «гендерного вопроса» в первые два десятилетия советской власти в контексте социально-экономических, социальных и бытовых перемен, происходивших в советском государстве. Обращение к положению женщины в традиционном

калмыцком и кабардинском обществе не случайно, поскольку, проводя параллели между культурой и существовавшим гендерным статусом, мы находим много общих черт и различий. События, происходившие в 1920–1930-е гг. в русле новой государственной политики с ее жестким репрессивным уклоном, напрямую сказались на культуре калмыков и кабардинцев и, соответственно, на гендерной сфере, претерпевшей значительные изменения.

Большевистское государство в первые годы советской власти коренным образом реформировало гражданское законодательство и обеспечило юридическое равноправие всем женщинам в стране. Особое внимание было обращено на положение женщин в национальных окраинах, где особенно стойко сохранялись патриархально-родовые архаизмы. Первая Конституция РСФСР 1918 г. предоставила равные политические права женщинам наравне с мужчинами, а Конституция СССР 1936 г. еще более их закрепила [1]. Однако на практике калмыцкие и кавказские женщины, несмотря на формальное установление равноправия полов в принятых правовых документах, вынуждены были и продолжали жить по законам веками устоявшегося патриархального общества, по которым главенство мужчины было неоспоримым. В послереволюционный период положение женщины в калмыцком обществе всё еще продолжало нести в себе многие патриархальные черты – калмычка не могла «отлучаться никуда от своего жилища или хотона, она не могла разговаривать в обществе посторонних мужчин <…> Женщина-калмычка до настоящего времени являлась рабой в семье, нередко в семье коммуниста» [2]. С другой стороны, калмыцкая женщина в патриархальном обществе с его строгими канонами, что может показаться необычным, пользовалась заслуженным уважением и имела определенное социальное и культурное положение. Во многом это было обусловлено тем, что «монгольская цивилизация, несмотря на аскетичный взгляд буддизма на женщину, оценила ее благотворное значение и упрочила за нею почетное место в разных фазах социальной жизни» [3].

Трансформировать веками устоявшиеся традиционные представления о роли женщины в семье и обществе для калмыцких властей представлялись задачей весьма сложной и серьезной. Так, калмыки считали, что женщина не может «принимать участие в общественной жизни. В свое оправдание они приводили калмыцкую пословицу “У женщины, хотя волос долог, да ум короток”» [4]. Тем не менее в феврале 1921 г. на первой Калмыцкой областной партийной конференции приглашенные беспартийные женщины выступили с предложением «скорейшего рас-

крепощения женщин от восточного рабства и деспотизма мужчины, обязав всех партийных работников широко содействовать для расторжения этих путей» [5]. В особенности их беспокоило ношение женского камзола (грудной корсет, туго стягивающий грудную клетку). Активистки женского движения настаивали на том, чтобы признать преступлением и вредным для калмыцких девушек ношение камзола. Женский вопрос как одно из новых явлений в жизни калмыцкого общества вызвал определенный резонанс и бурную дискуссию среди делегатов партконференции. Конференция вынесла решение признать камзолы вредными для девушек и будущего молодого поколения; созвать в мае 1921 г. первый общеженский съезд области [6]. Для председателя областного женотдела Акугиновой и всех женщин привлечение внимания органов власти к женскому движению являлось началом изменения бесправного положения женщины-калмычки. В этот же период в Калмобласти, как и в национальных регионах Северного Кавказа, создаются женские отделы. Благодаря женотделам в Калмыкии более 2500 женщин перешли за пять лет на реформированные платья [7].

Кабардинская традиционная этика, включающая в себя совокупность морально-поведенческих норм, мало чем отличалась от этических установок всех народов Юга России, в том числе от общепризнанных поведенческих характеристик горянок на Северном Кавказе. Здесь женщины были наиболее бесправны как в семье, так и в обществе. Для того чтобы социализировать женщину-горянку и включить ее в активную общественную жизнь, необходимо было исключить из сознания самой женщины ее обезличенность и закрепощенность в правовом и экономическом отношении. Как отмечали официальные средства массовой информации того периода, «женщина-черкешенка не имеет права по своему желанию бывать в обществе» [8], и это в полной мере относилось ко всем горянкам. Традиционный этикет в большой степени действовал в кабардинской среде и препятствовал росту женского движения: «мусульманки сторонились мужчин и в их присутствии “стыдились” даже выговорить слово» [9]. В Кабардино-Балкарии на первом областном съезде Советов в 1922 г. партийными руководителями решено было отменить калым и многоженство. В Калмыкии вопрос о запрещении калыма ставился в 1921 г. на I Общеженском съезде области. На I съезде областного совещания заведующих улусных (районных) женотделов и волостных организаторов в апреле 1924 г. отмечалось, что в Калмыкии отсутствует многоженство и калым искореняется, но в некоторых аймаках пока сохраняется [10]. Однако отметим: не для всех калмыцких

и кабардинских женщин, живших в рамках одной советской культуры, данные концепты нового женского образа были исцеляющими.

На XIII съезде ВКП(б) в 1924 г. особо подчеркивались «необходимость борьбы с бытовыми предрассудками <…> усиление работы по вовлечению тружениц Востока в производство» [11]. В национальных регионах Северного Кавказа само партийное руководство считало, что решение вопроса о вовлечении женщин в общественно-политическую жизнь, их духовного раскрепощения – это дело будущего времени. Так, известный партийный и советский деятель, один из организаторов советской власти на Северном Кавказе Б.Э. Калмыков говорил: для того, чтобы «вылечить» кабардинку «от духовных ран рабства и забитости, нужны десятилетия, чтобы возродить ее физически, требуется еще большее время» [12]. Между тем активные формы и методы, закрепленные советским законодательством по вовлечению женщины в общественный труд, противоречили гендерным стереотипам патриархальных национальных обществ советского Востока и, по мнению самих же женщин, разрушали традиционные нормы отношений между мужчиной и женщиной. Стремление новой власти привлечь к активному участию женщин в строительстве социализма были обусловлены потребностями индустриализации и коллективизации в стране, но это вызвало неприятие в северокавказских регионах. Так, на Северном Кавказе в связи с созданием товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов) появились слухи о «коллективной семейной жизни», пошла молва о том, что при организации детских яслей и садов у «крестьян будут отбирать детей для отправки в Китай» [13]. Подобного рода слухи специально распространялись определенными, в большей части религиозными кругами в обществе, и такие «нововведения советской власти» представлялись страшными для самосознания горских женщин. Вследствие опасения прихода неприемлемых для них норм общественной и семейной жизни кабардинские женщины приняли самое непосредственное участие в протестных выступлениях против коллективизации сельского хозяйства, «коллективной семейной жизни», разрушающих, по их мнению, традиционную мораль, а также сложившиеся принципы ведения аграрного производства. Власти расценивали участие женщин в протестных выступлениях как беспрецедентный случай для традиционного образа жизни горянок. Вместе с тем в горском обществе всё еще сильны были патриархальные устои. Настойчивые попытки партийно-государственных функционеров призвать женщин посетить курсы, отправить их с просветительскими целями в окружные центры, учебные городки завершались стойким сопротивлением и нежеланием женщин подчиниться

новым соблазнам эпохи. Соответствующие мобилизационные кампании 1920-х гг., по словам Ю.Д. Анчабадзе, часто завершались неудачей [14].

Вековая патриархальность и придавленность домашним хозяйством женщин-калмычек также не давали им возможности полноценно принимать участие в общественно-политической жизни области. В годовом отчете областного женотдела за 1924 г. отмечалось слабое вовлечение женщин-калмычек в общественные работы, и производство не было активным. Например, «в Приволжском и Приморском улусах, где развивалась рыбная промышленность, калмычка в производственном процессе не принимала участия» [15]. Если в 1923 г. на различных работах трудилось 3–4 женщины-калмычки, то в 1924 г. работниц стало 10 [16]. На 1-м областном совещании работниц отмечалось, что в 10 улусах и 53 волостях всего имелось 6 волорганизаторов женотдела, 3 – в улускоме. Практически нулевая в процентном отношении вовлеченность калмыцких женщин в общественную и производственную деятельность в 1920-е гг. – это результат не только неприятия ими новых общественных отношений, но и недостатков государственной политики в женском движении, носившем на местах скорее показательный характер. В 1924 г. ни одна из работниц на местах не входила в состав парткомов, не участвовала в избирательных кампаниях. Партийные функционеры зачастую скрывали свою слабую, неорганизованную работу и неприятие самими женщинами новых поведенческих норм. Тем не менее сверху спускались разнарядки по активному вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь и поэтому проводились кампании по разверстке слушательниц учебных городков; привлечению женщин-калмычек в программу «красные кибитки» [17].

В 1920–1930-е гг. женщина-горянка и женщина-калмычка отличались особой религиозностью, так как ислам и буддизм на протяжении многих столетий оказывали огромное влияние на ментальность и образ жизни калмыков и кабардинцев. Религиозные взгляды практически для всего населения, в особенности женского, сохраняли базисное значение в духовной и бытовой жизни, являлись составной частью нравственного и эстетического воспитания. Отсюда и активное участие женщин Кабарды и Калмыкии в протестах против закрытия хурулов, храмов и мечетей и арестов священнослужителей, изъятия монастырского имущества, предметов культа. В 1931 г. в ответ на попытку закрытия Багачоносовского хурула и размещения в хурульном помещении административного здания Калмыцкого живсовхоза собралось свыше 200 женщин, в основном пожилых калмычек, с акцией протеста против ликвидации

хурула [18]. Власти, несмотря на сопротивление жителей с. Бага-Чонос, всё же закрыли хурул. В Кабардино-Балкарии женщины также противодействовали закрытию и сносу мечетей. В июне 1928 г. в с. Чегем I на общем собрании женсовета решено было построить клуб, при этом разобрать мечеть на стройматериалы. Так, днем женщины помогали разбирать стены мечети, а ночью те же женщины вновь их складывали [19]. По мнению исследователя М. Текуевой, строительство клуба у горянок не вызывало протеста, но разрушение мечети во благо культурно-развлекательного центра, безусловно, вызывало неприятие, так как женщины-горянки не собирались отказываться от традиционных и религиозных ценностей. Они, бесспорно, понимали, что рушится привычное устройство жизни их семей, претерпевает изменения мировоззренческий уклад, но как могли сопротивлялись (в активной и пассивной форме) большевистским новациям.

В годы коллективизации формируется программная установка советской власти – воспитание «нового советского человека» как человека коллективного. Серьезным шагом в формировании нового образа советской женщины являлась борьба с неграмотностью, инертностью и бездействием женщин в общественной жизни. Несмотря на мощное идеологическое давление, в годы коллективизации, обобществления скота и имущества женщины-калмычки и горянки в большинстве своем не восприняли концепцию социалистического переустройства деревни. Наиболее активно они протестовали против хлебозаготовок и прочих налогов, разоряющих крестьянское хозяйство.

Во время голодного бедствия в 1932–1933 гг. женщины самоотверженно защищали свою семью, детей и домашний очаг. Они составляли большую часть протестующих против произвола властей. В своих донесениях органы ОГПУ отмечали «нездоровые явления в очередях, особенно среди женщин. Эти отрицательные настроения характеризуются такими фактами: “Разве это жизнь, подушили нас, весь хлеб забирают, когда эта власть перевернется”. “Мы такого горя не видели, хлеба не дают, прямо хоть умирай, да еще просят культсбор”» [20]. В некоторых случаях женщины ограничивались лишь демонстрацией протеста, приводили своих детей и публично выражали свою обеспокоенность за их жизнь, как это было у здания горсовета, когда с акцией протеста выступили женщины в основном русской национальности, проживающие на территории области в г. Элиста [21]. Выступления русских женщин обычно были бурными и эмоциональными. Женщины-горянки и калмычки протестовали и выражали свое несогласие в основном более

сдержанно в силу своей национальной ментальности. Женский бунт выражался также в виде невыхода в поле, на работу.

Идеологическими институтами власти проводились культштурмы, организовывались начальные школы, недели ликвидации азбучной неграмотности, издавались буквари на родном языке. Несмотря на широкий диапазон общественно-политической, социально-экономической, культурно-массовой работы, женское население Кабарды и Калмыкии в основной своей массе оставалось безграмотным и экономически зависимым от мужчин в своих семьях. Административные мероприятия по решению женского вопроса в основном проходили показательно и громко. Пропагандистские и агитационные меры по раскрепощению женщины порой приобретали неоправданно масштабный характер. Так, только в одном кабардинском ауле Кызбурун-2 в 1928 г. за небольшой отрезок времени было проведено 19 общих собраний, 3 общих собрания бедноты, 2 сбора сельского актива, 2 – женского актива [22]. В Калмыкии активисты организовали работу «красной кибитки» по селам. 1928-й партийные идеологи объявили в Калмыкии годом «красных кибиток» [23]. Передвижная «красная кибитка», созданная в 1927 г., включала в себя мини-больницу, избу-читальню, содержала агитационный материал и плакаты, сельскохозяйственный инвентарь – маслобойню, сепаратор и другое сельхозоборудование. В ее задачи входило обучение женщин грамоте, оказание медицинской и сельскохозяйственной помощи и преодоление культурной неразвитости, но основной целью являлась идеологическая пропаганда советского образа жизни и привлечение широкого круга женщин в общественно-политическую жизнь. Концепция форсирования культурной отсталости, в первую очередь среди женщин, приобрела широкий размах после XVI съезда ВКП(б), состоявшегося в июне 1930 г. Уже в марте 1931 г. началось массовое движение культштурма, направленного на ликвидацию неграмотности, пропаганду культуры быта, проведение ликбеза в аграрной сфере, которые должны были способствовать гендерному равенству полов в стране.

Проведенный нами краткий анализ свидетельствует о произошедших изменениях в социально-правовом статусе калмыцкой и кабардинской женщины в период коллективизации и репрессивной политики советского государства в 1920–1930-е гг. Женщина получила равные права с мужчиной и могла получать образование, быть избранной в органы власти, стать членом партии. Женщина-калмычка, несмотря на определенное гендерное неравенство в своей среде, стала пользоваться значительной долей самостоятельности и свободы в быту, в ведении

домашнего хозяйства. В традиционном кабардинском обществе горянке не так легко было адаптироваться и приобрести новый социальный статус.

Примечания

1. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918; Сталин И.В. О проекте конституции Союза ССР: доклад на чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов 25 ноября 1936 г. М., 1936.
2. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 74. Л. 172.
3. Бентковский И.В. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Опальные: русские писатели открывают Кавказ. Антология в 3 т. Т. 2. Ставрополь, 2011. С. 450–468.
4. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 69.
5. Там же. Л. 72.
6. Там же. Л. 73.
7. Там же. Д. 74. Л. 72.
8. Кухтаев. Заметки о женщине-черкешенке // Красная звезда. 1921. 5 апреля.
9. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарии (далее – ЦГА КБР). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 503. Л. 57.
10. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 74. Л. 34, 71 об.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. М., 1983.
12. Там, где недавно был голод // Красная Кабарда. 1924. № 345.
13. Бейтуганов С.Н. Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Исторический очерк // Советская молодежь. 1991. 16 августа. С. 5.
14. Анчабадзе Ю.Д. Социально-политические трансформации в адыгском ауле 1920-х гг.: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 65.
15. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 74. Л. 55, 72.
16. Там же. Л. 72.
17. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.): документы и материалы / под ред. П.В. Семернина, Е.Н. Осколковой. Краснодар, 1972. С. 370.
18. НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 21. Л. 21 об.
19. Текуева М.А. Эмансипация женщин на Северном Кавказе: трудности перевода с русского на кабардинский // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и на-

стоящем (Материалы VII Междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань). В 2 т. Рязань, 2014. С. 55–59.

20. НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 209.

21. Бадмаева Е.Н. Женщины Калмыкии в акциях протеста 1930-х гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 24.

22. Анчабадзе Ю.Д. Указ. соч. С. 62.

23. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 180. Л. 96.

А.П. Скорик

ТЕРСКИЕ КАЗАКИ В КАМПАНИИ «ЗА СОВЕТСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

В начале 1930-х гг. в советском государстве терские казаки оказались в большей степени, по сравнению с донцами и кубанцами, разделены административными границами, хотя и проживали начиная с 1924 г. в едином Северо-Кавказском крае. С января 1934 г. большой край разделили на Азово-Черноморский край (куда вошли Дон и Кубань) и обновленный Северо-Кавказский край (объединивший Ставрополье, Терек, национальные автономии Северного Кавказа). В 1937 г. появляется Орджоникидзевский край (ныне Ставропольский), где, помимо автономий Северного Кавказа, по-прежнему проживали терские казаки. Причем сохранялись места компактного размещения казаков, что признавали в 1940 г. управленцы Наурского района Орджоникидзевского края, по их свидетельству, население подопечного Наурского района состояло «преимущественно из сословия терского казачества», а в годы коллективизации здесь отмечались случаи убийств «лучших активистов-казаков». Именно тогда сплотилось «молодое казачество», оно закалилось в борьбе с кулачеством, «дало стране ряд лучших людей в РККА», отличилось на производстве, вступало «в славные ряды нашей коммунистической партии большевиков» [1].

Точками отчета в феврале 1936 г. для кампании «за советское казачество» стали: передовица «Советские казаки» в газете «Правда» от 18 февраля 1936 г. и совещание передовиков животноводства в Москве

с руководителями партии и правительства, проходившее 13–16 февраля 1936 г., где присутствовал, выступал, слушал и лично встречался, в том числе с представителями терских казачьих колхозов, И.В. Сталин. Кампания готовилась спонтанно начиная со второй половины 1935 г., и даже региональные руководители не были уверены в ее развертывании, о чем свидетельствуют публичные заявления в октябре 1935 г. партийного лидера Северо-Кавказского края Е.Г. Евдокимова на встрече с колхозниками и представителями руководства Суворовского района. В своем выступлении в месте компактного проживания терских казаков Евдокимов не только привычно охарактеризовал важные хозяйственные вопросы колхозной жизни, но и назвал казаков «полноправными гражданами нашей страны». В его трактовке с появлением колхозников, с включением всего населения края в строительство «новой жизни» не имеет смысла делить по-старому людей «на казаков и мужиков». Но партийный лидер сразу оговорился: «Это отнюдь не значит, что не нужна та [казачья] лихость, та смелость, то владение конем… Нам это очень нужно» [2]. Проработав многие годы в ОГПУ, Евдокимов явно обладал информацией о возможной смене партийного курса в отношении казачества, но, не будучи в этом полностью уверен, делал противоречивые заявления об отрицании наличия казачества и необходимости использования его воинского искусства.

Словосочетания «советские казаки» и «колхозные казаки» в позитивном контексте звучали в Москве на совещании передовиков по поднятию урожайности в декабре 1935 г. Среди участников совещания от Кабардино-Балкарской автономной области Северо-Кавказского края присутствовал бригадир полеводческой бригады колхоза «Заветы Ленина» терский казак М.А. Яковенко. В своем выступлении он заявил: «Здесь один товарищ сказал о том, что казаки теперь – советские казаки. Действительно, это правильно. Я – сословия казацкого… (после этих слов К.Е. Ворошилов из президиума одобрительно подтвердил: «Правильно!», на что делегаты тут же зааплодировали. – *А. С.*) и заявляю о том, что колхозные казаки никакого чёрта не пустят в сердце нашей страны» (вновь последовал от Ворошилова тот же возглас «Правильно!» и раздалась овация присутствовавших) [3].

Тем не менее, партийно-советское руководство Северо-Кавказского края в преддверии кампании «За советское казачество» не спешило готовить общественное мнение к новому отношению к терскому казачеству. В анкетах участников конного пробега вокруг Кавказского хребта [4], проходившего 11 декабря 1935 г. – 14 февраля 1936 г., когда стартовавшая

группа выехала и вернулась через неполные пять недель в Пятигорск, четко прописывается национальность конников-горцев, но остальные участники значатся как «русские» или (реже) «украинцы». Вплоть до 14 февраля 1936 г. участников конного пробега называют «джигитами», «колхозниками-конниками» или же просто «спортсменами-конниками» [5], хотя уже через четыре дня началась кампания «За советское казачество». В рапортах о пробеге «командор» А.Ф. Чудесов ничего не сообщал о присутствии в отряде терцев. Но в выступлении на вышеназванном совещании передовиков животноводства он вдруг «вспомнил» не только о «колхозниках-конниках», но и об участвовавших терских казаках [6]. В конном пробеге по направлению Пятигорск – Ростов-на-Дону в условиях начала кампании «За советское казачество» тех же самых и новых конников в начале марта 1936 г. однозначно именуют терскими казаками [7].

Очевидно, форма конного пробега оказалась удачным выбором, поэтому делегацию донских и кубанских казаков после ростовских торжеств пригласили приехать в Северо-Кавказский край. Началась подготовка к новому казачьему празднику в Пятигорске для казаков Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев. 23 марта 1936 г. Северо-Кавказский крайком партии и крайисполком принимают общее постановление «О краевом народном празднике в связи с предстоящим приездом в Пятигорск казаков Дона и Кубани». Его содержание свидетельствует о стремлении партийно-советского руководства не ударить в грязь лицом и провести праздник не хуже, чем у соседей в Ростове. При этом северокавказское краевое руководство не забывало и о прагматической стороне праздника. Подготовку к торжествам рекомендовалось сочетать с развертыванием массового стахановского движения в сельском хозяйстве и промышленности, требовалось шире развивать социалистическое соревнование между промышленными предприятиями, совхозами, МТС и колхозами за выполнение и перевыполнение производственных заданий. Такой подход объяснялся приглашением на праздник лишь лучших представителей победивших в соревновании предприятий, совхозов, МТС и колхозов. Кроме того, в принятое постановление внесли и вполне ожидаемое положение: «Особое внимание во всей организации подготовки к празднику должно быть уделено решительному улучшению всего дела коневодства в крае» [8].

После официального начала кампании «За советское казачество» в Северо-Кавказском крае было организовано множество других важных мероприятий. Региональные и местные власти предприняли практиче-

ские шаги для популяризации казачьих традиций, информирования об изменениях в отношении руководства к казачеству. Однако на проведении проказачьих мероприятий сказывались присущие советской управленческой машине бюрократизм и кампанейщина. Поэтому не случайно уже в августе 1936 г. партийный лидер Е.Г. Евдокимов в выступлении на совещании секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) Северо-Кавказского края сетовал на отсутствие значимых результатов в работе с казачьей молодежью, как того требовало центральное партийное руководство [9].

Безусловно, не стоит идеализировать содержательный потенциал кампании «За советское казачество», и речь не шла о реконструкции социальной группы казачества. В начале кампании в 1936 г. Е.Г. Евдокимов однозначно заявил: «Я не сомневаюсь в том, что колхозные казаки с радостью будут приветствовать, если тот, кто раньше считался иногородником, наденет казачью форму». Далее следовали аргументы: «Что такое иногородний? Вдумайтесь в это слово – “из иного города”, пришелец. Кто теперь в наших условиях, при советской власти, при колхозном строе, хочет быть пришельцем, а не хозяином? Это слово “иногородний” нужно выбросить из употребления. Азово-Черноморье и Северный Кавказ – край огромных кавалерийских резервов. Люди, живущие здесь, и казаки, и бывшие иногородние, должны быть прекрасными кавалеристами» [10]. Вот такой вариант советского показачивания получался.

Тем не менее, в обиходе по-прежнему сами казаки, да и представители власти по привычке употребляли устоявшийся термин «сословие». Терский казак М.А. Яковенко на совещании передовиков по поднятию урожайности в декабре 1935 г. прямо заявил: «Я – сословия казацкого» [11]. В 1940 г. при составлении обобщенных политико-экономических характеристик районов даже сотрудники НКВД Орджоникидзевского края использовали термин «сословие»: к примеру, население Наурского района, по их сведениям, «состоит преимущественно из сословия терского казачества» [12]. В разъяснении содержания кампании «За советское казачество» региональные большевики отрицали «новую линию» и подчеркивали преемственность с прежним курсом партии на классовый подход к казачеству, который осуществлялся ею на всем протяжении революции, и развернутое строительство социализма. Социальной опорой для большевиков и союзником рабочего класса в среде казачества выступали трудовые массы, к которым они приходят в результате разгрома «кулацко-офицерской верхушки» казачества, и ни о какой новой линии в отношении казачества речи не идет [13]. Власти намеревались использовать хозяйственно-экономический потенциал

колхозного казачества, о чем свидетельствовали их попытки привлечь казаков к восстановлению и развитию животноводства в колхозах. Казакам-колхозникам постоянно напоминали о двояком статусе: быть не только хорошими кавалеристами для армии, но и стахановцами в сельском хозяйстве. В этом смысле региональные руководители отчасти реанимировали сословный статус казаков как воинов-земледельцев, хотя и применительно к условиям колхозного строительства. Так, Е.Г. Евдокимов в марте 1936 г. заявлял: «казаки не только рубаки, но они издавна славились как прекрасные хлеборобы. Это особенно важно в условиях колхозного строя, когда наше сельское хозяйство оснащено первоклассной техникой. Казаки могут показать и уже показывают чудеса на трудовом фронте» [14].

С началом кампании «За советское казачество» последовал приказ наркома обороны от 23 апреля 1936 г. о создании на основе уже имеющихся кавалерийских формирований, в том числе 10-й Терско-Ставропольской, казачьей кавалерийской дивизии. Вместе с 12-й Кубанской и 13-й Донской казачьими кавалерийскими дивизиями они объединялись в 4-й казачий кавалерийский корпус [15]. 4-я кавалерийская Ленинградская Краснознаменная дивизия им. К.Е. Ворошилова получила наименование 4-й Кубанско-Терской казачьей Краснознаменной дивизии им. К.Е. Ворошилова. 36-я Доно-Ставропольская дивизия им. И.В. Сталина вошла в состав 6-го казачьего кавалерийского корпуса им. И.В. Сталина [16].

В канун кампании «За советское казачество» прозвучал призыв казачьей молодежи из колхоза «Донской скакун» Тарасовского района Азово-Черноморского края развернуть движение «ворошиловских кавалеристов», нашедший отклик в Северо-Кавказском крае. Первое в регионе конноспортивное объединение – «кружок джигитов» – организовал бригадир комсомольско-молодежной бригады А. Кантемиров. Клуб «ворошиловских всадниц» в кабардино-балкарском колхозе «Псыгансу» создала звеньевая-стахановка Биля Мисостишхова. В итоге появилось 250 «кружков джигитов» и заработали 100 клубов «ворошиловских кавалеристов». Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в постановлении от 13 февраля 1936 г. поддержал начинание Кантемирова и Мисостишховой [17]. Клубы и кружки «ворошиловских кавалеристов» формировались на Тереке вплоть до 1941 г. К примеру, Наурский райком ВКП(б) инициировал организацию казачьей полусотни преимущественно из числа «ворошиловских кавалеристов», и уже к февралю 1940 г. на колхозных конях скакали подготовленные всадники [18].

В клубах и кружках «ворошиловских кавалеристов» собиралась и училась владеть конем не только казачья молодежь. В них нередко в качестве наставников трудились казаки-старики, вместе с молодыми казаками участвовавшие во многих смотрах, соревнованиях и парадах того времени. В августе 1940 г. фигуру 82-летнего Андрея Трофимовича Москаленко из Бурлацкого района, уверенно сидящего в седле, заметили на краевых соревнованиях «ворошиловских кавалеристов». В одном строю с ним оказались молодые казаки из станицы Советской Иван Шандро (12 лет), Михаил Игнатенко (14 лет) и Николай Соколов (13 лет). Друзья еще не вышли ростом, и стременные ремни в седлах у них явно укорочены. Но они хорошо держались в седле и легко справлялись со своими резвыми лошадьми, всем своим видом подчеркивая, что они стали настоящими «ворошиловскими кавалеристами» [19]. На сохранившихся фотографиях того времени можно увидеть равнение в конном строю «ворошиловских кавалеристов», где соседствуют молодые и старые казаки [20].

Соревнования для «ворошиловских кавалеристов» были возможностью продемонстрировать свои лучшие достижения. Широкую огласку получили в мае 1936 г. межкраевые состязания в административном центре Северо-Кавказского края г. Пятигорске, где участвовали донские, кубанские, терские казаки, а также горцы Северного Кавказа. Трижды устраивались краевые соревнования в Орджоникидзевском крае, для чего на окраине Ворошиловска (Ставрополя) колхозные конники собирались на Осетинской поляне (ныне микрорайон Осетинка) в октябре 1938 г., октябре 1939 г. (на 20-летие комсомола) и в августе 1940 г. На бывшем учебном ипподроме осетинского конного дивизиона начала XX в. теперь советские казаки в красивых черкесках показывали уникальные приемы джигитовки. На краевых соревнованиях в августе 1940 г. зрители восторгались выполнением приема «казачий обрыв», когда всадник выбрасывался из седла и бесстрашно волочился у мелькающих копыт лошади, ловким чтением казаком газеты под брюхом скачущей лошади. Терские казаки демонстрировали обретенное в кружках «ворошиловских кавалеристов» искусство владения шашкой и кинжалом. Они неслись на лошадях и умелыми ударами шашки рубили под разными углом и высотой установленную на определенном расстоянии лозу, пронзали уколами чучело, разрубали на скаку тряпичные шары, продевали и цепляли на шашку кольцо, действовали одновременно несколькими клинками и др. [21]. Но самой заветной целью для молодого казака в конноспортивном кружке становилось выполнение всех принятых нормативов и получение значка «ворошиловского кавалериста».

В прессе публиковались многочисленные благодарности партийно-советскому руководству за принятые решения по казачьему вопросу. К примеру, 8 марта 1936 г. краевая газета «Северо-Кавказский большевик» напечатала письмо И.В. Сталину от имени 365 «терских казачек-матерей» из Александрийско-Обиленского района Северо-Кавказского края. Они заверяли: «Мы – казачки, вырастим родине и тебе, любимый Сталин, новое большевистское, казачье поколенье». И обещали: «если враг посмеет напасть на Советский Союз, мы вместе с нашими мужьями и сыновьями, мы, советские казачки, не щадя сил и жизни, пойдем на защиту родины» [22].

Положительные отзывы, в том числе терских казаков, о начатой кампании «За советское казачество» цитирует С.М. Будённый в докладной записке И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову от 27 марта 1936 г. К примеру, в ней упоминается пожилой терский казак по фамилии Гамов (60 лет). Казаки хвалили свою хорошую жизнь, говорили о личной преданности советской власти, подчеркивали стремление защищать эту власть в случае войны [23].

Но существовали в среде терского казачества и иные мнения. Они фиксируются в 1937 г., когда власти отслеживали общественные настроения накануне выборов в Верховный Совет СССР. Часть терских казаков резко критиковали советскую действительность и позже. Например, с заявлениями об отсутствии демократии на выборах в местные советы в 1939 г. выступал казак Г.С. Титов (Изобильненский район Орджоникидзевского края). По сведениям органов НКВД, Титов участвовал в «контрреволюционном восстании» 1921 г., а уже в 1936 г. бывшего «контрреволюционера» осудили «за воровство» [24]. В 1939 г. терского казака В.П. Новикова репрессировали за «антиколхозную агитацию». Бывший белогвардеец активно участвовал в 1929 г. в «контрреволюционном восстании», его родных братьев расстреляли за антисоветскую деятельность. Он говорил колхозникам о победе японцев летом 1938 г. в боях с Красной армией в районе озера Хасан, поэтому, по его мнению, Япония в ближайшее время победит Советский Союз. За эти высказывания Новиков получил три года лишения свободы по статье 58-10 УК РСФСР, но прокуратура намеревалась ужесточить слишком мягкое наказание [25]. Терские казаки из станицы Каргинской (Шелковской район Орджоникидзевского края) с получением известий осенью 1939 г. о германо-польской войне с радостью говорили: «Вот наши прийдут, а потом мы отомстим» [26].

В целом кампания «За советское казачество» позитивно повлияла на сплочение терского казачества, причем неоднократно подчеркива-

лось, что сам И.В. Сталин является почетным казаком терской станицы Горячеводской [27]. Наибольшее воздействие кампания оказала на казачью молодежь, которая в массе своей позиционировала приверженность советской власти и усиленно занималась военной подготовкой, училась в кружках и клубах «ворошиловских кавалеристов». Власти рассматривали кампанию в том числе как хозяйственно-политическую и стремились использовать ее потенциал в этом направлении. Однако нельзя не замечать в среде терского казачества наличие антисоветских настроений во второй половине 1930-х гг. Они не являлись господствующими, а кампания «За советское казачество» позволила подготовить массы терских казаков к предстоящей Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Примечания

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 754. Л. 152–152 об.
2. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 47, 50, 51.
3. Речь М.А. Яковенко на совещании передовиков по зерну 29 декабря 1935 г. // Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936. С. 53.
4. Скорик А.П. Терские казаки в конном пробеге вокруг Кавказского хребта (декабрь 1935 – февраль 1936 г.) // II Сиротенковские чтения: сб. матлов Международ. науч. конф. Армавир, 2011. С. 253–261.
5. Рапорт о пробеге // Северо-Кавказский большевик. 1936. 14 февраля; Слава героям! // Там же; Магомаев М.Д. Мы ехали с песнями // Там же.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 219. Л. 70.
7. В гости к донским казакам // Северо-Кавказский большевик. 1936. 3 марта.
8. Северо-Кавказский большевик. 1936. 24 марта.
9. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 125.
10. Речь тов. Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с советским казаками Дона, Кубани, Терека и горцами Северного Кавказа 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936. С. 28.
11. Речь М.А. Яковенко на совещании передовиков... С. 53.
12. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 754. Л. 152, 166.
13. Шершевский А. Советское казачество // Северо-Кавказский большевик. 1936. 29 марта.
14. Речь тов. Е.Г. Евдокимова ... С. 24.
15. Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д., 2006. С. 5; Краснознаменный

Северо-Кавказский / под ред. Б.М. Володина, Г.М. Донского, Л.С. Шустко. Ростов н/Д., 1990. С. 145.

16. Краснознаменный Северо-Кавказский. С. 145.

17. Постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О развитии конного спорта в Северо-Кавказском крае» от 13 февраля 1936 г. // Северо-Кавказский большевик. 1936. 16 февраля.

18. Заикин А. Создадим эскадроны ворошиловских всадников // Орджоникидзевская правда. 1940. 11 сентября.

19. Шергов И. Боевые сыны Терека и Кубани. На краевых конно-спортивных состязаниях // Орджоникидзевская правда. 1940. 20 августа.

20. Колхозный путь. 1937. № 1. С. 24, 30, 38, 41.

21. Шергов И. Указ. соч.

22. Родной, любимый Сталин! // Северо-Кавказский большевик. 1936. 8 марта.

23. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. Т. 4. 1934–1936 / отв. ред. Ю. Мошков. М., 2002. С. 724.

24. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 523. Л. 65.

25. Там же. Д. 512. Л. 38.

26. Там же. Д. 754. Л. 24.

27. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казак станицы Горячеводской: механизмы сталинской мифологии // Родина (г. Москва). 2010. № 3. С. 113–115.

А.Д. Осмаев, К.Г. Дендиев

ГАЗЕТА «ГРОЗНЕНСКИЙ РАБОЧИЙ» В ПЕРИОД РЕПРЕССИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.

В ходе становления тоталитарной системы и складывания принципов единоначалия И.В. Сталина пресса – как центральная, так и региональная – тоже была вовлечена в этот процесс и играла в нем немалую роль. Сопутствующие строительству социализма издержки производственного процесса объяснялись происками «врагов народа», при этом перенос трудностей с экономической сферы в политическую область вполне соответствовал всеобщей атмосфере, созданной, конечно, не самостоятельно средствами массовой информации. Информационное воздействие в сочетании с репрессиями, на наш взгляд, призвано

было стать превентивной мерой, обеспечивающей сохранность политической и идеологической монополии власти, унификации в культуре, идеологии.

Одним из документов, инициировавших в стране массовые репрессии, стало секретное письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» от 29 июля 1936 г., содержавшее призыв к повышению бдительности. В заключении этого письма отмечалось, что в современных условиях «неотъемлемым качеством каждого большевика должно стать умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован» [1].

Редакционная коллегия главной областной газеты «Грозненский рабочий» приняла к сведению директиву партии о необходимости использовать в практической деятельности «не методы дискуссий, а методы выкорчевывания и разгрома» [2] заклятых врагов трудящихся.

С августа 1936 по март 1938 г. НКВД была пресечена деятельность трех якобы крупнейших антисоветских центров, что вызвало естественный резонанс в стране, и в частности в Чечено-Ингушетии. Кричащие заголовки газетных публикаций той поры доносят общественный резонанс: «Расстрелять фашистскую банду!», «Суровая рука закона сметет с лица земли троцкистскую нечисть», «Никакой пощады презренным врагам народа!» [3].

Атмосферу организованного народного возмущения иллюстрировали многолюдные митинги трудящихся, требовавшие самой суровой кары отступникам. Так, на заводе «Красный молот» три тысячи человек единодушно высказались: «Пощады троцкистским гадам не может быть. Приговор должен быть один – расстрелять мерзавцев!» [4].

Психологически подготовленная средствами массовой информации чечено-ингушская общественность привычно встретила сообщение о вскрытой работниками НКВД новой военно-фашистской организации, ядро которой составляли восемь высших чинов генералитета РККА. Выражая свою солидарность, грозненская редакция опубликовала тематическую подборку – «отклик населения» на раскрытый заговор военных [5].

В январе 1938 г. в Москве состоялся судебный процесс по «делу Бухарина и Рыкова», и газета «Грозненский рабочий» извещает общественность о еще одной вскрытой антисоветской организации [6]. Информируя местного читателя о десятках писем, резолюций колхозников и рабочих, высказывающих удовлетворение работой правоохранительных служб, газета систематически размещала и рабочую корреспонден-

цию различных регионов, выражающую единодушие в оценке «чудовищно-гнусной предательской деятельностью презренных изменников Родины» [7].

Чечено-Ингушская автономная республика развивалась по тем же законам, что и весь Советский Союз. Вполне естественно, что на ее общественно-политическом развитии в значительной степени сказались московские процессы. Но был еще и иной аспект, инициировавший массовое недовольство населения. Интенсивное развитие аграрно-промышленного сектора в крае и стремительное увеличение роста городского населения в условиях недостаточных средств капиталовложений в социальную сферу и частых пересмотров норм выработок в сторону увеличения обострили жилищно-бытовые трудности людей. Недовольство рабочих, поставленных в жесткие условия жизни, выливалось в открытое побоище «баловней судьбы» – ударников производства. Так, по факту зверского избиения Бычкова, Золотовского, Онищенко, Кравченко и Ситникова общественность была проинформирована, было возбуждено уголовное дело, закончившееся для Г.З. Васильева двумя годами лишения свободы [8]. Умело применяя распространенную терминологию, рабселькоры в полном соответствии с партийными запросами, проводили идеологическую проработку. При этом заостряли внимание общественности на второстепенных вопросах, сводившихся к призывам «полного разгрома кулацкого охвостья» [9], добивались абстрагирования общества от насущных ключевых проблем.

Со второй половины 1930-х гг. органично вписывающимися в местную специфику стали вскрытые работниками НКВД вредительские «дела» в аграрном и промышленном секторах, получившие благодаря СМИ широкую известность. Так, в январе 1936 г., после сигнала в газету неизвестного автора, в Старо-Юртовском районе была выявлена вредительская деятельность руководства колхоза им. Евдокимова, по итогам работы комиссии были сняты и отданы под суд Исаков (председатель), заместитель председателя Темуркаев, парторг Исмаилов, счетовод Голошапов и др. [10]

В нефтяной отрасли мощным импульсом к началу очередной кампании по «выкорчевке недобитой технической интеллигенции» явилось выступление члена партколлегии М.И. Кахиани на пленуме Чечено-Ингушского обкома ВКП(б). «Канцелярско-бюрократические методы работы, основательно разгромленные в Донбассе, – подытожил партийный функционер, – еще не разгромлены в Грознефти и тормозят развертывание стахановского движения» [11].

В декабре 1936 г. НКВД начало оперативную разработку управленцев системы рабочего снабжения (УРС) Грознефти. Выявленная, якобы хорошо законспирированная троцкистско-вредительская организация, по сообщению официальной прессы, проводила, по версии следствия, активную подрывную работу среди рабочих с целью вызвать озлобление против советской власти. Следственным органам также удалось установить наличие связи Шмаевского с расстрелянными по делу первого московского процесса троцкистами Лившицем, Мураловым и Серебряковым [12].

Определенную роль в активизации общественного мнения сыграли размещаемые сообщения в рубрике «Письма в редакцию». Так, некий Кравченко поместил информацию о родственных связях служащих райфинотдела с врагами народа. «В Атагинском райфинотделе работает Магомед Мударов – сын бывшего помощника пристава, осужденного в 1926–1927 гг. к десяти годам лишения свободы за убийство. Мударов пьянствует, запутал отчетность, – пишет бдительный селькор. – Заместителем завфинотдела работает Исмаил Ибрагимов, отец которого, как крупный кулак, сослан в отдаленные районы Союза ССР» [13].

Вышедшая в апрельском номере «Правды» 1937 г. заметка «Острейшее оружие большевистской партии» по своему содержанию была созвучна решениям февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б). Учитывая политическую значимость статьи, редколлегия «Грозненского рабочего» помещает ее на своих страницах. «Партийные руководители обязаны более чутко, чем до сих пор, относиться к сигналам, идущим снизу – от рядовых партийных и непартийных большевиков, – направляет внимание пропагандистов передовица. – Невнимание к сигналам и приводит к тому, что врагам народа облегчается возможность вредить делу социализма» [14].

Корреспонденты, вскрывающие острые моменты общественной жизни, из соображений конспирации нередко подписывались одними инициалами или псевдонимами: «авт. В.К.», «И.Я.», «Гарный», «Иванов-Янус» [15]. «Несанкционированная расшифровка», как отмечает Т.Б. Манцаева, являлась «уголовно-наказуемым преступлением» [16]. Среди публикаций можно было встретить и сообщения безымянных авторов.

Ловко манипулируя лозунгом демократизации внутрипартийной жизни, И.В. Сталин при содействии СМИ проводил в необходимом ему русле политическую линию, обновляя кадры новыми, более послушными работниками, способными обеспечить поддержку в нуж-

ный момент. Это прослеживается в «деле» одного из крупнейших районов Чечено-Ингушетии, положившем начало серии раскрытых «дел» на республиканском уровне. Поводом для возбуждения уголовного дела стали заявления и сигналы колхозников с конца 1936 – первой половины 1937 г. о безобразиях, творимых в Урус-Мартановском районе [17]. Итоги работы комиссии по жалобам были заслушаны на бюро обкома партии (15–16 июля 1937 г.), который признал правильными выводы парткомиссии, вскрывшей деятельность группы «контрреволюционных вредителей-националистов», захватившей при попустительстве и содействии партийного и советского актива власть в колхозах и сельсоветах. Поэтому один из пунктов постановления бюро нацеливал районные парткомитеты извлечь соответствующие уроки из урус-мартановского дела и развивать большевистскую критику, невзирая на лица. По итогам заслушивания на бюро были освобождены от занимаемых должностей и привлечены к партийной ответственности целый ряд лиц [18]. Власть, создавая ореол справедливости и наказывая зло, на деле снимала с себя ответственность за проводимую в регионе непопулярную в народе политику.

В партийных организациях отсутствие или игнорирование бдительности расценивались как серьезная политическая ошибка. Поэтому любой «сигнал», в том числе и в газету, со стороны отдельных граждан подлежал немедленной партийной проверке и принятию соответствующих мер. На практике парторганы ограничивались увольнением выявленного «врага народа» и передачей дела в следственные органы.

Отдельные разоблачительные кампании локального масштаба за вторую половину 1937 г., как в зеркале, отражали знаменитые московские судебные процессы. Только с апреля по ноябрь выездная сессия облсуда рассмотрела семь дел, связанных с диверсионно-вредительской деятельностью «врагов народа» на объектах народного хозяйства (колхоз им. Кундухова (Шали), МТС, Чечингторг и др.).

Основной сферой оперативных разработок НКВД явились «дела», имевшие отношение к социально-экономическим объектам. При этом инициатива и служебное рвение оперативных работников наркомата внутренних дел ЧИАССР неожиданно получает поддержку органов юстиции.

Знаковым в выработке новой стратегии в условиях утверждения сталинского тоталитарного режима явилось участие в работе высшего судебного форума страны первого заместителя генерального прокурора СССР К.Г. Рогинского, который заострил внимание на необходимости

уголовные дела, связанные с хищениями, «обязательно ставить в связь с вредительской работой, с враждебной работой троцкистско-бухаринской агентуры, троцкистско-бухаринского подполья» [19]. Происходит закономерный для режима процесс трансформирования органа надзора за законностью в механизм подавления личности, прав и свобод, закрепленных в ст. 131 Конституции РСФСР 1937 г.

Появление в этой обстановке публикаций в местной печати открытых судебных слушаний вызывает у «широких слоев общественности» эмоциональный шквал, который был вовсе не стихийным, что показывает, например, шифротелеграмма от 2 августа 1936 г., предписывающая в связи с событиями в Испании провести широкие массовые митинги «от имени профсоюзных организаций» [20]. Аналогичным образом проходили и «стихийные» рабочие собрания, осуждающие преступления внутренних врагов партии и народа.

Кульминацией психологической проработки печатью общественности стало появление 8 сентября 1937 г. в «Правде» статьи «Буржуазно-националистический клубок в Чечено-Ингушетии». Спецкорреспондент газеты Н. Кузовкин обвинил в полнейшем равнодушии руководство республики к засоренности отдельных партийных организаций республики буржуазными националистами. Серьезные обвинения были выдвинуты автором против руководящего состава высшего партийно-советского, хозяйственного аппарата областного комитета партии. В заключении он отметил, «что корни вредительской работы буржуазных националистов надо искать не только в районах, но и в республиканском центре, в самом обкоме» [21]. Первой на «сигнал» отреагировала газета «Грозненский рабочий», опубликовавшая подборку отзывов партийных организаций Грозного. В принятых резолюциях коммунисты городских районов единодушно признали критику «Правды» справедливой и потребовали немедленного созыва пленума обкома партии. На следующий день напечатана уже новая заметка «Одобряем большевистскую критику», открывшаяся «шлюз» бдительным трудящимся [22].

Разоблачительные статьи, ставшие страшной детонирующей силой, всколыхнули общественно-политическую жизнь республики. Каждый свежий номер газеты – новые шокирующие подробности вредительской диверсионной работы «заклятых врагов» народа. Фактически система легализовала доносительство, а ложные доносы и намеренная клевета на сослуживцев, знакомых и близких стали обычным явлением в повседневной жизни советских людей.

«Сигналы наверх» поступали не только об имевших место преступных деяниях, но и надуманных, при этом предлогом для критики со стороны бдительных сограждан могли стать убеждения, происхождение или образовательный ценз человека. Так, известному ученому, писателю С. Арсанову вменили в вину буржуазное образование. «Что представляет собой прошлое Арсанова?» – вопрошают корреспонденты А. Ильский и Гарный (в других публикациях подписывался «Горный»). «По анкетам, он сын старо-юртовского батрака. Однако в царское время ему удается окончить реальное училище и высшее учебное заведение в Петрограде. История не знает таких примеров, чтобы детям батраков так широко раскрывали двери к учебе царские сатрапы… Мы не сомневаемся, что под маской директора научно-исследовательского института Арсанова Саид-Бея скрывается враг» [23].

Объектами критики стали Али Горчханов (председатель правительства), А. Саламов (заместитель председателя правительства), Саид Казалиев (нарком здравоохранения), Хасан Мехтиев (прокурор республики), Хаси Вахаев (2-й секретарь обкома партии), Хамид Окуев (нарком просвещения), Муса Ханиев (председатель Верховного суда), управляющий банком М. Чекуев, крупные чеченские ученые-лингвисты Ахмат Мациев, Халид Яндаров и многие другие. Позднее все они предстали на сфальсифицированных судебных заседаниях в качестве главных обвиняемых по делу «буржуазно-националистического центра». Именно тогда и возобладало навязанное обществу мнение, что «врагов народа» следует искать в лабораториях НИИ, учреждениях образования, здравоохранения и в горах.

Героями публикаций становятся не только популярные в народе деятели, носители политической воли и здравого смысла, но и руководящие работники среднего и низшего звена. Дальнейшее развитие получает практика выискивания компрометирующих сведений о человеке. Исчерпывающие сведения, характеризующие, по терминологии того времени, «политфизиономию» низшего состава советско-партийного актива, были представлены по Старо-Атагинскому району. На фоне всеобщего поиска врагов народа выложенная безымянным автором информация представлялась весьма ценной для органов НКВД [24].

Цитируемые отрывки из многочисленных публикаций прессы дают возможность зримо представить масштаб результативности совместной работы СМИ и НКВД по выявлению и искоренению скрытых «врагов народа». Аналогичным образом, если судить по материалам газеты, обстояли дела и в других районах Чечено-Ингушетии.

Анализ республиканской прессы показывает, что «разоблачения» носили групповой характер. Показательные процессы по ст. 58/8 и 9 отличались именно групповым составом участников и серьезностью обвинений. «Необходимость до конца распутать клубок шпионско-вредительской деятельности троцкистско-бухаринского охвостья, беспощадно выкорчевывать всю буржузно-националистическую агентуру» – таков был общий лейтмотив публикаций газеты «Грозненский рабочий». Аналогичным образом, судя по публикациям в «Правде», развивались события в различных районах Советского Союза. Обращает на себя внимание содержание, идентичность стилистики и названия статей.

Пропагандистская эйфория, достигшая в середине 1930-х гг. кульминации, представляла собой пример тотальной политизации страны. Правящая партия, имевшая в распоряжении мощнейший инструмент психологического воздействия, целенаправленно использовала данный ресурс для обоснования репрессивной политики. Эта задача значительно облегчалась тем фактором, что с первых лет существования советской власти возникла партийно-государственная монополия на средства пропаганды. Поставленная под контроль партийного аппарата периодическая печать была нацелена на создание устойчивого общественного мнения о существовании реального и хорошо законспирированного врага.

Развязанная в СМИ кампания по выявлению скрытых врагов народа идеологически обеспечила поддержку И.В. Сталину в его стремлении к установлению единоличной абсолютной власти. Общество, оказавшееся во власти навязанных стереотипов, невольно содействовало созданию атмосферы страха, покорности, взаимного недоверия, – отсюда и разросшееся до небывалого размаха доносительство.

Таким образом, в процессе становления и упрочения режима власть последовательно и целенаправленно применяла различные методы идеологического и законодательного обеспечения. В 1930-х гг. возросла роль СМИ, сформировавших нужный режиму общественный фон.

Примечания

1. О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока: закрытое письмо ЦК ВКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 101–115.

2. Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушниках // Грозненский рабочий. 1937. 29 марта.

3. Расстрелять фашистскую банду! // Грозненский рабочий. 1937. 26 января; Суровая рука закона сметет с лица земли троцкистскую нечисть // Грозненский рабочий. 1937. 27 января; Никакой пощады презренным врагам народа! // Грозненский рабочий. 1937. 28 января.

4. Никакой пощады врагам народа! // Грозненский рабочий. 1937. 27 января.

5. Сделаем страну неприступной крепостью // Грозненский рабочий. 1937. 4 июля.

6. Процесс антисоветского и правотроцкистского блока // Грозненский рабочий. 1938. 1–13 марта.

7. Никакой пощады изменникам Родины! // Грозненский рабочий. 1937. 8 марта.

8. Избиение стахановцев // Грозненский рабочий. 1937. 8 марта.

9. Леонов В. Ачхой-мартановские либералы // Грозненский рабочий. 1936. 4 января.

10. Колхоз в руках чужаков // Грозненский рабочий. 1936. 9 января.

11. По-большевистски бороться за нефть // Грозненский рабочий. 1936. 18 февраля.

12. Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы из УРС Грознефти // Грозненский рабочий. 1936. 26 сентября.

13. Кравченко. Чужаки в финотделе // Грозненский рабочий. 1936. 11 февраля.

14. Острейшее оружие большевистской партии (передовица «Правды» от 3 апреля) // Грозненский рабочий. 1937. 4 апреля.

15. И.Я. Очистить органы прокуратуры от вражьего охвостья // Грозненский рабочий. 1937. 5 октября; Иванов-Янус. В парторганизацию «Красный молот»// Грозненский рабочий. 1937. 20 октября и др.

16. Манцаева Т.Б. Политические репрессии в Калмыкии во второй половине 1920-х – 1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 2010. С. 97.

17. Обвинительное заключение по делу Абастова Магомеда, Кебиева Магомеда, Зармаева Салаутдина, Чондрикова Ахмада, Сулейманова Абузакара и Бексултанова Абдурахмана в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58, п. 7 и 11 УК РСФСР // Грозненский рабочий. 1938. 15 марта.

18. Егоров В.Г. Постановление бюро Чечено-Ингушского областного комитета ВКП(б) от 15–16 июля 1937 г. «О положении в Урус-Мартановском районе» // Грозненский рабочий. 1937. 20 июля.

19. Государственный архив Российской федерации. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 109. Л. 74.

20. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 167. Д. 50. Л. 184.

21. Кузовкин Н. Буржуазно-националистический клубок в Чечено-Ингушетии // Правда. 1937. 8 сентября.

22. Иванов Р. Враги чечено-ингушского народа: выкорчевать и до конца разгромить банду буржуазных националистов // Грозненский рабочий. 1937. 15 сентября; Славин И. Враги народа хозяйничают в Чечингиздате: волчью шайку возглавляет махровый националист Арсанукаев // Грозненский рабочий. 1937. 16 сентября; Разоблачить и разгромить подлую банду буржуазных националистов! – таков общий голос парторганизаций Чечено-Ингушетии // Грозненский рабочий. 1937. 17 сентября и др.

23. Гарный. Враг за столом ученого // Грозненский рабочий. 1937. 23 сентября.

24. Гориев Х. Злейшие враги чечено-ингушского народа // Грозненский рабочий. 1937. 5 октября.

В.М. Забелин

РАЗВИТИЕ РИСОВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ К 1940 г.

Рис является неотъемлемым продуктом нашего питания. Однако мы мало знаем о том, когда его стали выращивать на Северном Кавказе, какие применяли технологии. В данной статье попытаемся ответить на эти вопросы.

Первая попытка посева риса на Северном Кавказе была предпринята в начале XVIII в. в низовьях Терека при Петре I. В дальнейшем производственные посевы риса удалось довести до 3 тыс. га, однако развития рисосеяние не получило. После 1917 г. и Гражданской войны в регионе работали П.А. Витте и Б.А. Шумакова. На Моздокской и Кизлярской опытно-мелиоративных станциях (1927 г.) и позднее на Кубани (1930 г.) была доказана возможность успешного рисоводства в новых, более северных районах. В 1930 г. попытки выращивания риса проводились в опытно-мелиоративных пунктах СКОМСа (Персиановская, Кубанская, Кизлярская ОМС, Морозовский и Сальский опытно-мелиоративные участки). На основании исследований была выявлена возможность возделывания риса на Северном Кавказе [1]. В этот период выращивать рис на Северном Кавказе в промышленном объеме стали в Таловском рисовом совхозе Кизлярского округа, где в 1933 г. была построена оросительная сеть. Однако впоследствии совхоз прекратил свое существование.

Новая попытка промышленного производства была предпринята в 1936 г., когда колхоз «Восток» Советского района (Ставропольского округа, ныне Ставропольский край) посеял рис на 20 га и получил первый урожай 47,2 ц/га. В 1937 г. колхоз засеял рисом уже 80 га. Средний урожай в тот год составил 49,3 ц. В 1938 г. колхоз посеял 100 га риса и собрал урожай 48 ц/га [2].

Колхозники в тот период получали за трудодень по 9 руб. деньгами и 8 кг риса. За первые успехи по выращиванию риса в качестве поощрения и стимулирования работы колхоз «Восток» был приглашен на Всероссийскую сельскохозяйственную выставку, где был награжден дипломом II степени. Довольно неплохой урожай риса в колхозе вызвал интерес и в других колхозах станицы Советской. В 1939 г. всеми хозяйствами района рисом было засеяно 192 га.

По мнению агрономов, основным препятствием удачного выращивания риса в данном регионе было применение метода непрерывного орошения. Они его называли примитивным и указывали на недостатки: «Главные из них: расходуется огромное количество воды: почва теряет структуру и воздухопроницаемость; сильно затрудняется механизация сельскохозяйственных работ. Требуются также большие затраты на планировку площади под чеки и сооружения для регулирования воды. От недостаточной планировки в отдельных колхозах станицы Советской в этом году было крайне неравномерное затопление риса, и это снизило урожайность. Наконец, способ непрерывного орошения ограничивает возможность расширения площадей под рисом, так как он применим на сравнительно ровном и спокойном рельефе местности» [3].

Вместо непрерывного орошения агрономы предложили в качестве рационального метод периодического орошения, когда рис получает поливы через отдельные промежутки времени. Они отмечали чрезвычайную простоту предлагаемого метода, агротехника возделывания риса мало чем отличалась от агротехники других зерновых культур: «Основное требование – хорошо очищать поля от сорняков, не допускать посев риса на засоренных землях. Подготовка площади под рис та же, что и под орошаемую яровую пшеницу. Планировка площади и устройство поливных полос производится тракторными орудиями. Рис сеется в сухую землю вдоль полос тракторной рядовой сеялкой. Дальнейший уход заключается только в производстве поливов и прополке. За вегетационный период потребуется в среднем 18 поливов. Уборку риса при соответствующей площади можно производить комбайном» [4].

Метод периодического орошения плантаций, по мнению специалистов, мог дать широкие возможности расширения площадей под рисом во всем регионе. Предполагалось, что только на одной Терско-Кумской оросительной системе можно было полить до 1000 га риса. В тот период в Орджоникидзевском крае площадь орошаемых земель достигала 150 000 га. Из них под рис могли выделить не менее 5000 га, при существовавшей урожайности можно было собрать до 250 000 ц риса. Но для этого надо было провести ряд мероприятий. Предполагалось восстановить Таловский рисосовхоз, расширить посевы риса в пределах Ленинского канала, в пойме реки Куры и Терской системе. Для этого Крайводхоз совместно с управлением эксплуатации Терско-Кумской системы должен был запланировать посев риса в вышеуказанных местах и отвести под него лучшие незасоленные земли, организовать широкий производственный опыт с периодическим орошением риса в 1940 г., запланировать и подготовить площади к посеву в 1941 г. с учетом всех возможностей посева риса в крае.

Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и восстановление народного хозяйства создали предпосылки и для возобновления посевов риса. Посевы риса на Северном Кавказе в 1955 г. занимали 20,3 тыс. га, что составляло 14,8 % в общесоюзном масштабе и 67,8 % всех посевов риса в РСФСР.

Основными районами рисосеяния стали низовья Кубани и Дона. В меньшей степени оно было развито в низовьях Терека, на Ставрополье и в Дагестане. В 50-е гг. XX в. площади рисосеяния значительно расширились. Посевы риса на Кубани составляли 63,2 % всех посевов риса Северного Кавказа. На территории, ранее занятой плавнями, в низовьях Кубани была создана Кубанская оросительная система. Проводились работы по освоению новых земель в устьях Кубани, что дало возможность увеличить посевы риса в пять раз [5].

Таким образом, на Северном Кавказе после проведения исследовательских работ и первых опытов к 1940 г. сложились условия для успешного ведения новой отрасли зернового хозяйства – рисоводства.

Примечания

1. Тулякова З.Ф. Рис на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1973. С. 3.
2. Веселый В.С. Рис на Ставрополье. Ставрополь, 1952. С. 3.
3. Веселый В.С. Рис // Орджоникидзевская правда. 1940. № 5. 8 января. С. 3.
4. Там же.
5. Северный Кавказ. М., 1957. С. 120–121.

Р.Г. Тикиджьян, В.А. Бондарев

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАЧЬИХ РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ (вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.)

В научной литературе, посвященной прошлому казачества, период второй половины 1940-х – середины 1980-х гг. относится к числу наименее изученных. В советской историографии вопросы жизнедеятельности казаков Юга России в послевоенное время устойчиво игнорировались, поскольку данный предмет изучения утратил актуальность в глазах как представителей власти, так и ученых в связи с растворением казачьих сообществ в массе колхозного крестьянства. В постсоветской историографии не произошло кардинальных изменений в отношении интересующей нас темы. По существу, таковая нашла отражение лишь в новаторских работах Г.Г. Матишова, М.А. Рыбловой, А.П. Скорика и ряда других исследователей [1], которые, однако, могут рассматриваться только как первый шаг на пути обстоятельного научного анализа исторического пути донских казаков с середины 1940-х гг. до середины 1980-х гг.

Между тем исследование жизнедеятельности казаков Юга России и Северного Кавказа на протяжении послевоенных десятилетий, динамики их общественных настроений, трансформаций их культуры и быта представляет собой актуальную научную задачу. В частности, результаты такого рода исследований позволяют с бóльшим пониманием судить о характере и тенденциях процесса возрождения казачества, развернувшегося со второй половины 1980-х гг. В этой связи мы предприняли попытку дать обзор послевоенных десятилетий существования казаков, с момента окончания Великой Отечественной войны и вплоть до начала «перестройки» в середине 1980-х гг., которая стимулировала процессы возвращения казачьих общностей к активной общественно-политической жизни в регионах Юга России и Северного Кавказа. Прежде всего отметим, что содержание источников позволяет разграничить послевоенный период бытования казачьих сообществ на ряд качественно различных этапов. Ведущими критериями нижеизложенной периодизации выступают, во-первых, политика советского правительства в отношении казачества и, во-вторых, степень сохранения и выраженности казачьей субкультуры, которая при отсутствии у казаков особого социального статуса в колхозной деревне выделяла

их в массе колхозников и тормозила процесс их ассимиляции. На наш взгляд, эти этапы таковы:

1) вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.: в границах отмеченного этапа сохранялась инерция развернутого с середины 1930-х гг. политического курса, согласно которому казаков следовало выделять из состава колхозного крестьянства, поддерживать их культуру и традиции и т.д.;

2) 1950-е – начало 1960-х гг.: в данное время казачество как элемент советской действительности практически полностью исчезает из официальной риторики, продолжается процесс размывания казачьих сообществ в массе колхозного крестьянства;

3) 1960-е – первая половина 1980-х гг. – этап ускорения ассимиляции казаков среди городского и сельского населения СССР.

С 1945 г. основная масса казаков проживала в границах Ростовской и Сталинградской (с декабря 1961 г. – Волгоградской) областей, Ставропольского и Краснодарского краев, Чечено-Ингушской АССР. Установить точную численность казаков в данных областях в послевоенные десятилетия не представляется возможным из-за отсутствия соответствующих сведений в источниках и официальной статистике. Можно предположить, что численность казаков в послевоенное время была ниже, чем в середине 1920-х гг., когда прошла их единственная в советскую эпоху перепись. По переписи 1926 г. в тех округах Северо-Кавказского края, которые впоследствии оказались в границах Ростовской области (Донецком, Донском, Сальском, Таганрогском, Шахтинско-Донецком и др.), насчитывалось свыше 758,9 тыс. казаков обоего пола [2]. По всей видимости, численность казаков в Ростовской (а также и в Сталинградской) области в первые послевоенные годы не могла превышать уровень 1926 г. и постоянно снижалась на протяжении последующих десятилетий. Ведущими факторами отмеченной тенденции являлись не только тяжелые людские потери в Великой Отечественной войне, но и главным образом преобразования советской власти, которая уничтожила сословные перегородки, уравняв бывших иногородних и казаков и предоставив последним свободу выбирать, на кого они хотели бы учиться, кем хотели работать, где жить. Ликвидация сословности и возросшая социальная мобильность неуклонно сокращали численные параметры казачества, представители которого переставали считать себя казаками и пополняли ряды рабочих, колхозников, интеллигенции и т. д. По окончании Великой Отечественной войны казачьи сообщества еще сохраняли особый статус в составе колхозного крестьянства, который они полу-

чили во второй половине 1930-х гг., в рамках развернувшейся в то время политической кампании «за советское казачество». В первые послевоенные годы инерция этой кампании была достаточно сильна для того, чтобы по-прежнему трактовать «советское казачество» как особую группу населения колхозной деревни, которая уже не обладала какими-либо социально-экономическими привилегиями, но имела право хранить свой неповторимый этнографический облик и пропагандировать традиции и культуру. По закрепившейся с середины 1930-х гг. традиции в политических кампаниях, проводившихся в послевоенном СССР и имевших отношение к казачьим регионам, специально упоминалось о казаках и их верности советской власти. Ярким примером являются, в частности, торжества в связи с открытием Волго-Донского канала летом 1952 г. Так, кинооператор Б.Р. Небылицкий, не только снимавший на камеру эти торжества, но и запечатлевший свои наблюдения в изданной в 1958 г. книге, не единожды упоминал о донских казаках. О том же свидетельствуют и архивные материалы, часть которых была впервые введена в научный оборот А.П. Скориком. В частности, 27 июля 1952 г. в Цимлянском районе Ростовской области на районном стадионе состоялось празднество, начавшееся «парадом донских казаков». Были устроены скачки, рубка лозы, «концерт ансамбля песни и пляски донских казаков».

На протяжении 1950-х гг. политический курс в отношении казачества кардинально изменился. В правительственных кругах СССР возобладало мнение о том, что уже нет нужды выделять казаков из массы населения деревни, что их участь – раствориться в колхозном крестьянстве. Очевидно, что в основе данного мнения лежал целый ряд факторов и соображений, среди которых одним из важнейших представляется логическая несовместимость проказачьих мероприятий, с одной стороны, и стремления коммунистов к социальной унификации сельского населения – с другой. С момента развертывания сплошной коллективизации считалось само собой разумеющимся, что население деревни должно быть представлено только колхозным крестьянством, рабочими совхозов, сельской интеллигенцией и немногочисленными единоличниками, да и этим последним оставалось лишь вступить в коллективные или советские хозяйства либо же переселиться в город. Существование казачества, пусть и колхозного, противоречило духу социальной инженерии большевиков. Поэтому после смерти И.В. Сталина (при котором и развернулась кампания «за советское казачество»), вновь был взят курс на «окрестьянивание» казачества, на растворение казаков в массе колхозников.

Среди других факторов смены государственной политики в отношении казачьих сообществ Юга России выделим сохранявшееся в среде партийно-советской бюрократии недоверчивое и недоброжелательное отношение к казакам, которое существовало со времен Гражданской войны и лишь усилилось в связи с коллаборационизмом некоторой части казачества в период гитлеровской агрессии. Сыграло свою роль и то, что после Второй мировой войны, продемонстрировавшей неэффективность конницы в условиях современного боя, сохранение особого статуса казачества как резерва профессиональных кавалеристов уже не имело никакого практического смысла. После 1952 г. казаки постепенно исчезают из риторики официальных лиц Советского Союза. Это не означало, что умолчанию подлежала и история казачества. Советские ученые и деятели культуры многократно обращались к событиям казачьего прошлого, подчеркивая выдающуюся роль казачества в охране южных границ России, в войнах Российского государства (в частности, в отражении нашествия Наполеона в 1812 г., в Кавказской войне и др.), в народных движениях XVII–XVIII вв. Советские этапы истории казачества также не являлись для специалистов табуированными. В частности, в конце 1970-х гг. высокопоставленное партийное руководство сочло желательным создание Всесоюзной группы по изучению истории казачества. Как вспоминал известный российский и донской историк А.И. Козлов, назначенный руководителем этой группы, сразу же возникла необходимость проведения Всесоюзной научной конференции по соответствующей проблематике, которая и прошла осенью 1980 г. в Черкесске. В 1986 г. там же состоялась вторая конференция, а в 1990 г. в Нальчике – третья. Конференции были посвящены изучению вопросов положения и участия казачества в событиях 1917 г. и в Гражданской войне. Однако как элемент настоящего казаки в конце 1950–1970-х гг. практически полностью исчезают из научной и художественной литературы, кинематографа, средств массовой информации. Любопытное свидетельство о том, что высокопоставленные партийные функционеры в начале 1960-х гг. продолжали считать казаков контрреволюционерами и ожидали от них враждебных действий, связано с печально известными событиями в Новочеркасске в начале июня 1962 г., ряде республик Северного Кавказа.

Но единичные констатации продолжающегося существования донского казачества (как и других казачьих сообществ) не меняли сложившегося в обществе в постсталинский период доминировавшего представления о том, что казаков уже нет, что они стали неотличимы от

колхозного крестьянства. К концу 1960-х гг. казаки воспринимались не более чем некая уже практически неразличимая группа в составе колхозного крестьянства. Такого рода восприятие не было надуманным и вполне отражало действительность. С 1960-х гг. процесс размывания казачьих сообществ в массе колхозного крестьянства ускорился под влиянием ведущих тенденций в социально-экономической сфере СССР – урбанизации, минимизации различий между городом и селом и т. д. Традиционная культура казачества с 1960–1970-х гг. также стремительно теряла свои позиции, что было неизбежно в условиях глубоких изменений всего жизненного уклада советской деревни. Дополнительным ударом по культурным традициям стало развернувшееся при Н.С. Хрущеве очередное наступление на Православную церковь и верующих.

Вместе с тем в 1960-х – первой половине 1980-х гг. полного и окончательного исчезновения казачества Юга России не произошло. Процесс ассимиляции казаков тормозился рядом обстоятельств, среди которых отметим, во-первых, отражение в научной и художественной литературе, в кинематографе казаков как защитников Родины и борцов за свободу народа и, во-вторых, сохранение элементов традиционной казачьей культуры благодаря деятельности исследователей-энтузиастов и фольклорных коллективов. В советскую эпоху поощрялось развитие художественной самодеятельности, организующими центрами которой на селе выступали дома культуры, избы-читальни, колхозные клубы. На протяжении последующих десятилетий наряду с национальными ансамблями на Дону и Северном Кавказе существовали старые и возникали новые фольклорные казачьи хоры и ансамбли песни и пляски. В то же время функционирование самодеятельных коллективов способствовало сохранению и популяризации традиционной культуры. В свою очередь, устойчивость культурной традиции во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг. способствовала сохранению казачества Юга России и Северного Кавказа как этнографической общности [3].

Кроме того, во многих семьях сберегалась память о казачьем происхождении. Память о своих корнях прочнее всего держалась в тех семьях, старшие члены которых имели счеты к советской власти из-за того, что они или их родители (родственники) подвергались репрессиям либо раскулачиванию. Потомки казаков, поддержавших советскую власть, спокойно относились к растворению казачества в массе сельского и городского населения СССР. В определенной мере данное обстоятельство привело к тому, что, когда во второй половине 1980-х гг. началось возрождение казачества, в нем стали доминировать мотивы

не только реанимации традиций, но и антисоветского реванша. Однако преувеличивать устойчивость казачьих сообществ к ассимиляции нет оснований. К середине 1980-х гг. процесс растворения казаков в советском обществе зашел довольно далеко. Показательно, что даже в условиях продолжающегося казачьего возрождения не только не наблюдается быстрого увеличения численности казачества, но по-прежнему идет процесс «размывания сельского казачьего населения». В ходе Всероссийской переписи населения 2002 г. обозначили свою принадлежность к казачеству лишь 140 тыс. граждан Российской Федерации, в том числе 87,5 тыс. чел. в Ростовской области и 20,6 тыс. чел. в Волгоградской области (1,99 % от общей численности населения в этих областях). По переписи 2010 г. в Ростовской области причислили себя к казачеству уже только 29 682 чел. (0,71 % населения), в Волгоградской области – 18,5 тыс. чел. [4].

Таким образом, следует констатировать, что в послевоенном СССР казачество Юга России и районов Северного Кавказа трансформировалось по пути ассимиляции в структурах советского общества. Этот процесс был идеологически и политически мотивирован советским коммунистическим режимом, неказачьим и инонациональным окружением, но вместе с тем он являлся и объективно обусловленным. В условиях крушения социальных перегородок, возросшей социальной мобильности, урбанизации, укрепления колхозной системы казачество уже не могло существовать в своем традиционном виде. Поэтому, если во второй половине 1940-х – 1950-х гг. казачество еще представляло собой зримую этнографическую общность, то с 1960–1970-х гг. процесс растворения казаков в сельском и городском населении проходил быстрыми темпами. Тем не менее к середине 1980-х гг. ассимиляция еще не завершилась, что создало условия для возрождения казачества именно в традиционно казачьих областях и краях Юга России, а после распада СССР – и в республиках Северного Кавказа.

Примечания

1. Матишов Г.Г., Савельева О.С., Слюнина Е.Ю. Цимлянская плотина: последний аккорд расказачивания на Дону. Ростов н/Д., 2019; Рыблова М.А. Традиционная культура донских казаков в период социалистической модернизации // Стрежень: научный ежегодник. Вып. 11 / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград, 2013. С. 165–177; Скорик А.П. Донское казачество и сталинский план преобразования природы в начале 1950-х гг. // Российский Кавказ: исторический альманах (г. Пятигорск). 2012. № 1. С. 79–88.

2. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д., 1928.

3. Рудиченко Т.С., Рыблова М.А. Трансформации культуры казачества Юга России в XX в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград, 2014. С. 516–536.

4. Масалов А.Г. Движение за возрождение казачества: предпосылки и факторы возникновения, развития и институционализации // Очерки истории и культуры казачества Юга России / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград, 2014. С. 365–381.

Н.Н. Кравченко

ОСОБЕННОСТИ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ В РЫБКОЛХОЗАХ НИЖНЕГО ДОНА в 1960–1980-е гг.

Колхозное строительство, начавшееся в 1930-х гг. в СССР, активно развивалось и являлось основой социально-экономической сферы советского государства на протяжении всего его периода существования. Колхозы стали базой хозяйственно-экономической жизни в сельской местности и, по сути, сосредоточили в себе всю активную деятельность сельских жителей. Подобное было характерно и для Донского края, который традиционно выступал в качестве сельскохозяйственного региона с развитым аграрным и животноводческим сектором. Практически каждое село, хутор и станица так или иначе были заключены в рамки колхозов, а многие жители стали их членами, что не могло не отразиться на их социально-экономической и повседневной жизни. Поэтому весьма важно при обращении к различным аспектам социальной истории, в частности исследованиям по микроистории, таким как повседневная жизнь, история семьи, гендерные исследования и другие, учитывать условия, в которых проживали и трудились люди в определенный период. И если говорить о второй половине XX в., а именно о 1960–1980-х гг., то изучение деятельности и развития колхозов в этот период дает наиболее ценные сведения для реконструкции и анализа повседневной жизни сельского населения. Эта проблематика нашла свое отражение в работах многих отечественных исследователей, среди которых В.В. Наухацкий, Т.К. Щеглова и др. [1].

В данной статье мы обратились к территории Нижнего Дона, а именно самой низовой ее части – дельте Дона. В хуторах и станице Елизаветинской Азовского района Ростовской области действовали рыболовецкие колхозы, что было связано с традиционными занятиями местного населения и обусловило специфику их устройства и функционирование. Основной группой источников данного исследования являются материалы интервью, проведенных автором в 2018–2019 гг. с коренными жителями в населенных пунктах Азовского района, а также материалы Фонда № 198 «Азовский сельский РК КПСС» Центра документации новейшей истории Ростовской области.

Рыболовная промышленность в СССР, хоть и не была основополагающей в сравнении с аграрным и животноводческим сектором, но занимала определенную важную нишу в сельском хозяйстве и активно развивалась с начала 1930-х гг. Не случайно в дельте Дона, которая с древнейших времен славилась своим рыбным промыслом, с приходом советской власти ставка была сделана именно на эту отрасль. К началу 1960-х гг. здесь действовали 4 больших рыбколхоза (далее – р/к): в хуторе Донском и селе Кагальник – рыбколхоз им. Ильича, в х. Рогожкино – «Тихий Дон», в хуторах Дугино и Обуховка – рыбколхоз им. Чкалова, в х. Курганы – им. Ленина. Они подчинялись Ростовскому рыбакколхозсоюзу. Помимо этого в х. Обуховка была создана Елизаветинская судоремонтная тракторная станция (СРТС), обеспечивающая ремонт, строительство и базирование рыболовецких судов и другой сельскохозяйственной техники.

Важно отметить, что в рыбколхозах было занято подавляющее большинство мужского населения хуторов. Работа на рыболовецких тонях была достаточно трудна, сопряжена с тяжелым физическим трудом, к тому же весь календарный год колхозники были вынуждены заниматься и другими видами работ. Всё это не могло не наложить отпечаток на формирование образа жизни и повседневности в хуторах во второй половине XX в.

Основу деятельности рыбколхозов составляла рыбная ловля в реке Дон, иногда с выходом в Азовское море и Керченский пролив. В течение года существовало два периода рыбной ловли: «путина» осенняя и весенняя, с перерывом в мае, когда вылов был запрещен в связи с нерестом рыбы, а также летних месяцев, когда основные работы сосредоточивались на уборке урожая и подготовке снастей и судов к новому сезону. Во всех рыбколхозах было распределение по бригадам; основу, конечно же, составляли рыболовецкие бригады. Так, например, в р/к им. Чкалова

работало 4 бригады по 40 человек каждая, членами которых являлись рыбаки из числа коренных жителей, владеющие и занимающиеся данным промыслом начиная с ранних лет, перенимавшие опыт и навыки из поколения в поколения. Некоторые бывшие рыбаки колхоза отмечают, что войти в состав рыболовецкой бригады было не так-то и просто, эта работа считалась почетной и, что в большей степени важно, прибыльной [2]. В дополнение к зарплате, выдававшейся деньгами, колхозникам полагался пай рыбы в зависимости от величины улова. Полученная рыба при успешной ее реализации на рынках давала немалый доход семейному бюджету.

В каждой рыболовецкой бригаде были своя внутренняя структура и распределение функций между членами. Помимо непосредственно рыболовецких бригад существовали команды механизаторов рыболовецких судов, в число которых входили капитан судна, помощник капитана, радиооператор [3]. Данные суда помогали в вылове и транспортировке добытой рыбы на приемные пункты.

С середины 1960-х гг. был взят курс на освоение и развитие рыбоводства и искусственного разведения рыбы. При рыбколхозах стали строить большие прудовые хозяйства, которые должны были пополнять речные запасы рыбы и обеспечивать стабильные поставки на потребительский рынок [4]. Некоторые из них функционируют и сегодня. Многие члены рыболовецких бригад стали дополнительно трудиться и на прудах.

Однако помимо рыболовного промысла в ведении рыбколхозов находилось и подсобное хозяйство, которое также приносило доход. Так, например, в рыбколхозах правобережья Дона – им. Чкалова и им. Ленина – существовали полеводческие бригады, которые занимались выращиванием овощных и бахчевых культур (арбузы, дыни, помидоры, огурцы, кукуруза, подсолнечник), а также злаковых (просо, рожь, пшеница). Обработкой бахчи занимались члены рыболовецкой бригады, которые в летний период не занимались выловом рыбы, а сосредотачивались на полевых работах и заготовке сена. За каждым рыбаком закреплялся определенный участок для прополки, который он обрабатывал совместно с членами своей семьи [5]. Стоит отметить, что колхозникам, кроме колхозных участков, полагался пай земли, на котором они могли высаживать овощные культуры для собственного потребления, и, по рассказам респондентов, именно с этих участков урожай давал наибольшие показатели [6]. Это обеспечивало запасы для пропитания семьи на холодный период года.

В рыбколхозах также существовали животноводческие фермы, где разводили в основном крупный рогатый скот для производства молока и мяса. Кроме того, выращивали лошадей и волов, которые выполняли важные функции транспорта и тягловой силы, что особенно было актуально в условиях неналаженной дорожной инфраструктуры вплоть до 1980-х гг.

Отдельно были созданы строительные бригады, занимающиеся возведением, ремонтом и обслуживанием инфраструктуры в рыбколхозах, находящейся в ведении правления. Помимо благоустройства на местах производства (рыболовецкие тони, скотные дворы, фермы и другие), в 1980-е гг. велось широкое строительство индивидуального частного жилья для работников рыбколхозов и их семей.

Как и в целом по стране, рыбколхозы участвовали в социалистических соревнованиях за большие производственные показатели, выражавшиеся в стремлении увеличить улов рыбы. Победивший рыбколхоз награждался переходящим красным знаменем в виде бархатного флага, а отличившиеся рыбаки – почетными грамотами [7].

Если говорить об успехах производства, то в большинстве случаев из годовых отчетов 1960-х гг. первичных партийных организаций рыбколхозов видна демонстрация выполнения и перевыполнения плана по добыче рыбы [8]. Бывшие колхозники р/к им. Чкалова до сих пор с гордостью вспоминают и подчеркивают звание их колхоза-миллионера [9]. В целом доходность колхозов и материальное положение его членов были на достаточно хорошем уровне как за счет официального заработка, так и за счет теневого сектора (присваивание и хищение излишков рыбы, браконьерничество) [10]. О благосостоянии может косвенно свидетельствовать большое количество бытовой техники и электроники, которое могли себе позволить приобрести хуторяне уже в начале 1970-х гг. [11].

Управление рыбколхозами осуществлялось по классической схеме. Во главе стоял председатель колхоза, в изучаемый период р/к им. Ленина возглавлял А.Ф. Середин, р/к им. Чкалова – В.Н. Ракша, р/к «Тихий Дон» – Н.Е. Самсонов, р/к им. Ильича Н.Т. Костылев [12]. Все производственные и иные вопросы жизни рыбколхозов решались на ежемесячных партийных собраниях, поскольку, как правило, председатель и бригадиры являлись членами партии. Иногда на заседаниях присутствовали и рыбаки, не являющиеся коммунистами. Кстати говоря, количество партийных из общего числа колхозников на начало 1960-х гг. составляло около 25 %, но эта цифра на протяжении последующих 20 лет неуклонно росла. Партийное собрание играло важную роль, так

как на нем заслушивались доклады и отчеты за кварталы и прошедший месяц, оценивались успехи и недостатки, намечался курс и список дел на ближайший месяц, разбирались персональные дела и проступки отдельных товарищей. Основная же функция первичной партийной организации состояла в проведении общего политического, идеологического и социально-экономического курса, избранного ЦК КПСС, на местах и в донесении и исполнении всех постановлений и поручений, спущенных «сверху». Именно на основе этого и выстраивалась работа рыбколхозов, а значит, и его членов, да и всех остальных жителей хуторов дельты Дона.

В целом стоит отметить, что развитие рыбколхозов в 1960–1980-х гг. привело к их становлению как эффективных многоотраслевых хозяйств, в которых доминировал рыболовный промысел, однако и остальные секторы сельского хозяйства, такие как овощеводство, животноводство и другие, занимали важное место, что позволяло обеспечивать население хуторов всеми необходимыми продуктами питания, а также способствовало увеличению доходов колхозной казны. Высокие показатели рыболовного промысла позволяли использовать излишки рыбы для собственного потребления и частных продаж, что способствовало быстрому накоплению денежных средств и сравнительно высокому уровню материального положения колхозников дельты Дона. Это открывало для них различные горизонты и возможности в рамках советского времени. Главной чертой этого периода, пожалуй, являлось то, что рыбколхоз занимал основополагающее место в жизни хуторян, а их повседневная жизнь зависела и выстраивалась вокруг деятельности колхозов.

Примечания

1. Наухацкий В.В. Наемный труд в колхозах и совхозах в 1950–1980-е годы: правовой и институциональный статус. Ростов н/Д., 2007; Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: устная история. Барнаул, 2008.
2. Материалы исторического интервью (далее – МИИ) № 7. Информатор Кравченко Н.А. 1961 г.р., записано 10 мая 2019 г. Личный архив автора.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 198. Оп. 9. Д. 29. Л. 191.
4. Там же. Оп. 7. Д. 18. Л. 1–3.
5. Там же. Оп. 1. Д. 261. Л. 22.
6. МИИ № 1. Информатор Назаренко Н.Т. 1941 г.р., записано 27 апреля 2018 г. Личный архив автора.

7. ЦДНИРО. Ф. 198. Оп. 9. Д. 29. Л. 191.
8. Там же. Оп. 1. Д. 250. Л. 95; Оп. 7. Д. 16. Л. 26.
9. МИИ № 1. Инф. Назаренко Н.Т. 1941 г.р.
10. ЦДНИРО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 255. Л. 24.
11. Там же. Оп. 9. Д. 29. Л. 186, 192.
12. Там же. Оп. 8. Д. 19. Л. 43–45.

РАЗДЕЛ 3. СОВРЕМЕННЫЙ КАВКАЗ МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ И МОДЕРНИЗАЦИЕЙ

А.Ю. Шадже

СЕВЕРОКАВКАЗСКОЕ ОБЩЕСТВО: «ТОЧКИ РОСТА НОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ» В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Изучение современной глобализации и модернизации в России приобретает теоретическую и практическую актуальность, поскольку модернизационные процессы важно направить на инновационное развитие российского общества и открыть новые возможности, «точки роста новых ценностей» (В.С. Степин) для развития российских регионов. Этим положением и продиктована цель данной статьи – рассмотреть возможности выявления базисных ценностей, новых смыслов инновационного развития северокавказского общества в рамках междисциплинарной методологии.

В советский период и в постсоветское время Кавказ находился в поле внимания как ученых, так и политиков. На международном уровне западные политологи-футурологи, рассматривая цивилизационное пространство России, зачастую не находили место народам Кавказа (З. Бжезинский). В исследовательской практике отечественных кавказоведов доминирующим положением оставался вывод о том, что причиной конфликтности на Кавказе, в частности и на Северном Кавказе, является полиэтничность. Позже актуализируется тезис о неизбежном столкновении цивилизаций в регионе.

В условиях модернизации акцент смещается в пользу сохранения исторически сложившихся традиций кавказских народов, их возрождения и сохранения. В рамках цивилизационной концепции делаются попытки построения теории локальных цивилизаций, например кавказ-

ской цивилизации. Тезис о неизбежности конфликта цивилизаций на Северном Кавказе опровергается, и вопрос трансформируется в диалог цивилизаций.

Представляется важным вспомнить активно проходившие научные дискуссии о соотношении этнического и конфессионального в регионе, остающиеся по сей день актуальными в современном кавказоведении. Активизируются вопросы «реисламизации» и «ретрадиционализации» в социуме. Заметим, что перечисленные и другие вопросы – социально-экономические, политические, геополитические и др. – остаются злободневными для рассматриваемого региона и нуждаются в дальнейшем комплексном исследовании.

Однако в условиях усложняющейся реальности следует обратить внимание на роль и значимость базисных ценностей, которые могут открыть новые возможности в инновационном развитии общества. На наш взгляд, таковыми являются культура и образование, нуждающиеся в социокультурном осмыслении. Это обусловлено, по крайней мере, двумя положениями. Первое связано с тем, что характер обозначенных объектов изменился в современной науке, они представляют собой сложные саморазвивающиеся системы. Из этого вытекает второе – ограниченность классических и неклассических методов исследования таких сложных систем, как общество, культура, образование и др. Поэтому востребованным является междисциплинарный методологический подход – неклассические методы, дополняющие классическую и неклассическую методологию.

Культура в инновационном развитии полиэтничного общества. В первую очередь следует отметить необходимость осмысления инновационного развития северокавказского общества через культурно-цивилизационный дискурс. При рассмотрении смысла социокультурного пространства социума, говоря словами Г. Риккерта, «невозможно обойтись без ценностей, обнаруживающихся в совершенном настоящем личного существования, и что поэтому они по праву требуют себе места в системе» [1].

Известно, что в развитии социума/региона марксизм отводил экономическому фактору определяющую роль. Однако тезис о первичности экономики без учета культуры и политики оказался не результативным. В этом вопросе концепция культурного детерминизма М. Вебера себя оправдывает в большей мере. Между тем следует сказать, что в условиях модернизации она нуждается в обобщении.

Модернизационная теория утверждает культ инновации/новизны без учета прошлого опыта, разрывает все связи с традицией: «Касаясь тезиса об игнорировании теорией модернизации культурного многооб-

разия исторического процесса, следует иметь в виду, что само понятие “многообразие” диалектично. “Множество образцов” имеет место только там, где есть определенное единство. За единство отвечает модернизация, за множество – ее различные культурные проявления. Вопрос же совмещения тезиса о культурном многообразии с теорией модернизации – это вопрос не мифической “самобытности”, а строгого теоретического разграничения общества и культуры, определения онтологического статуса культуры и ее роли в процессе модернизации» [2].

Культура представляет собой сложную саморазвивающуюся систему, элементами которой являются знания, навыки, ценности, воззрения, усвоенные в данном обществе и передающиеся из поколения в поколение. В том или ином обществе экономическая система располагает соответствующей культурной системой, на которую она опирается. В таком обществе усвоены культурные ценности, определенные нормы и правила. При их отсутствии власти навязывают обществу такие ценности. На языке синергетики это такое силовое вмешательство, которое может разрушить систему «общество». Поэтому важно отметить, что саморазвитие системы можно и нужно направлять. В вопросе взаимодействия культуры и экономики мы следуем тому, что «взаимосвязи между экономикой с одной стороны и культурой и политикой с другой носят взаимодополняющий характер, как это происходит в отношении различных систем биологического организма» [3].

Модернизация современного общества и его инновационное развитие должно рассматриваться в контексте его истории (в рамках исторически сложившегося социокультурного пространства и времени). Достаточно вспомнить из истории Российского государства, что могут сделать радикальные реформы. Могут ли они способствовать развитию общества или будут тормозить его? П. Сорокин впервые сформулировал четыре необходимых признака радикальных преобразований, которым предшествовали уроки четырех российских реформ: 1861, 1906, 1918 и 1921 гг. На первое место он поставил соответствие содержания реформ и возможности их применения к развитию общества, менталитету народа, его представлениям о желаемой цели, добре и зле. Руководствуясь этим положением, можно дать однозначный ответ на вопрос: почему программы экономического развития нашей страны «100 дней», «500 дней», концепция догоняющей модернизации оказались неэффективными.

Практика показала, что в инновационном развитии в качестве эталона мы не можем руководствоваться западными или восточными об-

разцами, поскольку доминирующими остаются социокультурные особенности общества, менталитет и культурные ценности. По словам В.С. Степина, «сегодня ускоренные темпы социального развития многое меняют в культуре и жизнедеятельности людей. Ряд базисных ценностей техногенной цивилизации проблематизируется, возникают точки роста новых ценностей, открываются новые перспективы диалога культур. Их надо отследить, выявить и посмотреть, насколько они жизнеспособны, какие последствия могут вызвать» [4]. Новые смыслы могут формироваться в науке, культуре, образовании и в других сферах, они могут «определить стратегию развития цивилизации».

Рассмотрение инновационного развития полиэтнического общества имеет свои особенности, поскольку встают вопросы о возможности совмещения культурной самобытности, этнокультурных ценностей с развитием. Отметим, что в условиях современности происходит модернизация традиций и традиционности в социокультурном пространстве традиций: те традиции, которые могут развиваться в будущем, являются основой инновации. Иными словами, значима «самобытность, устремленная в будущее» (Р. Инглегарт). В контексте рассматриваемой проблемы теоретический и практический интерес представляют инновационные ценности, возникающие в полиэтничных регионах.

Инновационное образование на примере Республиканской естественно-математической школы в Адыгее. Нами предпринималась попытка рассмотрения образования в условиях вызовов новой реальности на опыте работы Республиканской естественно-математической школы в Адыгее [5]. Государственная бюджетная организация дополнительного образования Республики Адыгея «Республиканская естественно-математическая школа (РЕМШ)» является некоммерческой организацией, которая была создана в 1998 г. для достижения образовательных, научных, социальных и культурных целей, направленных на удовлетворение духовных и иных нематериальных потребностей граждан в сфере образования. Директор школы Мамий Дауд Казбекович – кандидат математических наук, доцент, ректор Адыгейского государственного университета (АГУ). Школа была создана в 1998 г. как Республиканская физико-математическая школа при Адыгейском государственном университете. В 2015 г. она переименована в государственную бюджетную организацию дополнительного образования Республики Адыгея «Республиканская естественно-математическая школа».

Обучение ведется по следующим направлениям: математика, физика, астрономия, компьютерные науки, химия и биология в системе

довузовской подготовки. В школе разработаны уникальные технологии многоуровневого углубленного получения знаний, позволяющие мыслить, удивляться многим вещам, находить им объяснение: «РЕМШ применяет уникальные формы работы, ориентированные на пробуждение у школьников интереса к математике как науке» [6].

РЕМШ является в республике основным центром по работе с математически одаренными учащимися и занимает в этой области одну из ведущих позиций на юге России. При создании РЕМШ учитывался многолетний опыт школы им. А.Н. Колмогорова по отбору и обучению талантливых школьников. Одной из основных особенностей РЕМШ является ее тесная интеграция с Адыгейским госуниверситетом.

Дауд Казбекович считает, что свой стиль мышления в некоторой степени перенял у педагогов, повлиявших на его становление: отца Казбека Мамия, учителя математики Елены Волковой и научных руководителей в МГУ – Владимира Арнольда и Алексея Филиппова: «Это были великие учителя. Владимир Арнольд, выдающийся математик XX в., сформировал эстетическое отношение к математике. Он умел показать красоту математических образов. Эта наука в некоторой степени сродни искусству. Когда решаешь сложную задачу, получаешь эстетическое удовольствие. Эту красоту я стараюсь раскрыть и своим ученикам» [7].

Особенности и впечатляющие результаты школы. Новый подход к образованию в этой школе можно назвать на языке синергетики пробуждающим обучением. Пробуждающее образование характеризуют следующим образом. Современное обучение в школе и в вузе – это не передача знаний, как эстафетной палочки. Это синергийная связка учителя и ученика. Это создание условий, при которых становятся возможными процессы порождения знаний учителем, это творчество учителя. Это такая нелинейная ситуация, когда учитель и ученик начинают в процессе совместной активной работы жить в одном темпомире. Здесь формируется нелинейный диалог между учителем и учеником [8].

Важно отметить, что такое сотрудничество формирует сложное/нелинейное мышление. Такое мышление открывает учителю и ученику новое миропонимание, мироощущение, формирует новые ценностно-мировоззренческие ориентиры. Совместное сотворчество учителя и ученика на основе новых образовательных методов направлено на творческий поиск ученика, а учителя – на креативный подход к образованию.

Плодотворное сотрудничество сложилось у школы со специализированным учебно-научным центром МГУ, Всероссийским детским центром «Орленок», где с 2005 г. при поддержке Министерства образова-

ния и науки РФ РЕМШ реализует проект «Всероссийская смена “Юный математик”», и образовательным центром «Сириус». Учитывая заслуги школы в подготовке школьников, Министерство образования и науки РФ включило РЕМШ в программы презентации российского математического образования на Международных конгрессах по математическому образованию, которые состоялись в 2004, 2008, 2012, 2016 гг. В первом олимпиадном рейтинге, подготовленном сайтом Olimpiada.ru и Московским центром непрерывного математического образования (http://info.olimpiada.ru/article/583), Адыгея занимает второе место после Севастополя по количеству победителей и призеров всероссийской олимпиады школьников на 100 тыс. человек за 2012–2016 гг. среди всех регионов Южного и Северо-Кавказского округов.

В 2013 г. открыт Республиканский центр дистанционного образования, задачей которого является развитие и поддержка работы системы дистанционного образования в республике. Созданы элементы образовательной сети, включающей в себя портал, содержащий образовательный контент по программам дополнительного образования; систему видео- и конференц-связи для проведения занятий в режиме видеотрансляции. Сетевое взаимодействие позволило консолидировать научные, образовательные, информационные и другие ресурсы для создания системы эффективной работы с учащимися.

Опыт работы школы, кадровый потенциал, впечатляющие результаты, образовательные ресурсы, признание работы школы на федеральном уровне дали возможность для успешной реализации еще одного большого инновационного проекта «Полярис-Адыгея», который нацелен на выявление и поддержку одаренных детей. Региональный центр, открытый в 2019 г., стал продолжением сотрудничества Республики Адыгея с детским образовательным центром «Сириус», который был создан президентом РФ В.В. Путиным. Центр «Полярис-Адыгея» создан и будет работать совместно с РЕМШ, Адыгейским государственный университетом, Майкопским государственным технологическим университетом и имеет хорошие ресурсы и методическую поддержку. В его работе используется опыт образовательного фонда «Талант и успех».

Д.К. Мамий, говоря о стратегии развития регионального центра, отметил, что работа центра «Полярис-Адыгея» будет строиться на основе имеющегося регионального опыта образовательных учреждений, ведущих спортивных школ и учреждений культуры: «Мы будем обучать детей по трем направлениям – наука, спорт и культура. По каждому из них в Адыгее сформированы свои системы подготовки, которые действуют

самостоятельно. Мы органично соединим все три направления. Привлечем к их деятельности известных ученых, педагогов, спортсменов» [9].

Важно отметить, что к работе центра привлекаются эксперты, налажено сотрудничество с МФТИ, Математическим институтом имени В.А. Стеклова РАН, специальной астрофизической лабораторией РАН. В Адыгее имеется опыт международных проектов, которые успешно тиражируются в других регионах. Таким образом, новые методы образования, создание и работа регионального центра «Полярис-Адыгея» нацелены на самореализацию детей и молодежи, на формирование культуры мышления, личности, востребованной в условиях нового времени.

Осмысливая некоторые пути выявления базисных ценностей в инновационном развитии полиэтничного региона, представляется возможным отметить ряд теоретических и практических положений.

1. Усложняющаяся реальность диктует необходимость поиска «новых точек роста новых ценностей», которые могут способствовать инновационному развитию регионального сообщества. В этой связи представляется целесообразным обратиться к сложным системам «культура» и «образование», которые нацелены на формирование будущего страны и региона.

2. Модернизация социокультурного пространства полиэтничного региона представляет собой сложный противоречивый процесс. В современном модернизирующемся обществе необходимо и значимо признание культурного фактора, без учета которого не представляется возможным инновационное развитие. Поэтому есть смысл использовать конструктивный потенциал этнических культур региона.

3. В современных условиях информационной эпохи и активизирующейся глобализации проблема инновационного образования предстает не только как междисциплинарная стратегия, но и как важная составляющая формирования духовности. В РЕМШ и региональном центре «Полярис-Адыгея» решается двуединая задача – получение образования и формирование личности; интеграция естественнонаучного и гуманитарного образования. Формирование духовности происходит на основе математического образования, которое осуществляется на принципах простоты, красоты и эвристичности. Здесь представляется возможным говорить о культурной составляющей образования.

4. Еще один важный аспект рассматриваемой проблемы связан с использованием возможностей и перспектив культуры и образования в области политики и практики формирования национальной идентичности. «Использование культурных, образовательных, медиа “каналов” для продвижения этой идеи может стать главным механизмом формирования и укрепления национальной российской идентичности» [10].

Примечания

1. Риккерт Г. О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 382.

2. Трубицын Д.В. Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 55.

3. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1990. С. 267.

4. Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 26.

5. Шадже А.Ю., Мамий С.З. Образование в условиях вызовов новой реальности // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 57–65.

6. Мамий Д.К. Обучение математике в системе довузовской подготовки // Высшее образование в России. 2011. № 2. С. 91.

7. Филонова Т. Математика в некоторой степени сродни искусству: когда решаешь сложную задачу, получаешь эстетическое удовольствие // Советская Адыгея. 2017. 27 октября.

8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002. С. 280–291.

9. Перспективы университета [интервью Д.К. Мамия] // Адыгейский государственный университет. URL: https://www.adygnet.ru/about_the_university/news/852/ (дата обращения: 19.07.2019).

10. Куква Е.С. Образование в ресурсе национальной консолидации // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 4. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/478 (дата обращения: 19.07.2019).

О.В. Семенова

КАВКАЗСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ[1]

В 90-е гг. прошлого века, после распада Советского Союза, в Северо-Кавказском регионе сложилась крайне сложная и противоречивая этнополитическая обстановка. В российском общественном сознании

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 г. по теме «История и культура народов Юга России: между традицией и модернизацией» (№ госрегистрации АААА-А19-119011190182-8).

складывался образ Северного Кавказа как области межнациональной напряженности, сепаратистских устремлений и исламского фундаментализма. Отчасти данные представления основывались на реально происходящих событиях, однако эти события были инициированы. А потому можно предположить, что утверждение о Северном Кавказе как постоянно конфликтном регионе не отражает ситуацию в полной мере и является односторонним. Северный Кавказ является интегрированной частью общероссийского этнокультурного и социально-политического пространства, ему присущи специфические традиции межкультурного взаимодействия, которое будет тем более успешным, чем более тщательно политики смогут учитывать особенности северокавказского цивилизационного сознания.

Массовые миграции горцев на равнину, начавшиеся с конца XVII в., а позже Кавказская война и принудительные переселения спровоцировали изменение традиционной ментальности. Политизация этнического фактора в 1990-е гг. породила серьезные конфликты на Юге России, последствия которых отражаются и на динамике цивилизационного сознания. Среди факторов, оказывающих влияние на эту динамику, отметим отток русского населения из республик Северного Кавказа, разный уровень социально-экономического развития этих республик, высокий уровень безработицы в стране, высокую миграционную активность кавказских народов.

Наряду с ситуацией внутри северокавказского региона на рассматриваемую проблематику влияет сложная обстановка вокруг представителей кавказских этносов в других российских регионах, обусловленная массовой миграцией «кавказцев» в последние десятилетия, локальной концентрацией расселения мигрантов, а также их относительно низкой степенью ассимиляции, что нередко воспринимается местным населением как чуждость.

Для лучшего понимания современных тенденций развития региона представляется целесообразным кратко осветить основные демографические, миграционные, социально-экономические показатели.

В Северо-Кавказском регионе на рубеже XX–XXI вв. проживало 17,8 млн человек [1]. Титульные народы составляют большинство населения, то есть свыше 50 %. Наиболее крупный по численности массив исторически «некоренного» населения образуют русские. С распадом Советского Союза каждое независимое государство и республика стали развиваться по-своему, испытывая тем не менее сходные противоречия и трудности переходного периода, обусловленные прежде всего воо-

руженными конфликтами и повсеместным социально-экономическим спадом.

Многонациональный характер Северного Кавказа определяет ряд специфических моментов в проявлениях цивилизационного сознания народов региона. Его многоуровневое строение допускает неконфликтное совмещение различных идентичностей как этнического, так и гражданского характера. Эта сложная структура потенциально способна обеспечить стабильность в регионе, поскольку ослабляет архаизирующее давление этнонационализма на общественную жизнь и не позволяет радикальным формам этнонациональной мобилизации обрести устойчивый массовый характер. Материалы социологических исследований показывают, что многие конфликтогенные вопросы являются таковыми лишь в официальной риторике и средствах массовой информации. Например, можно согласиться с Ю.В. Арутюняном относительно преувеличения значения национального фактора, роли экстремистских течений ислама в жизни народов Северного Кавказа [2].

Специфика менталитета народов Северного Кавказа по-прежнему основывается на установках традиционного общества, прежде всего – устойчивости родственных и социальных сетей, потребности в авторитете и уважении старших, определенном фатализме, ориентации на общественное мнение, зависимости от мнения родственного клана и окружающих.

Благодаря этому у большинства представителей народов Северного Кавказа отсутствуют яркие выражения ценностного диссонанса. Поскольку они идентифицируют себя как представителей общества, сильного своими традициями, они понимают и воспринимают регулятивные особенности собственной жизни, необходимые для сохранения традиционных паттернов поведения.

Однако влияние модернизационных процессов в социокультурной сфере, бесспорно, возрастает. Наиболее заметные метаморфозы происходят в распределении гендерных ролей. Все больше женщин посвящают себя профессиональной карьере, возрастает их роль в материальном обеспечении семьи, изменяется сексуальное поведение, становятся возможными ранее практически немыслимые вещи, например, заведение ребенка без официального замужества. Самые отчетливые перемены происходят в сфере занятости, возрастают требования к квалификации, эффективности профессиональной деятельности. Как и во всем мире, это оттесняет семейно-родственные связи и национальную принадлежность индивидуума на второй план. При этом большинство жителей региона

продолжают считать, что в главном традиционные ценности сохраняют свое влияние на принципиальные аспекты их поведения и быта [3].

Наличие множества языков и диалектов в регионе обуславливает сохранение роли русского языка как главного инструмента межличностной коммуникации. Этот фактор в значительной степени способствует сохранению влияния русской культуры. Сохраняется более высокий авторитет образования, особенно высшего, полученного в городах европейской части России, по сравнению с вузами своей республики. По наблюдениям автора, градация престижности образования в России среди кавказской молодежи строится так: наиболее престижны вузы Москвы, затем Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и т. д. На сегодняшний день основная часть учебной и научной литературы существует на русском языке, поэтому, как показывают результаты исследований [4], более высок профессиональный уровень у специалистов, учившихся в русской школе и вузе, читающих художественную и научную литературу на русском языке.

В сфере межэтнических отношений заметную роль играет национально-клановое разграничение в экономической, административно-управленческой и родственной сфере. Наиболее известен пример Дагестана, где между представителями элит крупных этносов республики поделены административные и силовые ведомства (не только руководящие посты, но и большинство должностей занимают соплеменники), предприятия и направления бизнеса.

Возрастает влияние ислама на социокультурное развитие субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе, хотя религия не стала безусловной доминантой общественной жизни. Зачастую религиозный фактор рассматривается как ограничитель потребления алкоголя и наркотиков.

В менталитете представителей различных этносов Северного Кавказа становится доминирующей региональная идентичность. Национальная принадлежность оказывается более узкой, локальной характеристикой, которая имеет значение внутри республик, выезд же в Европейскую Россию снимает этнические барьеры и формирует понимание единства кавказских народов в силу близости ценностно-нормативных и мировоззренческих черт. Даже русские, эмигрировавшие из кавказских республик, зачастую ощущают себя на исторической родине «кавказцами», поскольку интериоризировали соответствующие паттерны поведения.

По мнению исследователей, кавказский менталитет, общие духовные ценности порождены кавказским образом жизни и включают в себя такие черты, как искусство диалога или умение слушать и, советуясь со

старшими по возрасту, находить компромиссные решения; идеи гуманизма, доброжелательства в содержании кавказских обычаев и норм поведения; идеи чести, справедливости, мужества, особого отношения человека к достоинству, правде и свободе [5]. Таким образом, «кавказскость» оказывается категорией, выражающей социальную идентичность, которая формируется в исторически сложившейся социокультурной среде Кавказа [6].

В рамках понятия «кавказец» выделяется более локальное идентификационное понятие «северокавказец», которое основано на близких социально-психологических установках и общей социокультурной базе – «сходных проявлениях жизнедеятельности северокавказских этносов, взаимооткрытости этнических границ и культурно-исторической общности, выходящей за пределы отдельных этнических групп» [7].

Характерно, что в идентификационном комплексе жителей региона наблюдается отнесение себя к более широкой общности. В случае с Северным Кавказом это, очевидно, все российское общество.

Решение современных проблем северокавказского региона, по-видимому, пролегает через реализацию комплексной программы радикальных преобразований во всех значимых сферах жизни Южного федерального округа, в том числе социальной и культурной. Один из вариантов предлагает рассматривать Юг России – «русские» области и «кавказские» республики – как единый макрорегион [8]. Такой подход позволяет анализировать проблемы Кавказа как проблемы всего макрорегиона и привлекать к их решению федеральные структуры власти, а также вовлекать в этот процесс наряду с национальными республиками области и края Юга России с преобладающей численностью русскоязычного населения.

Примечания

1. Маликова Н.Р. Этносоциологическое исследование трансформации постсоветских наций // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 21.

2. Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. М., 2003. С. 71–72.

3. Черныш М.Ф. Национальная идентичность: особенности эволюции // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 55.

4. Хунагов Р.Д., Шадже А.Ю. Кавказский фактор в современной России // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 77–78.

5. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 22.

6. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 223–244.

7. Кобахидзе Е.И., Павловец Г.Г., Федосова Е.В. Роль этничности в межкультурном взаимодействии народов Северного Кавказа // Материалы II Всероссийского социологического конгресса: Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. М., 2004. С. 96.

8. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / под ред. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д., 2006. С. 78.

В.А. Омаров

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

В 2018 г. в Грузии произошел ряд серьезных изменений на внутриполитической арене. Самым важным событием года стали президентские выборы, которые были назначены на октябрь. Важнейшие процессы внутри страны также происходили на фоне президентских выборов. Наиболее значимыми событиями можно считать следующие: возвращение в начале года в политику бывшего премьер-министра Бидзины Иванишвили, отставка премьер-министра Георгия Квирикашвили, поправки к Конституции, погашение банковских задолженностей граждан в конце года.

Появление широкого слоя образованных людей, новые производства и технологии, относительно высокая социальная мобильность, вовлечение молодежи в новые формы общественной жизни, обеспечивающие общественное признание, наконец, подъем интереса к религии – все это способствовало глубоким изменениям [1].

В начале 2018 г. бывший премьер-министр Б. Иванишвили внезапно объявил о возвращении в политику. Возвращение Б. Иванишвили, лидера партии «Грузинская мечта», в политику на самом деле было неслучайным. В это время на Украине Михаил Саакашвили уже был отправлен в отставку, а его активность в общественно-политической жизни Грузии постепенно усиливалась, что не могло не беспокоить правящую власть в Грузии. Другой причиной было резкое падение престижа правящего политического объединения «Грузинская мечта», который надо было поднять в кратчайшие сроки, иначе «Грузинская мечта» могла столкнуться с утратой статуса правящей партии на очередных парламентских выборах. Происходящие события не могли не беспокоить Б. Иванишвили

и его окружение. Подобное развитие событий создавали благоприятные условия для прихода к власти М. Саакашвили и партии «Единое национальное движение», лидером которого он являлся, что было недопустимо для правящей партии. Если бы Григол Вашадзе, представляющий партию «Единое национальное движение» и объединенную оппозицию, одержал победу на президентских выборах, то было бы обеспечено беспрепятственное возвращение М. Саакашвили в Грузию. Это, в свою очередь, повысило бы шансы на победу партии «Единое национальное движение» на парламентских выборах 2020 г.

Менее чем через два месяца после заявления Б. Иванишвили о возвращении в политику в качестве лидера партии «Грузинская мечта», премьер-министр Г. Квирикашвили подал в отставку, объяснив свое решение разногласиями и разделением внутри «Грузинской мечты». В период правления «Грузинской мечты» неэффективность правительства, слабое реформирование и многие другие проблемы остались нерешенными, что накануне выборов требовало изменений внутри власти, которых можно было добиться только путем изменений в правительстве.

Согласно новой Конституции Грузии и последним изменениям в законодательстве выборы в парламент пройдут в 2020 г. по пропорциональной системе в условиях нулевого избирательного барьера. Таким образом, можно сказать, что в Грузии уже формируется двухпартийная система и основная борьба будет идти между правящей партией «Грузинская мечта» и ведущей партией оппозиции «Единое национальное движение». Несмотря на то, что в 2015 и 2017 гг. произошел раскол внутри «Единого национального движения», оно по-прежнему остается самой влиятельной оппозиционной партией страны по своим ресурсам и возможностям. Другие же партии пока не составляют альтернативу власти [2].

Согласно последним поправкам к Конституции, выборы президента в 2018 г. состоялись путем всенародного голосования в последний раз. После последних изменений полномочия президента еще больше сократились и правящая партия имеет право отклонить вето президента голосованием подавляющего большинства парламента. Поэтому даже если победит кандидат от оппозиции, президентские выборы не смогут существенно изменить политический баланс в стране.

На Южном Кавказе Европа непременно должна вести более активную деятельность. ЕС не может просто наблюдать за тем, как в XXI в. нарушаются элементарные права человека, а этнотерриториальные конфликты решаются путем кровопролития. Существуют механизмы для их мирного решения. Однако предпосылкой для применения этих ме-

ханизмов является наличие у политических лидеров сильной политической воли, при этом опыт прошлого должен стать предупреждением при проектировании будущего [3].

Самым важным экономическим событием Грузии прошедшего года можно считать погашение банковской задолженности более 600 тыс. граждан общей стоимостью более 1,5 млрд лари. Это была своего рода частичная единовременная помощь семьям, имеющим трудное социальное и экономическое положение. В статистических данных последних лет уровень бедности в стране составляет 22 %, что является пятой частью от всего населения, а уровень безработицы согласно официальным данным – 14 %, хотя по результатам некоторых опросов эта цифра значительно выше [4].

Главным вызовом 2019 г. для «Грузинской мечты» является работа в направлении решения экономических и социальных проблем, которые поднимают уровень общественного недовольства значительно выше, чем любые политические вопросы. Ошибки, допущенные правящей партией за шесть лет пребывания у власти, снизили доверие к «Грузинской мечте». Кроме того, разрушение системы социальной защиты после 2012 г. может подорвать общественную поддержку партии и снизить ее шансы на выборах 2020 г.

Президентские выборы закончились для «Грузинской мечты» хоть и трудной, но победой. Уже сейчас можно отметить, что парламентские выборы, которые состоятся в 2020 г., также пройдут в напряженных условиях. До очередных парламентских выборов основная задача правящей партии – вернуть доверие избирателей. А чтобы достичь этого, нужно выполнить стоящие перед страной важные задачи, такие как продолжение реформ, улучшение социально-экономического положения населения, снижение уровня безработицы и бедности.

Азербайджанский эксперт К. Султанлы считает, что двойная политика Б. Иванашвили подходит и Западу: «Всем известно, что смена премьер-министров в Грузии происходит из-за разногласий с Б. Иванашвили. Поэтому Г. Квирикашвили был освобожден с поста и заменен на более мягкого М. Бахтадзе. Б. Иванашвили гораздо выгоднее управлять на заднем плане. При этом он уклоняется от ответственности и продолжает управлять властью, меняя людей. Естественно, лица меняются, но общий механизм остается. Если говорить о последних президентских выборах, то Г. Вашадзе напрямую боролся с Б. Иванашвили. На первом этапе серый кардинал, видя, что ситуация критическая, использовал административные ресурсы, словно боролся сам вместо С. Зурабашви-

ли. С. Зурабашвили была необходима потому, что образ женщины-политика был более нейтральным и безопасным для Б. Иванашвили. То, что она далека от кавказской среды, по мнению автора, является фактором, способствующим деятельности серого кардинала. Шаги, предпринятые С. Зурабашвили, также показывают, что она чужая в этом регионе. Но Б. Иванашвили умело может использовать хороших и плохих полицейских. Естественно, не в каждом процессе С. Зурабашвили выполняет приказы Б. Иванашвили. В целом, глядя на предпринятые шаги госпожи С. Зурабашвили, кажется, что она сама действует и говорит» [4].

Эксперт отмечает, что Б. Иванашвили по-прежнему остается главной фигурой в стране: «Его единственный соперник, остающий в рейтинге, М. Саакашвили. Естественно, это вовсе не означает, что М. Саакашвили вновь станет президентом, хотя оппозиция пытается что-то сделать в этом направлении. Но самая большая ошибка грузинской оппозиции состоит в том, что они все еще строят кампанию, опираясь на прошлые успехи. Думаю, последние реформы в "Едином национальном движении" прошли успешно. Провокационные шаги нынешней администрации против Азербайджана еще больше сближают азербайджанцев Грузии с командой М. Саакашвили» [5].

Стоит отметить, что Республика Азербайджан в 2018 г. стала свидетелем таких событий, которые демонстрируют начало нового этапа строительства независимого и демократического государства. В этом контексте одним из самых важных событий можно считать признание Азербайджана в 2018 г. страной, в которой было проведено больше всего реформ в мире. Так, в отчете "Doing Business 2019", распространенном Всемирным банком, Азербайджан включен в список 10 стран, где проводилось наибольшее количество реформ. Согласно отчету, Азербайджан по сравнению с 2017 г. занял 25-е место среди 190 стран, опередив многие страны мира, а среди стран СНГ поднявшись на лидирующую позицию. Этот факт свидетельствует о том, что не только на Южном Кавказе и на постсоветском пространстве, но и во всем мире достаточно мало стран, проводящих системные, продуманные и последовательные реформы.

Логическим продолжением стали события в военно-политической жизни страны. Одно из них – это проведение в Баку грандиозных военных парадов. Первый военный парад состоялся 26 июня на площади Азадлыг в связи со 100-летием создания Азербайджанской армии. На грандиозном мероприятии с участием 4 тысяч военнослужащих Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Министерства

по чрезвычайным ситуациям, Службы государственной безопасности, Государственной пограничной и специальной служб государственной охраны, а также Вооруженных сил Турецкой Республики были представлены более 240 единиц военной техники, корабли, более 70 самолетов и вертолетов, современные ракетные и артиллерийские установки, системы противовоздушной обороны, беспилотные летательные аппараты.

Тем самым в 2018 г. Азербайджан выступил местом важных политико-военных событий, имеющих глобальное геополитическое и политическое влияние. Достигнутые успехи показывают, что руководство страны ведет активную политическую деятельность и реализует эффективные программы. Это можно отнести и к шагам, предпринятым в сфере энерготранспорта.

Также стоит упомянуть запуск третьего спутника Азербайджана – "Azerspace-2" на космическую орбиту. Это событие произошло 26 сентября 2018 г. Телекоммуникационный спутник "Azerspace-2" успешно был запущен с космодрома во Французской Гвиане. Спутник "Azerspace-2", созданный американской компанией Space Systems/Loral (SSL) на основе высоконадежной спутниковой платформы SSL1300, будет охватывать страны Европы, Центральной и Юго-Западной Азии, Ближнего Востока и Тропической Африки. Стоимость этого спутника составляет 190 млн долларов. Прогнозируется, что он принесет экономике Азербайджана порядка 400 млн долларов. Значимость данного события состоит в том, что Азербайджан постепенно укрепляет свою позицию и расширяет сферу деятельности в этом направлении. Вместе с тем Азербайджан является единственным государством на Южном Кавказе, обладающим такими возможностями в космическом пространстве.

В этом контексте к числу важных событий года можно отнести открытие комплекса Бакинского международного морского торгового порта, которое состоялось 14 мая 2018 г. в поселке Алят Гарадагского района Баку. Площадь порта составила 117 га, грузоподъемность – 100 тыс. контейнеров, 15 млн тонн грузов в год. Этот порт является важной частью логистических услуг азиатско-европейской линии. Считается, что он будет играть важную роль в реализации программы «Один пояс, один путь».

На фоне развития логистических услуг наиболее значимым выступает строительство промышленных предприятий, так как высокий уровень развития экономической инфраструктуры напрямую способствует выпуску производимой в стране качественной продукции и ее выходу на мировой рынок. В этой связи в числе важных событий 2018 г. можно

отметить два момента в деятельности SOCAR (Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики).

18 июля 2018 г. на территории Сумгаитского химико-промышленного парка был запущен полипропиленовый завод SOCAR Polymer. В церемонии открытия завода приняли участие президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев и президент Италии Серджо Маттарелла. Деятельность SOCAR Polymer увеличит экспортные доходы ненефтяного сектора Азербайджана на 19 %. Другим немаловажным событием стало открытие в Измире нефтеперерабатывающего завода SOCAR "Star". Оно состоялось 19 октября 2018 г. при участии президентов Азербайджана и Турции. Завод "Star", построенный за счет инвестиций SOCAR в размере 6,3 млрд долларов, был объявлен первой специальной промышленной зоной Турции. С 2019 г. на заводе будет производиться 5 млн тонн дизельного топлива, 1,6 млн тонн авиационного топлива, 10 млн тонн сырой нефти и др. Все это подтверждает успехи Азербайджана в политической, геополитической, социальной, экономической, энергетической, военной и других областях в 2018 г.

Важно также включить в этот список шаги, предпринятые в гуманитарной и культурной сферах. Прежде всего, необходимо отметить проведение VI Международного гуманитарного форума, организованного в Баку 25–26 октября 2018 г. В форуме «Сформируем новый мир и нового человека: творчество и развитие человека» принял участие 581 делегат из 86 стран и 24 международных организаций. Специалисты оценили это мероприятие как наиболее эффективный механизм диалога между цивилизациями.

По мнению абхазского исследователя О.Н. Дамения, на формирование политической идентичности Южного Кавказа оказывают значительное влияние следующие факторы: схожая природная среда обитания, формирование южнокавказскими народами общего социокультурного пространства, этногенетическое родство, общность исторической судьбы народов региона, во многом определяемая геополитическим положением и взаимоотношениями с внешним миром [6]. При этом стоит отметить, что примерно так же обстоит дело и с Северным Кавказом с учетом общероссийской идентичности.

Примечания

1. Абылхожин Ж.Б. Мифовоспринимающее сознание и его суггесторы // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. С. 22.

2. Исаев А. Грузия: итоги 2018 года и ожидания 2019 года (на азерб. яз.). URL: https://kafkassam.com/gurcustan-2018-ci-ilin-yekunlari-v%C9%99-2019-cu-il-ucun-gozl%C9%99ntil%C9%99r.html (дата обращения: 12.05.2019).

3. Эрлер Г. Заинтересованность Европы в мирном и стабильном Южном Кавказе // Южный Кавказ – 20 лет независимости. М., 2018. С. 6–11.

4. Фактор Иванашвили на грузинской политической сцене (на азерб. яз.). URL: http://newscenter.az /2019/05/13/gurcustan-siyasi-sehnesinde-vanashvili-faktoru.html (дата обращения: 24.06.2019).

5. Там же.

6. Дамения О.Н. Кавказская идентичность: миф или реальность // Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы института гражданского общества. М., 2011. С. 106–111.

Н.А. Мамедова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГРУЗИИ

Обычно понятием общественно-политические организации обозначают различные объединения граждан, ассоциации, союзы и т. п., которые не входят в государственные и партийные структуры, но являются частью политической жизни. Развитость политической системы, степень ее демократизации, масштабность институтов гражданского общества обусловливаются многообразием форм и проявлений общественно-политической жизни.

Любая политическая сила нуждается в поддержке общественными организациями. Неправительственные организации (НПО) или некоммерческие организации (НКО) выполняют в грузинской политике несколько функций, иногда приобретая значимую роль в обществе. НПО в Грузии формируют общественно-политическую повестку дня, выполняя посредническую миссию в грузинской политике.

Общественно-политические организации в Грузии включают:

1) организации, оказывающие прямое влияние на политические решения, отличительный признак которых – создание и существование при государственных структурах;

2) массовые движения, имеющие стихийную природу.

Общественно-политические организации выполняют важные функции:

– выдвигают цели, разрабатывают способы их достижения, создают крупную политическую силу, сосредоточенную на решении конкретной политической задачи;

– представляют интересы широких слоев населения;

– руководят массовыми выступлениями.

В грузинском обществе в настоящее время неправительственные организации существуют не за счет взносов участников, а за счет грантов со стороны зарубежных правительств или политических фондов. Основные направления их работы – это программы гражданского просвещения, поддержка медиа, мониторинг выборов, гражданский контроль деятельности исполнительной и законодательной власти и др. Такое положение наблюдается ввиду того, что грузинские политические партии зачастую не выполняют поставленных задач, поэтому в стране в изобилии распространены неправительственные организации.

Исключение представляет Грузинская православная церковь (ГПЦ) – наиболее влиятельный общественный институт, обладающий большой самостоятельностью и независимостью. Согласно результатам опроса общественного мнения, опубликованным НПО «Международная прозрачность – Грузия», наиболее низким доверием в обществе среди институтов, подлежащих исследованию, пользуются Парламент, судебная система и Центральная избирательная комиссия. Исследование проводилось Кавказским центром исследовательских ресурсов (CRRC) в период с 20 февраля по 5 марта 2019 г. Согласно результатам опроса, наиболее высокий показатель доверия у Грузинской православной церкви (ГПЦ). Это единственный институт, которому «полностью доверяет» более чем половина респондентов – 55 %. Затем неправительственная организация «Международная прозрачность – Грузия» опубликовала вторую часть результатов опроса общественного мнения, которая отражает отношение общественности к различным актуальным вопросам публичной политики. Респондентов спрашивали также о президентских выборах 2018 г. 40 % респондентов считают, что выборы прошли честно, а 48 % оценивают их как несправедливые. 80 % респондентов думают, что существует потребность появления новой политической силы в грузинской политике. Что касается внешнего курса правительства, 27 % респондентов считают, что действующее правительство является прозападным, а по мнению 16 %, оно пророс-

сийское, и 41 % полагает, что оно пытается поддерживать хорошие отношения с Россией и Западом в равной мере [1].

Источники финансирования организаций очень разнообразны. Закон «О грантах» в Грузии был принят в 1996 г. На практике первым из государственных структур выдавать гранты начало Министерство образования и науки с 2005 г. и они имели характер научно-исследовательских и образовательных. В 2008 г. на основании изменений в Законе о грантах другим министерствам тоже была позволена выдача грантов. В 2009 г. правительство учредило «Фонд развития гражданского институционализма» в целях поддержки гражданских инициатив. Просуществовав вплоть до 2012 г., фонд оставил без ответа много вопросов по поводу прозрачности и отчетности своей деятельности.

В настоящее время источниками финансирования неправительственных организаций являются в основном гранты фондов из США, стран Европейского Союза (ЕС), USAID (Агентство США по международному развитию) и другие. Попытки ввести контроль над зарубежным финансированием предпринимались еще при М. Саакашвили. Однако успеха не достигли. В 2015 г. данному вопросу уделил внимание Б. Иванишвили, основатель правящей партии «Грузинская мечта». В одном из телеинтервью он заявил, что некоторые неправительственные организации «больше, чем правительство», и к ним «у нас есть очень много вопросов». Вышеуказанное заявление Б. Иванишвили вызвало резкий протест грузинских НПО: 46 организаций подписали заявление, в котором обвиняли Б. Иванишвили и правительство «Грузинской мечты» в давлении на неправительственные организации и подрыве демократических ценностей [2].

НПО играют роль посредников в деле оказания влияния на грузинскую политику США и ЕС. Предоставление финансирования какой-либо неправительственной организации, контроль над назначениями на должности внутри организации, поддержка того или иного проекта – все это может служить механизмом внешнего управления. За годы существования независимой Грузии Запад создал в этой стране такую политическую элиту, которая будет ориентироваться на него, невзирая на смену партий и власти. Неоценимую роль в этом процессе сыграли НПО, поддерживающие эту элиту.

Часто информацию от НПО получают иностранные посольства и международные организации. Документы международных организаций, в которых даются оценки политики властей страны и рекомендации по корректировке этой политики, во многом основываются на материа-

лах наиболее влиятельных неправительственных организаций, которые расцениваются иностранными дипломатами как непредвзятый и объективный источник.

В Грузии развитию общественно-политических организаций в основном способствовали западные фонды. В частности, участие гражданского общества в процессе развития отношений Грузии и ЕС в большой степени поддерживалось со стороны ЕС непосредственно через грузинские или европейские неправительственные организации. В Грузии проекты под эгидой ЕС осуществляются с 1999 г., после вступления в силу подписанного в Люксембурге Договора о партнерстве и сотрудничестве между Грузией и ЕС. Этот процесс показал, что в случае хорошо организованной работы и квалифицированно подготовленных рекомендаций гражданское общество может влиять на политику евроинтеграции страны. Подписанное в 2014 г. Соглашение об ассоциации между Грузией и ЕС открыло новую возможность для участия НПО.

Безусловно, возможность влияния на общественную политику стимулирует развитие гражданского сектора. Например, в парламенте Грузии созыва 1995–1999 гг. так называемое реформаторское крыло правящей в то время партии «Союз граждан Грузии» во главе с председателем парламента З. Жвания инициировало участие представителей НПО в работе парламентских комитетов. Так, неформально утвердился общественный статус НПО как части политической культуры. Многие грузинские политики, занимавшие высокие должности как в период правления М. Саакашвили, так и после прихода к власти коалиции «Грузинская мечта», начинали свою карьеру в неправительственных организациях.

Сильная сторона наиболее влиятельных неправительственных организаций заключается в том, что они традиционно уделяют внимание подготовке политических кадров, вовлекая в свою работу активистов в регионах, предоставляя им возможность карьерного роста, организуя политические школы или школы государственного управления.

Работа ведущих грузинских НПО включает в себя противодействие коррупции, поддержку средств массовой информации, мониторинг государственного управления и выборов, образовательные программы, программы публичной дипломатии, разработку проектов реформ и экспертное сопровождение самих реформ – по сути, все стороны политической жизни.

В настоящее время в Грузии существуют неправительственные организации научного профиля, которые часто совмещают научную работу

с просветительской и общественной. Среди них в первую очередь следует упомянуть Кавказский институт мира, развития и демократии (руководитель Г. Нодия), Грузинский фонд стратегических и международных исследований (А. Рондели), Международный центр конфликтологии (Г. Хуцишвили), Центр общественных исследований (Г. Жоржолиани). Кавказский институт мира, развития и демократии исследует широкий круг проблем, связанных с актуальными процессами посткоммунистических преобразований: демократизация, национализм, строительство гражданского общества, права человека, военно-гражданские отношения и т.д. Грузинский фонд стратегических и международных исследований занимается изучением международных отношений, регионального политического и экономического сотрудничества. Международный центр конфликтологии анализирует проблемы региональной безопасности и проводит социологические исследования. В сферу интересов Центра входят также права человека и гендерные проблемы. Тематика Центра общественных исследований в основном посвящена общей теории демократии и демократизации, а также актуальным проблемам общественно-политических трансформаций в современной Грузии (структура гражданского общества, массовая коммуникация и экономика и т. д.).

Наряду с перечисленными центрами следует упомянуть и некоторые другие неправительственные организации – центры общественной политики, занимающиеся прикладными исследованиями различных направлений. Так, НПО «Партнерство для социальных инициатив» (Д. Хечинашвили) работает в основном в области социальной политики, а Институт общественной политики (Г. Тархан-Моурави) проводит эмпирические исследования в области политической социологии и также занимается различными направлениями общественной политики.

Характерными чертами общественно-политических организаций в Грузии являются организационная неустойчивость и различия во взаимодействии с официальной властью. Несмотря на политическое влияние действующих в Грузии организаций, они неспособны решать стоящие перед страной задачи. Добившись успеха в решении поставленных целей, общественно-политические организации обычно прекращают свое существование. Но в ряде случаев, когда выдвинутые задачи слишком сложны, а борьба за их решение требует длительных, больших усилий и доступа к рычагам власти, политические движения приобретают признаки партии и преобразуются в нее (так, например, произошло с Единым национальным движением).

Эффективность деятельности гражданского общества в Грузии зависит от степени демократического управления, социально-политических и социально-экономических факторов. Наличие гражданского общества как условия для развития и устойчивости демократии проявляется в деятельности и влияет на уровень развития общественных организаций. Один из важных итогов бурного роста неправительственных организаций в минувшие десятилетия состоит в том, что эта среда так и не сумела продемонстрировать своей способности эффективно управлять страной. Современные наиболее влиятельные грузинские НПО могут следить за чистотой выборов и прозрачностью государственных закупок, однако они не в состоянии ставить и решать задачи такого характера.

Примечания

1. Результаты исследования: Доверие к институтам в Грузии низкое URL: https://civil.ge/ru/archives/301253 (дата обращения: 10.07.2019).

2. Политическая роль неправительственного сектора в Грузии // Грузинформ: Грузинское информационное агентство. URL: http://ru.saqinform.ge/news/25834/politiCeskaA-roli-nepravitelistvennogo-sektora-v-gruzii---gruzinform.html (дата обращения: 10.07.2019).

3. Generation in Transition: Youth Study 2016 – Georgia. Tbilisi, 2016. URL: http://library.fes.de/pdf-files/bueros/georgien/13150.pdf (дата обращения: 10.07.2019).

Г.М. Мусаева

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА КАВКАЗЕ КОНЦА XX в. НА НЕФТЯНУЮ ПОЛИТИКУ АЗЕРБАЙДЖАНА

Советское правительство уделяло особое внимание установлению власти на территории Азербайджана, так как на Апшеронском полуострове, в районе Баку, находился крупнейший центр нефтедобычи. Избегая открытого вооруженного конфликта с большевиками, в 1919 г. Великобритания вывела войска из Закавказья, и в 1920 г. бакинские нефтяные промыслы были национализированы. Бакинские нефтяные

компании оказались отрезанными от европейского рынка и последующие семьдесят лет развивались самостоятельно. Бакинские нефтяники стали героями Советского Союза, но изоляция от международной нефтяной технологии негативно сказалась на развитии нефтяной промышленности.

С конца 80-х гг. XX в. стало очевидно, что вскоре произойдут большие политические перемены и экономике Азербайджана могут понадобиться западные инвестиции. Советская экономика начиная со второй половины 1970-х гг. стала входить в глубокий кризис, в том числе и в нефтяном секторе. Началось падение темпов роста как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Экономический кризис приобрел системный характер, обострившийся в начале 1980-х гг. В марте 1985 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев, осознавший глубину кризиса советской экономической и политической системы и необходимость реформ. В СССР была объявлена перестройка, призванная реконструировать государство и общество [1]. В это время особую остроту приобретают и другие вопросы: обострение нагорнокарабахского, грузино-абхазского и грузино-южноосетинского конфликтов.

Центральные власти и М.С. Горбачев справиться с катастрофической ситуацией не смогли, в 1990 г. последовал выход прибалтийских республик из СССР. В сфере экономики, в том числе и в нефтяной промышленности, ситуация стала критической, производство продолжало падать, ни одна из начатых горбачевских реформ не дала ожидаемых результатов. Распад СССР в этих условиях стал неизбежен.

Объем нефтедобычи в Азербайджане постоянно сокращался и к моменту распада СССР составлял мизерную долю в общем количестве добываемого продукта. Отсутствие внутреннего капитала в бакинской нефтяной промышленности привело к закреплению ветхой и старой советской нефтяной инфраструктуры, которая наносила ущерб также и городской экологии [2].

В 1989 г. в Баку приезжает С. Ремп – председатель британской компании «Ремко», который впоследствии и привлек инвестции известных нефтяных компаний в Азербайджан. Он узнал, что в Азербайджане содержатся огромные неразработанные запасы нефти, и решил развернуть активную деятельность. В это время большинство нефтяных компаний направляли свои усилия на развитие месторождений в Западной Сибири, принимая во внимание информацию о том, что нефтяные ресурсы Азербайджана давно исчерпаны [3]. В результате усилий С. Ремпа к 1990 г. азербайджанское правительство начало вести переговоры с не-

сколькими крупными нефтяными компаниями, а зимой 1991 г. были приняты конкретные меры для их реализации.

Развал общесоюзной хозяйственной системы, обострение конфликта в Нагорном Карабахе вызвали острый социально-политический кризис в Азербайджане. Значительная часть производимой в стране продукции не соответствовала мировым стандартам и не могла выйти на европейские рынки. Плохо работала топливно-энергетическая отрасль – страна была лишь наполовину обеспечена природным газом. Учитывая мощности нефтеперерабатывающих заводов, рассчитанных на 17 млн тонн нефти, она нуждалась в дополнительной добыче более 6 млн тонн «черного золота» ежегодно [4].

18 января 1991 г. совместным постановлением Министерства нефтяной и газовой промышленности СССР и Совета Министров Азербайджанской ССР было решено провести тендер по созданию совместно с производственным объединением «Каспморнефть» предприятия по изучению и разработке оффшорного месторождения «Азери». Тендер выиграла американская компания АМОКО. Предполагалось, что доля Азербайджана составит 85–88 %, а доля американской корпорации – 12–15 %, при этом она брала на себя обязательства по вложению в экономику Азербайджана 650 млн долларов [5].

Весной 1992 г. в результате правительственной чехарды к власти пришел Народный фронт Азербайджана во главе с А. Эльчибеем, который решил реформировать экономику в целом и нефтяную отрасль в частности. В годы его правления иностранные нефтяные компании были приглашены в Баку с целью сотрудничества и подписания договоров относительно месторождения Азери – Чираг – Гюнешли, открытие которых произошло в 1981–1987 гг. В то же время был подписан договор с Турцией о сооружении экспортного трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан с нефтяным терминалом на берегу Средиземного моря. А. Эльчибей прекрасно понимал, что политическая и экономическая поддержка Турции станет вопросом национального приоритета в деле сохранения независимости Азербайджана. Москва же рассматривала это как вмешательство Турции на «территорию» России. Правительству А. Эльчибея понадобилось несколько месяцев, чтобы вытеснить российские военные базы из Азербайджана и пригласить зарубежные нефтяные компании, но ему не удалось претворить в жизнь подписание единого договора с компаниями. Спад в экономике и политический хаос, возникший в результате вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе, угроза государственного переворота, начавшаяся в Гяндже, – все эти

факторы привели к отставке президента А. Эльчибея в июле 1993 г. и расторжению нефтяных контрактов. Далее последовал приезд из Нахчивана с целью восстановления власти в Баку Г. Алиева – сначала как председателя Парламента, а потом и избранного президента. 23 июня 1993 г. азербайджанская сторона временно приостановила действие договора с зарубежными нефтяными компаниями. Это было связано с необходимостью глубокого анализа всех документов, подготовленных к подписанию, и проблемы нефтедобычи в целом. Основной стратегической целью Г. Алиев избрал укрепление суверенитета Азербайджана: возвращение Азербайджана в Содружество Независимых Государств; укрепление дипломатических отношений с Ираном; отстаивание позиций Азербайджана в отношениях с Турцией и т. д. [6].

В августе того же года Г. Алиев в своем выступлении на встрече с представителями известных нефтяных компаний и корпораций объяснил причину задержки подписания контракта тем, что в ходе подготовки документа были допущены некоторые ошибки, требующие исправления. Он также отметил, что с целью глубокого анализа ситуации, создания условий для взаимовыгодного сотрудничества с иностранными компаниями, а также более рационального использования нефтяных ресурсов подписание контракта откладывается [7]. В ходе этой встречи он заявил: «Если нефтяные компании мировых держав проявляют интерес к нефтяным месторождениям Азербайджана, думаю, что представителей правящих кругов этих стран должна заинтересовать и общественно-политическая ситуация в нынешней Азербайджанской Республике» [8]. Впоследствии Г. Алиев создал новую нефтяную стратегию Азербайджана, которая была направлена на укрепление международных позиций Азербайджана, получение дополнительных возможностей в решении нагорнокарабахского конфликта [9].

Азербайджан был заинтересован в укреплении связей с иностранными компаниями, так как это должно было способствовать социально-экономическому развитию страны, созданию почвы для подъема благосостояния народа в долгосрочной перспективе, обретению широких возможностей для иностранных капиталовложений, укрепления имиджа страны, открытой для мировой экономики [10]. Процесс переговоров оказался очень нелегким, поскольку в условиях войны зарубежные компании не решались на вложение огромных инвестиций. Несмотря на все препятствия извне и внутри страны, благодаря своей проницательности и дальновидности, Г. Алиеву удалось решить этот вопрос. Несмотря на потерю 20 % своей территории и более миллиона беженцев и вынужден-

ных переселенцев, Азербайджан подписал «Соглашение о режиме прекращения огня», заключенное при посредничестве России в мае 1994 г. В сентябре того же года Азербайджан и консорциум иностранных нефтяных компаний подписали соглашение о долевом участии в добыче нефти, названное «Контрактом века». Присутствие основных западных энергетических компаний и строительство нефтепровода через Грузию и Турцию оказались весьма эффективными, так как доходы Азербайджана от нефти начали исчисляться несколькими миллиардами долларов в год [11].

Политические изменения, происходящие на Кавказе в конце XX в., оказали большое влияние на нефтяную политику Азербайджана. Благодаря подписанию «Контракта века» с ведущими нефтяными компаниями мира Азербайджан стал частью глобальной экономики. Вследствие успехов в нефтяной политике Азербайджан получил финансовые ресурсы для социальных реформ, поднятия уровня жизни населения, роста числа посольств, открытых по всему миру. Значительная часть «нефтяных» денег была направлена на структурную и техническую реорганизацию азербайджанских вооруженных сил. Азербайджан путем успешно проводимой нефтяной политики превратился в центральное звено энергетической безопасности Запада.

Примечания

1. Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение: историко-этнологические очерки. Владикавказ, 2004. С. 120–121.

2. Adams T.D. Baku Oil Diplomacy and “early oil” 1994–1998: an external perspective // Azerbaijan in global Politics: crafting foreign policy. ADA. 2009. P. 225.

3. Алиев И. Каспийская нефть Азербайджана. М., 2003. С. 145.

4. Чернявский С. Десять лет истории Азербайджана: 2003–2013. М., 2013. С. 23–24.

5. Гасымлы М.Д. Внешняя политика Азербайджанской Республики (1991–2003). Т. 1. М., 2016. С. 313–317.

6. Солтанов Э. Энергетическая политика Азербайджана и государственный суверенитет: балансируя между Севером и Югом, направляясь на Запад // Азербайджан: путь к независимости, аналитический обзор. Баку, 2012. С. 79–80.

7. Алиев Г.А. Наша независимость вечна. Книга 1. Баку, 1997. С. 84–87 (на азерб. яз.).

8. Алиев Г.А. Указ. соч.

9. Гасымлы М.Д. Указ. соч.

10. Там же.

11. Tekin A., Williams P.A. Geo-politics of the Euro-Asia Energy Nexus: The European Union, Russia and Turkey. Basingstoke; New York, 2011 (New Security Challenges).

С.И. Габиббейли

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И ГРУЗИЕЙ

Азербайджанская Республика граничит с пятью государствами. Установление дружеских отношений с соседними странами является одним из приоритетов внешней политики Азербайджана. На протяжении веков между Азербайджаном и Грузией, располагающимися в одном регионе, существовали взаимные торгово-экономические отношения. В конце XX в. после приобретения независимости обоими государствами восстановление и развитие торгово-экономических отношений стало одной из их главных целей.

Дипломатические отношения между Азербайджаном и Грузией были установлены 8 ноября 1992 г. [1]. Соглашение о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности, подписанное 3 февраля 1993 г. между посетившим Азербайджан председателем парламента Грузии Эдуардом Шеварднадзе и президентом Азербайджанской Республики Абульфазом Эльчибеем, может считаться основой торгово-экономических отношений между двумя государствами. На основании достигнутой в ходе этого визита договоренности Азербайджанская Республика взяла на себя обязанность экспортировать в Грузию около 64 наименований продукции, в основном нефтехимическую, машиностроительную, электротехническую продукцию, а Грузия, в свою очередь, – уголь, металлопрокат, стальные трубы, электрические провода и т.д. В целом в рамках визита между двумя странами было подписано более 20 соглашений [2].

Поворотный момент в отношениях между государствами начался с приходом к власти в Азербайджане в 1993 г. общенационального лидера Гейдара Алиева. Г. Алиев придавал большое значение отношениям с Грузией. Для Азербайджана, который находился в сложной экономической и политической ситуации, соседняя Грузия была важным стратегическим направлением внешней политики и энергетической стратегии. По-

этому после прихода к власти Гейдара Алиева взаимоотношения между Азербайджаном и Грузией расширились, интенсивно проводились взаимные визиты президентов и других должностных лиц. После 1993 г. с активизацией взаимных визитов торгово-экономические отношения также начали возрождаться. В соответствии с межправительственным соглашением, подписанным во время визита в Азербайджан 17 июня 1993 г. первого заместителя премьер-министра А.А. Маргиани Азербайджан выделил 3 млрд долларов на отправку нефти и промышленных товаров в Грузию. 7 июля 1993 г. в Баку между исполняющим обязанности президента Азербайджана председателем Верховного Совета Гейдаром Алиевым и министром торговли Грузии М. Занкалани состоялись переговоры по вопросу расширения экономических связей между двумя странами [3]. Одной из основных тем, обсуждавшихся в ходе переговоров, была транспортировка запасов углеводородов Азербайджана на мировой рынок. Учитывая все это, 1992–1996 гг. можно считать значимым этапом установления отношений между Азербайджанской Республикой и Грузией во всех сферах.

Этап, начавшийся с визита Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева 8 марта 1996 г. в Грузию, можно рассматривать как новую веху укрепления и развития отношений [4]. В ходе визита между двумя странами было подписано 8 соглашений. Это были соглашения о совершенствовании и модернизации некоторых объектов (средств) транспортировки углеводородов между Азербайджанской Республикой и Грузией, разработке новых транспортных объектов (средств) и с помощью этих объектов (средств) транспортировке углеводородов из Грузии в другие страны; сотрудничестве торгового судоходства; сотрудничестве в области судебной экспертизы между Министерством юстиции Азербайджанской Республики и Министерством юстиции Грузии; сельском хозяйстве и продовольствии; принципах торгово-экономического сотрудничества; свободной торговле; производственной кооперации; продвижении инвестиций и взаимной защите [5]. Соглашение о транспортировке углеводородов через Грузию в другие страны стало историческим, поскольку впервые позволило азербайджанской нефти взять курс на Запад. В целом этот визит дал мощный толчок развитию торгово-экономических отношений.

Азербайджан занимает первое место среди стран, вложивших наибольшие инвестиции в экономику Грузии. В Грузии и Азербайджане действует большое количество компаний обоих государств. На сегодняшний день подписано более 100 документов между двумя странами. 50 из

них относятся к экономической сфере. В Азербайджане зарегистрировано более 300 грузинских компаний, а в Грузии – более 1300 азербайджанских организаций [6]. В данной статье анализируются статистические данные, касающиеся торгово-экономических отношений между Азербайджаном и Грузией, за период после 2008 г.

В 2009 г. двусторонние отношения между Азербайджаном и Грузией получили развитие, и между двумя странами было подписано соглашение о свободной торговле. По итогам работы при участии азербайджанского капитала было зарегистрировано 163 предприятия и организации. В июне 2009 г. был открыт Азербайджанский фонд поощрения экспорта и инвестиций – представительство "Azpromo" в Грузии [7]. Указом президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева от 17 ноября 2009 г. в Батуми было создано Генеральное консульство Азербайджанской Республики [8]. Это также способствовало развитию торгово-экономических отношений между двумя странами. В целом за 2009 г. товарооборот между Азербайджаном и Грузией составил 454,9 млн долларов, из которых 395 млн долларов пришлось на экспорт, а 59,9 млн – на импорт [9]. В 2010 г. взаимный товарооборот между двумя странами оставался на уровне 2009 г. Так, общий товарооборот составил 461,4 млн долларов. Объем экспорта оценивался в 411 млн долларов, а объем импорта – в 50,4 млн долларов [10]. Бизнес-форум, состоявшийся 29 апреля этого же года в Грузии в Тбилиси и Марнеули, оказал значительное влияние на установление прямых контактов между деловыми кругами двух стран. В рамках мероприятия был подписан протокол между Азербайджаном и Грузией о вступлении Азербайджанской Республики во Всемирную торговую организацию.

23 июля 2010 г. в Баку под председательством премьер-министров двух стран состоялось шестое заседание Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Азербайджанской Республикой и Грузией [11]. В ходе встречи был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросу повышения конкурентоспособности транспортного коридора между странами, обсуждены пути дальнейшего развития двусторонних экономических и научно-технических связей, контроль за выполнением достигнутых договоренностей и другие темы.

В 2011 г. товарооборот между Азербайджаном и Грузией составил 624,8 млн долларов, что на 35,4 % больше по сравнению с 2010 г. Объем экспорта составил 535,3 млн долларов (2,01 % от общего объема экспорта Азербайджана), а импорта – 89,5 млн долларов. Объем взаимных инвестиций увеличился, в Азербайджане с участием грузинского капитала было зарегистрировано 106, а в Грузии – 272 новых предприятия с участием азер-

байджанского капитала. Крупные азербайджанские предприятия, такие как “Azerinshaatservice”, “Standardinsurance”, “Pashabank”, “AKKORDInshaat”, войдя в грузинский рынок, стали его активными участниками [12]. 20 декабря 2011 г. в Тбилиси под председательством премьер-министров двух стран состоялось седьмое заседание Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Азербайджанской Республикой и Грузией. На встрече были проведены обсуждения по развитию торгово-экономических и других отношений, даны соответствующие поручения.

В 2012 г. азербайджано-грузинские торгово-экономические отношения укрепились. 18 сентября в Грузии был заложен фундамент завода по производству карбамида мощностью 660 000 тонн в год. Общий объем товарооборота вырос до 700,6 млн долларов. Из этого объема 570,7 млн долларов падает на долю экспорта, а 129,9 млн долларов – импорта [13].

В 2013 г. возрос интерес к инвестированию в обеих странах: с участием грузинского капитала в Азербайджане было зарегистрировано 199, а с участием азербайджанского капитала в Грузии – 518 предприятий. Общий товарооборот по сравнению с 2012 г. был относительно низким и составлял 650,5 млн долларов. Объем экспорта составил 519,2 млн долларов. Импорт вырос на 131,3 млн долларов по сравнению с предыдущими годами [14].

Как и в предыдущие годы, 2014 г. был эффективным с точки зрения развития торгово-экономических отношений между двумя странами. 5 ноября 2014 г. в Баку был проведен азербайджано-грузинский бизнес-форум, в нем приняли участие официальные лица и бизнесмены с обеих сторон. Общий товарооборот между странами составил 623,4 млн долларов. 529,5 млн долларов пришелся на экспорт, а 93,9 млн долларов – на импорт [15].

В 2015 г. Грузия осталась одним из основных торговых партнеров Азербайджана. Общий объем товарооборота был относительно низким и составил 433,9 млн долларов. Общий объем экспорта был оценен в 365,9 млн долларов, а импорт – 68 млн долларов [16]. 5–6 ноября 2014 г. в ходе официального визита президента Азербайджана Ильхама Алиева в Грузию были подробно обсуждены отношения в торгово-экономической, транспортной, энергетической и других сферах, подписана совместная декларация [17].

В 2016 г. объем товарооборота Азербайджанской Республики с Грузией составил 394,89 млн долларов, в том числе, импорт – 51,47 млн долларов, а экспорт – 343,42 млн долларов. В 2016 г. доля Грузии во внешнеторговом обороте Азербайджана составила 2,23 % [18].

Внешнеторговый оборот между Азербайджаном и Грузией в 2017 г. составил 545,5 млн долларов. 471,3 млн долларов составил экспорт в Грузию, а 74,2 млн долларов – импорт в Азербайджан [19]. 3,4 % экспортируемой продукции из Азербайджана составил экспорт в Грузию, товарооборот между Азербайджаном и Грузией увеличился на 17 %, а экспорт – на 13 % [20]. В целом в 2013–2017 гг. инвестиции Азербайджана в экономику Грузии составили 3 млрд долларов. По этому показателю с 2012 г. Азербайджан находится на первом месте среди других стран [21].

Общий товарооборот между двумя государствами в 2018 г. составил 579,4 млн долларов, из которых 485,3 млн пришлось на экспорт в Грузию. Объем импорта в Азербайджан составил 94 млн долларов [22].

Для Грузии отношения, установленные с азербайджанским государством, имеют большое значение. Грузия, которая почти не имеет природных ресурсов, возродилась экономически за счет проектов, реализованных с Азербайджаном, была обеспечена нефтегазовыми продуктами. Благодаря проходящим через ее территорию нефте- и газопроводам, а также транспортным коммуникациям уровень занятости населения повысился, были созданы новые рабочие места. Реализованные глобальные проекты привели к росту интереса мирового сообщества к Грузии. С первых лет независимости и по сей день Азербайджан помогал Грузии, выделял кредиты, шел на уступки. Азербайджан по отношению к Грузии всегда выступал с позиции «старшего брата» и был одним из крупнейших ее сторонников на международной арене.

Грузия как транзитная страна в свою очередь имеет большое значение для Азербайджана. Через территорию Грузии проходят нефтепроводы Баку – Тбилиси – Джейхан, Баку – Супса, газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум и его продолжение Южный газовый коридор, железная дорога Баку – Тбилиси – Карс. С этой точки зрения Азербайджан всегда уделял Грузии особое внимание и играл роль ее крупнейшего сторонника как в международных отношениях, так и в экономике региона. Совместная деятельность и сотрудничество между азербайджанскими и грузинскими компаниями выгодны для обеих сторон. Развитие экономических отношений между двумя странами имеет положительную динамику и долгосрочные перспективы.

Примечания

1. Арыков С. Азербайджан – Грузия: динамика отношений дружбы. Баку, 2008 (на азерб. яз.).

2. История азербайджано-грузинских отношений XVIII – начала XXI века. Баку, 2013 (на азерб. яз.).

3. Там же.

4. Алиев Г.А. Наша независимость вечна: в 46 т. Т. 5. Баку, 1998 (на азерб. яз.).

5. Азербайджано-грузинские отношения. Последнее обновление: 10.10.2013 (на азерб. яз.). URL: http://mfa.gov.az/files/file/Azerbaycan%20-%20Gurcustan%20munasibetleri.pdf (дата обращения: 14.07.2019).

6. Ахмедов М. Торговый оборот между Азербайджаном и Грузией в 2017 году увеличился на 17 %, 06.08.2018 (на азерб. яз.). URL: https://apa.az/az/sahibkarliq-fealiyyeti/xeber_2017-ci_ilde_azerbaycan_ve_gurcustan_ara_-505580 (дата обращения: 18.06.2019).

7. Отчет Кабинета министров Азербайджанской Республики за 2009 год. Баку, 2010 (на азерб. яз.).

8. Указы и распоряжения Президента Азербайджанской Республики: библиографический указатель. № 2 (11). Баку, 2009 (на азерб. яз.). URL: http://files.preslib.az/site/decrees11.pdf (дата обращения: 23.07.2019).

9. Отчет Кабинета министров Азербайджанской Республики за 2009 год.

10. Отчет о деятельности Кабинета министров Азербайджанской Республики за 2010 год. Баку, 2011 (на азерб. яз.).

11. Там же.

12. Отчет Кабинета Министров Азербайджанской Республики за 2011 год. Баку, 2012 (на азерб. яз.).

13. Внешнеторговые отношения по странам в 2012 году, 22.11.2012 г. (на азерб. яз.). URL: https://www.economy.gov.az/article/2012/21506 (дата обращения: 15.06.2019).

14. Отчет Кабинета министров Азербайджанской Республики за 2013 год. Баку, 2014 (на азерб. яз.).

15. Отчет Кабинета министров Азербайджанской Республики за 2014 год. Баку, 2015 (на азерб. яз.).

16. Отчет Кабинета министров Азербайджанской Республики за 2015 год. Баку, 2016 (на азерб. яз.).

17. Ильхам Алиев. Развитие – наша цель. Книга 71. Баку, 2018 (на азерб. яз.).

18. Внешнеторговые отношения по странам в 2016 году, 11.05.2016 г. (на азерб. яз.). URL: https://www.economy.gov.az/article/2012/21506 (дата обращения: 15.06.2019).

19. Отчет Кабинета Министров Азербайджанской Республики за 2017 год. Баку, 2018 (на азерб. яз.).

20. Ахмедов М. Указ. соч.

21. За последние 5 лет Азербайджан инвестировал в экономику Грузии 3 миллиарда долларов, 11.03.2018 (на азерб. яз.). URL: https://report.az/biznes/

azerbaycan-son-5-ilde-gurcustan-iqtisadiyyatina-3-mlrd-dollar-pul-qoyub (дата обращения: 18.06.2019).

22. Информация о внешней торговле Азербайджана по странам и группам стран в 2018 году, 20.04.2018 (на азерб. яз.). URL: https://www.economy.gov.az/article/xarici-ticaret-2018/29091 (дата обращения: 18.06.2019).

Э.Ю. Чуклина

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СТАТУСА И РЕЖИМА КАСПИЙСКОГО МОРЯ[1]

Каспийское море представляет собой самое большое озеро в мире с некоторыми морскими признаками (масса воды, приливы и отливы, высокие волны в шторм). Морем формально оно не является ввиду отсутствия связи с Мировым океаном. Каспийское море – ценный природный объект, связующее звено между Средним и Ближним Востоком, Центральной Азией и Кавказом, богатый источник углеводородов и центр переплетения интересов мировых держав. Так, по данным Министерства природных ресурсов и экологии РФ, разведанные запасы углеводородов каспийского шельфа составляют 2,95 млрд тонн нефти и 3,1 трлн кубометров газа [1]. Стратегической важностью Каспийского моря объясняется многолетняя несогласованность позиций сторон, претендующих на его пользование.

Впервые урегулирование правового статуса Каспийского моря осуществлено в Гюлистанском мирном договоре 1813 г. между Российской империей и Персией. Данный договор провозглашал свободу торгового судоходства обеих сторон, однако военный флот разрешалось иметь только России [2]. По сути, Каспийское море находилось под полной юрисдикцией Российской империи.

С приходом советской власти вопросы относительно правовых статуса и режима Каспийского моря стали решать несколько по-другому. Так, Договор между РСФСР и Персией 1921 г. аннулировал действие

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ, в рамках реализации проекта № 18-05-80043 «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимозависимости и взаимной обусловленности».

всех предыдущих правовых актов ввиду того, что они «умаляли» права персидского народа. В договоре провозглашались равные права обоих государств на торговое судоходство с запретом захода в Каспийское море других иностранных судов [3]. Конвенция о поселении, торговле и мореплавании между СССР и Персией 1931 г. закрепила исключительное право двух государств на размещение судов в Каспийском море, а соответственно и на вылов биологических ресурсов, разработку недр, проведение научных экспедиций и др. [4].

После официального переименования Персии в Иран СССР перезаключил с ним договор о поселении, торговле и мореплавании в 1935 г. и договор о торговле и мореплавании в 1940 г., которые предусматривали 10-мильную прибрежную рыболовную зону и подтверждали статус Каспийского моря как закрытого водоема, принадлежащего двум государствам [5].

Важно заметить, что официальной делимитации границ в Каспии не проводилось, существовала лишь негласная граница по линии Астара – Гасан-Кули, которая соединяла крайние пограничные точки СССР и Ирана на западном и восточном побережье [6]. В 1970 г. Министерство нефтяной промышленности СССР издало внутриведомственный акт, в котором в целях распределения обязанности предприятий, находившихся на территории Азербайджанской ССР, РСФСР, Казахской ССР и Туркменской ССР, дно Каспийского моря было разделено на «республиканские» сектора по методу срединной линии. Однако данное разграничение не следует считать морскими границами, поскольку носило оно исключительно административно-вспомогательный характер.

С распадом СССР на пользование Каспийским морем помимо России и Ирана стали претендовать Азербайджан, Туркменистан и Казахстан. Российская власть, руководствуясь принципом континуитета российской государственности, заявила о своем правопреемстве в отношении статуса Каспийского моря, это было подтверждено и остальными прикаспийскими государствами подписанием Алма-Атинской декларации СНГ 1991 г. [7].

Вместе с тем образовавшиеся прикаспийские государства стали заявлять свои права на сектора Каспийского моря, обращаясь к указанному ведомственному акту Миннефтедобпрома СССР 1970 г., что вызывало неодобрение со стороны России и Ирана [8].

Главной причиной развернувшейся острой дискуссии между прикаспийскими странами было желание каждой из них извлечь максимальную выгоду путем привлечения капитала инвесторов в разработку

и добычу углеводородов и последующую прокладку трубопроводов для транспортировки нефти и газа. Руководство Азербайджана в противовес мнению остальных прикаспийских государств заключило в 1994 г. так называемый «Контракт века» с одиннадцатью транснациональными энергетическими компаниями, который предусматривал допуск данных компаний к разработке трех каспийских месторождений нефти и газа («Азери – Чираг – Гюнешли») [9]. В 1995–1996 гг. представители МИД пяти прикаспийских государств провели встречи, на которых сформулировали свои позиции относительно статуса Каспийского моря и распределения права пользования его ресурсами. В 1996 г. было принято решение о создании Специальной рабочей группы по вопросам Каспийского моря, однако претензии стран оказались противоречивыми и не согласовывались друг с другом. Так, в 11-й статье принятой в 1995 г. Конституции Азербайджанской Республики сектор Каспийского моря был назван составной частью территории республики [10].

Иран предлагал разделить Каспий на равные части по 20 % каждому прикаспийскому государству, что было бы, безусловно, выгодно Ирану, как стране с наименьшей протяженностью береговой линии вдоль Каспийского моря, но не удовлетворяло остальных.

Позиция Туркменистана заключалась в определении правового статуса Каспийского моря на основании Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [11], что не устраивало, в частности, российскую сторону, поскольку такое решение обеспечило бы свободный доступ неприкаспийских государств в Каспийский регион.

Первым соглашением, внесшим существенный вклад в урегулирование спорной ситуации относительно статуса и режима Каспийского моря, является Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование 1998 г. [12] (важно заметить, что вступило в силу оно только в 2003 г.). Соглашение содержит следующие основные положения: 1) водная поверхность остается в общем пользовании; 2) дно северной части Каспийского моря и его недра подлежат разграничению по модифицированной срединной линии; 3) стороны осуществляют суверенные права в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Северного Каспия в пределах своих частей дна до разделительной линии; 4) каждая из сторон обладает исключительным правом на совместную разведку и разработку месторождений в случае прохождения через них модифицированной срединной линии.

Данное Соглашение способствовало заключению других многосторонних соглашений относительно делимитации дна Каспийского моря, а именно: соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря между ними 2001 г. и протокол к нему 2003 г.; соглашение между Россией, Казахстаном и Азербайджаном о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря от 14 мая 2003 г. [13].

Заметный сдвиг в урегулировании «каспийского» вопроса произошел в 2000-х гг. Так, именно Россия выдвинула идею о проведении саммитов глав прикаспийских государств, первый из которых был созван в апреле 2002 г. Второй саммит 2007 г. в Тегеране завершился подписанием совместной декларации, в которой договаривающиеся стороны подтвердили свои суверенные права в отношении Каспийского моря и его ресурсов, запрет судоходства под флагами неприкаспийских стран, договоренность об установлении в акватории Каспия зон согласованной ширины с сохранением общего водного пространства [14].

В результате третьего саммита прикаспийских стран, прошедшего в 2010 г. в Азербайджане, были подписаны Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море и Совместное заявление Президентов пяти государств. Как и на предыдущих встречах, участники саммита заявили о необходимости мирного использования Каспийского моря, углублении сотрудничества в области добычи углеводородов, транспортной и энергетической сферах, а также продолжении работы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря [15]. К сожалению, de-facto ряд положений не был реализован на практике (например, не была создана Организация каспийского экономического сотрудничества).

По итогам четвертого саммита, который состоялся в 2014 г. в Астрахани, были приняты следующие документы: заявление Президентов прикаспийских государств, коммюнике Четвертого каспийского саммита, Соглашение о сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря, Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море, Соглашение о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря [16].

Из новых положений, зафиксированных в итоговых документах саммита, следует отметить неприсутствие на Каспийском море вооруженных сил третьих стран, а также гипотетическое деление прибрежного морского пространства на зоны национального суверенитета каждой

страны в пределах 15 морских миль и зону исключительных прав на добычу водных биологических ресурсов в пределах 10 морских миль, за которыми следует общее водное пространство [17].

Проведение пятого саммита задерживалось из-за Ирана, который продолжал настаивать на разделении акватории Каспийского моря на равные доли в 20 %. Остальным прикаспийским государствам пришлось ожидать, когда Иран урегулирует вопрос о делимитации южной части Каспия с Туркменистаном и Азербайджаном на основе модифицированной срединной линии [18].

Наконец, в 2018 г. в Казахстане состоялся пятый саммит прикаспийских стран, на котором был подписан ряд важных документов: Протокол о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом на Каспийском море к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море от 18 ноября 2010 г., Соглашение между правительствами прикаспийских государств о торгово-экономическом сотрудничестве, Соглашение о предотвращении инцидентов на Каспийском море и др. [19]. Ключевым нормативным актом, принятым на саммите, является Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (далее – Конвенция 2018 г.) [20], работа над которой длилась более 20 лет.

В статье 1-й Конвенции 2018 г. установлено, что Каспийское море представляет собой окруженный сухопутными территориями прикаспийских стран водоем. Таким образом, стороны ушли от терминологической, а соответственно и правовой дилеммы – является ли Каспий морем или озером. Это позволяет рассматривать его как «международный водный бассейн со своим правовым режимом, отличным от правового режима Мирового океана и других международных водоемов» [21]. Для того чтобы ярче подчеркнуть особенность правового режима Каспийского моря, в Конвенции используются термины, нехарактерные для Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., например, «территориальные воды», «рыболовная зона», «общее водное пространство», «сектор» и др.

Согласно Конвенции 2018 г. Каспийское море подразделяется на несколько зон: 1) внутренние воды – воды, расположенные в сторону берега от исходных линий; 2) территориальные воды – морской пояс, на который распространяется суверенитет прибрежного государства, шириной в 15 морских миль; 3) рыболовная зона – морской пояс, в котором прибрежное государство обладает исключительным правом на промысел водных биологических ресурсов шириной в 10 морских миль; 4) общее водное пространство – часть акватории, расположенная за внеш-

ними пределами рыболовных зон и находящаяся в пользовании всех прикаспийских стран.

В Конвенции 2018 г. нашли отражение ключевые договоренности, достигнутые ранее в ходе предыдущих саммитов и встреч представителей Министерств иностранных дел прикаспийских государств. В частности, документ закрепил следующие принципы: обеспечения стабильного баланса вооружений прибрежных стран на Каспийском море, не присутствия на Каспийском море вооруженных сил третьих государств, не предоставления какой-либо стороной своей территории другим странам для совершения агрессии и других военных действий против любого из прикаспийских государств, свободы мореплавания и проведения морских научных исследований за внешними пределами территориальных вод каждой из прикаспийских стран при соблюдении ее суверенных и исключительных прав прибрежных государств и установленных правил.

Вместе с тем разграничение южной части дна Каспийского моря до сих пор не осуществлено. В статье 8-й Конвенции 2018 г. указывается, что такое разграничение на сектора должно проводиться по договоренности сопредельных и противолежащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм международного права. Иными словами, делимитация дна должна быть реализована на основании двусторонних или трехсторонних соглашений по аналогии с разграничением северной и отчасти средней зон Каспийского моря. Однако, как скоро сторонам удастся достигнуть согласия, предсказать затруднительно, поскольку Каспий продолжает представлять интерес для других государств, в частности США.

При этом важно заметить, что Конвенция 2018 г. допускает сотрудничество прикаспийских стран на Каспийском море с физическими и юридическими лицами государств, не являющихся участниками Конвенции, а также с международными организациями (статья 16). Такое допущение открывает возможности для третьих государств оказывать влияние на развитие взаимоотношений «прикаспийской пятерки», особенно в сфере разработки и транспортировки нефти и газа.

Таким образом, правовая регламентация статуса и режима Каспийского моря прошла длительный путь переговоров и подготовки соглашений, логическим завершением которого стало принятие Конвенции о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 г. Несмотря на некоторые пробелы в данном международно-правовом акте и неразрешенность ряда вопросов с использованием ресурсов Каспийского

моря, Конвенция 2018 г. – это результат взаимодействия дипломатии и юридической техники на высоком профессиональном уровне.

Примечания

1. Бровкина М. Золотое дно. Разработка каспийского шельфа принесет России миллиарды кубометров нефти и газа. URL: https://rg.ru/2018/09/18/reg-ufo/skolko-na-kaspii-imeetsia-zapasov-nefti-i-gaza.html (дата обращения: 27.07.2019).

2. Нуцалханов Г.Н. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 в свете международного права // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 1А. С. 133.

3. Договор между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г. URL: http://doc20vek.ru/node/233 (дата обращения: 27.07.2019).

4. Кисловский В. Каспийская конвенция. URL: http://www.morvesti.ru/analitics/detail.php?ID=74540 (дата обращения: 27.07.2019).

5. Маркелов К.А., Головин В.Г., Усманов Р.Х. Изменение правового статуса Каспийского моря в условиях геополитической и экономической интеграции региона // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3. С. 61.

6. Рожков И.С. Энергетический фактор как триггер формирования международного режима Каспийского моря на современном этапе // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1. С. 113.

7. Жильцов С.С., Зонн И.С., Сойлемезиду М. Проблема международно-правового статуса Каспийского моря: механизмы решения // Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир. 2017. № 4. С. 76.

8. Большагин Л.Г. История становления государственной границы на Каспии. URL: http://voenprav.ru/doc-3558-4.htm (дата обращения: 28.07.2019).

9. Исмайлов Э.А. Каспийское море: международно-правовой статус и углеводородные ресурсы // Наука и современность. 2010. № 2–1. С. 68.

10. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420395#pos=1;-155 (дата обращения: 28.07.2019).

11. Мохаммадреза М. Правовой статус Каспийского моря // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 7А. С. 159.

12. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 06.07.1998 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. № 1.

13. Икаев Д.Г. Проблемы определения международно-правового статуса Каспийского моря: автореф. дис. … канд. юр. наук. М., 2006. С. 12.

14. Декларация саммита прикаспийских государств (текст и комментарий). URL: http://www.rodon.org/polit-071017143342 (дата обращения: 29.07.2019).

15. III Каспийский саммит. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/9543 (дата обращения: 29.07.2019).

16. Документы, подписанные по итогам IV Каспийского саммита. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4756 (дата обращения: 29.07.2019).

17. Заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4754 (дата обращения: 29.07.2019).

18. Рожков И.С. Ретроспектива каспийских саммитов: от стабильности к прогрессу // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 3. С. 210.

19. Документы, подписанные по итогам заседания глав государств – участников V Каспийского саммита. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5329 (дата обращения: 29.07.2019).

20. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5328 (дата обращения: 29.07.2019).

21. Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К. Новый международно-правовой режим Каспийского моря // Труды ВНИРО. 2018. Т. 174. С. 134.

К.Г. Дзугаев

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Выступление журналиста Г. Габуния на грузинском телеканале «Рустави-2» [1], содержащее оскорбления в адрес президента России В.В. Путина, создало новую политическую и, подчеркнем, этическую реальность в российско-грузинских отношениях. Дело здесь заключается в обстоятельстве, о котором умалчивается и в российском экспертном сообществе, и в СМИ, видимо, из соображения политкорректности: Г. Габуния отлично знал, что его слова найдут поддержку в Грузии. В Южной Осетии предпринимались попытки осмысления этого события, столь резко контрастирующего с многовековой сильной традицией православной духовности в грузинском народе [2]. Последней стала публикация М.М. Зассеева, директора Национального музея Республики Южная Осетия (далее – РЮО) [3].

Ясно, что акция «Рустави-2» была хорошо продумана и имела четкую политическую цель: пресечь, причем максимально жестко, наметившееся потепление отношений с Россией и обозначившийся процесс роста положительного отношения к России в грузинском обществе. Цель эта ситуативно была достигнута. Но организаторы провокации, решая сиюминутные задачи, нанесли весьма ощутимый ущерб национальным интересам самой Грузии.

Так, грузинское руководство и безоговорочно поддерживающее его в этом грузинское общество однозначно утверждают позицию территориальной целостности Грузии (в границах бывшей Грузинской ССР), объявляя Южную Осетию и Абхазию «временно оккупированными Россией территориями». Но случившаяся провокация вызвала неизбежный ответ со стороны России, устами своего президента озвучившей на сей раз горькую правду о грузино-осетинских (и грузино-абхазских) отношениях [4]. Впервые высшая политическая власть России открыто назвала и признала действия грузинских властей в отношении южных осетин в 2008 г. геноцидом.

В Республике Южная Осетия заявление В.В. Путина было воспринято как этапное событие для российско-югоосетинских отношений и получило мощный резонанс в народе. Иного и не могло быть: дело в том, что южные осетины всегда стремились к воссоединению с Северной Осетией в составе России, раз за разом предпринимая попытки выхода из состава Грузии [5]. В новейшей истории Южной Осетии, отсчитываемой с 1989 г., после кровопролитных столкновений с представителями грузинских властей в 1991–1992, 2004, 2008 гг. южным осетинам удалось создать свое государство и добиться его признания Россией. Однако народное большинство (85 % и более) продолжает ставить императив воссоединения в составе России как конечную стратегическую цель национального движения [6].

В этой связи недавно избранный Парламент Республики Южная Осетия посчитал необходимым принять 19 июля 2019 г. на четвертом заседании первой сессии специальное обращение к Государственной Думе и Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. «В июне 2020 года Южная Осетия будет отмечать скорбную память столетия геноцида. Мы просим рассмотреть возможность приема парламентской делегации Республики Южная Осетия в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации для проведения консультаций относительно возможных политико-правовых шагов в отношении признания геноцида в связи с предстоящей годов-

щиной национальной трагедии Южной Осетии», – говорится в обращении [7].

В Республике Северная Осетия – Алания интервью В.В. Путина также было встречено с пристальным вниманием. 19 июля 2019 г. состоялась общенациональная конференция организации «Дарьял», объединяющей осетин – выходцев из Казбегского района Грузии, на тему «Значение и последствия Заявления Президента РФ В.В. Путина от 9 июля 2019 года». На конференции была принята «программа действий в вопросах единства государства Осетия – Алания, присоединившегося к России в 1774 году, международного признания всех этапов и видов геноцида Грузией осетинского народа, и по проблеме возврата отторгнутых (оккупированных) территорий Восточной части Осетии – Алании (Тырсыгом, Коб, Гуды ком – обозначенных, как Коби-Трусовский район Южной Осетии в утвержденном проекте Конституции ЮОССР от 06 сентября 1921 года)» [8]. Действительно, после советизации Грузии новое большевистское грузинское руководство добилось отторжения от Южной Осетии значительной части ее исторических территорий, а также понижения ее политико-административного статуса от автономной республики до автономной области.

Интеграционно-воссоединительный процесс Осетии таким образом получил существенный импульс продвижения. Подчеркиваем, что в Южной Осетии идея воссоединения является стержнем и энергетикой внутриполитического процесса: уже дважды уверенное большинство в Парламенте РЮО получает партия «Единая Осетия», ставящая программной целью вхождение Республики Южная Осетия в состав России и воссоединение с Республикой Северная Осетия – Алания в единое осетинское национально-государственное образование. Два года назад убедительную победу на выборах одержал нынешний президент РЮО А.И. Бибилов – лидер партии «Единая Осетия», поддержанный народным большинством за решительную воссоединительную позицию. Отметим, что в настоящее время отношения между Россией и Южной Осетией базируются на Договоре о сотрудничестве и интеграции, за который А. Бибилову пришлось вести нелегкую и упорную политическую борьбу со сторонниками так называемого «независимого пути развития» РЮО. На парламентских выборах в качестве рупора этой точки зрения вновь выступил председатель партии «Отчизна» («Фыдыбæстæ») В.Ф. Гобозов, потребовавший уголовного преследования сторонников воссоединения. В Парламент, впрочем, эта партия не попала.

Учитывая, что Республика Северная Осетия – Алания является дефакто неотъемлемым существенным элементом российско-осетино-грузинских отношений, после «инцидента Габуния» следовало ожидать некоей дестабилизирующей акции и здесь. И действительно, в эти же дни, а именно 17 июля, в день расстрела семьи Царских страстотерпцев, во Владикавказе прошел многочисленный крестный ход, и в качестве реакции на него приверженцем «традиционной осетинской веры Уаццин» в социальной сети «Фейсбук» был опубликован оскорбительный пост, содержащий нецензурную лексику, который вызывает ассоциацию с выступлением Г. Габуния. За провокацией последовала неизбежная реакция православной общественности: появилось письмо с тысячами подписей к архиепископу Владикавказскому и Аланскому Леониду. В свою очередь, 28 июля 2019 г. глава Республики Северная Осетия – Алания В.З. Битаров провел совещание с представителями общественных и религиозных организаций, на котором было принято решение о создании Межконфессионального совета [9]. Ситуация вышла за пределы Северной Осетии и получила отражение в общероссийских СМИ (например: [10]). Серьезное внимание религиозной проблематике в республике уделяют и специалисты [11]. К складывающейся картине надо добавить еще и такие характерные составляющие, как военные учения, проведенные почти одновременно войсками НАТО в Грузии и российскими вооруженными силами в Южной Осетии, и объявленный в июле в РЮО сбор резервистов.

Очевидно, что на кавказском направлении российской политики, и прежде всего в российско-грузинских отношениях, следует ожидать роста напряженности. Отсюда вытекает, что интеграционный процесс Южной Осетии с Россией может быть продвинут с соответствующим общеполитическому тренду ускорением, имея целью положительное решение вопроса о начале воссоединительного процесса Южной Осетии с Республикой Северная Осетия – Алания и о вхождении РЮО в состав России.

Примечания

1. Ведущий телеканала Рустави 2 Георгий Габуния обматерил Путина в прямом эфире. URL: https://www.youtube.com/watch?v=lWqAVg_k1Y0 (дата обращения: 26.06.2019).

2. Акоев К. О сущности «звиадизма» (Очерк философско-психологического анализа) // Вестник Южной Осетии. 1992. № 14. Ноябрь. URL: http://iarir.ru/node/129 (дата обращения: 26.06.2019); Пухаев К.П. Современные

грузины: «плохой народ» или «плохие люди»? (О проблеме личной и коллективной ответственности в грузино-осетинском конфликте) // Республика Южная Осетия: признание и перспективы. Материалы 1-й международной научно-практической конференции. Цхинвал, 2009. С. 45–53. URL: http://iarir.ru/node/128 (дата обращения: 26.06.2019).

3. Зассеев М.М. Послесловие или прожект (размышления о прошлом и будущем российско-грузинских отношений). URL: http://iarir.ru/node/222 (дата обращения: 26.06.2019).

4. Много чести: Путин не хочет санкций против Грузии и оскорбившего его журналиста (Россия 24). URL: https://www.youtube.com/watch?v=1AbGWL2BIsY (дата обращения: 26.06.2019).

5. Дзугаев К.Г. Понятие «окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии» (1917–1921 гг.). Цхинвал, 2016. URL: http://iarir.ru/node/203 (дата обращения: 26.06.2019); Его же. Понятие «окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии» (1925 г.). Цхинвал, 2017. URL: http://iarir.ru/node/210 (дата обращения: 26.06.2019); Его же. Понятие «окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии» (1936 г.). Цхинвал, 2018. URL: http://iarir.ru/node/217 (дата обращения: 26.06.2019).

6. Дзидзоев: Южная Осетия и Северная Осетия должны быть единым субъектом в составе РФ // Кавказский узел. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/235319/ (дата обращения: 26.06.2019).

7. Парламент РЮО направил обращения о признании геноцида южных осетин в 1920 году в Госдуму и Совет Федерации ФС РФ // Парламент Республики Южная Осетия. Официальный сайт. URL: http://www.parliamentrso.org/node/2545?fbclid=IwAR0JfxE0UT-0qDydo7LB5ck3eISAQk1U-yCY-1_NuBNCDehErBr6f6kAH_Y (дата обращения: 26.06.2019).

8. Казбегский район – часть Осетии – Алании!!! URL: https://www.facebook.com/groups/321077624978078/permalink/768673130218523/ (дата обращения: 26.06.2019).

9. «Вон отсюда!»: депутат нецензурно потребовал выгнать православных из Северной Осетии // Комсомольская правда. URL: https://www.rostov.kp.ru/daily/27008.5/4070745/ (дата обращения: 01.08.2019).

10. Остановить атаку на Православие в Осетии // Царьград. 30.07.2019. URL: https://tsargrad.tv/articles/ostorozhno-sekta-pravda-o-tradicionnoj-osetinskoj-religii_210387 (дата обращения: 01.08.2019).

11. Штырков С.А. Традиционалистские движения в современном северо-осетинском обществе и логика религиозного национализма // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013. С. 331–362; Неоязычество на просторах Евразии / сост., ред. В.А. Шнирельман. М., 2001.

Л.Б. Внукова

ПРАКТИКА ПРИЕМА В ГРАЖДАНСТВО РОССИИ В УПРОЩЕННОМ ПОРЯДКЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: СЛУЧАИ АБХАЗИИ, ЮЖНОЙ ОСЕТИИ, ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК[1]

Указ об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство России в упрощенном порядке, был подписан президентом Российской Федерации В.В. Путиным 24 апреля 2019 г. [1] и сразу же занял центральное место в новостях. Подобная практика не нова: подавляющее большинство жителей Республик Абхазия, Южная Осетия и Приднестровской Молдавской Республики имеют российские паспорта и могут беспрепятственно пересекать границу. В данной статье мы сравним юридические основания приема в гражданство населения непризнанных республик со стороны Российской Федерации, а также проанализируем общественное мнение по вопросу будущего Донбасса на основе социологических опросов.

Граждане непризнанных государств Южной Осетии и Абхазии, как и Приднестровья, которые образовались вследствие конфликтов после распада СССР, не имели других паспортов, кроме советских. Однако они были рождены в Советском Союзе и на этом основании могли получить паспорта Российской Федерации в упрощенном порядке в соответствии со статьей 14-й «Прием в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» федерального закона № 62 «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г.: «Иностранные граждане и лица без гражданства, достигшие возраста восемнадцати лет и обладающие дееспособностью, вправе обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке без соблюдения условий, предусмотренных пунктом “а” части первой статьи 13 настоящего Федерального закона, если указанные граждане и лица: (пункт “б”) имели гражданство СССР, проживали и проживают в государствах, входивших в состав СССР, не получили гражданства этих государств и остаются в результате этого лицами без гражданства» [2]. Жители Абхазии и Южной Осетии не получали грузинский паспорт, и в 2002–2003 гг. про-

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 г. по теме «Этносоциальные и политико-правовые институты и процессы на Юге России» (№ госрегистрации АААА-А19-119011190185-9).

исходила массовая паспортизация граждан непризнанных республик с целью облегчения пересечения российской границы и выезда за рубеж.

Когда в 2008 г. Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, то граждане этих государств, желающие получить российское гражданство, должны были отказаться от гражданства своей страны, поскольку не было соглашения о двойном гражданстве между странами (Россия – Южная Осетия, Россия – Абхазия). На момент написания настоящей статьи (июль 2019 г.) такое соглашение еще не подписано. В интервью «РИА Новости» посол России в Абхазии А.А. Двинянин сказал, что «проект соглашения о регулировании вопросов двойного гражданства находится на рассмотрении у абхазской стороны с 19 марта 2019 г.» [3].

Что касается решения президента В.В. Путина предоставлять гражданство в упрощенном порядке жителям отдельных районов Донецкой и Луганской областей, принятого в апреле 2019 г., то указ отсылает к 29 статье ФЗ и опирается на полномочия Президента предоставлять гражданство в упрощенном порядке согласно п. 8 статьи 14 № 62 «О гражданстве Российской Федерации». Таким образом, жители непризнанных Донецкой (ДНР) и Луганской Народных Республик (ЛНР) вправе обратиться за получением российского гражданства в уполномоченные территориальные органы Министерства внутренних дел РФ. На наш взгляд, нельзя приравнивать ситуации Южной Осетии и Абхазии к ДНР и ЛНР. В первом случае выдавались загранпаспорта для облегчения пересечения российской границы с частными визитами (посещение родственников, лечение, обучение студентов, экономическая деятельность и т.д.), поскольку не было других документов, во втором случае речь идет о выдаче внутренних паспортов. В ситуации Южной Осетии и Абхазии нет точки отсчета – решения первого лица, продиктованного гуманитарными причинами. Однако последствия паспортизации, конечно, могут быть схожи: в ответ на агрессию и попытку силового захвата территорий Российская Федерация будет иметь конституционные основания (статья 61, п. 2. Конституции РФ) защищать своих граждан, как это имело место в случае с Южной Осетией в 2008 г., поэтому информационный негатив в украинских СМИ вполне предсказуем.

Поисковый запрос «выдача российских паспортов» на самом популярном новостном портале Украины «ukr.net» [4] агрегирует более сотни новостных сообщений и комментариев только за 24 апреля [5]. Украинские новостные сайты, оповещая об этой новости, так же, как и российские, используют нейтральные заголовки, однако следом

идут одиозные комментарии: «Упрощение выдачи паспортов РФ жителям Донбасса является продолжением российской агрессии – Климкин (ZN, ua)» [6] или «“Новый этап оккупации Донбасса”, – украинская сторона» [7], «Турчинов о российских паспортах в ОРДЛО: Путин создает условия для официальной войны» [8], «Украина обратилась в Совбез ООН в связи с выдачей российских паспортов жителям ОРДЛО (АСПІ)» [9], «Паспорта РФ для жителей ОРДЛО – это абхазский сценарий: реакция украинских политиков и экспертов» [10] и т.д. Президент П.А. Порошенко прокомментировал это решение в прямом эфире, охарактеризовав его как «беспрецедентное вмешательство России во внутренние дела независимого государства, грубое разрушение территориальной целостности и независимости Украины». «Кремль осознанно и цинично разрушает международное право», – заявил он [11].

В конце мая 2019 г. «Левада-центр» провел всероссийский опрос «Донбасс: выдача паспортов и будущее». 77 % респондентов в той или иной степени согласны с тем, что решение о выдаче паспортов продиктовано «желанием помочь людям, живущим в состоянии войны», а также «стремлением расширить российское влияние на восточную часть Украины» (так считают 59 %) [12]. Решение президента В.В. Путина частично или полностью поддерживают 70 % ответивших. В этом контексте интересна динамика мнений: впервые количество людей, желающих видеть восточные области Украины в составе России, сравнялось с уровнем пятилетней давности и составило 27 % (май 2014 г. – май 2019 г.), при этом выросла доля тех, кто хотел бы, чтобы регионы остались на Украине на тех же условиях, что и до кризиса. Можно предположить, что люди не хотят дополнительных бюджетных расходов, о чем косвенно свидетельствует то, что 36 % совершенно не готовы оплачивать материальные затраты в связи с присоединением Крыма [13].

С юридической точки зрения некорректно приравнивать прием в гражданство РФ в упрощенном порядке жителей Южной Осетии и Абхазии со случаем ДНР и ЛНР, так как действуют разные статьи закона. Кроме того, решение президента В.В. Путина предполагает выдачу внутренних паспортов, а не загранпаспортов, как в случае Южной Осетии и Абхазии. Однако можно сделать заключение о гуманитарных причинах во всех случаях, поскольку прежде всего речь идет об облегчении жизни обычных граждан. Новость о рассматриваемом указе [14] вызвала острую негативную реакцию в информационном пространстве Украины, прозвучали обвинения в оккупации, сравнения с абхазским сценарием и т. д., потому что такое решение закладывает конституционные

основания ответа на возможный силовой захват территорий как в случае 2008 г. Подавляющее большинство россиян поддерживает решение своего президента выдавать паспорта жителям непризнанных республик в упрощенном порядке, россияне следят за событиями на Украине и хотели бы нормализации отношений.

Примечания

1. Указ об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство России в упрощённом порядке. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/60358 (дата обращения: 31.07.2019).

2. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ ст. 14 (ред. от 26.07.2019). URL: https://fzrf.su/zakon/o-grazhdanstve-62-fz/st-14.php (дата обращения: 31.07.2019).

3. Посол в Абхазии рассказал о проекте соглашения по двойному гражданству. URL: https://ria.ru/20190420/1552876516.html (дата обращения: 31.07.2019).

4. По данным рейтинга интернет-сервисов ua-ix.biz. URL: https://ua-ix.biz/ru/news/ukraina (дата обращения: 31.07.2019).

5. Поисковый запрос «выдача российских паспортов». URL: https://www.ukr.net/news/search/ (дата обращения: 31.07.2019).

6. Упрощение выдачи паспортов РФ жителям Донбасса является продолжением российской агрессии – Климкин (ZN,ua). URL: https://zn.ua/politics/uproschenie-vydachi-pasportov-rf-zhitelyam-donbassa-yavlyaetsya-prodolzheniem-rossiyskoy-agressii-klimkin-315823_.html (дата обращения: 31.07.2019).

7. «Новий етап окупації Донбасу», – українська сторона. URL: https://vchasnoua.com/donbass/60527-novyi-etap-okupatsii-donbasu-ukrainska-storona-prokomentuvala-rishennia-putina-shchodo-pasportiv-zhyteliam-ordlo (дата обращения: 31.07.2019).

8. Турчинов про російські паспорти в ОРДЛО: Путін створює умови для офіційної війни. URL: https://ua1.com.ua/politics/turchinov-pro-rosiyski-pasporti-v-ordlo-putin-stvoryue-umovi-dlya-oficiynoji-viyni-54944.html (дата обращения: 31.07.2019).

9. Україна звернулася до Радбезу ООН через видачу російських паспортів жителям ОРДЛО (АСПІ). URL: https://aspi.com.ua/news/politika/ukraina-zvernulasya-do-radbezu-oon-cherez-vidachu-rosiyskikh-pasportiv-zhitelyam (дата обращения: 31.07.2019).

10. Паспорти РФ для жителів ОРДЛО – це абхазький сценарій: реакція українських політиків та експертів. URL: https://racurs.ua/ua/n121196-

pasporty-rf-dlya-jyteliv-ordlo-ce-abhazkyy-scenariy-reakciya-ukrayinskyh-politykiv-ta-ekspertiv.html (дата обращения: 31.07.2019).

11. Заява Президента України щодо рішення Росії про видачу російських паспортів громадянам України. URL: https://www.5.ua/polityka/zaiava-prezydenta-ukrainy-shchodo-rishennia-rosii-pro-vydachu-rosiiskykh-pasportiv-hromadianam-ukrainy--transliatsiia-191199.html (дата обращения: 31.07.2019).

12. Донбасс: выдача паспортов и будущее. URL: https://www.levada.ru/2019/06/11/donbass-vydacha-pasportov-i-budushhee/ (дата обращения: 31.07.2019).

13. Там же.

14. Указ об определении в гуманитарных целях категорий лиц…

Д.И. Узнародов

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XXI в.

Исторически неотъемлемой составляющей российской цивилизации являются народы тюркской языковой семьи. Каждый народ внес свой неоценимый вклад в процессы становления и развития российского государства. Одна из уникальных особенностей современного российского государства заключается в том, что в настоящее время его этническая структура включает в себя все существующие в мире тюркские этнические группы. Общая численность проживающих в Российской Федерации тюркских народов составляет 11 650 756 человек [1], почти половина из них имеют свои титульные административно-территориальные субъекты (алтайцы, балкарцы, башкиры, карачаевцы, татары, тувинцы, хакасы, чуваши и якуты).

Особое значение в данном аспекте всегда имел Северный Кавказ, традиционно являвшийся исторической территорией проживания ряда тюркских народов. Крайне важно понимать, что на сегодняшний день этносоциальная и этнополитическая стабильность современного Северного Кавказа зависит в том числе и от благополучного состояния тюркских этнических групп, их наиболее гармоничной встроенности в различные происходящие в регионе процессы. Приходится констати-

ровать, что, к сожалению, в настоящее время на Северном Кавказе существуют определенные проблемы историко-политического и социально-экономического характера, оказывающие отрицательное влияние на процессы этнополитического развития тюркских этносов, о чем и будет идти речь в данной статье.

Одними из наиболее болезненных в настоящее время проблем на Северном Кавказе являются проблемы историко-политического характера. К ним относится и так называемая проблема «разделенных народов», имеющая давние исторические корни и напрямую затрагивающая интересы тюркских этнических групп. Проблема разделенных народов является актуальной для северокавказского региона начиная с 20-х гг. XX в., когда национальная политика в стране претерпела значительные изменения, а Россия из унитарного государства трансформировалась в этнотерриториальную федерацию. Также в этот период были созданы административно-территориальные субъекты, которые можно называть «этнодуальными» (авторский термин), то есть такие административно-территориальные субъекты, официальное наименование которых определяется двумя этническими группами, составляющими определенную часть населения субъекта [2]. Речь идет о Карачаево-Черкесской автономной области и Кабардино-Балкарской автономной области, которые были образованы 12 и 16 января 1922 г. с интервалом в четыре дня. Фактически эти решения и заложили основу для дальнейшего развития проблемы «разделенных народов» на территории нашей страны. Эта проблема заключается в том, что вследствие вышеназванных решений в государстве были созданы искусственные границы между ареалами проживания определенных народов, в том числе народов половецко-кыпчакской подгруппы тюркской языковой семьи (карачаевцев и балкарцев), разделенных между двумя административно-территориальными субъектами.

Сложилось так, что карачаевцы и балкарцы компактно проживают в пределах районов двух национальных республик, территории которых имеют общие границы между собой. В частности, речь идет о Прикубанском (карачаевцы составляют 75,6 % от общей численности населения), Усть-Джегутинском (69,3 %), Карачаевском (85,7 %) и Малокарачаевском (87,4 %) районах Карачаево-Черкесской республики [3], а также Эльбрусском (балкарцы составляют 69,5 %), Черекском (64 %) и южных частях Зольского и Чегемского районов Кабардино-Балкарии [4], где численность балкарцев превышает 90 %. Таким образом, можно говорить о наличии единой, связанной общими гра-

ницами территории проживания карачаево-балкарцев (от Прикубанского района Карачаево-Черкесии на северо-западе до Черекского района Кабардино-Балкарии на юго-востоке).

Следует отметить, что в настоящее время в стране по-прежнему остаются нерешенными многие территориальные вопросы, связанные с границами муниципальных образований. Одним из ключевых факторов нестабильности является то, что кадровые назначения как в Кабардино-Балкарии, так и в Карачаево-Черкесии по-прежнему воспринимаются сквозь национальную призму. Если в относительно спокойные для нашей страны времена эти вопросы не так отчетливо проявляются, то в периоды социальных и политических кризисов эти проблемы мгновенно актуализируются, как это и происходило в начале 1990-х гг. Поскольку в последние годы в нашей стране есть определенные негативные тренды в плане увеличения различных внутренних проблем, особенно экономического характера, то можно предположить, что, если общее ухудшение ситуации продолжится, то мы можем вновь увидеть обострение имеющихся в национальных республиках исторических противоречий. Например, осенью 2018 г. в Кабардино-Балкарии произошел довольно серьезный конфликт между кабардинским и балкарским населением, для разрешения которого пришлось задействовать Росгвардию [5]. Конфликт произошел в балкарском ауле Кенделен Эльбрусского района после того, как местные жители отказались пропустить кабардинских активистов, которые совершали восхождение на гору Канжаль в честь 310-летия Канжальской битвы, в ходе которой кабардинская армия одержала победу над войсками крымского хана.

Подобная проблема стоит и перед другим народом тюркской языковой семьи – ногайцами. В настоящее время ногайцы компактно проживают на территориях двух административно-территориальных субъектов, имеющих между собой общую границу – Ставропольского края и Республики Дагестан. В Ставропольском крае к территориям компактного проживания ногайского этноса относятся Зункарское (38,5 %), Кара-Тюбинское (43,9 %), Каясулинское (56,7 %), Новкус-Артезианское (52,4 %) и Тукуй-Мектебское (79,9 %) сельские поселения юго-запада и юго-востока Нефтекумского городского округа (ранее – Нефтекумского района) [6], а также село Иргаклы Степновского района; в Республике Дагестан ногайцы компактно проживают в Ногайском районе (87 % от общей численности населения), Новокосинском (более 98 %), Геметюбинском (более 90 %), Мужукайском (50,1 %) и Тамазатюбинском сельских поселениях Бабаюртовского района, а также селе Новодмитриевка

(66,3 %) Тарумовского района [7], которое на западе граничит непосредственно с Ногайским районом республики.

Следует подчеркнуть, что исторические предпосылки к формированию конфликтогенного потенциала, имеющего отношение к современному ногайскому ирредентизму, были сформированы еще в начале 1957 г., когда в стране была произведена очередная реформа системы административно-территориального устройства. 9 января 1957 г. была восстановлена Чечено-Ингушская автономная ССР, а территории компактного проживания ногайского этноса (Ачикулакский, Каясулинский и Караногайский районы) оказались разделены административными границами двух субъектов: Караногайский район из состава Ставропольского края был переведен в состав ДАССР, а Ачикулакский и Каясулинский районы остались в составе Ставропольского края [8]. 12 января 1965 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР издается Указ «Об изменениях в административно-территориальном делении Ставропольского края», в соответствии с которым на территории Ставропольского края был создан новый Нефтекумский район, включивший в себя существовавшие ранее как самостоятельные Каясулинский и Ачикулакский районы [9]. С этого времени проблема разделенности ногайского этноса внутренними административными границами существует в том виде, в котором мы можем наблюдать ее сейчас.

В 2012 г. проходил IV Съезд ногайского народа, в ходе которого было озвучено официальное обращение к президенту В.В. Путину с просьбой рассмотреть вопрос о формировании административно-территориального образования ногайцев в составе России, в пределах границ их компактного проживания, в частности на территориях Ставропольского края и Ногайского района Республики Дагестан. Участники съезда отмечали, что «только отделение от Дагестана и создание автономии может дать ногайцам возможность сохраниться как народу-этносу и сохранить свою землю для будущих поколений» [10].

Немаловажное значение для этнополитической стабильности Северо-Кавказского региона также имеет решение проблем социально-экономического характера. Наличие большого количества социально-экономических проблем способно стать импульсом к обострению различных этносоциальных и этнополитических противоречий, имеющих давние исторические корни. Фактор нерешенных социально-экономических проблем в своих интересах могут использовать некоторые радикальные политические силы, заинтересованные в дестабилизации этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Для народов тюрк-

ской языковой семьи решение вопросов социально-экономической направленности также носит основополагающий характер в аспекте обеспечения этнополитической стабильности.

Одной из ключевых социально-экономических проблем, характерных для тюркских этнических групп Северного Кавказа, является проблема земель отгонного животноводства. Этот вопрос уже на протяжении довольно длительного времени актуален для тюркских народов Северного Дагестана – кумыков и ногайцев. Кумыки являются крупнейшим тюркоязычным народом Северного Кавказа и третьей по численности этнической группой Республики Дагестан. Численность кумыкского этноса в настоящее время составляет около 505 000 человек, а более 85 % (431 700 чел.) кумыков проживает на территории Дагестана [11]. Также кумыки компактно проживают в двух селах Чеченской Республики, а также крупном селе Кизляр Моздокского района Северной Осетии (более 11 000 чел.) [12]. Основная суть проблемы земель отгонного животноводства заключается в том, что кумыкское население выступает против инициативы главы Республики Дагестан по легализации переселенческих сел, возникших стихийно на равнине Дагестана на землях отгонного животноводства [13]. За последние два десятилетия фермерские хозяйства переселенцев-горцев в равнинной части Дагестана, ранее использовавшиеся в сельскохозяйственных нуждах несколько раз в год в период сезонного выпаса скота, разрослись до размеров сел и превратились в круглогодичную территорию проживания представителей ряда горских этносов (например, аварцев и даргинцев), что вызывает крайне негативную реакцию у кумыкского народа, считающего эти земли историческим ареалом своего проживания.

1 марта 2017 г., впервые с начала 1990-х гг., прошло крупное политическое мероприятие с участием представителей кумыкской общественности – «Чрезвычайный съезд представителей муниципальных образований, общин и общественных организаций кумыкского народа», в котором приняло участие 350 делегатов и наблюдателей и представители 10 кумыкских общественных движений [14]. Немаловажно, что на Чрезвычайном съезде впервые с лета 2008 г. [15] был поднят вопрос о политико-правовом статусе и национальном самоопределении кумыкского народа в Республике Дагестан, что, безусловно, говорит о высоком уровне политизации проблемы земель отгонного животноводства.

Проблема отгонного животноводства и спорных территорий в Дагестане имеет давнюю историю, корни которой уходят еще в 40-е гг.

XX в., когда в апреле 1944 г. жители трех кумыкских сел близ Махачкалы (Альбурикент, Кяхулай и Тарки) по решению властей республики были переселены в Хасавюртовский район, на земли проживания чеченцев, депортированных в Среднюю Азию в феврале того же года. После переселения кумыков на новые места проживания прежние совхозы и колхозы подверглись расформированию, а земли бывших кумыкских поселений были переданы в управление колхозов горских районов республики [16]. После возвращения чеченцев Дагестана (самоназвание – чеченцы-аккинцы) из мест высылки в 1957 г. кумыки были вынуждены вернуться на территории своего традиционного проживания, но большая часть изъятых земель так и не была им возвращена. Это заложило основу того конфликтного потенциала, который мы можем наблюдать в центральных и северных районах Дагестана после распада СССР.

Проблема земель отгонного животноводства также характерна и для ногайского этноса. Причина аналогична – разрастание используемых в сельскохозяйственных целях в период сезонного выпаса скота фермерских хозяйств переселенцев-горцев в равнинной части Республики Дагестан и превращение их в круглогодичную территорию проживания представителей некоторых горских этносов, что вызывает крайне негативную реакцию у ногайского населения. С середины 1990-х гг. количество незаконно построенных домов на землях, выделенных под сельскохозяйственные работы, постоянно увеличивалось: на данный момент на территориях отгонного животноводства существует около 200 населенных пунктов, не имеющих легального статуса [17]. Последний раз проблема земель отгонного животноводства поднималась ногайскими активистами в июне 2017 г. во время Общероссийского съезда ногайского народа, который состоялся в селе Терекли-Мектеб. По завершении съезда была утверждена резолюция, где отмечалась важность решения проблем, касающихся использования сельскохозяйственных территорий в границах Ногайского района Республики Дагестан [18]. Ногайское население недовольно тем, что фермеры из горных районов республики, пользуясь системой льгот, платят арендную плату за земли, которая почти в пять раз ниже, чем сумма арендной платы, которую должны выплачивать коренные жители. Для сравнения, если местное ногайское население платит за аренду одного гектара земли 105 руб. в год, то население других районов республики – всего 21 руб. и 70 коп. [19].

Итак, переходя к выводам, следует отметить, что в настоящее время проблемы, оказывающие отрицательное влияние на этнополитическое

развитие тюркских народов Северного Кавказа, подразделяются на две основные категории: историко-политического и социально-экономического характера. Для разных тюркских этнических групп могут быть свойственны разные категории проблем. Ключевой проблемой историко-политического характера является проблема «разделенных народов», которая характерна для трех коренных тюркских северокавказских народов (карачаевцев, балкарцев и ногайцев), за исключением кумыков. Основополагающей проблемой социально-экономического характера является проблема земель отгонного животноводства, которая характерна только для тюркских народов севера Дагестана – ногайцев и кумыков. Необходимо учитывать, что решение вышеназванных проблем имеет важное значение для обеспечения этнополитической стабильности на всем Северном Кавказе, в связи с чем особую значимость приобретает поиск и разработка новых, более эффективных инструментов их решения, которые могли бы в перспективе снизить уровень этнополитической напряженности в этом регионе.

Примечания

1. Всероссийская перепись населения 2010. Национальный состав населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/documents/vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 19.07.2019); Национальный состав населения Республики Крым // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/1f72198049859f4b9205f22d12c3261e/pub-04-01.pdf (дата обращения: 19.07.2019).

2. Узнародов Д.И. Проблема разделенных народов на Северном Кавказе в конце XX – начале XXI в. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.). Ростов н/Д., 2018. С. 388.

3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Карачаево-Черкесской Республике. Т. 3. Национальный состав и владение языками, гражданство. Черкесск, 2013.

4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 3. Таблица 4. Население по национальности и владению русским языком по муниципальным образованиям и населенным пунктам КБР. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 19.07.2019).

5. Кабардино-Балкарский конфликт в Кенделене: хроника противостояния // РИА «Регион Online». URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fnews-r.ru%2Fnews%2Fkabardino_balkar_republic%2F249303%2F&d=1 (дата обращения: 24.07.2019).

6. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 3. Кн. 1. Национальный состав населения Ставропольского края по городским округам, муниципальным районам, городским населенным пунктам, сельским населенным пунктам с численностью населения 3000 человек и более. Таб. 6. URL: stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/52f1a4804f47c390bed9ffe1000af5d8/Том+3+книга+1.rar (дата обращения: 19.07.2019).

7. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 3. Кн. 1. Национальный состав населения Республики Дагестан по городским округам, муниципальным районам, городским населенным пунктам, сельским населенным пунктам с численностью населения 3000 человек и более. URL: stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/resources/cafa4e00421f0cb8805fcc2d59c15b71/ВПН+том3.rar (дата обращения: 19.07.2019).

8. Рамазанова Д.Ш. Ногайцы и территория их расселения в политике Российского государства на Северном Кавказе в конце XIX – первой половине XX века // Общество: философия, история, культура. 2018. № 2. С. 54.

9. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 г. «Об изменениях в административно-территориальном делении Ставропольского края» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6185.htm (дата обращения: 19.07.2019).

10. Ногайцы заговорили об автономии // Независимая газета. 2012. 11 августа. URL: http://www.ng.ru/regions/2012-11-08/1_nogaicy.html (дата обращения: 25.06.2018).

11. Всероссийская перепись населения 2010. Национальный состав населения…; Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Национальный состав и владение языками, гражданство…

12. Адиев А.З. Протестная мобилизация кумыков в Дагестане: от земельного вопроса к конституционному самоуправлению // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 35.

13. Послание (отчет) Главы Республики Дагестан Р.Г. Абдулатипова Народному Собранию Республики Дагестан. 06.02.2017. // Народное Собрание Республики Дагестан: Официальный сайт. URL: http://nsrd.ru/info/poslanie_glavi_rd (дата обращения: 24.07.2019).

14. Адиев А.З. Указ. соч. С. 36.

15. Катастрофическое положение кумыкского народа: Обращение к президенту РФ Д.А. Медведеву. 13.07.2008. URL: http://kumukia.ru/article-9400 (дата обращения: 24.07.2019).

16. Адиев А.З. Указ. соч. С. 40.

17. Ногайский район: борьба за землю // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/305823/ (дата обращения: 15.07.2019).

18. В ходе съезда ногайского народа принята резолюция // Интернет-портал «КАВПОЛИТ». 14.06.2017. URL: http://kavpolit.com/articles/v_hode_sezda_nogajskogo_naroda_prinjata_rezoljutsi-34299/ (дата обращения: 15.07.2019).

19. Ногайцы призвали Васильева решить вопрос с землями отгонного животноводства // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/312411/ (дата обращения: 15.07.2019).

В.П. Скороходова

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 18 МАРТА 2018 г. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ[1]

Выборы выступают важнейшим компонентом современной политики. С их помощью формируется значительная доля органов государственной власти и органов местного самоуправления. Несмотря на то, что выборы как институт непосредственной демократии получили широкое освещение в работах как зарубежных исследователей, так и отечественных ученых, остается еще немало вопросов, ждущих своего научного осмысления и обобщения. Избранный Россией демократический путь развития предполагает участие населения в выборах различного уровня. При этом зачастую повышенный интерес со стороны избирателей к выборам, в частности федерального уровня, неуклонно снижается с завершением избирательной кампании. Основные мотивы такого отношения кроются в разочаровании избирательных ожиданий,

[1] Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 г. по теме «Этносоциальные и политико-правовые институты и процессы на Юге России» (№ гос. регистрации АААА-А19-119011190185-9.

ведь граждане выбирают не просто конкретных кандидатов, а курс экономического и политического развития государства, отдельно взятого региона на ближайшие десятилетия. Таким образом, сами выборы тесно связаны с жизнью людей, а не существуют отдельно, поэтому их необходимо рассматривать как непременный и постоянно действующий элемент политической системы. Все те проблемы, которые выходят на поверхность во время проведения выборов и решение которых находит отражение в положениях предвыборных программ, должны реализовываться на практике после окончания выборов, а не оставаться лишь на бумаге, т. к. по причине невыполнения данных обязательств подрывается доверие населения не только к отдельно взятым кандидатам или партиям, но и к институту выборов в целом. Отсюда возрастает вероятность роста электорального несогласия, особенно ярко способного проявляться в периоды реформирования и демократизации общества, социально-экономических кризисов. Ключевым здесь является наличие негативного посыла по отношению к государственной политике и ее отдельным аспектам, политическим институтам. Это обстоятельство не стоит обходить вниманием, чтобы избежать неблагоприятных последствий.

Исходя из вышеизложенного, видится целесообразным уточнить определение электорального протеста. Электоральный протест мы рассматриваем как разновидность политического поведения в целом и особый вид политического протеста в частности, связанный с недовольством процедурой проведения выборов или их результатами, субъективной оценкой их честности и прозрачности, справедливости участия, заслуженностью победы кандидата и т. д., который проявляется в виде голосования за оппозиционные политические силы (кандидатов, политические партии, коалиции и т. д.), сознательном электоральном абсентеизме (уклонении от выборов) и электоральном нигилизме (намеренная порча избирательных бюллетеней, голосование «против всех»). При этом электоральный процесс в целом и электоральное поведение в частности требуют всестороннего и тщательного изучения еще и в силу их особой роли во многих сферах общественной и политической жизни. На современном этапе отдельные факторы, служившие основой традиционной политики, отодвигаются на второй план, уступая место новым явлениям и критериям, серьезно влияющим на поведение электората. При этом наряду с политической усталостью, отчуждением и нарастающей апатией значительной части россиян по отношению к электоральным процедурам имеются определенные общественные слои,

способные к широкой консолидации и активному участию на выборах. В данном случае речь идет об объективных различиях между субъектами РФ, где диапазон результатов выборов может быть весьма широким, отражая в числе прочего особенности политической культуры. Внутренние и внешние факторы, определенные условия развития самой политической системы оказывают непосредственное влияние на электоральное поведение граждан и результаты выборов. Региональные властные элиты в свою очередь могут играть весьма значимую роль в организации избирательных кампаний, но с их деятельностью связаны и немалые риски административного влияния, способного вызвать сомнение в легитимности выборов. При обращении взора на Северный Кавказ можно отметить определенный спектр деструктивных процессов, характерных для всего российского государства, которые здесь приобрели особенно острый и затяжной характер.

Цель настоящей работы заключается в исследовании роли института президентских выборов в политическом пространстве Северного Кавказа, а также наличия связанных с ними потенциальных протестных настроений в среде избирателей в условиях современных трансформационных процессов.

Исследовательский интерес к процедуре выборов в этом многонациональном регионе продиктован в том числе поиском объективных причин, по которым массовый электорат обеспечивает неизменно высокую итоговую явку и процент голосов на выборах федерального уровня, которые способны выступать отражением глубинных процессов в обществе, служить показателем отношения граждан к действующим политическим институтам. Обзор научной литературы в области электоральных исследований демонстрирует слабую изученность положения федеральных выборов в политическом поле национальных республик Северного Кавказа. В этой связи полагаем, что изучение института выборов как важного механизма социально-политического представительства, его места и роли в региональном политическом процессе, в формировании основ гражданского общества и политической культуры является актуальной проблемой. Очевидно, что трагические события на Украине и в Сирии отодвинули Северный Кавказ на второй план, но при этом наличие в стране ряда нерешенных проблем, сокращение властных, социальных и экономических ресурсов в потенциально неспокойном регионе способно привести к новым вызовам и угрозам, прежде всего в аспекте национальной безопасности и территориальной целостности. Незадолго до президентских выборов 1

марта 2018 г. В.В. Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию, где ключевым фактором развития страны обозначил благополучие ее населения [1]. В настоящее время на высшем государственном уровне существует понимание того, что все социально-экономические планы должны строиться и реализовываться с учетом исторических, культурных, национальных особенностей регионов посредством открытого диалога с гражданами. Ввиду этого в одном из положений концепции государственной национальной политики России отмечено, что необходимо «создание дополнительных социально-экономических, политических условий и культурных условий… прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью, со сложным этническим и религиозным составом населения, а также на приграничных территориях Российской Федерации» [2].

Таблица 1. Итоги президентских выборов 18 марта 2018 г. (по данным Центральной избирательной комиссии РФ)

Субъекты Российской Федерации	Народный союз	КПРФ	ЛДПР	Самовыдвижение	Грани	Коммунисты России	Партия роста	Яблоко
Чеченская Республика	1,18 %	4,62 %	0,25 %	91,44 %	0,54 %	0,32 %	0,51 %	0,75 %
Республика Ингушетия	0,88 %	5,67 %	3,66 %	83,17 %	1,65 %	0,38 %	1,84 %	2,37 %
Республика Кабардино-Балкария	0,25 %	4,15 %	1,03 %	93,38 %	0,23 %	0,24 %	0,34 %	0,24 %
Республика Карачаево-Черкесия	0,27 %	6,99 %	2,77 %	87,64 %	0,44 %	0,99 %	0,18 %	0,29 %
Республика Северная Осетия – Алания	0,23 %	11,01 %	3,01 %	81,51 %	0,22 %	1,81 %	1,23 %	0,22 %
Республика Дагестан	0,12 %	7,28 %	0,27 %	90,76 %	0,26 %	0,31 %	0,38 %	0,17 %

С 7 мая В.В. Путин вновь занял высший государственный пост в Российской Федерации. В республиках Северного Кавказа наблюдался значительный уровень поддержки В.В. Путина в масштабах страны, где сразу три республики – Чечня (91,44 %), Дагестан (90,76 %) и Кабардино-Балкария (93,38 %) – продемонстрировали высокий процент голосов.

Видно, что активность электората Северного Кавказа на президентских выборах превысила общероссийские показатели поддержки В.В. Путина. В Кабардино-Балкарии действующий глава государства набрал наиболее высокий процент голосов – 93,38 % в масштабах страны. По мнению депутата Государственной Думы от Республики Кабардино-Балкария Заура Геккиева, этот успех связан с его авторитетом в регионе и результативным управлением государством, что явилось «оценкой со стороны населения той работы, которая проводилась с 2000 года» [3]. Напомним, на что рубеже 1990–2000-х гг. высокая степень конфликтности федеративных отношений стала причиной дальнейших усилий федерального центра, нацеленных на восстановление единства исполнительной власти в России, в том числе на трансформацию статусов глав исполнительной власти в субъектах Северного Кавказа. С помощью использования определенных механизмов по разрешению конфликтных ситуаций и выстраиванию государственно-конфессиональных отношений был достигнут определенный уровень внутренней стабилизации. Его не стоит переоценивать, поскольку споры и противоречия здесь нередко проявляются, во-первых, в сфере электоральных правоотношений, во-вторых, сопряжены со спецификой функционирования региональных политических режимов, в-третьих, содержатся в рамках проблем административно-территориального деления. К примеру, совсем еще недавно в острую фазу перешел многолетний территориальный спор между Ингушетией и Чечней вскоре после подписания главами этих республик 26 сентября 2018 г. соглашения об изменении административных границ между данными субъектами. Этот спор не получалось разрешить много лет. После подписания документа часть жителей Ингушетии, несогласных с таким решением, вышла на митинги. Впоследствии Конституционным Судом РФ было вынесено постановление, по которому прошедшие переговоры были признаны конституционно обоснованной формой установления границы между субъектами [4]. В целях нейтрализации протестной активности федеральный центр в свою очередь не стал использовать силовые методы, что могло спровоцировать дальнейшее разрастание конфликта.

По всей видимости, электоральный успех В.В. Путина на этой территории кроется в построении работающей вертикали власти в системе отношений «центр – регионы», а также в умении сглаживать межнациональные противоречия. Вместе с тем высокие процентные показатели голосования и рекордная явка избирателей не всегда свидетельствует о высоком уровне легитимности власти, так как обеспеченная за счет использования нелегальных методов (вбросов, административного ресурса и т.д.) на деле способствует лишь росту абсентеизма, подрыву доверия к власти. При этом на территории субъектов Северного Кавказа фиксируются практически аналогичные нарушения на избирательных участках, как и в целом по России.

Массовые акции гражданского протеста конца 2011 – начала 2012 г., которые прошли в разных регионах РФ, обусловленные неверием граждан в прозрачность и достоверность подсчета голосов на выборах, побудили власть сделать ряд шагов навстречу требованиям демонстрантов и осуществить основательную модернизацию избирательной системы. Результатом принятых мер стало отсутствие на последних президентских выборах значительных нарушений законодательства на большинстве избирательных участков по России в целом. На 14 избирательных участках в 9 субъектах РФ итоги голосования были признаны недействительными. В частности, на Северном Кавказе нарушения избирательного законодательства, по данным ЦИК, на отдельных избирательных участках были зафиксированы в Дагестане, Чечне, Карачаево-Черкесии [5].

Из этого следует, что обновление избирательного законодательства, с одной стороны, скорее благоприятствует росту доверия населения к выборам, но, к сожалению, полностью не исключает возможности их фальсификации. Вместе с тем наиболее острыми проблемами здесь продолжают оставаться массовая безработица, слабый уровень развития промышленности, коррупция, низкая эффективность местного управленческого аппарата [6]. Существует и целый ряд других проблем, способных повлечь всплеск протестной активности населения региона, несмотря на фактическое отсутствие протестной активности в ряде субъектов округа на выборах различного уровня. Данная обстановка вызывает подозрение в согласии населения с таким положением дел, а также в их истинном доверии к действующей власти.

На примере субъектов Северо-Кавказского федерального округа, а также двух субъектов Южного федерального округа мы подсчитали общее количество действительных избирательных бюллетеней по отношению к недействительным по результатам думской избиратель-

ной кампании (2016 г.) и двух президентских избирательных кампаний (2012 г. и 2018 г.) (табл. 2).

Таблица 2. Недействительные избирательные бюллетени (по данным Центральной избирательной комиссии РФ)

Субъекты Российской Федерации	Процент недействительных бюллетеней на выборах		
	в Государственную Думу (по федеральному избирательному округу) 18 сентября 2016 г.	Президента РФ 4 марта 2012 г.	Президента РФ 18 марта 2018 г.
Республика Дагестан	0,53	0,36	0,44
Чеченская Республика	0,04	0,14	0,38
Республика Ингушетия	0,32	0,26	0,40
Республика Кабардино-Балкария	0,01	0,11	0,13
Республика Карачаево-Черкесия	0,21	0,22	0,43
Республика Северная Осетия – Алания	0,49	0,97	0,75
Ставропольский край	2,88	1,04	0,98
Краснодарский край	1,39	1,22	0,83
Ростовская область	1,57	1,03	0,88

Представленные данные демонстрируют, что количество недействительных бюллетеней как на парламентских выборах 2016 г., так и на двух президентских выборах 2012 г. и 2018 г. в национальных республиках в целом меньше, чем в других субъектах Юга России – в Ставропольском крае, Краснодарском крае и Ростовской области. Возможно, невысокие показатели уровня протестного голосования связаны как с уровнем явки, превысившей показатели президентских кампаний 2004 и 2012 гг., так и с электоральной мобилизацией на выборах главы государства и персонифицированностью голосования. В целом четвертая избирательная кампания В.В. Путина в очередной раз подчеркнула его способность

сохранять контроль над политической системой на фоне распространения социальной апатии в обществе и непопулярных социальных реформ правительства.

Что касается Северного Кавказа, то социологические исследования незадолго до выборов фиксировали незначительное количество протестов именно по политическим поводам. Так, по данным Центра экономических и политических реформ, общее число протестов в России выросло почти на 60 % с начала 2017 г., при этом отмечен рост количества политических, социально-экономических и трудовых протестов. Согласно исследованиям Центра в первом полугодии 2017 г., наименьшее число протестных акций было зафиксировано в СКФО – всего 27 акций протеста. По их числу округ показал значительное отставание от других округов страны, но примечательно то, что большинство из них связаны с конкретными социально-экономическими проблемами населения, значительно меньшее количество – с политическими поводами [7].

Несмотря на резкий рост протестной активности населения в период с 1 октября 2017 г., по 30 сентября 2018 г., субъектов Северного Кавказа в лидерах рейтинга регионов по числу протестных акций не оказалось. При этом президентские выборы в этот период и их широкое освещение носили черты заблаговременно согласованной и спланированной политической кампании, что, по нашему мнению, могло нести в себе риск активизации акций протеста гражданами, недовольными отсутствием полноценного диалога между ними и властью в условиях недостаточно функционирующего способа артикулирования их интересов.

Таким образом, во время проведения выборов в периоды экономических кризисов и сопутствующих ему социальных неурядиц существует риск того, что даже локальные вспышки протеста могут приобрести широкий резонанс и стать порой непрогнозируемыми. В то же время снижению социальной напряженности и повышению уровня доверия к институтам государственной власти будет служить необходимая помощь гражданам северокавказского общества в разрешении насущных проблем и отстаивании их интересов с последующим закреплением и претворением в жизнь нужных и хорошо проработанных государственно-управленческих решений. При отсутствии явных конфликтов и кризисных тенденций можно говорить о существовании согласия общественности, подразумевающего высокую лояльность не только региональной элиты, но и населения в вопросе обеспечения традиционно высокой явки на выборах в национальных республиках Северного Кавказа.

Президентские выборы 2018 г. на всей территории РФ, в том числе на Северном Кавказе, прошли без серьезных нарушений и признаны легитимными. Победа на выборах в очередной раз подтвердила статус главы государства как общенационального лидера в сложившейся политической системе. Пойдет ли он на новый президентский срок в 2024 г. в случае внесения поправок в конституцию и будет ли продолжена эффективная политика в «неспокойных» регионах, несмотря на болезненное внешнеполитическое давление, значительные трудности в социально-экономическом и политическом положении внутри государства, станет ясно с течением времени.

Примечания

1. План президента Путина // Российская газета. № 7509 (46). 01.03.2018.

2. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (ред. 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2015 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 703. Ст. 7739.

3. Северный Кавказ на выборах превысил общероссийские показатели поддержки Путина. URL: https://tass.ru/politika/5045554 (дата обращения: 28.06.2019).

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.12.2018 № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 51. Ст. 8095.

5. Постановление ЦИК РФ от 22.03.2018. № 151/1254-7 «О результатах анализа обращений и иной информации, поступившей в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации со дня голосования на выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года // Вестник ЦИК РФ. 2018. № 8(374).

6. Скороходова В.П. Перспективы модернизации российской государственности на Северном Кавказе в условиях социально-политической напряженности // Философия права. 2012. № 4(53). С. 75–79.

7. Протестная активность россиян в III квартале 2017 г. // Центр экономических и политических реформ. URL: http://cepr.su/wp-content/uploads/2017/11/Протестная-активность-россиян-в-III-квартале-2017-года.pdf (дата обращения: 28.06.2019).

Г.М. Курбанова

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (на примере Азербайджана)

В современную эпоху тема гендерного равенства очень актуальна. Эта концепция, которая находится в центре внимания общества, включает в себя равенство мужчин и женщин в социальной, политической, культурной и других сферах. Гендерное равенство предполагает равенство между мужчинами и женщинами по материальному благосостоянию, одинаковым возможностям, участию в процессе принятия решений, контролю над ресурсами и прибылью. Различия в социальном статусе женщин и мужчин, их неравенство в течение длительного времени объясняются биологическими причинами. В разные исторические эпохи у разных народов общественное положение женщины не было одинаковым.

Исследования гендерной проблематики в Азербайджане подтверждают, что женщины всегда играли важную роль в политической и общественной жизни народа. Зачастую это было связано с тем, что в традиционном жизненном укладе тюркского сообщества женщина наравне с мужчинами пользовалась многими социальными привилегиями. Вершиной признания гендерного равноправия в истории нашей государственности, несомненно, является факт предоставления женщинам равных с мужчинами политических, социальных, избирательных прав 28 мая 1918 г., в момент принятия Декларации о независимости Азербайджана. В 1918–1920 гг. лидеры азербайджанского государства не только провозгласили демократические идеалы, но и предприняли ряд действенных шагов в направлении их реализации, чего мы не наблюдаем в то время даже во многих признанных европейских демократиях. Это отчетливо проявилось и в социальном положении азербайджанской женщины, вклад которой в становление современного Азербайджана неоценим [1].

Современное азербайджанское общество находится на важном этапе своей истории, когда трансформация общества зависит от самой нации, от ее способности осмыслить основные тенденции в своем развитии. Понятно, что в этих условиях приобретает актуальность целый комплекс проблем, в том числе и история гендерных отношений. В условиях трансформации и модернизации общества многое в его судь-

бе будет зависеть от того, как поведет себя женщина, какие ценности выберет, каким будет ее авторитет. Для того чтобы компетентно спрогнозировать ответ на эти вопросы, следует изучить те периоды нашей истории, когда общество оказывалось перед выбором, и, прежде всего, начало XX в. В сфере наметившихся в стране тенденций и изменений, несоответствие между ростом социального и творческого потенциала женщин и невысоким уровнем их участия в общественной жизни вызывает потребность изучения как положительного, так и отрицательного опыта, накопленного в результате участия женщин в модернизационных процессах, происходивших в начале XX в. Обращение к настоящей теме продиктовано и необходимостью восполнить пробел в изучении процесса эмансипации при вовлечении женщин в общественную жизнь. Начало XX в. отличается от предыдущих эпох тем, что народные массы – простые женщины и мужчины – своим поведением и выбором могли оказывать воздействие на социальные и культурные процессы в стране. Это влияние нередко было опосредованным, но в любом случае требует своего осмысления.

Несмотря на особенности нынешней эпохи и проводимой в стране модернизации в условиях глобализации, современная ситуация тем не менее вырастает из недавнего прошлого, а потому требует анализа и знания прошлого опыта. В отношении к женщине азербайджанский народ имеет глубокие исторические традиции. Говоря об этих традициях, лидер азербайджанского народа Гейдар Алиев отмечал: «Уважение к женщине делает честь каждой нации. Традиционно в нашей нации культивировалось уважение к женщине. Мы и сегодня, и в будущем должны в нашей стране, в обществе высоко держать имя женщины, уважать женщину» [2].

Событием чрезвычайной важности в республике можно считать создание в январе 1998 г., согласно Указу Президента Азербайджанской Республики Г. Алиева, Государственного Комитета по проблемам женщин, а также распоряжение Президента об усилении роли женщин во всех сферах деятельности общества. Указом Президента от 6 марта 2000 г. «О проведении в жизнь государственной женской политики» намечены мероприятия в этой области. В связи с этим активизировали свою деятельность многие министерства и ведомства, которые выдвинули свои предложения по приоритетным для страны направлениям, таким как: женщина и экономика (проблемы бедности, собственности и т. д.); беженцы и внутренние перемещенные лица; женщины и сфера здравоохранения; женщины и управление; труд и женщины; права жен-

щин; деятельность женских НПО и международных организаций. В настоящее время в республике разрабатывается система антидискриминационных законов, пересматривается уже действующее законодательство с точки зрения соблюдения прав и возможностей мужчин и женщин, то есть проходит гендерная экспертиза. Принятие Указа Президента Азербайджанской Республики «О мерах по усилению роли женщин в Азербайджане» стало признанием гендерной политики как одной из важных государственных стратегий [3].

Сегодня стереотип образа женщины и ее предназначения в обществе довольно размыт, а современный идеал деловой женщины, своего рода социально и политически ангажированной феминистки, не нашел всеобщего признания. Поэтому проблема идеального образа женщины в национальной духовной культуре представляется актуальной. Социально-политические и научно-технические преобразования, происходящие в Азербайджане, способствовали повышению образовательного и профессионального уровня женщин и обусловили жизненную необходимость повышения их роли в обществе. Степень изменения роли и значения женщины в обществе вызывает более глубокий исследовательский интерес к сути женского начала в различных областях: социальной, политической, научной, производственной, творческой.

Необходимость решения проблем женщин была отмечена на состоявшемся 25 сентября 1998 г. I съезде женщин Азербайджана. Созданный в том же году по Указу Президента Азербайджанской Республики Г. Алиева Комитет женщин с 6 февраля 2006 г. расширил свою деятельность, став Государственным комитетом по проблемам семьи, женщин и детей. Он занимается не только практической деятельностью по претворению в жизнь государственной политики в области решения проблем семьи, женщин и детей, но и, как свидетельствуют изданные научные сборники, серьезно занимается научным анализом в этой области. Изданный в 2006 г. сборник научных статей «Женский вопрос в Азербайджане», включает в себя исследования политологов, филологов, историков и философов по различным гендерным вопросам.

В другом своем сборнике, посвященном двадцатилетию независимости Азербайджана [4], Госкомитет по Проблемам семьи, женщин и детей исследует эти проблемы на современном этапе, пытается анализировать изменения, произошедшие в жизни азербайджанской женщины в годы независимости страны. Авторы изучают изменения в экономической, общественно-политической и культурно-социальной жизни об-

щества и исследуют их влияние на повседневную жизнь современной женщины и ее семьи.

В 2010 г. в связи с 10-летием со дня подписания Г. Алиевым Указа «Об осуществлении государственной женской политики в Азербайджанской Республике» Центром исследований наследия Г. Алиева была выпущена книга «Во имя азербайджанской женщины» [5]. В ней собраны раскрывающие самые различные аспекты женской политики выступления Г. Алиева на торжественных собраниях, поздравления в связи с Женским днем, поздравительные письма Президента И. Алиева женщинам в связи с различными мероприятиями. В книге помещены также выступления первого вице-президента, Посла доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО М. Алиевой. Как отмечено в предисловии И. Гусейновой, Указ «стал институциональным механизмом для полного раскрытия потенциала женщин в республике».

В январе 2002 г. в нашей стране был создан Азербайджанский гендерный информационный центр – первый на территории Южного Кавказа информационно-аналитический и документальный центр женского движения. Одним из основных направлений деятельности Центра является библиографическая работа, которая включала ретроспективное и репрезентативное описание азербайджанской периодики по гендерной проблематике. Важным направлением в работе Центра является формирование архива женского движения в Азербайджане. Центр подготовил книгу «Традиции женской активности в Азербайджане (конец XIX – начало XX в.)», в которой собраны документы и устные истории об общественной активности женщин Азербайджана [6].

В мировом рейтинге «Индекс гендерного разрыва – 2018» Всемирного Экономического Форума, Азербайджан занял 97-е место из 149 стран, опережая соседние государства Южного Кавказа [7]. Следует подчеркнуть, что обеспечение гендерного равенства как составной части прав и свобод человека является одним из приоритетных направлений политики Азербайджанского государства.

Примечания

1. Гендерное равенство в Азербайджане: есть или нет? URL: http://www.1news.az/news/gendernoe-ravenstvo-v-azerbaydzhane-est-ili-net (дата обращения: 20.06.2019).

2. Алиев Г. Наша независимость вечна. Баку, 2005 (на азерб. яз.).

3. Отчет Государственного Комитета по Делам Женщин Азербайджанской Республики по вопроснику для правительств, касающийся осущест-

вления Пекинской платформы действий (1995 год) и решений двадцать третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (2000 г.). URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/Gender/documents/question/azer.pdf (дата обращения:14.05.2019).

4. Независимый Азербайджан 20 лет: государственная политика в отношении семьи, женщин и детей. Баку, 2012 (на азерб. яз.).

5. Ради азербайджанской женщины. Центр исследований наследия Гейдара Алиева. Баку, 2005 (на азерб. яз.).

6. Касумова Е., Касумова И. Традиции женской активности в Азербайджане (конец XIX – начало XX века). Баку, 2006. 221 с.

7. The Global Gender Gap Report. URL: http://www3.weforum.org/ docs/ WEF_GGGR_2018.pdf (дата обращения: 25.05.2019).

Р.А. Ханаху, З.Х. Гучетль

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИОННЫХ СОЦИОНОРМАТИВНЫХ СИСТЕМ НА СОВРЕМЕННОМ СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Сохранение на Северном Кавказе некоторых традиций, в значительной мере определяющих индивидуальное и групповое поведение, легко поддается наблюдению и представляется вполне очевидным. Развитые представления о должном поведении и наборе соответствующих поведенческих императивов, уходящие корнями вглубь традиционного общества, характерны практически для всех северокавказских народов. Интересующее нас наследие традиционного общества оказалось весьма устойчивым к развитию капитализма в России в дореволюционную эпоху, к переменам эпохи социализма и постсоциализма.

Это объясняется многими причинами. Наиболее важной из них является та, которая отсылает к этнической самоидентификации, в основе которой лежат определенные культурные коды, позволяющие отделить коллективное «мы» от коллективного «они». Зримое, обращенное вовне выражение эти коды получают в поведении, которое во многом определяется этнической идентичностью (разумеется, есть также и другие важные ее слагаемые).

Следует отметить также, что приоритет коллективного «мы», являющийся основополагающим для традиционной общины, в годы со-

циализма совпал с приоритетом коллективистских ценностей над индивидуалистическими. Способствовало сохранению традиций и то, что Северный Кавказ в меньшей степени, чем другие регионы, был вовлечен в процесс социалистической индустриализации. Здесь не было массового исхода жителей села в город. Живучести традиций помогало также широкое использование национальных языков, действие других механизмов социально-культурного наследования.

Традиционные представления о должном поведении испытали и испытывают значительное влияние со стороны религии (ислама), процессов модернизации, постмодернизации, СМИ и др. Однако в то же время они показывают удивительную устойчивость, вплетаясь в современные нормы культуры и сосуществуя с ними.

Традиционные этнические соционормативные системы, которые можно условно назвать морально-этическими кодексами, столь важны для народов, что еще в традиционную эпоху они получили названия. Например, у адыгов такой кодекс называется «адыгагъэ» («адыгство»). В данной статье сущность и логика воспроизводства традиционных соционормативных систем показана в основном на его примере.

В условиях системного кризиса начала 90-х гг. прошлого века народы Кавказа, в том числе и Адыгеи, стали возвращаться к истокам своих культур, поскольку потеряли свою идеологическую значимость культуры народов СССР, которые были национальными по форме и социалистическими по содержанию. Моральный кодекс строителя коммунизма перестал быть доминантой нравственных правил и поведения народов, населявших великую страну. Взамен ему во всех национальных регионах, казачьих краях и областях была продекларирована необходимость возрождения этнических нравственных норм, региональной культуры, утверждение национального самосознания.

В начале 1990-х гг., после крушения советской системы, начался интенсивный поиск того, что могло бы стать альтернативной ушедшему строю. Социологические замеры, произведенные сотрудниками Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, показали, что в общественном сознании сохранились такие явления, которые казались архаичными, оставшимися в прошлом.

Как показали соцопросы, большинство адыгов (более 90 %) в повседневном быту до сих пор ориентируются на традиционную нормативную систему – «адыгагъэ». Данный социальный феномен тем интереснее, что традиционное общество у адыгов перестало существовать примерно к концу XIX в. Сами адыги склонны трактовать понятие адыгагъэ (адыг-

ство) в широком диапазоне. В широком смысле они понимают под ним человечность (гуманизм), в узком – свод традиционных правил поведения, включая нормы этикета (адыгэ хабзэ). Термин «хабзэ» с адыгейского переводится как «закон» [1].

Очевидно, что в полной мере традиционная соционормативная система не может сохраниться в современном обществе, поскольку она для него не вполне приспособлена и нуждается в новациях. Тем не менее, как и в прошлом, она продолжает выполнять ряд традиционных функций в жизни современных адыгов. Традиционная адыгская соционормативная сфера органически соединила в себе компоненты воинского этоса (этикета) с компонентами нормативных систем. Например, отношения уорков (сословие адыгских профессиональных воинов) с другими сословиями определялись и регулировались обычным правом и рыцарским уорк-хабзэ (законом). Рыцарская этика строилась на тех же принципах, что и общеадыгская этика (адыгагъэ). Скажем, что рыцарская нормативная этика в контексте современности и по сей день оказывает реальное воздействие на социальное поведение адыгов непосредственно или опосредовано. Сохранение такой преемственности выполняет общеадыгская этика – адыгагъэ. Все это свойственно любой традиционной культуре, в которой приоритет интересов общности преобладает над интересами индивида, нравственный статус группы переносится на индивида и наоборот. В воинском этосе любовь к своей родине проявляется как особо почетная обязанность по защите своей земли, выражается в культе предков и связанном с ним культе старших, приверженности всей общности (народу) и др.

В настоящее время многие традиционные соционормативно-этические регуляторы претерпели определенную модернизацию. Так, например, приверженность общности преобразовалась в приверженность всему этническому (национальному), понимаемому как право на культурное своеобразие и развитие. Традиционный культ предков и старшинства «соединился» с современной общечеловеческой моралью, также предполагающей уважительное отношение к старшим, однако при этом он остался акцентированным и ритуализированным. Сегодня у ряда лиц есть возражения против такого рода ритуалов.

Не так давно в социальных сетях разразилась буря по поводу статьи московского психолога Л.М. Сулеймановой. Она призвала не уступать пожилым людям место в метро. Таким образом, говорит психолог, удастся снизить дискриминацию пенсионеров. Об этом она рассказала в эфире телеканала «Москва 24». В связи с этим вспоминается эпизод

из фильма «Покровские ворота», когда влюбленный, но уже немолодой герой фильма едет в переполненном трамвае со своей возлюбленной и юная пионерка настойчиво предлагает герою свое место, говоря при этом, что пожилым людям необходимо уступать место. Он стал отказываться от предложения, показывая своим видом своей избраннице, что он не старый человек. Л.М. Сулейманова считает, что первый шаг против дискриминации по возрасту – прекратить бесконечные призывы в транспорте к совести молодых. По ее мнению, от такой социальной рекламы только хуже: «Это только вызывает раздражение у людей более молодого возраста, и они без всякого уважения уступают место. А немолодые люди, которые расстроены тем, что их не уважают, вступают в конфликты», – объяснила она [2].

В марте 2019 г. председатель Правительства РФ Д.А. Медведев предложил ввести ответственность за отказ обслуживать клиентов пожилого возраста и инвалидов. В ходе заседания правительства он заявил о необходимости рассмотреть соответствующие поправки в Кодекс об административных правонарушениях. Он подчеркнул, что пенсионеры и инвалиды постоянно сталкиваются с отказом в обслуживании или предоставлении каких-либо услуг из-за их возраста или состояния здоровья. При этом премьер-министра удивляет, что такие нормы нужно вводить на законодательном уровне, потому что учитывать потребности лиц старшего возраста в обслуживании, по его мнению, – это обычная вежливость. Хотя вежливость, на наш взгляд, есть важный элемент этикета. Возникающие проблемы между традиционными и модернизационными процессами свидетельствуют о трансформационных процессах, происходящих в обществе [3].

Многие другие социальные регуляторы, предполагающие долженствование, также испытывают на себе влияние времени. Например, гостеприимство остается незыблемым законом современного адыгского общества, хотя и оно претерпело определенные изменения. По существу все архетипы приема гостей остались неизменными. Основной императив адыгского гостеприимства – «гость – прежде всего!» (ХьакIэр пстэумэ ап).

Безвозмездная помощь и взаимная поддержка сегодня также могут быть востребованы. Когда человеку или семье нужна помощь, селяне без всякого приглашения приходят и делают, что могут, в соответствии со своей квалификацией. Примером тому могут служить поступок жителей аула Панахес Тахтамукайского района Республики Адыгея, которые всем поселением помогли 40 черкесским семьям, беженцам из Сирии,

в создании всех необходимых условий для полноценного быта и жизни. В народной культуре это называется «шIыхьаф» и переводится как «коллективная безвозмездная помощь».

Специфические черты традиционной культуры также во многом сохраняются внутри семьи. Это объясняется тем, что сфера частной жизни более консервативна, чем другие, не возводится к «рациональности» либо исключительно к «традиционности». Хотя определенная рационализация, модернизация этой сферы также произошла. В кавказском обществе возросла роль женщины. Воспитание детей осуществляется не только на традиционной основе, но и с учетом того, что в современном мире большое значение имеют так называемые «инструментальные» ценности, без овладения которыми трудно «вписаться» в современный индустриальный и постиндустриальный мир.

Таким образом, адыгский этос (этикет) как моральный опыт и как основной социальный регулятор демонстрирует способность адаптироваться к новым реалиям и вызовам. Однако и его коснулись некоторые изменения. Интенсивно идет процесс трансформации ментальности адыгов, стиля и образа жизни, особенно молодежи. Этнический менталитет сильно меняется, но он не исчезает, он становится более структурированным и значительно видоизменяется, пересекается с другими видами ментальности (групповыми, индивидуальными, профессиональными). Если рассматривать это пересечение как процесс, то можно говорить о новом качестве перманентного изменения этнического менталитета.

В современных условиях традиционное «адыгство» показывает способность к адаптации, к изменениям. Однако сфера его использования ограничена конкурирующими нормами, например, корпоративной этикой или общенаучной, принятой в научных учреждениях. И все же традиционные соционормативные регуляторы прорастают и здесь и отражаются, например, в способе, характере, стилистике межличностных коммуникаций, публичной риторике, ритуалах. Наиболее благоприятной сферой для сохранения традиционных регуляторов остается семейно-бытовая.

Таким образом, адыгагъэ (адыгство) как этническая соционормативная система не исчезает, но по-прежнему, наряду с другими факторами, лежит в основе этнической самоидентификации и многих форм современной культуры. «Приспособившись» к современности, традиционные социальные регуляторы и представления о долженствовании по-прежнему создают этническую картину повседневности и получают широкое распространение.

Этнические соционормативные и гражданские нормативные регуляторы постоянно находятся в состоянии конкуренции и «борьбы противоположностей». Это понятно. В РФ проживают сотни народов и национальностей со своей культурой, традициями. Юг России является полиэтничным и поликонфессиональным регионом. В такой ситуации необходимо учитывать, что в рамках любой этнической группы, как и любой другой социальной группы, возможно возникновение определенного плюрализма мнений, который может включать в себя и диаметрально противоположные точки зрения и интересы. Часто бывает так, что одни проблемы имеют актуальное значение для одних этносов и лишены таковой для других.

В 2015 г. Адыгейским республиканским институтом гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева совместно с Институтом антропологии и этнологии РАН был проведен социологический опрос по теме: «Проблемы этнокультурного образования и языковой политики в Республике Адыгея». Было опрошено 600 респондентов в трех группах: эксперты, школьники и студенты, родители. Результаты опроса показали, что большинством респондентов ситуация в сфере этнокультурного образования оценивается как удовлетворительная. Однако определенная часть (35 %) оценила ее как неудовлетворительную. Свою оценку последние аргументировали тем, что по Конституции Республики Адыгея адыгейский язык является государственным (наравне с русским языком), но при этом он не обязателен для изучения в общеобразовательных школах, а сфера его использования узка. Этнические общественные организации и родители обращались за советом и помощью в решении данной проблемы в федеральные министерства, но те отсылали их к местным органам, которые в свою очередь ссылались на отсутствие соответствующих полномочий.

Многих родителей и учеников не устраивает ни уровень, ни организация обучения на родном языке. Так, 68 % экспертов, считает, что в ближайшее время в регионе будет достаточное количество родителей, заинтересованных в изучении детьми родного языка. Тем не менее, как показал опрос, вероятность всплесков массового, выходящего за рамки закона, недовольства действующей моделью языковой политики и этнокультурного образования невелика. Несмотря на существующие и периодически возникающие проблемы и противоречия, подавляющее количество респондентов (90 %) считают, что состояние изучения родных языков и этнических культур в общеобразовательных учреждениях не может обострить межнациональные отношения в регионе. При ответе

на вопрос: «В какой мере изучение в общеобразовательных учреждениях родных языков и этнокультурного содержания образования может влиять на этническое и гражданское самосознание населения Вашего региона» ответы распределились следующим образом: «оба вида развиваются» – 65 %; «этническое самосознание усиливается, гражданское слабеет» – 11 %; «гражданское самосознание усиливается, а этническое слабеет» – 9 %; затруднились ответить – 15 %.

Подавляющее большинство опрошенных (69 %) хотело бы, чтобы окружающие воспринимали бы их как граждан страны (а не как лиц «кавказской национальности»), 11 % предпочло бы, чтобы их воспринимали как представителей отдельных национальностей, 13 % – как жителей определенного региона. Полученные результаты указывают на наличие у большинства респондентов устойчивой российской гражданской идентичности, которая вполне может совмещаться с региональной и этнической [4].

Наличие в культурах северокавказских народов таких соционормативных регуляторов, как адыгагъэ (адыгство), апсуара (абхазство), нохчалла (чеченство), галгал (ингушство), которые выступают воплощением морального опыта, является основой устойчивости всего социума. Не умаляя роли государственных структур и управленцев, можно утверждать, что благодаря имеющемуся у народов моральному опыту, адыги, как и другие народы Северного Кавказа, сумели остаться на политической и этнической карте мира, не потеряв своей идентичности, своей ментальности, обогащая мир свой этнической культурой.

Примечания

1. Ханаху Р.А. Малые культуры в условиях глобальных изменений в мире // Философия. Социология. Культурология. 2006. № 5. С. 152–153.

2. Психолог призвала не уступать пожилым людям место в метро // Москва 24. 2019. 21 мая URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/21052019/76941?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 01.06.2019).

3. Кузьмин В. Штраф за равнодушие // Российская газета. 21.03.2019. № 63. URL: https://rg.ru/2019/03/21/medvedev-predlozhil-shtrafovat-za-otkaz-obsluzhivat-pensionerov-i-invalidov.html (дата обращения: 02.06.2019).

4. Этнокультурное образование и языковая политика в регионе (Проект социологического исследования РНЦ-2015): Аналитическая справка отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. Майкоп, 2015. (Рукопись). С. 12–14.

А.З. Адиев

САМООРГАНИЗАЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Социальная активность и самоорганизация граждан в решении вопросов местного значения заметно возрастает, становясь все более существенной частью общественно-политического процесса в различных регионах России, где наблюдается рост общественного запроса на получение качественных услуг по всем направлениям социальной политики. Испытывая потребность в улучшении условий жизни в своих населенных пунктах, люди все чаще самоорганизуются для решения вопросов местного значения. Благодаря возможностям современных средств массовой коммуникации социальная мобилизация и консолидация людей не представляется сегодня чем-то сложным. Люди все чаще создают тематические сообщества и группы, где путем публичных обсуждений формулируют повестку дня, а затем коллективными усилиями решают обозначенные социальные проблемы.

В условиях северокавказских локальных сообществ (как городских, так и сельских), где преобладают дотационные местные бюджеты, такая самоорганизация граждан позволяет решать бытовые и насущные проблемы, на решение которых у местных властей не хватает финансовых средств. Люди, используя эффект коллективной самоорганизации, ремонтируют и строят поселковые дороги, дошкольные образовательные учреждения, спортплощадки, мечети, сельские клубы, спонсируют газификацию отдельных улиц и сел, организуют вывоз твердых бытовых отходов, проводят этнокультурные и религиозные праздники и т.д. Подобная активность граждан России в республиках Северного Кавказа развита не повсеместно, да и содержательные характеристики самоорганизации людей в отдельных сообществах существенно разнятся. К примеру, в Дагестане даже в двух соседних селах общественная жизнь может кардинально отличаться. Если жители одного села проявляют пассивность, привычно ожидая решения всех вопросов местного значения от органов власти, то жители другого села берут инициативу в свои руки и решают свои социальные проблемы самостоятельно, вплоть до найма педагогов в местные школы, чтобы повысить качество получаемого их детьми общего образования [1].

Возникает вопрос, какие факторы способствуют активной и успешной самоорганизации граждан в решении вопросов местного значения. Научный интерес представляет также изучение доступных жителям сельских территорий стратегий и ресурсов самоорганизации населения. На примере практик самоорганизации в селах Ногайского района Республики Дагестан мы обратимся к формам и методам участия граждан в решении вопросов местного значения.

Сбор материалов для анализа осуществлялся в основном с помощью этнографических методов исследования: интервью и открытые групповые дискуссии. В качестве косвенных методов сбора данных использовался контент-анализ муниципальных СМИ и тематических медиа-ресурсов, поскольку собираемые информационные материалы, как правило, не становятся новостью или событием федерального и регионального значения. В связи с этим одним из методов сбора информации об успешных практиках самоорганизации граждан на поселенческом уровне стал обзор страниц в социальной сети Instagram, посвященных конкретным селам. Данный медиаресурс, где публикуются все значимые для локального сообщества события, удобен своей доступностью и адресностью.

Населением в соответствии с федеральным законодательством могут самостоятельно решаться любые вопросы местного значения [2]. Для этих целей граждане могут проводить местный референдум, сход, собрание или конференцию, выдвинуть правотворческую инициативу, организовать публичные слушания, принять участие в опросе граждан, подготовить обращение в органы власти. Наряду с перечисленными формами самоорганизации граждане вправе участвовать в осуществлении местного самоуправления в иных формах, не противоречащих федеральному и региональному законодательству [3].

Одной из особенностей самоорганизации сельских жителей в Ногайском районе Дагестана является ориентация граждан как на формальные институты (главы администраций сельских поселений и депутаты), так и на неформальные ресурсы, имеющие региональную социокультурную специфику. В большинстве случаев самоорганизация сельчан по решению вопросов местного значения происходит вокруг мечети, уважаемых старейшин и других неформальных институтов и авторитетов.

Среди активных участников практик самоорганизации граждан на поселенческом уровне для решения вопросов местного значения можно выделить молодежь, пенсионеров, предпринимателей, а также сельчан трудоспособного возраста, мигрировавших за пределы республики, но продолжающих (посредством сетей, трансфертов и различных форм

мобильности) активно участвовать в социальной жизни села, откуда они родом. Описывая мотив участия дагестанцев-мигрантов в общественной жизни родного села, этнограф Е.Л. Капустина пишет: «Для дагестанцев, где бы они ни проживали, локальное сельское сообщество, или джамаат, имеет огромное значение. Люди ощущают или стремятся ощущать себя членами именно сельского джамаата, воспринимают его как целостную и неделимую социальную структуру и стараются внести посильный вклад в обеспечение благосостояния родного села в целом, а не только семейного дома или домохозяйств родственников» [4]. Романтическое (ностальгическое) восприятие малой родины как места, куда мигранты или их потомки рано или поздно должны возвратиться, побуждает их инвестировать в социальные проекты по возрождению села.

Привычным делом в селах Ногайского района Дагестана становится строительство и ремонт социальных объектов за счет народного финансирования (crowdfunding), в котором, помимо проживающего в этих селах населения, активно участвуют мигранты – выходцы из этих сел, проживающие в других регионах России. В селах, где практикуется народное финансирование, то есть самообложение граждан в условиях недостатка бюджетных денег, вырабатываются и технологии контроля качества заказываемых работ и услуг, а также обеспечения прозрачности общественного фонда (особенно отчетности по расходам средств из фонда). Как правило, инструмент народного финансирования начинает эффективно работать после избрания ответственного куратора реализуемого социального проекта из числа проживающих в селе гражданских активистов и составления сметы расходов. Рассчитав необходимую сумму, сельские активисты распределяют ее между всеми трудоспособными земляками, куда включаются и трудовые мигранты из этого села, живущие за пределами малой родины. В свою очередь мигранты по данному вопросу могут кооперироваться по регионам и городам пребывания в группах, созданных в мессенджерах для связи с родным селом. Такие же группы создаются по поколениям трудоспособного возраста (например, группа «поколение 1990-го года рождения» и т. д.) вне зависимости от географии проживания. Как отмечают авторы, изучавшие отношение жителей сельских поселений Тюменской области к применению средств самообложения граждан для решения вопросов местного значения, граждане могут сомневаться, что собранные средства будут потрачены на соответствующие цели [5]. Чтобы снять вопрос недоверия, сельские активисты, занятые решением конкретных вопросов, требующих софинансирования, используют все доступные каналы связи

с земляками-мигрантами. Если, к примеру, человек не доверяет лидеру землячества в городе проживания, то бывший одноклассник, возможно, вызывает больше доверия. Деньги собираются администраторами групп, чьи банковские карты привязаны к номерам сотовых телефонов, в мессенджерах и социальных сетях. При наборе достаточной для реализации проекта суммы все участники процесса информируются по своим группам о завершении сбора средств, а курирующий строительство или ремонт социального объекта сельский общественный активист информирует все сообщество о проделанной работе с помощью отчетных фото- и видеоматериалов.

Реализованный такими усилиями социальный объект становится местом проведения сельских сходов и собраний. К примеру, мечеть, построенная на народные деньги, становится не просто местом, где отправляются религиозные ритуалы, но и как результат коллективного труда становится местом самоорганизации граждан. Отсюда тренд на более активное участие в общественной жизни дагестанских сел именно практикующих мусульман, регулярно посещающих мечеть. Пятничные коллективные молитвы превращают сельскую мечеть в площадку, где прихожане обсуждают не только проповедь имама, но и актуальные вопросы местного значения: земельный вопрос, проблему утилизации твердых бытовых отходов, бездорожье, трудности с водо- и электроснабжением и др. В решении спорных и конфликтных вопросов в Дагестане нередко обращаются к авторитету старейшин, которые могут найти компромиссное решение, устраивающее обе стороны, тогда как официальные властные институты решают спор однозначно в пользу лишь одной из сторон конфликта.

Результаты исследования позволяют выделить ряд факторов, благоприятствующих гражданской активности и успешной самоорганизации жителей сельских поселений в решении вопросов местного значения. По количеству жителей село должно быть не слишком крупным, чтобы население не было разобщенным и могло ощущать единство локального сообщества. Как правило, самоорганизация жителей в масштабах села зависит от общего уровня их сплоченности. К примеру, жители районного центра (село Терекли-Мектеб) более пассивны, чем жители остальных сел Ногайского района Дагестана в деле самоорганизации граждан по решению вопросов местного значения. Важным фактором активности граждан в решении вопросов местного значения выступает наличие у села финансово успешных выходцев и трудовых мигрантов, живущих за пределами малой родины, но поддерживающих контакты с родным селом

и готовых инвестировать в его развитие. Высокая религиозность общины (измеряемая, например, количеством жителей, регулярно посещающих сельскую мечеть) также может рассматриваться как один из факторов, способствующих самоорганизации граждан. Пятничные коллективные молитвы, на которые вместе с рядовыми гражданами ходят и работники администрации муниципалитета, а также сельские депутаты, превращают мечеть в площадку обсуждения актуальных вопросов местного значения. Наконец, очень важным для поддержания единства сообщества становится наличие тематических групп в мессенджерах и социальных сетях, объединяющих посредством мобильной связи и интернет-коммуникаций социально активных жителей села и выходцев из него.

Примечания

1. Соколов Д., Крайнова Н. Кто поедет в Тлондоду? // Это Кавказ. URL: https://etokavkaz.ru/obshchestvo/kto-poedet-v-tlondodu (дата обращения: 23.07.2019).

2. Савченко М.С. Нормативно-правовые основы реализации населением муниципальных образований форм непосредственной демократии // Местное самоуправление в России и Германии: история и современность (на примере Юга России). Ростов н/Д., 2010. С. 839–843.

3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 23.07.2019).

4. Капустина Е.Л. Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 26–32.

5. Егунов Э.В., Матаев А.С., Попкова А.А. Самообложение граждан как механизм повышения эффективности решения вопросов местного значения в сельских поселениях // Академический вестник. 2014. № 3. С. 5–13.

Ш.Г. Тагиева

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Социальная сфера представляет собой совокупность отраслей, предприятий и организаций, определяющих уровень жизни населения и их

благосостояние. Введенный в 1999 г. на территории Чеченской Республики режим контртеррористической операции (КТО), действовавший до апреля 2009 г., определял ситуацию во всех сферах: военные операции разрушили транспортную инфраструктуру; общество разделилось на слои и группы с противоположными взглядами; одновременно произошла социальная поляризация населения, что в совокупности с вмешательством зарубежных террористических организаций, а также другими негативными политическими, этнонациональными, экономическими, социальными, идеологическими, правовыми факторами способствовало существованию на территории республики организованного бандподполья. Консолидированный бюджет Чеченской Республики впервые был утвержден после завершения активной фазы КТО в 2002 г., его доходная часть составляла 5 млрд 580 млн руб. и только около 14 % составляли собственные ресурсы, основная же часть покрывалась за счет субвенций и дотаций. В 2003 г. бюджет Чечни составил около 8 млрд 550 млн руб., и только 18 % этого бюджета было получено из собственных ресурсов [1]. Большая часть населения республики оказалась за гранью бедности. В этот период была реализована первая федеральная целевая программа «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики», действовавшая с 2002 по 2007 гг., в рамках которой из федерального бюджета было выделено 41,5 млрд руб. [2]. С 2006 г. в республике были упорядочены и законодательно регламентированы бюджетное устройство и бюджетный процесс. В период с 2007 по 2018 гг. Чечня получила из Федерального бюджета более 647 млрд рублей [3]. Зависимость бюджета региона от помощи из федерального центра является известным фактом: на безвозмездные трансферты приходится в среднем 87 % доходов региона. Деньги Чечня получает по прозрачным и рассчитываемым по специальной формуле статьям, например, госпрограмма развития Северного Кавказа до 2025 г., а также по непрозрачным, распределяемым вручную, например, так называемая дотация «на сбалансированность бюджета». Характеризуясь крайне низким уровнем, налоговые и неналоговые доходы в настоящее время показывают положительную динамику роста.

Помимо политико-стратегического значения Чеченская Республика является важным коммуникационным узлом в контексте транспортировки российской нефти к азово-черноморским портам. Углеводородные ресурсы Чечни с XX в. привлекали внимание других государств. В годы Великой Отечественной войны, когда Грозный наравне с Баку снабжал фронт топливом, немецкие бомбардировщики практически полностью разрушили нефтяные промыслы и предприятия. В 90-е годы

XX в. потенциальные ресурсы нефти Чеченской республики оценивались примерно в 100 млн тонн, при этом на 1 января 1991 г. Управлением Северо-Кавказскими магистральными нефтепроводами, расположенным в Грозном, эксплуатировалась трасса протяженностью в 2000 км, по которой в 1990 г. было перекачано лишь 58 млн тонн нефти. Некоторые нефтяные скважины, расположенные в Грозном, Гудермесе, Сунже, до сих пор находятся в бездействующем состоянии [4].

Важнейшей отраслью Чеченской Республики является сельское хозяйство со специализацией на растениеводство, животноводство, виноделие и рыболовство. Сельскохозяйственные угодья, структура которых состоит из пашни (34 %), многолетних насаждений (1,1 %), сенокосов (5,8 %), пастбищ (59 %), занимают 62,3 % территории. Выращивание злаковых культур обусловлено плодородием черноземной почвы и благоприятным климатом (встречаются все переходные типы климатов). Животноводство и промыслы ориентированы на разведение овец, коров (молочное скотоводство), лошадей, рыбы, птицы (кур) [5].

Как особая сфера на современном этапе получил развитие горный туризм. Представление о масштабах туристического потока может дать статистика прибытий на высокогорное озеро Кезеной-Ам. Так, по данным местного КПП, в 2012 г. на озере побывало 8 тыс. туристов, а в 2013 г. их число возросло до 20 тыс. [6].

Строительство культурных центров на территории Гудермеса и Аргуна, совмещающих функции учреждения культуры, образовательного центра, а также общественного пространства, позволило создать новые рабочие места. Открытие Грозненского городского делового центра и крупного медицинского комплекса 5 октября 2011 г. стало знаковым событием для всей республики.

Согласно статистическим данным, средняя заработная плата населения республики в январе – марте 2018 г. увеличилась на 9,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, в результате она составила 24 095 рублей. В январе – апреле того же года промышленное производство в стране увеличилось на 100,8 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, в том числе 92,3 % в горнодобывающей и перерабатывающей промышленности. На 101 % выросло производство электроэнергии, газа и пара – на 100 %. Водоснабжение, водоотведение, сбор и переработка отходов составили 100,7 %. Объем сельскохозяйственного производства в январе – апреле 2018 г. составил 3,6 млрд руб., что на 0,2 % меньше сопоставимых цен за соответствующий период 2017 г.

Строительные работы составили 11 829,3 млн руб., что в 5,7 раз больше, чем в январе и апреле 2017 г. В том же году автомобильным транспортом было перевезено 1 212 600 тонн грузов и 5,3 млн пассажиров.

Оборот розничной торговли в Чеченской Республике составил 50,9 млрд руб., что на 1,5 % выше, чем в январе и апреле 2017 г. Объем платных услуг населения увеличился на 6,3 % по сравнению с соответствующим периодом 2017 г. и составил 18,5 млрд руб. В январе и апреле 2018 г. цены на потребительском рынке выросли на 0,8 % [7].

На социальный комплекс Чеченской Республики приходится 28 % выпуска продукции всей региональной экономики, 34 % добавленной стоимости, произведенной в регионе, 39 % инвестиционных вложений, 42 % налоговых выплат, 24 % среднегодовой численности занятых с производительностью труда 0,638 млн руб./чел. [8].

Объем иностранных инвестиций в экономику республики на протяжении 2016–2017 гг. составил порядка 23 млрд руб. В этот период были реализованы семь проектов с участием зарубежных инвестиций на сумму 22,944 млрд руб. Самый крупный проект стоимостью свыше 4 млрд руб. был реализован турецкой фирмой «Агроинвест», построившей в Грозненском районе комплекс высокотехнологических теплиц мощностью 7,4 тыс. тонн овощей в год. Также в Чеченскую Республику пришли инвестиционные компании Emaar и Trojan General Contracting L.L.C из Объединенных Арабских Эмиратов, корейские фирмы «ХанЧенКон» и Kokam Co Ltd, компания с участием китайского капитала «Шелковый путь» [9]. Уже имеются проекты на перспективу. Все это, с одной стороны, говорит об эффективности местной власти и заинтересованности иностранных партнеров стабильности в Чеченской Республике. С другой стороны, иностранные вложения – это завоевание инвесторами местного рынка, что может привести к устранению региональных компаний и установлению монопольных цен.

Примечания

6. Никольская П., Козлов В., Якорева А., Мязина Е., Кожухарь А. Исследование РБК: 20 главных фактов о Чечне. URL: https://www.rbc.ru/research/society/01/02/2016/56ae68679a7947d73142182d (дата обращения: 25.06.2019).

7. Федеральная целевая программа «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 год и последующие годы)». URL: http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2006/141 (дата обращения: 12.06.2019).

8. Никольская П., Козлов В., Якорева А., Мязина Е., Кожухарь А. Указ. соч.

9. Чеченская республика: нефтяной ракурс. URL: http://www.nefte.ru/oilworld/chechen1.htm (дата обращения: 01.05.2019).

10. Чеченская Республика. АГРИЭН. URL: http://www.agrien.ru/reg/чеченская.html (дата обращения: 01.07.2019).

11. Ильясов М.М., Вараев У.С., Айдамиров А.Р. Развитие туризма в Чеченской Республике // Молодой ученый. 2006. № 2. Ч. 5. С. 502–504.

12. Основные итоги социально-экономического развития Чеченской Республики за январь – апрель 2018 г. URL: https://www.grozny-inform.ru/news/economic/96542/ (дата обращения: 01.07.2019).

13. Эскиев М.А., Чажаев М.И., Ялмаев Р.А. Социально-экономическое положение Чеченской Республики с точки зрения эффективности экономики, уровня развития и доступности инфраструктуры, качества человеческого капитала, условий для жизни, а также условий для ведения бизнеса // Молодой ученый. 2015. № 14. С. 313–317.

14. Объем зарубежных инвестиций в экономику Чечни за два года составил почти 23 млрд руб. // ТАСС. URL: https://tass.ru/severnyy-kavkaz/4746975 (дата обращения: 01.07.2019).

О.С. Савельева

СТАТУСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАВКАЗСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Важным ключом к пониманию современных стартовых возможностей этнических групп предстает динамика их этносоциальных позиций. Один из стереотипов общественного мнения – ориентация кавказцев на непроизводственные сегменты экономики. Показательно в этом отношении исследование Г.С. Денисовой, проведенное в Ростовской области в 2006 г. [1]. Согласно результатам опроса, основными сферами деятельности мигрантов выступают торговля на рынках и в ларьках (37,3 %), попрошайничество и нищенство (17 %), а также криминальная деятельность (15,3 %). В результате можно сказать, что респонденты соотносят образ переселенца в первую очередь с временными мигрантами. Тех, кто уже обосновался, «вписался» в городской социум, население не выделяет.

Результаты опроса армян-мигрантов, прибывших в Ростовскую область и Краснодарский край из ближнего зарубежья (Армения, Грузия, Азербайджан) в постсоветский период, показывают, что если в местах

прежнего проживания только 5 % из них занималось коммерческой деятельностью, то после переезда – уже около 30 %. И в целом на новом месте профессиональная занятость почти 2/3 переселенцев была связана с негосударственным сектором экономики [2]. Что и понятно: при переезде утрачивались все статусные достижения прошлого периода жизни и трудовую карьеру, как правило, надо было начинать заново.

Аналогичную социопрофессиональную метаморфозу претерпевали и группы мигрантов других национальностей. Однако по мере укоренения этнических групп их профессиональные ориентации и сферы экономической деятельности вновь начинали меняться. Особенно когда во взрослую трудовую жизнь входила молодая генерация – те, кто родился (или вырос) в новой этносоциокультурной среде и не требовал языковой или психоповеденческой адаптации.

При этом трудовая адаптация кавказских этнических групп на Юге России происходила по разным сценариям. А.В. Бедрик выделяет четыре сектора во всем спектре занятости этнических мигрантов:

1. Ниша этнопрофессионализма.
2. Ниша этноэкзотики.
3. Ниша непрестижной и малодоходной занятости, включая сферы, связанные с неквалифицированным трудом.
4. Ниша криминальной и теневой занятости [3].

Представляется, что ярким примером законченной трудовой адаптации по форме этнического предпринимательства является армянская община. Армянская диаспора успешно интегрировалась в южнороссийский социум, при этом ее социопрофессиональная структура практически соответствует коренному населению. Нет ни одной крупной социально-профессиональной группы, в которой бы присутствие и влияние армян в настоящее время не было ощутимым.

Трудовая адаптация у других кавказских этнических групп скорее проходила по рисковой стратегии. Например, у чеченцев (согласно опросу 97 человек, проведенному в Ростовской области в 2004 г. ЮНЦ РАН) стрессовые факторы миграции побудили совершить переезд более трети опрошенных (37,1 %) [4]. Социально-экономическая адаптация диаспор, сформировавшихся в 1990-е гг., остается трудной. До сих пор основными сферами экономической деятельности аварцев, чеченцев, даргинцев остаются сельское хозяйство и животноводство. Незначительная прослойка интеллигенции среди представителей северокавказских диаспор (учителя, агрономы и др.) значительно уступает аналогичным показателям у других национальностей. Показателен и

тот факт, что, например, в Ростовской области в два раза меньше доля представителей северокавказских общин (чеченцы – 22,2, аварцы – 28,6, даргинцы – 22,9 %), по сравнению с русскими и армянами (соответственно 42,7 и 44,3 %), живущих в меньшей степени за счет доходов с трудовой деятельности, но в большей – благодаря личному подсобному хозяйству (русские – 1,4, армяне – 3,0, чеченцы – 16,1, аварцы – 14,8, даргинцы – 22,1 %). Также показательно, что чуть менее 50 % северокавказских респондентов основным источником средств существования назвали иждивение [5].

Главная особенность проявляется в сохраняющемся доминировании этнических групп в отдельных отраслях хозяйства. В торговле, частично в сельском хозяйстве, доминируют кавказские этносы, в промышленности, управлении – русские. И здесь, вероятно, сложился вектор социально-экономического взаимодействия, который можно обозначить «взаимная заинтересованность». В названных экономических зонах довольно явно сохраняется локализация интересов, а каждая этническая группа воспринимает ситуацию как «разделение труда». Сохранение сложившегося разделения интересов в обозначенных сферах при условии динамичного развития стимулирует экономическое развитие общества.

Второй вектор социально-экономического взаимодействия, сложившийся под влиянием современной социальной структуры, – «конкуренция». Экономические профессии, юриспруденция, здравоохранение, наука и образование являются зоной общих интересов. В современных условиях финансовые ресурсы, правовая грамотность, образование и научные достижения предстают ценным активом, определяющим фактором социально-экономического развития любого общества. Однако борьба за их обладание может перерасти в межэтнические конфликты. Это возможно в случае этнической категоризации социальных ситуаций. Тогда конкурентная борьба и неравенство, присущие рыночной экономике, превращаются из естественной рыночной конкуренции и неравенства в межэтническое противостояние и этническое неравенство.

Одной из популярных сфер трудовой занятости для представителей Кавказа является сфера здравоохранения. В постсоветский период присутствие представителей как армянской диаспоры, так и многих других кавказских общин среди врачей и другого медицинского персонала становится все заметнее.

В административно-управленческой сфере карьера представителей Кавказа развивается по двум основным стратегиям: через избирательный процесс, включение в ряды депутатов различного уровня; через профессиональную карьеру, поступательный служебный рост [6]. Наблюдается стабильный рост количества представителей кавказских этнических групп в управленческом секторе в последние десятилетия.

Особый интерес представляет сфера бизнеса и малое предпринимательство. Именно в этом секторе этносоциальной реальности складывается «прозрачный» сценарий межэтнического взаимодействия. Бизнес и предпринимательство воспринимается как область, в которой представители разных этнических групп имеют одинаковые шансы. «Внеэтническое» восприятие предпринимательства является позитивной перспективой интеграции и развития общества.

Присутствие представителей кавказских этнических групп в профессиональных сообществах «русских» южнороссийского региона в настоящее время становится все более весомым. Мы наблюдаем расширение и трансформацию исходной социопрофессиональной структуры трудоактивного населения северокавказских общин, представители которых успешно продвигаются по карьерной лестнице в различных статусных иерархиях южноросийского социума.

Примечания

1. Денисова Г.С. Конфликтогенность социокультурного пространства Ростовской области. Ростов н/Д., 2007. С. 82.

2. Там же. С. 135–137.

3. Бедрик А.В. Трудовая адаптация этнических мигрантов в условиях социальных рисков (на примере Ростовской области): дис. … канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2007.

4. Там же. С. 122.

5. Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 11.03.2018).

6. Сущий С.Я. Представители народов Кавказа в статусных социопрофессиональных сообществах Юга России: тенденции постсоветского периода // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 3–16.

М.С. Трофимов, Д.А. Зассеев

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ[1]

Изучение истории российско-осетинских отношений в последнее время всё более актуализируется. Взаимоотношения между Россией и Южной Осетией имеют поступательную динамику развития и более чем 250-летнюю историю. Начало отношениям между двумя государствами положила Осетинская духовная комиссия, которая с 1745 г., выполняя православную миссию, явилась каналом связи, обеспечивающим «необходимую информационную основу для принятия политических решений» [1]. Установление официальных русско-осетинских отношений было положено осетинским дипломатическим представительством в Санкт-Петербурге (1749–1752 гг.). Вопросы, которые необходимо было решить осетинскому посольству, касались важных для Осетии целей. Это, в первую очередь, присоединение к Российской империи, внешняя безопасность, возвращение на равнину, беспошлинная торговля и доступность школьного образования. Установление политического союза и тесных дипломатических отношений, решение в дальнейшем первоочередных задач явилось показателем позитивных и созидательных действий как со стороны Осетии, так и со стороны Российского государства. В 1774 г. Осетия вошла в состав Российской империи. После присоединения горной Осетии к Российской империи устанавливаются исторические связи, которые и сегодня определяют вектор внешнеполитических приоритетов двух государств. В геополитических интересах России Республика Южная Осетия (РЮО) играла и играет особую роль, являясь геополитической опорой России на Центральном Кавказе.

В новейшей истории Южной Осетии первым шагом к обретению независимости можно считать принятое XII сессией двадцатого созыва Совета народных депутатов Юго-Осетинской автономной области 10 ноября 1989 г. решение о преобразовании автономной области в автономную республику в составе Грузинской ССР «в целях защиты прав народа Южной Осетии и создания конституционных гарантий автономии» [2]. Однако Президиум Верховного Совета Грузинской ССР при-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 19-511-07005.

знал решение сессии Совета народных депутатов Южной Осетии неконституционным и его отменил.

1 сентября 1991 г. в качестве неизбежной реакции на процессы, происходившие в СССР и Грузинской ССР, Совет народных депутатов Южной Осетии провозгласил создание Республики Южная Осетия. А 29 мая 1992 г. Верховным Советом Республики Южная Осетия был принят Акт о государственной независимости. Но несмотря на это, Грузия считала и считает Южную Осетию частью своей территории.

Провозгласив независимость, Республика Южная Осетия столкнулась с острым дефицитом собственных правовых актов. Возникла необходимость создания собственного законодательства. Процесс этот растянулся на долгие годы.

Формирование собственного законодательства в РЮО фактически началось с 1992 г. Но оно шло крайне медленно, в связи с чем существовала необходимость применения норм российского законодательства. В частности, 29 января 1992 г. Верховным Советом Республики Южная Осетия было принято Постановление «О применении аналогии Законов России на территории Республики Южная Осетия» [3]. Данное постановление распространялось на деятельность правоохранительных органов. Однако и другие органы государственной власти Республики, а также юридические лица и граждане фактически применяли и использовали правовые акты Российской Федерации.

2 марта 1993 г. было принято Постановление Парламента Республики Южная Осетия № С/VI-I «О применении норм Гражданского процессуального законодательства Российской Федерации на территории Республики Южная Осетия», в котором говорилось, в частности: «1. Установить, что до принятия Гражданского Процессуального Кодекса Республики Южная Осетия на территории Республики Южная Осетия применяются нормы гражданского процессуального законодательства Российской Федерации за исключением статьи 11, ч. 1, статьи 12, ч. 3, статьи 24, статей 114–116, 123–125, ч. 3, статьи 101, ч. 3, статьи 191, статей 282, 283, п. 2, ч. 1, статьи 289, статей 315, 319–321 ГПК РФ» [4].

Еще можно отметить в связи с этим Постановление Парламента Республики Южная Осетия от 24 декабря 2003 г. С-9/4 «О действии Арбитражного процессуального законодательства на территории Республики Южная Осетия», в котором говорится о том, что на «территории Республики Южная Осетия применяются нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации за исключением положений, в отношении которых настоящим постановлением установлено иное» [5].

Сфера образования Южной Осетии как одна из наиболее уязвимых сфер государства во время любых кризисов и политических катаклизмов очень серьезно пострадала от процессов, связанных с распадом СССР, агрессивных действий Грузии в 1990–2000-х гг., в течение продолжительного времени была лишена адекватного (отвечающего современным мировым требованиям) законодательства.

2 ноября 1993 г. была принята первая Конституция независимой Республики Южная Осетия [6]. В первую очередь на основе этой конституции были сформированы органы государственной власти и управления РЮО. В главе II «Государство и личность» закреплялось в том числе и право на образование.

4 августа 1995 г. был принят первый закон Республики Южная Осетия «Об образовании» [7]. Закон состоял из 5 разделов, объединявших 52 статьи. Согласно ст. 5 Закона, к государственным гарантиям прав граждан в области образования были отнесены:

«1. Получение образования на территории Республики Южная Осетия гарантируется независимо от расы, национальности, языка, пола, возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, социального происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, партийной принадлежности, наличия судимости.

Ограничения прав гражданина профессионального образования устанавливаются законом.

2. Право граждан на образование обеспечивается государством путем создания системы образования и соответствующих социально-экономических условий для получения образования.

3. Государство гарантирует гражданам получение бесплатного общего и профессионального (на конкурсной основе) образования в государственных (муниципальных) образовательных учреждениях в пределах государственных образовательных норм, если образование данного уровня гражданин получает впервые.

4. В целях реализации права граждан на образование, нуждающихся в социальной помощи, государство полностью или частично несет расходы на их содержание в период получения им образования. Категории граждан для оказания помощи, ее формы, размеры и источники устанавливаются республиканским законом.

5. Государство обеспечивает условия получения гражданами с отклонениями в развитии, их социальной адаптации с помощью специальных педагогических учреждений» [8].

В тексте закона 1995 г., в компоновке его содержания угадывается сходство с Законом РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» [9].

8 апреля 2001 г. всенародным голосованием была принята действующая в настоящее время Конституция Республики Южная Осетия [10]. С принятием конституции в Республике начался новый этап развития образования, основанного на новом правовом регулировании.

Согласно статье 18 Конституции РЮО в Республике признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией [11]. Статья 28-я Конституции РЮО звучит следующим образом:

«1. Каждый имеет право на образование и выбор форм его получения.

2. Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего, среднего (полного) общего образования, среднего профессионально-технического и высшего образования в государственных образовательных учреждениях.

3. Каждый имеет право на конкурсной основе бесплатно получить среднее специальное и высшее профессиональное образование в государственных учебных заведениях.

4. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.

5. В Республике Южная Осетия поддерживаются различные формы образования и самообразования» [12].

В развитие конституционных положений был принят закон Республики Южная Осетия от 11 апреля 2008 г. № 115 «Об образовании». Он включал в себя 7 глав, объединявших 60 статей. Закон отвечал требованиям времени, подробно регулировал компетенцию органов публичной власти в области образования, закреплял все необходимые права и обязанности участников образовательного процесса, содержал большее, по сравнению с законом 1995 г., количество гарантий права граждан на образование. Закон РЮО «Об образовании» 2008 г. в значительной степени похож на закон РФ «Об образовании» 1992 г. по состоянию на 2008 г.

Между тем после трагических событий 8 августа 2008 г., связанных с агрессией Грузии, 26 августа 2008 г. Указом Президента Российской Федерации № 1261 Россия признала Республику Южная Осетия независимым государством [13].

В 2013 г. была разработана и запущена Государственная программа Республики Южная Осетия «Развитие образования и науки» на 2013–

2017 гг. Российской Федерацией и Южной Осетией совместно была разработана и принята Инвестиционная программа содействия социально-экономическому развитию Республики Южная Осетия за период с 2008 по 2016 г.

18 марта 2015 г. был подписан Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия «О союзничестве и интеграции», нацеленный на оказание всемерной помощи Республике Южная Осетия во всех сферах ее жизнедеятельности, в том числе и в сфере образования. В одном из пунктов Договора обозначены переподготовка и повышение квалификации педагогических работников, осуществляющих образовательную деятельность Республики Южная Осетия (ст. 10, п. 2) [14].

Российская Федерация взяла на себя обязательства по оказанию поддержки Республике Южная Осетия в развитии и модернизации образования. В соответствии со ст. 10 Договора о союзничестве и интеграции Российская Федерация оказывает Республике Южная Осетия содействие в области науки и образования, способствует повышению качества образования. Соответственно, и государственная политика Южной Осетии в сфере образования также оказалась под серьезным влиянием России.

На основе Договора о союзничестве и интеграции и в целях способствования повышению эффективности процессов преобразования в Республике в 2015 г. был подписан План модернизации сети дошкольного и общего образования Республики Южная Осетия. В рамках модернизации были поставлены задачи по повышению качества и доступности образовательных услуг в Республике, обеспечению устойчивого развития сети образовательных учреждений, рациональному использованию свободных площадей зданий образовательных учреждений и кадрового потенциала системы образования, выявлению резервов имущественного комплекса образования.

Через два с половиной года после подписания Договора «О союзничестве и интеграции» Парламентом Южной Осетии 30 января 2017 г. был принят новый закон «Об образовании» (подписан Президентом РЮО 1 марта 2017 г.) [15], который заменил действовавший ранее закон 2008 г.

В статье 5-й закона Республики Южная Осетия «Об образовании» указано:

«1. В Республике Южная Осетия гарантируется право каждого человека на образование. <…>

4. …реализация права каждого человека на образование обеспечивается путем создания органами государственной власти, местными

органами государственной власти соответствующих социально-экономических условий для его получения, расширения возможностей удовлетворять потребности человека в получении образования различных уровней и направленности в течение всей жизни» [16].

Вслед за принятием нового закона об образовании, ознаменовавшим новейший этап развития образования республики, были разработаны и приняты более 20 подзаконных правовых актов, регламентирующих реализацию отдельных положений закона. И правовое регулирование сферы образования в Республике Южная Осетия продолжает развиваться.

Таким образом, российско-осетинское сотрудничество, в том числе в сфере образования, имеет богатые исторические традиции и на протяжении многих лет демонстрирует устойчивое развитие вне зависимости от политической конъюнктуры. Однако на качественно новый уровень двусторонние отношения в области образования вышли после признания Российской Федерации государственной независимости Республики Южная Осетия и установления дипломатических отношений. Анализ развития и современного состояния правового регулирования сферы образования в Южной Осетии позволяет сделать следующие выводы:

1. Органы государственной власти Республики Южная Осетия, уполномоченные в сфере законотворческой деятельности, стараются своевременно принимать правовые акты, регулирующие сферу образования, чтобы законодательство отвечало всем современным требованиям и вызовам.

2. Исторически стремясь к самостоятельности и независимости, Республика Южная Осетия в вопросах законодательства и правового регулирования общественных отношений тяготеет к Российской Федерации, зачастую используя российские нормативно-правовые акты в отсутствии собственного правового регулирования.

3. В Республике Южная Осетия создан собственный массив правовых актов в сфере образования. Однако, несмотря на самостоятельный характер актов, по своему содержанию и структуре они сходны с соответствующими актами Российской Федерации.

4. Процесс формирования современного законодательства об образовании в Республике Южная Осетия на сегодняшний день завершен. Идет процесс дополнения правового массива актами подзаконного характера. В целом это означает, что республика перешла от аварийных и экстренных вариантов правового регулирования к стабильному законодательству об образовании.

Примечания

1. Бзаров Р.С. Из истории аланской культуры. М., 2014. С. 69, 95–100.

2. Международное информационное агентство «Южная Осетия сегодня». URL: https://south-ossetia.info/respublika-yuzhnaya-osetiya-segodnya/istoriya/ (дата обращения: 22.07.2019).

3. Постановление Верховного Совета Республики Южная Осетия от 29 января 1992 г. №1 «О применении аналогии Законов России на территории Республики Южная Осетия» URL: http://vsruo.ru/normativnie_akti/detail.php?ID=302 (дата обращения: 12.08.2019).

4. Постановление Парламента Республики Южная Осетия №С/VI-I «О применении норм Гражданского процессуального законодательства Российской Федерации на территории Республики Южная Осетия». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31476459 (дата обращения: 03.07.2019).

5. Постановление Парламента Республики Южная Осетия от 24 декабря 2003 г. С-9/4 «О действии Арбитражного процессуального законодательства на территории Республики Южная Осетия». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31545234 (дата обращения: 03.07.2019).

6. Конституция Республики Южная Осетия от 2 ноября 1993 г. URL: http://mc-ir.ru/konstitutsiya-respubliki-yuzhnaya-osetiya-1993-g/ (дата обращения: 09.07.2019).

7. Закон Республики Южная Осетия от 4 августа 1995 г. «Об образовании». URL: http://www.parliamentrso.org/node/1299 (дата обращения: 18.07.2019).

8. Там же.

9. Закон РФ от 10.07.1992 №3266-1 «Об образовании» // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. №3. Ст. 150. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37284/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 11.07.2019).

10. Конституция (Основной Закон) Республики Южная Осетия от 8 апреля 2001 г. // Официальный сайт Правительства Республики Южная Осетия. URL: https://rso-government.org/konstituciya/ (дата обращения: 11.07.2019).

11. Там же.

12. Там же.

13. Указ Президента РФ №1261 «О признании Республики Южная Осетия» от 26.08.2008 // Собрание законодательства РФ. 01.09.2008. №35. Ст. 4012. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/27958 (дата обращения: 23.07.2019).

14. Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции (Подписан в г. Москве 18.03.2015). URL: http://kremlin.ru/supplement/4819 (дата обращения: 18.07.2019).

15. Закон Республики Южная Осетия от 1.03.2017 г. №101 «Об образовании» // Официальный сайт Парламента Республики Южная Осетия. URL: http://www.parliamentrso.org/node/1299 (дата обращения: 13.08.2019).

16. Там же.

РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА КАВКАЗЕ

А.В. Венков

ДОНСКИЕ КАЗАКИ НА КАВКАЗЕ В 1845–1856 гг.

Известна роль казачества в Кавказской войне. Заселяя приобретенную по мирным договорам территорию, российское правительство делало ставку на казачьи станицы, которые после окончания Кавказской войны были разделены на Терское и Кубанское казачьи войска. Однако наличных казачьих станиц для удержания территории не хватало, и на Кавказ постоянно посылались донские казачьи полки.

В рассматриваемый нами период на Кавказе (Северном Кавказе и в Закавказье) несли службу 19 донских полков. Полк донских казаков по штатному расписанию в то время имел 868 человек. То есть количество донских полков на Кавказе в означенное время было равно числу всех донских казачьих полков, несущих службу в России в 1913 г.

Мы рассмотрим два полка, сменивших друг друга на так называемой Кумыкской линии. Эта линия от Умахан-Юрта на реке Сунже тянулась через Куринское укрепление, Герзель-аул, крепость Внезапную до Чир-Юрта на реке Сулак (до владений подвластного России шамхала Тарковского). Кумыкская линия отделяла Кумыкскую плоскость (с мирными кумыкскими селениями) «жалкую, ощипанную, оголенную и неприглядную» [1] от Большой Чечни. Объединяет эти два полка то, что длительное время ими обоими командовал легендарный Я.П. Бакланов, имя которого в 1904 г. было присвоено одному из донских казачьих полков, наряду с именами А.В. Суворова, М.И. Кутузова, Г.А. Потёмкина, Ермака Тимофеевича, М.И. Платова и т.д.

Рассматриваемый период – с 7 мая 1845 г. (время выступления на Кавказ полка № 20) по лето 1850 г. (смена двух полков) и далее до сентября 1856 г. (время возвращения с Кавказа полка № 17). Источником по

личному составу, службе и боевой работе полков служат так называемые полковые книги. Такая книга дает полную характеристику Донского полка № 20 [2]. Анализируя боевую работу полка, мы определим активность русских войск и войск имамата в исследуемый период, проследим с чем связано то или иное событие.

Штаб полка находился в станице Старогладковской, сотни стояли в той же станице, а также в Курдюковской, Новогладковской и в укреплении Куринском (бывшее селение Ойсунгур). Кроме полка № 20, Кумыкскую линию удерживали еще один казачий полк, полк егерей, линейный батальон.

В 1845 г. самым заметным событием Кавказской войны стала Даргинская экспедиция. В ней участвовала 1-я сотня полка, двинутая с отрядом генерала Фрейтага навстречу отряду Воронцова. Казаки сотни участвовали в боях 17–19 июля. Во время экспедиции казаки, которые в ней не участвовали, отогнали 150 голов скота у чеченцев из-за реки Мичик и вели бой с чеченцами, которые жгли сено у Куринского укрепления 13 июля. Еще два боестолкновения произошли на территории, контролируемой казаками: 21 августа – перестрелка, когда рубили лес на дрова у укрепления Куринского; 29 сентября – бой с прорвавшимся отрядом мичикского наиба Баты на дороге от Куринского до Хошгельды. Таким образом, после Даргинской экспедиции казаки на чеченскую территорию не заходили, а чеченцы через их посты прорывались.

В 1846 г. казаки пытались удержать свои посты и Линию, а горцы их постоянно атаковали. 29 января произошел бой против чеченцев у Герзель-аула (те отвлекали от отрядов, которые пошли угонять скот у кумыков); 5 апреля – отвлекающий налет войск Шамиля у Амир-Аджи-Юрта (сам Шамиль готовил поход на Кабарду и провел его 16–27 апреля); 9 мая – отражение нападения на Куринское; 24 мая бой у Акбулат-Юрта; 20–26 мая – бои с отрядом Гойтемира при строительстве крепости Хасав-юрт; 14 июня – бой при фуражировке на р. Яман-Су; 4–5 июля – бой под Внезапной; 23 августа – отражение нападения на фуражиров; 29 августа – отражение партии, ворвавшейся на Кумыкскую плоскость; 26 сентября – бой у Куринского укрепления (отбивали угоняемый скот и увозимое сено).

В 1847 г. сохранялось некоторое равновесие: 9 января произошел бой на Тереке с прорвавшимся туда Батой Шанзуровым; 18 февраля – бой у Куринского; 22 апреля – стычка на фуражировке; 21 мая – бой у Таш-Кичу, отбили скот и пленных; 2 июня казаки попали в засаду на р. Аксай у Герзель-аула; 6 июня – перестрелка на покосе у Куринского.

Осенью русские стали переходить в наступление. 13–14 сентября казаки устроили набег на аул Зондак (отвлекали от наступления русских войск в Дагестане). 21 октября чеченцы ответили, и казаки вели с ними бой у Наим-Берды. Поздней осенью по снегу казаки опять перешли в наступление. 23 ноября произошел набег казаков на горские стада, 28 ноября казаки разорили аул Копли-Берды, 29 ноября – аул Аллерой, 30 ноября – аул Шаудан-Шари. По воспоминаниям Я.П. Бакланова, к этому времени полк был одет в черкески и вооружен шашками.

В 1848 г. весной горцы активизировались. 6 марта казаки вели с ними бой у Акбулак-Юрта на р. Исти-Су; 24 марта имела место стычка у станицы Горячеводской; 12 мая – бой у р. Нефтянки; 13 мая казаки отбивали угоняемый горцами скот. 23–24 июня произошел необычный по времени (летом) набег казаков на аул Ахмет-Талы и разорение этого аула. Затем ситуация вошла в привычное русло. 26 июня – бой казаков с горцами при рубке леса у Наим-Берды; 29 июля вновь перестрелка при рубке леса; 3 сентября у Хош-Гельды казаки отбили угоняемый горцами скот. Зимой русские войска перенесли военные действия на чеченскую территорию. 18 декабря казаки участвовали в набеге русских войск на Махмут-Юрт.

29–30 января 1849 г. произошел набег казаков на Умахан-Юрт; 9 марта они отогнали горские стада; 27 марта провели набег на селение Аух; 31 марта опять отогнали горские стада. В середине весны ситуация изменилась. 10 апреля казаки отражали нападение и вели перестрелку у Куринского; 10 мая вели бой у Амир-Аджи-Юрта; 19 мая – бой у Исти-Су; 26 мая – бой у селения Ойсунгур; 19 июля – бой на покосе. Следующие полгода холодного времени казаки начали отгон скота и участие в операциях русских войск на чеченской территории: 22 октября отгон скота; 6 ноября отгон скота на Мичике. В 1850 г. 16 января произошел набег казаков на Мискит; 24 января – бой у Геахи; 31 января – набег на селение Теасы и дальше; 9 февраля – набег на Таубулат-Юрт; 10 февраля – набег на редут Геахи; 23 февраля – набег на Марцы-Юрт; 14 марта – бой у Умахан-Юрта (все это на чеченской территории), и лишь 26 марта – отражение набега горцев у Исти-Су.

Летом 1850 г. полк № 20 был сменен. Он отстоял на Линии два лишних года из-за Венгерской кампании. По положению казаки должны были служить на Кавказе три года, а затем меняться. По нашим подсчетам, казаки за это время 32 раза вели бой на прикрываемой ими территории и 22 раза нападали на чеченские селения и отгоняли скот. Во время прохождения службы убиты 1 офицер, 3 урядника и 32 казака; умерли от

ран 1 урядник и 22 казака; 3 казака сбежали к горцам; 2 – отправлены в арестантские роты; 1 расстрелян; умерли от болезней 3 офицера, 5 урядников, 74 казака [3].

На смену полку № 20 прибыл полк № 17 (в походе с 18 мая 1850 г.). В полку числился 51 штрафованный казак. Разместился полк в укреплении Куринском и в селении Кара-Су. Его задачей было удерживать Качкалыковский лес и одноименный хребет. Источником по боевым действиям этого полка является его полковая книга [4].

12 июля, сразу по прибытии на Линию, полк вступил в бой с напавшими на фуражиров горцами в Качкалыковском лесу. Казаки сразу же были подключены к операции по рубке лесов, созданию просек, ведущих к горским селениям. Со 2 по 22 августа они прикрывали рубку просеки через Качкалыковский лес до р. Мичика; 22 августа участвовали в атаке на чеченский редут за Мичиком. Осенью и зимой шел обмен набегами. 1 сентября казаки отбивали угнанный горцами скот у станицы Щедринской; 24 октября участвовали в отвлекающем наступлении от Куринского и 25 октября – в набеге от Умахан-Юрта на Гудермес; зато 20 ноября отбивали набег Шамиля на аксаевские кочевья и 24 декабря отбивали налет горцев при заготовке дров.

13 января 1851 г. казаки провели операцию по истреблению чеченских запасов сена на Качкалыковском хребте; 19 января напали на стада на р. Мичике и отбили быков. 28 января им самим пришлось отбивать набег на Кумыкскую плоскость из аула Гальони. 14–15 февраля казаки участвовали в набеге на Махмуд-Юрт и угнали скот. Весной ситуация изменилась. 27 апреля казаки отбили налет горцев на Кара-Су; 7 июня отразили нападение на косарей; 8 июня отбили нападение у Энгель-Юрта. Летом 1851 г. русские войска начали наступательные операции, хотя обычно это происходило зимой. 28 июня часть полка устроила демонстрационное наступление к реке Мичик, а часть в тот же день участвовала в нападении на Шалинские и Автуринские поля. 12 августа полк участвовал в рекогносцировке и перестрелке у Качкалыковского хребта; 14 августа прикрывал рубку леса. 15 августа и 30 августа казаки отражали нападения горцев на укрепление Куринское.

Осенью вновь началось наступление русских войск: казаки совершали набеги 25 сентября и 11 октября на Аух; 10 октября – на Джалку и Гудермес; 22 октября – на Наурсу; 12 ноября – на Мазлыгаш. 16 ноября произошел бой при Дыхын-Ирзау; 6 декабря – бой за Мичикский редут; 16 декабря пожгли сено на всем протяжении Качкалыка. Активизация была связана с назначением начальником Левого фланга Линии князя

Барятинского. Началось систематическое уничтожение инфраструктуры чеченских селений.

С 5 января 1852 г. началась рубка леса до реки Мичик. 7, 14, 16, 18, 24, 25, 26 января полк вел бои на р. Мичик. После небольшого перерыва опять началась рубка леса и бои на той же речке – 12, 13 и 14 февраля. 17 февраля полк опять вел бой на Мичике и ходил в наступление навстречу Барятинскому, который с основной массой войск прошел через Большую Чечню к Куринскому. 24 февраля полк вел перестрелку у Умахан-Юрта; 25 февраля ходил в атаку на завалы у Умахан-Юрта. 22 марта полк участвовал в рекогносцировке и разорении аулов, а 23 марта прикрывал переселение из аулов, которые признали русскую власть. 4, 10, 24 июня и 12 июля казаки отражали набеги горцев на Исти-Су. 11 августа казаки ходили в набег на аул Гурдали. Осенью (с 11 ноября) опять начались набеги на чеченскую территорию.

В 1853 г. русские войска окончательно взяли под свой контроль оба берега речки Мичик. Этому предшествовали следующие бои на Мичике: 30 января, 6 февраля (перестрелка), 17 февраля. 25 февраля русские войска и казаки разорили Деньги-Юрт и Али-Юрт. Это немного обезопасило ситуацию на Кумыкской плоскости, но 11 мая все же произошло столкновение казаков у Исти-Су с абреками, не подвластными имаму.

В 1853 г. знаменитый генерал Я.П. Бакланов сдал командование полком. К этому времени в полку были убиты 11 казаков; 1 офицер и 2 казака умерли от ран; 1 урядник и 4 казака бежали; 1 офицер, 4 урядника и 93 казака умерли от болезней. Это данные промежуточные, поскольку полк № 17, как и полк № 20, не был отпущен с Кавказа после трех лет службы, а из-за начала Восточной войны продолжал нести службу. Из принципиальных различий в службе полков можно отметить в полку № 17 большее количество умерших от болезней. Дело в том, что этот полк состоял из казаков Верхнего Дона, где климат значительно отличается от кавказского.

Проанализировав боевые действия полка, мы видим, что за эти три с половиной года казаки 15 раз вели бои, прикрывая охраняемую территорию, и 40 раз ходили на чеченские селения и угодья. С переводом Я.П. Бакланова из полка прекращаются его рапорты. Лишь по данным о потерях казаков полка с указанием их времени и (иногда) места мы можем отметить бой 13 октября 1853 г.

Известно, что в 1854 г., когда генерал Я.П. Бакланов был отозван из Чечни на фронт против турок, произошла его «прощальная» экспедиция. «Эта экспедиция и истребление более двадцати чеченских аулов были ле-

бединой песней Якова Петровича на левом фланге», – заключает его биограф [5]. Экспедиция проводилась в другом месте и с другими полками.

Исследуемый нами полк № 17 в это время вел оборонительные бои. 23 сентября 1854 г. произошел бой у Эндери, 29 сентября – еще один бой, 3 октября – бой с отрядом наиба Каир-бея, который прорвался на Кумыкскую плоскость. Как видим, воспользовавшись войной, войска имамата пытались восстановить положение. Далее данные отрывочные, известно лишь о бое 19 ноября 1855 г. и о бое 2 января 1856 г.

За оставшийся срок службы, с середины 1853 г. по лето 1856 г., полк потерял убитыми 1 офицера и 6 казаков, 3 урядника и 12 казаков умерли от ран, умерли от болезней 40 казаков и от несчастных случаев 4. Как видим, больными полк потерял почти в два раза больше, чем полк № 20, но убитыми и умершими от ран – почти в два раза меньше. Объяснить это можно, как уже говорилось, непривычным для казаков Верхнего Дона климатом и возросшим боевым мастерством командования, научившегося беречь вверенных ему людей. Кроме того, по действиям полков видны всплески активности противоборствующих сторон, изменения в их стратегии.

Примечания

1. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. № 15. Тифлис, 1894. С. 451.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 638.
3. Венков А.В. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. М.: Вече, 2016. С. 264.
4. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 620.
5. Бакланов Яков Петрович – генерал-лейтенант Войска Донского. Сер. Пантеон донской славы. Ростов н/Д.: NB, 2007. С. 183.

М.Дж. Гасымлы

ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ СБЛИЖЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ И ТУРЦИИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В бывшей советской историографии господствовал тезис о том, что в начале 1920-х гг. Советская Россия оказала безвозмездную дружескую помощь турецкому народу в национально-освободительной войне.

Но историки умалчивают о реальных причинах этой помощи. Возникает вопрос: под влиянием каких факторов Советская Россия фактически сблизилась с Турцией и поддержала ее? О чем свидетельствуют малоизученные архивные документы?

Как известно, после окончания Первой мировой войны страны Антанты во главе с Великобританией вели военные действия против большевистской России и Турции. Такое положение привело к сближению обеих стран. Исследование архивных документов, хранившихся в советскую эпоху под грифом секретности, выявляет глубокие стратегические, военно-политические и экономические причины, обусловившие сближение двух стран в борьбе против Антанты. В это время международное положение большевистской России было тяжелым и в основном характеризовалось следующими факторами: Первая мировая война разрушила существующую систему международных отношений; в ходе войны был свергнут царизм в России и создано Временное правительство; после прихода к власти большевиков в результате Октябрьского переворота, возникли совершенно новые условия развития страны. Заключив с Германией сепаратный мир, Советская Россия превратилась во врага стран Антанты, союзницей которых она была ранее.

Идеи большевизма и попытки лидеров Октябрьского переворота совершить мировую революцию угрожали экономическим, политическим, военным и стратегическим интересам стран Антанты. Лозунги большевистской России о путях спасения народов мусульманского Востока от колонизации, провозглашение этого в своих официальных документах оказали значительное влияние на народы, находившиеся под колониальным гнетом. В таких условиях благоприятные стратегические и торговые пути в Индию, находившиеся под контролем Великобритании, оказались под угрозой.

Заманчивые лозунги большевиков создавали максималистско-революционное настроение у широких масс населения и привлекали не только народы стран Востока, но и были популярны в странах Запада, находившихся в вихре социально-экономических трудностей после войны. Поэтому страны Антанты старались окружить Россию враждебными государствами, особенно на Западе, превратив Польшу в ее врага. Они хотели «задушить в колыбели» правительство большевиков, возглавляемое В.И. Лениным, названным «агентом Германии», поскольку оно препятствовало претворению в жизнь политических, экономических, финансовых и других интересов бывших союзников. Страны Антанты организовали военную интервенцию на окраинах Советской России,

стали оказывать помощь лидерам антибольшевистского движения – бывшим царским военным, вмешиваясь тем самым в разгоревшуюся в стране гражданскую войну. За адмиралом А.В. Колчаком, генералами А.И. Деникиным, П.Н. Врангелем и Н.Н. Юденичем стояли государства Антанты, одержавшие победу в мировой войне.

Поддерживая генерала П.Н. Врангеля, Англия и Франция преследовали свои цели. Пока Крым находился в руках у Врангеля, революционная Турция не могла быть надежно защищена. Такая ситуация была опасной для России, поскольку через Крым английские и французские войска могли двинуться на ее материковую часть, а случае обретения успеха странами Антанты в борьбе с армией Мустафы Кемаль-паши армия Врангеля могла воспрепятствовать созданию советско-турецких связей через Чёрное море.

Греция, захватившая Фракию и Стамбул, на Балканах отделяла Россию и Турцию друг от друга. Всюду страны Антанты, создававшие искусственные препятствия против России и Турции, затрудняли сближение восточных народов с Россией. Поэтому государства Запада оказывали помощь на Южном Кавказе независимому Азербайджану, дашнакской Армении и меньшевистской Грузии [1]. Существование независимых Азербайджана, Армении и Грузии разделяло Россию и Турцию, которые воевали против стран Антанты, и создавало угрозу их безопасности. На самом деле война против России была войной против народов Востока, а война против народов Востока сводилась к войне против России. Восточные народы всё больше тяготели к Турции и Советской России. А это означало, что страны Антанты рыли себе могилу.

Политика Англии по изоляции России и вытеснения ее с Востока не ограничивалась лишь этими целями. Она пыталась поднять против России не только такие христианские страны, как Греция, Армения и Грузия, но и мусульманские массы, живущие на территории бывшей империи, усиливала панисламизм и оказывала помощь султанскому правительству в Стамбуле в борьбе против национально-освободительной войны во главе с Мустафой Кемалем.

В Малой Азии Англия вела широкую пропагандистскую работу против России следующего содержания: большевики открыто выступали против мусульман; разрушали мечети; запрещали ношение чадры и другие проявления исламской религиозности и т.д. Агенты утверждали, что вскоре османский султан с зеленым флагом ислама прибудет в Малую Азию, начнет войну против России и освободит мусульман от большевистской тирании. Англия, пройдя через Малую Азию и Северо-

Восточный Иран, оказывала военную и финансовую поддержку Афганистану, Нагорной Бухаре, Памиру и басмачам в Фергане, выступавшим против России. Не зря по указанию правящих классов Бухары и Афганистана силы, находящиеся в их распоряжении, бились плечом к плечу против большевистских частей, напавших на Бухару. Этим силам оказывали помощь крупные купцы, буржуазия, землевладельцы и религиозные деятели Ирана и Османской империи. Англия, сама подстрекая панисламизм, старалась удержать Запад от влияния данного движения и, окружая Россию враждебными государствами, пыталась создать тем самым буферную зону на Востоке. Англия старалась не допустить Россию к нефтяным и хлопковым источникам, еще сильнее усугубить ее сложное экономическое положение. Всё это преследовало цель не только защитить свои интересы в Индийском океане, Персидском заливе, проливе Босфор, но и превратить эти территории в плацдарм для атаки против России. При этом Англия стремилась изолировать Россию, разорвать связи ее с Турцией и Индией.

В таких тяжелых условиях большевистское правительство нуждалось в союзнике. По мнению лидеров большевистской России, антисоветское движение мусульманских народов можно было бы ослабить сближением с турецкими националистами и Турцией, являющейся центром тюркизма и ислама. Совместные действия турецких националистов и большевистской России означали бы конец влияния Антанты в Малой Азии и на Южном Кавказе. Тюркские и мусульманские народы бывшей царской России благоволили любой силе, поддерживающей турков в войне за независимость. В сложившихся условиях единственной страной, готовой помочь турецкому народу в войне, была Советская Россия.

Страны Антанты хорошо знали Южный Кавказ. Как известно, на последнем этапе Первой мировой войны англичане под командованием генералов Л. Денстервиля и В. Томсона прибыли в Баку. Победа англичан над турками открывала путь в Баку. Отсюда двигаться в сторону Москвы было не так сложно, так как на Северном Кавказе и на юге России продолжалось сильное антисоветское движение на фоне внешней военной интервенции. Захват Баку одновременно привел бы к установлению контроля над путями, ведущими на Южный и Северный Кавказ, Каспийское море и Центральную Азию. Овладение Центральной Азией означало контроль над Евразией, которая была в то время центром мира. И завоевание англичанами этой территории означало бы конец как большевистской России, так и Турции.

Недаром в январе 1920 г. премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, предложив отправить на Кавказ войска Антанты, заявил, что, если большевики одержат победу над Деникиным, то они выйдут к Чёрному морю и, скорее всего, объединятся с турками. Для предотвращения этого он посоветовал использовать армянские вооруженные отряды [2]. Дашнакская Армения, полагающаяся на страны Антанты, открыла новый фронт против Турции на Востоке. Вооруженные отряды безжалостно осуществляли массовую резню против гражданского турецкого населения в Анатолии. Турция была вынуждена вести войну на нескольких фронтах [3]. Действия Армении были направлены как против большевистской России, так и против Турции.

В сложившихся условиях Турция не доверяла правительству Азербайджанской Демократической Республики. После поражения Османской империи и выхода турецкой армии из Азербайджана официальный Баку успешно наладил взаимоотношения с Антантой, особенно с Великобританией. В то же время Великобритания, сыгравшая исключительную роль в признании государственной независимости Азербайджана, вела войну против Турции, народ которой азербайджанцы считали братским.

Великобритания не доверяла правительству Азербайджана, так как турки сыграли определенную роль в освобождении Баку от иноземных захватчиков. С другой стороны, несмотря на то что английское командование требовало от азербайджанского правительства выдать генерала Нури-пашу Киллигиля и турецких военных, виновных в войне, правительство Азербайджана всё же отвергло эти требования. Это вызвало сомнения у британских союзников. В то же время правительство Азербайджана подписало секретный договор о содействии туркам в войне за независимость.

В таких условиях советизация государств Южного Кавказа представлялась Турции менее пагубным, чем их завоевание странами Антанты. Мустафа Кемаль-паша считал, что поскольку принципы большевизма и ислама противоречат друг другу, распространение большевистских идей на мусульманском Востоке будет проходить довольно сложно. Вместе с тем расширение большевистской России в восточном направлении могло бы ослабить контроль англичан над Индией.

В данном случае политическим деятелям Турции, как и турецким военным, находившимся на территории бывшей Российской империи, не оставалось другого пути, как действовать совместно с большевиками. Например, генерал Халил-паша (Кут), один из руководителей Кавказского движения бывшей османской армии, отправленный в Москву

Мустафой Кемалем-пашой, в ходе встречи 22 января 1920 г. в Москве предложил советским деятелям делать ставку, во-первых, на укрепление отношений с Арменией и установление связей между Красной армией и турецкими войсками и, во-вторых, на советизацию Армении. При обсуждении данного предложения в ЦК РКП(б) было отмечено, что нельзя гарантировать связь с турками ввиду вооруженности дашнаков, так как есть опасение, что последние разрушат дороги, а Советская Россия не сможет предотвратить резню. Было рекомендовано передать первое предложение Халил-паши дашнакам и в случае их сопротивления захватить Армению и использовать железную дорогу [4]. На основе предложения Халил-паши, политбюро приняло решение по турецкому вопросу.

Командующий восточными войсками Кязым Карабекир-паша также выступал за установление связей с большевиками. В письме Мустафе Кемаль-паше, отправленном 23 апреля 1920 г., в день основания правительства Великого национального собрания Турции (ВНСТ), он выдвинул мысль о необходимости большевизации Азербайджана во имя будущего исламского мира. Он отметил, что нынче для спасения Анатолии не осталось другого выхода, кроме как действовать рука об руку с большевистскими армиями. Мустафа Кемаль-паша не отклонил предложения Казыма Карабекира-паши, заявив, что они будут учтены.

Таким образом, попытки некоторых западных стран завладеть территориями Турции и уничтожить большевизм в России стали факторами, побуждающими Турцию и Россию к совместным действиям. Это привело к тяжелым последствиям для стран Антанты. В телеграмме Государственного департамента США, направленной в Министерство иностранных дел Великобритании, было высказано опасение, что усиление военных действий против Турции сблизит ее с советской Россией, а это имело бы тяжелые последствия для стран Антанты.

Предсказание американцев стало реальностью. Мустафа Кемаль-паша 26 апреля 1920 г. направил письмо советскому правительству [5]. В письме декларировалось принятие следующих обязательств: во-первых, выступить в союзе с российскими большевиками, имевшими целью борьбу с империалистическими правительствами и освобождение всех угнетенных из-под их власти, во-вторых, в случае начала военных действий советских сил против Грузии или вступления последней в союз с большевиками и попыток вытеснения англичан с Кавказа вести военные операции против империалистической Армении и заставить Азербайджанскую Республику вступить в ряды советских государств. Также в письме содержалась просьба в виде первой помощи дать Турции пять

миллионов турецких лир золотом, оружие и боевые припасы, некоторые военно-технические средства и санитарный материал, а также продовольствие для войск для изгнания империалистических сил, которые занимают ее территорию, и укрепления ее внутреннего положения для продолжения общей борьбы против империализма. Предложение Мустафы Кемаля-паши было не случайным, оно являлось частью внешней политики нового турецкого правительства. Это полностью соответствовало интересам и Советской России.

Российско-турецкое сближение повлияло на судьбу независимого Азербайджанского государства. Захват Азербайджана, являющегося ключевой страной региона и имеющего большое значение для Советской России, облегчил бы переход и других республик под влияние большевиков. После утраты контроля над Азербайджаном и бакинской нефтью в 1918 г., Россия лишилась значительной части своей экономической мощи. Для того чтобы вернуть ее, России необходимо было захватить Азербайджан. Большевики задумали реализовать в Азербайджане более широкие намерения. Например, большевистский деятель М.И. Кахиани отмечал, что большевистская Россия с идеологической точки зрения видела в Баку Мекку для распространении коммунизма среди восточных народов: «Если Москва – Мекка для западного пролетариата, то Баку – Мекка коммунизма среди восточных народов. Пламя социалистической революции, разгоревшееся здесь, несомненно, перекинется и на Турцию» [6].

Советские деятели через Азербайджан хотели распространить большевизм в Турции. Поэтому части 11-й армии вторглись в Азербайджан. На границе произошли бои. Но бывшие турецкие военные распространяли слухи о том, что советские войска отправятся в Анатолию на помощь туркам. В большевистском руководстве России была распространена следующая точка зрения: «Турция помогла России в освобождении Востока. Будучи едиными народами с точки зрения языка и религии, турки помогли России совершить переворот в Азербайджане. Они пользовались большим авторитетом на Востоке» [7]. В странах Запада считали, что азербайджанская нефть стала символом Советской России и источником мощи большевизма. Подчинив Азербайджан, Россия вновь получила возможность стать могущественным государством.

По мнению большевистских деятелей, политика Советской России в отношении Турции должна была быть направлена на решение следующих задач: «содействовать укреплению дружбы с Турцией; всегда защищать Мустафу Кемаля и держать в сфере своего влияния; поощрять создание подлинно национальной партии чтобы перейти от личной дик-

татуры к партийной диктатуре; оказать помощь ему в деле организации массовой общественной работы; передать партийную работу армии; содействовать и укрепить его [Кемаля] влияние посредством широкой гласности в массах» [8]. Необходимо отметить, что российско-турецким сближением было серьезно обеспокоено Министерство иностранных дел Ирана, а армянская пресса расценивала это сотрудничество как создание Турана у ворот Востока.

Под влиянием вышеупомянутых факторов представители ВНСТ 11 мая 1920 г. выехали из Анкары в Москву и провели ряд встреч. Член ревкома Армении С.М. Тер-Габриэлян в письме от 16 мая В.И. Ленину сообщил о трехчасовой встрече с Халил-пашой и турецким послом Али Фуадом Джебасой. Он отметил, что сближение с Национальным Центром Турции приведет к значительному усилению политики Советской России на Востоке. По словам Тер-Габриэляна, Халил-паша хотел военного снабжения и финансовой поддержки, его программа была «доктриной Монро» для Азии: он постулировал идею «Азии для азиатов» и предполагал борьбу всех азиатских народов с европейским империализмом. Халил-паша считал Советскую Россию единственным другом всех азиатских народов.

По мнению Тер-Габриэляна, Халил-паша, отправив турецких партизан в Иран, мог бы помочь Советской России в этой стране. Они также могли бы успешно бороться за аграрную революцию против шаха и феодалов, но пока не затрагивать городскую буржуазию. Турецкие агенты могли бы защитить советскую политику в Афганистане и Индии. Таким образом, центр тяжести ближневосточной политики России мог бы перейти на Турцию.

Тер-Габриэлян писал, что для установления прямых связей Турции и Советской России следует использовать проходящую через Армению железную дорогу, необходимо заключить договор с Арменией и угрожать Грузии за то, что не позволила англичанам захватить их пункты, надлежащие для установления связей Турции с Советской Россией. Тер-Габрелян также писал Ленину о своем отношении к отправке вооружения Халилу-паше. По его мнению, в Турцию можно было бы отправить вооружение под прикрытием азербайджанской фирмы. Практические военные аспекты планов Халила должны были быть прояснены военными Советской России [9].

Российско-турецкое сближение завершились подписанием договора о дружбе и сотрудничестве 16 марта 1921 г. Это сближение в корне изменило геополитические условия как на Среднем Востоке, так и на Южном Кавказе.

Примечания

1. Павлович М.Л. Советская Россия и англо-французские интриги на Востоке // Коммунист. 1920. № 127. 3 октября.

2. Papers Relating to the Foreign Relations of the US: Paris Peace Conference. Vol. 9. Washington, 1934. P. 836–837.

3. Гасымлы М.Дж. Азербайджан, Армения и Турция в 1920–1994 гг.: реальная история. М., 2016. С. 22–23, 39–40, 44–47.

4. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 16. Д. 18. Л. 7.

5. Архив внешней политики Российской Федерации Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации. Ф. 132. Оп. 3. П. 2. Д. 1. Л. 11.

6. Кахиани М.И. Освобождение Востока // Коммунист. 1920. № 3. 5 мая.

7. Архив политических документов Управления делами президента Азербайджанской Республики. Копийный фонд. Папка «Материалы 6-го сектора ЦК КПСС».

8. Государственный архив Азербайджанской Республики. Ф. 28. Оп. 1. Д. 68. Л. 12.

9. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 57. Л. 1.

И.Г. Джуха

ГРЕКИ КАВКАЗА: ОТ РАССТРЕЛОВ И ПОВАГОННЫХ СПИСКОВ 1930–1940-х гг. ДО НОВОГО ИСХОДА В 1990-е гг.

В июне 2019 г. греческий народ бывшего СССР отметил две даты в своей истории, оставившие глубокий след в судьбах десятков тысяч человек: 70 лет депортации с Черноморского побережья и 75 лет насильственного выселения греков из Крыма. Этнические депортации рассматривались сталинским режимом как один из способов социального регулирования. Десятки этносов Советского Союза оказались выселенными из мест традиционного проживания в чуждые им по социокультурным и природно-климатическим особенностям регионы.

Депортации 1940-х гг. были не единственными репрессивными актами против греков СССР. Начиная с первых лет советской власти аресты греков шли постоянно. Своего пика они достигли в 1937–1938 гг.,

в греческую операцию НКВД. Старт ей дала директива НКВД СССР № 50215 от 11 декабря 1937 г. Она определяла сроки проведения операции, категории подлежащих аресту и спектр обвинений. 15 декабря 1937 г. по всей территории СССР начались аресты греков, «подозреваемых в шпионской, диверсионной, антисоветской националистической работе» [1].

Известно 133 протокола Комиссии НКВД и прокурора СССР по греческой линии [2]. Еще 19 оформлены особыми тройками УНКВД Краснодарского края и Донецкой области. Общее число осужденных греков составило около 14 тыс. (из которых 90 % были приговорены к расстрелу), в том числе на Кавказе осуждено как минимум 6 880 чел.

Греческая операция обозначила дальнейшую судьбу греческого народа СССР, на двадцать лет пометив его клеймом неблагонадежности. В годы Великой Отечественной войны проявлением недоверия стали отказ от призыва в армию в начале войны, депортация 1942 г., массовое снятие с фронта в конце 1943 г. – начале 1944 г. Отказ от призыва в армию и снятие с передовой классифицируется самими греками как моральная репрессия. А факты героического поведения греков на фронтах, присвоения многим из них звания Героя Советского Союза (при этом представленных к награде греков записывали русскими, армянами, грузинами или украинцами), гордость за родину предков, входившую в антигитлеровскую коалицию, память о жертвах, которые греческий народ СССР положил на алтарь победы, еще больше усиливали моральные страдания. В качестве иллюстрации можно привести пример по Донецкой области. Из призванных на фронт в 1943 г. греков Старобешевского района погибло 733 человека [3]. Для сравнения: в 1938 г. арестованы 789 уроженцев этого же района, из которых 686 расстреляны, 103 отправлены в лагеря, откуда примерно половина не вернулась [4].

В войну начались массовые депортации греческого населения. В 1942 г. из Краснодарского края, Ростовской области и Азербайджана выселено примерно 8 тыс. человек; в 1944 г. – из Крыма (15 тыс.); в 1949 г. – с Черноморского побережья (Грузия, Краснодарский край, Одесская и Измаильская области), а также из Азербайджана (37,5 тыс.). Еще около 1,5 тыс. человек были высланы из разных регионов в период с 1937 по 1951 гг.

Таким образом, общая численность депортированных греков составила примерно 62 тыс. человек [5]. Из трех крупнейших греческих общин СССР (мариупольской, цалкинской и понтийской) единственной, которую не затронули ни греческая операция 1937–1938 гг., ни депорта-

ции 1940-х гг. стала цалкинская (в основном это жители Цалкского района Грузии).

Каждый вид репрессий против греков, имея общие, базовые причины, обогащен еще множеством конкретно-исторических нюансов. В череде национальных операций (всего их было 12) греческая стала предпоследней. Атаки были развернуты против многих «иностранных» этносов. Польша, Япония, Корея, Румыния, Болгария, Финляндия, Латвия, Эстония, Иран представляли собой вражеское капиталистическое окружение и выступали как вероятные противники в возможной войне. Соответственно на советских поляков, японцев, корейцев, румын, болгар и пр. власть смотрела как на потенциальную «пятую колонну». Греция не граничила с СССР. Но в Советском Союзе проживали тысячи ее граждан, составлявших 90 % от всех иностранцев в СССР. Массовое иностранное гражданство могло быть второй причиной атаки на греков.

Кроме того, греческая операция могла быть реакцией И. Сталина на его внешнеполитическое поражение. С середины 1930-х гг. Греция рассматривалась им как плацдарм в борьбе за социализм в Европе. Надежду на это давали влиятельная Коммунистическая партия Греции (КПГ) и традиционно сильные левые настроения у населения страны. В Москве в университетах национальных меньшинств, существовавших под «крышей» Коминтерна, училось немало посланцев КПГ. После учебы они должны были вернуться на родину и поднять знамя социалистической революции. Однако приход к власти в Греции генерала Метаксаса и восстановление в стране монархии в 1935–1936 гг. поставили крест на сталинских планах по превращению Греции в полигон для разворачивания революции на Балканах. Многих слушателей университетов арестовали и расстреляли. Среди них – член ЦК КПГ Константин Каракозов.

Греческий фактор присутствует и в последующих репрессивных актах против советских греков. При анализе внутриполитического развития Греции и СССР обнаруживается синхронность многих важных событий, происходивших в двух странах. Возможно, это совпадение, но весьма символичное. Всякий раз поворот греческого политического вектора в сторону, противоположную от желаемой в Москве, вызывал резкие перемены в советско-греческих отношениях, а главное – в отношении большевистского режима к советским грекам. При этом «общим знаменателем» продолжала оставаться никуда не исчезнувшая «неблагонадежность» греков и стратегический план И. Сталина по унификации населения СССР. Ряд исследователей, анализируя причины этнических депортаций, полагают, что И.В. Сталин, которого раздражала нацио-

нальная пестрота государства, преследовал цель ускорить ассимиляцию малых народов среди более крупных наций. Историк В.Н. Земсков полагал, что это была «целенаправленная политика ликвидации в перспективе малых народов за счет ассимиляции их в более крупных этнических массивах, а выселение их с исторической Родины должно было ускорить этот процесс» [6].

Депортация 1942 г. носила превентивный характер и мотивировалась опасением, что греки, оказавшись в оккупации, перейдут на сторону врага (в характеристиках на выселяемых, составленных НКВД, указывалось на «изъятие» у имярек в 1937 г. мужа, отца или брата). Логично считать депортацию 1942 г. продолжением греческой операции 1937 г.

Выселение из Крыма в июне 1944 г., случившееся после освобождения полуострова, носило возмездный характер. Согласно записке Л.П. Берия на имя И.В. Сталина от 29 мая 1944 г., греки (вместе с болгарами и армянами) обвинялись в пособничестве немцам: «Греческое население проживает в большинстве районов Крыма. Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялись торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т.д.» [7].

В записке Л.П. Берия преступлений греков в Крыму не обнаруживается. На отсутствие в «аналитическом» документе доказательств предательства греков обращает внимание Н.Ф. Бугай: «Если причины и меры по депортации других народов (чеченцы, ингуши, балкарцы и др.) как-то обосновывались Центром, то, что касается греков, в отношении их не предпринималась даже попытка не только обосновать эти причины, но и хотя бы каким-то образом обозначить их» [8].

Сроки выселения из Крыма опять наводят на мысль о взаимообусловленности происходившего в Крыму в апреле – июне 1944 г. и событий в самой Греции в тот же период. Конец мая 1944 г. – пик разногласий по вопросу о разделе послевоенных сфер влияния на Балканах между союзниками – Великобританией и СССР. Об этом пишет в своих воспоминаниях посол СССР в Греции Н.В. Новиков. В апреле 1944 г. по его признанию советско-греческие отношения «охладились до очень низкой температуры» [9].

9 октября 1944 г. в ходе визита У. Черчилля в Москву премьер-министр Великобритании убедил И.В. Сталина в своем варианте раздела сфер влияния в Европе. Главный элемент в нем заключался в британском доминировании в Греции. Согласие с У. Черчиллем обошлось дорого И.В. Сталину: он вновь терял плацдарм, на который рассчитывал.

Тем более в Греции начиналась гражданская война между поддерживаемыми СССР левыми силами и промонархическими войсками за право послевоенного обустройства страны. Успех левых был весьма вероятен.

Последняя – самая массовая депортация греков – проведена четыре года спустя после окончания войны. Чтобы разобраться в ее причинах, необходимо учесть массу сложных и неоднозначно трактуемых факторов, что осложняет путь к истине. В событиях июня 1949 г. тесно переплелись интересы партийно-чекисткой верхушки Грузии, народно-хозяйственные задачи союзного правительства и геополитические замыслы И.В. Сталина. Среди последних особое место, на наш взгляд, опять принадлежит «греческому фактору»: ситуации в Греции и советско-греческим отношениям на тот период.

Гражданская война в Греции 1944–1949 гг. закончилась поражением левых сил. Несмотря на договоренности с У. Черчиллем, СССР еще в течение пяти лет оказывал партизанам тайную помощь оружием и военными советниками. Но ссора с И. Броз Тито в 1948 г., перекрывшего границы для поставок помощи просоветски настроенным партизанам, поставила последних на грань катастрофы. Они вынуждены были под натиском сторонников короля покинуть Грецию. Через албанские порты на советских судах партизан доставили в грузинский порт Поти, а оттуда – в Ташкент.

17 мая 1949 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об очистке Черноморского побережья, Грузинской и Азербайджанской ССР от политически неблагонадежных элементов и «выселить проживающих на Черноморском побережье... на вечное поселение в Южно-Казахстанскую и Джамбульскую области Казахской ССР, под надзор органов Министерства внутренних дел» [10] (кроме греков, выселялись армяне и турки-месхетинцы).

География расселения новой порции греков свидетельствует о решении очередной правительственной задачи – хозяйственном освоении южных областей Казахстана. События же, последовавшие сразу за выселением, наводят на мысль о решении другой задачи. Возросший интерес партийной и чекистской верхушки Грузинской ССР к престижным прибрежным территориям натыкался на препятствие: многие лакомые места были уже заняты. В том числе греками. Не вдаваясь в детали, отметим, что главными бенефициарами выселения оказались его инициаторы и организаторы. Квартиры греков в Сухуми перешли по ценам в 10, а порой – в сто раз ниже их страховой стоимости министру внутренних

дел Абхазии и его заместителю, врачу МГБ Абхазии, директору курортторга, замначальника гормилиции и др. [11].

Расстрелы и депортации резко сократили греческую диаспору на Кавказе. В Грузии в 1937 г. проживало 87 тыс. греков. В 1949 г. из Абхазии и Аджарии депортировали 31 тыс. человек. С учетом кампании 1937–1938 гг. и военных потерь в Грузии осталось не более 50 тыс. греков.

Смерть И.В. Сталина и последовавшая за этим отмена режима спецпоселений вызвали обратную волну – возвращение депортированных на родину. В Грузии греческая диаспора к концу 1980-х гг. превысила свою численность, по сравнению с 1949 г., достигнув 90 тыс. человек. То же произошло на Кубани, потери греческой диаспоры которой от репрессий оцениваются в 16 тыс. человек. Восстановление численности греческого контингента в Краснодарском крае произошло не только за счет возвращения депортированных, но и благодаря массовому переселению на Кубань греков из Грузии, в основном из горных районов. К началу 1990-х гг. в Краснодарском крае проживало около 40 тыс. греков. Процесс прибытия сюда на постоянное место жительства, отчетливо наметившийся в начале девяностых, хоть и шел по убывающей, но продолжался более десяти лет.

Но обстоятельства сложились так, что сразу после восстановления своей численности, греческая диаспора в Грузии начала стремительно сокращаться. Начало этому процессу положил распад СССР, производными которого стали война в Абхазии и политика правительства З. Гамсахурдиа. Греки Грузии оказались перед дилеммой: уезжать или оставаться. В той или иной степени этот вопрос встал и перед другими греческими общинами, но острее всего он проявился именно в Грузии. Практически каждая греческая семья из Абхазии, Аджарии и горной Грузии (Цалкский, Тетрицкаройский, Дманисский районы) либо полностью, либо частично покинула родные места. Точной статистики не существует, но не будет большой ошибкой утверждать, что примерно половина греков перебралась в Грецию, а вторая половина обосновалась на Кубани и в Ставрополье. Практически опустели Абхазия и Аджария, откуда уехали не менее 90–95 % греков.

Бурный всплеск интереса к Греции в конце XX в. сильнее всего охватил цалкинскую и понтийскую общины. Ту и другую привлекал мир, позволявший реализовать себя, избавиться от мощных объятий государства. К эмиграции цалкинцев в конце XX в. вынудила также вспышка грузинского национализма после прихода к власти З. Гамсахурдиа. В лозунге И. Чавчавадзе «Грузия для грузин», воскрешенном в новую историческую эпоху, греки усмотрели угрозу сохранению своей национальной

идентичности. К выезду подталкивало осознание ими своих туманных перспектив в Грузии, а также сложившаяся криминогенная обстановка в республике. Незнание государственного языка стало серьезной проблемой при устройстве на работу, являлось веской причиной «отлучения» греков от участия в общественно-политической жизни и т.д.

Сильно посодействовал репатриации цалкинских греков на историческую родину приезд в Грузию президента Всемирного Совета греков зарубежья Э. Атенса. После его визита поток цалкинцев в Грецию вырос настолько, что в Грузии осталось всего несколько сотен греческих семей. В силу перечисленных причин с постсоветского географо-этнографического пространства исчезает понятие «Цалка». Всё длиннее перечень сёл Цалкского и других районов горной Грузии, которые либо полностью исчезли, либо в них осталось по две-три семьи.

Греки-понтийцы (сами депортированные и их потомки), оказавшиеся в Казахстане из Абхазии, Аджарии и Краснодарского края, – единственная община, в которой подавляющее большинство либо сохраняли греческое гражданство, либо легко восстановили его по документам родителей. Тысячи понтийцев Казахстана и Узбекистана вскоре после снятия режима спецпоселения в 1956 г. подали заявления на выезд из СССР. Память о насильственных депортациях 1940-х гг., арестах 1937–1938 гг., опасения, что это не последние репрессии в их биографии, не оставляла грекам выбора при ответе на вопрос «уезжать или оставаться?». Вал заявлений на выезд был отмечен до середины 1960-х гг. Однако жестокое регулирование эмиграционного процесса после смещения Н.С. Хрущёва и фактической реабилитации И.В. Сталина не позволили материализоваться желанию греков выехать на историческую родину. Ненадежным местом оказалась и Абхазия. Вспыхнувшая в 1992 г. война вынудила греков искать спасения в Греции. Исход с Кубани был намного скромнее, чем из Казахстана и Грузии. Возвратившиеся сюда из Казахстана и Сибири быстро достигли приличного благосостояния и о новой перемене места не думали.

Стратегически любому этносу сохраниться возможно только в национальном государстве. Поэтому решившие остаться оказались в неоднозначной ситуации. С одной стороны, им хотелось бы сохранить свою национальную идентичность, с другой – они объективно обречены на дальнейшую ассимиляцию с господствующим этническим большинством в местах проживания. Относительно спокойно могут чувствовать себя лишь оставшиеся в местах компактного проживания, да и то – только временно и только там, где греки численно продолжают доминировать. Время и всё ускоряющиеся миграционные процессы

с каждым годом «вымывают» и оттуда всё больше и больше греческой молодежи. После учебы в вузах, службы в армии молодые греки и гречанки становятся горожанами, что делает ассимиляцию неизбежной. Даже высокая этническая стойкость греков (дети от смешанных браков чаще позиционируют себя греками) лишь замедляет этот процесс, но бессильна остановить его. В местах традиционного проживания греков в Краснодарском крае, в когда-то основанных ими селах (Красная Поляна, Адербиевка, Прасковеевка, Витязево) греки уже не доминируют численно, а ассимиляционные процессы ежегодно ускоряются.

Стремление к сохранению своей идентичности вступает в противоречие с движением в сторону межэтнической интеграции как одного из элементов глобализма. Игнорировать этот дуалистический процесс невозможно, его можно только регулировать. Игнорирование грозит зарождением сепаратистских настроений, которые либо заканчиваются межэтническими конфликтами, либо приводят к полной ассимиляции малых этносов титульными нациями.

После распада СССР среди лидеров возрождавшегося национального движения зазвучали предложения о создании греческой национально-территориальной автономии, однако эта идея по понятным причинам не воплотилась.

Двадцать лет спустя после учредительного съезда Всесоюзного объединения греков в России была зарегистрирована Федеральная национально-культурная автономия греков.

Примечания

1. Джуха И.Г. Греческая операция. СПб., 2006. С. 52.
2. Он же. Как это было на Кубани. СПб., 2013. С. 55–56.
3. Книга Памяти Украины: Донецкая область. Т. 17. [Донецк], 1998. С. 423–617.
4. Джуха И.Г. Греческая операция НКВД в Украине: Книга Памяти мариупольских греков (жертвы греческой операции НКВД). СПб., 2016. С. 52.
5. Он же. Спецэшелоны идут на Восток. СПб., 2008. С. 499.
6. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960. М., 2005. С. 107.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф Р-9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 161–163.
8. Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 146.
9. Новиков В.Н. Пути и перепутья дипломата. М., 1976. С. 113.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40. Л. 185.
11. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 608. Л. 34.

Р.М. Султанбеков, З.Б. Идрисова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУТУЛЬСКОГО РАЙОННОГО КОМИТЕТА ВКП(б) ПО МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РАЙОНА ДЛЯ ОТПОРА ВРАГУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Центральное место в истории Второй мировой войны занимают события Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии и ее союзников. Около 27 млн чел. потерял Советский Союз в жесточайшей схватке с вероломным агрессором. Наша страна вынесла на себе основную тяжесть военных действий, а советские войска нанесли фашистским войскам решающие поражения.

Историческая победа над фашистской Германией стала возможной благодаря усилиям всех народов нашей страны. Вместе с другими народами Советского Союза на защиту Отечества встали и дагестанцы. Они сражались на фронтах, трудились в тылу на протяжении всей войны.

Истории Великой Отечественной войны, ратному и трудовому вкладу народов Дагестана в победу над фашистской Германией посвящен ряд монографий, сборников статей, воспоминаний участников, а также сборников биографических очерков о героях-воинах, тружениках тыла, множество журнальных и газетных статей [1]. Однако остается еще немало вопросов по истории Великой Отечественной войны, требующих специального исследования в рамках отдельно взятого региона, в нашем случае Рутульского района Дагестана: мобилизация сил и средств, вклад в Фонд обороны страны, подвиги рутульцев на фронтах Великой Отечественной войны.

В первые же дни начала войны в районом центре, в с. Рутул, состоялся многолюдный митинг. Выступившие на нем активисты Хадижат Курбанова, Керим Шахбабаев, Захар Магомедов, Нухкади Мамедов, Вера Шуйтова и многие другие гневно осудили вероломное нападение фашистов на нашу Родину, выразили готовность добровольно отправиться на фронт. Они писали: «Мы колхозники и колхозницы, рабочие и служащие, будем работать на своих участках с удвоенной, с утроенной энергией. Поднимем революционную бдительность, укрепим трудовую дисциплину» [2].

С первых же дней войны партийные и советские органы власти возглавили работу по мобилизации сил и средств района для помощи фронту. В те тяжелые времена ею руководили секретари райкома ВКП(б)

Ахмед Мамедов и Ширинбеков, председатели райсовета народных депутатов Магомед Мурадов, Керым Газалиев и другие [3].

Основной отраслью экономики района являлось сельское хозяйство, в частности животноводство, поэтому районный комитет партии уделял особое внимание улучшению породности и увеличению поголовья скота. Так, если к началу 1940 г. по 35 колхозам имелось 54 696 голов овец и коз, то на 1 июля 1942 г. – уже 82 791 голов. Таким образом, рост поголовья скота в районе с 1 января 1940 г. по 1 июля 1942 г. увеличился на 28 100 голов, прирост составил 51 %. Крупного рогатого скота имелось на 1 января 1940 г. 4 288 голов, а на 1 июля 1942 г. – 4 816 голов (прирост – 12 %) [4].

Советские организации поставили перед собой первоочередную задачу – увеличение продуктивности животноводства. Этот вопрос имел важное хозяйственно-политическое значение в укреплении колхозов. В результате проведенной работы с 1940 по 1942 гг. улучшилась породности скота, произошло увеличение количества ферм: молочно-товарных ферм (МТФ) с 23 до 33, овцетоварных ферм (ОТФ) с 28 до 35, удой молока с каждой фуражной коровы вырос на 100–150 литров. Особенно отличились следующие колхозы: имени 18 партсъезда; Красный партизан; Димитрова; С. Стальского и др. [5].

Советская армия и фронт всё еще остро нуждались в поставках сельхозпродукции. В 1943 г. районный комитет партии направил все усилия на выполнение плана развития животноводства и поднятия его продуктивности, так как эта отрасль имела большое значение для района. За 1943 г. план по овцам и козам был выполнен на 102 %, по крупному рогатому скоту – на 103 %; по лошадям – на 68 %; по сохранению молодняка ягнят и козлят – на 92 %, по сохранению телят – на 73 %. В районе имелись ряд колхозов, добившихся в 1942–1943 гг. выполнения плана государственного развития животноводства, комплектования ферм, улучшения породистости и продуктивности животноводства. К ним относились колхоз им. Самура (председатель Абдуллаев), колхоз им. Хосе Диас (председатель Кадаев), колхоз им. Буденного (председатель Рагимов), колхоз им. 1 мая (председатель Османов) и др. [6].

Ряд колхозов не справился с поставленными задачами по выполнению государственного плана заготовки кормов и развития животноводства. Этот вопрос стал предметом обсуждения на пленуме Дагестанского обкома ВКП(б). В постановлении бюро обкома ВКП(б) от 28 октября 1944 г. было указано на серьезные просчеты в организации сельскохозяйственного производства, невыполнение планов по поставкам государству сельскохозяйственной продукции. Все силы и средства

были мобилизованы на выполнение вышеуказанного постановления. В результате принятых мер был выполнен план озимого сева 1944 г.: при плане 1700 га выполнено было 1912 га. По сравнению с 1943 г. зерна было получено на 740 т больше [7].

План развития животноводства на 1944 г. был выполнен. Прирост по сравнению с 1943 г. составил по овцам и козам – 19 %, по крупному рогатому скоту – 17 %. Колхозы им. Сталина, Куйбышева, Микояна, указанные в постановлении в числе отстающих, выполнили госплан развития животноводства по всем показателям. В районе имелся ряд бригад и звеньев, которые добились хороших результатов в уборке зерновых: Ибрагимов из колхоза им. Кирова первым получил с 1 га по 15,5 центнеров проса, при плане 7 центров; Байрамова Фатима и Халиков Магомед из колхоза им. Сталина селения Кина получили с 1 га 9,2 центнера проса, при плане 8 центнеров [8].

В животноводстве также имелись передовики социалистического труда, перевыполнившие государственные планы развития животноводства, такие как: Гусейнов Асадулла – зав. фермой колхоза им. Самур, награжденный знаком «Отличный животновод СССР» и медалью «За трудовую доблесть»; зав. фермой колхоза им. Буденного селения Цахур Мустафаев Мустапа и чабан этого же колхоза Исмаилов Шахбан, награжденный орденом Ленина; зав. фермой колхоза им. Тельмана Давлетханов, дважды награжденный Почетной грамотой Верховного Совета ДАССР, и др. Всего в районе 307 человек были признаны передовиками животноводства района [9].

Значительной была помощь района фронту деньгами, скотом, драгоценными металлами. Так, только за 1942–1943 гг. жителями района в фонд обороны было внесено более 4 млн руб. Кроме того, на постройку авиаэскадрильи им. Валентина Эмирова – 722 555 руб., на создание танковой колонны «Шамиль» – 581 560 руб. За годы войны было отправлено для нужд фронтов десятки тысяч пар шерстяных носков, перчаток, белья, а также большое количество скота, за что район получил приветственную телеграмму от Верховного главнокомандующего [10].

В фонд оказания помощи семьям военнослужащих было собрано 37 т зерна, 15 т картофеля, 782 кг шерсти, 869 шт. овчин, 150 тыс. руб., 32 головы крупного рогатого скота, 46 голов мелкого скота, 200 пар чарык (легкая обувь из сыромятной кожи. – *Прим. ред.*), 252 пары перчаток и носков, заготовлено и выдано 1084 м^3 топлива [11].

С началом войны было мобилизовано в РККА больше половины состава учительских кадров, на место которых немедленно были подобра-

ны учителя, и учеба в школах продолжалась в нормальных условиях. Для подготовки учительских кадров и поднятия их квалификации ежегодно в каникулярный период учителя направлялись на областные и межрайонные краткосрочные курсы. Всего в районе функционировало 34 школы, из них одна средняя, 10 семилетних и 23 начальных школы с общим числом учащихся 3 334 человека, из них 1700 девочек (51 % от общего числа) [12].

Вместе с другими народами в битвах с фашистскими захватчиками сражались и рутульцы. В ряды армии (по неполным данным) за годы войны из Рутульского района как добровольцами, так и мобилизованными было призвано более 3 тыс. человек. В том числе из селения Рутул – более 800 чел., селения Шиназ – около 250 чел., селения Ихрек – более 300 чел., селения Лучек – более 150 чел., селения Цахур – 190 чел., селений Аракул, Нижний Катрух – более 100 чел., селения Хлют – 50 человек [13]. Все они с честью выполнили свой долг, принимали участие в разгроме фашистских захватчиков под Москвой и Ленинградом, освобождали Сталинград, Украину, Белоруссию, страны центральной Европы, участвовали в штурме Берлина. Героизм, мужество и отвагу на фронтах Великой Отечественной войны проявили *Джамал Рамазанов, Рахман Семедов, Меджид Раджабов, Муса Махмудов, Бине Таиров, Саид Шахмуров, Дамадай Дамадаев, Гасин Муфараджев, Ибрагим-паша Садыков* из села Рутул; *Шафи Махмудов, Ханахмед Ширинов* из села Лучек*; Омаров Вагид и Абасов Вагаб* из села Мюхрек; *Абдуллаев Рамазан* и *Газалиев Керым* из села Шиназ; *Аллахверди Гасанов* из села Нижний Катрух; цахурцы: *Шевкет Дабузов, Гаджибала Мирзоев, Эфенди Ахмедов,* а также *Абдурашид Исмаилов, Муталиб Гафаров, Ассадула Мамутаев, Сафар Гашимов, Садетдин Гасанов и Султан Ахмедов* из села Ихрек [14].

За проявленное мужество и героизм на фронтах Великой Отечественной войны более 300 рутульцев награждены орденами и медалями. Наиболее отличились *Шафи Махмудов* – командир зенитного орудия, который участвовал в битве за Сталинград, на Курской дуге и был награжден орденом Красной Звезды; *Абдуллаев Рамазан* – командир танка, отличился в боях за Москву и посмертно награжден орденом Красной Звезды; *Садыков Ибрагим-паша*, прошедший с боями от Сталинграда до Берлина и награжденный орденами Славы I и II степени, орденом Отечественной войны I степени [15]. *Гасрет Алиев* был удостоен высокого звания Героя Советского Союза за подвиг, совершенный 26 сентября 1943 г. при форсировании реки Днепр. Он с группой разведчиков, отбивая яростные атаки противника в течение 5 суток, удерживал завоеванный плацдарм на правом берегу Днепра [16].

Из более 3 тыс. человек, призванных Рутульским райвоенкоматом и ушедших добровольцами на фронт, 1 200 человек сложили головы на полях сражений. Судьба многих из них была неизвестна. В последние годы благодаря усилиям лезгинского писателя, публициста Фазиля Дашлая установлены места захоронения более 25 выходцев Рутульского района [17].

Таким образом, рутульцы, как и все остальные народы Дагестана, проявили героизм и мужество в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны, защищая свободу и независимость многонациональной Советской Родины.

Примечания

1. Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. Каймаразова Г.Ш. Махачкала, 1962; Шайдаев М.Г. На защите Кавказа. Ленинград, 1967; Краснознаменный Закавказский. М., 1969; Краснознаменный Северо-Кавказский. Ростов н/Д, 1971; Кавказ выстоял, Кавказ победил. Тбилиси, 1973; Патриотический и трудовой подвиг трудящихся Дагестана в годы Великой Отечественной войны: сб. статей / под. ред. Г.Ш. Каймаразова. Махачкала, 1983; Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). (Документы и материалы) / отв. ред. М.Д. Бутаев. Махачкала, 1995; Назовем всех поименно / Книга памяти в 4 т. Махачкала, 2000–2005.

2. Магомедов Р., Назаревич А. XXV лет Дагестанской АССР. Махачкала, 1945. С. 130.

3. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): документы и материалы / отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала, 1963. С. 47.

4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 679-п. Оп. 1. Д. 120. Л. 24.

5. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 2. Махачкала, 2017. С. 105.

6. Там же. С. 164.

7. ЦГА РД. Ф. 679-п. Оп. 1. Д. 138. Л. 2–5.

8. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 2. С. 145.

9. ЦГА РД. Ф. 679-п. Оп. 1. Д. 141. Л. 22.

10. Рутульцы во Второй мировой войне // РИА Дагестан. URL: https: // www.riadagestan.ru/news/rutulskiy_rayon/rutultsy_vo_vtoroy_mirovoy_voyne/ (дата обращения: 30.06. 2019).

11. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 2. С. 146.

12. Там же. С. 106.

13. Рутульцы во Второй мировой войне ...

14. Дашлай Ф.З., Рамазанов Р.А. «Последний батальон» уроженцы Рутульского района на фронтах Великой войны // Рутульские новости. URL: http://rutnov.ru/2017/01/16/последний-батальон-уроженцы-рутульс/ (дата обращения: 30.06. 2019).

15. Дашлай Ф. Подвиги сынов маленького народа в Великой войне // Рутульцы: История, культура, новости. URL: http://rutulets.ru/lichnosti/podvigi-synov-malenkogo-naroda.html; Он же. Подвиги сынов маленького народа в Великой войне (продолжение) // Рутульцы: История, культура, новости. URL: http://rutulets.ru/lichnosti/podvigi-synov-malenkogo-naroda-v-velikoj-vojne-prodolzhenie.html; Он же. Подвиги сынов маленького народа в Великой войне (продолжение…). Ч. 3. URL: http://rutulets.ru/lichnosti/podvigi-synov-malenkogo-naroda-v-velikoj-vojne-chast-3.html (дата обращения: 30.06.2019).

16. История Дагестана: учебн. пос. СПб., 2014. С. 451.

17. Узники, пропавшие без вести во время Великой Отечественной войны (Часть 1) // LezGi Yar: Лезгинский информационный портал. URL: http://lezgi-yar.ru/news/uzniki_propavshie_bez_vesti_vo_vremja_velikoj_otechestvennoj_vojny/2013-05-05-1348; Узники, пропавшие без вести во время Великой Отечественной войны (Часть 2). URL: http://lezgi-yar.ru/news/uzniki_propavshie_bez_vesti_vo_vremja_velikoj_otechestvennoj_vojny_chast_2/2013-05-05-1349 (дата обращения: 30.06.2019).

В.И. Афанасенко

НЕБОЕВЫЕ ПОТЕРИ СОВЕТСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ АВИАЦИИ В БЕРЕГОВОЙ ЗОНЕ ЧЁРНОГО И АЗОВСКОГО МОРЕЙ ВЕСНОЙ 1943 г.[1]

К началу воздушного сражения на Кубани произошло перевооружение летных частей советских ВВС на новую авиатехнику. Пять истребительных авиаполков получили отличную машину Ла-5, которая стала нашим ответом немецкому Фокке-Вульфу-190, а, например, три полка перевооружили на новейшие Як-7. Два истребительных полка (45-й и 298-й) летали на полученных по ленд-лизу американских самолетах П-39 «Аэрокобра». Семь авиаполков сменили старую матчасть на надежные Як-1, но также еще состояли на вооружении морально устарев-

[1] Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимозависимости и взаимной обусловленности» (№ 18-05-80043).

шие, тяжелые в пилотировании, имевшие ряд других конструктивных недостатков Лагг-3 и еще довоенного выпуска самолеты конструкции Поликарпова И-16 и И-153. Все штурмовые авиаполки по штату были укомплектованы Ил-2, а на вооружении бомбардировочных, помимо Пе-2, были еще и американские А-20 «Бостоны» [1].

В воздушных сражениях на Кубани в период с 17 апреля по 7 июня 1943 г. 4-я и 5-я воздушные армии во взаимодействии с авиацией Черноморского флота и частями Авиации дальнего действия вели бои за завоевание господства в воздухе. Руководил воздушным сражением непосредственно Главнокомандующий ВВС маршал авиации А.А. Новиков. В результате многочисленных воздушных боев, бомбардировок вражеских аэродромов была разгромлена крупная авиационная группировка противника, который потерял, по боевым донесениям советских авиачастей, на земле и в воздухе более 1100 самолетов. Результативность советских ВВС приведена в таблице 1 [2].

Интересно отметить, что летчики 16-го гвардейского, 45-го и 298-го истребительных авиаполков, летавших на американских П-39 «Аэрокобра», сбили соответственно 151, 125 и 151 самолет противника. Июнь запомнился пилотам 298-го истребительного авиаполка еще и взаимодействием с Ил-2. Вспоминает Алексей Семенович Закалюк, в то время командир звена: «*Однажды из шести Ил-2 на их аэродром не удалось привести ни одного! Первого подбили зенитки. Два сели на первом же промежуточном аэродроме. Еще два столкнулись в воздухе на обратном пути. Последний совсем ошалел – полетел непонятно куда*! *Связи нет: подошли поближе, кое-как завели на аэродром Тимашевская*» [3].

Над Кубанью летчики 298-го полка провели 111 воздушных боев, сбили 150 вражеских самолетов. Из своих потерь – 41 «Аэрокобра», в том числе небоевые – 11 самолетов. Так, капитан А.А. Чайка, один из самых опытных пилотов полка, 5 апреля скапотировал при взлете в плохих метеоусловиях с аэродрома Армавира. Самолет P-39D-2 летчика Едника при выходе из-под удара вошел в штопор. Другой молодой и амбициозный летчик Н. Лобанов не справился с управлением, сорвался в плоский штопор и выпрыгнул на парашюте. Но «Аэрокобра» фатально «мстила» покидавшим ее пилотам. Неуправляемая машина стала описывать круги вокруг парашютиста, пока в нескольких метрах от земли не обрубила плоскостью стропы. В документах полка о причинах гибели летчика записали, что он был сбит зенитной артиллерией противника. За боевые успехи 298-й ИАП 24 августа 1943 г. был

преобразован в 104-й гвардейский ИАП. Его командир подполковник И.А. Тараненко 2 сентября 1943 г. получил звание Героя Советского Союза [4].

Таблица 1. Результативность советских ВВС

Дивизия	Полк	Тип самолетов	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Всего
216 САД	16 ГвИАП	«Аэрокобра»	–	82	54	5	10	151
	42 ГвИАП	Як-1	20	10	63	16	7	116
	57 ГвИАП	«Спитфайр»	–	4	47	–	1	52
	45 ИАП	«Аэрокобра»	44	41	28	4	8	125
201 ИАД	13 ИАП	Ла-5	–	18	7	–	–	25
	236 ИАП	Як-1	–	4	37	5	–	46
	437 ИАП	Ла-5	–	6	11	5	–	22
229 ИАД	88 ИАП	ЛаГГ-3	–	-	13	25	4	42
	249 ИАП	ЛаГГ-3	8	7	17	10	10*	52
	926 ИАП	ЛаГГ-3	–	17	28	–	–	45
235 ИАД	3 ГвИАП	Ла-5	–	–	–	24	–	24
	181 ИАП	Ла-5	–	–	–	16	–	16
	239 ИАП	Ла-5	–	–	–	11	2	13
236 ИАД	267 ИАП	Як-1	10	19	11	6	–	46**
	269 ИАП	Як-1	21	19	–	–	–	40**
	611 ИАП	И-16/И-153	7	1	3	–	–	11**
	975 ИАП	И-16/И-153	7	7	1	–	–	15**
265 ИАД	291 ИАП	Як-1	–	25	81	2	–	108
	402 ИАП	Як-1	–	52	28	4	–	84
	812 ИАП	Як-1	–	42	54	–	–	96
278 ИАД	15 ИАП	Як-7	–	17	52	2	–	71
	43 ИАП	Як-7	–	3	66	2	–	71
	274 ИАП	Як-7	–	12	52	3	–	67
219 БАД	298 ИАП	«Аэрокобра»	27	50	65	9	–	151

Примечания: САД – смешанная авиационная дивизия; ИАД – истребительная авиационная дивизия; БАД – бомбардировочная авиационная дивизия; ИАП – истребительный авиаполк; ГвИАП – гвардейский истребительный авиаполк. * – одна победа в августе; ** – возможно, данные неполные.

Интересна статистика боевых и небоевых потерь в бомбардировочной авиации. Так, боевые потери 288-го бомбардировочного авиаполка составили 27 самолетов и 43 человека летного состава; небоевые потери – 10 самолетов и 5 человек летного состава. Боевые потери 889-го легкого бомбардировочного авиаполка – 5 самолетов, небоевые потери – 6 самолетов, общие потери летного состава – 8 человек [5]. Боевые потери 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиаполка («ночные ведьмы») – 12 самолетов, небоевые потери – 1 самолет, общие потери летного состава – 10 человек. Боевые потери 63-го ночного бомбардировочного авиаполка – 18 самолетов, небоевые потери – 3 самолета, общие потери личного состава – 68 человек [6]. Бомбардировщики Ил-4 из 5-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка ВВС Черноморского флота подполковника В.П. Канарева бомбили днем позиции противника, ночью – порты Таманского полуострова и южного берега Крыма. Боевые потери полка составили всего три машины, а небоевые – четыре бомбардировщика [7].

Небоевые потери пилотов люфтваффе в ходе воздушных сражений над Кубанью весной 1943 г. вполне сопоставимы с аналогичными потерями авиатехники советских ВВС. Так, прославленная 3-я истребительная эскадра «Удет» полковника Вольфа-Дитриха Вильке с 17 апреля по 3 июня 1943 г. потеряла на аэродромах «Анапа» и «Гостагаевская» 18 боевых машин вследствие аварий при взлете или посадке, отказа двигателя или ошибок пилота. Такая же ситуация наблюдалась и у пилотов другого, не менее знаменитого соединения, – 52-й истребительной эскадры «Зеленое сердце»: 15 машин в результате небоевых потерь [8].

По данным Академии противовоздушной обороны, небоевые потери истребителей ВВС Красной армии в 1943 г. несколько превысили боевые потери, в 1944 г. уже превышали боевые более чем в 2 раза, а в 1945 г. – почти в четыре раза. За 1944 и 1945 гг. в результате боевых потерь истребительной авиацией было безвозвратно потеряно около 5000 самолетов, за тот же период небоевые потери составили 13 000 самолетов-истребителей. Эти 13 000 машин были разбиты летчиками-истребителями, часть из которых погибли вместе с самолетами [9]. Причинами этой трагической статистики явились сокращения сроков подготовки летчиков, отказ техники, потеря ориентации, неблагоприятные метеоусловия и т.д. Однако тема небоевых потерь авиации в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. является малоизученной и требует дальнейшего исследования.

Примечания

1. Люфтваффе горит над Кубанью. Весна 1943 г. Только цветные фото. Перелом в воздухе на Восточном фронте // Яндекс Дзен. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5b7672d7d375a900a9da561d/liuftvaffe-gorit-nad-kubaniu-vesna-1943g-tolko-cvetnye-foto-perelom-v-vozduhe-na-vostochnom-fronte-5c74eaaf57accc00b6dcba5b (дата обращения: 19.07.2019).
2. Жирохов М.А. Истребители – на взлет! М., 2013. С. 182–183.
3. 298-й ИАП (104-й ГвИАП) в боях на Кубани. URL: http://airaces.narod.ru/all/298_104.htm (дата обращения: 19.07.2019).
4. Там же.

Е.В. Дьякова

18-я АРМИЯ В БОЯХ ЗА КАВКАЗ 1942–1943 гг.

События Великой Отечественной войны в наши дни занимают важное место в исторической науке. Несмотря на обширную историографию темы, осталось еще много слабоизученных проблем и аспектов. К таким вопросам в украинской исторической науке относится участие в битве за Кавказ 18-й армии, сформированной в июне 1941 г. на базе управления Харьковского военного округа и войск Киевского особого военного округа. Целью настоящей работы является составление боевой хроники этих событий на Кавказе.

С момента своего создания в первые дни войны 18-я армия входила в состав Южного фронта. Ее командующим был назначен А.К. Смирнов, начальником штаба – генерал-майор В.Я. Колпакчи, начальником политотдела – полковой комиссар П.П. Миркин, членом Военного совета – корпусный комиссар Т.И. Николаев.

13 июля 1941 г. управление армии убыло на фронт в Каменец-Подольскую область (сейчас – Хмельницкая). Ее частям предстояло оборонять Буковину и северную часть Молдавии. В районе Снятына и Черновцов бойцы 18-й армии получили боевое крещение. Далее началось тяжелое отступление вглубь страны. 8 октября в сражении близ села Поповка (ныне – Смирново) Запорожской области погиб А.К. Смирнов. На должность командарма был назначен генерал-майор В.Я. Колпакчи.

Очень сложным в Великой Отечественной войне был 1942 г. В его начале 18-я армия воевала на востоке Донбасса. Страшное поражение

понесла Красная армия в мае – июле 1942 г. в ходе Харьковской наступательной операции и битвы за Крым. Советским войскам пришлось отступить до Волги и Кавказа.

16 июля войска 18-й армии получили приказ об отходе к реке Дон. Подразделения с боями отступали на юго-восток по степи, в огромном облаке пыли, поднятой людьми и техникой. Сначала планировалось, что войска до конца 23 июля займут позицию на левом берегу Дона в полосе от станицы Манычской до села Кагальника. Однако вскоре пришлось отойти еще дальше на восток.

Через неделю после начала Сталинградской битвы (25 июля) началось сражение за Кавказ. В исторической науке подчеркивается общность этих сражений, начавшихся почти одновременно (17 и 25 июля) и защищавших жизненно важные для Советского Союза регионы [1]. В силу географического, политического и военно-стратегического положения Кавказ занимал особое место. Для Советского Союза потеря Кубани и Кавказа имела бы трагические последствия. Ведь тогда основным источником нефти были Азербайджан и Северный Кавказ. Здесь же, в Кабардино-Балкарии, добывали вольфрам и молибден, которые использовались в военной промышленности. Кроме того, Кубань и Кавказ, как и Украина, были важными источниками сельскохозяйственной продукции. Поэтому потеря этого региона могла иметь тяжелые последствия для дальнейшего развития военных действий на советско-германском фронте. К тому же, гитлеровцы рвались сюда, чтобы через Закавказье проникнуть на Ближний Восток и втянуть в войну Великобританию. По этим причинам бои здесь были не менее ожесточенными, чем за Сталинград.

В это время 18-я армия входила в состав Южного фронта. 1 августа 1942 г. она была переведена в состав Северо-Кавказского фронта, а 1 октября – в состав Черноморской группы войск Закавказского фронта. В начале военной операции армию возглавляли командующий генерал-лейтенант Ф.В. Камков, начальник штаба генерал-майор Н.П. Иванов, член Военного совета бригадный комиссар А.С. Кузин.

Узнав о победе на Украине и в Крыму, 23 июля А. Гитлер принял новую директиву № 45, известную как план «Брауншвейг», согласно которому вермахт должен был провести одновременно два наступления – в районе Сталинграда и на Кавказе. Командующему 6-й армией группы армий «Б» генералу Ф. Паулюсу было приказано овладеть Сталинградом и двигаться вдоль Волги до Каспийского моря (до Астрахани). Командующему группой армий «А» фельдмаршалу В. Листу при-

казано было захватить восточное побережье Чёрного моря и Кавказ. Конкретнее: группа армий «А» силами армейской группы Р. Руоффа (17-я германская и 3-я румынская армии) должны были нанести удар через Западный Кавказ на Батуми, а войска 1-й и 4-й танковых армией овладеть Майкопом и Грозным, перевалами Центрального Кавказа и подойти к Тбилиси и Баку. Таким образом, А. Гитлер планировал захватить нефтеносный район Советского Союза и обескровить его экономику и военную мощь [2].

Советское командование поставило перед красноармейцами задачу – остановить продвижение гитлеровцев вглубь страны. 28 июля 1942 г. И.В. Сталин подписал приказ № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», получивший в народе название «Ни шагу назад!». В этом приказе говорилось: «Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину <…> Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования» [3].

Битва за Кавказ началась 25 июля 1942 г. Она подразделяется на два этапа: с 25 июля по 31 декабря 1942 г. – наступление вермахта, а с 1 января по 9 октября 1943 г. – наступление Красной армии [4].

25 июля после массированной артподготовки в 8 часов утра гитлеровцы пошли в наступление в южном направлении. В этот день военные части 18-й армии вели ожесточенные бои в районе г. Батайска. Красноармейцам удалось затормозить продвижение противника, но ликвидировать захваченный немцами плацдарм они не смогли. Понимая невозможность устоять перед натиском врага, командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский приказал командующему 18-й армии Ф.В. Камкову отвести войска на левый берег р. Кагальник и занять оборону на рубеже села Васильево-Шамшево, на неподготовленных позициях. 28 июля бойцы 18-й армии снова вступили в бой против немцев, рвавшихся к железнодорожным узлам Кущевская и Тихорецкая. Но и здесь красноармейцы не смогли остановить врага. Сдержать наступление вермахта не представлялось возможным, несмотря на то что бойцы Красной армии стояли насмерть, на 5 августа в бригадах оставалось по 500–600 человек [5]. Ощущалась большая нехватка боеприпасов. Несмотря на отступление, войсками 18-й армии 5 августа 1942 г. удалось задер-

жать наступление 17-й армии вермахта, что дало возможность 56-й советской армии отойти на Краснодарский оборонительный обвод.

6 августа началась Армавиро-Майкопская операция. Перед 18-й армией была поставлена задача: перебросить свои подразделения на 80–100 км от реки Кубань в южном направлении, занять незнакомый и неподготовленный 60-километровый рубеж. Им предписывалось задержать наступление танковых и моторизованных войск вермахта, рвущихся от Армавира к Туапсе. О составе армии в то время в литературе приводятся противоречивые сведения. По одним данным, она включала в себя четыре дивизии, укомплектованные всего на 30–35 % [6], по другим – состояла из трех дивизий и одной бригады общей численностью около 20 тыс. человек [7].

Было решено в первом эшелоне поставить 9-ю моторизованную дивизию войск НКВД, 31-ю и 383-ю стрелковые дивизии. Также были созданы две армейские артиллерийские группы: первая (имевшая 120 орудий и минометов) должна была прикрывать майкопско-туапсинское направление, а вторая (с 80 орудиями и пулеметами) прикрывала бы белореченско-туапсинское направление. В резерве был оставлен один артиллерийский полк и сформировано несколько подвижных противотанковых отрядов. Из-за малочисленности воинских частей между ними были большие бреши, что делало линию обороны уязвимой.

И снова удержать позиции не удалось: 10–12 августа 3-й танковый корпус гитлеровцев захватил Майкоп, станицу Белореченскую, а 5-й армейский корпус вермахта оккупировал Краснодар.

К 17 августа Армавиро-Майкопская операция была закончена. В ней, кроме 18-й, сражались войска 12-й армии, 1-го отдельного стрелкового и 17-го Кубанского кавалерийского корпусов. На момент окончания военной операции подразделения 18-й армии стояли на рубеже: село Хамышки, станица Самурская, рабочие поселки Нефтегорск, Хадыженский. В эти дни свою эффективность показали подвижные отряды. Особо отличился отряд под командованием начальника боевой подготовки армии полковника В.А. Следова. 12 августа он не дал гитлеровцам окружить части на правом фланге линии фронта.

Перегруппировав войска, командование германской группы армий «А» решило прорваться к Туапсе через Новороссийск. В то время Туапсе являлся главной базой Черноморского флота. Здесь стояли военные корабли и транспортные суда. Через порт поступало пополнение людьми и техникой, привозилось продовольствие как для фронта, так и оставшегося гражданского населения.

19 августа началась Новороссийская оборонительная операция. Войска 18-й армии закрепились на майкопско-туапсинском направлении в предгорьях Главного Кавказского хребта: гора Мезмай, рабочий поселок Хадыженский. На 29 августа 9-я моторизованная дивизия была расформирована, а ее личный состав и вооружение переданы 31-й стрелковой дивизии.

В середине сентября в результате реорганизации и создания в Черноморской группы войск армия была усилена 32-й гвардейской, 395-й стрелковой, 12-й гвардейской кавалерийскими дивизиями, 68-й морской стрелковой бригадой, а также артиллерийскими, минометными и специальными частями [8]. В этой операции, закончившейся 26 сентября, 18-я армия активного участия не принимала. Это дало возможность укрепить оборонительные рубежи, сделав оборонительные сооружения в скальном грунте, установив инженерные заграждения и оборудовав всевозможные препятствия. Красноармейцы в это же время отрабатывали методы ведения боя в горных условиях.

Еще в начале сентября по разведданным стало известно об очередной перегруппировке вермахта на Кавказе и увеличении численности войск в районе Нефтегорска и Хадыженского. Стало понятно, что главный удар последует на шаумянском направлении из района Нефтегорска, Хадыженского, а вспомогательный – из района села Горячий Ключ. Германское командование планировало окружить и уничтожить войска 18-й армии и захватить Туапсе, что дало бы ему возможность блокировать всю Черноморскую группу войск Красной армии.

Подразделения 18-й армии получили задачу оборонять рубеж от станицы Нижегородской (10 км западнее станицы Самурской) до села Безымянного (10 км южнее Горячего Ключа). Армия состояла из пяти стрелковых и одной кавалерийской дивизий. Было решено перекинуть на этот участок фронта два артиллерийских полка, три полка истребительно-противотанковой артиллерии, две отдельных горно-вьючных батареи реактивной артиллерии [9].

Основные силы советских войск были сосредоточены на центральном, шаумянском, направлении – хутор Травалев, станица Хадыженская, село Шаумян (32-я гвардейская, 236-я, 383-я стрелковые и 12-я кавалерийская дивизии). На левом фланге перекрывалось фанагорийское направление (76-я морская, 395-я стрелковые дивизии), а на правом – перекрывалась лазаревское направление (31-я стрелковая дивизия, 818-й стрелковый полк, 236-й дивизион). Рядом стояли части 12-й и 56-й армий, 17-й кавалерийский корпус.

25 сентября после артиллерийских и авиационных ударов гитлеровцы пошли в наступление. Началась Туапсинская оборонительная операция. Первыми в бой вступили бойцы 32-й гвардейской стрелковой дивизии (командир – полковник М.Ф. Тихонов). Несколько дней бои шли на равных. Но 28 сентября гитлеровцы прорвали советскую оборону и за три дня заняли несколько населенных пунктов. Тяжелая обстановка сложилась на флангах, так как немцы пытались окружить советские войска. Поэтому советское командование переправляло сюда резервы, чтобы этого не допустить. Тем не менее наступление вермахта на этом участке фронта продолжалось.

19 октября 1942 г. командующим 18-й армией был назначен генерал-майор А.А. Гречко, которого современный историк В.В. Бешанов считает «своеобразным “пожарным”» в годы Великой Отечественной войны [10]. Войска 18-й армии в это время продолжали отступать. Новый командарм, избегая нависшего окружения, отвел войска на левом фланге.

23 октября немцы захватили хутор Перевальный на Ставрополье, вышли к горам Семашхо, Индюк и перерезали единственную рокадную дорогу. И в этот же день гитлеровцы прекратили наступление, а 31 октября перешли к обороне. Тем не менее угроза уничтожения советских войск противником еще некоторое время оставалась.

20 ноября штаб 18-й армии разработал план полного уничтожения германской группировки, закрепившейся в районе горы Семашхо и угрожавшей захватить село Георгиевское.

26 ноября войска 18-й армии начали контрудар: 383-я стрелковая дивизия перешла в наступление в районе сел Пелика и Гойтх. Здесь держали оборону германские части группы генерал-лейтенанта Х. Ланца, два отдельных батальона и разведывательный дивизион.

К 20 декабря подразделения 18-й армии подошли к р. Пшиш и закончили военную операцию. Таким образом, вермахту не удалось овладеть Черноморским побережьем в районе Туапсе. С этого времени началось освобождение Кавказа и Краснодарского края от захватчиков. Улучшило положение на Кавказе и успешное наступление в Сталинградской битве.

18-я армия продолжала воевать в Краснодарском крае, и была задействована на краснодарско-тихорецком направлении. Для освобождения региона советское командование разработало план из двух частей «Горы» и «Море». Первая часть предусматривала выход к реке Кубань и освобождение Краснодара. Основная задача в этой операции возлага-

лась на 56-ю армию, а 18-ю планировалось использовать для удара по вражеским опорным пунктам в районе населенных пунктов Котловина, Гунайка, Шаумян. Второй частью операции ставилась цель освободить Новороссийск и Таманский полуостров.

5 января 1943 г. было сменено всё командование армией: командармом был назначен генерал-майор А.И. Рыжов, начальником штаба – полковник Н.С. Кристальный, членом Военного совета – полковник П.В. Кузьмин.

Часть воинских формирований 18-й армии принимало участие в освобождении Краснодара. В то же время операция по освобождению Новороссийска («Море») провалилась, и был разработан новый план. Он предусматривал высадку под Новороссийском десанта, который должен был прорваться к городу и обеспечить блокирование и освобождение населенного пункта. Сначала предполагалось, что на этом участке фронта будут сражаться войска 47-й армии. Но из-за сложившейся обстановки было решено задействовать и 18-ю армию. 15 февраля ей было присвоено наименование «десантная». Также было сменено управление: командармом назначен генерал-майор К.А. Коротеев, начальником штаба – полковник Н.О. Павловский, членом Военного совета – полковник Г.А. Комаров.

Армия получила задание: удерживая плацдарм с юго-запада силами 20-го, 16-го стрелковых корпусов, а с востока и северо-востока – 318-й стрелковой дивизией, захватить город и порт Новороссийск; далее наступать в северо-западном направлении и, выйдя в тыл 17-й германской армии, отрезать ей пути отхода на Таманский полуостров. Эта операция под названием «Малая земля» длилась 225 дней (с 4 февраля по 16 сентября) и завершилась освобождением Новороссийска от оккупантов.

Важную роль в этой операции сыграл плацдарм в районе Станички (мыс Мысхако южнее Новороссийска), с которого наступали бойцы 18-й армии. Десант в этот район 4 февраля высадил майор Цезарь Львович Куников и сумел на нем закрепиться. Через десять дней он погиб. За этот подвиг майору Ц.Л. Куникову присвоено звание Героя Советского Союза.

В марте 1943 г. снова произошли изменения в управлении армией. 15-го числа была расформирована Черноморская группа войск и ее части вошли в состав Северо-Кавказского фронта. Командармом 18-й армии (в апреле она перестала быть десантной) стал генерал-полковник Константин Николаевич Леселидзе, начальником штаба остался генерал-майор Н.О. Павловский, членом Военного совета был назначен генерал-майор Семен Ефимович Колошин.

Еще в ходе боев за Новороссийск некоторые формирования 18-й армии приняли участие в Новороссийско-Таманской операции, начавшейся 10 сентября 1943 г. Немцы на подступах к Таманскому полуострову создали сильно укрепленную оборонительную линию «Готенкопф» (во многих источниках – «Голубая линия») [11]. Она пролегала между Азовским и Чёрным морями, и наиболее подготовленным был участок на подступах к Таманскому полуострову: две оборонительные полосы, три рубежа в глубине и отсечные позиции. Общая глубина линии достигала 60–70 км [12]. На всех рубежах она была насыщена ДОТ, ДЗОТ, пулеметными площадками и орудийными окопами. На этом рубеже оборонялись войска 17-й армии группы армий «А» вермахта.

Советское командование поставило задачу 18-й армии совместно с силами Черноморского флота нанести удар на Новороссийск и далее на поселок Верхнебаканский и г. Анапу. Соседние армии должны были освободить станицы Гостагаевскую, Гладковскую (56-я) и станицу Курчанскую и г. Темрюк (9-я). Части 18-й армии прорвали гитлеровскую оборону у станицы Веселовка и 3 октября освободили станицу Тамань. А 9 октября 56-я армия вышла к Керченскому проливу, что ознаменовало окончание битвы за Кавказ.

В ходе битвы за Кавказ, которая длилась почти 14 месяцев, было проведено 11 боевых операций, в шести из которых участвовала 18-я армия. Ее бойцы узнали и горечь поражений, и радость побед. Многие были награждены орденами и медалями, удостоены звания Героя Советского Союза. Тысячи братских могил остались на ее боевом пути. В ней воевали представители разных национальностей (несмотря на то, что армия была изначально сформирована в Харькове, Украине), что демонстрирует даже командный состав высшего эшелона. И эти люди сделали свой достойный вклад в Победу над нацизмом, в отвоевании независимости Советского Союза.

Примечания

1. Бешанов В.В. Год 1942 – «учебный». Минск, 2003. С. 260–261; Дёрр Г. Поход на Сталинград: оперативный обзор. М., 1957. С. 33.

2. Бешанов В.В. Указ соч. С. 261–262; Дёрр Г. Указ. соч. С. 29–30.

3. Приказ народного комиссара обороны Союза ССР № 227 (28 июля 1942 г.) // Военная энциклопедия «Армии и солдаты». URL http://armedman.ru/dokumentyi/prikaz-narodnogo-komissara-oboronyi-soyuza-ssr-227-28-iyulya-1942-g.html (дата обращения: 31.07.2019).

4. Дёрр Г. Указ. соч. С. 44, 102.

5. Восемнадцатая в сражениях за Родину: Боевой путь 18-й армии. М., 1982. С. 116.
6. Там же. С. 120.
7. Бешанов В.В. Указ. соч. С. 368.
8. Восемнадцатая в сражениях за Родину ... С. 131.
9. Там же. С. 130.
10. Бешанов В.В. Указ. соч. С. 446.
11. Хорват Ф. Готенкопф – «Голубая линия» // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/24186-gotenkopf-golubaya-liniya.html (дата обращения: 31.07.2019).
12. Там же.

И.В. Карташев

ПОЛИТИКА ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Оккупация Ставрополья немецко-фашистскими захватчиками, продлившаяся с августа 1942 г. по январь 1943 г., принесла немало страданий жителям края. Новый порядок обернулся для мирного населения необходимостью выживать в условиях оккупации, сопровождавшейся карательными акциями, разрушением объектов инфраструктуры, нехваткой продуктов питания, недоступностью многих услуг.

Вопросы, касающиеся политики оккупационных властей в области здравоохранения, нельзя отнести к разряду хорошо изученных. Как правило, историки и публицисты в своих работах отмечают закрытие с началом оккупации ряда лечебных учреждений, разрушение их зданий и разграбление имущества [1]. Другие специалисты считают, что деятельность лечебных учреждений края в период оккупации не подвергалась значительным изменениям, практически единственным новшеством оказалось введение платы за оказание медицинских услуг [2]. Целью настоящей статьи является изучение характера политики оккупационных властей в области здравоохранения на территории Ставропольского края, а также определение «перспектив развития» при новом порядке системы медицинского обслуживания населения.

В результате захвата германской армией Ставрополья в августе 1942 г. советские органы управления прекратили свою работу, власть перешла к немецким комендатурам, выполнявшим административные и контрольные функции. В качестве вспомогательных органов местного управления оккупантами были созданы районные, городские, сельские управы (или управления) во главе с бургомистрами или старостами. В структуру управ входил ряд отделов (например, финансовый, торговый, земельный, жилищный и др.), в том числе отделы, отвечавшие за медицинское обслуживание местного населения и проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий.

До начала оккупации обеспечением общедоступной и бесплатной медицинской помощи, заботой об охране здоровья населения, в том числе соответствующей просветительской работой, предотвращением эпидемических заболеваний, управлением больничной и внебольничной сетью лечебных учреждений, вопросами улучшения санитарного состояния населенных пунктов на всей территории края, вплоть до самых отдаленных аулов, занимался краевой отдел здравоохранения [3].

Новые власти, отказавшись от создания подобной структуры на краевом уровне и создав соответствующие отделы на местах, ограничились осуществлением локальных мероприятий, направленных в первую очередь на обеспечение надлежащих условий для собственного пребывания на оккупированной территории. Кроме того, ими допускалось оказание определенной медицинской помощи местному населению, от которого требовались лояльность и добросовестный труд на пользу оккупационных властей. Состав этих отделов, их наименование, территория обслуживания и выполняемые функции могли быть различными. Так, в большинстве районов и городов края в период оккупации функционировал отдел здравоохранения, который непосредственно в Ставрополе именовался медицинским отделом, в том числе во многих официальных документах. По Ессентукскому городскому и районному управлению некоторые документы содержат упоминание отдела здравоохранения как одной единицы с отделом просвещения, одновременно с которыми в структуре управления в период оккупации функционировал курортный (в ряде документов – курортно-лечебный) отдел [4].

В 16 прилегающих к г. Ставрополю районах края отделы здравоохранения в структуре местной власти не создавались, ответственность за работу лечебных учреждений и проведение санитарно-эпидемиологических мероприятий на этих территориях с началом оккупации возлагалась на медицинский отдел Ставропольского городского управления.

Позднее во главе всех медучреждений каждого из этих районов новыми властями был назначен районный врач, в подчинении которого находился санитарный врач [5].

Должности санитарных врачей и врачей-эпидемиологов были введены в составе ряда отделов здравоохранения при городских и районных управах в целях контроля санитарно-эпидемической обстановки, наиболее волновавшей оккупационные власти. В Ставрополе в структуре медицинского отдела с учетом необходимости обслуживания 16 прилегающих районов был выделен санитарный и эпидемиологический подотдел [6]. При городском санитарном враче г. Ессентуки было создано соответствующее управление, за которым в качестве технической базы закреплялись санитарно-бактериологическая лаборатория и дезинфекционный пропускник [7].

Проведя в первые же дни после захвата населенных пунктов края регистрацию определенных категорий населения, в том числе и лиц, владеющих медицинскими специальностями [8], определив перечень работающих учреждений, новые власти обязали их сотрудников выйти на прежнее место работы, объявив обязательную трудовую повинность и указав на недопустимость саботажа распоряжений новых властей [9]. В то же время, руководствуясь принципом практической целесообразности, немцы прекратили финансирование и всяческое поддержание определенных категорий граждан, отдельных учреждений и целых направлений деятельности. Одним из первых и наиболее ярких проявлений их «практичности» стало закрытие психиатрических лечебных учреждений и уничтожение их пациентов. В Ставропольской психоневрологической больнице, которая к началу оккупации, помимо жителей края, частично обеспечивала психиатрической помощью население Краснодарского края, Ростовской области и Дагестанской АССР [10], было уничтожено около 700 больных, а сама больница была практически полностью разрушена [11]. Прекратила свою работу краевая противочумная станция, в ведении которой находилось 8 противочумных пунктов в населенных пунктах Дивное, Ипатово, Петровское, Летняя Ставка, Благодарное, Александровск, Буденновск, Арзгир [12]. Перестали функционировать краевой туберкулезный диспансер и краевая туберкулезная больница, санитарно-эпидемические и малярийные станции, часть из которых в связи с распространением эпидемических заболеваний позже возобновила свою работу. Прекратил свою работу с началом оккупации и кожно-венерологический диспансер в Ставрополе, однако в связи с риском распространения венерических заболеваний, «при помощи германского командования» он вскоре возоб-

новил свою работу [13]. Продолжило функционировать существовавшее и до оккупации кожно-венерологическое отделение на 30 коек в Ставропольской городской больнице [14], был возобновлен прием кожно-венерических больных в городах Кавминвод [15], имелись кожно-венерологические кабинеты и в ряде районов, например, в Изобильненской сельской поликлинике [16]. По приказу новых властей венбольные освобождались от платы за стационарное лечение.

Переход к платному принципу оказания медицинских услуг стал одним из главных изменений существовавшей на территории края системы здравоохранения. В Ставрополе стоимость нахождения в стационаре городской больницы для граждан составляла 15 руб., первичный прием во всех учреждениях амбулаторного типа для рабочих, служащих и членов их семей, а также безработных – 5 руб., вызов на дом – 10 руб. От платы за стационарное лечение освобождались роженицы, больные с инфекционными заболеваниями, а также пациенты детских консультаций [17].

Несмотря на введение платы за медицинское обслуживание, лечение больных не всегда осуществлялось на возмездной основе. Так, в Ставропольской горбольнице доля платных больных в период оккупации составляла, как правило, не более $^1/_3$ от общего количества пациентов [18]. Исследователи проводимой нацистами на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани политики полагают, что перевод системы здравоохранения на платную основу не сопровождался полным отказом от бесплатного оказания услуг малоимущим слоям городского населения и прекращением финансирования медицинских учреждений. Это было продиктовано необходимостью поддержания приемлемого уровня санитарно-эпидемиологической обстановки в местах дислокации германской армии, а также стремлением добиться пропагандистских целей [19].

Финансирование продолживших работу учреждений здравоохранения осуществлялось из местных бюджетов. Формально расходы на здравоохранение при оккупантах были соизмеримы с аналогичными расходами при советской власти, а в ряде случаев даже превышали их. Подобная ситуация наблюдалась во втором полугодии 1942 г. в г. Буденновске. В г. Ставрополе в августе 1942 г. самая большая сумма (180 тыс. руб.) из 600 тыс. руб. доходной части бюджета была предназначена отделу здравоохранения [20]. Учитывая пропагандистский характер подобных заявлений, изменение цен в период войны, нехватку лекарств, материалов и инструментов, увеличение количества больных

и раненых в ряде населенных пунктов края, следует отметить недостаточный, а в сельской местности – критически низкий уровень финансирования учреждений здравоохранения.

Решить вопрос медицинского обслуживания населения, обеспечив при этом занятость ряда специалистов, новые власти попытались за счет развития частной врачебной практики. Врачам, фельдшерам, акушеркам при наличии соответствующего разрешения и оплаченного патента позволялось заниматься частной врачебной практикой, регистрация производилась в местной управе, уклонение от регистрации каралось штрафом [21]. В газетах появилось немало объявлений о покупке медицинских инструментов [22], об оказании на дому медицинских услуг [23], об открытии мастерских по ремонту медицинских приборов и принадлежностей [24], косметологических кабинетов [25]. В то же время низкая покупательная способность населения, отсутствие необходимых лекарств и инструментов не способствовали массовому распространению данного вида услуг.

На возмездной основе начали работать лаборатории ряда учреждений, осуществлявшие различного рода анализы. Так, Ставропольский институт эпидемиологии и бактериологии производил фармацевтические, токсикологические, судебно-медицинские, технические и другие анализы [26]. В отсутствие учебного процесса в стенах Ставропольского мединститута открылась новая лаборатория, обслуживавшая предприятия, учреждения, врачей и население путем проведения различных анализов [27].

С началом оккупации помещения советских эвакогоспиталей и лечебных учреждений были заняты под лазареты для немецких военнослужащих, эти заведения имели собственное снабжение и свой штат сотрудников, в том числе из местного населения, которые даже внешне отличались от работников «гражданских» больниц [28]. На основании распоряжения новых властей медицинское обслуживание лиц, принадлежащих к немецкой армии, осуществлялось отдельно от местного населения. Всем частнопрактикующим врачам прием на дому и лечение таких пациентов, за исключением случаев необходимости оказания неотложной медицинской помощи, были запрещены.

Санитарные правила и нормы в населенных пунктах края закреплялись приказами местных управ. Ответственность за чистоту улиц и дворов возлагалась на домоуправления, в частных домовладениях – на их владельцев. Приказами регламентировались порядок сбора, хранения и вывоза мусора, помоев, фекалий и других нечистот, правила обслуживания общественных уборных, содержания домашних животных и др. [29].

В местных газетах оккупационные власти регулярно размещали информацию, описывающую их «заботу» о здоровье местного населения. Так, уже в середине августа 1942 г. они заявляли, что провели учет медицинских кадров в г. Ставрополе, наладили работу аптек и лечебных учреждений, снабжение их медикаментами [30]. Позднее власти отчитались, что отдел здравоохранения наладил работу лечебных учреждений и в 16 прилегающих районах, послав на работу 70 врачей. На деле «учет» кадров обернулся уничтожением в рамках карательных акций против еврейского населения большого количества медицинских работников и членов их семей, многие из которых прибыли с оккупированных ранее территорий СССР. Недостаток в медицинском оборудовании и медикаментах объяснялся оккупационными властями тем, что это имущество было «большевиками вывезено, уничтожено или зарыто в землю» при отступлении [31]. Впоследствии населению было сообщено, что при помощи германского командования и стараниями отдельных работников часть расхищенного имущества удалось собрать, открыв в результате этого в г. Ставрополе ряд лечебных учреждений. Кроме того, отмечалось удовлетворительное состояние города в санитарном и эпидемиологическом отношении. Примечательно, что существенная часть «открытых» немцами в период оккупации медицинских учреждений не прекращали работу ни на один день, осуществляя помощь больным и раненым даже непосредственно в период захвата населенных пунктов края немецкой армией, что подтверждается как воспоминаниями очевидцев, так и рядом документальных источников.

Неудовлетворительное состояние лечебных учреждений курортов Кавказских Минеральных Вод также объяснялось тем, что им «за последние годы большевики нанесли большой ущерб». По словам оккупационных властей, ими были предприняты энергичные меры для восстановления к весне 1943 г. лечебной деятельности, в частности Пятигорского курорта [32].

Спорным является вопрос о проведении в период оккупации прививок среди местного населения. Согласно заявлениям оккупационных властей, ими весьма успешно осуществлялась борьба с малярией, дифтерией, оспой и другими заболеваниями. В свою очередь, по информации советских органов здравоохранения, в период оккупации в крае были ликвидированы все санитарно-эпидемиологические станции и санитарно-бактериологические лаборатории, а проведение предохранительных прививок было запрещено [33]. Судя по всему, в период оккупации могла проводиться выборочная вакцинация, в частности прививки для пред-

упреждения заболевания детей дифтерией, которые, например, проводились в Ставрополе [34] и Ессентуках [35]. В то же время отсутствие организованной вакцинации среди взрослого населения края, наличие большого количества раненых и военнопленных, в отношении которых подобные мероприятия, как правило, не проводились, в итоге привели к увеличению количества инфекционных заболеваний. Это подтверждается отчетами о работе Ставропольской горбольницы в период оккупации, а также информацией о массовых вспышках туляремии, сыпного и брюшного тифа, малярии в ряде районов края после их освобождения Красной армией [36].

Демонстрацией лояльности местному населению явилось заявление оккупационных властей о введении оплаты больничных листов, согласно которому, например, в г. Ставрополе рабочим и служащим за время болезни было обещано выплачивать заработную плату в полном объеме, независимо от продолжительности работы на данном предприятии или в учреждении [37]. Учитывая невысокий размер заработной платы, далеко не полную занятость населения, ограниченный доступ к медицинским услугам следует признать декларативный характер этого заявления.

Позиция оккупационных властей в части подготовки медицинских кадров на территории Ставропольского края не носила ярко выраженный характер. Имея за плечами опыт управления другими захваченными территориями, германское командование не настаивало на повсеместном закрытии медицинских учебных заведений края. Сказывались желание оккупантов продемонстрировать лояльность местному населению, а также планы использования в интересах Германии санаторных учреждений края. Тем не менее возобновление в период оккупации работы Пятигорского химико-фармацевтического института, Пятигорской фельдшерско-акушерской школы, Черкесской медицинской школы, Кисловодского филиала 1-го Ленинградского медицинского института [38] в большей степени было инициативой их коллективов, носило локальный характер и не могло в полной мере удовлетворить потребность края в медицинских кадрах. Возобновление занятий в Ставропольском мединституте, дату начала которого городское управление в период оккупации объявляло дважды – с 01.09.1942 г. и с 01.01.1943 г., так и не состоялось [39].

Следует отметить, что оккупационный режим не предусматривал развитие системы здравоохранения, проведение просветительской работы, целью которых могло быть увеличение рождаемости, продолжительности и качества жизни. Вполне закономерным выглядит итог пребывания гитлеровцев на Ставрополье: отступая, оккупанты постарались

нанести максимальный ущерб всему хозяйству края, включая и здравоохранение.

Примечания

1. Кошман Ю.А. Восстановление и развитие здравоохранения Ставрополья после фашистской оккупации (1942–1943) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 3. С. 94–98; Лезвина В.А. Ставропольская краевая больница: Война и после войны // Ставропольская правда. 2013. 21 августа. С. 7.

2. Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополья (1918–2005 гг.). Ставрополь, 2007. С. 213.

3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-2795. Оп. 1. Д. 38. Л. 45.

4. ГАСК. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 116. Л. 40.

5. Здравоохранение в крае // Утро Кавказа. 1942. 13 декабря. С. 3.

6. ГАСК. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–12.

7. Там же. Д. 116. Л. 43.

8. Объявление // Русская правда. 1942. 7 августа. С. 2.

9. Там же. 16 августа. С. 4.

10. ГАСК. Ф. Р-2498. Оп. 1. Д. 24. Л. 9.

11. Доршт А.Я. Краткий очерк истории психоневрологической помощи в Ставропольском крае. Ставрополь, 1957. С. 20.

12. ГАСК. Ф. Р-2770. Оп. 3. Д. 13. Л. 1.

13. Работа медицинских учреждений // Ставропольское слово. 1942. 25 ноября. С. 4.

14. ГАСК. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 6. Л. 158–172.

15. Шамилева М.Д., Линец С.И. Состояние органов здравоохранения Ставропольского края в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. – январь 1943 г.) // Университетские чтения. Ч. 11. Пятигорск, 2014. С. 150.

16. ГАСК. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 117. Л. 39.

17. Там же. Л. 26–28.

18. Там же. Д. 6. Л. 1–153.

19. Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942–1943 гг.: цели, особенности, крах: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. С. 117–118.

20. Наш бюджет // Ставропольское слово. 1942. 2 сентября. С. 1.

21. ГАСК. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 116. Л. 35.

22. Объявления // Ставропольское слово. 1942. 25 сентября. С. 4.

23. Объявления // Утро Кавказа. 1943. 3 января. С. 4.

24. Объявления // Ставропольское слово. 1942. 27 сентября. С. 4.

25. Там же. 28 августа. С. 4.

26. Там же. 11 сентября. С. 4.

27. Там же. 2 октября. С. 4.
28. Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь, 1998. С. 106.
29. Приказы и распоряжения // Ставропольское слово. 1942. 20 сентября. С. 4.
30. Городская жизнь // Русская правда. 1942. 15 августа. С. 2.
31. Помощь больным и раненым // Ставропольское слово. 1942. 28 октября. С. 4.
32. Жизнь в Пятигорске // Утро Кавказа. 1942. 16 декабря. С. 3.
33. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 5. Д. 66. Л. 88–96.
34. Городская жизнь // Ставропольское слово. 1942. 30 сентября. С. 4.
35. ГАСК. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 116. Л. 27, 31.
36. Там же. Ф. Р-2795. Оп. 1. Д. 114. Л. 6–31.
37. При болезни зарплата сохраняется // Ставропольское слово. 1942. 16 октября. С. 4.
38. Карташев А.В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. 2016. № 2. С. 76.
39. Карташев И.В. К вопросу о работе Ворошиловского (Ставропольского) медицинского института в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.) // Там же. 2018. № 2. С. 63–72.

Н.Д. Судавцов

ВЗАИМОПОМОЩЬ НАРОДОВ КАВКАЗА В ВОЗРОЖДЕНИИ ЖИЗНИ НА СТАВРОПОЛЬЕ, ОСВОБОЖДЕННОМ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Проблемы возрождения жизни на территориях, освобожденных от немецко-фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны, и сегодня не потеряли своей актуальности. Это хорошо видно на примере Ставрополья, где оккупация длилась полгода, но последствия ее были трагичными, поскольку, отступая, немецко-фашистские войска должны были согласно приказу А. Гитлера оставлять после себя «зону выжженной земли» [1].

В ходе наступления советских войск 29 января 1943 г. Ставропольский край был освобожден от врага. Перед освободителями

предстала ужасная картина после пятимесячного пребывания немецко-фашистских войск на Ставрополье. Оккупанты нанесли краю огромный ущерб, разрушив предприятия, социально-культурные объекты, разграбив хозяйства, села, станицы. Было уничтожено более 4,5 тыс. тракторов, 1,5 тыс. комбайнов, свыше 8 тыс. плугов, вывезено более 500 тыс. тонн зерна. В колхозах, совхозах, индивидуальных хозяйствах было зарезано и вывезено около 3 млн голов скота, свыше 3 млн голов птицы, взорвано и разрушено около 6300 жилых домов, свыше 9 тыс. животноводческих построек, 2700 зерно- и овощехранилищ, 267 клубов, красных уголков, около 200 детских садов и яслей. Значительный урон был причинен промышленности и железнодорожному транспорту: взорвано и разрушено 214 предприятий, 28 электростанций, почти все вокзалы, депо и т.д. Врагом варварски разграблялись курорты Кавказских Минеральных Вод, учреждения здравоохранения, учебные заведения, учреждения культуры. Общая сумма ущерба составила около 14,6 млрд руб. Невосполнимой потерей явилось уничтожение врагом более 32 тыс. человек на территории Ставрополья [2]. Такой колоссальный ущерб является следствием не только оккупации, но в значительной мере и того, что в крае по существу не было проведено эвакуации.

После освобождения края главные усилия направлялись на восстановление народного хозяйства и социально-культурной сферы, достижение довоенного уровня и дальнейшее поступательное развитие края. Восстановительные работы в крае начались в первые же дни после освобождения городов и сел и велись во все более возрастающем объеме по мере определения необходимых затрат, потребностей в материальных и трудовых ресурсах. Следует отметить, что наиболее трудным при проведении восстановительных работ в крае был 1943 год. Во многом это было связано с тем, что их приходилось начинать в прифронтовых условиях нехватки рабочей силы, опыта, слабого материально-технического обеспечения, практически отсутствия механизмов. Работа велась в сложных условиях жесткой войны. Да и государство многого из того, что было крайне необходимо для восстановительных работ, не могло дать. В то же время этот год был в определенной мере решающим в проведении восстановительных работ, так как именно тогда были заложены прочные основы для успешного их осуществления в последующие годы.

Возрождение жизни в крае в условиях войны было чрезвычайно тяжело, поскольку значительная часть финансовых, материально–

технических ресурсов государства направлялась на ведение войны. Но и в этих условиях правительство стремилось изыскать средства для восстановительных работ.

Уже в ходе завершения Сталинградской битвы, освобождения Северного Кавказа ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР 23 января 1943 г. приняли постановление «О мерах по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов». В нем была определена программа деятельности по восстановлению экономики, социальной сферы, оказанию помощи пострадавшим регионам. Наркоматы и ведомства СССР, ЦК компартий и правительства республик, крайкомы, обкомы ВКП(б), крайоблисполкомы должны были принять меры по отправке в освобожденные регионы сельскохозяйственной техники, запасных частей, руководящих работников и квалифицированных специалистов. В постановлении, в частности, предусматривалось наркоматам обороны и среднего машиностроения выделить и поставить более 12 500 тракторов, в том числе Ставропольскому краю – 665 к 20 февраля. Комбайны и сельскохозяйственные машины планировалось поставить к 15 февраля [3]. В освобожденные районы также должны были быть направлены механизаторы и ремонтники.

И вскоре на запад наряду с воинскими эшелонами пошли составы с сельскохозяйственной техникой, запасными частями, работниками сельского хозяйства. Газета «Правда Востока» отмечала, что уже в середине февраля 1943 г. из Узбекистана в помощь хозяйству районов, освобожденных от гитлеровских захватчиков, в одну из богатейших хлебных житниц СССР – Ставропольский край – было отправлено 1142 трактора, столько же плугов и 400 зерновых сеялок. Вместе с тракторами и сельхозмашинами на Ставрополье выехали 1124 тракториста, десятки механиков, много комбайнеров, агрономов [4].

Прибывавшие в места назначения работники вливались в трудовые коллективы и сразу приступали к работе: помогали восстанавливать на местах машинно-тракторные мастерские, тракторы, комбайны, другой сельхозинвентарь, пахали, сеяли. Нередко из-за нехватки запасных частей приходилось из двух-трех тракторов укомплектовать до рабочего состояния один. Объем работ предстояло выполнить огромный, особенно в сельском хозяйстве. В период оккупации населением, бойкотировавшим мероприятия оккупантов, были сорваны осенне-полевые работы. Была посеяна половина озимых от того, что производилось раньше при низком качестве, не была вспахана почва. В этих условиях значительно возрастала роль живого тягла.

В принятом 18 марта 1943 г. постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 г.» Ставропольскому краю устанавливалось на период весенне-полевых работ выработать не менее 10 га на рабочую лошадь или пару волов. Для выполнения работ предусматривалось использовать коров [5].

Помимо общих решений о помощи освобожденным районам, правительство СССР принимало постановления по отдельным регионам. 7 мая 1943 г. СНК СССР принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Ставропольского края, разрушенного оккупантами». Постановлением краю определялась помощь на восстановительные работы, ассигновывалось 77 млн руб., выделялись материальные фонды, определялись сроки ввода в строй предприятий, жилья, социально-культурных учреждений края. Кроме этого, СНКСССР отпустил 2 млн руб. на оказание единовременной помощи населению, пострадавшему от оккупантов. Было выделено 10 млн руб. долгосрочного кредита колхозам на восстановление построек и приобретение инвентаря, 3 млн руб. – на восстановление жилого фонда, находившегося в личном пользовании трудящихся городов и районных центров, и 2 млн руб. – колхозникам на обзаведение скотом, восстановление надворных построек. Было выделено 25 млн руб. кредитов. Всего же для края выделялось 102 млн руб. [6].

Весной 1943 г., стремясь как можно больше посеять хлеба, колхозники собрали из своих запасов 400 тыс. центнеров семян яровых культур. Засеяно было 1311 тыс. га. Это было сделано женщинами, подростками и стариками. 14–16-летние ребята и девчата, стремясь не отстать от взрослых, работали от зари до зари. Изнемогая от усталости, они самоотверженно трудились на колхозных и совхозных полях, не только выполняя, но и значительно перевыполняя нормы, установленные для взрослых в полтора, два, три и более раз. 14-летний Дмитрий Конев и его 20 товарищей из колхоза имени Молотова Изобильненского района выполнили по 9 сезонных норм, вспахав в среднем по 60 га. Дмитрий вспахал 84 га и был награжден грамотой ЦК ВЛКСМ, значком Наркомзема СССР «Отличник социалистического сельского хозяйства» [7].

Всего весной 1943 г. в крае было посеяно 1064 тыс. га яровых культур, что на 107 тыс. га превышало посевы весны 1941 г. Из них на живом тягле было вспахано 386 тыс. га, засеяно 300 тыс. га. При этом в полевых работах было использовано более 10 тыс. коров. К сожалению, в тот год из-за погодных условий урожай был небывало низким.

Важное значение для скорейшего восстановления хозяйства и оказания помощи населению районов, освобожденных от оккупации, имело постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), принятое 21 августа 1943 г., в момент завершения победоносной битвы на Курской дуге, «О неотложных мерах по восстановлению в районах, освобожденных от немецкой оккупации» [8]. В нем была определена комплексная программа по восстановлению экономики, социальной сферы, определены рубежи достижения поставленных целей, в решении которой должны были участвовать все регионы страны. Такой подход положил начало широкому развитию шефства республик, краев, областей Урала, Сибири, Казахстана, Средней Азии, Закавказья над освобожденными территориями. Работу возглавляли шефские комитеты, которые устанавливали связи с подшефными территориями, выясняли их нужды и указывали трудовым коллективам, на что нужно обратить особое внимание. Шефство существенно дополняло государственную помощь возрождавшимся регионам.

Над Ставропольским краем взяли шефство Азербайджанская ССР, Чкаловская (Оренбургская) область, оказывая подшефным существенную помощь в восстановительных работах. Уже осенью подшефные стали ощущать существенную поддержку в проведении восстановительных работ. Трудящиеся Азербайджана протянули руку помощи. Был создан республиканский шефский комитет. Шефство носило конкретный характер. Так, Нахичиванская АССР шефствовала над Черкасской АО, Нагорно-Карабахская АО – над Карачаевской АО, г. Кировобад над Пятигорском, Агдамский район над Буденновским районом, Дзержинский район г. Баку над Минеральными Водами и т.д. [9].

Патриотическое движение по оказанию помощи освобожденным районам проходило под лозунгом: «Не оставим в беде наших сестер и братьев. Окажем им товарищескую поддержку и помощь!». Шефствующие города и районы за счет внутренних ресурсов изыскали возможности для отправки в освобожденные районы Ставрополья различного оборудования, материалов, продовольствия, товаров ширпотреба и т. д.

Работа осуществлялась различными путями и проявлялась по-разному: образцовое выполнение заказов по производству продукции, помощь кадрами, техникой, скотом, семенами для посева, строительными материалами, предметами бытового назначения, учебниками и т. д. Это было важно особенно в первые, самые трудные месяцы войны. И хотя из одних регионов получено больше, чем из других, главным

было то, что горе и боль ставропольцев нашли отклик в сердцах людей разных национальностей. Это явилось ярким примером того, что возрождение пострадавших районов стало делом всех народов СССР.

Вот лишь некоторые примеры. Из Туркмении в конные заводы Ставрополья отправили 32 лошади ахалтекинской породы [10]. Комсомольцы Нагорно-Карабахской области собрали и отправили в край 98 тонн зерна, 675 голов крупного рогатого скота, 1000 овец, 6425 предметов одежды, 165,5 тыс. руб. Молодежь Закавказья отправила труженикам сельского хозяйства 8 тыс. запчастей. Из Шемахинского района отправили в край 27 775 овец, 27 голов крупного рогатого скота, десятки тонн зерна [11].

В Азербайджане и Чкаловской области на предприятиях в нерабочее время изготавливались запчасти, инструменты, высвобождалось оборудование колхозов и совхозов, выделялось для посевов зерно, трудящиеся собирали продовольствие, одежду, предметы домашнего обихода, деньги.

Для строительных работ в Ставропольском крае из резервных фондов республики выделили тысячу тонн цемента, 10 вагонов кира и асфальта, 20 тонн гвоздей, 5 тыс. м^2 стекла. Кроме того, были отправлены строительные бригады, техническая литература. Большую помощь Ставрополью оказывали предприятия наркоматов местной, легкой, пищевой промышленности. Так, предприятия текстильпрома выделили продукции на 240 тыс. руб. [12].

17 октября 1943 г. в Ставрополь прибыл первый эшелон из 50 вагонов из Чкаловской области. Его сопровождала делегация во главе с заместителем председателя облисполкома А.А. Вишняковым [13]. В 1943 г. в Азербайджане в фонд освобожденным районам засеяли 42,5 тыс. га зерновых и технических культур [14].

Трудящиеся Чкаловской области в декабре 1943 г. в связи с отправкой эшелона с оборудованием и строительными материалами прислали рабочим, колхозникам и интеллигенции Ставропольского края письмо. Его обсудили и приняли на собраниях рабочих и служащих предприятий общих собраниях колхозников. Его подписали 21 098 человек. Чкаловцы писали ставропольцам: «После окончания рабочего дня мы остаемся на своих местах, во внеурочное время готовим для вас оборудование, инструменты, инвентарь, предметы бытового обихода. В знак братского участия и дружбы 8 октября мы отправили эшелон с подарками из 42 вагонов. Здесь были три вагона строевого леса, три вагона труб разного диаметра, пять вагонов солидола и колесной мази, четыре ва-

гона скота, 63 металлообрабатывающих станка, 40 моторов… большое количество верхней одежды, белья, клубного имущества, литературы. Это был наш первый братский дар. Взяв шефство над вашим чудесным благодатным краем, разрушенным немецкими оккупантами, мы обещаем вам всемерно, изо дня в день усиливать помощь в восстановлении хозяйства и культуры» [15]. Благодаря чкаловцам станочное оборудование МТС возросло на 20 %.

В 1943 г. труженики края, опираясь на поддержку государства и восточных регионов, провели огромную работу по ликвидации последствий оккупации. Уже к концу 1943 г. на Ставрополье были восстановлены и выпускали продукцию 297 предприятий из 341, функционировали все колхозы, совхозы, МТС. Было создано около 5 тыс. животноводческих ферм. Работали все учебные заведения, школы, 414 лечебных учреждений, 170 кинотеатров и кинопередвижек. Было восстановлено более 100 тыс. м^2 жилых и административных зданий и т.д. [16].

Получая помощь от шефов, трудящиеся Ставрополья неизменно обращались к ним со словами благодарности. В письме труженикам Чкаловской области они писали: «Дорогие товарищи, чкаловцы! Ваша братская помощь вызывает у каждого труженика Ставрополья чувство самой глубокой признательности и благодарности. Эта помощь радует и вдохновляет нас на дальнейший созидательный труд. Из глубокого тыла, с сурового Урала, принесли вы ценный вклад в дело восстановления нашего города и края. Но еще ценнее для нас чувство солидарности, теплоты, с которой вы собирали для нас ваши подарки. Ваша братская помощь еще и еще раз подчеркивает основу мощи Советского Союза и крепость дружбы между трудящимися СССР, монолитность его многонационального народа» [17].

Для тружеников сельского хозяйства удачно сложился 1944 г. Только в январе 1944 г. из Азербайджана отправили в Ставропольский край оборудование и стройматериалы на 5,5 млн руб. [18].

В порядке шефской помощи из республики на Ставрополье к середине 1944 г. поступило 149 вагонов оборудования, стройматериалов, вещей домашнего обихода, 642 тонн цемента, 14 тонн гвоздей, 5 тыс. м^2 стекла и т. д. Ставрополье получило 54,6 тыс. голов продуктивного и рабочего скота. В рамках шефской помощи из Азербайджана на Ставрополье поступило 177 вагонов различных грузов на 9 млн руб., а также деньгами около 8,7 млн руб., собранных тружениками республики [19]. Более ста вагонов с оборудованием, материалами поступило из Чкаловской области.

Помощь государства, бескорыстная помощь народов-братьев вдохновляли ставропольцев на самоотверженный труд, вселяли в них уверенность в быстрейшем возрождении имущества, разрушенного врагом. Трудящимся помогали посланцы регионов, которые работали самоотверженно, как и ставропольцы. Комбайнер Привольненской МТС, участник краевого совещания комбайнеров З.И. Мухамедиев в газете «Ставропольская правда» 23 мая 1944 г. писал: «В 1943 году с группой трактористов я прибыл в Ставропольский край. Башкирский народ, пославший меня, дал наказ – работать не жалея сил на восстановление колхозов, разрушенных немецкими оккупантами. И я, свято выполняя наказ своего народа, несмотря на то, что в прошлом году мне вручили комбайн “Сталинец” уже в самый разгар уборки, я сумел убрать 450 га и сохранить машину в хорошем состоянии. Выезжая на краевое совещание комбайнеров, я дал своим товарищам по работе обязательство убрать в текущем году своим комбайном 1000 га. Уверен, что перевыполню свое обязательство. Братья, воины Красной Армии, Родина будут довольны моей работой» [20].

Труд земледельцев в 1944 г. увенчался большим успехом. Был получен хороший урожай – 37 млн пудов зерна, в два с лишним раза больше, чем в 1943 г. [21].

Возрождая край, получая помощь других регионов, ставропольцы в свою очередь участвовали в восстановлении промышленных объектов, городов, населенных пунктов, народного хозяйства освобожденных районов Украины, Белоруссии, Молдавии, областей РСФСР. По решению ГКО в Донбасс в 1943 г. на восстановление крупнейшего Горловского коксохимического комбината было направленно более 500 учащихся ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения Ставрополья. Все 12 групп хорошо справлялись со своими задачами. На восстановлении жилых домов и строительстве котельной по-стахановски трудились каменщики, плотники, столяры мастеров Баева, Лебодинского, Носенко. Отряд ремесленников Ставрополья в ноябре 1943 г. досрочно выполнил задание на 106 %. Дирекция премировала 11 молодых стахановцев.

Восстановленный арматурный завод города Георгиевска изготавливал арматуру для шахт Донбасса, водопроводов Киева, Харькова, Одессы и др. Благодарненский пункт «Птицепрома» отправил в наиболее пострадавшие от врага районы Белоруссии 5 вагонов гусей для восстановления птицеферм.

Народное хозяйство работало на пределе возможного: не хватало сырья, рабочих рук, сельхозтехники, которая совсем износилась. По оценкам развитие края было приостановлено на 10–12 лет. Работа,

проведенная в годы войны, создала хороший задел для развития региона в послевоенное время.

Примечания

1. Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1985.
2. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сб. док. и мат-лов. Ставрополь, 1962. С. 115–122.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. за 50 лет: [в 16 т.] / сост. К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова Т. 3. М., 1968. С. 90–94.
4. Правда Востока. 1943. 21 февраля.
5. Решения партии и правительства … Т. 3. С. 104.
6. Гос. арх. Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-1852. Оп. 5. Д. 65. Л. 130, 131.
7. Гос. арх. новейшей истории Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 16. Д. 208. Л. 122.
8. Решения партии и правительства ... Т. 3. С. 131–169.
9. Ставропольская правда. 1943. 29 сентября.
10. Туркменская искра. 1943. 13 августа.
11. Бакинский рабочий. 1943. 25 сентября.
12. Ставропольская правда. 1943. 29 сентября.
13. Там же. 19 октября.
14. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 11. Д. 15. Л. 103.
15. Чкаловская коммуна. 1943. 19 декабря.
16. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 7. Д. 119. Л. 105.
17. Чкаловская коммуна. 1943. 19 декабря.
18. История Азербайджана. Т. 3. Ч. 2. Баку, 1963. С. 141.
19. В единой семье братских народов. Баку, 1964. С. 309.
20. Ставропольская правда. 1944. 23 мая.
21. Ставропольцы в Великой Отечественной войне. Ставрополь, 1995. С. 197.

Р.М. Мусабекова

ДЕПОРТИРОВАННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ КАЗАХСТАНА

В Северном Казахстане депортированные народы Северного Кавказа проживали главным образом в Акмолинской и Кокчетавской областях. Кокчетавская область образовалась из спецпереселенцев, так как

из города Акмолинска контролировать дальние районы с большим количеством населения было затруднительно. Маленький город Кокчетав в 1944 г. стал областным центром одноименной области.

Северный Казахстан – это граничащий с российской Сибирью регион Казахстана. Он известен своим суровым климатом: зимой холода достигают –45 °С. Также следует отметить, что степные просторы Северного Казахстана отличаются холодными ветрами.

В статье мы изучили хозяйственное устройство спецпереселенцев Северного Кавказа. Для всестороннего освещения вопроса были исследованы источники местных партийных документов, где можно видеть подлинную картину хозяйственного устройства и условия жизни этих народов. В казахстанской историографии существуют некоторые исследования по этой теме, например кандидатская диссертация Н.А. Абуова [1]. Однако автор не использовал материалы архивов Кокчетавской области.

После самого факта депортации, летом и осенью 1944 г. ситуация с обустройством депортированных обострилась. В Акмолинской области первые проблемы были видны уже в конце этого года. Во время войны особенно трудно было обустроить переселенцев с Северного Кавказа. Поэтому среди депортированных народов СССР самыми пострадавшими стали именно они.

12 октября 1944 г. в соответствии с указаниями ЦК КП(б) Казахстана и СНК КазССР в Акмолинскую область был отправлен инспектор Эвакопереселенческого управления совнаркома КазССР Задовский по специальному заданию для проверки хозяйственного обустройства спецпереселенцев с Северного Кавказа. В ходе проверки в некоторых районах обнаружилась недооценка текущего положения со стороны руководства колхозов, выявлены факты нарушения жилищно-бытовых условий спецпереселенцев, которые оказались в тяжелом положении зимой, жили в неподготовленных для зимовки помещениях, без топлива. Например, в колхозах имени Джамбула, имени Малика Габдуллина, «Жана-Арка», имени Молотова председатели колхозов продали топливо, заготовленное для спецпереселенцев. По словам Задовского, «жилищно-бытовые условия спецпереселенцев являются в области катастрофическими. 2650 семей очутились в таких жилищно-бытовых условиях, что им, несомненно, грозит гибель. Они живут в полуземлянках без окон, дверей, без топлива. В настоящее время в области создалось катастрофическое положение, когда сотни семейств спецпоселенцев стоят перед угрозой гибели от голодного

существования и от морозов в неприспособленных и непригодных к жилью землянках» [2].

На предприятиях области возникли проблемы с продуктами. Например, по заявке треста «Каззолото» в г. Степняк Акмолинской области направили 210 семей, 727 спецпереселенцев. Из принятого количества 86 семей, 269 человек оказались нетрудоспособными, среди них старики, инвалиды Отечественной войны, многодетные матери. Всем нетрудоспособным спецпереселенцам трест «Каззолото» отказал в питании, ссылаясь на директиву Наркомата цветной промышленности, передав их на снабжение в облторг. Облторг этих спецпереселенцев не принимал, заявляя, что это контингент «Каззолота» и что он не имеет лимитов облисполкома на их довольствие. С 1 по 4 мая эти спецпереселенцы не получали хлеба. По настоянию городского отдела Управления НКВД (далее – УНКВД) по Акмолинской области трест выдал им хлебные карточки только до 10 мая и от дальнейшего снабжения отказался [3].

За лето и осень 1944 г. руководство Акмолинской области не смогло полностью обустроить спецпереселенцев с Северного Кавказа. Как ни скрывала местная власть, многие из них жили в уплотнении у местных жителей.

Ситуация в Кокчетавской области была аналогична таковой в Акмолинской. В этой области существовали большие проблемы с хозяйственным обустройством: спецпереселенцев не смогли обеспечить домами. Для них новыми домами стали землянки, вырытые собственными силами. В некоторых районах плохо шло строительство индивидуальных домов, в том числе в Красноармейском районе было построено 15 домов, в Чкаловском районе – 16 домов, в Энбекшилдерском районе – 8 домов. Если учесть, что в Красноармейском районе жили 356 семей, в Чкаловском районе – 129 семей, в Энбекшилдерском районе – 424 семей спецпереселенцев, то эти построенные дома были каплей в море.

По сообщению заведующего отделом хозяйственного устройства спецпереселенцев и эваконаселения Кокчетавского исполкома облсовета Газдиева, на 20 сентября 1944 г. из 6376 семей спецпереселенцев только 2654 семьи проживали в жилых домах, причем жилыми домами в основном считались землянки, в которых не было ни окон, ни дверей, ни печей, и гуляли сквозняки. Остальные 3725 семей жили в невообразимой тесноте, в бараках, сараях, в уплотненных квартирах, откуда их выселяли или переселяли [4].

Например, в Арык-Балыкском районе состояние спецпереселенцев было хуже всех. Их не обеспечивали жилыми домами, не выдавали хлеб.

В селе Привольное Арык-Балыкского района местным колхозникам выдавали 800 г натурального аванса на трудодни, а спецпереселенцам по – 200 г, со словами: «Мы вас заставим подохнуть с голода и холода» [5]. Сравним архивные источники с воспоминаниями самих спецпереселенцев. Кодзоева Лейла Магометовна, 1929 г.р., рассказывала: «Ехали мы очень долго. Привезли нас в город Кокчетав, где и высадили. Некоторое время мы находились в старом здании школы, позже нас отправляли в Арыкбалыкский район, село Имантав. Жильем нас не обеспечили, и потому мы вынуждены были выкопать для себя землянку, которую сверху покрыли земляными пластами. Постелью в землянке служила солома. Для того, чтобы не умереть от голода, мы собирали колоски на поле, за целый день нам удавалось собрать лишь горсть» [6]. Мерешкова Ханифа Магометовна вспоминала: «*Привезли нас в город Кокчетав. Всех, кого привезли, включая людей из других вагонов, временно разместили в школе. Затем стали распределять по селам. Нас отправили в село Имантав. И там уже разместили по квартирам. Мы начали строить для себя землянку. Я приехала с мамой, сестрой, братьями, дедушкой – Мерешковым Терсбатом Бурыковичем. В начале приезда нечего было есть. Позже комендатура стала нам под запись давать паек. Старшая сестра Лейла с мамой состояли в огородной бригаде, которая работала на полях колхоза. Они делали всю работу, пололи, собирали овощи. В селе Имантаве мы прожили примерно год. Потом перехали на заимку Урпек. Это 18 км от села Имантав, где прожили около 18 лет*» [7].

В Кокчетавской области одним из крупных районов является Щучинский район. В 1944 г. в Щучинском районе проживали 6044 спецпереселенцев, из них 3436 ингушей, 1104 чеченцев, 1454 балкарцев. Они были расселены в 38 колхозах и на предприятиях. 7 мая 1944 г. по распоряжению УНКВД по Акмолинской области 145 человек отправлены на постоянное место жительства в Караганду [8].

В Щучинском районе их состояние было особенно тяжелым, многие совершали побеги, в район ввели войска НКВД. Только в 1944 г. у спецпереселенцев, в том числе ингушей, чеченцев и балкарцев привлечено к уголовным делам 13 человек [9]. Из воспоминаний Ахильгова Мурата Ибрагимовича, 1936 г. р.: «*В конце марта мы прибыли в город Щучинск. Оттуда нас на подводах развозили, то есть распределяли по колхозам. Мы попали в село Корнекы Щучинского района. Со мной были отец – Ахильгов Ибрагим Садулович, мать – Ахильгова Гармихан Сагиевна, старший брат – Асхаб, брат – Хамид, младший брат – Мухарбек, я – третий среди братьев, самые старшие в семье – сестры Айшет, Люба.*

Там, куда нас распределили, есть было ничего. Для передвижения в город Щучинск необходимо было брать пропуск. Там мы прожили полгода, затем переехали в Урумкайскую МТС Щучинского района, где я работал и скотоводом, и колхозником, и строителем» [10]. Кокурхоева Шафиат Бекмурзиевна, 1937 г. р. рассказывала: «*В конце марта мы прибыли на станцию Кокчетав. Нас выгрузили, было очень холодно. После, помню, нас привезли в школу по улице К. Маркса, школа называлась Калинчинская. В этой школе нас держали дней 5 или 6, не помню. Кормили нас хлебом, хлеб был из овса или ячменя, весь колючками, и давали кипяток запивать хлеб. Когда нас определили, в какие колхозы развести, нас грузили на сани, запряженные верблюдами, и вывозили по колхозам. Наша семья из 11 детей, 3 жены отца и папа Бекмурза попали в колхоз Уялы Зерендинского района. Председатель колхоза Бахан был очень хороший, во всем нам помогал. Нам выделили для каждой мамы по одной голове скота. Моя мама работала на ферме сливкоотделения, а папа и старшие братья работали на ферме, а потом пришла весна, они стали работать на полях, и мой папа Бекмурза стал работать бригадиром полеводческой бригады. Был голод*» [11]. Архивные документы и воспоминания почти идентичны, они в полной мере раскрывают подробности жизни депортированных людей.

По данным на 20 сентября 1944 г., в Кокчетавской области среди спецпереселенцев заболело 214 чел., из них тифом – 54 чел., остальные – от недоедания. Смертность составила 101 чел., из них детей – 29, взрослых – 21, стариков – 51. Заболели и умирали в основном в Щучинском районе (151 чел. заболевших, 26 умерших) [12]. Государство выделило им скот, но в небольших объемах (см. табл. 1).

6 ноября 1944 г. УНКВД по Кокчетавской области произвели проверку материального положения спецпереселенцев с Северного Кавказа. В результате проверки выявлено 269 семей (1042 чел.), не имеющих трудоспособных членов и обреченных на очень тяжелое материальное положение [13]. Впереди их ждала суровая зима Северного Казахстана.

Последующие 1945–1946 гг. для спецпереселенцев с Северного Кавказа выдались трудными. Самое главное, местная власть не смогла подготовить их к зиме, за летний и осенний периоды их проблемы еще более усугубились.

1 января 1945 г. в Акмолинской области из общего количества 16 849 трудоспособных не участвовали в труде 3889 человек. Основная причина – отсутствие теплой одежды и обуви. Из спецсообщений УНКВД по Акмолинской области: «Занаряженная и распределенная по

колхозам 21 тонна шерсти находится в стадии переработки, причем Заготживсырье отпускает 50 % шерсти весенней стрижки, которая для изготовления валенок не идет, а идет на вязанье чулок и варежек; эта шерсть выдана спецпереселенцам на руки; 50 % шерсти осенней стрижки распределено по пимокатным артелям на изготовление валенок, часть уже изготовлена и выдана спецпереселенцам, но этой шерсти хватит для обеспечения валенками 1–3 семей спецпереселенцев – по одной паре на семью. Много семей появилось таких, у которых нет не только верхной одежды, но и белья, люди совершенно голые, в период холодов совершенно не выходят из квартир» [14].

Таблица 1. Выделение скота спецпереселенцам государством

Наименование районов	План выдачи в центнерах	Выдано		В том числе			
		Центнеров	Хозяйствен.	Крупного скота		Овцы	
				Голов	Живой вес	Голов	Живой вес
Арык-Балыкский	1566	1166	590	223	473	1 455	693
Аиртауский	545	459	230	163	361	19	98
Зерендинский	1012	851	454	372	770	163	81
Кокчетавский	980	749	375	226	498	645	251
Келлеровский	1848	520	271	199	448	147	72
Красноармейский	1110	341	172	107	224	284	117
Рузаевский	440	398	211	197	374	57	24
Чкаловский	540	205	131	90	187	46	18
Щучинский	2660	1410	707	431	1062	828	348
Энбекшилдерский	828	719	378	302	612	51	107
Итого	12000	6818	3519	2310	5009	3825	1809

В спецсообщениях УНКВД по Акмолинской области написано: «По заявлению врачей, истощение отдельных спецпереселенцев Северного Кавказа достигло такой степени, что даже дополнительный отпуск продуктов питания сверх установленного государством пайка – 100 грамм муки и 25 грамм крупы в день на человека – не сможет восстановить их здоровья» [15]. В результате начиная с весны 1945 г. многие спецпереселенцы умирали от болезней и голода.

26 апреля 1945 г. в колхозе им. Буденного Акмолинского района вспыхнула эпидемия сыпного тифа, заболело 20 человек [16]. В селе Конкрынка Шортандинского района из числа спецпереселенцев с Северного Кавказа 62 человека не имели никаких продуктов и были сильно истощены. В течение января от недоедания умерли 5 человек, а в

больнице находились 7 больных дистрофией. С 10 по 20 марта в селе Конкрынка Шортандинского района умерло от дистрофии 5 человек, с 25 марта по 1 апреля умерло еще 2 человека и в больнице лежали безнадежно больных 5 человек. В Акмолинском районе истощенных от недоедания было 126 человек: в колхозах «Мустук» – 10, «Карла Либкнихта» – 26, «Сталинская Конституция» – 21, «Берлик» – 17, «2-я пятилетка» – 14 человек [17].

В течение апреля в Акмолинском районе от дистрафии умерло 10 человек, в Шортандинском районе – 4 человека, в Атбасарском районе – 148 человек, в Есильском районе – 105 человек. Из спецсообщений: «спецпереселенцы, наряду с собиранием и потреблением перезимовавшего зерна, вызывающего септическую ангину, откапывают на скотомогильниках павших животных и мясо потребляют в пищу, что может вызвать заражение сапом и другими болезнями. Колхозы получаемое зерно для оказания продовольственной помощи спецпереселенцам на муку не перемалывают, в силу чего они потребляют зерно в жареном виде. По заключению врачей потребление дистрофиками зерна в неразмолотом виде никакого эффекта не дает» [18]. На самом деле, проблема состояла в сильном запущенном состоянии людей, которые после суровой зимы не смогли поправить свое здоровье.

1 января 1946 г. в Кокчетавской области проживали 6473 семьи – 27 620 человек спецпереселенцев с Северного Кавказа. Прибыло в область 439 семей, 2793 человека, выбыло – 279 семей, 2993 человека, умерло – 26 семей, 679 человек [19]. Несмотря на указания Совета министров и ЦК КП(б)К, в Кокчетавской области спецпереселенцев не смогли обеспечить жилой площадью или покупкой жилых домов. 1615 семей оставались без постоянного жилья.

Жилищная проблема в Кокчетавской области не решалась и в последующие годы. 25 марта 1947 г. вышло решение исполкома Кокчетавского областного совета депутатов трудящихся «О хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа». В решении отмечено, что в 1945 г. по хозяйственно-трудовому устройству спецпереселенцев с Северного Кавказа в области проводились следующие работы: построено 635 домов и куплено 157 домов, из 10 171 человек трудоспособного населения в народном хозяйстве устроены 9 403 человека, из них в колхозах – 7 145 человек. Но необеспеченными жилой площадью оставались 1 224 семьи: в Щучинском районе – 615 семей, в Келлеровском – 244 семьи, в Красноармейском – 171 семья, в Кокчетавском – 50 семей, в Арык-Балыкском – 104 семьи, в Аиртавском – 76 семей, в Ру-

заевском – 55 семей [20]. Эти проблемы были первостепенными, потому что спецпереселенцы умирали от холода и голода.

В Кокчетавской области проживали 7000 остро нуждающихся спецпереселенцев с Северного Кавказа. Исполком облсовета обязал райисполкомы до августа закончить строительство 310 новых домов и достроить 410 домов, организовать стройбригады в колхозах, совхозах и закрепить за ними транспорт, заготовить и вывезти стройматериалы, обеспечить выделение огородных участков и организовать их посев в 1947 г. спецпереселенцами, не допускать использования не по назначению выделяемых для спецпереселенцев продовольсвенных и промышленных товарных фондов; обязал облсельхозбанк обеспечить бесперебойную выдачу кредитов на строительство и покупку жилых домов для спецпереселенцев, потребовать от руководителей учреждений, организаций и предприятий обеспечить строительство жилых домов спецпереселенцам, работающим у них [21]. Если местная власть отчасти наконец решила жилищную проблему, она не смогла решить проблемы бытовые. Так продолжалось до 1950-х гг.

Примечания

1. Абуов Н.А. Депортации народов в Казахстан в 1936–1957 гг. (на материалах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2008.
2. Государственный архив Акмолинской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 582. Л. 51.
3. Там же. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.
4. Там же. Л. 25.
5. Там же. Л. 1–3.
6. Государственный архив г. Кокшетау (далее – ГАК). Ф. 465. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–3.
7. ГААО. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.
8. ГАК. Ф. 465. Оп. 4. Д. 2. Л. 1–5.
9. Там же.
10. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 589. Л. 3.
11. ГААО. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 159. Л. 35.
12. Там же. Д. 12. Л. 6.
13. Там же. Л. 35.
14. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 589. Л. 3.
15. Там же. Д. 582. Л. 21.
16. Там же. Л. 17.
17. Там же. Л. 21.

18. Там же. Л. 40.
19. ГААО. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 159. Л. 35.
20. ГАК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 269. Л. 221.
21. Там же.

А.С. Мусагалиева

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ

Депортация народов во время Второй мировой войны занимает важное место в истории Казахстана XX в. Особое внимание надо обратить на спецпереселенцев с Северного Кавказа. Если история спецпереселенцев, переехавших в центральные и северные регионы республики, более или менее исследована, то судьбы спецпереселенцев южных регионов, в том числе депортированных карачаевцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев, мало изучены.

В сентябре 1943 г. планировалось переселить в Южный Казахстан 6000 семейств из Карачаевской автономной области. Из плана заместителя народного комиссара внутренних дел Круглова: «В Кзыл-Кумском и Кировском районах Южно-Казахстанской области расселение производить на подготовленных к освоению для совхозов и колхозов землях, с использованием существующих построек, временным размещением в существующих колхозах и частично в отепленных палатках» [1]. Так начинались депортации народов Северного Кавказа в Южный Казахстан.

В данной статье мы рассмотрим, как принимали и размещали депортированных в районах Южного Казахстана. В региональных архивах южных областей Казахстана сохранилось большое количество документов о спецпереселенцах с Северного Кавказа.

9 октября 1943 г. первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана (далее – КП(б)К) Н.А. Скворцов отправил первому секретарю Южно-Казахстанского обкома КП(б)К Н.А. Нечаеву секретное письмо, в котором сообщалось: «В соответствии с указанием Государственного Комитета Обороны, в ноябре 1943 г. в Южно-Казахстанскую область из пределов Северного Кавказа будет переселено 7000 семейств спецпереселенцев (ориентировочно 25 000 человек)» [2]. Таким образом, Центральный

Комитет КП(б)К и Совнарком Казахской ССР обязывал обком Южно-Казахстанской области: организовать прием; размещение спецпереселенцев путем довселения в колхозы компактными группами и в совхозы в порядке обеспечения их рабочей силой; хозяйственное и трудовое устройство прибывающих в колхозах и совхозах Южно-Казахстанской области. Их планировалось разместить в пустующих помещениях и путем уплотнения местного населения.

14 октября 1943 г. вышло Постановление СНК СССР о порядке приема от спецпереселенцев с Северного Кавказа имущества, скота и продукции сельского хозяйства, а также об условиях частичного возмещения этого имущества в местах расселения [3]. 5 февраля 1944 г. Южно-Казахстанский облисполком и обком КП(б)К обязал первых секретарей райкомов: организовать учет всех пустующих жилых помещений в районах; произвести уплотнение местного населения, главным образом в совхозах, колхозах, обеспечив освобождаемые помещения производством необходимого ремонта; отделу хозустройства облисполкома выделить необходимое количество стройматериала и т.д. [4]. Таким образом, все вышестоящие партийные органы подключились для размещения и расселения спецпереселенцев на местах Южного Казахстана.

Но депортация народов Северного Кавказа в Южный Казахстан этим не завершилась. В 1944 г. было произведено несколько депортаций в южные регионы республики (табл. 1). 21 марта 1944 г. в Казахстан были переселены жители Чечено-Ингушской АССР, в том числе в Южный Казахстан – 8 эшелонов, 21 037 чел. [5]. 7 марта 1944 г. в Южный Казахстан были депортированы балкарцы из Кабардино-Балкарский АССР численностью 5272 чел. [6].

Южный Казахстан – обширный по территории регион на юге республики, территория которого простирается от границ Узбекистана до города Туркестана. До Великой Отечественной войны образовались две соседние области: Кзыл-Ордынская и Джамбульская, – и некоторые районы были переданы им. Во время войны область была одним из мест расселения депортированных народов. В те годы в нее входили следующие районы: Арысский, Бостандыкский, Джувалинский, Ильичевский, Каратасский, Келесский, Кзыл-Кумский, Кировский, Ленгерский, Пахта-Аральский, Сайрамский, Сарыагачский, Сузакский, Туркестанский, Тюлькубасский, Чаяновский, Чимкентский, Шаульдерский, Фрунзенский (табл. 2).

Таблица 1. Размещение спецпереселенцев по Южно-Казахстанской области по состоянию на 15 июня 1944 г. [7]

Национальность	Семья	Количество, чел.
Чечено-ингуши	5 237	22 918
Карачаевцы	6 492	24 350
Балкарцы	669	2 223
Итого	12 398	49 491

Таблица 2. Численность спецпереселенцев по национальностям и места их расселения [8]

Районы	Семей	Человек
Чеченцы и ингуши		
Ленгерский район	1 049	4 724
Джувалинский район	1023	3 942
Туркестанской области	732	3 518
Тюлькубасский район	728	3 904
Бостандыкский район	576	2 777
Каратасский район	455	1 961
Сарыагачский район	411	1 077
Чаяновский район	268	1 014
Итого	5 237	22 918
Карачаевцы		
Ильичевский район	2 180	7 418
Пахта-Аральский район	1 203	4 832
Сайрамский район	786	3 045
Арысский район	559	2 101
Сарыагачский район	508	2 082
Келесский район	449	1 647
Кзыл-Кумский район	488	1 745
Кировский район	415	1 480
Итого	6 498	24 850
Балкарцы		
Кировский район	349	1 190
Туркестанский район	320	1 032
Итого	669	2 222

29 мая 1944 г. вышло Постановление СНК СССР «О выдаче скота и продовольственного зерна спецпереселенцам – карачаевцам, чеченцам, ингушам, балкарцам и калмыкам в обмен за принятые от них скот и зерно в местах выселения» [9]. Но напрашивается вопрос, как было выполнено это постановление в местах расселения.

На местах спецпереселенцы сразу столкнулись с трудностями в бытовом и хозяйственном устройстве. Во-первых, Южный Казахстан всегда был густонаселенным регионом страны. В отличие Северного Казахстана, на юге практически невозможно было построить трудовые поселки, спецпереселенцы проживали вместе с местным населением. Для них не было свободных земель или пустующих домов. Во-вторых, этот регион был слаборазвитым в экономическом плане. В Южно-Казахстанской области тогда не было ни месторождений, ни заводов, не была развита угольная и нефтегазовая отрасли. Эта область была отсталой сельхозяйственной окраиной республики.

Местной власти в первую очередь нужны были трудоспособные спецпереселенцы. С первых же дней их устраивали в разные местные организации, используя в качестве рабочей силы (табл. 3). Колхозов, в которых проживали бы только спецпереселенцы, не было, поэтому их размещали в уже существующих колхозах. 8426 семей проживало в колхозах, 2725 семей – в совхозах, 1247 семей – на промышленных объектах [10].

Таблица 3. Численность трудоспособного населения спецпереселенцев [11]

Место работы	Количество, чел.
В совхозах	6 627
В колхозах	6 100
На предприятиях	2 123
В других обьектах и стройках	1 202
Итого	16 052

Итак, спецпереселенцы с первых же дней стокнулись с проблемами, связанными с трудоустройством и созданием жилищно-бытовых условий. Приведем несколько примеров из отдаленных районов Южно-Казахстанской области. В Бостандыкском районе многие проживали в подсобном хозяйстве Чирчикстроя. В колхозе «Кзыл-Куч» 52 семьи – 280 человек – два месяца не получали фондовый паек. В «Аурахматстрое» 896 чеченцев жили в палатках, им не давали квартиры. Из фондов на июнь месяц было выделено 560 кг зерна и 1200 кг кукурузы. Однако переселенцам продукты не были выданы, а были израсходованы на общественное питание, вследствие чего вспыхнула эпидемия тифа: заболели 98 человек, умерли 13 человек. Заместитель управляющего Снегирев на Бюро райкома КП(б)К заявил, «что “Аурахматстрой” не намерен изыскивать средства для снабжения рабочих спецпереселенцев, что их все-

цело должно снабжать государство» [12]. Также следует отметить, что спецпереселенцам не выдавали зарплату, они не имели возможности покупать продукты и оплачивать в столовой горячую пищу. Так, в Туркестанской области дирекция «Ачполиметалл» и «Каучуксовхоз» в марте и апреле не выдавала зарплаты депортированным.

В Чаяновском районе было расселено 236 семей – 865 человек. В апреле 1944 г. в соответствии с Постановлением СНК КазССР было переведено для работы на руднике из Чаяновского района 164 семьи – 805 человек. По прибытии этих семей на станцию Уюн управляющий «Ачполиметалл» Сульгинский отобрал из них 68 трудоспособных семей, а остальных оставил на произвол судьбы. Они голодали в течение 10 суток, 35 человек умерли от истощения [13].

В совхозе «Куюк» Каратасского района депортированных поселили в крайне тяжелых жилищных условиях. На ферме «Кзыл-Дала» 60 семей были помещены в земляных ямах. Общественное питание не было организовано, кавказцам приходилось употреблять в пищу дикорастущие травы. В результате с марта по июнь заболели 200 чел., умер 101 чел. Причины – тиф, дистрофия, дизентерия и т.д. В Арысском районе из фонда для карачаевцев в первую очередь снабжали учителей, а карачаевцам выдавали муки и крупы гораздо меньше установленной нормы (табл. 4).

В документах написано: «Продовольственные фонды, отпускаемые государством, райпотребсоюзами не выбираются, не выбрано со складов Заготзерна 3760 кг зерна, израсходовано по своему усмотрению 1645 кг, таким образом, всего недодано спецпереселенцам 5405 кг зерна, а в Карамуртском сельсовете, в порядке расчета с государством, вместо установленной нормы 58 кг на одного человека, выдали по 14 кг. Этот же райпотребсоюз недодал спецпереселенцам 250 кг сахару и 300 кг соли» [15].

Условия жизни спецпереселенцев в Южно-Казахстанской области были неудовлетворительными. 30 сентября 1944 г. Южно-Казахстанский обком КП(б)К провел обследование трудоустройства спецпереселенцев с Северного Кавказа, размещенных на руднике Кельте-Машат. На этом руднике спецпереселенцы работали с 13 марта 1944 г. в количестве 203 семей – 877 чел. Они размещались во временных землянках (от 7 до 20 человек в каждой), совершенно непригодных для жилья. Продукты, полагавшиеся спецпереселенцам, разворовывались руководством рудника. Среди переселенцев распространились сыпной тиф и дистрофия. С 14 марта по 30 сентября 1944 г. умерло 256 чел., в том числе 83 чел. от сыпного тифа [16]. 15 ноября 1944 г. вышло решение Южно-Казахстанского облисполкома «О дополнительных мероприятиях по хозяй-

ственному устройству спецпереселенцев, расселенных на предприятиях Ачполиметалла, совхоза “Куюк” и рудниках Кельтемашатуголь» [17]. Первым делом необходимо было остановить высокую смертность среди спецпереселенцев на местах: нужно было организовать дополнительное питание, медицинское обслуживание населения. 15 января 1945 г. вышло решение Южно-Казахстанского облисполкома «О распределении фонда муки и крупы для остронуждающихся спецпереселенецев Северного Кавказа на январь 1945 г.» [18].

Таблица 4. Разнарядка по распределению продуктов спецпереселенцам, июнь 1944 г. [14]

Районы	Организации	Мука (кг)	Крупа (кг)
Чеченцы			
Ленгерский район	Райпотребсоюз	5544	7783
Джувалинский район	Райпотребсоюз	4630	6483
Туркестанский район	Райпотребсоюз	5635	7924
Тюлькубасский район	Райпотребсоюз	4589	7450
Бостандыкский район	Райпотребсоюз	3259	5230
Каратасский район	Райпотребсоюз	1150	1822
Каратасский район	Куюкское отделение облторга	1155	1800
Сары-Агачский район	Райпотребсоюз	1270	1 881
Чаяновский район	Райпотребсоюз	1203	1 786
Карачаевцы			
Ильичевский	Райпотребсоюз	8690	14 373
Пахта-Аральский	Райпотребсоюз	5664	9279
Сайрамский	Райпотребсоюз	3578	5759
Арысский	Райпотребсоюз	2469	3899
Сары-агачский	Райпотребсоюз	2446	3861
Келесский	Райпотребсоюз	1937	3004
Кзыл-Кумский	Райпотребсоюз	2052	3197
Кировский	Райпотребсоюз	3134	5019
Итого		58 450	80 500

Руководящими органами было вынесено несколько предупреждений. 21 апреля 1945 г. вышло Постановление СНК КазССР и ЦК КП(б)К «О недостатках хозяйственного устройства спецпереселенцев в республике». 11 мая 1945 г. народный комиссар Внутренних дел КССР в докладной записке областному комитету Южно-Казахстанской области отметил недочеты в работе по трудовому и хозяйственно-бытовому устройству спецпереселенцев с Северного Кавказа. Указаны факты

неразумного распределения продовольственных фондов, отпускаемых правительством для спецпереселенцев, формального и издевательского отношения к созданию бытовых условий для спецпереселенцев [19]. После этого вышло Постановление облсовета и Бюро обкома КП(б)К от 21 мая 1945 г. «О хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев в Сайрамском и Чимкентском районах». В нем вынесено предупреждение к исполнителям, что если в течение июня положение не будет выправлено, то «исполком и Бюро Обкома будут вынуждены принять к ним строгие меры взыскания» [20].

Но состояние спецпереселенцев в Южном Казахстане не улучшилось. Начальники районных отделений НКВД Сайрамских и Чимкентских районов самоустранились от руководства хозяйственным обустройством спецпереселенцев: не были созданы строительные бригады для постройки и ремонта жилых домов для депортированных, не была организована покупка готовых домов. Спецпереселенцы жили на уплотнении в домах колхозников или в совершенно непригодных для жилья помещениях. Например, в Сайрамском районе на уплотнении жила 791 семья, в совершенно непригодных домах – около 200 семей. В колхозе «Кзыл-Ту» Базар-Капкинского сельсовета 16 семей жили в сарае для скота, без крыши; в колхозе имени Чкалова 2 семьи остались совсем без жилья. Из числа расселенных в колхозах 923 семьи формально числились членами колхоза, но фактически их никто не принимал на работу. Аналогичная ситуация сложилась в Чимкентском районе: ни одного дома не было построено, к ремонту не приступали [21].

Жилищные и хозяйственные проблемы спецпереселенцев стали решаться только в 1947 г., когда 8 сентября вышло решение Исполнительного комитета Южно-Казахстанского областного Совета депутатов трудящихся «О выполнении плана строительства индивидуальных жилых домов спецпереселенцам» [22]. Облисполком обязал председателей районных советов: немедленно развернуть работу по заготовке местных стройматериалов для строительства жилых домов спецпереселенцам; не позднее 15 сентября обеспечить укомплектование строительных бригад, выделение транспорта, инвентаря с закреплением бригад до конца выполнения плана строительства; лично и повседневно контролировать и принимать более решительные меры к выполнению данного мероприятия до 1 ноября; не допускать использования колхозами целевых кредитов не по назначению. Таким образом, спецпереселенцы с Северного Кавказа пребывали в трудном положении на юге Казахстана и в последующие годы.

Примечания

1. Сталинские депортации, 1928–1953. М., 2005. С. 390–392.
2. Государственный архив общественно-политической истории Туркестанской области (далее – ГАОПИТО). Ф. 40. Оп. 6. Д. 89. Л. 21.
3. Сталинские депортации, 1928–1953... С. 394–397.
4. Государственный архив Туркестанской области (далее – ГАТО). Ф. 121. Оп. 6. Д. 26. Л. 12.
5. История Сталинского ГУЛАГа. Т. 5. М., 2004. С. 406.
6. Из истории депортаций: Казахстан, 1939–1945 гг. Сб. док. Т. 3. Алматы, 2019. С. 340.
7. ГАОПИТО. Ф. 40. Оп. 8. Д. 109. Л. 1.
8. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 3. 260. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.
9. Из истории депортаций: Казахстан, 1939–1945 гг. С. 349.
10. ГАОПИТО. Ф. 40. Оп. 8. Д. 109. Л. 5.
11. Там же. Л. 1.
12. Там же. Л. 2.
13. Там же. Л. 45.
14. Там же. Л. 4.
15. Там же. Л. 23.
16. Там же. Л. 8–12
17. ГАТО. Ф. 121. Оп. 6. Д. 26. Л. 110.
18. Там же. Л. 97–98.
19. ГАОПИТО. Ф. 40. Оп. 8. Д. 109. Л. 2.
20. Там же. Л. 21.
21. Там же. Л. 19–23.
22. Там же. Л. 11.

Е.М. Горюшина

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ИГНОРИРУЕМЫЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА[1]

Мифологизированные представления о прошлом нередко используются в политической сфере с целью мобилизации коллективной памяти. В этом случае память о прошлом превращается в полноценный

[1] Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (17-18-01411).

политический инструмент в настоящем. Окончательное оформление памяти в определенной мере научно-практическое направление – политическую память, очевидно, происходит на волне поствоенного бума (после 1945 г.). В тот период размышления о памяти оказывались тесно связанными с публичным поминовением, или коммеморацией. Причем краеугольным камнем в поствоенной памяти стал холокост, воспоминания о котором сформировали на эмпирическом уровне значительную часть общей картины «памяти о жертвах войны XX века» [1]. Иными словами, поствоенный бум инициировал концептуальные дискуссии о том, каким образом можно изучать эмоции в мировой политике в контексте травматического и до сих пор травмирующего прошлого.

Проблема изучения исторической памяти в качестве неотъемлемого компонента политического риска представляется новой и неразработанной в отечественной политической науке, что требует обращения к зарубежным исследованиям. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений (МО) позволил изучать память в мировой политике. В 2000-х гг. начинается ревизия прошлого, напрямую связанная с резонансными событиями, повлекшими значительные перемены в системе МО. Две мировые войны и холокост [2], война во Вьетнаме и теракты 11 сентября 2001 г. [3], распад Югославии и последующие балканские конфликты [4], режим апартеида в Южной Африке привели к появлению групп по примирению, деятельность которых была направлена на «исцеление с помощью обращения к прошлому» [5], а также реинтегрировали историческую память во внешнеполитическую практику [6].

В то время как подавляющее количество работ по исследованию исторической памяти свидетельствуют, скорее, о политической, чрезвычайно избирательной роли прошлого в воспроизведении настоящего и будущего, особый мнемонический элемент – травма – привлек к себе огромное внимание со стороны ученых в сфере МО. Травма прошлого может послужить основой для социальных практик, сконструированных на привычной (в условиях повседневности) памяти, которая выражается в мемориалах, памятниках, днях памяти и коммеморативных практиках, музеях, построенных и установленных как часть повествования, связывающего травматическое прошлое с настоящим. Другими словами, как отмечает профессор кафедры политологии Лундского университета К. Киннвалл, отдельные травматичные воспоминания могут быть социально институционализированы и проживаемы из года в год, в конечном счете становясь частью индивидуальной и коллективной идентичности.

При этом травма (памяти) взаимосвязана с вооруженными конфликтами, изучение которых позволило сформулировать концепцию травмированного общества. Неполный перечень таких обществ включает Афганистан, Боснию и Герцеговину, Чечню, Демократическую Республику Конго, Восточную Украину (Донбасс), Эритрею и другие территории [7]. Сам термин «травмированное общество» также использовался многими иностранными специалистами относительно тех групп населения, которые либо уже пережили историческую травму, либо все еще проживают/переживают ее последствия (например, еврейские семьи, в которых артикулируется память о холокосте) [8], что может быть в полной мере применено к исследованиям, касающимся Второй мировой войны и конфликтов поствоенного времени.

Однако отдельные авторы поставили под сомнение использование термина «травмированные общества» при изучении последствий войн и вооруженных конфликтов, ссылаясь на то, что он часто используется «чрезвычайно неопределенно, без подробного описания его характеристик» [9]. Масштабная травма может также привести к разрушению самой структуры общества (например, к демонтажу социальных институтов в кавказских обществах). Исследователи настаивают на том, что анализ обширных и (или) долгосрочных последствий травмы в результате войны или вооруженного конфликта должен обязательно включать социальный контекст, а значит, и историческую память.

Помимо прочего, ведущим специалистам в области МО может показаться, что обсуждение того, как историческая память влияет на внешнеполитическое поведение, скорее всего, будет чуждым серьезному анализу. Одни ученые в данной сфере делают допущение относительно того, каким значением обладает историческая память, но, как правило, относят ее к бихевиористскому направлению психологии. Другие же полагают, что историческая память как социальный нарратив создается и контролируется политическими элитами в качестве инструмента мобилизации общества. То есть историческая память и другие подобные факторы идеологического характера оказались недооценены, если не полностью проигнорированы в области МО. К этому выводу приходит и один из теоретиков МО, профессор Гарвардского университета, политолог А.И. Джонстон, который утверждает, что концепт исторической памяти, пусть и не полностью, но практически отсутствует в трансатлантических отношениях. Анализ различных зарубежных источников по взаимосвязи исторической памяти с поли-

тической сферой приводит к тому, что наиболее полные исследования на эту тему выстроены на основе преломления прошлого сквозь политическую призму Восточной Азии, где обнаруживается ключевая проблема всех работ – «опущенные переменные» [10]. В то время как история Восточной Европы XX в., по словам польского историка Ежи Едлицки, – «прекрасная лаборатория наблюдений за тем, как подлинные или очевидные воспоминания о прошлом могут усугубить текущие конфликты, и как они сами изменяются в процессе» [11].

При этом именно теоретико-методологические основания исторической памяти – главная причина, по которой политологи обычно избегают использования исторической памяти в качестве переменной в своих исследованиях. Вполне обоснованы опасения, что историческая память не может быть изучена с научной точки зрения, так как в социально-общественной жизни прошлое не существует как жесткая, объективная или фактическая реальность, которую необходимо понять и присвоить 12]. Историческая память представляет собой набор идей, часто изменяемых временем, эмоциями и политическими (внешними) условиями, а вовсе не статичное, постоянно и действительно измеримое явление.

Одна из главных причин, почему немногие ученые использовали историческую память как переменную (и особенно как компонент политического риска) в своих исследованиях, заключается в том, что она всецело не подпадает под одну конкретную научную дисциплину, будучи разделенной между многими академическим отраслями. Теоретико-методологические основания исторической памяти буквально разбросаны по различным источникам по антропологии, культуре, истории, литературе, политике, психологии и социологии. Каждая дисциплина ссылается на свою конкретную причину игнорирования исторической памяти как некой переменной. В частности, в социологии и антропологии наследие таких пионеров, как Э. Дюркгейм и М. Хальбвакс, «затмевалось в середине двадцатого века более эмпирически ориентированной и позитивистской традицией доминирующей социологической традицией США» [13].

Вопреки распространенному мнению о повторяемости истории, в случае с политическими рисками дело обстоит совершенно иначе. Немногие политические решения статистически повторяемы. При этом лишь некоторые из них обладают полной статистической поддержкой в виде подробных исторических данных, имеющих отношение к конкретному решению. Только сравнительно недавно стали

появляться исследования, где историческая память (как переменная) рассматривается в качестве неотъемлемого компонента политического риска.

Можно говорить о том, что историческая память в качестве переменной до сегодняшнего дня практически полностью игнорировалась и не использовалась для определения политического риска. Подтверждением этого тезиса служит комплексное исследование Чж. Ванга, директора Центра изучения проблем мира и конфликтов, профессора Школы дипломатии и международных отношений при Университете Сетон Холл (США). Новаторство ученого заключается в том, что Ванг проливает свет на коллективную историческую память, нетипичную переменную в области международных отношений, и тем более в сфере политических рисков. Он использует историческую память для объяснения политических действий и зарождения общественных движений и, в частности, анализирует, как спорная память и связанный с ней социальный дискурс могут привести к национализму и международным конфликтам. Однако ученый сталкивается со сложностью количественного измерения нематериальных элементов исторической памяти (как и в случае с политическими рисками в целом). Он предлагает исследовательские рамки, в которых можно подтвердить значимость исторической памяти вне контекста отдельно взятой страны и таким образом подчеркнуть силу исторической памяти в формировании идентичности, восприятия событий, а затем принятия политического решения. По существу, аналогичный механизм действует и в случае определения политического риска.

Ванг приходит к важному выводу о необходимости рассмотрения исторической памяти (как переменной в политической науке в целом и международных отношениях в частности) в рамках синтеза нескольких научных теорий: «Историческая память всё еще недостаточно изучена, потому как она не вписывается ни в одну академическую дисциплину» [14]. Для Ванга нарративная история имеет огромное значение. Собрание мыслей и убеждений людей о себе и своей нации трудно подвергнуть эффективному (особенно количественному) измерению. Тем не менее это именно то, что влияет на действия целых наций. Той же линии придерживаются авторы известного исследования «Немецкий прогноз: память и сила в новой Европе» А. Марковиц и С. Райх, которые утверждают, что «политика коллективной памяти… является основным компонентом политической арены, общественного дискурса и политики в целом в каждой стране. Она определяет такие ключевые компоненты,

как гордость, стыд, страх, месть и комфорт для большого количества граждан страны» [15].

Изучение исторической памяти способствует пониманию того, как прошлые события страны влияют на развитие национальной идентичности, что представляется крайне важным, потому как национальная идентичность формирует национальные интересы, которыми руководствуются при разработке внешней политики. В понимании исторической памяти и национальной идентичности государства также есть возможность прояснить намерения и действия других стран и, следовательно, индицировать возможные политические риски.

Примечания

1. Winter J. The generation of memory: reflections on the “memory boom” in contemporary historical studies // Canadian Military History. 2001. Vol. 10. № 3. P. 5.

2. Zehfuss M. Wounds of memory: The politics of war in Germany. Cambridge, 2007.

3. Edkins J., Jenny E. Trauma and the Memory of Politics. Cambridge, 2003.

4. Ray L. Mourning, melancholia and violence // Memory, trauma and world politics. London, 2006. P. 135–154.

5. Meskell L. Trauma culture // Memory, trauma and world politics. London, 2006. P. 157–175.

6. Sasley B.E. Theorizing states’ emotions // International Studies Review. 2011. Vol. 13. № 3. P. 452–476.

7. Maercker A., Hecker T. Broadening perspectives on trauma and recovery: A socio-interpersonal view of PTSD // European journal of psychotraumatology. 2016. Vol. 7. №. 1. P. 1–9.

8. Tolts M. Post-Soviet Jewish demography, 1989–2004 // Revolution, repression, and revival: The Soviet Jewish experience. Lanham, 2007. P. 283–311.

9. Brunner J. Die Politik des Traumas: Gewalterfahrungen und psychisches Leid in den USA // Deutschland und im Israel/Palästina-Konflikt. Berlin, 2014.

10. Johnston A.I. What (if anything) does East Asia tell us about international relations theory? //Annual Review of Political Science. 2012. Vol. 15. P. 53–78.

11. Jedlicki J. Historical memory as a source of conflicts in Eastern Europe // Communist and Post-Communist Studies. 1999. Vol. 32. № 3. P. 225–232.

12. George A.L. The Causal Nexus Between Cognitive Beliefs and Decision-Making Behavior: The ‘Operational Code’Belief System // Psychological models in international politics. Boulder, CO, 1979. P. 95–124.

13. Roudometof V. Collective memory, national identity, and ethnic conflict: Greece, Bulgaria, and the Macedonian question. Westport, Conn., 2002.

14. Zheng Wang. Memory Politics, Identity and Conflict: Historical Memory as a Variable (Memory Politics and Transitional Justice). Palgrave Macmillan, 2018.

15. Markovits A.S., Reich S. The German predicament: memory and power in the new Europe. N.Y., 1997. P. 135.

С.А. Хубулова

ГЕРОИ И ВОЙНЫ XX в. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ ОСЕТИИ

В народном творчестве разных этносов есть такой словесный пласт, как историко-героические песни, в которых отражены события, определившие социально-историческое, культурное направление развития народов [1]. В осетинском устном творчестве также отложился пласт народной памяти о героических событиях XX в. и людях, которые принесли славу своему народу. «Героическая песня, – писал В.И. Абаев, – с давних пор и до сегодняшнего дня является излюбленным и наиболее распространенным видом песенного творчества и песенного исполнения осетинского народа. На героях этих песен молодежь училась тем качествам, которые составляют идеал свободолюбивого горца: любовь к вольности и независимости, мужеству, смелости и отваге, тому подлинно героическому духу, который всегда и без колебаний предпочитает славную смерть позору и унижению» [2].

Историко-героические песни всегда имели большую общественно-воспитательную роль. Слушая эти песни, молодежь восхищалась героизмом, мужеством, самоотверженностью сильных, смелых и отважных сынов народа, глубоко переживала их горе и страдания. В этой жизнеутверждающей силе гуманизма заключено их огромное воспитательное значение, эстетическая ценность.

Вообще XX век является исключительно динамичным и трагическим: две мировые войны, три революции, три смены вектора развития России. И все эти события оставили глубокий след в памяти осетинского народа своим трагизмом и героизмом, которые нашли отражение в историко-героической песне. Особо следует сказать о песнях, посвященных определенному историческому лицу. Авторитет народной песни непререкаем. Удостоиться похвалы поэта было мечтой любого осетина,

который больше всего дорожил песенным признанием своего мужества. Героическая песня всегда основана на реальном событии.

Например, песня о Сосо (Николае Басикоевиче) Нартикоеве (1896–1921) – герое революции и гражданской войны в Южной Осетии, уроженце селения Нартыхтикау (Шуацала) Рачинского уезда Кутаисской губернии. Он принимал деятельное участие в национально-освободительной борьбе своего народа, был членом партии большевиков и председателем Терского эвакуационного комитета беженцев Южной Осетии. В 1920 г., во время агрессии грузинских меньшевиков против южных осетин С. Нартикоев возглавлял отряд восставших.

После ожесточенных столкновений с войсками Грузинской Демократической Республики повстанцы и многие жители Южной Осетии вынуждены были покинуть родную землю и в спешке с большими трудностями, риском для жизни перебираться на север, в Советскую Россию, теряя своих родных на горных перевалах. Грузинские советские историки, оценивая последствия этой трагедии, отмечали, что грузинские народогвардейцы во главе с В. Джугели в 1920 г. расстреливали осетинских повстанцев «без суда и следствия». «Целые деревни уничтожались артиллерийским огнем. Потоком лилась кровь, не щадили женщин детей, стариков» [3]. Эти события нашли отражение не только в стихотворном творчестве осетинских поэтов, но и в героических песнях о С. Нартикоеве.

Именной песни удостоился и другой герой гражданской войны – Бадила Гулаевич Гагиев (1891–1937), уроженец с. Стырмасыг Рачинского уезда Кутаисской губернии. В 1917 г. он сражался с белыми на Украине, чудом избежал расстрела, бежал из плена и перебрался в Южную Осетию, где единогласно был избран начальником обороны беженцев. Зимой 1921 г. вместе со своим отрядом Б.Г. Гагиев совершил героический переход через Мамисонский перевал и принял участие в разгроме грузинских войск в Кударском ущелье. Позже отличился в сражениях с бандой Алиханова в Дагестане. За свои подвиги был награжден 2-я орденами Красного Знамени и именным оружием.

Или свобода, или смерть
Так сказал Бадила Гагиев
Долго мы терпели алдаров,
Теперь нам нужна свобода [4].

В исторической памяти народа отразились и подвиги осетин в период Великой Отечественной войны. Народы Осетии гордятся солдатами и офицерами, которые проявили мужество на полях войны. Среди

них генерал армии дважды Герой Советского Союза и Герой Монгольской Республики И.А. Плиев, генерал армии Герой Советского Союза Г.И. Хетагуров, генерал-полковник Герой Советского Союза Х.Д. Мамсуров, майор В.С. Чочиев, генерал-майор Л.А. Сланов, генерал-лейтенант А.И. Харебов и многие другие. Многим из этих славных воинов были посвящены героические песни [5]. Основная тема этих песен – прославление ратного подвига воина. Все песни этого цикла по своему построению близки друг к другу. Последовательно излагается биография героя, потом живописуется подвиг, который преподносится либо как драматическое повествование, либо как возвышенный монолог. В эпилоге звучит гордость за своего героя.

Песни возникали из потребности выразить в поэтической форме преданность родной земле, ненависть к врагам. В этом отношении очень интересна «Песня советских героев». В зачине песни передается состояние тревоги, опасности за судьбу своей родины. Для составителей этой песни был совершенно ясен общенародный характер отображаемых событий. Они понимали, что только в единении всех советских народов возможна победа. Из второй части песни явствует, что немцы изгнаны с территории Осетии. Здесь же выражается благодарность всем народам страны, которые оказали большую помощь в изгнании врага.

Прославление конкретных людей – основная тема песен другой группы, существенно дополняющих традиционный героический жанр осетинской народной песни. Наибольшей популярностью в Осетии пользуются песни об Иссе Александровиче Плиеве, дважды Герое Советского Союза. Нет такого осетинского села, где бы ни знали и не пели о нем песни. Эти песни имеют достаточно большое количество вариантов. Для всех них характерно воспевание подвигов героя. Создавая образ И.А. Плиева, певцы стремились использовать все богатства народно-песенной поэтики, накопленной веками. Для всех этих песен характерно прославление личности генерала, его подвигов. Певцы старались создать образ героя, используя все богатство осетинской песенной поэтики, стараясь как можно больше приблизить его боевую деятельность к обстановке, в которой жила Осетия в годы войны. Военная биография И.А. Плиева проходила далеко от Осетии, но певцы часто пользовались его именем, его военной доблестью, когда речь заходила об Осетии, когда нужно было поднять дух бойцов, которые сражались, например в районе с. Майрамадаг.

В песнях описываются боевые подвиги героя, дается их оценка. Они проникнуты высоким пафосом патриотизма, легко ощущается жела-

ние певца выразить свою гордость, свое восхищение воспеваемым героем. Как главнокомандующий конно-механизированной дивизией, И.А. Плиев в отдельных посвященных ему песнях изображается всегда скачущим впереди огромного войска, вдохновляющим его личным примером, мужеством и отвагой. Певец из с. Джимара Биби Каллагов выражает это особенно ярко. Он старался представить необычайную, нартовскую смелость И.А. Плиева. Даже при чтении текста песни ощущаешь высокий пафос, желание певца выразить свою гордость, свое отношение к герою. Военачальник представляется автору песни скачущим впереди огромного войска и вдохновляющим его своими призывами. Таким предстает генерал и в песнях:

Героическая молодежь начинает вон в Берлине стрельбу…
Плиев Исса впереди их,
впереди их, ой!
Ой, горе вам, кровопийцы,
Исса вынул меч Курдалагона,
От дыхания его коня у фашистов,
Падают, как листья, шапки с голов [6].

Исса – обладатель меча Курдалагона – знаменитого кузнеца, изготавливавшего мечи, равных которым не было ни по прочности, ни по силе удара. С этим мечом прошел, как поется в песне, Исса до Берлина.

Сказители и певцы, создавая цикл героических песен об И.А. Плиеве, внесли в них ряд традиционных приемов песенного жанра. Таковы клятва героя перед уходом на фронт, строки, посвященные прославлению героя, пожелания счастья. Самую священную клятву – клятву землей – дает Исса, отправляясь на фронт:

Пусть не впрок мне будет чурек, который
Я ел на осетинской земле так сладко,
если я когда-нибудь буду равнодушно слушать
С гор, где я родился,
О бесчинствах врагов, стон моей земли [7].

В одной из народных песен о Плиеве запечатлены в определенной последовательности все его подвиги. Это произведение имеет мало общего с героическим песенным жанром. В нем нет взволнованности и эмоциональности, оно гораздо ближе к историко-эпическому жанру. В то же время новое содержание дано здесь в соответствии с традиционным методом создания героических песен, в соединении с живой тканью осетинской народной поэзии. Всё это придает песне глубоко национальный характер.

Воспевает героизм наших воинов и песня о майоре Энвере Бимболатовиче Ахсарове (1915/16–1943) – Герое Советского Союза, в ходе Харьковской наступательной операции сумевшем вместе со своим полком сломить ожесточенное сопротивление фашистов и обеспечившим продвижение дивизии к Харькову.

Ой, не тучи небо затянули –
Завизжали вражеские пули;
Ясный полдень стал темнее ночи –
Наш орел сомкнул навеки очи.
Но героя чтит страна родная,
В песнях он живет, не умирая [8].

Героические песни посвящены семи братьям Газдановым, которые сложили свои головы во славу родины. Большой эмоциональностью проникнута и песня о пяти братьях Каллаговых, которые также погибли. Песня настраивает на минорный лад – рисует образ мчащегося черного всадника – вестника горя и печали. Затем сообщается, кому эта песня посвящена:

О пяти сыновьях Каллагова Татари
В Кадгароне составили героическую песню…

Каждый из сыновей говорит о цели своей жизни. За словами братьев мы чувствуем их великую силу, любовь к своей Родине, к своим односельчанам. Предпоследний куплет посвящен матери, не дождавшейся своих сыновей. И, наконец, последний куплет выполняет функцию композиционной завершенности:

По берегу Фиагдона – черная крапива…
По дороге из города в Ардон
Пяти сыновьям Татари поставили
траурные черные флаги!
Ой, борьба! [9].

Сильное впечатление оставляют произведения, посвященные мужеству женщин-горянок. Одна из них посвящена Чабахан Михайловне Басиевой (1917–1942). Осенью 1942 г. немецкие войска оккупировали некоторые районы Северной Осетии. В г. Алагир немцы арестовали учительницу Ч. Басиеву и предложили ей организовать выпуск фашисткой газеты на осетинском языке. Чабахан отказалась работать на врагов и заявила им, что скорее готова умереть, чем сотрудничать с ними. Гестаповцы подвергли ее жестоким истязаниям, а затем расстреляли. Зверски были замучены также брат и мать Басиевой.

Вечно будет жить твое имя на земле Осетии. Ей!
От жалости к тебе земля наша стонет,
Ой, твое солнце закатилось, ох, горе мне,
В добрый путь, Чабахан Басиева, ей! [10]

Осетинские народные песни представляют собой исторический источник, которым можно пользоваться для изучения национального характера, мировоззрения, психологии, этики осетинского народа. Каждый из образов, которым посвящены песни, носит ярко выраженную национальную окраску. Герои поставлены в определенные взаимоотношения, их связывают узы товарищества, братства. В идейном и психологическом плане это отличает песни о героях Великой Отечественной войны от дореволюционных, в которых обычно воплощается страдательное начало.

Осетинский песенный фольклор тесно связан с многовековыми традициями художественного мышления народа. Факт преемственности и отбора традиций, их своеобразного применения очень ярко отразился в песнях времен войны. Осетинские народные песни о героях войны являются замечательным источником, оказывающим сильное воспитательное воздействие на молодежь.

Примечания

1. Хагожеева Л.С. Нравственное понимание мужества в адыгских историко-героических песнях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11. Ч. 2. С. 36–39.

2. Абаев В.И. Осетинская традиционная героическая песня // Осетинские народные песни. М., 1964. С. 21.

3. Ментешашвили А.М. Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918–1921 гг.). Тбилиси, 1990. С. 26.

4. Аталикова М.Х. Этические концепты в историко-героических песнях народов Северного Кавказа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5–2. С. 23–28.

5. Бекоев В.И. Героика Отечественной войны в народной поэзии осетин // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2015. № 3. С. 185–189.

6. Ирон адæмон зарджытæ (Осетинские народные песни). М., 1960. С. 127.

7. Осетинские народные песни. М., 1964. С. 21.

8. Цхурбаева К.Г. Об осетинских героических песнях. Орджоникидзе, 1965. С. 19.

9. Габисова С.З. Осетинские народные песни // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. 28. Орджоникидзе, 1971. С. 335–342.

10. Алборов Ф.Ш. Музыкальная культура Осетии. Владикавказ, 2004. С. 62.

А.Ф. Авидзба

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ПРОШЛОМ В АБХАЗИИ

Мы живем в период безвременья и ценностного разлома, но даже в такие времена нужно помнить, что, если очень долго противопоставлять свое настоящее своему прошлому, не мудрено лишиться будущего. Сейчас каждая сторона в соответствии с сегодняшними представлениями о справедливости стремится воспроизводить и транслировать современному и подрастающему поколениям, как правило, продиктованные сиюминутными интересами представления о прошлом.

Сегодня объектом «сражений» на фронтах исторических войн (Т.С. Гузенкова) [1] стала и тема Великой Отечественной войны. Во многих странах, в том числе постсоветских, в соответствии с новой геополитической стратегией формируется или уже сформировалось отношение к Великой Отечественной войне как к чужой, а ее герои объявляются погибшими за чуждые идеалы, а нередко и оккупантами. В случае с постсоветскими республиками это продиктовано воплощением идеологии их элит, основными пунктами которой являются отказ от общего советского прошлого и цивилизационное, а следовательно, политическое и стратегическое противопоставление себя России. В рамках этой политики принимаются законы и постановления об оккупированных территориях, открываются музеи советской оккупации и т.д.

В современной Абхазии к Великой Отечественной войне наблюдается совершенно иное отношение. Абхазский военный историк В.М. Пачулия с гордостью отмечает, что «в период Великой Отече-

ственной войны в составе германской армии не было никакого абхазского легиона» [2].

Для Абхазии Великая Отечественная война является такой же отечественной, своей, как и война с Грузией 1992–1993 гг. Здесь главенствует идеология, поддерживающая наличие феномена двух отечественных войн. Абхазия и абхазы гордятся своим вкладом в дело разгрома фашистской Германии. Медалью «За оборону Кавказа» в Абхазии награждено 8776 человек и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – 32 102 человека. Собственно абхазов среди сражавшихся было 15 500 чел., что составляло 28 % от общего числа солдат из Абхазии, 17 430 из них не вернулось с фронтов Великой Отечественной войны. 22 уроженца Абхазии удостоены звания Героя Советского Союза. В.М. Пачулия указывает, что по количеству Героев Советского Союза «абхазцы находятся на престижном пятом месте после осетин, русских, украинцев и адыгейцев» [3].

Названный феномен двух отечественных войн поддерживался и поддерживается первыми лицами страны. В контексте этого подчеркивается, что героизм защитников Абхазии в войне с Грузией в первую очередь является следствием преемственности доблестных традиций, идущих от героев и защитников Советской Родины (1941–1945 гг.). В частности, первый президент Абхазии В.Г. Ардзинба 7 мая 2004 г. выразил благодарность ветеранам Великой Отечественной войны за то, что воспитали достойных сынов и внуков, которые в 1992–1993 гг. принесли Абхазии свободу и независимость [4]. В обращении к ветеранам Великой Отечественной войны президент Р.Д. Хаджимба 9 мая 2016 г., в частности, отметил: «Ваши дети и внуки приняли из ваших рук знамя отваги и патриотизма и доблестно защитили Апсны, добыв Победу в Отечественной войне народа Абхазии 1992–1993 гг.» [5].

Военный историк В.М. Пачулия, отмечая, что «массовый героизм абхазского народа стал характерной чертой каждой боевой операции на фронтах грузино-абхазской войны 1992–1993 гг.», также подчеркивает, что «это была важная традиция, шедшая из Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., благодаря которой Абхазская армия одержала победу над грузинским агрессором» [6].

При этом нужно особо отметить тот факт, что тезис о преемственности героических традиций двух поколений защитников Родины традиционно звучит как на митингах и торжествах, посвященных Дню Победы 9 Мая, так и на памятных мероприятиях, связанных с

войной с Грузией. О «славных традициях братской дружбы и взаимовыручки, завещанных нам отцами и дедами», «сложившимися в годы суровых испытаний» неизменно говорится в обращениях президента России В.В. Путина к президенту Абхазии Р.Д. Хаджимба [7].

В 1993 г. во время войны с Грузией 9 мая в свободной части республики торжественно отметили День Победы. В Гудауте тогда состоялся митинг у памятника воинам, погибшим на фронтах в 1941–1945 гг. Ветераны, представители общественности возложили к памятнику живые цветы. Торжественный митинг, на котором выступил председатель Верховного Совета Республики Абхазия В.Г. Ардзинба, состоялся в военном городке российских войск [8]. Тогда же с обращением к «народам и правительствам мирового сообщества» выступил председатель Совета ветеранов войны Республики Абхазия И.Т. Лакербая [9].

Сразу после войны стали слышны единичные голоса о том, что погибшие на фронтах войны в Абхазии погибли за Родину, а те, кто сражался за Советский Союз, отстаивали чужие интересы. На наш взгляд, появление этих разговоров было связано с позицией России, которая, в рамках тогдашней геополитической конъюнктуры, стремилась заставить Абхазию отказаться от своих завоеваний в ходе войны с Грузией (1992–1993 гг.).

Но даже в самые тяжелые годы блокады в подавляющем большинстве граждане Абхазии воспринимали Великую Отечественную войну как свою, не было существенных и сколько-нибудь значительных поползновений в стремлении признать ее «чужой», как это делалось во многих постсоветских странах.

Терминология, использовавшаяся для описания Отечественной войны с Грузией в Абхазии, во многом была схожа с терминологией Великой Отечественной войны. Например, блокада Ткуарчала ассоциировалось с блокадой Ленинграда; один из дневников, рассказывающий о жизни в оккупированном Сухуме, называется «413 суток оккупации» [10] по аналогии с 900 сутками блокады Ленинграда; одна из боевых наград, учрежденных во время войны, называлась «За отвагу» по аналогии с самой распространенной боевой наградой Великой Отечественной и т. д. Эта тенденция сохраняется в историографии Отечественной войны в Абхазии и в мемориальной политике абхазских властей. Музей им. В. Ардзинба называется Музей Боевой Славы по аналогии с советскими музеями, посвященными Великой Отечественной войне. Школы и улицы носят имена героев войны.

В частности, первый президент Абхазии В. Ардзинба в праздничные и памятные дни, связанные с Великой Отечественной войной, считал необходимым особо подчеркнуть ее героический характер и судьбоносное значение. В честь ветеранов неизменно проводились и проводятся концерты, мероприятия, торжественные приемы, парады, их именами названы улицы, парки, скверы, сооружаются памятники. В преддверии 65-летия Победы было восстановлено более 60 военно-мемориальных объектов [11].

В Абхазии считается хорошим тоном поздравлять друг друга с праздником Победы – 9 Мая. Руководители государств, в которых Великая Отечественная война считается своей, в этот день считают необходимым поздравить не только ветеранов войны – соотечественников, но и друг друга и проживающих в их странах ветеранов войны. Так было и в 2019 г. В поздравительном обращении президента России к президенту Абхазии, в частности, говорилось: «Прошу передать всем ветеранам, проживающим в Вашей стране, слова искренней признательности, пожелания доброго здоровья, долгих лет жизни, мира и благополучия» [12].

В поздравлении президента России В.В. Путина с 71-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне, адресованном Президенту и народу Абхазии в 2016 г., отмечалось: «Убеждён, что традиции братской дружбы и взаимовыручки, сложившиеся в годы суровых испытаний, будут и впредь составлять прочную основу отношений союзничества и стратегического партнёрства между Россией и Абхазией» [13]. О том, что политика и уровень взаимоотношений между странами не могут не влиять и на такие, казалось бы, далекие от конъюнктуры, гуманные вопросы, как память о ветеранах, свидетельствует последняя фраза процитированного обращения. Она повторяет название договора, подписанного 24 ноября 2014 г. между президентами России и Абхазии – «О союзничестве и стратегическом партнерстве». Подтверждением сказанному является и участие руководителя Абхазии 9 мая 2015 г. в торжественных мероприятиях, посвященных 70-летию Победы в Москве, и сделанное им заявление: «Для нас важно находиться сегодня здесь, в Москве. Торжества в честь дня Победы вновь продемонстрировали мощь российского государства. Для нас это очень важно – для нашей страны, которая признана Россией и сегодня делает первые шаги в своем становлении» [14]. В этом же ряду можно рассматривать и обращение президента Республики Абхазия Р.Д. Хаджимба президенту Российской Федерации В.В. Путину, где подчеркивалось: «9 Мая – особая дата в истории наших стран» [15].

Действительно, утверждение о том, что «более 55 тысяч человек ушли на фронты Великой Отечественной, из которых 17,5 тысяч полегли на полях сражений» [16], является самой повторяемой в Абхазии накануне и во время празднования Дня Победы. Причем ее произносят все – от школьников в ученических рефератах до Президента во время интервью и обращений.

Во время Великой Отечественной войны по разным причинам, главной из которых называлась «неблагонадёжность», абхазам отказывали в заслуженных наградах. Отчасти восполнением несправедливости и свидетельством позиции абхазского руководства по отношению к героям и самой Великой Отечественной войне свидетельствует следующий факт: указом Президента «За заслуги, связанные с совершением героических подвигов во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», четырем военнослужащим Советской армии присвоено звание Героя Абхазии посмертно [17].

2 августа 2017 г. в селе Псху были захоронены останки 33 солдат, погибших на Санчарском перевале во время битвы за Кавказ (1942–1943 гг.). На траурное мероприятие прибыло и руководство республики во главе с президентом Абхазии, который подчеркнул, что «память о них будет жива в сердцах будущих поколений» [18].

День Победы 9 Мая – один из самых почитаемых праздников в Абхазии. С 2005 г. проводится акция «Георгиевская ленточка», а с 2015 г. – акция «Бессмертный полк». Поэтому в ближайшее время вряд ли возможно появление разделяемых в обществе мнений о чуждом характере Великой Отечественной войны. В Абхазии к ветеранам не приклеиваются такие ярлыки, как «оккупанты», «агенты», что отражает общественное отношение к ним. Ветераны Великой Отечественной войны рассматриваются исключительно как борцы за правое и необходимое дело. Здесь их называют теми, «кто вел самоотверженную, всенародную борьбу с мировым злом нацизма» (из поздравления президента Абхазии ветеранов и всего народа с Днем Победы) [19].

История – компромисс между тем, что было, и тем, что есть. В силу этого история нередко становится не только наукой о том, что было, а часто – наукой о представлениях настоящего о прошлом. Но при этом необходимо стремиться к тому, чтобы представления настоящего о прошлом по возможности максимально были приближены к тому, что было. В противном случае существует опасность того, что у народа могут выработаться комплексы, самым существенным из которых будет неадекватная оценка своего прошлого, что приведет к неадекватной

оценке своего настоящего, что, в свою очередь, негативно отразится на будущем.

Примечания

1. Гузенкова Т.С. Введение. Историческая политика: память прошлого как инструмент конструирования настоящего // Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС. М., 2015. С. 11.

2. Пачулия В.М. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухум, 2015. С. 136.

3. Там же. С. 139.

4. Президент Абхазии поздравил ветеранов Великой Отечественной войны с праздником 9 мая // Regnum.ru. URL: https://regnum.ru/news/257875.html (дата обращения: 15.12.2017).

5. Хаджимба Р.Д. Поздравление с Днем Победы // Президент Республики Абхазия: [официальный сайт]. URL: http://presidentofabkhazia.org/doc/rechi/?ELEMENT_ID=4200 (дата обращения: 16.12.2017).

6. Пачулия В.М. Указ. соч. С. 219.

7. Республика Абхазия. 2019. № 46. 13 мая; Президент Российской Федерации Владимир Путин поздравил Президента и народ Абхазии с 71-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне // Президент Республики Абхазия: официальный сайт. URL: http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=4197&sphrase_id=7143312 (дата обращения: 15.12.2017).

8. Республика Абхазия. 1993. № 24. 13 мая.

9. Там же. № 23. 6 мая.

10. Тария А.М. 413 суток оккупации. Сухум, 1999.

11. Барциц И. Багапш назвал 9 Мая одним из главных праздников Абхазии // РИА Новости. URL: https://oldimg1.ria.ru/victory_news/20100507/231717398.html (дата обращения: 15.12.2017).

12. Республика Абхазия. 2019. № 46. 8 мая.

13. Президент Российской Федерации Владимир Путин поздравил Президента и народ Абхазии с 71-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне // Президент Республики Абхазия: [официальный сайт]. URL: http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=4197&sphrase_id=7143312 (дата обращения: 15.12.2017).

14. Президент Абхазии: Россия 9 мая показала, что сильна, но при этом хочет мира // ТАСС. URL: http://tass.ru/obschestvo/1960201 (дата обращения: 15.12.2017).

15. Республика Абхазия. 2019. № 46. 13 мая.

16. Путин наградил министра обороны Абхазии орденом Невского // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20190508/1553359787.html (дата обращения: 17.06.2019).

17. Указ [президента Республики Абхазия Р.Д. Хаджимба] «О присвоении звания Героя Абхазии» [от 28 сентября 2017 г. № 229] // Президент Республики Абхазия: официальный сайт. URL: http://presidentofabkhazia.org/doc/pozdravlenija/?ELEMENT_ID=6820 (дата обращения: 16.12.2017).

18. Захоронены останки солдат Великой Отечественной войны в Псху // Спутник Апсны. URL: http://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20170802/1021575636/ zaxoroneny-ostanki-soldat-velikoj-otechestvennoj-vojny-v-psxu.html (дата обращения: 16.12.2017).

19. Республика Абхазия. 2019. № 45. 8 мая.

Р.Х. Ганиева

СПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА К ЛИЧНОСТНОМУ РОСТУ В УСЛОВИЯХ НЕЗАВЕРШЕННЫХ ПСИХОТРАВМИРУЮЩИХ СОБЫТИЙ

С целью изучения посттравматического роста родственников пропавших без вести во время конфликта в Пригородном районе и в г. Владикавказе нами проводились глубинные интервью (осень 2016 г. – лето 2017 г.). Рассказы близких пропавших без вести стали главным источником собираемых сведений. Теоретической основой работы послужили экзистенциальная теория личности Виктора Франкла и теория трансформации личности М.Ш. Магомед-Эминова. Основная гипотеза нашего исследования предполагала, что родственники пропавших без вести спустя 25 лет после событий осени 1992 г. должны были обнаружить средний и высокий уровни посттравматического роста и высокую степень посттравматической мудрости. Исходя из обсуждаемой гипотезы, главными переменными, которые следовало количественно оценить с точки зрения наших респондентов, были, во-первых, личностные изменения, во-вторых, посттравматический рост и посттравматическая мудрость, в-третьих, трансформация травмы в инструмент помощи людям.

Остановимся на тех результатах исследования, которые представляются нам наиболее важными. Прежде всего мы хотели бы обратить внимание на посттравматический рост среди женщин.

Объективными причинами, повлиявшими на конечный результат, стали следующие обстоятельства: мужчин было похищено больше, чем женщин, оставшимся в живых мужчинам выживание далось труднее, и смерть у многих наступила раньше. Большинство из тех, кто сотрудничает с «Комитетом по содействию поиску без вести пропавших» и другими общественными организациями, как мы уже отмечали, – женщины с активной социальной позицией. Мужчины уходят на пенсию позже женщин, и в силу занятости сотрудничество с различными организациями им менее доступно. К тому же продолжительность жизни среди женщин выше, чем среди мужчин.

В связи с трагическими событиями осени 1992 г. и в результате бесследного исчезновения родных и близких изменилась структура семей родственников пропавших. 12 % респондентов остались вдовами. Следовательно, произошло колоссальное влияние вооруженного конфликта на ролевую структуру семьи. Вот как пишет об этом в своей монографии З.М. Долакова: «Эти трагические события не могли не отразиться на изменениях структуры ингушской семьи, длительное время сохранявшей почти в полном объеме этнокультурные традиции образа жизни и взаимодействия между членами семьи». Утрата кого-либо из членов семьи, ухудшение материальных и экономических условий существования семьи деформирует как ее структуру, так и характер исполнения семейных ролей. «Одним из ведущих факторов изменения ролевой структуры, является разрушение традиционной сети связей, то есть традиционной среды жизнедеятельности семьи. Это ведет не только к потере практически всех важных для семьи источников поддержания нормальной жизнедеятельности, но и к психологическим травмам, связанным с разрушением традиционных механизмов, поддержания гендерной, возрастной и социально-статусной идентичности, базирующихся на традиционной полоролевой дифференциации ролей в структуре семьи» [1].

В результате вооруженного конфликта сотни несовершеннолетних детей остались без отцов, а следовательно, без защиты. Традиционно после трех лет мать отпускает сына к отцу и отпускает его навсегда. Статус отца в семье, тем более на Кавказе, необычайно высок: он принимает основные решения о судьбе детей, их профессии, замужестве и женитьбе, которые, впрочем, либо незаметно отменяются, либо преобразовываются в другие средствами умелой женской дипломатии.

Для лучшего понимания проблем, с которыми столкнулись наши респонденты, необходимо обратить внимание на особенности взаи-

моотношений и воспитания традиционно сложившиеся в ингушской семье. Так, «развод для ингушей был аномалией», старейшины давали разрешение на развод «в очень редких случаях». Кроме того, развод «являлся большим позором и для самих разводящихся (особенно для девушки), для их семей и родов». Для ингушей, особенно старшего поколения, брак – это «пожизненный союз супругов, заключенный ради рождения детей и их воспитания». Подобная установка «в сознании ингушей многое определяла» во взаимоотношениях супругов – «делала их терпимее, заставляла искать внутренние ресурсы для сохранения и упрочения семьи». Естественно, что подобный подход оказывал, а зачастую и продолжает оказывать «положительное влияние на прочность брака у ингушей» [2].

В некоторых семьях пропавших без вести дети выросли без отцов. Они не получили отцовской опоры и поддержки. Частично эти функции брали на себя матери, частично – дяди, дедушки, старшие братья, так называемые социальные отцы. Ежедневная наша практическая работа с пострадавшими показала, что дети, чьи родители пропали без вести, даже во взрослой жизни, строя собственные семейные отношения, сталкиваются с психологическими проблемами. Естественно, что истоки этих проблем необходимо искать в детстве.

Приведем всего один случай из собственной практики. Мальчик рос без отца. Мать всегда подчеркивала: «Ты – мужчина! Ты – главный!» Уделяла ему много внимания. Со временем матери стало тяжело общаться с сыном. Он стал неуправляемым, считал себя главой семьи, знатоком религии, учил всех жить. Как же объяснить подобное поведение?

В данной семейной структуре произошло стандартное замещение: субъект, находящийся на нижнем уровне семейной иерархии, компенсирует отсутствие субъекта на высшем уровне. То есть глава семьи (в данном примере муж и отец) «выпал», а мальчик пытается занять его место. Так как мать подсознательно помогает ребенку в подобных иерархических перестановках, то между ними выстраиваются функциональные супружеские отношения – ребенок становится «мужем» в семье. Принятая раньше времени роль главы семьи приводит к следующей психологической проблеме: ребенок не может повзрослеть. До тех пор пока взрослые «не вернут» субъект в состояние детства, он не сможет осознанно работать над своим взрослением.

В представленной в нашей работе демографической справке было отмечено, что 37 % опрошенных проживают в Республике Северная

Осетия – Алания, то есть на территории, где происходили боевые действия. 63 % – на территории Республики Ингушетия. Почему эти люди до сих пор не вернулись домой, а продолжают жить в Республике Ингушетия? Дело в том, что такие населенные пункты, как Комбилеевская-Ир, Октябрьское, Терк, Чернореченское, Длинная Долина, Южный закрыты для ингушей. И те респонденты, которые до событий осени 1992 г. проживали в этих селах, вынуждены в настоящее время оставаться в Ингушетии. Например, из села Октябрьское на территории Ингушетии находится 8 человек, из села Южное – 3 человека.

Обратимся еще раз к теории М.Ш. Магомед-Эминова, именно на нее мы опирались, выполняя свое исследование. У всех испытуемых выявлен высокий и средний уровни посттравматического роста. В работах М.Ш. Магомед-Эминова показано, что непосредственно после травматического эпизода посттравматический рост (далее – ПТР) не регистрируется. В то же время у испытуемых, которые конструировали травматическое событие прошлого в жизненной перспективе, отсрочено регистрировались высокие показатели ПТР. Полученные данные респондентов, которые потеряли своих родственников 25 лет назад, вполне согласуются с выводами М.Ш. Магомед-Эминова и подтверждают теорию трансформации личности.

Предпринимая исследование, мы полагали, что именно на материале изучения родственников пропавших без вести можно будет получить незначительный процент ПТР и посттравматической мудрости. Действительность оказалась иной: через 25 лет после трагического события мы выявили у родственников без вести пропавших позитивное отношение к людям, огромную силу воли, неисчерпаемые возможности, неограниченный ресурс, грандиозный психологический потенциал, духовные изменения. Необходимо подчеркнуть, что мы не рассматривали травму как некое благо: люди, переживающие психотравму, сталкиваются с множеством негативных последствий.

Прежде всего, неоднозначная потеря часто затрагивает потомков пострадавших. Причем подобное потрясение влияет на жизни нескольких поколений при условии отсутствия мер для решения и искоренения вышеозначенной проблемы. Именно это наследие находится в основе многих личностных и семейных неурядиц: «Проблема проявляется у потомства, поскольку травма, которая передается, намного сильнее той, которую получают». Многие исследователи приводят наиболее показательный пример – пример жертв холокоста и их потомков. Так, по многолетним наблюдениям, дети выживших во время холокоста «чаще

страдают от посттравматических синдромов, чем их родители, которые в реальной жизни страдали и боролись» [3].

Передача травмирующего прошлого носит трансгенерационный характер: скрываемое и запрещенное так или иначе входит в жизнь потомков. Умалчиваемая травма, неосознанное и нежелаемое наследие – прямой путь к болезням, соматическим либо психосоматическим проблемам у представителей следующих поколений семей, переживших травмирующий опыт. В то же время при изменении как внешних, так и внутренних условий меняется и сознание всех вовлеченных: когда проблема «выявляется, обговаривается, перемещается в исторический и семейный контекст с помощью терапевта... эти проявления уменьшаются и прекращаются у взрослых и даже у детей» [4].

Таким образом, можно прийти к первому и важнейшему выводу: неоднозначная потеря оказывает пролонгированное воздействие на несколько поколений. Как следствие сам пострадавший не в силах изменить сложившуюся критическую ситуацию, обратить ее во благо. Помочь в завершении неоконченного действия может лишь специалист – «контейнирующий психотерапевт», умеющий проникать глубоко в проблему, использующий различные подходы и практики, а также экспрессивные методы воздействия [5].

Подводя итог, мы можем с уверенностью сказать, что работа с людьми, пережившими травмирующий опыт, а в нашем случае – неопределенную потерю, приобретает особую значимость – своевременная и профессиональная помощь позволяет «купировать» передачу психотравмы и преодолеть пресловутый «синдром предков».

Краеугольным камнем в решении проблемы травмирующего опыта является формирование у пострадавших посттравматического роста (ПТР). В зависимости от ряда условий у трагедии могут быть разные последствия: пострадавший может как пребывать в состоянии хронического стрессового расстройства, так и прийти к посттравматическому росту. Наше исследование наглядно подтвердило, что обеспечить посттравматический рост могут прежде всего благоприятная этнокультурная среда, религия; социальная поддержка, новые интересы, новые возможности, новый путь в жизни; осознание своей способности изменить мир, неограниченного собственного психологического ресурса, понимание ценности жизни вообще и своей в частности.

Кроме того, мы не можем рассматривать социальную среду в отрыве от этнокультурной составляющей. Например, принятые в том или ином сообществе за норму взаимоотношения напрямую зависят от традиций

и исторически сложившихся устоев. На развитие подобных взаимоотношений непосредственное влияние оказывает и общий пережитый опыт – в нашем случае практически весь народ объединила общая трагедия. В итоге с самых ранних периодов травмы пострадавшие почувствовали поддержку окружающих, что, в свою очередь, помогло «преодолеть свойственную потерпевшим пассивность, отказаться от разрушительного бездействия». Окружающий социум дал понять людям, пережившим трагедию, что они – не единственные, кто несет это бремя. Естественным и логичным продолжением подобной психологической трансформации стало стремление людей к объединению. Объединившись в общественные организации и/или группы взаимопомощи, они получили возможность свободно обсуждать то, «что им пришлось пережить, и... говорить о своем пропавшем без вести родственнике без опасения тем самым обременить окружающих. То, что они имеют возможность выразить горе по поводу исчезновения близкого человека, принять участие в розыске, значительно влияет на их способность восстанавливать естественную саморегуляцию, как природную способность человека к самоисцелению, основанную на внутренних ресурсах организма» [6]. Из проведенных нами интервью видно, что впоследствии подобные объединения пострадавших становятся активной общественной силой: «травматический опыт, принося большие личные страдания», замещается социальной деятельностью на благо общества и других людей, появляется насущная необходимость «трансформировать травму в инструмент помощи другим людям» [7]. Впрочем, в ситуации неопределенной потери любое поступательное движение в жизни, любая творческая активность стимулируют личностный рост.

Мы видим, что обретая способность «концентрировать свое внимание... на тех сферах жизни, которые не затронуты проблемой» [8], человек уже находится на пути исцеления. Главным же этапом в этой работе над собой становится осознание своей способности изменить окружающую действительность. Лишь человек, стоящий на пути посттравматического роста, может понять ценность жизни, может почувствовать неограниченность своего психологического потенциала.

Однако ошибочно считать, что посттравматический рост способны обеспечить лишь перечисленные выше факторы, – это естественный процесс, но его очень непросто стимулировать.

Одним из условий формирования ПТР являются личностные особенности человека: «Позитивные связи были найдены между открытостью и экстраверсией, способностью соглашаться и добросовестно-

стью». В то же время, нейротизм оказался отрицательно связанным с ростом. В научной литературе указывается, что «позитивные связи» демонстрируются вкупе «с выносливостью, оптимизмом, самоэффективностью, надеждой, юмором и внутренним локусом контроля». Исследователи подчеркивают, что «ощущение согласованности – еще одна черта, которая... влияет на ПТР: это фактор, способствующий успешному разрешению трудных ситуаций» [9]. Действительно, «если человек после травмы... выделяет существенное в ситуации и оценивает, что на данный момент поддается его контролю, а что нет, на что ему стоит направлять свои силы, а что следует пока перетерпеть, то больше вероятность того, что в дальнейшем у него произойдет посттравматический рост». Подобная категория людей способна «обрести чувство контроля над событиями в своей жизни, уверенность в себе и возможность влиять на собственную жизнь и жизнь своей семьи и, наконец, обрести готовность принять вызов судьбы» [10].

Следует понимать, что в некоторых случаях пострадавший от неопределенной потери может самостоятельно достичь посттравматического роста. В подавляющем большинстве случаев лишь помощь специалиста является тем объединяющим фактором, который в итоге приводит к данной трансформации. Работа с подобной категорией людей осложняется тем, что исследования посттравматического роста являются относительно новыми и «существует ряд нерешенных как методологических, так и теоретических проблем». При работе же с людьми, находящимися в ситуации неопределенности, стандартные методы «дают лишь временный эффект», «поскольку психотравма у родственников лиц, пропавших без вести, имеет свои особенности» [11]: «Отсутствие информации об участи пропавшего без вести близкого человека и страх, что с ним могло произойти самое худшее, постоянно тревожит его семью. Психологическая поддержка в данном случае остро необходима, психологи помогут найти скрытые ресурсы человека, помогут восстановить потенциал, но истинное исцеление может наступить только тогда, когда разрешится неопределенность ситуации, когда прояснится судьба пропавших родственников, когда можно будет их оплакать и достойно проститься, если они погибли» [12].

Остается надеяться, что «изучение феномена посттравматического роста позволит найти новые методы, способы и технологии работы с психотравмой родственников, которые долгие годы не имеют сведений о судьбе своих родных» [13].

Примечания

1. Долакова З.М. Влияние межэтнического конфликта на ролевую структуру традиционной семьи. Назрань, 2008.
2. Евлоева Л.М., Евлоева Ф.Р. Современная ингушская семья. Актуальность исследования разводов // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Вып. 9. Магас, 2011. С. 391–412.
3. Шутценбергер А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М., 2001. С. 127.
4. Там же.
5. Там же. С. 202, 206.
6. Как от психотравмы перейти к личностному росту: Опыт родственников, пропавших без вести лиц: учеб.-метод. пос. Пятигорск, 2018. С. 144.
7. Там же. С. 162.
8. Там же. С. 170–171.
9. Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М., 2016. С. 214.
10. Как от психотравмы перейти к личностному росту. С. 139.
11. Там же. С. 166–167.
12. Как предотвратить рецидивы психотравмы: технологии социально-психологического сопровождения: Метод. пос. Пятигорск, 2015. С. 474.
13. Как от психотравмы перейти к личностному росту. С. 163.

А.А. Вартумян, Н.В. Воротынцев

РИСКИ И УГРОЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕНТИФИКАЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Религиозный экстремизм и терроризм является угрозой национальной безопасности России в республиках Северного Кавказа. Это доказывается как степенью ущерба государству, обществу и гражданам, так и восприятием в общественном мнении. Акты политического насилия и целенаправленного устрашения общества имеют в макрорегионе в основном религиозную идейную аргументацию, совершаясь под прикрытием доктрины радикального исламизма [1]. Это делает насущным прикладной анализ основных параметров и тенденций развития религиозного экстремизма и терроризма, выяснение общих закономерно-

стей и особенностей феномена как в диахронном аспекте (на различных этапах с 2000 г.), так и в сравнении различных регионов.

Необходимо начать с определения базовых аналитических категорий – религиозного экстремизма и терроризма, раскрыть их взаимосвязь и различия. Экстремизм следует трактовать в качестве идеологии и политической практической деятельности, направленных на достижение целей субъектов политики противоправными насильственными методами. Целями экстремизма выступают разрушение существующего общественного и государственного строя, разжигание розни и конфликтов, установление диктатуры и системы дискриминации «врагов» (иноверцев, этнических и мигрантских групп, лиц иных политических взглядов и т.д.) [2]. В отличие от терроризма, экстремизм может не выражаться в практическом насилии и устрашении. Наиболее широким, «зонтичным» понятием является политический экстремизм. Основными видами экстремизма на Северном Кавказе в 1990–2000-х гг. следует признать этнический, религиозный, политический. Причем в условиях традиционного общества и высокой религиозности северокавказского населения на деле указанные виды экстремизма переплетены. Радикализация ислама на Северном Кавказе является не причиной терроризма, а одним из многофакторных следствий системного экономического и социально-политического кризиса общества.

Терроризм целесообразно определить как идеологическую доктрину и основанную на ней политическую практику систематического преднамеренного устрашения общества путем влияния на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, для достижения противоправных политических интересов [3]. Авторитетный эксперт Дж. Арас подчеркивает, что субъектом терроризма являются «организованные структуры, действующие вне формата государства» [4], в том числе – глобальные и международные. Но принципиально важно отметить, что идеологемы, организационные формы и методы терроризма применяют также государства и военно-политические блоки.

Основными чертами современного терроризма выступают: идеологически мотивированное и организованное насилие; систематическое преднамеренное устрашение общества и государства; повышенный уровень опасности вследствие возросшей возможности террористов использовать достижения глобализации и техногенной цивилизации. Террористическая деятельность, согласно Федеральному Закону РФ №35-ФЗ «О противодействии терроризму», включает в себя [5]:

– организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

– подстрекательство к террористическому акту;

– организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

– вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

– информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

– пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;

– террористический акт.

Содержательно понятие экстремизма иное, чем «терроризм», но в прикладной политологической литературе они зачастую используются как синонимы (В.Д. Дзидзоев, Н.Н. Левченко, С.Я. Сущий) [6]. Многие авторы описывают практические проявления экстремизма и терроризма, но не дают их теоретического определения [7]. Из сформулированных выше определений очевидно, что и в политико-прикладных и в правовых целях противодействия экстремизму и терроризму необходимо их разграничивать.

Религии, их отдельные догматы, институционально-организационные формы и обрядовые проявления могут использоваться для идеологического обоснования экстремизма и терроризма. Но сама по себе религия как общественный системный феномен не является «виновной» в корыстных противоправных действиях с целью захвата власти, истребления либо дискриминации иноверцев и «отступников». В анализе причин политизации ислама на постсоветском Северном Кавказе, как подчеркивает конфликтолог В.А. Авксентьев, целесообразно взять за основу синергетический подход, учитывая взаимодействие разнородных факторов [8]. Методологически полезна также модель «воронки причинности». Она первоначально разработана американскими политологами (А. Кэмпбеллом, П. Конверсом, У. Миллером и др.) [9] для анализа избирательных кампаний, но дает возможность ранжировать факторы любого политического процесса, в том числе – террористической активности. Например, низкий уровень промышленного производства, натурализация сельского хозяйства и технологическая отсталость экономики республик повлекли за собой архаизацию общественных институтов и

практик. Высокий уровень рождаемости во многих региональных сообществах вкупе с прекращением «отхожих промыслов» за пределами своей республики вызвали демографическое перенапряжение, безработицу, рост межэтнической конкуренции за престижные социальные статусы и власть. Этноклановая система внутри народов Северного Кавказа стала конкурентным преимуществом, как и особенности социокультурных норм поведения – коллективная солидарность, восприятие политики как «конфликта с нулевой суммой», в котором проигравший теряет все и покоряется сильному победителю [10].

Объективным состоянием сообществ Северного Кавказа к концу советской эпохи следует признать неорганичную и незавершенную модернизацию, качественное стадиальное отставание макрорегиона (с оговорками для Ставропольского края и республиканских административных центров – полиэтничных городов) от соседних областей и краев Юга РСФСР.

Следует учитывать и тип религиозно-политической доктрины, обосновывающей экстремизм и терроризм. Как доказали ведущие религиоведы (А.В. Малашенко, А.А. Игнатенко, Л.Р. Сюкияйнен, И.П. Добаев), речь идет о внутриисламском конфликте умеренных и радикальных, фундаменталистских течений [11]. Согласимся с выводами И.П. Добаева: исламский радикализм исходит из жесткого деления мира на мир ислама и мир неверных; из замкнутости уммы – общины правоверных. Радикализм требует замкнутой и жестко дисциплинированной политической организации, убежденности и сплоченности приверженцев, абсолютного контроля над ними со стороны руководства. Он оправдывает насилие по отношению к иноверцам [12]. Религиозный экстремизм нацелен на возбуждение межконфессиональной вражды и конфликтов, террор, принудительное изменение государственного строя либо захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государств. Идеологемы салафизма (упрощенно называемого ваххабизмом) таковы [13]: непримиримая защита единобожия ('таухид'), отказ от почитания могил и мавзолеев шейхов, роскоши, увеселений, празднования маулида (дня рождения пророка Мухаммада), любых новшеств ('бид'а'). Такфир (уличение в неверии) приравнивается салафитами к самому страшному греху – вероотступничеству, в чем обвиняют всех правоверных, не принимающих догматику, политику или обряды ваххабитов. Вероотступничество, по доктрине салафизма, карается смертью. Ваххабиты превратно трактуют джихад, понимая под ним только вооруженную борьбу и не только с кяфирами (неверными, язычниками),

но и с лицемерами и вероотступниками, которыми объявлены все, не разделяющие учение ваххабизма.

Экстремизм, вопреки публицистическим оценкам, может проявляться не только в салафизме (ваххабизме), но и в «традиционном» для Северного Кавказа исламе, для которого характерны различные мазхабы (суннитские богословско-правовые школы). Ареалы распространения последних часто совпадают с этническими границами. Это связано также с разной глубиной исламизации народов Северного Кавказа: Дагестан, Чечня и Ингушетия исламизированы значительно прочнее, чем Северо-Западный Кавказ. Мазхабы ханбалитов и маликитов считаются более жесткими по организационным правилам и идеям, а ханифиты и шафииты – более мягкими. По мнению А.В. Малашенко, фундаменталистские взгляды легче проникают в шафиитский мазхаб, чем ханифитский. Это связано с идейной близостью шафиизма и ханбализма, составляющего основу ваххабизма [14]. Таким образом, северокавказский ислам не представляет собой идеологического и организационного целого, что облегчает деятельность «нетрадиционных», в том числе экстремистских течений.

Наиболее сложная структура этнорелигиозного сообщества сформировалась в Чечне. Согласно исследованиям социологов И.А. Задворнова и А.М. Халмухамедова, здесь поддерживается жесткая иерархия. Ее организационные уровни: «куп» – неформальные объединения 10 семей соседей либо родственников; «сектора» по 30 купов; сельские общины (их главы избираются предводителями купов); районные сообщества; весь народ [15]. Территориальная структура пересекается, но не совпадает, с этническим строением народа («к'ам»). В него входят по нарастающей: «дойзал» – семьи, «нек'и» – родовые общины, «ц'а» – союзы общин, 130 «тейпов» – родов; 9–11 «тукхумов» – племен [16]. Обе структуры накладываются на внутриисламскую. В Чечне сложились религиозные братства – 32 вирда во главе с «устазами», «авлийа» (наставниками) [17]. Они объединены в суфийские тарикаты (ряд вирдов во главе с шайхом). Наиболее влиятельны в Чечне тарикаты «кадирийя» и «накшбандийя». Тарикаты республики в сумме образуют сообщество мусульман шафиитского мазхаба (одной из богословско-правовых школ суфизма). То есть, поведение чеченцев регулирует сложная, но гибкая и устойчивая неформальная система институтов. После распада СССР она усложнилась в связи с укоренением салафитских (ваххабитских) религиозных объединений.

В каждой республике существует этническая и конфессиональная специфика традиционных институтов. В Дагестане родовые патрони-

мические общности – «тукхумы» объединены в джамааты, которые являются основой вышестоящих этнических структур. Скрепляющей правовой и идеологической основой джамаатов является суннитский ислам [18]. Деление на суфийские братства (тарикаты) в Дагестане (по Э.Ф. Кисриеву) таково: аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы традиционно относятся к накшбандийе. Чеченцы, андийцы принадлежат к кадирийскому тарикату. Шазилийский тарикат существует у аварцев, частично – у кумыков и даргинцев. В менее исламизированных республиках Северо-Западного Кавказа суфизм не прижился, преобладает «традиционный» ислам без тарикатов, повышена роль адатов и этнических моральных кодексов поведения.

Радикализация ислама идет во многом вследствие деятельности на Северном Кавказе иностранных проповедников и части местного духовенства, получившего образование за рубежом. Так, в 2007 г. более 2500 молодых мусульман из республик Северного Кавказа, в том числе – 1200 человек из Дагестана, 500 человек из Чечни, 200 человек из Карачаево-Черкесии обучались за рубежом – в Саудовской Аравии, Египте, Сирии, Кувейте, Тунисе, Пакистане, Малайзии, Афганистане, Турции и других странах [19]. Результаты их образования конфликтогенны. «Если студенты, учившиеся в Дамасском исламском институте либо в тунисской “Аз-Зейтуне”, воспитывались в духе умеренного, ориентированного на реформаторство ислама, то слушателей египетского “Аль-Азхара” не всегда удавалось оградить от влияния идеологии религиозного возрожденчества», – отмечает А.Б. Подцероб. По его мнению, парадоксальная трансформация происходила с взглядами студентов, обучавшихся в Саудовской Аравии, «где им преподавали ваххабитскую интерпретацию ислама». Утративший свою агрессивность еще в конце 1920-х гг. ваххабизм «играл с тех пор в Саудовской Аравии традиционалистскую, охранительную роль, а в настоящее время это учение начинает приобретать реформаторскую направленность». Тем не менее, значительная часть выпускников, приобщившись к этой доктрине, по возвращении на Северный Кавказ толкует ее в радикальном духе. «Ситуация приобрела настолько серьезный характер, что, например, в Дагестане выдвигалось требование вообще прекратить направление молодых мусульман на учебу за границу» [20]. Вместе с тем, «остановить проникновение в Россию потока зарубежных мусульманских миссионеров и новоиспеченных имамов российского происхождения, прошедших обучение в богатых исламских государствах, практически невозможно». Судя по аналитическим документам Совета Федерации РФ, «существует и подпольная подготовка священнослужителей радикальных

мусульманских течений в России» [21]. Кроме салафизма, деструктивную политическую роль в республиках Северного Кавказа играют международные суфийские братства «Нурджулар» и «Хизб-ут-Тахрир», негласно поддерживаемые Турцией [22].

Финансовую поддержку террористической деятельности оказывают международные исламистские фонды, экстремистские организации («Аль-бадр Маджахедин», «Международный исламский фронт», «Братья мусульмане», «Аль-Каида»), финансовые структуры (бакинский филиал саудовской организации «Аль-Харамейн», банк "XANP-FIRST REMIT LTD"), а также спонсоры из ряда зарубежных государств (Азербайджана, Египта, Пакистана, ОАЭ, Иордании, Афганистана, Ирана, Турции) [23].

Методы использования религии со стороны экстремистов: использование институтов власти для огосударствления своей веры и вытеснения иных конфессий, для объявления религии официальной идеологией (пример Чечни в 1994–1999 гг.); курс прозелитизма (максимальное ограничение, вплоть до запрета, «чужих» вероучений и иных течений «своей» веры); насаждение партий, движений и организаций конфессионального толка; насильственные методы борьбы за власть; создание прецедентов в российском и региональном законодательстве, чтобы легализовать теократию; придание социальным и политическим конфликтам религиозной формы; проникновение религиозного радикализма в систему массовых коммуникаций и образования; влияние международных религиозных объединений.

Ведущей угрозой национальной безопасности в СКФО выступает диверсионно-террористическая деятельность подполья. Террористическое подполье начало формироваться в республиках Северного Кавказа к началу 1990-х гг. Оно, прежде всего, итог трансформации северокавказского общества после распада СССР. Вследствие архаизации общества и критического ослабления правоохранительных структур в республиках с конца 1980-х гг., формируются организации экстремистов, внедряются и адаптируются к местным условиям идеологические обоснования терроризма, активно «обрабатывается» экстремистскими идеями население (прежде всего, молодежь), организуется инфраструктура, создается сеть информационных, финансовых, кадровых каналов, ведущих в другие регионы России и зарубежные страны.

Методологический «ключ» к эффективному анализу религиозного терроризма на Северном Кавказе дает концепция «сетевой войны» Дж. Аквиллы и Д. Ронфельта. Она обосновывает использование децен-

трализованной сети автономных ячеек для разгрома противника. Сеть состоит из не соподчиненных между собой ячеек, которые свободны в выборе форм и методов борьбы, мобильны, конспиративны, трансграничны. Разгром отдельных звеньев мало что дает для ослабления всей сети, связанной идеологемами, а не иерархией лидерства. Данная сеть характерна для «Аль-Каиды», «Нурджулар», «Хизб-ут-Тахрир», «Братьев-мусульман» и других международных исламистских организаций [24].

К началу XXI в. базовые компоненты (кадры, инфраструктура, финансирование, идеология) террористического подполья на Северном Кавказе интегрировались в систему. Сформировалась разветвленная, хорошо структурированная, самовоспроизводящаяся сеть терроризма, глубоко укорененная в институты макрорегионального сообщества. Данная сеть С.Я. Сущим определена как северокавказская экстремистская система [25]. Она опирается на социальные группы, поддерживающие религиозный и этнический экстремизм, сепаратизм, протестующие (искренне или фальшиво) против неравенства и коррупции, применяющие криминальные практики.

Между обладателями реального влияния – этноклановыми элитами, этнополитическими движениями и радикальными религиозными организациями сложился обмен ресурсами: экономическими, социальными, политическими, информационными. Из параметров террористической сети основным выступает способность к восстановлению кадровых, организационных, инфраструктурных и иных потерь. Это качество обеспечивает постоянное функционирование системы терроризма, ее ресурсное обеспечение.

Примечания

1. Добаев И.П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. М.; Ростов н/Д., 2011. С. 13–18.

2. Федеральный Закон РФ №114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля.

3. Добаев И.П. Указ. соч. С. 7; Боташева А.К. Терроризм как фактор современных политических процессов: детерминация, проявления, стратегии противодействия: автореф. дис. … док. полит. наук. Краснодар, 2009. С. 25.

4. Арас Дж. Четвертая мировая война: информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам. М., 2003. С. 10.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. 10 марта. № 4014.

6. Дзидзоев В.Д., Левченко Н.Н. Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ. Владикавказ, 2008; Сущий С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М., 2013.

7. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северо-Восточном Кавказе. М., 2007; Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие. М., 2009 С. 547–589.

8. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы. Ростов н/Д., 2011. С. 66–72.

9. Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American Voter. N.Y., 1980.

10. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформаций социокультурного статуса. Ростов н/Д., 2003. С. 219; Сущий С.Я. Указ. соч. С. 16–85, 126–288.

11. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламский проект. М., 2006; Игнатенко А.А. Ислам и политика: Сб. ст. М., 2004; Сюкияйнен Л.Р. Шариат, обычай и закон: координаты правового бытия российского мусульманина. М., 1999; Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д., 2003.

12. Добаев И.П. Исламский радикализм... С. 373–377.

13. Ярлыкапов А.А. Кредо ваххабита // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 114–137; Кратов Е.В. К вопросу об идеологии современного религиозно-политического экстремизма (на основании материалов, распространяемых в Карачаево-Черкесской республике) // Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. М., 2002. С. 140–147.

14. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 56.

15. Задворнов И.А., Халмухамедов А.М. Тейпы и тукхумы // Родина. 2000. № 1–2. С. 30.

16. Там же. С. 29.

17. Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне (традиции и современность). Грозный, 2006. С. 34, 40–42.

18. Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004. С. 21–25.

19. Внешние факторы радикализации ислама на Кавказе. 06.06.2007. URL: http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/06/m93516.htm (дата обращения: 08.06.2019).

20. Подцероб А.Б. Российский ислам и зарубежные РНПО. URL: http://www.iimes.ru/?p=6925 (дата обращения: 08.06.2019); Он же. Международный терроризм на Северном Кавказе. URL: http://www.iimes.ru/?p=11197 (дата обращения: 08.06.2019).

21. Современная ситуация на Северном Кавказе // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2005. № 11.

22. Ярлыкапов А.А. Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе России // Сравнительная политика. 2013. № 3(13). С. 133–152.

23. Баранов А.В. Современный терроризм на Северном Кавказе: причины, формы проявления, направления взаимодействия // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 4. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/pep/2017/4/politics/baranov.pdf (дата обращения 08.06.2019).

24. Там же.

25. Сущий С.Я. Северный Кавказ. Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М., 2013. С. 284–285.

Л.Ф. Мирзазаде

СТРАТЕГИЯ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ АЗЕРБАЙДЖАНОМ И ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кавказский регион нестабилен, но «обладает высоким ресурсным потенциалом и широкими возможностями для совместного, эффективного использования региональными и международными партнерами, нацеленными на дружбу и сотрудничество» [1]. Стремление изменить ситуацию, превратить Кавказский регион в процветающий, является одной из основных установок Концепции национальной безопасности Азербайджанской Республики. В 1993 г. во время своей инаугурации на пост главы Азербайджанской Республики Г. Алиев сказал: «Наша задача состоит в том, чтобы строить и развивать со всеми государствами равноправные, взаимовыгодные отношения, эффективно использовать их для укрепления международных позиций нашей Республики… у нас миролюбивая внешняя политика, мы не ставим цели нарушать суверенитет, территориальную целостность какого-либо государства» [2]. В этом бескомпромиссном подходе Г. Алиев видел возможность создания условий для вхождения Азербайджана в мировое сообщество и его широкого признания на мировой арене как достойного государства с демократическими основами. Так, внешнеполитический курс нового независимого Азербайджанского государства приобрел четкие очертания: сохранение и укрепление национальной независимости; восстановление террито-

риальной целостности; развитие равноправных взаимовыгодных отношений; установление дружественных отношений со всеми странами.

В ходе реализации намеченного внешнеполитического курса и Концепции национальной безопасности к 2017 г. Азербайджан поддерживал дипломатические отношения со 178 государствами (включая Палестину и Ватикан) и Европейским союзом [3].

Среди приоритетных тенденций Азербайджанской Республики находятся отношения с евразийскими соседями и, в частности, с Российской Федерацией и ее субъектами. Связи Азербайджана с народами Кавказа отличались дружественным отношением и стремлением к сотрудничеству. В начале XX в. Баку являлся центром не только религиозной, духовной и культурной жизни мусульманских народов Кавказа, но и местом сосредоточения этнически разнообразной рабочей силы региона, в нем проживало 999 северокавказцев, в том числе, чеченцы [4]. Баку познакомился с выдающимися чеченцами и ингушами XX в., среди которых просветитель Адил-Гирей Долгиев; этнограф, регионалист и фольклорист Чах Ахриев; государственный педагог Таштемир Эльдарханов; известный композитор и педагог Муслим Магомаев и другие. Дочь Ч. Ахриева, Тамара (Гул-Бахар ханум) Ахриева получила образование в женском академическом институте Святой Нины в Баку, а затем осталась преподавать. В 1911–1915 гг. работала руководителем женского Русско-мусульманского Александровского института [5].

Конец XX в. поставил азербайджанский и чеченский народы перед одинаковыми проблемами: кризис власти, борьба за независимость, вмешательство внешних сил, нефтяные коллизии, война на собственной территории, беженцы и вынужденные переселенцы, разорванные внешние экономические связи, разрушенное народное хозяйство. В период двух военных кампаний на территории Чеченской республики Азербайджан принимал чеченских беженцев. Это были первые годы прихода к власти в Азербайджане Г. Алиева, которому досталась разрушенная республика. Он рассматривал политическую проблему Чечни как внутреннее дело России, а отношение к чеченцам, как гуманитарную помощь [6], поэтому закрывать границу перед чеченскими беженцами, большинство из которых – женщины и дети, не стал. Если по данным переписи 1989 г. в Азербайджане проживало 456 чеченцев, то после проведенной Россией контртеррористической операции их численность возросла до 4700 человек [7]. Беженцам из Чечни была оказана на тот сложный и для Азербайджана постсоветский начальный период посильная помощь: обеспечена безопасность, размещение, предоставлена

возможность учиться (дети школьного возраста могли посещать школу, открытую в Завокзальном районе города Баку специально для них; некоторые вузы принимали на обучение молодежь) и работать. Конечно, жизнь беженцев всегда сопряжена с трудностями, тем более в сложный период 1990-х гг., когда Азербайджан сам находился в тяжелейшем положении, обусловленном распадом СССР, борьбой за независимость, войной, внутренней политической борьбой за власть. Государственная казна Азербайджана была пуста, нефтяные проекты находились в стадии планирования, политическое положение страны было неустойчивым. «Россия, подозревая Баку в оказании помощи чеченским боевикам, фактически закрыла границу с Азербайджаном, прекратив с ним все транспортные коммуникации» [8], что еще более усугубило положение Азербайджана.

Следующий современный виток двухсторонних отношений начался с приходом к власти в Чечне Р. Кадырова. 5 января 2009 г. он с официальным визитом прибыл в Баку. Его визит закрепил существующие дружественные отношения и заложил начало деловым контактам [9]. 26 декабря 2011 г. он направил президенту Азербайджанской Республики И. Алиеву письмо. «Дружественный народ Азербайджана имеет многовековую традицию государственного строительства, развития науки, культуры, искусства, литературы. Творения азербайджанских поэтов, писателей, композиторов, художников стали достоянием всего Кавказа. Современная история республики характеризуется высокими темпами развития экономики, укрепления международного авторитета, продвижения по пути демократических реформ. Особенно приятно наблюдать за укреплением политических и экономических отношений между нашей страной – Россией и Азербайджаном. Я твердо уверен, что в рамках этого процесса есть большое будущее у взаимовыгодного сотрудничества между деловыми кругами Азербайджана и Чеченской Республики. Мы готовы в соответствии с законами Российской Федерации создать благоприятный климат для инвестиций азербайджанских фирм в перспективные проекты нашей республики», – говорилось в обращении [10].

Азербайджанский фонд поощрения экспорта и инвестиций (AZPROMO) 4 апреля 2012 г. провел в Баку презентацию инвестиционных проектов Чеченской Республики. «От притока инвестиций во многом зависит будущее развитие всего региона, – подытожил глава Чеченской Республики – Р. Кадыров, – повышение инвестиционной привлекательности является одной из главных задач органов исполнительной власти». Представленные проекты вызвали интерес и одобре-

ние азербайджанских инвесторов, специалистов в областях нефтепереработки, энергетики, машиностроения; а также в агропромышленной сфере [11]. 15 ноября 2012 г. между Азербайджаном и Чечней было подписано межправительственное соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, которое получило активизацию в результате принятия в 2013 г. Государственной программы «Развитие региональной политики и федеративных отношений в Чеченской Республике на 2014–2020 годы».

В 2018 г. чеченская делегация во главе с Р. Кадыровым вновь посетила Азербайджан. Поздравив дружелюбный чеченский народ с большими успехами в социальной и экономической сферах и, отметив ведущую роль в этих достижениях Р. Кадырова, президент Азербайджанской Республики И. Алиев, сказал, что двустороннее сотрудничество между странами вышло на новый уровень. При этом он подчеркнул важность установления стабильности и мира в Чеченской Республике и Российской Федерации в целом. На основе стратегического партнерства двусторонние отношения между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией продолжают успешно развиваться. И. Алиев сказал, что сотрудничество между Азербайджанской Республикой и северокавказскими республиками Российской Федерации, в том числе Чеченской Республикой, способствует укреплению двусторонних отношений между двумя странами. Президент Азербайджана выразил уверенность, что визит делегации во главе с Р. Кадыровым будет способствовать дальнейшему расширению азербайджано-российских отношений, а также сотрудничеству с Чеченской Республикой. В свою очередь, Р. Кадыров с благодарностью вспомнил поддержку, оказанную ему президентом Г. Алиевым. Он сказал, что планируется открытие сквера имени великого лидера, чтобы увековечить его в Чеченской Республике. И. Алиев также рассказал об уважительном отношении в Азербайджане к А. Кадырову и подчеркнул его особую роль в преодолении трудностей чеченским народом в самые тяжелые годы [12].

Сотрудничество между двумя республиками – Азербайджаном и Чечней – является позитивным фактором в деле достижения мира во всем Кавказском регионе.

Примечания

1. Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики. 23 мая 2007 г. № 2198 URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/30535 (дата обращения: 20.08.2019).

2. Клятва на верность Родине, государству, народу: Речь Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева на инаугурации 10 октября 1993 года. Баку, 1993. С. 46–48.

3. Republic of Azerbaijan ministry of foreign affairs. URL: http://www.mfa.gov.az/en# (дата обращения: 20.06.2019); Президенты Азербайджана и Палестины выступили с заявлениями для прессы. URL: https://en. president.az/articles/2550 (дата обращения: 20.06.2019).

4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Бакинская губерния. СПб., 1905. С. 52–53.

5. Алиева С. Старые и новые очертания азербайджано-чеченских отношений. URL: http://www. turkishnews.com/ru/content/2012/11/19 (дата обращения: 22.06.2019).

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. 52–53.

7. Алиева С. Указ. соч.

8. Расулов М.А. Занятость и рынок труда в Дагестане (1991–2001 гг.). Махачкала, 2005. С. 42–43.

9. Чернявский С.И. Новый путь Азербайджана. М., 2002. 352 с.

10. Рамзан Кадыров: отношения между Чеченской Республикой и Азербайджаном всегда носили дружественный характер. URL: https://aze.az/news_ramzan_kadyirov_otnosheni_84620.html (дата обращения: 21.06.2019).

11. Чечня подпишет инвестиционный договор с Азербайджаном в начале 2012 г.. URL: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/chechnya-podpishet-investitsionnyi-dogovor-s-azerbaidzhanom-v-nachale-2012-goda (дата обращения: 22.06.2019).

12. Президент Ильхам Алиев принял делегацию под руководством главы Чеченской Республики Российской Федерации Рамзана Кадырова. URL: https://azertag.az/ru/xeber/Prezident_Ilham_Aliev_prinyal_delegaciyu_pod_rukovodstvom_glavy_CHechenskoi_Respubliki_Rossiiskoi_Federacii_Ramzana_Kadyrova-1218846 (дата обращения: 23.06.2019); Ильхам Алиев принял делегацию под руководством главы Чеченской Республики России. URL: https://ru.president.az/articles/30888 (дата обращения: 23.06.2019).

13. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 51. Оп. 932. Д. 139. Л. 26, 31.

14. Там же. Д. 9. Л. 12, 20.

15. Морозов М. Торпедоносцы Ильюшина над Чёрным морем // История авиации. 2003. № 2. С. 19.

16. Заблотский А., Ларинцев Р. Потери немецкой авиации на аэродромах (1941–1943 гг.) // Уголок неба: авиационная энциклопедия. URL: http://www.airwar.ru/history/av2ww/axis/germloss4/germloss8.html (дата обращения: 21.07.2019).

17. Сокерин В.Н. Небоевые потери // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2004-07-09/2_pilot.html (дата обращения: 22.07.2019).

РАЗДЕЛ 5. КАВКАЗ КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА КУЛЬТУР

А.В. Броварь

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАВКАЗА В РАЗВИТИИ ЕВРАЗИЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Многовековая история Кавказа как моста между Востоком и Западом для обмена культурными ценностями, налаживания экономических отношений, распространения религий имеет огромное цивилизационное значение в развитии Евразийского континента. Сама евразийская идея как цивилизационная основа объединения географического, этнокультурного и экономического пространства Евразии сегодня является одной из перспективных не только в развитии континента, но и в мировом масштабе, и роль России в этом цивилизационном движении тяжело переоценить. Если ее вклад в мировую цивилизационную основу на протяжении прошлых веков заключался в сохранении и культурном взаимообогащении народов, наполнявших Российское государство, то сегодня к культурному добавился и экономический аспект.

Экономические векторы, проходящие через континент, представляются разнонаправленными, но взаимосвязанными. К ним можно отнести и Шелковый путь, и Арктическую экономическую зону, кроме природных запасов, имеющую огромное значение в морских перевозках, которые в полной мере может обеспечить флот Российской Федерации.

14 мая 2017 г. президент России Владимир Путин во время выступления в Пекине на церемонии открытия Международного форума «Один пояс – один путь», посвященного китайским проектам «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской путь XXI века», сообщил, что «инфраструктурные проекты, заявленные в рамках ЕАЭС и инициативы “Один пояс – один путь” в связке с Северным морским путем способны

создать принципиально новую транспортную конфигурацию Евразийского континента… Россия видит будущее евразийского партнерства не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни» [1].

В апреле 2019 г. российский президент во второй раз, принимая участие в том же форуме в Пекине, акцентировал внимание во время выступления на том, что «концепции большого евразийского партнерства и “Одного пояса – одного пути” имеют общие корни, основываются на понятных всем принципах и ценностях: естественном стремлении народов жить в мире и согласии, иметь свободный доступ к достижениям современной науки и инновационного развития, при этом сохраняя свою культурную и духовную самобытность. Другими словами, нас объединяют действительно стратегические, долгосрочные интересы» [2].

Экономическое целостное развитие континента зависит от политической воли государств. Умение и желание сотрудничать приносит положительные плоды – Китай, Индия, многие страны Европы, Азии, обоих американских континентов, являясь экономическими партнерами РФ, в полной мере понимают важность и значимость таких отношений. Вданной системе рассматривается комплексный подход в построении отношений как между стратегическими партнерами, так и в целом между государствами континента. Россия сегодня, невзирая на санкции, русофобию, выполняет свое великое предназначение – выступает одновременно в качестве тонкого дипломата и великого миротворца, преследуя единственную цель: созидательное экономико-культурное развитие при участии всех государств континента. И роль Кавказа в этом развитии является ключевой.

Миграционно-цивилизационные процессы на Кавказе внесли свой вклад в формирование общественных отношений на пространстве от Центральной и Южной Европы до Средней Азии и Дальнего Востока. Ряд государств, в том числе и древние: Урарту, Византия, Сасанидская Персия, Армения, Кавказская Албания, Великая Булгария, Хазарский каганат, Порта, Киевская Русь и многие другие – находились на территории Кавказа или имели культурно-экономические и государственно-политические связи с Кавказом [3].

Развитие общественно-государственных отношений на Кавказе было достаточно сложным, так как данный регион на протяжении всей своей истории являлся пограничьем между империями – сначала Визан-

тией и иранской империей Сасанидов, а со временем Российской и Османской империями. Позже он стал территорией, за влияние на которую боролись многие мировые государства [4].

Российское государство на протяжении всего своего существования, несмотря на определенные сложности в освоении Кавказа, смогло добиться стабильности на данной территории, устранив междоусобные противостояния. Как пример можно рассматривать просьбу правителей Грузии, которые считали, что у них нет другого выхода защиты от Ирана и Турции, как принести присягу русскому престолу в начале XIX в., сохранив грузинский народ от уничтожения, разорения и ассимиляции. Это было закреплено Александром I в высочайшем манифесте 12 сентября 1801 г., определяющем статус Грузии в составе Российской империи: «Божией милостью, Мы, Александр Первый, объявляем всем обитателям царства Грузинского, кому о том ведать надлежит. Покровительство и верховная власть Российской империи над царством Грузинским всегда налагали на монархов российских и долг защиты… Окружающие вас хищные народы готовы были напасть на царство ваше и ненаказанно растерзать его остатки… Вступление войск наших приостановили гибель вашу, устрашив всех хищников, наполняющих горы Кавказские. Затихли крамолы посреди вас, и все вы единодушно и торжественно воззвали власть российскую управлять вами непосредственно… Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и так уже обширнейшей в свете империи приемлем Мы на себя бремя управления царства Грузинского» [5].

В результате Октябрьского переворота в России, на Кавказе снова вспыхнули противостояния не без помощи и участия иностранных государств, которые остались верны себе на протяжении всей истории вхождения Кавказа в состав Российского государства. Причиной данной заинтересованности стало стратегическое значение Кавказа, который является южными вратами России в Среднюю Азию [6].

В конце XIX в. роль экономического и стратегического развития Кавказа выросла в связи с разработкой и добычей нефти. В этот период бакинские нефтепромыслы являлись основным местом добычи нефти в Российской империи, что не оставляло равнодушными как ее противников, так и союзников в будущей Первой мировой войне [7]. И ни те, ни другие уже в конце 1930-х – начале 1940-х гг. не желали укрепления и развития советского государства в целом и Кавказа в частности. Это объяснялось политическим противостоянием и подтверждало значение Кавказа как одного из центров мира, развитие или

упадок которого укрепил бы или ослабил одну из сторон в глобальном противостоянии.

Начало Великой Отечественной войны в 1941 г. поставило на хрупкую грань сохранение мировой цивилизации от чудовищной по своей разрушительности силы фашизма, которому могла противостоять только Россия, со всей своей культурной, этнической и конфессиональной многогранностью. Тяжелые предвоенные десятилетия, начиная с Первой мировой и Гражданской войн, и их последствия практически разрушили до основания не просто многовековой социально-культурный и экономический уклад государства, – стали причинами катастрофических потерь населения. В Великой Отечественной войне Кавказ снова выступает как один из ключевых стратегических регионов страны, а также является важнейшей сырьевой базой СССР, как природной, так и продовольственной.

Весной 1942 г. перед немецко-фашистскими войсками стояла задача лишить СССР основных экономических баз на юге страны и, главное, овладеть кавказской нефтью, именно поэтому основные силы врага сосредоточились на южном участке советско-германского фронта.

В ходе обороны Кавказа и наступления советских войск на Северном Кавказе в 1943 г. врагу был нанесен огромный урон, выражавшийся в уничтожении сотни тысяч немецких солдат и офицеров, а также тысячи самолетов, орудий, сотни танков и другой техники [8]. После окончания Второй мировой войны и восстановления государственных границ и территории СССР влияние на Кавказе продолжало оставаться одной из приоритетных целей иностранных государств, в том числе с позиции дестабилизации СССР, который оказал большое влияние на изменение геополитической обстановки в мире, в первую очередь в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии.

Образование на Кавказе новых государств из числа бывших советских республик существенно изменило расстановку сил в регионе, что в свою очередь привело к политическим кризисам и проблемам, от решения которых зависит развитие взаимоотношений как между различными восточными странами, так и между Востоком и Западом. Ошибки в принятии решений в вопросах государственной политики в 1980-е и начале 1990-х гг. привели к многолетнему кризису и вооруженным конфликтам на Кавказе.

Процесс восстановления экономики, а также мира и согласия в регионе очень непрост. Войны физические завершились, но информационные усилились. Акторы, которые пытаются использовать в своих це-

лях Кавказ, при этом они не являются странами региона, в основном преследуют свои глобальные цели, оставаясь при этом безучастными к рискам, возникающим в результате их деятельности. Их не заботит участь народа, который они используют в своих интересах.

На сегодняшний день в Кавказском регионе существуют определенные территориальные и социально-экономические проблемы, возникшие после распада Советского Союза и оставшиеся по прошествии фактически трех десятилетий частично или полностью не разрешенными. Российская Федерация является главным гарантом мира и стабильности в регионе, прикладывает максимум усилий для разрешения конфликтов и оказывает необходимую консультативную, гуманитарную и материальную помощь, проводя взвешенную внутреннюю и внешнюю политику, учитывая культурные, конфессиональные и национальные интересы [9].

Перспективы будущего развития Кавказа напрямую зависят от взаимопонимания, взаимоуважения сторон, готовности идти на уступки друг другу, так как конфликтность, в частности русофобия, приводит к критическим результатам, которые в первую очередь вредны самим акторам международных отношений. Взвешенная политика, компромиссы должны являться основой государственного и регионального развития.

Призывы невмешательства иностранных государств в дела Кавказа, как правило, остаются неуслышанными, поэтому остается острая необходимость в создании единого коллективного центра безопасности по Кавказу с участием всех признанных, частично признанных и непризнанных государств региона для разработки общих правил взаимоотношений, взаимного развития и согласованности действий.

Примечания

1. Международный форум «Один пояс – один путь» // Президент России: официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491 (дата обращения: 22.07.2019).

2. Князева О. Проект «Шелковый путь» обсудили с участием Владимира Путина на международном форуме в Пекине // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2019-04-26/364266-proekt_shelkovyy_put_obsudili_s_uchastiem_vladimira_putina_na_mezhdunarodnom_forume_v_pekine (дата обращения: 22.07.2019).

3. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи / пер. с англ. А.Н. Коваля. М., 2012. С. 13

4. Там же. С. 12; Жуков К.А. Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII – начале XX в. // Вестн. Санкт-Петербургского

университета. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2009. № 2. С. 10–22; Виноградов В.Н. Османская империя и Россия. XVI – конец XIX века // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 98–121.

5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. 1. Тифлис, 1866. С. 432–433.

6. Магомедов Н.А. Происки иностранных государств по усилению антироссийской деятельности на Северо-Восточном Кавказе во второй половине XVIII – начале XIX вв. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. 2018. № 1. С. 33–43.

7. Герман А.А. Первая мировая война и Россия (о некоторых уроках событий вековой давности) // Изв. Саратовского университета: Новая серия. Сер. «История. Международные отношения». 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 23–34.

8. Безугольный А.Ю. Битва за Кавказ // Министерство обороны РФ. URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11609470%40cmsArticle (дата обращения: 22.07.2019).

9. Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России: [официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 22.07.2019).

М.Р. Гасанов

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И ГРУЗИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Освещение взаимоотношений народов Дагестана с народами Кавказа имеет важное значение как в научном, так и в практическом отношении. Народы Дагестана на всех этапах исторического развития поддерживали разносторонние отношения с Грузией. В XVIII – начале XIX в. в дагестано-грузинских отношениях начался новый этап.

Дагестанские горцы находились в наиболее тесных отношениях с населением Кахетии. Основную роль в них играли пути, пролегавшие через перевалы Главного Кавказского хребта по маршрутам: Анди – Ботлих – Агвали – Цумада – Нижний и Верхний Хваршини – Цихалак – по р. Андийское Койсу – Хушет – Дикло – Омало – по р. Тушетское Алазани – Дзрдзурта-Гули по р. Джута – Казбеги; Бежта – Кидеро – Хупри – Кодорский перевал – по р. Инцоба – через горы Кватхвистави и Херхмели, затем Магалы – Алмати – Греми – Шакриани – Напареули;

Тлярата – Кутли – урочище Химрик – хребет Мехал – Гори – поляна Верхнее Миндори – поляна Насмари – Петричи – Вакири – Сигнахи; Казикумух – по р. Казикумухское Койсу – перевал Лаказану – хребет Дюльты-даг – Сала-даг – Гудурдагский перевал – Закаталы; Ахты – верховья Самура – Салаватский перевал – Сарибаш – Елису-Ках. Эти дороги были кратчайшими и наиболее удобными для общения населения Дагестана и Грузии [1].

Дорога от Хунзаха в Тифлис шла через горы. В долине Орицкали Дидойского общества сходились все дороги, которые вели из Дагестана в Грузию. Кахетия являлась житницей для горцев западного Дагестана. А население Восточной Грузии нуждалось в изделиях дагестанских мастеров.

Во внешней торговле Дагестана и Грузии, помимо хлеба, преобладали ткани, бурки, сукно, бумажное полотно, шелк, масло, медь, свежие и сушеные фрукты, вина и и пр. Дагестанские горцы в Кахетии приобретали хлопчатобумажные и шелковые ткани, металлические изделия, импортные товары. В наиболее тесных связях с Грузией находились аварцы, лакцы, цахуры. Они вывозили из Кахетии необходимые изделия, продукты. О крайней необходимости экономических связей для населения Дагестана и Кахетии свидетельствуют многочисленные прошения горцев. С целью обмена ремесленными изделиями дагестанские горцы отправлялись в различные грузинские села и города. В Грузии большим спросом пользовались шерстяные изделия дагестанских мастеров – бурки, сукна, шали, обувь. Производством их занимались жители целых обществ. Количества сукна, ввозимого в Грузию, было достаточно, чтобы обеспечить одеждой всех жителей этой страны. Кроме того, ввозили оружие, деревянные изделия дагестанских мастеров. Так, горцы западного Дагестана из дерева делали корыта, улья, а из ветвей – корзины, и всё это продавали в Сигнахи, Телави и других населенных пунктах Кахетии [2].

Тесные связи установились между скотоводами Дагестана и Кахетии. Свой скот жители дагестанских обществ зимой пасли в Алазанской долине и сами же здесь проживали. На зимних пастбищах в Кахетии дагестанские горцы строили жилые помещения, обрабатывали прилегающие к ним земельные участки, изготовляли предметы домашнего обихода. В определенное время года жители Кахетии держали скот в дагестанских горах.

В развитии экономических связей дагестанских горцев с грузинами большую роль играло отходничество. Западнодагестанские горцы — ди-

дойцы, анцухцы, капучинцы, цахуры и др. – в Кахетии выполняли различные работы: трудились на виноградниках, убирали урожай, строили помещения и пр. Большое число отходников составляли кустари-ремесленники. Они делились на отходников-стационаров и на тех, которые работали в определенные сезоны года. Мастера из дагестанских селений со своими инструментами переходили из аула в аул. Находясь в Кахетии, дагестанские горцы заимствовали навыки возделывания различных культур. Об этом свидетельствует языковой материал. В некоторые языки Дагестана вошли термины из грузинского языка [3].

Взаимовлияние горцев Западного Дагестана и Кахетии прослеживается также в области материальной культуры. Например, тушинская обувь делалась по образцу обуви дагестанских народов. Одежда, украшения цахуров имели большую близость с одеждой кахетинцев. О взаимопроникновении культур Дагестана и Восточной Грузии говорят архитектурные особенности построек: башен, крепостей, типов жилищ.

Султанская Турция и шахский Иран проводили политику натравливания одних кавказских народов на другие [4]. С целью разобщения народов турецкие и персидские завоеватели инспирировали выступления некоторых дагестанских владетелей против Грузии. Ираклий II писал, что «дагестанские старшины и азербайджанские ханы, которые находились с нами в дружеских отношениях, теперь стали нашими врагами». И далее Ираклий II пишет, что «дагестанские и азербайджанские ханы объединились против Грузии по диктовке турецкого султана» [5]. Одна из причин набегов коренилась не только в подстрекательской политике Турции и Ирана, но и в социально-экономическом и политическом развитии Дагестана и Грузии. Захватнические набеги и столкновения и в данный период были не односторонними, их совершали правители Дагестана и Грузии. От набегов грузинских феодалов особенно страдали анцухцы и капучинцы. В донесениях чиновников говорилось о необходимости «укоротить дерзость грузин» по отношению к дагестанским горцам. Результатом набегов являлось то, что из Дагестана увозили людей и угоняли скот. Частыми были набеги и из Дагестана на Грузию. Помимо набегов отдельных групп, во второй половине XVIII в. дагестанские феодалы предприняли ряд крупных походов. В 1752–1753 гг. аварский Нуцал-хан во главе значительных сил двинулся на Грузию, но, потерпев поражение, вынужден был вернуться обратно. Чтобы отомстить, летом и осенью 1754 г. Нуцал-хан с помощью остальных дагестанских владетелей выступил против Ираклия II. Войска Нуцал-хана осадили Кварельскую крепость [6].

В 1780-х гг. происки на Кавказе усилила и султанская Турция. Она по-прежнему склоняла на свою сторону отдельных дагестанских владетелей. Аварскому Умма-хану турецкий султан назначил «жалование» 500 турецких пиастров ежегодно. В 1785 г. Умма-хан с 20-тысячным войском вторгся в Грузию. Рядовые горцы, составляющие подавляющее большинство ополченцев, высказывались против похода на Грузию. Тем не менее Умма-хан продолжал совершать походы на Грузию. Итогом походов явился договор Умма-хана с Ираклием II. Согласно договору, грузинский царь обязывался платить владетелю Аварии ежегодно 5 тыс. руб. [7].

Взаимоотношения народов Дагестана с Грузией развивались на основе растущего сближения горцев Кавказа с Россией.

В конце XVIII в. нашествие Ага-Мухаммед-хана на Кавказ угрожало всем народом региона. После прихода к власти он открыто заявил о своем намерении покорить их. Свободолюбивые народы Кавказа – грузины, азербайджанцы, армяне, дагестанцы и другие – повели самоотверженную борьбу с захватчиками. Владетели Дагестана – шамхал Тарковский, уцмий Кайтагский, кадий Табасаранский и др. – единодушно отклонили требования персидского завоевателя о покорности.

Феодалы были организаторами набегов, о которых создавались специальные песни. В них воспевались грабеж, разбой, кровопролитие между народами. Во многих разбойничьих песнях о набегах центральной фигурой выступает феодал [8]. Организаторы набегов часто прибегали к угрозам. Нередко сами феодалы Грузии, выступавшие против своих противников, также вовлекали дагестанских феодалов в междоусобную войну.

Феодальные набеги, столкновения причиняли большие бедствия населению Дагестана и Грузии. Набеги и войны сурово осуждались рядовыми горцами. Целые дагестанские общества принимали на себя обязательства не совершать набеги и предотвращать их, если это будет иметь место со стороны других обществ. Об осуждении набегов народными массами свидетельствуют произведения устного народного творчества – пословицы, поговорки, песни. Во многих лирико-эпических песнях, созданных простым народом, о набегах упоминается в связи с трагической гибелью мужей, братьев, отцов, насильно взятых ханами. Эти песни являются своеобразными плачами, выражающими горе народа, угнетенного феодалами. В таких песнях народ выражает недовольство военно-разбойничьими походами, подчеркивая насильственный характер мобилизации горцев. В дагестанских песнях осуждаются и грузинские правители, которые призывали горцев для участия в междоусобицах и набегах.

Не феодальные распри определяли направление дагестано-грузинских взаимоотношений. Отношения между правящей верхушкой Дагестана и Грузией не всегда были враждебными, в основном они оставались мирными, добрососедскими. В описываемое время было немало случаев, когда владетели Дагестана поддерживали дружественные отношения с грузинскими царями. Известны и примеры совместной борьбы народов Дагестана и Грузии против иноземных завоевателей.

О постоянной необходимости для дагестанских горцев экономических связей с соседними народами свидетельствует тот факт, что горские земли могли прокормить местных жителей только лишь несколько месяцев и то при хорошем урожае, остальное время они питались в Кахетии.

Феодальные правители Дагестана неоднократно обращались к князю Цицианову относительно разрешения дагестанскому населению ездить в Грузию для торговли. Заинтересованность правителей Дагестана и Грузии в сохранении и расширении торгово-экономических связей следует объяснить нуждой обеих сторон в тех или иных изделиях, товарах, предметах домашнего производства.

С целью обмена изделиями, продуктами животноводства дагестанские горцы отправлялись в грузинские села и города целыми группами. О размерах дагестано-грузинских торгово-экономических связей свидетельствуют составы караванов, следовавших из Дагестана в Грузию.

Однако царские чиновники всячески препятствовали развитию дагестано-грузинских взаимоотношений. В арсенале многообразных форм «усмирения» дагестанских горцев немалое значение имела экономическая блокада. Закрытие проходов из Дагестана в Грузию, запрещение торговых связей отрицательно сказывались на экономическом состоянии горцев.

В начале XIX в. продолжался процесс переселения дагестанских горцев в Кахетию. В отдельных дагестанских владениях жили и грузины. Так, например, в султанстве Елисуйском наряду с цахурами жили и грузины, которые были обращены в мусульманство.

Большой интерес представляет вопрос о связях животноводов Дагестана и Грузии. Поскольку одним из основных занятий дагестанских народов и горных жителей Грузии являлось скотоводство, в частности, овцеводство, и обе стороны нуждались в пастбищах (одна сторона – в летних, другая – в зимних), установились тесные связи между животноводами Дагестана и Восточной Грузии.

Вместе с тем надо отметить, что развитию дагестано-грузинских экономических связей мешали раздробленность Грузии и Дагестана и междоусобные войны.

В целом торгово-экономические связи народов Дагестана и Грузии носили регулярный характер, они отражали интересы дагестанского и грузинского населения. На связи дагестанцев с грузинами в области духовной культуры указывают произведения устного народного творчества и двусторонний процесс заимствования лексики из этих языков – грузинского и дагестанских (в частности аварский, цахурский). Вместе с тем политические отношения Дагестана и Грузии развивались неравномерно, в сложной обстановке, прерывались из-за набегов и столкновений. На дагестано-грузинских отношениях отрицательно сказывался и религиозный фактор, использовавшийся Турцией, Ираном и царизмом и правящими классами в целях разжигания вражды между народами.

Примечания

1. Гасанов М.Р. История Дагестана с древности до конца XVIII века. Махачкала, 1997. С. 166; Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России: (проблемы, поиски и этюды). Махачкала, 2004. С. 234–254.
2. История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 386.
3. Халилов М.Ш. Грузино-дагестанские языковые контакты. М., 2004. С. 205.
4. Вахушти Б. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976. С. 117.
5. Центральный исторический архив Грузии. Ф. 1449. Д. 2795. Л. 283.
6. История Грузии: учеб. пос. Т. 1. Тбилиси, 1962. С. 361.
7. Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии. СПб., 1802. С. 25.
8. Далгат У.Б. Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962. С. 145.

Д.С. Васькина

КАЛМЫКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В 1788 г. калмыцкий Дербетовский улус был поделен на Большедербетовский и Малодербетовский. Причиной деления улуса явился внутренний раздор между его наследниками после смерти старшего нойона дербетов Цебека-Убуши. Для решения данного вопроса предлагалось избрать владельца из двух братьев, претендовавших на место хозяина улуса. Сторонниками старшего брата были нойоны Хапчуко-

вы, они составляли Большедербетовский улус, а сторонниками младшего брата являлись нойоны Тундутовы, они образовали Малодербетовский улус. Таким образом, улус был поделен на две части. Границы их кочевий определялись по р. Маныч. Большедербетовский улус находился в пределах Маныча, а Малодербетовский остался кочевать в Ергенях [1]. Однако в конце XVIII в. произошли новые осложнения в их взаимоотношениях. В 1799 г. были избраны владельцы обоих улусов: Большедеретовский улус возглавил младший брат Екрема Габун-Шарап, а нойоном Малодербетовского улуса стал двоюродный брат Бабула Чучей Тундутов [2].

14 октября 1800 г. грамотой императора Павла I владелец Малодербетовского улуса был утвержден новым наместником калмыцкого народа и в знак назначения получил в подарок знамя, саблю, панцирь, соболью шубу [3]. В этот период был восстановлен суд Зарго, поэтому данный указ формально означал восстановление Калмыцкого ханства (однако власть наместника была ограничена). 13 июля 1802 г. состоялась церемония объявления Чучея Тундутова калмыцким наместником [4].

В начале XIX в. император Александр I подтвердил грамоту Павла I, данную калмыкам, но несколько ограничил власть наместника ханства, путем подчинения его астраханскому военному губернатору. Следует отметить, что царским правительством ввелась должность главного пристава, который выполнял функции посредника между калмыцким народом и царским правительством. Главный пристав относился к Коллегии иностранных дел. Фактически должность главного пристава подразумевала повседневный надзор за деятельностью наместника ханства и других калмыцких владельцев. Частные приставы, которые находились в подчинении главного пристава, назначались в каждый улус для несения полицейских обязанностей.

23 мая 1803 г. Чучей умер, после царское правительство ликвидировало наместничество, так как оно не оправдало себя. Наместник, не имея реальной власти, не сумел навести порядок в калмыцких улусах.

В связи с тем, что от калмыков поступало множество жалоб на наместника Зарго и главного пристава, которые Государственная коллегия иностранных дел по причине отдаленности не имела возможности должным образом расследовать, 26 октября 1803 г. последовал указ, в котором говорилось о передаче улусов в управление Астраханскому военному губернатору [5]. В 1805 г. Дербетовский улус, на основании свободного народного волеизъявления, был окончательно разделен на Большедербетовский и Малодербетовский.

Оба дербетовских улуса административно подчинялись Астраханской губернии. Первым законодательным актом, утвержденным 19 мая 1806 г., надолго определившим границы кочевий калмыков, ногайцев и туркменов, стало «Положение об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской и Кавказской». В данном положении отмечались границы кочевий от реки Волги, Каспийского моря и реки Кума до селения Владимировка и селений Чупурникова и Цацы, в Саратовской губернии. Примечательно то, что калмыкам Дербетовского улуса из-за его многочисленности разрешалось кочевать и за Манычем, по реке Калаус до Большого Егорлыка. По мнению некоторых исследователей, река Калаус была границей между калмыками и другими кочующими народами магометанского исповедания [6].

Большедербетовский улус был одним из первых улусов, перешедших постепенно от кочевого образа жизни к оседлости. С. Фарфоровский указывает, что процесс оседлости задерживался тем обстоятельством, что земельные права калмыков положением от 19 мая 1806 г. были плохо урегулированы. Вспоминая это положение, нужно отметить, что в пункте 1 рассматриваются места и границы, назначенные для общего кочевья калмыцкого народа. Из данного положения видно, что, обеспечив права калмыков на кочевку в известных границах степного пространства, правительство, в то же время и тем же положением, не дало им права на отъемлемое, исключительное владение землей, отведенной под кочевья. Напротив, оно в ясно выраженной форме лишь позволяло калмыкам Большедербетовского улуса кочевать в указанных им местах, но не присваивало им прав собственности на эти места. Комиссия, образованная для наделения калмыков землею, приблизительно назначала места и границы для кочевий, не отделив калмыков Ставропольской губернии от Астраханской, позволила по калмыцким землям кочевать туркменам и ногайцам. Для летнего и зимнего кочевья было отведено Большедербетовскому улусу 872 304 дес. 812 кибиток со 145 650 головами скота [7]. 14 июня 1809 г. был официально утвержден царским правительством указ о разделении Дербетовского улуса. К владельцу Большедербетовского улуса Габун-Шарапу отошло 603 кибитки (семьи) [8].

В 1834 г. было издано «Положение об управлении калмыцким народом». Оно, в отличие от предыдущего Положения 1806 г., более четко рассматривало права калмыков: «Калмыки, кочующие в губерниях Астраханской и Ставропольской, находятся под покровительством общих законов Империи, наравне с прочими подданными» [9]. Двенадцатилетний опыт, после издания положения 1834 г., показал необ-

ходимость в изменениях и дополнениях положения об управлении калмыцким народом.

В 1847 г. были произведены таковые «Высочайшие утвержденным Положением об управлении калмыцким народом». Этим положением было определено, что вся земля, занимаемая калмыками под их кочевья, считается принадлежащей Министерству государственных имуществ, а калмыкам она отводится только во временное пользование, без прав собственности на нее. Таким образом, если калмыки оставляли земли по каким-либо причинам, то на этих землях могли располагаться другие, так как они не являлись собственниками земли. Но при этом было установлено право сдачи земли в аренду путем торгов при улусном управлении. Также по данному положению предоставлялись дополнительные правовые нормы для введения калмыцкого народа в общероссийское управление [10].

В 1849 г. в Калмыцкой степи, в черте Ставропольской губернии были устроены восемь станиц: Дивная, Дербетовка, Винодельная, Предтеченская, Величавая, Урожайная, Рогули, Пробитый Колодец. В результате заселения кочевий Большедербетовского улуса огромным количеством выходцев из различных губерний России и Украины были образованы богатейшие уезды Ставрополья – Медвеженский и Новогеоргиевский. Нужно отметить, что ко времени образования села Эсто-Хагинского из 2 100 000 десятин Калмыцкой степи Большедербетовского улуса кочевникам осталась только ее четвертая часть.

В то время все калмыцкие улусы входили в состав Астраханской губернии. Но в связи с тем, что население Большедербетовского улуса постоянно кочевало на территории Ставропольской губернии между реками Егорлык, Калаус и Маныч, Ставропольская администрация ходатайствовала перед царским правительством о передаче калмыков Большедербетовского улуса в административное подчинение Ставропольской губернии.

Чтобы решить вопросы между администрациями Астраханской и Ставропольской губерний по отношению к калмыцкому населению, царское правительство в 1860 г. приняло решение: Большедербетовский улус в составе восьми аймаков подчинить Ставропольской губернской администрации. Улусное административное управление калмыцкого населения располагалось в селе Ивановка Медвежинского уезда [11].

Таким образом, ко второй половине XIX в. Большедербетовский улус стал единственным калмыцким улусом, не входившим в состав Астраханской губернии, поэтому в дальнейшем он в большей степени подвергся изменениям во всех сферах жизни калмыцкого народа.

Примечания

1. Аксенов И.Ч. Становление и развитие калмыцкой государственности и права в XVII–XIX вв.: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01002731119#?page=1/defaultx.asp (дата обращения: 15.07.2019).

2. Там же.

3. Эрдниев У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд. Элиста, 1985. С. 110.

4. Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. М., 1967. С. 235–243.

5. Административно-территориальное устройство Ставрополья с конца XVIII века по 1920 год. Справочник. Ставрополь, 2008. С. 248.

6. Хроника административно-территориальных изменений, коснувшихся Ставрополье с 1785 года по настоящее время // Stavropolgid.ru. URL: http://stavropolgid.ru/knigi/stavropol-i-ego-okrestnosti/2123-hronika-administrativno-territorialnyh-izmenenij-kosnuvshihsja-stavropole-s-1785-goda-po-nastojaschee-vremja (дата обращения: 15.07.2019).

7. Мякинин А.В. Земельные отношения у калмыков Большедербетовского улуса Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 70. С. 243.

8. Хроника административно-территориальных изменений …

9. Очерки истории Калмыцкой АССР ... С. 235–243.

10. Аксенов И.Ч. Указ. соч.

11. Мякинин А.В. Указ. соч. С. 243.

А.Д. Панеш, К.Г. Ачмиз

АДЫГИ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

История включения западных адыгов в политическую и социально-экономическую систему Российской империи и последовавший за этим период их адаптации к новым историческим условиям, вне всякого сомнения, относится к наиболее сложным проблемам северокавказской историографии. Во многом именно поэтому она остается в ряду наиболее идеологизированных проблем. Следует отметить, что это был период

переустройства горского быта, натиска на сложившиеся веками традиции и порой их болезненной ломки. Тем не менее, преодолевая влияние различных факторов, объединенными усилиями историков удалось не только ввести в научный оборот значительный корпус источников, но и воссоздать общую картину инкорпорации адыгов в общеимперскую государственную систему.

Исследование исторических судеб адыгов, оставшихся на исторической территории после завершения продолжительной и изнурительной Кавказской войны, не может проводиться вне изучения основных тенденций общественно-политического развития Российской империи. Только всесторонний анализ особенностей включения адыгов Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи позволит с максимальной полнотой выявить характер трансформационных процессов, имевших место на присоединенной территории во второй половине XIX в.

Следует отметить, что именно во второй половине XIX в. сформировался современный ареал расселения адыгов-черкесов на Северо-Западном Кавказе. Указом от 8 февраля 1860 г. территория правого крыла Кавказской линии была переименована в Кубанскую область, в пределах которой были расселены адыги.

Источники XIX в. содержат более или менее точные сведения о послевоенной численности адыгов. Так, по архивным данным, на начало 1865 г. в Кубанской области насчитывалось 106 798 черкесов [1], по другим источникам, в пяти горских военно-народных округах Кубанской области на конец того же года проживало 71 775 чел. [2]. По сведениям Венюкова, «между Кубанью и Белой адыгов осталось не более 8000 человек: абадзехи по Белой, беглые кабардинцы на левом берегу Лабы и Ходзя, темиргоевцы на Лабе, около станиц Темиргоевская и Воздвиженская, хатукаевцы в низовьях Белой, по правому берегу, бесленеевцы в низовьях Зеленчуков и Урупа» [3].

С окончанием военных действий территория Северо-Западного Кавказа постепенно втягивалась в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и культурных связей. В процессе освоения новой территории российская администрация столкнулась с массой сложных задач.

В первую очередь, это относится к созданию системы управления. Несмотря на усилия правительства привлечь к управлению компетентных людей, «в качестве правителей и устроителей жизни черкесов» прибыли из России не самые лучшие представители русского чиновничества. С первых же дней управления дали себя знать классические черты

чиновничьей системы, функционировавшей в тот период в самодержавной России [4].

Столкнувшись с целым рядом проблем, местная администрация начала осознавать, что формировавшийся веками «этнический и культурный мир народов этого региона не способен “стать русским” и будет требовать особого подхода» [5]. К сожалению, вместо использования веками наработанных систем управления был избран путь изменения порядка общественных связей адыгов, разрушения традиционной модели общества. Массовая миграция, переселение с гор на равнины, разрушение хозяйственных связей, разделение по военным округам кардинально меняли условия жизни адыгов Кубанской области. Адаптация к новым историческим условиям проходила болезненно, на первый план выдвигалась проблема выживания, сохранения основ традиционного образа жизни. В неимоверно трудных условиях адыги стремились сохранить язык, веру, традиции и обычаи.

Ситуацию на Северо-Западном Кавказе осложняла непродуманная политика властей, сущность которой состояла в том, чтобы переселить оставшихся на родине адыгов на Прикубанские плавни, а их территории заселить казачьими станицами. Выселенные на плоскость адыги были лишены возможности свободно размещать свои хозяйства на земле. О разрушении экономики и культуры местного народа писал в 1884 г. русский журналист Я.В. Абрамов: «Места, прежде занятые многочисленным горским населением, пустуют до сих пор, прекрасные нивы и луга, буквально созданные руками человека на голых скалах, заросли мелким колючим кустарником и совершенно пропали для культуры. Богатейшие сады и виноградники заросли дикими деревьями и погибли» [6]. Основы традиционной хозяйственной деятельности были подорваны основательно. Об этом с горечью писал историк П.С. Личков. «Кровавая война изгнала и уничтожила горцев, в корень разрушила их культуру, искусственные каналы заросли и засорились, стоившие много труда искусственные террасы осыпались, обширные сады и прекрасные виноградники частью вырублены во время войны и в период заселения страны русскими, частью одичали и так обросли другими плодами деревьев, что теперь уже трудно определить, где кончается перевитая дикой виноградной лозой лесная чаща и где начинается бывшее культурное насаждение» [7]. И это все происходило на глазах тех, кто остался на своей исторической родине.

Казаки и переселенцы, оказавшись в непривычных природно-климатических условиях, испытывали огромные трудности. Один из

современников описываемых событий, французский военный советник А. Фонвилль так описывает плачевное состояние Черноморской губернии: «Давно ли, 40 с небольшим лет здесь, в горах, была блестящая черкесская культура, плодами которой мы, к сожалению, не воспользовались и не сохранили, не поддержали того опыта, который эти люди оставили нам в наследие» [8].

Положение осложнялось еще и тем, что включение народов Северного Кавказа в социально-экономическую, административно-политическую и культурную среду России совпало с проведением в стране реформ. Ключевым для российской политики на Северном Кавказе с этого времени становится вопрос о соотношении систем власти и управления в регионе с процессами преобразования местных обществ [9]. Эпоха реформ в России стала наглядным воплощением кардинальных изменений в государственном организме страны.

Для местной администрации основной проблемой становится органичное включение Северного Кавказа в процессы российской модернизации. Однако народы Северо-Кавказского региона оказались вовлеченными в этот процесс несколько преждевременно [10].

Весьма непросто решался крестьянский вопрос. Наделяя крестьян землей, местные власти проводили перераспределение земельного фонда в пользу знати, показавшей свою лояльность России. В то же самое время в центральной России перераспределение помещичьей земли было заменено выкупными платежами в пользу помещика.

Одновременно проводилась административная реорганизация Северного Кавказа. Вводилась система военно-народного управления, предполагавшая раздельную администрацию для гражданского, казачьего и горского населения. Реформировалась также и судебная система, в ходе этих преобразований правительство намеревалось «дать народу такой суд, который, будучи сообразен с его понятиями и обычаями, давал бы возможность постепенно, без неудобств для народа, перейти со временем к решению всех дел на основании общих законов империи» [11].

В 1870–1871 гг. военно-народное управление на Кубани было заменено гражданской администрацией, что вполне соответствовало общей установке российского правительства, направленной на введение имперской административной системы. Адыги, став частью российской имперской системы, переживали масштабную и сложную трансформацию. Они отстаивали традиционный образ жизни как особый опыт общественного развития [12].

Весьма емкую характеристику особенностей колониального управления на Северном Кавказе дает К. Хетагуров: «Новые властители Северного Кавказа, к сожалению, не вполне поняли правовые и бытовые особенности завоеванных племен и решили сразу применить к ним такие государственные нормы, к восприятию которых они решительно не были подготовлены предшествовавшей своей историей. На независимого, свободолюбивого, храброго и воинственного туземца решили без всякой предварительной подготовки наложить бремя, о котором он ранее не имел ни малейшего понятия. Это и послужило одной из главнейших причин несогласий, установившихся между победителями и побежденными» [13].

Местная администрация понимала, что для освоения завоеванных земель нужны были особые механизмы интеграции. На первый план выдвигалось расширение пространства христианизации. Решение этой задачи было сопряжено со многими трудностями. Во-первых, расширение влияния христианства путем борьбы с религиозными верованиями мусульман не было перспективным. Во-вторых, без учета исторического опыта взаимоотношений России с мусульманами невозможно было создать благоприятную межконфессиональную атмосферу в регионе. Следует отметить, что в XIX в. в российском обществе явственно проявлялся интерес к мусульманскому миру. В 1848 г. были изданы «Письма о магометанстве» замечательного русского духовного писателя, церковного историка и общественного деятеля А.Н. Муравьева. Письма были рассчитаны на православных миссионеров, подвизавшихся в губерниях Российской империи, населенных преимущественно мусульманским населением. По мнению автора, особого внимания заслуживали люди, кто по своему образованию сделались «совершенно русскими», а по вере оставались магометанами [14].

В правительственных кругах были разработаны интересные проекты, направленные на регулирование исламских традиций. Но они не учитывали главного: вместо выработки рекомендаций по межконфессиональному сотрудничеству они в конечном счете были направлены на воспитание определенного слоя людей, на которых возлагалась миссия проводников христианского учения.

Большое значение придавалось письменности, как одному из важнейших условий развития народа. Весьма поучительная история связана с попыткой создания алфавита черкесского языка ученым-арабистом Хаджи Нотауко Шеретлуком. Еще в 1920-х гг. в верховьях реки Бугур в окрестностях Анапы он открыл медресе, где учил детей Корану, сче-

ту и этикету. Преподавание велось на арабском языке, и ученики не понимали чуждой им речи. Тогда Хаджи Нотауко решил перевести на черкесский язык арабские книги. Для этого потребовалось выработать письменность. Хаджи Нотауко долго работал над созданием черкесского букваря. Несколько раз он переделывал и переиначивал раз созданный алфавит, часто приходил в отчаяние и целые ночи проводил в молитве, прося Аллаха помочь ему. И после молитвы, рассказывал Нотаук, «мне чудилось, что мне пособляли и подсказывали и утреннее щебетание ласточки, и вечерний шум старого дуба у порога моей уны (хижины. – *Авт.*), и ночное фырканье коня, увозящего наездника в набег» [15]. Ф.А. Щербина приводит интересный поэтический пересказ происшествия с Хаджи Нотауко, сущность которого сводится к тому, что во сне высшие силы запретили ему наложить «оковы на вольный язык вольного народа» [16]. Среди адыгов, получивших арабское образование, стал проявляться интерес к собиранию и публикации народных сказаний, песен, описаний религиозных и бытовых ритуалов. Аскалом Уджуху была записана песня об адыгских царях Египта. В архиве Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева хранится письмо, приложенное к тексту записи этой песни. Оно свидетельствует о значительном влиянии ислама на художественное мышление адыгов [17].

Стремление к созданию собственной письменности, возникшее задолго до окончания Кавказской войны, получило в этот период новый импульс. Передовые представители из числа адыгов, просветители осознавали, что в инонациональной среде можно сохраниться как этнос только при сохранении своего языка и культуры. И тем не менее переход в новую систему отношений проходил для адыгов в сложных условиях. Несмотря на это, в их среде, особенно в пореформенный период, проявлялось настойчивое стремление к получению образования, пробуждался интерес к историческому прошлому.

Благодаря усилиям просветителя А. Хатанова систематически печатались в периодических изданиях статьи по истории и этнографии адыгов. В трудах Х. Тлецерука, написанных на арабском языке, освещались проблемы ислама. Яркий след в интеллектуальной истории адыгов оставили Ю. Ахметуко и И. Ечерух, приложившие немало усилий, чтобы записать народные песни, сказания и предания.

В среду адыгов всё глубже проникали идеи просвещения. В своем предписании атаману Екатеринодарского отдела от 11 октября 1893 г. начальник Кубанской области указывал: «В последнее время среди гор-

ского населения вверенной мне области замечается большое стремление к образованию» [18]. В период с 1890 по 1902 г. за счет местного населения были открыты одноклассные школы в аулах Гатлукай, Понежукай, Габукай, Шенджий, Бжедугхабль и др. В 1900 г. жителями аула Хакуринохабль было принято постановление об открытии двуклассного училища с пансионатом и ремесленными отделениями.

Местная администрация с большой осторожностью относилась к подобным начинаниям. Объяснялась это тем, уже «в 1911 г. Совещание по делам инородческой школы взяло курс на сокращение числа родных языков, на которых допускалось начальное обучение, поскольку оно искусственно пробуждает национальное самосознание» [19]. Тем не менее власти вынуждены были признать, что обучение в начальных училищах должно вестись на родном языке.

Значительный вклад в подготовку национальных кадров внес Умар Берсей. Он принял русское подданство и поступил на службу в русскую армию в качестве переводчика азиатских языков при начальнике правого фланга войск Кавказской линии. В 1849 г. Умар Берсей был направлен в Ставропольскую гимназию в качестве старшего преподавателя черкесского языка. Одним из его учеников был известный адыгский писатель-просветитель Адиль-Гирей Кешев (Каламбий).

В новых исторических условиях процесс формирования адыгской интеллигенции осуществлялся по двум направлениям – «восточному», объединявшему выходцев из адыгской среды, получивших арабско-мусульманское образование в Сирии, Египте, Турции, и «западному», к которому относились горцы, обучавшиеся в российских светских учебных заведениях [20].

Прошли десятилетия со времени окончания военного противостояния с царизмом. Изменения, связанные с процессом инкорпорации адыгов, трансформировали их сознание. Всё более усиливалось значение и престиж образования.

Таким образом, в динамике инкорпорации адыгов в российскую имперскую систему можно выделить два этапа. Основным содержанием первого этапа являлось закрепление военно-политических результатов Кавказской войны. При этом приоритетным направлением российской политики на Кавказе оставалась более прочная интеграция региона в имперский механизм. Реформы 1860–1870-х гг. не оказали значительного воздействия на внутренний строй, на хозяйственно-бытовой уклад и религиозную жизнь местных обществ. В данном случае речь можно вести о подрыве устоев традиционного общества.

На втором этапе наблюдается радикальная перестройка этнодемографической структуры региона. Доля русского и украинского населения Северного Кавказа росла необычайно высокими темпами. Абсолютное доминирование русскоязычного населения к концу XIX в. имело место и в Кубанской области (90,4 %) [21].

В целом, характеризуя социально-политическую обстановку в Кубанской области, следует отметить, что в рамках административно-полицейского контроля элементы общественного самоуправления функционировали только на общинном уровне.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 6696. Л. 27.

2. Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. 1. Отд. I. С. 6.

3. Венюков М.И. Очерк пространства между Кубанью и Белой // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 184–185.

4. Сефербий Сиюхов. Избранное. Нальчик, 1997. С. 294.

5. Шеуджен Э. Адыги (черкесы), XIX век: опыт применения историко-антропологического подхода. М.; Майкоп, 2015. С. 262–263.

6. Абрамов Я.В. Кавказские горцы // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 62.

7. Личков П.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев, 1904. С. 53.

8. Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Нальчик, 1991. С. 13.

9. Карамурзов Б.С., Боров А.Х. Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Кавказология (Электронный научный журнал). 2017. № 1. С. 25.

10. Кузьминов П.А. Эпоха реформ 50–70-х годов XIX в. у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик, 2009. С. 14.

11. Шеуджен Э. Указ. соч. С. 266.

12. Там же. С. 268.

13. Хетагуров К.Л. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. М., 1959–1961. С. 189.

14. Муравьев А. Н. Письма о магометанстве. СПб., 2004. С. 1.

15. Щербина Ф.А. О языке черкесов. URL: http://abadzechiya.blogspot.com/2012/01/blog-post.html (дата обращения: 26.02.2018).

16. Щербина Ф. А. Указ. соч.

17. Схаляхо А.А. Идейно-художественное становление адыгской литературы. Майкоп, 1988. С. 70.

18. Культура и быт адыгейского народа во второй половине XIX в. URL: http://adygi.ru/index.php?newsid=3620 (дата обращения: 27.02.2018).

19. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 49.

20. Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. Краснодар, 2010. С. 67.

21. Карамурзов Б.С., Боров А.Х. Указ. соч. С. 27.

И.В. Лиджиева

КОЧЕВНИКИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Согласно системно-ресурсному подходу к геополитике современного исследователя С.А. Модестова [1], процесс формирования геополитического пространства изначально осуществлялся эволюционным путем, на основе естественного расселения и освоения незаселенных районов географического пространства, что наблюдалось на протяжении ряда столетий в степном Предкавказье. Административно-территориальное моделирование имперского правительства на землях, включенных в состав Российского государства, в том числе степного Предкавказья, привели к образованию к концу XVIII в. четырех приставств, организованных по этническому принципу, не нарушавших экономической целесообразности: Калаус-Саблинского, Калаус-Джембойлуковского, Ачикулак-Джембойлуковского и Караногайского. Кроме того, территориально к данному региону следует отнести и калмыков Большедербетовского улуса, находившихся до начала второй половины XIX в. под юрисдикцией астраханского губернатора, но уже в 1859 г. переведенных в состав Ставропольской губернии.

Целью данной статьи является изучение положения кочевых народов Ставропольской губернии как акторов геополитического пространства Северного Кавказа. В рамках настоящего исследования за основу взято понятие «геополитическое пространство» предложенное С.А. Модестовым, как «многоуровневое коммуникационное образование, формирующееся на основе взаимодействия социально-политической сферы и природно-

географической среды» [2], при этом к геополитическим ресурсам относятся демографический потенциал и природно-климатические условия.

В процессе интеграции степных просторов Северного Кавказа в общероссийское правовое и социально-экономическое пространство царская администрация столкнулась с рядом проблем, прежде всего с незнанием народов, населяющих данную территорию: без представлений об их языке, традициях и обычаях было немыслимо управлять ими, тем более что многие из этих народов имели исторический опыт государственности. В соответствии со специальным циркуляром МВД от 19 сентября 1802 г. к функциям губернаторов относилась подача сведений «дабы составить о положении каждой сколь можно полное и коренное познание» [3]. Так, доклад ставропольского губернатора П.А. Брянчанинова по итогам 1859 г. содержит следующие сведения о положении инородцев в губернии: «Под общим названием магометанских народов в степной и маловодной части губернии кочуют ногайские и трухмянские племена в Ставропольском и частью Пятигорском уездах; в Пятигорском уезде: ачикулак-джембулуковское и едисанское и в Кизлярском – караногай-едишкульское, трухмянское и киргизское… Последние два племени летом переходят кочевьями в Ставропольский и Пятигорский уезды. Из числа этих народов калаусо-джембулуковский, калаусо-саблинский и ачикулакский занимаются хлебопашеством, садоводством, пчеловодством и разведением скота, также перевозкой тяжестей, а караногай-едишкульский и трухмяно-киргизский, занимаясь по преимуществу скотоводством, составляет главную перевозочную силу при доставке провианта в войска Восточного Кавказа и почти единственную в торговых оборотах между Царицыным, Астраханью и Кавказом. Трухмяне на своих верблюдах везут товары во вьюках даже до Тифлиса, в свободное от извоза время весною и осенью они занимаются земляными работами в кизлярских и других надтеречных садах и плантациях. Все вышеупомянутые племена отбывают разные повинности, из которых самая большая состоит в доставлении провианта для войск, затем на них лежит содержание почтовых станций по Астраханскому тракту и выставка на кордонную службу и для охранения трактов определенного числа конно-вооруженных всадников» [4].

Калмыки Большедербетовского улуса, отличающиеся от вышеуказанных народов только конфессиональной принадлежностью, находились на том же уровне социально-экономического развития. Преобладающей отраслью экономики являлось экстенсивное скотоводство, при этом имели место и земледелие, и садоводство, и огородничество [5].

Население. В соответствии с § 28 «Устава для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» в обязанность главного пристава входило: «собрание сведений о законах и обычаях сих степных народов» [6]. Исполнение данного нормативного правового акта вменялось в обязанность чиновников органов исполнительной власти на местах. Сведения о численности населения, количестве скота, погодных условиях, традициях и обычаях народов и т.п. ежегодно запрашивались Управлением сначала магометанских, а затем кочующих народов Ставропольской губернии для составления полной картины об управляемой территории. Один из важных моментов в рассматриваемом направлении деятельности органов исполнительной власти – учет населения, что являлось затруднительным в условиях их кочевого образа жизни. Глава III «Об обязанностях по народоисчислению» «Положения об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. содержит следующую правовую норму: «Главный Попечитель обязан… иметь верные сведения о числе кибиток или семейств калмыков простолюдинов не делая им переписи или ревизии по форме» [7]. Основным и единственным источником информации должны были стать владельцы, опекуны и попечители улусов. «В итоге при определении общей численности простолюдинов, – пишет Л.С. Бурчинова, – получался результат, абсолютно точный по отношению к числу кибиток, но условный к фактическому числу простолюдинов» [8]. Исходя из этого же принципа подсчета, то есть в одной кибитке две души мужского пола и две – женского, указывались сведения о численности калмыков-простолюдинов в Калмыцкой степи в отчетах главного попечителя калмыцкого народа, которые составлялись на основе отчетов улусных попечителей. При этом данные о численности населения привилегированных сословий, полученные от них самих же, были близки к реальной цифре.

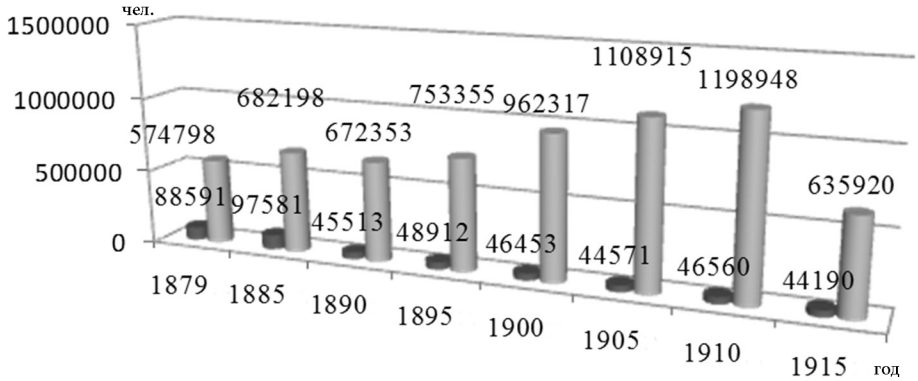


Рис. 1. Население Ставропольской губернии

Приведенный график показывает, что численность кочевых инородцев в период с 1879 по 1915 г. относительно всего населения Ставропольской губернии стабильно снижалась. Так, если в 1879 г. кочевники составляли 15,4 % от всего населения губернии, то в 1885 г. – 14,3 %; в 1890 г. – 6,7 %; в 1895 г. 6,5 %; в 1900 г. – 4,8 %; 1905 г. – 4,0 %; 1910 – 3,9 %.

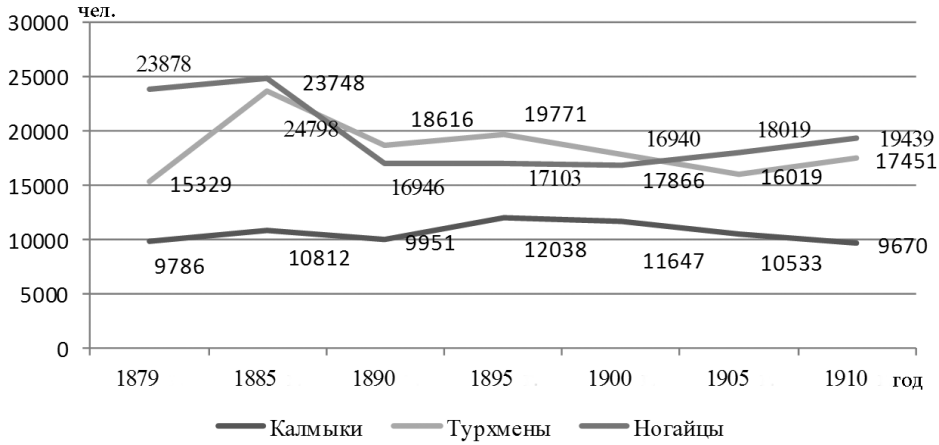


Рис. 2. Динамика численности кочевого населения Ставропольской губернии (чел.)

Отрицательная динамика численности кочевого населения обусловлена как миграциями крестьян на территорию Ставропольской губернии, так и изменением административно-территориального статуса Караногайского приставства. В соответствии с высочайше утвержденным «Учреждением управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа» от 21 марта 1888 г. Караногайское приставство переведено под юрисдикцию Терской области с сохранением за населяющими ее инородцами льготы по воинской повинности [9]. Таким путем была решена проблема отдаленности приставства от Ставрополя как губернского центра. Территория кочующих инородцев Ставропольской губернии, включающая Караногайское приставство и находившаяся в подчинении Магометанского управления, на наш взгляд, являлась гармоничной административно-территориальной структурой в составе Ставропольской губернии. Данная конструкция была построена исходя из принципов сходства образа жизни, способа хозяйствования, традиций, обычаев и конфессиональной принадлежности. Главный пристав кочующих народов Н.А. Польский провел тщательный анализ обстоятельств, вызвавших передачу Караногайского приставства в состав Терской области. Основной причиной передачи послужило, по его мнению, «не действительные жизненные потребности народа, не его

бытовые или экономические условия, а главным образом соображения о неудобствах административного управления территорией, слишком удаленною от губернского административного центра» [10]. Важным негативным аспектом изменения административно-территориальных границ между двумя субъектами стало отсутствие законодательного закрепления территорий инородческих земель и их фактического размежевания.

На основании подготовленного доклада главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии Н.А. Польского ставропольский губернатор Б.М. Янушевич направляет донесение от 23 мая 1907 г. за № 4430 в Главное управление землеустройства и земледелия о рассмотрении вопроса об обратном присоединении Караногая к Ставропольской губернии. Эта проблема поднималась не раз, но так и не была окончательно решена.

Анализ динамики численности калмыцкого населения Большедеретовского улуса за период с конца первой половины до начала последней трети XIX в. показывает незначительный, но стабильный прирост населения. Между тем Н. Львовский писал: «Если сравнивать численность калмыков 1891 года с численностью их же за 1872 год, то окажется, что общее число за последнее 20-летие сократилось на 825 человек… Особенно скоро стала вымирать калмыцкая аристократия или цаган йасын» [11]. Тогда как, по мнению С.С. Белоусова, численность калмыков в Калмыцкой степи Астраханской губернии в рассматриваемый период имеет положительную динамику: «Положительно сказалось на воспроизводстве калмыцкого населения выработка Российским государством механизма компенсации последствий стихийных бедствий для калмыков, и создание службы санитарно-медицинского обслуживания» [12].

Уменьшение численности калмыцкого населения Ставропольской губернии, в том числе и привилегированного, по мнению Н. Львовского, связано с сокращением площади Большедербетовского улуса. Период приобщения калмыков к новым условиям оседлой жизни привел к значительным потерям населения, но, как свидетельствуют данные, в начале XX в. наблюдается положительная динамика численности населения, что, на наш взгляд, является последствием адаптационных процессов.

Исходя из данных, представленных в «Обзоре Ставропольской губернии. Приложение к Всеподданнейшему отчету», в период с 1878 по 1881 г. среди калмыцкого населения Большедербетовского улуса наблюдается положительная динамика численности. Прирост численности калмыцкого населения составляет от 74 до 86 человек по годам, указанным в таблице 1. Данная тенденция была характерна и для ногайцев и трухмен.

Таблица 1. Прирост инородческого населения Ставропольской губернии

	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1885 г.
Калмыки	+ 86	+ 74	+ 127	+ 134	0
Караногайцы	– 61	+ 63	+ 152	+ 357	+ 50
Ногайцы	+ 158	+ 377	+ 284	+ 401	+ 61
Трухмены	+ 925	+ 605	+ 658	+ 568	+ 82

Скотоводство. Важной отраслью сельского хозяйства в Ставропольской губернии в рассматриваемый период было скотоводство и овцеводство. Экономическая деятельность кочующих народов – калмыков, трухмен, ногайцев – вследствие исторических причин, географических и климатических условий преимущественно направлена на экстенсивное скотоводство. Данные, представленные на рисунке 3, показывают положительную динамику поголовья скота в хозяйствах кочевых инородцев на протяжении трех десятилетий, что позволяет сделать следующие выводы: 1) экстенсивное скотоводство оставалось основным источником существования кочевников; 2) политика российского правительства, направленная на перевод к оседлости кочевых народов во второй половине XIX в., не дала значительных результатов; 3) одновременно такие меры, как сенозаготовка, ветеринарная помощь, селекционные работы, способствовали сохранению и увеличению поголовья скота, следовательно, уровня жизни населения.

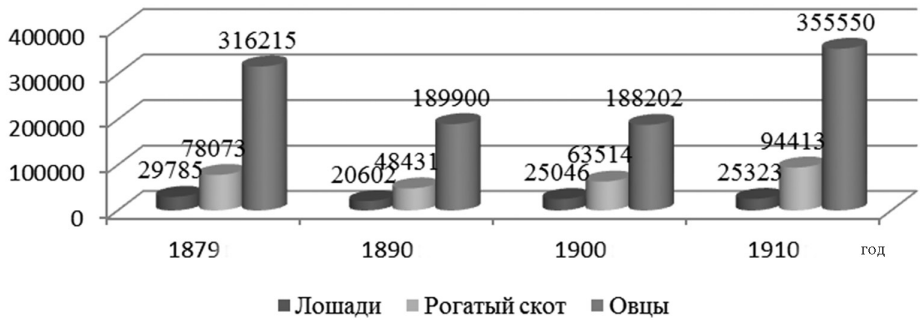


Рис. 3. Динамика поголовья скота

Земледелие являлось второй по значимости отраслью сельского хозяйства. В «Обзоре Ставропольской губернии» за 1879 г. [13] приведены данные о соотношении численности трухмен, калмыков и ногайцев, ведущих оседлый образ жизни и перешедших к оседлому способу ведения хозяйства. Так, если все калмыки Большедербетовского улуса считались

поселенными, при этом практически сохраняя то же поголовье скота, например на одну кибитку приходилось в среднем 21 голова, у ногайцев эти показатели составляли 98,5 % и 3 соответственно. Незначительное число поселенных семейств было зафиксировано у трухмен – 15 %, при этом на каждую кибитку приходилось 7 единиц скота. Тогда как все караногайцы продолжали вести кочевой образ жизни, и у них на одну кибитку приходилась 31 голова. Несмотря на усилия властей по переводу кочевников к оседлому типу ведения хозяйства и переходу к земледелию, скотоводство по-прежнему оставалось основным источником доходов. Территория кочевых инородцев в Ставропольской губернии является зоной рискового земледелия. Так, в 1885 г. разразилась засуха, «травы до такой степени посохли и разнесены были ветром, что обширнейшие пространства, лишенные всякой растительности, обратились в пустыню» [14]. Но даже при таких условиях статистические данные свидетельствуют о том, что доля земледельческой продукции кочевников составляла 1,5–10 % по губернии.

Подводная повинность. Натуральная подводная повинность в губернии была заменена денежной и отбывалась сельским населением путем найма так называемых обывательских лошадей, число которых в каждом отдельном случае находилось в прямой зависимости от расположения данного селения при главном проезжем почтовом тракте или же в стороне от него. Регулируясь главным образом местоположением селений, подводная повинность распределялась между населением губернии крайне неравномерно и вся ее тяжесть приходилась на селения, расположенные при бойких почтовых трактах.

Рис. 4. Подводная повинность в Ставропольской губернии (руб.)

Таким образом, численность кочевого населения степного Предкавказья в XIX в. претерпевала незначительные изменения, обусловленные преимущественно экзогенными факторами. При этом следует отметить, что природно-климатические условия территории кочевания калмыков, ногайцев и трухмен не располагают к развитию земледелия, садоводства и огородничества, что и предопределило основное направление их хозяйственной деятельности – экстенсивное скотоводство. Кочевые инородцы являлись одним из основных поставщиков скотоводческой продукции не только в регионе, но и в масштабах всего государства. Политика имперских властей, направленная на изменение типа хозяйствования кочевников в рассматриваемый период, не привела к значительным результатам, но уже во второй половине XIX в. они сами удовлетворяли собственные потребности в земледельческой продукции. Тип хозяйствования населения и природно-климатические условия территории обитания способствовали гармоничному интегрированию указанных народов в общероссийское пространство.

Примечания

1. Модестов С.А. Системно-ресурсный подход к геополитике XXI века. URL: http://www.clubvi.ru/news/2011/08/09/modestov/ (дата обращения: 27.06.2019).

2. Там же.

3. Дятлова Н.П. Отчеты губернатора как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Л., 1964. С. 228.

4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 10. 1861 г. Д. 16. Л. 299–356 об.

5. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1907 г. Д. 91. Л. 2.

6. Высочайше утвержденное Учреждение, для управления Кавказской области // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. второе. Т. II. СПб., 1830. № 878. С. 148.

7. Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом 1847 г. // ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XXII. Отд. первое. 1847. СПб., 1848. № 21144. С. 349–372.

8. Бурчинова Л.С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии. Элиста, 1980. С. 89.

9. Высочайше утвержденное Учреждение управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа // ПСЗРИ. Собр. третье. Т. VIII. СПб., 1888. № 5077. С. 98–105.

10. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3212. Л. 1.

11. Львовский Н. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Казань, 1893. С. 26.

12. Белоусов С.С. Калмыкия во второй половине XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста, 2009. С. 529.

13. Обзор Ставропольской губернии за 1879 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету. Ставрополь, 1880. С. 12.

14. Обзор Ставропольской губернии за 1885 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету. Ставрополь, 1886. С. 2.

Г.С. Харатян

КАВКАЗСКО-АЛБАНСКИЙ ФАКТОР В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Кавказско-албанский и кавказоязычный компонент в этнической мозаике Республики Азербайджан в количественных показателях представлен довольно скромно. Согласно переписи 2009 г. всего к нему относятся 262 700 человек (лезгины, авары, цахуры, хыналуги, крызы, удины, ингилойи). Помимо перечисленных, в Азербайджане живут также исчезающие кавказоязычные народы так называемой шахдагской группы – гапутлины, будухи, джеки, хыналуги, крызы, а также алыкцы и ергюджи, но они не отражены в переписи 2009 г. Все перечисленные кавказоязычные народы – мусульмане-сунниты, за исключением удин и части ингилойцев.

Анализ переписей населения, начиная с 1926 г., показывает, что кавказоязычные народы часто исчезали из списков, а при отражении в них меняли количественные показатели. В материалах переписи 1926 г. все кавказоязычные народы в совокупности составляли 75 379 чел., но некоторые отсутствовали – гапутлины, крызы, ахвахи, алыкив, ергюджи. В 1939 г. количество всех кавказоязычных резко возросло до 135 524 чел., в основном за счет лезгин (с 37 263 чел. в 1926 г. до 111 666 чел. в 1939 г.), но исчезли удины, джеки, хыналуги, будухи, цахуры и рутулы. В 1959 г. суммарное количество всех кавказоязычных народов упало до 124 827 чел., несмотря на то, что появились рутулы, цахуры, авары, крызы и удины. В переписях 1970, 1979 и 1989 гг. этот состав кавказоязычных, кроме крызов, сохранился, а их суммарное количество в 1989 г. составило

239 182 чел. В переписи 1999 г. из кавказоязычных присутствовали только лезгины, авары, цахуры, удины, ингилойцы, а их суммарное количество выросло до 263 800 чел. Через десять лет, в переписи 2009 г., суммарное количество кавказоязычных сократилось на 1 100 чел., составив 262 700 чел., несмотря на то что хыналуги и крызы вернулись в списки.

Эти народы были унаследованы Азербайджаном от исторической Кавказской Албании. Несмотря на 50-летний период (1937–1987 гг.) официального советского изложения этногенеза азербайджанцев с позиции внедрения кавказско-албанского этнического сегмента в формирование азербайджанского народа, они оказались не слишком желательны в этническом составе Азербайджана.

Следует отметить, что советизированный Азербайджан унаследовал от мусаватистской Азербайджанской Демократической Республикой (АДР) еще не очень четкое, но уже достаточное очерченное видение национальной политики. АДР создали лидеры тюркоязычных шиитов – наиболее активный в политической, социально-экономической и культурной сферах слой мусульманского населения Закавказья практически с XVI в. Это они возглавили революционное движение мусульман Закавказья в начале XX в., в 1918 г. создали Временный национальный совет мусульман Закавказья, который 28 мая того же года провозгласил образование АДР во главе с Мамедом Эмином Расулзаде, лидером Мусульманской демократической партии Мусават. М.Э. Расулзаде, безусловно, был патриотом тюркоязычного мусульманского Азербайджана. Для него мусульманами Закавказья были прежде всего шииты, преимущественно тюркоязычные. Именно так и заявил чрезвычайный представитель АДР в Османской империи, а затем министр иностранных дел и председатель парламента АДР Алимардан-бек Алекпер-оглы Топчибашев при встрече 2 октября 1918 г. с великим везиром М. Талаатом-пашой: «Азербайджанские мусульмане считают себя турками, и мы надеемся, что и в этом мы получили полное признание» [1].

Современный азербайджанский исследователь Али Аббасов пишет, что мусаватисты хотели создать светское азербайджанское мусульманское государство на шиитской основе по образцу западной демократии [2]. Но мусаватисты оказались не готовы признать право на национальную идентичность не тюркоязычных и не шиитских азербайджанцев. Выбор в пользу тюркоязычных мусульман обозначил реальный круг граждан, причастных к построению нового государства и отстранение от него кавказоязычных суннитов и ираноязычных шиитов. По мнению американского исследователя М. Смита, в основе построения азербайд-

жанского национального сообщества была заложена концентрированная ненависть к армянам из-за кровавых событий в Баку в марте 1918 г., в сочетании с эмоциональными ритуалами шиитской Ашуры и переооценкой значения гибели имама Хусейна как жертвы и мученика, пострадавшего ради достижения справедлвости. Тюркоязычный шиитско-мусульманский Азербайджан закладывал основы того символического капитала, который через коллективную память должен был способствовать повествованию о трагическом начале этно-национальной истории [3].

Шиитско-суннитское противостояние в Закавказье сложилось в XVI в., сразу после завоевания Закавказья Сефевидами и его заселения шиитами-кизилбашами. В XVII–XVIII вв. на местных суннитов оказывало сильное влияние суннитская Османская империя, подстрекавшая их к восстаниям против Ирана, а значит – против правления представителей шахского престола шиитов-кизилбашей в Закавказье. Особенно острым были восстания кавказских народов к концу правления Сефевидов. С 1736 по 1747 г., за время своего правления Надир-шах был вынужден часто подавлять восстания местных кавказоязычных народов – аваров, лезгин, цахуров и других. Автор начала XIX в. Аббас-Кули-ага Бакиханов описал десятки таких восстаний в Ширване и Дагестане [4]. Нередко восстания имели также религиозную окраску: кавказские горцы-сунниты выступали против шиитского правления. Стараясь уменьшить религиозную составляющую конфликтов, на торжественном собрании своего вступления на персидский престол Надир-шах «объявил свою волю всем духовным лицам, чтобы они согласовали между собой некоторые догматы, разделяющие секты шиитов и суннитов, и этим водворили бы спокойствие в мусульманском мире», но план не удался [5].

В 1747 г. успешно оборонявшийся против Надир-шаха Хаджи Челеби, основал Шекинское ханство [6]. Став правящим ханом, он исламизировал местное христианское население [7]. Это был второй виток насильственной исламизации сохранившегося до XVIII в. христианского населения Кавказской Албании и первый пример массовой шиитизации одного из ее народов.

В XVIII в. область Шеки, как и в раннем средневековье, продолжала считаться страной албанцев, в частности удинов, а удины, сохранившие христианство, воспринимались единственным представителем народов бывшей Кавказской Албании. Так, по свидетельству армянского католикоса Симеона I Ереванци (1710–1780 гг.), в его время из албанцев на Южном Кавказе остались только удины: «…как узнал из письменных и

устных источников, коренные албанцы увезены нечестивым Темуром в Кандагар, где они поныне остаются в мусульманской религии, … ***а малая их часть, что осталась в своей родной стране, ныне христиане и называются утийцами***» [8] (здесь и далее выделено нами. – *Г. Х.*). Удины сохранили свою кавказско-албанскую идентификацию. В конце первой четверти XVIII в., когда впервые активизировалась исламизация остатков христианской Албании, удины написали челобитную российскому императору Петру I (20 марта 1724 г.) с просьбой о помощи в сохранении своей веры и представились так: «***мы албанцы, по нации утийцы***» [9].

Неудивительно, что в армянских и удинских письменных источниках XIX в. для обозначения удинов и социо-культурно-географического пространства их исторического обитания – Нухинского (Шекинского) уезда обычно употребляются такие термины и формулировки, как «остатки албан Албании или утийцы», «страна утийцев», «мир утийцев» и т.д. Член Конгрегации мхитаристов с итальянского острова Св. Лазаря, историк Микаэль Чамчян (1738–1823 гг.), описывая нашествие лезгин на город Шеки в 1722 г., отмечал, что «им оказали сопротивление ***из страны утийцев и гугарийцев***… где правил некий князь Ованнес» [10]. В труде другого мхитариста и историка Гевонда Алишана (1820–1901 гг.) среди перечисленных народов Закавказья названы «***утийцы – остатки албан***» [11]. Книга удина по происхождению Газара Овсепяна пестрит упоминаниями о «стране утийцев» [12].

Удивительно, но исламизация удин завершилась полной ассимиляцией исламизированных. Удинов-мусульман практически нет. Это важный и интересный нюанс, так как исламизированные в суннитском варианте этноязыковые общности из числа существующих народов бывшей Кавказской Албании сохранили, по крайней мере некоторая их часть (лезгины, цахуры, рутулы, агулы, гапутлины, будухи, крызы и др.), свою локальную идентичность: этническое самосознание, самоназвание, язык. Сохранилось также разнообразие экзоназваний [13] и многие другие индикаторы этничности, в то время как исламизированные удины становились даже не «утийскими турками», а «турками в утийской стране», как называл их Г. Овсепян. А.-К. Бакиханов связывал их даже с каким-то мифическим городом Уди: «Племя удилу в Шеки, Ширване и Кубе можно считать за потомков жителей города Уди» [14].

В XIX в., войдя в состав Российской империи, закавказские ханства были упразднены. Сравнительно высокий социальный статус кизилбашского населения сохранялся довольно долго. Продолжалось также

их противостояние с кавказоязычными суннитами в основном в местах их расселения на северо-востоке Закавказья, в Бакинской и Елизаветпольской губерниях. По камеральному описанию 1871–1874 гг., из 1,2 млн жителей этих двух губерний тюркоязычные составляли всего 690 тыс. человек, или 57,5 % [15].

В идентификационных ориентациях тюркоязычных Закавказья основную роль играл язык, который назывался мусульманским [16], и религия – шиизм. О существовании антагонизма и враждебности между кавказоязычными суннитами и шиитами Закавказья писали многие. Тюркоязычные, в особенности шииты, количественно преобладали, их язык играл роль средства межнационального общения, они продолжали воспринимать себя социально ведущей мусульманской элитой, со второй половины XIX в. возросло их стремление к формированию своей интеллигенции. Сунниты сопротивлялись элитности шиитов и открыто критиковали имевшие огромную важность для шиитов ритуалы Ашуры, отмечавшейся более чем в двух тысячах мечетей и священных местах, и на этой почве возникали крупные столкновения [17]. Десятидневное празднование Ашуры, красочно описанное наблюдавшим его в 1624 г. русским путешественником Федором Котовым [18], в XIX в. у закавказских шиитов оставалось таким же эмоциональным [19]. Праздник собирал шиитов воедино, становясь маркером их тождества и одним из главных признаков шиитской идентичности.

Противостояние тюркоязычных шиитов и суннитов проявлялось даже в отношениях к окружающим народам. Например, во время армяно-мусульмано/татарских столкновений в Закавказье 1905–1906 гг. по обе стороны баррикад стояли именно армяне и тюркоязычные шииты. Между тем в газетах писали о столкновениях армян и мусульман. В 1906 г., когда для примирения сторон была создана армяно-мусульманская комиссия, в армянской газете «Арач» вышла статья «Конференция мира и турки-сунниты», анонимный автор которой жаловался, что «в собрании будут участвовать представители не только армян и турков шиитов, но и турков суннитов. Мы протестуем против такого состава… Если думают, что вместе с шиитами они тоже, как мусульмане, враги армян, то глубоко ошибаются, потому что сунниты, можно сказать, всегда и во всем сохраняли нейтралитет и не участвовали в грабительских набегах шиитов. Если они иногда и вмешивались, то только из чувства справедливости и человечности» [20].

Когда опять пришло время правления мусульман/тюркоязычных шиитов – с созданием АДР, а после с советизацией Азербайджана, в но-

вой гражданской идентичности кавказоязычным народам не нашлось места. Представителям новой азербайджанской элиты и в голову не могло прийти, что кавказоязычные сунниты – это потомки забытой, полумифической Кавказской Албании, поскольку в исторической памяти уже ничего не сохранилось об этом исчезнувшем государстве. Развернувшаяся политика нациестроительства изначально была ориентирована на тюркость, а проект нациестроительства на основе кавказско-албанского фактора в Азербайжане принял совсем иной характер.

Примечания

1. Дипломатические беседы А.А. Топчибашева в Стамбуле (записи чрезвычайного посланинка и полномочного министра Азербайджанской Республики) 1918–1919 гг. Баку, 1994. № 1. URL: https://ebooks.azlibnet.az/book/lmowEIMO.pdf (дата обращения: 22.07.2019).

2. Абасов А. Ислам в современном Азербайджане: Образы и реалии // Азербайджан и Россия: общества и государства / отв. ред. и сост. Д.Е. Фурман. М., 2001 (Мир, прогресс, права человека. Вып. 4). М., 2001. С. 286.

3. Смит М. Память об утратах и азербайджанское общество // Там же. С. 88–117.

4. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам / ред., комм., прим. и указ. З.М. Буниятова. Баку, 1991. С. 138–250.

5. Там же. С. 145, 149.

6. Там же. С. 150, 157.

7. Джалалянц С. Путешествие по Великой Армении. Ч. 2. Тифлис, 1855. С. 545–546 (на арм. яз.); Бархударян М. Страна Агванк и соседи. Тифлис, 1890. С. 299; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. С. 231.

8. Памятник католикоса Симеона // Архив армянской истории. Т. 3. Тифлис, 1894. С. 417–418 (на арм. яз.).

9. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в.: сб. док. Т. 2. Ч. 2. Ереван, 1967. С. 90–91.

10. Чамчян М. История Армении. Т. 3. Венеция, 1786. С. 784 (на арм. яз.).

11. Алишан Г. Топографичекое описание Великой Армении. Венеция, 1855. С. 21 (на арм. яз).

12. Овсепян Г. Очерки об утийских и мусульманизированных армянах. Тифлис, 1904. С. 15, 25, 43, 47, 48 (на арм. яз.).

13. Харатян Г. «Алванские этнонимы» армяских источников в современной ономастике лезгиноязычных групп // Albania Caucasica. [Вып.] 1. М., 2015, С. 160–172.

14. Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 21.

15. Распределение народностей, населяющих Кавказ, по губерниям и областям Кавказа // Кавказский календарь на 1887 год. Тифлис, 1886. С. 220.

16. Керимов Э.А. Очерки истории этнографии Азербайджана и русско-азербайджанских этнографическихсвязей. М., 1985. С. 33.

17. Lassy I. The Muharram mysteries among the Azerbeijan Turks of Caucasia: an academical dissertation. Helsingfors, 1916. P. 55.

18. Котов Ф.А. Хожение купца Федора Котова в Персию. М., 1958. С. 88–89.

19. А.Н.-О. Шах-Гуссейн // Русский Вестник. Т. 65. 1866. Октябрь. С. 496–503.

20. Е.Т. Конференция мира и турки-сунниты // Арач. 1906. № 2. 18 января (на арм. яз.).

Р.А. Данакари

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА УДИНЫ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОВРЕМЕННОЕ БЫТИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА НАРОДОВ РОССИИ

Удины, являясь в древности одним из известных и больших аборигенных народов Южного Кавказа, потомками древней Кавказской Албании, в настоящее время представляют малую этническую группу. В мире их насчитывается около 12 тыс. человек. Кризис и распад СССР, межнациональные конфликты привели к миграции, добровольному и вынужденному их переселению из родной земли. Историческая Родина удин – Азербайджанская Республика, но ныне здесь проживает компактно только около 4 тыс. человек. Сегодня большинство из них расселено за пределами своего исконного исторического ареала. Основной средой их жизни стали республики бывшего СССР: Россия, Казахстан, Украина, Грузия, Латвия, Узбекистан, Туркменистан. Несколько десятков удин живут в странах дальнего зарубежья, в частности в Израиле, США, Италии, Франции и др.

После распада СССР наибольшее количество удин, более 5 тыс. чел., оказалось на территории Российской Федерации, особенно в ее южных регионах: Астраханской, Волгоградской, Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях.

Актуальность исследования современного бытия удин, особенно в российском коммуникационном пространстве, заключается в важности понимания роли и места этнических меньшинств, специфики их по-

зиционирования в условиях современной глобализации. Как известно, «этнический парадокс современности», кризис и распад СССР, последовавшая затем универсальная трансформация общественных систем стран СНГ создали для малочисленных этнических групп огромное количество проблем. В силу различных обстоятельств, причин социального, экономического и культурного порядка, миграции и переселения, многие из них оказались в условиях гетерогенной полиэтнической и поликонфессиональной среды, поиска основ бытия и новой этнической идентичности. Одна из задач статьи – изучение современного бытия удин, оценка востребованности в их жизни системы межкультурных коммуникаций и диалога, а также сочетания традиционности Кавказа и его современность.

Удинский язык большинство ученых относят к нахско-дагестанской группе кавказской лингвистической семьи. Он распространен в поселке Нидж Габалинского района и г. Огуз Азербайджана, а также в селе Зинобиани Кварельского района Грузии. По мнению историков, занимающихся кавказоведением, в том числе доктора исторических наук, профессора Фариды Мамедовой, «роль и значение удин в истории народов Закавказья и Дагестана, особенно Азербайджана, подобна роли кельтов в жизни и формировании англосаксонской и французской наций». В книге «Кавказская Албания и албаны» она убедительно показала, что «удины, являясь одним из древних и автохтонных народов Кавказа, прямыми потомками античных албан, в числе прочих стали предками азербайджанского народа и этносов Дагестана» [1].

Рассматривая проблемы бытия этнических групп, отметим, что современные формы и методы глобализации придали будущему большинства народов нашей планеты транзитивный, маргинальный и непредсказуемый характер. Они породили риски и неопределенность, состояние страха перед настоящим и будущим, футурошок. Удины так же, как и многие малые этносы, оказались в ситуации переходности, частичной утраты традиционности. На наш взгляд, следует согласиться с мнениями американских политологов С. Хантингтона и Ф. Фукуямы, сделавшими в конце XX в. прогнозы о том, что в современную эпоху актуальный характер приобретут различия культур, «столкновения цивилизаций» [2], а прежние идеологии придадут прошлому свойства «конца истории» [3]. Сегодня уже никто не сомневается, что закончилась прежняя история, она обрела свое определенное окончание; всё активнее проявляет себя «новая эпоха».

Отметим, что сегодня, как и раньше, кавказский ареал и его народы оказались в центре внимания глобальных интересов геополитических

игроков, особенно великих держав. Проблемы трансформации основ жизни, переоценка мировоззренческих установок стали актуальными не только для наций и этносов, но и для малых этнических групп. Непрерывный динамизм рыночных отношений детерминирует постоянные изменения, поиск индивидами новых целей и смысла жизни, путей самоидентификации. В этой связи особый интерес представляет «жизненный мир» удин, духовные основания их бытия, особенности трансформации менталитета и идентичности. С конца XX в. и первых десятилетий нового столетия эта этническая группа оказалась в состоянии маргинализации, безопорности бытия, «разорванности» между прежними традиционными ценностями и новыми установками. Реальность поставила их перед дилеммой: воспринять неумолимые стандарты рынка, его нормы и правила поведения или сохранить идентичность, менталитет. Менталитет в большей степени формируется под влиянием социальных факторов и поэтому представляет собой адаптационный элемент ментальной структуры. Внешняя составляющая менталитета позволяет этносу приспосабливаться к изменениям, осваивать новое и взаимодействовать с другими народами.

В античную эпоху удины представляли собой один из главных этносов древней Кавказской Албании. Захватнические войны Арабского халифата привели к падению государства, разрушению памятников культуры, материального и духовного наследия, исчезновению письменности. Больше 2000 лет продолжается процесс ассимиляции и аккультурации удинского этноса. В течение двадцати пяти веков своей истории, пройдя через трагические процессы и драматические события, особенно за последние столетия, удины превратились из крупной народности в малую этническую группу. Однако, существуя в жесткой системе межкультурной коммуникации и жизнедеятельности, они сумели сохранить свою культуру и язык, историческую память, веру, традиции и идентичность. Проживая компактно в постсоветский период в Азербайджанской Республике, удины вместе сосуществуют с представителями тюркских, иранских, кавказских языковых групп, различных религиозных и конфессиональных общностей.

В 2012 г. в России принята Стратегия государственной национальной политики, которая позволяет профессионально осуществлять управление национальными и межэтническими отношениями, сохранять единство, укреплять и развивать мир и согласие, доверие и дружбу между народами страны. Одна из главных задач государственной национальной политики – это формирование единой российской нации. Эта

стратегия опирается на принцип обеспечения единства в многообразии, что закрепляет равенство прав и свобод каждого этноса, независимо от национальности и религии, а также утверждение общности судеб всех народов страны.

В настоящее время большинство удин оказалось в России, в основном, в ее южном культурно-цивилизационном пространстве. Многоязычие удин, особенно знание русского языка, христианские традиции позволили им адаптироваться к многонациональной и поликонфессиональной среде. Непрерывно меняется повседневность, в ней появляются новые смыслы и значения. Удины стремятся осознать свою субъективность, целостность и цельность своего бытия, что возможно путем межкультурной коммуникации, полиэтнического взаимодействия. Интеграция в новое общество произошла через синтез традиционности и современности, соединения кавказских традиций и общероссийской ментальности. Постижение удинами цивилизационных и культурных особенностей современности происходит на основе признания приоритетности прав и свобод каждого индивида.

Рассматривая вопросы общекавказского бытия народов, отметим, что для его этносов очевидна ущербность западной политики глобализации, логики ее прав на исключительность. Ментальность удин, несмотря на восприимчивость к ценностям информационного общества, не вписывается в логику исключительности, потому что они живут, особенно на Юге России, в пространстве межкультурной коммуникации, условиях равноправного диалога. Для удин, как и для всех народов Кавказа, сосед, независимо от национальности, всегда ближе и «роднее» любого родственника. Как и раньше, сегодня каждая удинская семья, независимо от места проживания, имеет своего «кунака» («конагг») среди представителей разных этносов, живущих не только в краях и областях, городах, поселках России и странах СНГ, но и других странах мира. Традиции гостеприимства сформировались в результате тысячелетнего совместного бытия в полиэтнической и многоконфессиональной среде.

Особенности российского постмодерна, наступление эпохи утраты прежних ценностей, маргинализации ведет к раскодированию традиционности и удин. Исследование показывает, что пространство культуры удин во многом символично и многозначно. Как и представители других этносов, сегодня они не представляют свою жизнь без древних и современных мифов, христианских атрибутов и символики, культов и традиций.

Рассматривая историю и современность удин, следует признать, что сочетание древности, кавказских традиций и ментальности нельзя ин-

терпретировать как архаику и замкнутость. Процессы глобализации придали ускорение всей современной цивилизации. Они заставляют людей смотреть на многообразие и уникальность мира не просто другими глазами, с разных аспектов, а именно глазами другого. Для удинского этноса достаточно сложными и проблемными оказались особенности трансформации постсоветских обществ, периодически повторяющиеся кризисы, жизнь в условиях рыночных отношений.

Эти вопросы удалось обсудить в ноябре 2011 г. на Юге России, в г. Краснодаре, где состоялось совместное заседание руководителей и активистов удинских общин России, Азербайджана и других республик бывшего СССР. На нем было принято решение создать в регионах России национальные общественные организации. В числе основных целей были: интеграция в многонациональное и поликонфессиональное российское общество; сохранение и развитие истории, языка, культуры, традиций удин; укрепление связей с исторической родиной (поселком Нидж), родными и близкими, живущими там; укрепление дружественных связей между народами России и Азербайджана.

В декабре 2011 г. появилась Волгоградская областная общественная организация удин «Нидж». В настоящее время в Волгограде и области живет более 350 удин. Большинство из них компактно проживает в сельских поселениях Дубовый Овраг и Малые Чапурники Светлоярского района области. В городе-герое Волгограде живет около 120 удин. Председатель удинской общины Ричард Данакари и активисты организации работают в контакте с Комитетом по делам национальностей и казачества Волгоградской области, осуществляют тесное взаимодействие со всеми национальными общинами. Они ведут активную общественную работу среди многонационального населения региона. Работа ведется по месту жительства, через СМИ, телевидение, Интернет, готовятся сообщения, выпуски статей в газетах и журналах.

Сегодня в Краснодаре, Москве, Иваново, Волгограде, Таганроге, Шахтах удины регулярно проводят различные мероприятия, на которых рассматриваются вопросы истории и языка, сохранения материального и духовного наследия, обсуждаются проблемы социального и культурного развития поселка Нидж.

Живя в России, удины стараются сохранить этнические признаки и идентичность. Однако реальность вносит свои коррективы: идет сложный процесс естественной ассимиляции и аккультурации, забываются родной язык, традиции, обычаи, элементы быта. Сегодня интересы удин, проживающих в разных государствах и обществах, заключаются

не только в том, чтобы сохранить свою историю и язык, культуру и традиции, ценности прошлого, но и в том, чтобы жить в мире и согласии со всеми народами. Это необходимо, чтобы оставаться уникальным этносом с древнейшей историей и традициями [4].

Примечания

1. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005. С. 608.
2. Хантингтон. С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 25.
3. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2015. С. 8.
4. Данакари Р.А. Философия этнического бытия. Этническая группа удин(ы) в условиях глобализации человечества. Волгоград, 2017. С. 201.

Р.Б. Дадашова

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ И ИДЕЯ ЕДИНОГО КАВКАЗСКОГО ДОМА

Еще в период Азербайджанской Демократической Республики (далее – АДР) Азербайджан сделал всё возможное для мирного урегулирования отношений с соседними государствами и формирования атмосферы сотрудничества в регионе. Впервые идея создания «Кавказского дома» была провозглашена на официальном уровне основателем АДР Мамедом Эмином Расулзаде. 28 апреля 1920 г. в результате переворота в Азербайджане и создания советского правительства многие политические деятели АДР эмигрировали в западные государства, где продолжали борьбу за свободу кавказских стран. Первая инициатива создания журнала «Прометей», отражающего проблемы на Кавказе и печатавшегося с 1926 г. совместными усилиями иммигрантов с Кавказа, принадлежит М.Э. Расулзаде и башкирскому эмигранту, профессору Ахмед Заки Валиди Тогану. Азербайджан в журнале «Прометей» был представлен М.Э. Расулзаде и Мир Ягуб Мехтиевым. В 1939 г. после оккупации Польши Германией «Прометей» был закрыт [1].

7 апреля 1920 г. на конференции кавказских республик в Тифлисе по инициативе Азербайджанской делегации было достигнуто соглашение о создании Совета кавказских республик (Г. Агаев – глава делегации; Ф.Х. Хойский, М. Векилли, О.Н. Мирза Кричинский) [2]. Отметим, что

16 июня 1919 г. был заключен союз с Грузией. Отношения были прерваны из-за присоединения Азербайджана 11-й армией 27 апреля 1920 г.

Одним из главных сторонников объединения кавказских государств был выдающийся политический деятель Азербайджана Алимардан-бек Топчибашев. В 1919 г. на Парижской мирной конференции азербайджанская делегация во главе с А. Топчибашевым, председателем парламента АДР, выступала сторонником идеи «Кавказского дома», борясь за независимость и политико-духовное единство не только своей страны, но и всего Кавказа. А. Топчибашев и в годы эмиграции старался добиться сотрудничества представителей бывших кавказских республик. По его инициативе в июне 1921 г. полномочные представители Азербайджана, Грузии и Армении в эмиграции приняли решение выступить с позиции политического и экономического сотрудничества в вопросах, связанных с судьбой Кавказского региона [3]. В 1927 г. появилась новая организация – Кавказский освободительный комитет, объединивший Азербайджан, Грузию и Северный Кавказ. Организация была основана по принципу 3 + 1: в нее вошли представители трех кавказских республик и Польша. Польша координировала деятельность организаций, представляющих эти кавказские республики, оказывала им финансовую и иную помощь. В Кавказском освободительном комитете Азербайджан представляли М.Э. Расулзаде, Я. Мехтиев; Грузию – Н. Жордания, А. Чхенкели, А. Асатиани, С. Мдивани, а Северный Кавказ – М. Гирей Сунши и И. Чумлик. Кавказцы пытались вовлечь Армению в Комитет на примере идей «Европейского союза» и «Балканского союза», которые стали популярными в 1920-х гг. Однако Армения не отказывалась от своих земельных претензий к Азербайджану и Грузии [4].

14 июля 1934 г. при участии Топчибашева был подписан документ о создании Пакта Кавказской конфедерации. Этот пакт, в котором подчеркивалась необходимость совместного выражения внешней политики кавказских народов, подписали представители Азербайджана – М.Э. Расулзаде, А. Топчибашев; Северного Кавказа – М. Гирей Сунши, И. Чулик, Т. Шакман; Грузии – Н. Жордания, А. Чхенкели [5]. Несмотря на то что Совет Кавказской конфедерации был объявлен открытым для организаций армянских эмигрантов, они долгое время воздерживались от вступления в Совет и примкнули только после 1940 г.

Создание армяно-грузинского и азербайджано-горного блоков в составе Совета привело к его ослаблению. 11–16 декабря 1952 г. представители трех кавказских республик собрались на Мюнхенскую общекавказскую конференцию. Итогом конференции стало создание

Общекавказского центра. Декларацию подписали председатель Национального Центра Азербайджана М.Э. Расулзаде, председатель Национального политического центра Грузии Н. Жордания и председатель Национального комитета Северного Кавказа, профессор Ахмед Магома. Кавказский освободительный комитет стал последней совместной организацией, созданной кавказцами в эмиграции.

Главным гарантом и распространителем мира, благополучия, политической стабильности, экономической и культурной интеграции на Кавказе, основателем идеи и концепции «мир на Кавказе», «Общекавказского дома», претворившим эту концепцию в жизнь, был общенациональный лидер Азербайджанской Республики Гейдар Алиев. Не случайно, говоря об идее «Общекавказского дома», президент Грузии Эдуард Шеварднадзе отметил: «Президент Гейдар Алиев – первый глава государства, поддерживающий инициативу мира на Кавказе». В основе идеи Гейдара Алиева о мире на Кавказе стоит концептуальная модель «мир на Родине», «мир в регионе», «мир во всем мире!». Гейдар Алиев всегда выступал с инициативой установления мира во всем Кавказском регионе. В 1993–2000 гг. Гейдар Алиев обсуждал вопрос урегулирования армяно-азербайджанского нагорнокарабахского конфликта с США 18 раз, с Францией – 16, с Россией – 28, с Турцией – 78, провел более 130 встреч с представителями Минской группы [6]. В Тбилисской декларации «О мире, стабильности и безопасности в Кавказском регионе» (1996 г.), подписанной по предложению Гейдара Алиева, была поддержана идея «Общекавказского дома». Гейдар Алиев выступил на Стамбульском саммите ОБСЕ (1999 г.) с предложением о создании «пакта мира, безопасности и сотрудничества на Южном Кавказе». Это предложение было поддержано многими государствами региона. За эту широкую и перспективную деятельность народы Кавказа считают Гейдара Алиева «аксакалом Общекавказского дома». Он отмечал, что «Кавказ сейчас находится в центре внимания всего мира. Поэтому происходящие на Кавказе процессы должны быть направлены на правильное достижение мира и стабильности на Кавказе, это очень великая, священная и высшая цель, и мы и впредь будем упорно трудиться во имя этой цели» [7].

Ситуация в Нагорном Карабахе создает угрозу мира и безопасности на Южном Кавказе. Так, в статье 10 доклада генерального секретаря ООН говорится: «нападения на Нагорный Карабах и окрестные районы, в частности Кяльбаджарского и Физулинского районов Азербайджана, создают серьезную угрозу для поддержания мира и безопасности во всем регионе Южного Кавказа» [8]. В апреле 1993 г. представители

ООН стали свидетелями обстрелов со стороны вооруженных сил Республики Армении мирных жителей Газаха, Губадлы, Физули, Агдама, Лачина, Зангилана, Нагорного Карабаха, занимающихся животноводством [9]. В докладе генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали отмечалось, что в Нагорно-Карабахском регионе, являющемся территорией Азербайджана, продолжается оккупация армянской этнической группой, что приводит к обострению конфликта между Арменией и Азербайджаном [10]. Резолюции Совета Безопасности ООН № 822, 853, 874, 884 о нагорнокарабахском конфликте, а также резолюция Генеральной Ассамблеи № 62/243 от 14 марта 2008 г. «О положении на оккупированных территориях Азербайджана» еще раз подтвердили территориальную целостность, неприкосновенность международных границ, принцип невмешательства в территорию другого государства для расширения территории [11]. В резолюции «О положении на оккупированных территориях Азербайджана» отмечается, что вооруженный конфликт в Нагорно-Карабахском регионе Азербайджанской Республики и вокруг него продолжает создавать угрозу международному миру и безопасности и имеет негативные последствия для гуманитарной ситуации в странах Южного Кавказа [12].

С февраля 1992 г. в рамках ОБСЕ начался процесс посредничества при решении армяно-азербайджанского нагорнокарабахского конфликта. 1 мая 1992 г. на десятом заседании Комитета старших должностных лиц было принято решение об организации Минской конференции на условиях проведения заседаний, а также о полномочиях председателя. Главной задачей Минской группы стала подготовка документов и созыва Минской конференции для урегулирования армяно-азербайджанского конфликта [13].

Азербайджанское государство, опираясь на принципы гуманизма, неоднократно призывало руководство Армении отступиться от политики вмешательства во внутренние дела соседней страны, начать переговорный процесс. Но Верховный Совет Республики Армении принял документ, согласно которому отказывался признавать любые решения, содержащие указание, что Нагорно-Карабахский регион – составная часть Азербайджана. Решения Верховного Совета Республики Армении, направленные на признание и защиту самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республики и ее населения, были расценены как шаг на пути к оправданию агрессии и оккупации части территории Азербайджана [14].

Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев при подписании совместной декларации о мире, безопасности и сотрудничестве

на Кавказе с президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе 6 марта 1996 г. отмечал: «Кавказ страдает от межнациональных конфликтов, нестабильности, наша главная задача – укрепление мира и безопасности в регионе. Подписанная нами декларация открыта для всех, и мы надеемся, что наши страны и страны соседнего региона присоединятся к ней; кто отвергает декларацию, тот проявит себя как сторонник конфликтов на Кавказе» [15]. В декларации выдвигались следующие положения: 1) восстановление суверенитета государств в пределах международных признанных границ, обеспечение их территориальной целостности, возвращение беженцев в безопасное место постоянного проживания; 2) уважение прав и свобод человека, в том числе прав национальных меньшинств; 3) сотрудничество в области дальнейшего развития и безопасности транспорта и других средств связи; 4) всестороннее сотрудничество в вопросах охраны дикой природы Кавказа, ликвидации последствий техногенных, природных катастроф и вооруженных конфликтов, развитии международного туризма; 5) этническая и религиозная толерантность; заботливое и уважительное отношение к культурному и языковому разнообразию Кавказа – самого богатого заповедника мира; 6) активная поддержка международного проекта, привлечение и поощрение иностранных инвестиций [16].

18 ноября 1999 г. на Стамбульском саммите ОБСЕ Гейдар Алиев, отметив, что регион Южного Кавказа является неотъемлемой частью Европы, призвал США, страны Европейского союза, Россию, Турцию, Грузию, Армению и других членов ОБСЕ к решению проблем региона, выдвинул предложение об учреждении на Южном Кавказе пакта о безопасности и сотрудничестве для создания безопасной Европы [17].

Азербайджан благодаря нефтепроводу Баку – Тбилиси – Джейхан, газопроводу Баку – Тбилиси – Эрзурум (через Турцию и Грузию) и нефтепроводу Баку – Новороссийск (через Россию с 1997 г.), нефтепроводу Баку – Супса (через Грузию с 1999 г.) выходит на европейский рынок. Каждая страна региона – Азербайджан, Грузия, Турция и Россия имеют тесные экономические связи, только Армения отстранена от сотрудничества ввиду нарушения принципов международного права. Армянский экономист В. Хачатрян отмечает, что в результате армяно-азербайджанского нагорнокарабахского конфликта экономика Армении ослабевает, около 55 % населения живут в бедственном положении, около одной трети трудоспособного населения составляют безработные [18].

И вышеупомянутая декларация, и декларация от 18 февраля 1997 г. «О дальнейшем углублении стратегического сотрудничества между

Азербайджанской Республикой и Грузией», а также другие документы направлены на установление мира, безопасности и стабильности на Кавказе.

Урегулирование Карабахского конфликта, противостояний в Грузии является важнейшим фактором мира и стабильности на Кавказе. Гейдар Алиев отмечал, что мир и безопасность на Кавказе зависят не от ООН, ОБСЕ и СНГ, а от деятельности самих кавказских государств [19].

Примечания

1. Ибрагимли Х.Дж. История азербайджанской эмиграции. Баку, 2012. С. 130 (на азерб. яз.).
2. Там же. С. 139.
3. Азербайджан на Парижской мирной конференции (1919–1920). Баку, 2008. С. 12 (на азерб. яз.).
4. Ибрагимли Х.Дж. Указ. соч. С. 140.
5. Там же. С. 139–141.
6. История Азербайджана: в 7 т. Т. VII. Баку, 2003. С. 372. (на азерб. яз.).
7. Выступление Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева на встрече с представителями азербайджанцев, проживающих в Грузии (Тбилиси, Государственный академический театр оперы и балета им. З. Паласишвили, 9 марта 1996 г.) (на азерб. яз.). URL: http://lib.aliyev-heritage.org/az/8932556.html (дата обращения: 11.07.2019).
8. Сборник документов ООН по армяно-азербайджанскому нагорно-карабахскому конфликту. Баку, 2009. С. 29.
9. Доклад Генерального секретаря в соответствии с заявлением Председателя Совета Безопасности в связи с ситуацией в отношении Нагорного Карабаха, Документ S/25600 // Официальные отчеты Совета Безопасности, сорок восьмой год. Дополнение за апрель, май, июнь 1993 года. ООН. Нью-Йорк, 1996. С. 71–72; Письмо представителя Азербайджана от 8 ноября 1994 года на имя Генерального секретаря, Документ S/1994/1278 // Совет Безопасности. Официальные отчеты, сорок девятый год. Дополнение за октябрь, ноябрь, декабрь 1994 года. ООН. Нью-Йорк, 1997. С. 209.
10. Гали Б.Б. Во имя мира и развития 1994. Годовой доклад о работе организации. ООН. Нью-Йорк, 1994. С. 255–256; Гали Б.Б. Навстречу новым вызовам. Годовой доклад о деятельности Организации 1995 год. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1995. С. 320.
11. Сборник документов ООН по армяно-азербайджанскому нагорно-карабахскому конфликту. С. 71–72.
12. Там же.

13. Гасымлы М. Внешняя политика Азербайджанской Республики (1991–2003). Ч. I. М., 2016. С. 178–179.

14. Дадашова Р.Б.-кызы. Проблемы восстановления мира и стабильности на Южном Кавказе и ООН // Большой Кавказ: пространство взаимодействия цивилизаций и народов: мат-лы V Междунар. форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 15–16 нояб. 2017). Ростов н/Д., 2017. С. 217–231.

15. Шукуров И. Дипломатия мира. Баку, 1997. С. 297.

16. Сборники договоров. Министерство иностранных дел Азербайджанской Республики / под ред. Э.М. Мамедъярова. Т. I. Баку, 2008. С. 69–70. (на азерб. яз.)

17. Азербайджан на международной арене: в 5 т. Т. V. Баку, 1999. С. 429. (на азерб. яз.).

18. Хачатрян В. Основные тенденции развития экономики Армении в 1991–2001 годах // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 2. С. 152–153.

19. Алиев Г.А. Наша независимость вечна: в 46 т. Т. 5. Баку, 1998. С. 415. (на азерб. яз.).

А.Р. Азимзаде

МЕСТО И РОЛЬ АЗЕРБАЙДЖАНА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

В современный период из-за роста глобальных вызовов и угроз, таких как неравенство, враждебность к инакомыслящим и насилие, порождающие борьбу за власть, локальные конфликты и войны, первоочередной задачей становится возможность мирного сосуществования всех людей нашей планеты. Этого можно достичь в рамках межкультурного диалога – международной платформы обмена идеями и мнениями, – основной функцией которого является предотвращение и мирное разрешение межкультурных противоречий и недопущения повода для вооруженных столкновений.

Феномен межкультурного взаимодействия неразрывно связан с понятием межкультурной коммуникации, впервые введенным в научный оборот Э. Холлом и Д. Трагером в 1954 г. в книге “Culture as Communication” («Культура как коммуникация: модель и анализ»).

В 1959 г. Э. Холл публикует книгу “The Silent Language” («Беззвучный язык»), где идея межкультурной коммуникации освещается более широко и полно. По Э. Холлу, основной целью исследования проблемы межкультурной коммуникации было изучение практических потребностей людей, принадлежащих к различным культурам, для тесного общения друг с другом. Впервые Э. Холл, рассматривая общение как вид деятельности, выдвинул возможность его анализа, затем разработал теорию культурных моделей взаимодействия [1].

Межкультурные столкновения наиболее широко исследовал С. Хантингтон. Он считал, что после холодной войны в основе конфликтов будут стоять культурные и религиозные идентичности, и эти конфликты будут происходить уже не между странами, а протекать на почве культур и религиозных убеждений. В своей книге «Столкновение цивилизаций» он указывает на то, что исламский экстремизм станет самой большой угрозой международному миропорядку, хотя если рассмотреть процессы, происходящие после холодной войны, то можно увидеть, что и православно-католические конфликты распространены достаточно широко и не способствуют поддержанию мира. С. Хантингтон считал, что конфликт идеологий, происходивший после завершения Первой мировой войны, уступит место конфликтам между цивилизациями. Цивилизация есть наивысшее культурное образование, объединяющее людей, и наиболее широкий уровень культурной самоидентификации [2].

С конца 1980-х гг. напряженность в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа, обострившаяся после распада СССР, стимулировала необходимость развития межкультурного диалога [3]. Особенно это проявилось на территории Азербайджана.

Страна расположена на юго-востоке Кавказского региона. На востоке Азербайджан омывается Каспийским морем, на севере граничит с Российской Федерацией, на северо-западе – с Грузией, на западе – с Республикой Армения, на юге – с Исламской Республикой Иран и на юго-западе – с Турецкой Республикой. Азербайджан исторически расположен на пересечении Востока и Запада, на Великом шелковом пути. По этой причине важной особенностью населения Азербайджана является его многонациональный состав. Согласно переписи населения, в стране проживают представители более 30 этнических групп. Этнические меньшинства живут в Азербайджанской Республике в мире и гармонии с азербайджанским народом. Однако традиция толерантности Азербайджана прошла много испытаний, особенно после распада Советского Союза [4].

Отсутствие в Азербайджане каких-либо серьезных проблем на национальной почве всегда отличало его от других государств. В Азербайджане не допускается дискриминация в отношении представителя какого-либо народа, а его религиозные убеждения, политические и культурные права защищены. В культурной политике страны участвуют действуют представители более 380 различных религиозных общин (31 из которых являются немусульманскими). В стране создана правовая база для защиты прав национальных меньшинств: республика присоединилась к 50 международным конвенциям по защите прав человека и национальных меньшинств; действуют неправительственные организации, культурные центры, благотворительные общества, общественные объединения, занимающиеся вопросами национальных меньшинств. Кроме того, на языке этнических общин публикуется ряд газет и журналов, действуют теле- и радиоканалы [5].

В последние годы в Азербайджане в рамках поддержания и развития принципов межкультурного диалога были организованы различные конференции, написаны десятки статей и научных работ. Основа этой традиции была заложена Указом президента Азербайджанской Республики И. Алиева «Об организации в Азербайджанской Республике Всемирного форума по межкультурному диалогу» от 27 мая 2011 г. [6]. В том же году в Азербайджане состоялся Всемирный форум по межкультурному диалогу с участием представителей 102 государств и более 10 международных организаций. Основной целью этого форума было рассмотрение отдельных аспектов межкультурного диалога в современных обществах, характеризующихся разнообразием и плюрализмом, и стимулирование усилений по созданию условий для межкультурной коммуникации на региональном и глобальном уровнях. Этот форум, согласно указу президента, стал обязательным для Азербайджана, начиная с 2011 г., он проходит раз в два года.

Философия совместного проживания наций играет определяющую роль в современных процессах развития общества. Эти процессы в разных местах классифицируются как глобализация или интеграция, но независимо от названия, они носят необратимый характер, и будущее зависит от возможности построения межкультурного диалога. Народы должны относиться друг к другу с уважением и поддерживать возможность бесконфликтного совместного проживания в современном мире. С этой точки зрения Азербайджан, являясь единственным государством, входящим и в Совет Европы, и в ИСЕСКО, выполняет роль моста в развитии культурных отношений между государствами Запада и Востока [7].

Существует ряд причин, по которым Азербайджан является уникальной страной, где объединяются разные культуры. Несмотря на то что в Азербайджане живет много этнических меньшинств, между ними не было идеологических войн. Потому что эти народы, демонстрируя исторически одну и ту же политическую волю, совместно создавали государство. Представители народов, говорящие на разных языках, имеющие разные религии и традиции, проживающие на нашей территории, были поданными государства, а со времен республики – гражданами. Во многих государствах, существовавших на наших территориях, получила распространение исламская религия, которая сыграла важнейшую роль в формировании национальной солидарности.

Одним из элементов межкультурного диалога в Азербайджане является длительное мирное сосуществование представителей тюркского, талышского, курдского, лезгинского, аварского, удинского, сахурского, татского, ингилойского, русского, украинского и других этносов, которые обладают общими социально-политическими мировоззренческими принципами.

Основная идеология, способствующая межкультурному диалогу в Азербайджане, – это идеология азербайджанства. Ее основы были заложены общенациональным лидером Г. Алиевым в тот период, когда внутренний политический кризис и идеологическая среда 1990-х гг. подталкивали Азербайджан к гражданской войне. Идеология азербайджанства превратилась в государственную политику страны, что обеспечило мирную жизнь людям [8].

В последние годы Азербайджан стал местом проведения широкомасштабных мероприятий по межкультурному диалогу. Интерактивная международная платформа «Бакинский процесс», играющая исключительную роль в укреплении межкультурного диалога в Азербайджане, начала действовать в соответствии с распоряжением президента И. Алиева от 4 ноября 2008 г. Одной из самых важных конференций «Бакинского процесса» было проведение Всемирного форума по межкультурному диалогу в 2011 г. Этот форум стал успешным шагом внешней политики Азербайджана с точки зрения пропаганды идеологии азербайджанства на международном уровне, а также ускорил интеграцию существующих в Азербайджане культур в мировую культуру. Инициатива «Бакинский процесс» была продолжена «Всемирным форумом по межкультурному диалогу» в 2015 г. и еще раз доказала, что Азербайджан играет важную роль в преодолении национальных, расовых, религиозных и культурных противоречий, содействует взаимопониманию и взаимному со-

трудничеству между народами и культурами, стремится к дальнейшему укреплению традиций межкультурного диалога, продвижению на международном уровне принципов добрососедства в период широкого распространения экстремистского мышления [9].

«Бакинский процесс» также сыграл неоценимую роль в формировании политики мультикультурализма в Азербайджане. Указом президента И. Алиева 2016-й год был объявлен «Годом мультикультурализма». Особую активность в этой сфере начали проявлять многие структуры. Сюда можно отнести деятельность государственного советника по религиозным вопросам и мультикультурализму, а также фонда «Знание» при президенте Азербайджанской Республики и создание Бакинского международного центра мультикультурализма, а также деятельность Бакинского славянского университета. Основная цель этих структур заключается в защите различных народов, проживающих на территории Азербайджана, обеспечение их прав и свобод, контроль за осуществлением государственной политики в отношении национальных меньшинств.

Азербайджан веками был местом соединения различных культур и играл роль моста между Западом и Востоком. Поэтому сегодня можно с уверенностью сказать, что Азербайджан самостоятельно и добровольно участвует в глобальных процессах, происходящих в мире, оказывает серьезную поддержку поддержанию мира и играет серьезную роль в формировании культурного синтеза.

Примечания

1. Ахадова С. Межкультурные отношения в современном мире. Баку, 2014. 348 с. (на азерб. яз.).

2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

3. Эльма Ф. Южнокавказская демократия в случае конфликта, проблема надежности // Общественные науки. 2009. № 6. С. 195–206 (на азерб. яз.).

4. Культурное разнообразие в Азербайджанской республике (на азерб. яз.). URL: http://www.mfa.gov.az/content/114 (дата обращения: 17.05.2019).

5. Наджафов Е. Влияние политики мультикультурализма Азербайджанской Республики на ее внешнюю политику // Стратегический анализ: Аналитический журнал по внутренней и внешней политике Азербайджанской Республики, международным отношениям. 2016. № 1–2 (15–16). С. 35–43 (на азерб. яз.).

6. Гейдар Алиев: азербайджанская идеология и моральные ценности. Азербайджанская идеология и моральные ценности: о проведении конференции в Баку // Культура. 2018. 20 июля. С. 4 (на азерб. яз.).

7. Наджафов Е. Указ. соч.

8. Мультикультурализм Азербайджана (на азерб. яз). URL: http://multiculturalism.preslib.az/az_a1.html (дата обращения: 06.06.2019).

9. Ибрагимов Х. «Бакинский процесс» – важная веха в поисках философии мультикультурализма // Народная газета. 2018. 27 октября. С. 4. (на азерб. яз.).

М.Р. Габараева

ВЛИЯНИЕ АЛАНСКОГО НАСЛЕДИЯ НА МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА КАВКАЗЕ

Вопрос аланского наследия вызывал активный интерес у жителей Кавказа еще в 1990-е гг., особенно после принятия в 1993 г. официального названия Республики Северная Осетия – Алания. Борьба за возможность называться аланами ведется между представителями осетин, ингушей, карачаевцев и балкарцев. Основным местом обсуждения этой темы становятся социальные сети: полемику можно обнаружить на различных форумах с 2005–2008 гг., однако большая часть дискуссий приходится на последние три-четыре года. Всплеск интереса к данной теме объясняется появлением новых инфоповодов, связанных с аланским наследием: региональная конференция по этногенезу карачаевцев и балкарцев (ноябрь 2014 г.), открытие Аланских ворот в Ингушетии (декабрь 2015 г.), переименование Южной Осетии в «Государство Алания» (апрель 2017 г.) и последовавшая за этим петиция о переименовании Ингушетии в Аланию (2017 г.).

Вопрос аланского наследия связан в первую очередь с территорией, с реконструкцией исконных границ, существовавших в прошлом: «Описание “исторических территорий”, различных сюжетов, связанных с их обретением или потерей, может носить фактографический характер и не иметь явного идеологического содержания или же, напротив, выступает прямым обоснованием статусно-территориальных претензий, оправданием принимаемых политических решений» [1]. Возможность называться потомками Аланского государства дает право претендовать на различные территории, а также создает некое этническое доминирование, пусть и исключительно символическое.

В связи с возросшим количеством обсуждений по аланскому вопросу в Интернете было решено провести контент-анализ комментариев

в социальной сети «ВКонтакте» для выявления уровня агрессивности между этносами. Были собраны посты и комментарии за период с 2011 по 2018 г. Стоит отметить, что поиск материалов за 2011–2014 гг. осложнялся тем, что многие посты и сами сообщества уже были удалены администраторами этих сообществ. Более того, администраторы сообществ лишь в последние годы стали заниматься так называемой раскруткой материалов, имеющих откровенно провокационный характер, что естественно стимулирует увеличение количества подписчиков, посещений данных страниц и комментариев к ним.

Все комментарии были разделены на этнические пары, где первый этнос – автор сообщения, а второй – адресат сообщения: осетины/ингуши, ингуши/осетины, осетины/карачаево-балкарцы, карачаево-балкарцы/осетины. Так как именно осетины считаются «официальными» потомками алан, спор всегда ведется с ними, спор между карачаево-балкарцами и ингушами отсутствует. Также отмечались все комментарии с агрессивной эмоциональной окраской, будь то личные оскорбления или оскорбления на национальной почве.

Основной пик постов и комментариев приходится на 2017 г., что вызвано переименованием Южной Осетии в Государство Алания. За этим последовала петиция о переименовании Ингушетии в Аланию, вызвавшая возмущение с осетинской стороны (рис. 1, 2).

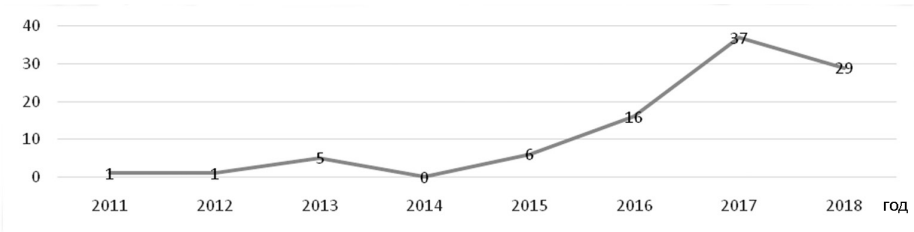


Рис. 1. Количество постов по аланскому вопросу в социальной сети «ВКонтакте» (2011–2018 гг.)

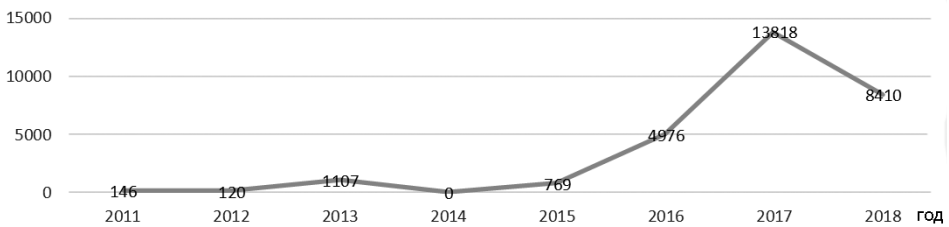


Рис. 2. Количество комментариев под постами по аланскому вопросу в социальной сети «ВКонтакте» (2011–2018 гг.)

Агрессивность содержания самих постов довольно низкая. Чаще всего эмоциональная окраска бывает насмешливой, но без прямой агрессии (рис. 3).

Рис. 3. Количество агрессивных постов по аланскому вопросу в социальной сети «ВКонтакте» (2011–2018 гг.)

При определении агрессивных комментариев учитывались только имеющие отношение к обсуждению вопроса аланского наследия между осетинами, ингушами и карачаево-балкарцами (рис. 4). Их небольшое количество объясняется, во-первых, удалением откровенно оскорбительных комментариев администраторами сообществ или самими пользователями. Во-вторых, многие обсуждения от вопроса об аланском наследии переходят к наболевших вопросам территории и прежних конфликтов, как это происходит в случае осетин и ингушей.

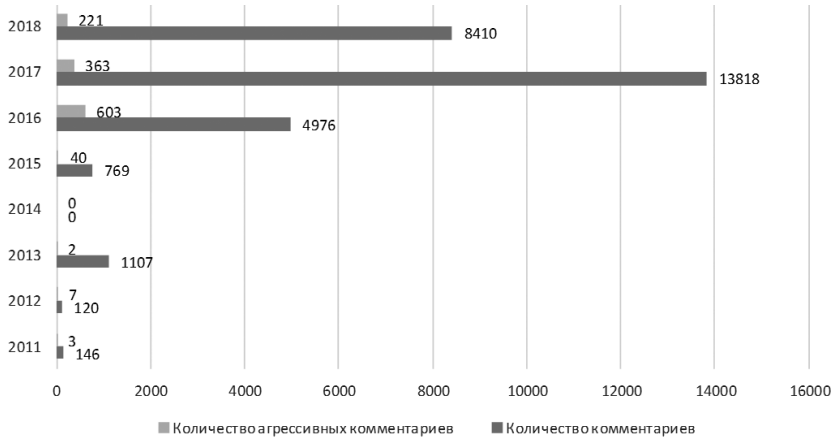


Рис. 4. Соотношение количества агрессивных комментариев и общего их количества по аланскому вопросу в социальной сети «ВКонтакте» (2011–2018 гг.)

Основной пик агрессивности приходится на осетин и ингушей в 2016 г. Постройка Аланских ворот в Ингушетии вызвала волну публикаций ироничного, а иногда и агрессивного характера в осетинских группах, что повлекло за собой обсуждения уже в комментариях между осетинами и ингушами. В 2016 г. также издает свою книгу «ДНК-генеалогия. От А до Т» доктор химических наук и создатель «новой науки» ДНК-генеалогии Анатолий Клесов. Он дает несколько интервью для небольших телеканалов, где говорит и об аланах, публикует несколько статей. Эти интервью были подхвачены в основном ингушами, потому что в них А.А. Клесов говорит о том, что совпадений в цепочках ДНК с «донскими аланами» нет ни у осетин, ни у карачаево-балкарцев [2]. После подобных заявлений со стороны ученого и постройки Аланских ворот многие ингушские пользователи социальных сетей решили «забрать» себе аланских предков (рис. 5).

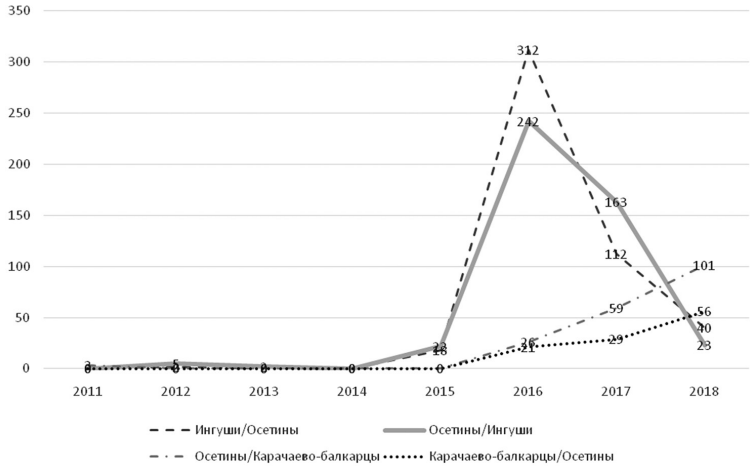


Рис. 5. Агрессивные комментарии по аланскому вопросу в социальной сети «ВКонтакте» по этническим парам (2011–2018 гг.)

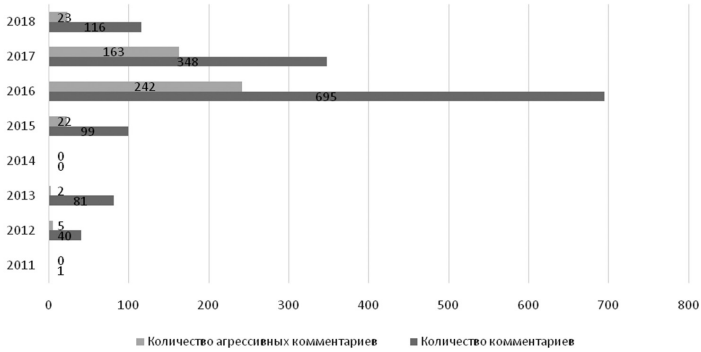


Рис. 6. Соотношение количества агрессивных комментариев по аланскому вопросу в социальной сети «ВКонтакте» в паре осетины/ингуши (2011–2018 гг.)

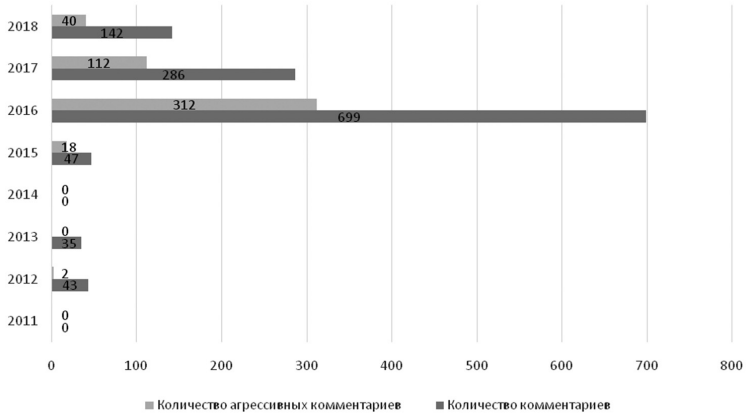


Рис. 7. Соотношение количества агрессивных комментариев по аланскому вопросу в социальной сети «ВКонтакте» в паре ингуши/осетины (2011–2018 гг.)

В большинстве своем оскорбления в комментариях носят уничижительный характер: один этнос представляется более «чистым», «героическим», «древним», «мудрым», по сравнению с другими. Если обмен оскорблениями происходит между осетинами и ингушами, то в полемике всегда упоминается вооруженный конфликт 1992 г. (рис. 6, 7). Обе стороны используют различные полумифические истории о тех событиях. В основном это сюжеты о жестокости по отношению к женщинам, детям и старикам, а также о героическом противостоянии плохо вооруженных людей военной технике, из которых люди выходят победителями. После 2016 г. любой пост, даже напрямую связанный с аланами, собирает комментарии между ингушами и осетинами именно о конфликте 1992 г. и Пригородном районе. Собственно причастность того или иного народа к аланам обсуждают совсем немного, переходя к наболевшим вопросам.

Для ингушей аланство связывается в первую очередь с территориальной проблемой и претензией на Пригородный район. Ингушские исторические концепции противопоставляют ингушей как автохтонный народ Кавказа осетинам – позднему пришлому ираноязычному народу. Версия ираноязычности алан обычно отрицается ингушской стороной и утверждается их нахоязычность [3].

Большой популярностью у пользователей социальных сетей пользуется версия об осетинах как евреях-маздакитах. Такая версия была высказана Бембулатом Богатыревым в его книге «Маздакиты на Кавказе», которая распространяется в Интернете небольшими отрывками. Эту же

версию выдвигает Дени Баксан в книге «След Сатаны на тайных тропах истории» [4]. Версия подхвачена блогерами, общественными деятелями и пользователями социальных сетей.

Осетин же аланство наделяет «древней государственной традицией», а также позволяет «претендовать на обширные земли, включая Пригородный район» [5]. Ираноязычность осетин используется для обоснования «исключительных прав на аланское культурно-историческое наследие в кругу прочих соискателей» [6]. Зачастую осетинские интернет-пользователи ограничиваются только этим аргументом.

Часто в социальных сетях отмечается принадлежность осетин к христианству, поскольку аланы считаются христианами, а не мусульманами, коими в настоящее время являются ингуши и карачаево-балкарцы. При предъявлении претензий с ингушской стороны на Пригородный район, осетины, уверенные в своей принадлежности к аланам, предлагают контраргументы о более обширных аланских территориях, которые они «вернули бы, если бы захотели».

Карачаево-балкарцам же необходимо доказать свою автохтонность и «историческое предшествование расселению в XV в. адыгов в пределах “спорных территорий” (охватывающих практически всю Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию)» [7]. Ираноязычие алан у карачаево-балкарцев заменяется версией об их тюркоязычии, участие кипчаков в этногенезе карачаево-балкарцев максимально приглушается как слишком позднее.

В интернет-спорах чаще всего карачаево-балкарцами используются записки средневековых путешественников-ученых, которые осетинская сторона не считает доказательствами. Тюркоязычие «алан и асов, или ясов, отмечали и другие авторы. Известный ученый Абу Рейхан ал-Бируни (973–1050), сообщая о “племени аланов и асов” – “джинс ал-Лан ва-ль-Ас”, живших в нижнем течении реки Амударьи, а затем переселившихся на побережье Каспийского моря, пишет, что язык алан являл собой смесь из хорезмийского и печенежского» [8].

Словесная агрессия между карачаево-балкарцами и осетинами носит не настолько выраженный характер и практически всегда начинается личными оскорблениями после долгого спора. Часто обмен оскорблениями не переходит на оскорбления нации. При оскорблении нации используются фразы типа ‘*пришлые иранские евреи, цыгане*’ (по отношению к осетинам) и ‘*кипчаки, турки*’ (по отношению к карачаево-балкарцам). Агрессия со стороны осетин выше, поскольку они ведут спор с позиции защитников своей истории и на любые публикации доказательств со стороны карачаево-балкарцев отвечают оскорблениями (рис. 8, 9).

К спорам между карачаево-балкарцами и осетинами в 2018 г. стали подключаться кабардинцы и черкесы, и, таким образом, спор переходит от аланства – к вопросу о главенствующем, автохтонном этносе внутри Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

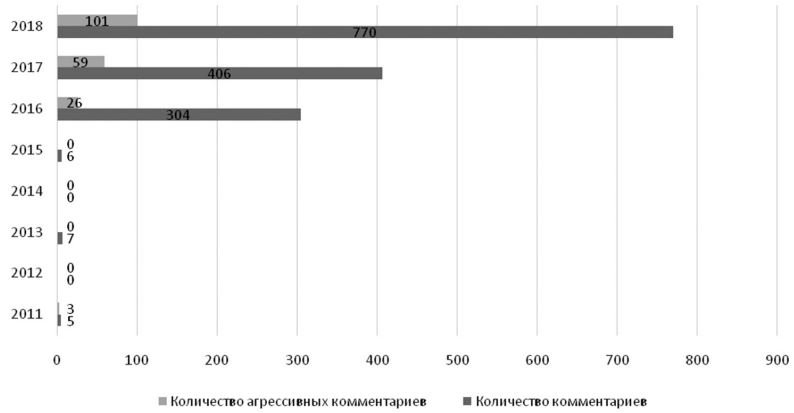


Рис. 8. Соотношение количества агрессивных комментариев по аланскому вопросу в социальной сети «ВКонтакте» в паре осетины/карачаево-балкарцы (2011–2018 гг.)

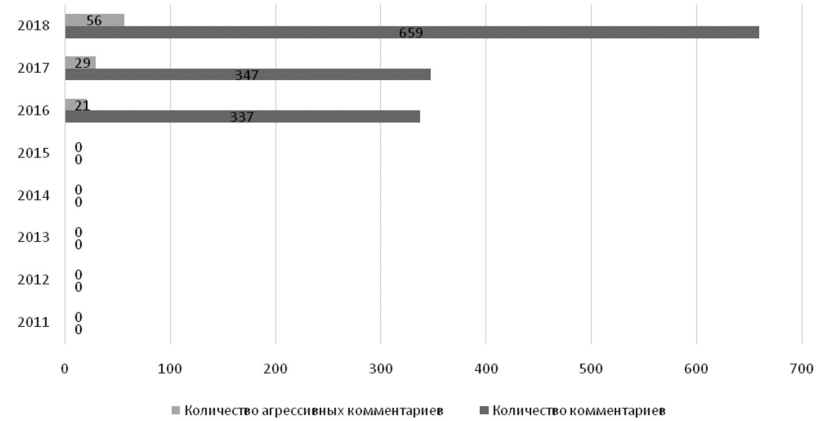


Рис. 9. Соотношение количества агрессивных комментариев по аланскому вопросу в социальной сети «ВКонтакте» в паре карачаево-балкарцы/осетины (2011–2018 гг.)

Уровень агрессивности при обсуждении аланского наследия в целом снижается после 2016 г. Между осетинами и ингушами любой спор так или иначе переходит к Пригородному району, особенно после закрепления границ между Ингушетией и Чечней в сентябре 2018 г., когда терри-

ториальный вопрос для ингушей актуализировался. Между осетинами и карачаево-балкарцами уровень агрессивности изначально довольно низкий, однако отмечается небольшой рост. В общении этих двух этносов по-прежнему большую часть сообщений составляет обмен различными источниками, доказывающими версии каждой из сторон.

Снижение агрессивности также можно объяснить отсутствием подпитки извне: отсутствие инфоповодов об аланском наследии в 2018 г. вызвало снижение агрессивной реакции. Без инфоповодов споры в социальных сетях не исчезли полностью, но в какой-то степени потеряли свою актуальность и перешли в более спокойную стадию. Большая часть пользователей переключилась на другие темы, считая аланство не таким важным для реальной жизни вопросом, как например особенно обостряющийся в последнее время спор о границах субъектов СКФО.

Примечания

1. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 109.
2. Клесов А.А. Миграции ариев по данным ДНК-генеалогии // Исторический формат. М., 2016. С. 127–156.
3. Цуциев А.А. Указ. соч. С. 115.
4. Баксан Д. След Сатаны на тайных тропах истории. Прохладный, 1998.
5. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. С. 274.
6. Цуциев А.А. Указ. соч. С. 116.
7. Там же. С. 119.
8. Карачаевцы. Балкарцы. М., 2014. С. 36.

Л.С. Ильюков

ДРЕВНЕЙШАЯ ФОРМА УПРЯЖИ (по материалам Северного Кавказа)[1]

Использование крупного рогатого скота (волов) на территории Северного Кавказа началось на заре бронзового века с проникновением

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 г. по теме «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени» (№ госрегистрации АААА-А19-119011190181-1).

на его территорию представителей более развитой южной культуры месопотамского круга в конце V–IV до н.э. Многие новшества тех лет сохранялись на протяжении тысячелетий. Месопотамские первопроходцы с повозками, запряженными быками, двинулись вдоль побережий, огибая Кавказ, добрались до предгорий Северо-Западного и Восточного Кавказа и стали оседать, возводя здесь небольшие фактории. Используя передовой опыт в производстве материальных богатств и занимаясь его обменом, они вскоре проникли в различные уголки Северного Кавказа. Большое желание изведать новые земли вскоре их привело в Поволжье и на Донетчину. Их фактории, вклинивавшиеся в чужеродную среду, подвергались нападениям и уничтожениям. Несмотря на превосходство технологий, которые проявлялись в изготовлении бронзовых предметов или в керамическом производстве, они успешно развивали колесный транспорт. Редкие островки переселенцев возникали глубоко в степи, на берега Нижнего Дона и Северского Донца. Судьба одного из них, Константиновского поселения, была трагична: оно было засыпано стрелами, и жизнь в нем прекратилась.

В Двуречье колесный транспорт использовался с привлечением онагров и крупного рогатого скота. Судя по археологическим данным, майкопцы в быту использовали крупный рогатый скот, который был одомашнен. Например, в конструкции ритуального майкопского балдахина представлены две пары фигурок быков, выполненных из разного металла. Две пары быков должны были нести на спинах «балдахин», который отправлялся в потусторонний мир [1]. Перекладина на спинах этих пар животных слабо напоминала ярмо, которое обычно лежало на шеях животных и таким образом объединяло их в пары. В самом погребении не оказалось деталей от упряжи для тягловых животных. Может быть, в разнице металла, из которого сделаны бычки «балдахина», была закодирована разномастность этих животных. Во лбу каждого животного была прорезана розетка. Внешне золотая пара бычков отличается от серебряной. Если у золотой пары концы крупных рогов подняты вверх и между ними врезными линиями нанесен знак в виде полуовала, то у серебряной – рога животного слегка прогнуты вниз и слегка выступают над затылком, а между их основанием врезными линиями изображен знак в виде полуовала, по бокам его основания расположенный ответвлением в бок. Вероятно, он является символическим изображением прута, согнутого в кольцо, с торчащими в противоположные стороны концами. На фотографиях майкопских бычков, изображенных на спине, их половые признаки не видны [2].

Отмеченные различия позволяют предположить, что серебряные являлись изображениями волов, что подчеркивал значок, вырезанный во лбу виде кольца с боковыми «усами». Изображение кольца с примыкавшей к нему короткой планкой, которое держит в руке богиня, рассматривается как символическое изображение быка, которое держит в руках бог [3]. Аналогичные кольца использовали для укрощения животного при его превращении в более покладистого животного – вола.

В майкопском кургане найдена серия золотых нашивных бляшек быков с прогнутыми рогами. Все животные развернуты вправо (23 экз.). Из этого кургана происходят два серебряных сосуда с изображениями процессий животных, движущихся в одном направлении, кроме одного случая, где два быка стоят друг против друга. Нашивные бляшки с изображением быка выполнены в одном стиле: с прогнутыми рогами, повторяя абрис серебряных быков, которые держат «балдахин» [4]. Вероятно, это были одомашненные волы. Носовое кольцо – это форма недоуздка, известного во многих культурах бронзового века (афанасьевская, окуневская).

Однако, несмотря на то, что в южнорусских степях выявлена серия погребений майкопского времени, ни разу с ними не были обнаружены предметы, связанные с управлением тягловыми животными. Гужевой транспорт предполагает использование животных в качестве тягловой силы. Название этого транспорта определяет короткая кожаная петля (гуж), которая у лошади соединяла оглобли с обеих сторон с дугой и упряжью, а у быка – ярмо с недоуздком, который крепился к ноздрям животного. Длинную кожаную петлю (гуж) называют постромками, они соединяют животное с повозкой. Эта конструкция не обеспечивает жесткости сцепки. При остановке повозка по инерции продолжает движение, а потому, чтобы ее остановить, она должна быть оборудована тормозом. Такой вид транспорта обеспечивал не только передвижение населения, но и перемещение различных товаров. Первый гужевой транспорт, который распространялся по степи, по-видимому, был не колесным, а санным. В.И. Балабина, используя большую коллекцию глиняных миниатюр из слоев трипольской культуры с территории юго-запада Восточной Европы, убедительно показала, каким был начальный путь развития транспорта в Восточной Европе. На ранних этапах его развития использовались не колесные повозки, а сани [5].

Для управления животными, запряженными в повозку, нужна была узда. Н.И. Веселовский предположил, что пара проволочных колец, найденная в 1906 г. около г. Майкопа при обвале земли в кургане, могла быть

псалиями. По форме оба предмета одинаковые. Прут, согнутый в кольцо, на концах растянут в противоположные стороны. Его концы опоясаны двумя парами кольцевидных валиков и заканчиваются небольшой плоской головкой. Длина предмета 11 см [6]. Рядом с ними не было костей животных.

Второй аналогичный набор вещей обнаружен в 1965 г. Е.И. Крупновым в могильнике у с. Бамут. В Бамутском кургане 15 под каменной насыпью высотой 3 м на древнем горизонте находилась могила четырехугольной формы. Ее края укреплены несколькими рядами камней. Дно выстлано слоем речной гальки. В ее юго-западной части из гальки тщательно была оформлена площадка 1,15 × 0,8 м. На ней лежал скелет человека. Умерший был скорчен на правом боку, головой ориентирован на ЮЮЗ. Под черепом обнаружены четыре одинаковых массивных золотых кольца с несомкнутыми концами, диаметром около 1,5 см, рядом с ними – тонкая серебряная посоховидная игла с обломанным концом, длиной 6,3 см и фрагменты конического предмета с отверстием в широкой части. Возможно, это были серебряные детали головного убора. В северо-западном углу стояли два крупных красноглиняных сосуда, слегка углубленных в материк. Рядом с ними найдены четырехгранное шило и два бронзовых прутковых псалия, согнутых в кольцо с шаровидным утолщением на концах [7]. Длина псалия около 14 см. Рядом с псалиями не было костей животных [8]. Поскольку на Северном Кавказе кости лошади встречаются в слоях поселений ранней бронзы, было высказано предположение, что лошадей могли запрягать в повозки, используя псалии [9].

В 1972 г. А.Х. Нагоев в курганном могильнике Чегем II раскопал курган 27. Его высота 4,6 м. Каменная насыпь, расположенная в центре, была опоясана кромлехом из булыжников. Под ней находилась прямоугольная яма 2,8 × 2,0 м, глубиной 0,9 м, ориентированная по линии СВ–ЮЗ, заваленная булыжниками. На подстилке из речной белой гальки лежал скелет человека. Умерший был похоронен скорченно на правом боку, головой ориентирован на юг. В могиле найдены клювовидный молоток, кремневый асимметричный нож, бронзовый псалий, два бронзовых ножа, костяное шило и бараний астрагал. Бронзовый прутковый предмет, согнутый в кольцо с небольшими шишечками на концах, имел длину 11 см [10]. В большом кургане близ аула Кубина недалеко от г. Усть-Джегута под каменной насыпью, опоясанной оградой, находилось основное погребение 6, слегка углубленное в материк. Могильная яма была перекрыта массивной плитой. Умерший был похоронен на слое гальки в скорченном виде на правом боку, головой ориентирован

на юг. В его ногах стоял бронзовый котел, внутри которого обнаружены два бронзовых прута, каждый из которых свернут в петлю. Их длина 13 и 17 см. Кроме того, в котле обнаружен тлен от истлевшей кожи [11]. В Прикубанье в курганном могильнике у с. Венцы В.С. Бочкарев обнаружил погребение в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии С-Ю. По ее дну прослеживались остатки гальки, которой она была вымощена. По-видимому, скелет человека имел северную ориентировку. Перед умершим были оставлены орнаментированный сосуд, бронзовый нож и две деревянные и плоские прямоугольные коробочки. В каждой из них находилось бронзовое овальное кольцо с оттянутыми в противоположные стороны концами. Окончания прутов гладкие. Их длина 9 см [12].

В курганном могильнике «Клады» проволочные кольца с отогнутыми концами обнаружены в трех комплексах.

1. «Клады», курган 4, погребение 1: курган высотой 3 м. На вершине его второй каменной насыпи находилась ровная площадка прямоугольной формы, ориентированная по линии СЗ–ЮВ. На ее поверхности было устроено парное захоронение. Умершие похоронены скорченно на правом боку, головами на ЮВ. В ногах стояла глиняная посуда. В головах обнаружены бронзовые топор, тесло и «два бронзовых так называемых псалия», которые располагались близко друг другу [13].

2. «Клады», курган 11, погребение 26: полностью разрушено, дно могилы было выложено галечником; в заполнении грабительской воронки обнаружен бронзовый псалий длиной 12,5 см [14].

3. «Клады», курган 11: под каменной досыпкой выявлен жертвенник, состоящий из бронзового котла, под которым в кучке лежали «три бронзовых псалия» [15]. Рядом с ним найдены золотая плоскодонная чашечка, реповидный сосуд и чернолощеный кубок.

Аналогичные находки колец с отогнутыми концами были сделаны в Ульском могильнике в кургане 5 [16], в разрушенном погребении у аула Тауйхабль (Чишхо) [17]. Но вопрос о функциональном использовании этих находок оставался открытым. По инерции их продолжали именовать псалиями. Только с открытием марьинских проволочных кольцевидных изделий ситуация изменилась.

На Ставрополье в могильнике Марьинская-5 А.Р. Канторович и В.Е. Маслов в кургане 1 открыли ряд майкопских захоронений. Погребение 25, обнаруженное в юго-западном секторе, являлось впускным в курган, более поздним, чем погребение 12. Оба эти погребения авторы раскопок связывают с долинским вариантом майкопской культуры.

В погребении 12 умерший был захоронен в деревянной раме, обложенной по периметру слоем камней и перекрытой деревом. Он был скорчен на правом боку, головой ориентирован на юг. Южный край могилы поврежден при сооружении погребения 10, относящегося к северокавказской культуре, в заполнении которого найдены остатки костей животных из могилы 12, в том числе их передние резцы [18]. Судя по окрасу резцов, животное имело носовое бронзовое кольцо.

Погребение 25 прорезало первую крепиду, связанную с погребением 12. Могила 25 была устроена в подквадратной яме. Частокол из бревен, расположенный по ее периметру, установленный в канавку, был укреплен слоем камней. Бревенчатая стена на 1 м возвышалась над полом самого погребения. Образовавшееся квадратное могильное пространство было перекрыто плашками. На южном крае перекрытия лежали два черепа быков, соприкасавшиеся рогами, ориентированные лицевой стороной на юг. В нос каждого из них было вставлено по бронзовому кольцу [19].

В 2018 г. в Ставропольском крае у села Новосредненское в курганном могильнике «Новосредненский I» было открыто майкопское погребение 37. Мужчина 30 лет был похоронен в скорченном виде на правом боку, головой ориентирован на восток. В его руке был зажат какой-то истлевший предмет, а на голове находился кожаный головной убор и золотое височное кольцо в 1,5 оборота. Около умершего лежали два черепа быков. В ноздрях обоих сохранились «бронзовые прутки, согнутые в кольца» [20].

В маринском и новосредненском курганах бронзовые кольца с выступающими стержневидными концами, перевязанными кожаным ремешком, были найдены *in situ* перед носовыми костями черепа быка. Эти находки позволяют поставить точку в вопросе об их функциональном назначении. Такие предметы следует называть носовыми кольцами. Они были предназначены для управления животными. Эти кольца характерны исключительно для памятников майкопской культуры. Ко времени написания работы А.Д. Резепкина (2012 г.) стержней, свернутых в кольцо с выступающими концами, было 10 экземпляров [21]. К моменту издания книги С.Н. Кореневского – 19 экземпляров [22]. В настоящее время их известно более 20. А.Д. Резепкин считает, что бронзовые кольца появляются на втором (новосвободненском) этапе майкопской культуры. По его мнению, майкопская и новосвободненская – это самостоятельные культурные явления. В его таблице все находки носовых колец помещены в колонку новосвободненских материалов. По данным этой

таблицы, все 16 экземпляров носовых колец были обнаружены в 9 погребениях [23].

Носовые кольца на Северном Кавказе встречаются попарно, за редким исключением. Во время последних раскопок они обнаружены вместе с черепами крупного рогатого скота. По-видимому, путешествие в «загробный мир» должно было осуществляться на паре быков (волов), соединенных ярмом. Мясо этих жертвенных животных родственники умершего вкушали во время прощального пира. Носовые кольца, по-видимому, использовались для дальнейшего одомашнивания животных и их превращения в волов и для управления повозкой, в которую их запрягали. В древнем Уре серебряные носовые кольца были продеты в ноздри быков, запряженных в повозки в шахте гробницы царя. Они известны на изображениях быков и эвклидов на штандарте из Ура. Богиня Инана (Иштар) держит в руках носовое кольцо, которое является символом самого быка.

Для обозначения символической повозки достаточно было изобразить голову быка с рогами. Этот символ был упрощен до простого значка – букрания, – который был хорошо известен различным культурам на протяжении нескольких тысячелетий.

Почему тягловых животных не использовали во время погребального обряда в майкопско-новосвободненский период? Тогда как в погребальной шахте урукской гробницы, а позднее – в новотитаровских курганах или в курганах катакомбного времени, мы постоянно находим остатки повозок и тягловых животных. Если в Большом майкопском кургане фигурки быков украшали балдахин, который, по-видимому, был доставлен из дальних земель, то почему в предгорьях Кавказа не находим никаких следов подобных балдахинов? Исследователи отмечали, что в погребениях майкопской культуры кости животных встречаются крайне редко, в отличие от курганов скифского времени. На поселениях кости крупного и мелкого рогатого скота доминировали над остальными костями. На Северном Кавказе в последние столетия к не традиционному домашнему рогатому скоту относились буйволы, которые появились здесь из Закавказья или Турции. По мнению Б.А. Калоева, их первое упоминание на Кавказе относится к XIX в. Буйволов содержали наиболее состоятельные горцы [24]. Может быть, это была вторая волна их проникновения на Северный Кавказ, тогда как первое их появление в этих краях было связано с урукской культурой на заре бронзового века. В наборе фигурок рогатых животных из Большого майкопского кургана присутствовали грациозные золотые

экземпляры с длинными рогами, напоминающие современных буйволов с территории Закавказья.

Многие изобретения сохраняются до наших дней. Натяжение кольца, продетого через чувствительную перегородку носа, принуждает животное следовать в указанном направлении. Достаточно было потянуть за это кольцо, и могучее животное становилось покладистым и смирным. Даже сейчас для строгого управления и удержания быка используется носовое кольцо. При его помощи можно легко завалить животное на бок, прижимая его голову к земле, и с его помощью удерживать животное при проведении операции по кастрированию.

Отношение к носовому кольцу было неоднозначным уже в среде населения майкопской культуры. Его могли хранить в специальных футлярах (с. Венцы) и использовать, когда быка переводили в статус вола. Носовое кольцо предшествовало появлению псалий, ограничителей, расположенных по бокам удил. Развитие псалий началось с появления дисковидных образцов с шипами, которые причиняли боль животному и обеспечивали выполнение команд возничего [25]. Иногда около носового кольца находят длинное бронзовое шило (с. Бамут). Возможно, оно использовалось не только в скорняжной работе, но и для разрушения носовой перегородки тяглового животного.

Глубокой архаикой отличаются у горцев Северного Кавказа различные обряды, связанные с культом быка. У осетин бык считался наиболее почитаемым жертвенным животным. Его посвящали одному из популярных осетинских божеств. В течение какого-то времени быка откармливали, а в день праздника его обводили вокруг селения и закалывали. У осетин его называли «хуцауг» (‘достойный бога’). У чеченцев только быка или оленя можно было принести высшим божествам. У горцев говяжье мясо, приготовленное в бронзовом котле, можно было извлекать специальной двурогой вилкой, очень похожей на майкопские находки.

Примечания

1. Чернопицкий М.П. Майкопский «балдахин» // Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. М., 1987. С. 33–40.

2. Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М., 2011. Рис. 98.

3. Трифонов В.А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. М., 1987. С. 21–23; рис. 1.

4. Кореневский С.Н. Указ. соч. Рис. 87,*4–6*.

5. Балабина В.И. Глиняные модели саней культуры кукутень-триполье и тема пути // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова. М., 2004. С. 180–213.

6. Мунчаев Р.М. Кавказ и Восточная Европа. М., 1973. С. 74, 75; рис. 1.

7. Там же. С. 301–305, рис. 70.*2*; рис. 71 (справа); рис. 72.*3–5*, *8–10*.

8. Там же. Рис. 42.*1, 2*.

9. Там же. С. 73.

10. Там же. Рис. 41.*4*.

11. Биджиев Х.Х. Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 38–40, рис. 7.*3*.

12. Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М., 2004. Рис. 56.*10–14*.

13. Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов «Клады»). СПб., 2012. С. 10, 11; рис. 7.*3*.

14. Там же. Рис. 24.*4*.

15. Там же. Рис. 24.*7*.

16. Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М., 2011. Рис. 86, 83.*7,8*.

17. Резепкин А.Д. Указ. соч. Рис. 100, 3; Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья… Рис. 83.*6*.

18. Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Погребения майкопской культуры кургана 1 могильника Марьинская-5 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 11. М., 2013. С. 82.

19. Там же. С. 92.

20. Гудименко И.В. От Азова до Моздока: краткие итоги археологических исследования на объектах ПАО «ФСК ЕЭ» в 2017–2018 гг. Ростов н/Д., 2019. С. 21–27.

21. Резепкин А.Д. Указ. соч. С. 61. Рис. 130.13.

22. Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. С. 86.

23. Резепкин А.Д. Указ. соч. Рис. 129.

24. Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времен до начала XX века). М., 1993. С. 64.

25. Пеннер С. Щитковые псалии из Микен и северо-восточные аналогии // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Археологический альманах. 2004. № 15. С. 62–81.

Р.Ш. Зельницкая (Шларба)

РИТУАЛЬНЫЕ ВЕЩИ В ТРАДИЦИОННОМ ОБРЯДЕ НАРОДОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Вещь является одним из уникальных многоаспектных источников информации о культуре. На различных исторических этапах меняется не только облик вещей, но и способы их изготовления, а также отношение человека к вещи, ее значению и статусу в культуре. Как правило, изменения отношения человека к вещи отражают, как меняется картина мира исторических эпох.

Анализ музейных предметов позволяет раскрыть различные стороны жизни исследуемых народов. Эмпирической базой исследования для данной статьи стали предметы из этнографической коллекции Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге (далее – РЭМ), относящиеся к культурам народов Северо-Западного Кавказа. Большая часть этих предметов была собрана и зарегистрирована Е.Н. Студенецкой, внесшей большой вклад в собирание и экспонирование предметов, характеризующих культуру народов Кавказа. По словам Евгении Николаевны, в XX в. сбор «экспонатов, связанных с религией, всегда сложен. Предметы, почитавшиеся в качестве священных и находившиеся в святилищах, получить было невозможно», так как, по мнению информантов, «каждого вынесшего что-либо из святого места постигнет жестокая кара» [1].

При изучении музейных предметов важной задачей является классификация материала. В музейной описи, сделанной регистраторами, он систематизирован по тематическому принципу (одежда, украшения, предметы быта, орудия охоты, религия и т. д.). Кроме того, предметы, входящие в северокавказские коллекции РЭМ, можно разделить на несколько групп: по материалу изготовления (плетеные, войлочные, металлические (лужение, ковка), деревянные вещи), а также по назначению и применению. При этом их различение по гендерному принципу может быть отчасти затруднено, поскольку, хотя большая их часть изготавливалась женщинами, использоваться они могли представителями обоих полов. Кроме того, важно отметить, что при изучении этих предметов необходимо понимание того культурного контекста, в который была погружена та или иная вещь.

Перейдем к рассмотрению предметов, относящихся к обрядовым и ритуальным практикам народов Западного Кавказа. По словам А.Л. Топоркова, любые исследуемые музейные предметы религиозно-обрядового предназначения условно можно разделить на три группы в зависимости от их роли и места в ритуале: «к первой относятся утилитарные предметы, минимально используемые в обрядности и не имеющие самостоятельного символического значения, ко второй – утилитарные предметы, используемые в ряде обрядовых действий и имеющие одно или несколько символических значений, к третьей – ритуальные предметы, т. е. предметы, изготовленные в ходе ритуала или специально для использования в нем» [2].

Как известно, предметы или события становятся не только фактом действительности, но и фактом культуры, если они имеют не только практический, но и символический смысл. Здесь можно обратиться к работам П.Г. Богатырева, который пишет о том, что есть предметы, обладающие магическими свойствами независимо от магических действий, совершенных над ними; «это – самые привычные предметы – стол, хлеб, чеснок, вода, железо и т. д. <…> Независимая магическая сила не всегда приписывается предмету потому, что он употребляется при мотивированном магическом действии; скорее, наоборот: сначала предмет награждается независимой сверхъестественной силой, затем пытаются объяснить эту силу, например передачу своих свойств другому предмету, по одному из законов магии» [3].

В современной литературе обоснован тезис о том, что вещь как ритуальный символ представляет собой нечто качественно иное, чем та же вещь как утилитарный предмет [4]. С этим тезисом в целом можно согласиться, но необходимо добавить, что даже в достаточно простых ритуальных системах, где могут использоваться вещи повседневного обихода, их могут дополнять предметы, специально изготавливаемые для ритуала и в принципе не имеющие утилитарного предназначения, то есть те, что относятся к третьей группе в классификации А.Л. Топоркова. Например, палочка в виде рогатки, на которую нанизывается сердце и печень жертвенного животного во время произнесения молитвы, изготавливаемая из орешника и являющаяся разовой.

По характеру использования имеющиеся в коллекциях Российского этнографического музея религиозно-обрядовые вещи можно разделить на предметы, относящиеся к исламу, и вещи, используемые в немусульманских обрядах. Ко второй группе относятся: маски, мишени, амулеты и крышка от противогаза; а к мусульманским – кумганы для омовения,

намазлыки, циновки, сумка для хранения Корана. В статье будут рассмотрены вещи, не относящиеся к мусульманским обрядам, поскольку они имеют более выраженную региональную специфику.

В коллекциях, привезенных Е.Н. Студенецкой, содержатся четыре войлочные маски (две карачаевские, одна балкарская и одна кабардинская). По сообщению фондообразователя, в отличие от дагестанских масок, их, как правило, изготавливали девушки или молодые женщины к каждому случаю. Западнокавказские маски отличаются и материалом. Если дагестанские изготовлены из металла, то здесь в качестве материала использовался войлок. Карачаевские и балкарские маски однотипны и представляют собой мешок из черного или бурого войлока, который надевается на голову так, чтобы закрывались лицо и шея. У карачаевцев маски связаны с сенокосом. По сообщению Евгении Николаевны, «жертвоприношения и молитвы перед началом сенокоса были важны. Возможно, с этим связано присутствие ряженого-*акъсакъала* в каждой группе косцов» [5]. Традиционно эта группа состояла из родственников или соседей, то есть жителей одного квартала. *Акъсакъала* выбирали из своей группы. Он должен был обладать определенными качествами – силой, остроумием, чувством юмора, актерскими способностями.

Подобие *акъсакъалов* существовало и у балкарцев, но, в отличие от карачаевских *акъсакъалов*, балкарские *гебчи* действовали на свадьбах и во время пахоты. Ссылаясь на филолога Саида Шахмурзаева, Евгения Николаевна пишет: «*гебчи* был причастен к обрядам, призванным обеспечить плодородие земли. Запряженным быкам в первый плуг надевали на каждый рог по калачу. Один предназначался высшему божеству Тейри, второй богу хозяину земли *джер иеси*. Старший пахарь снимал с рога первый калач, поднимал его к небу со словами “дай нам дождь” откусывал кусок калача, остальное раздавал детям. После этого *гебчи* снимал второй калач, трижды касался земли, прося плодородия, затем съедал» [6]. Похожего персонажа мы встречаем у кабардинцев во время весеннего аграрного праздника *вакоихажъ*, что значит «возвращение с пахоты». Полное его название – *вако ихаж барак* [7]. Этот праздник связан с культом божества плодородия *ажэгъафэ*, который можно квалифицировать как культ умирающего и воскрешающего божества, сохранившийся до XX в. Пахари, так же как и скотоводы и пахари у карачаевцев с балкарцами, выбирали руководителя, самое распространенное название которого – *тхъэмадэ*. Полномочия руководителей групп у вышеназванных народов одинаковые. Даже князья не могли пройти мимо, не запла-

тив определенную сумму или без разрешения. К атрибутам отправления культа *ажэгъафэ* добавлялась войлочная нагайка.

При возвращении в селение на арбе устанавливали мишень для стрельбы *къабакъ* – высокий шест с прикрепленными к нему фигурами различных животных, птицы и даже всадника (6539-1/1-2). Традиционно стреляли по мишени на скаку, и самый удачливый стрелок получал приз. Кроме того, по преданию, он наделялся магией удачи в делах. Традиция стрелять по мишени распространена по всему Кавказу. Например, у абхазов практиковалась стрельба по мишени не только на праздничных мероприятиях, но и на поминках (сороковины, 52 дня, годовщина). Обязательным действием этого празднества было обливание водой. По сообщению Е.Н. Студенецкой, «это являлось магическим пожеланием обильных дождей и высоких хлебов» [8]. Обливание водой не только пахарей, но и друг друга мы наблюдаем у многих народов Кавказа. В большинстве случаев его совершают во время обряда вызывания дождя.

Следует обратить внимание на то, что ритуал, посвященный сенокосам и пахоте, в трансформированном виде практиковался и в советский период. Неизменным оставался главный персонаж, хотя его функции тоже были подвержены трансформации. Эти изменения отразились на маске *теке*, приобретенной в 1934 г. в Учкулане, на лбу которой пришита полоска белой ткани с надписью латинским шрифтом по-карачаевски: «Да здравствует советская власть и парни, вышедшие косить».

Приведенные примеры использования масок показывают, что, обращаясь к религиозным представлениям народов Кавказа, нужно всегда иметь в виду то, что, несмотря на их внешнюю приверженность мировым религиям, мы не наблюдаем у кавказских народов строгого им следования. Даже после принятия ислама здесь сохраняются верования, относящиеся к так называемым ранним, заключающимся в почитании «элементов природного окружения» [9].

Следующий блок немусульманских предметов, который будет рассмотрен, – это амулеты (6539-3, 6539-4, 6539-6, 6539-5). Эту группу условно можно разделить на амулеты, принадлежащие конкретному лицу и используемые в качестве оберегов дома и сада. Этнографическая литература содержит много данных о распространении и использовании амулетов разного типа у народов Кавказа. По поводу особенностей бытования амулетов необходимо отметить, что большая часть амулетов на Кавказе использовалась женщинами, а также то, что в качестве амулета могла использоваться любая вещь, которой придавалось магическое значение и, соответственно, охранительные функции.

Отдельный научный интерес представляет амулет, представленный в коллекции Российского этнографического музея под номером 6539-3, в котором на одной нитке нанизаны две раковины, бусина и дуа треугольной формы. В этом предмете видно сосуществование у народов Кавказа исламских и окончательно не искорененных доисламских верований. «У всех народов Северного Кавказа обряды и представления об официальной религии сочетались с пережитками первобытных верований», – пишет Е.Н. Студенецкая [10]. На Северном Кавказе бытовая религиозность еще в XX в. была переплетена с дохристианскими и домусульманскими религиозными представлениями и обрядами, хотя в современный период в связи с новой волной исламизации, особенно среди молодежи, эти представления отходят в прошлое.

Экспонат 6539-3 свидетельствуют об использовании в качестве оберега как камней и бусин разных цветов, так и раковин моллюсков. Чаще всего это были раковины-каури, а иногда и простые раковины двустворчатого моллюска. Еще в первой половине XX в. Г.Ф. Чурсин писал о том, что раковины чаще употребляются «в соединении с бусами, камнями или другими мелкими предметами, нанизываемыми на нитку в виде ожерелья, или нашиваемыми на материю» [11]. Такие амулеты встречались у большинства народов Кавказа. Дуа, подвешенная рядом с немусульманскими оберегами, является хорошей иллюстрацией сосуществования у кабардинцев ислама с домусульманскими магическими представлениями. Возможно, помещение дуа на одну нитку с раковиной и бусиной должно было «усилить» магические свойства амулета.

В XX в., по словам Е.Н. Студенецкой, в качестве амулета могли использоваться и современные бытовые предметы, о чем свидетельствует пробитая крышка от противогаза, находящаяся в коллекции Российского этнографического музея (6539-5). Этот предмет, наряду с другими, также представленными в коллекции, навешивался на деревья для того, чтобы они хорошо росли и в них не заводились черви.

У кавказских женщин амулетами-оберегами также служили различные украшения: перстни, кольца, браслеты и т. д. «Если у женщины на пальце нет ни одного кольца, она ритуально нечиста». Даже после смерти с целью защиты в могилу женщины клали украшения. Об этом свидетельствует серебряное кольцо, которое находилось на руке мумии, найденной в наземном склепе (6689-1).

Наконец, достаточно важными предметами, представляющими домусульманские и дохристианские верования в их относительно современном состоянии, являются две куклы, которые использовались в

одном из вариантов обряда вызывания дождя. Адыги, карачаевцы-балкарцы, осетины и абхазы связывают этот обряд с божеством грома и молнии, которое влияет на судьбы людей, урожай, владеет небесным огнем, посылает на землю дождь и засуху и которому адресовались ритуалы поклонения, умилостивления, жертвоприношения. Могущественные боги грома и молнии: у абхазов – Афы, Аиаргь, у карачаевцев – Чоппа, Элия, Шибла, у адыгов – Шиблэ, у осетин – Уацилла – вызывали особое почтение, смирение и преклонение [12].

Кроме адресата моления о дожде, эти обряды близки частью важнейших базовых элементов: обрядовые танцы и песнопения (у адыгов танец *Щыблэ удж*, у абхазов *песня Дзиуоу*, у балкарцев *Кюрек бийче* (дословно *Княгиня-лопата*), у карачаевцев *Жангыз терек* (одинокое дерево-сосна)), дождевой ослик, кукла.

Накануне описываемого обряда юные девушки изготавливали куклу-чучело и в назначенный день устраивали шествие по селу. Во время обрядового шествия процессия несла с собой куклу-чучело, обязательно в женском одеянии. Кульминацией обряда считалось утопление ее в воде. Во время шествия пели обязательную песню, посвященную княгине. Абхазы просили много воды для княгини, которая хочет пить, осетины бросали куклу в воду со словами «*Хандзæ Гуасæ уарун уарзуй!*» («*Княгиня-лопата любит дождь!*») [13]. Адыгский вариант включал обращение к Аллаху при всем немусульманском содержании самого обряда [14]. Карачаевцы и балкарцы тоже устраивали шествие по дворам с песнопениями, посвященными Тейри и Байрым [15].

Кукле, изготавливаемой для обряда, всегда рисовали человеческое лицо, что делало ее условным изображением человека. Куклу – *Хьэнцигуащэ, гинджи, акьанцьа, Хандзæ Гуасæ* – наряжали в женскую одежду. Следует также обратить внимание на гендерную принадлежность данного обряда и куклы. Основным гендерным маркером в этом случае является одежда, то есть платье и платок.

К XX в. обряд с использованием куклы постепенно перестает практиковаться, например, известно, что у осетин совершение этого обряда прекращается уже к середине века. Однако в некоторых районах изучаемого региона, таких как Абхазия, Адыгея и Карачай, он продолжает бытовать до конца 1970-х гг.

Здесь нужно отметить, что использование куклы в обряде вызывания дождя в Абхазии приобретает узколокальный характер. Опрошенные информанты из Бзыбского и Абжуйского районов, являвшиеся участниками этого обряда, выражают свое недовольство современным

вариантом проведения обряда, считая, что в настоящее время нет главного предмета [16], то есть куклы. Полевой материал показывает, что использование куклы в Бзыбской Абхазии сохранялось дольше. Что касается Карачая, то воспоминания о совершении обряда с использованием куклы сохранилось в памяти людей, детство которых приходится на конец 1970-х гг.

Подводя итоги, хочется закончить словами А.Л. Топоркова: «ни сколько-нибудь полное описание, ни тем более изучение предметных ритуальных символов невозможно без учета внутренних закономерностей их организации» [17].

Примечания

1. Архив Российского этнографического музея. Ф. 2. Оп. 2. Д. 361. Л. 10.
2. Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 90.
3. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 201–202.
4. Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 37). Л., 1981. С. 217–218.
5. Студенецкая Е.Н. Маски народов Северного Кавказа // Народный театр. Л., 1974. С. 82–105.
6. Там же.
7. Акритас П.Г. Аграрный праздник в Кабарде // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1948. Т. 4. С. 265–269.
8. Студенецкая Е.Н. Указ. соч.
9. Дмитриев В.А. Народы Кавказа. СПб., 2012. С. 57.
10. Архив Российского этнографического музея. Ф. 2. Оп. 2. Д. 361. Л. 10.
11. Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы Северного Кавказа. Махачкала, 1929. С. 22.
12. Салпагарова А.Ш. Традиционные религиозные представления абхазов и карачаевцев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 85–88; Лакунова Д.Р., Тайсаев Д.Б. Адыгские обряды вызывания дождя в культе обоготворения мертвых // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 37. Ч. 1. С. 82–86; Емельянова Н.Н. Традиционная культура и религия осетин // Дарьял. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. URL: http://www.darial-online.ru/2004_4/emelyan.shtml (дата обращения: 07.10.2018).
13. Бесолова Е.Б. Об общекавказском субстрате в обрядово-фольклорной жизни северокавказских народов // Известия Северо-Осетинского ин-

ститута гуманитарных и социальных исследований. 2011. № 7 (46). С. 64–76; Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008. С. 281; Уарзиати В. Праздничный мир осетин. М., 1995. С. 193.

14. Лакунова Д.Р., Тайсаев Д.Б. Указ. соч.

15. Шаманов И.М. Религиозные предрассудки и борьба с ними // Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 272–273.

16. Полевые материалы автора. Информатор С.Ш. Шларба, 1978 г.р., записано в селе Джгерда Очамчырского района Республики Абхазия в августе 2018 г.

17. Топорков А.Л. Указ. соч. С. 99.

В.Б. Бесолов

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Горные ландшафты. Биосфера древних стран Альпийско-Гималайской горного пояса, и в частности Большого Кавказа, изобилует всеми видами природных богатств, столь необходимых и приемлемых для жизнедеятельности человека и общества. В сложных по морфологии ущельях рек, на труднодоступных склонах и вершинах гор Большого Кавказа издревле обитали люди. Археологическими раскопками установлены доказательства жизни людей, с древнейших времен живших на всем протяжении Главного Кавказского хребта. Эти человеческие сообщества являются создателями замечательных по форме, пластике и декору, образам и стилю художественных произведений и изделий декоративно-прикладного искусства эпохи древности и Средних веков.

Древние племена и коренные горские народности, издавна населявшие регион Большого Кавказа, вели интенсивный образ жизни и, несмотря на сложнейшую морфопластику горного ландшафта и резкую изменчивость сурового климата, занимались земледелием и скотоводством. Особенности ландшафта и климата сопутствовали демографическому росту горских народностей. Условия горной местности Большого Кавказа способствовали сохранению архаического образа жизни.

Представителями исторической антропологии установлен в целом единый физический морфотип людей на Большом Кавказе – кавкасион-

ский тип [1]. Разумеется, у горских народностей наблюдаются некоторые отклонения от основного кавкасионского типа, что вполне понятно и обосновано многими жизненными факторами. Однако феноменальный реальный факт – это языковое многообразие населения Большого Кавказа, и в особенности Дагестана, который является уникальным ареалом зарождения и развития кавказских языков. Каждое горное ущелье Большого Кавказа, издревле заселенное конкретной народностью, изобилует языческими святилищами, ибо горцы традиционно почитали местные божества.

Горные поселения. Важно выявить этнические и социальные особенности системы расселения в горах Большого Кавказа в эпохи древности и Средневековья, экономические и производственно-хозяйственные факторы, природные строительные ресурсы и стратегические преимущества местоположения горных поселений (аулов), характер их планировочной структуры и пространственной композиции и др. Наше исследование базируется на научных идеях Н.Б. Бакланова, Э.Б. Бернштейна, Г.Я. Мовчана, С.О. Хан-Магомедова, А.Ф. Гольдштейна и др. Однако автор не согласен с утверждением С.О. Хан-Магомедова о конфессиональном обосновании процесса поквартального образования крупных материально-организованных жилых структур дагестанского аула [2]. При осмыслении архитектурно-планировочного наследия стран и народов Большого Кавказа и истолковании современной значимости пространства исторической памяти мы опирались на труды таких историков, социологов, философов, как Л.П. Репина, О.В. Герасимов, И.Е. Кознова, Н.Е. Копосов, О.Б. Леонтьева, Р.Г. Пихоя, А.В. Полетаев, Е.А. Ростовцев, И.М. Савельева, Д.А. Сосницкий, Ж.Т. Тощенко, А.И. Филюшкин и др.

Надо полагать, что процесс закономерного формирования и органичного развития архитектурно-планировочной структуры и пространственной композиции горных аулов проходил с глубокой древности у всех горских народностей, и уже тогда существовали отдельные квартальные площадки и общесельские площади, предназначенные для «мужских союзов», то есть заседаний народного совета старейшин. Функционально столь необходимые порождения исламской религии, каковыми являются мечеть и минарет, появились в горных аулах Дагестана гораздо позже и не имели основополагающего значения в формировании планировочной структуры и пространственной композиции домостроительства. Характерной особенностью архитектурно-планировочных традиций горских народностей Большого Кавказа являются реалии планировки и формирования поселений в труднодоступных

местах, удобных для обороны от неприятеля. Можно утверждать, что в горах Северо-Восточного Кавказа был создан особый архитектурный морфотип поселения.

Если идентифицировать, казалось бы, внешне неразличимый квартал крупного горного аула с тухумом (или патронимией), то историку архитектуры и градостроительства не представляет особого труда определить назначение особых мест квартальной общины, чаще всего это небольшая крытая площадка, где каждый вечер сходятся мужчины. Подобными знаковыми территориями соседской общины являются общесельские общественно-торговые площади социально-экономического, политического и стратегического назначения. Отсюда следует вывод: каждая патронимия (или тухум) генерировала свою материально-организованную структуру в планировочно-пространственной композиции горного поселения, то есть постепенно создавала единый архитектурный комплекс жилого и оборонного назначения. По всей вероятности, формирование архитектурного комплекса и всего поселения являлось следствием разрастания семейной общины, образования большой патриархальной семьи и возникновения патронимии. Оборонно-жилой комплекс эволюционировал от первоначального жилого ядра – жилища прародителей семейной фамильно-родовой общины, при этом вектор формирования продвигался по склону к вершине, чаще всего южного или юго-восточного горного склона, что способствовало постепенному и непрерывному образованию единого поселения.

При стадиальной эволюции изначального архитектурного морфотипа древнего продольно-вытянутого жилища горного аула одновременно предусматривались и конструктивные связи, и функционально необходимые проемы, а также улицы-туннели. Таким образом, развитие укрепленного социально-жилого комплекса и горного поселения в целом было обусловлено различными факторами и происходило по принципу стадиального разрастания кровно-родственной семейной общины.

Миграционные потоки древнейших племен, по всей вероятности, выходцев из Передней Азии, носителей прадагестанской и правайнахской этнолингвистической общности, обосновавшись на территории Северо-Восточного Кавказа, продолжали возводить присущие им жилища-фаланстеры. Именно такой архитектурный морфотип древнейшего жилища стал основой планировочно-пространственного формирования на естественном горном склоне террасообразного поселения, или, иначе, поселения каскадной морфологии. Столь оригинальное по-

селение формировалось снизу вверх по наклонной поверхности горы и росло по всему ее склону, при этом жилища-фаланстеры сопрягались между собой посредством характерных для горных поселений узких, но (в данном случае) крытых улиц. Оно при необходимости выполняло и оборонительные функции, могло выдержать долговременную осаду, потому что для жизнеобеспечения имело всё необходимое: запасы продуктов питания, источник родниковой воды, дрова, кизяк и прочее. Более того, враг не мог проникнуть на его территорию, ибо в лабиринте крытых улиц он сразу же становился легкой добычей для обитателей поселения.

Горные жилища и культовые сооружения. Палеоархитектурный морфотип реликтового центрического жилища срединной зоны Альпийско-Гималайского горного пояса Евразии является уникальным творческим достижением мастеров зодчества эпохи древности. Древнейшему жилищу центрической композиции плана, с развитой вертикальной осью и четкой пространственно-тектонической структурой, присуще органическое единство функции, конструкции и формы, предельная лаконичность и эстетическая выразительность интерьера, универсального по характеру организации и строго дифференцированного внутреннего пространства. Изучение его организации способствует выявлению этнокультурных взаимосвязей и взаимовлияний в ареале обитания раннеземледельческих племен и создания раннеземледельческих культур Кавказа и Передней Азии, а также осознанию этнической идентификации этих племен и этнической принадлежности созданной ими культуры. Важно то, что изначально в архитектоничном организме была заложена неизменная во времени творческая идея квадратоцентричности. Именно эта, совершенно уникальная творческая находка, несомненно, предопределила хронологическую непрерывность и стала основой длительного существования центрического архитектурного морфотипа.

Надо полагать, что башенное сооружение изначально появилось во всех горных странах мира в качестве укрепленного жилища, по контуру квадратного очертания плана и слегка наклонными внутрь объема, к центральной оси внутреннего пространства вертикальными плоскостями четырех стен, соответствующих четырем сторонам света. Башенное жилище представляет собой единую жилую ячейку квадратной конфигурации и универсального назначения. По композиции это четкий квадрат или почти квадрат, реже – слегка вытянутый прямоугольник. Внутренний абрис и наружный контур плана идентичны по

форме, но различны по размерам с разницей в толщину утоняющейся каменной стены. Плоскости каменных стен и линии граней отличаются четким геометризмом, все четыре стены в равной степени наклонены внутрь и, как следствие, постепенно уменьшаются по вертикали, именно поэтому все четыре фасада и весь объем получают трапециевидный образ.

Арочного очертания лаз, как правило, устроен на уровне второго яруса башни, в стенах имеются узенькие оконные проемы, необходимые для освещения естественным светом и осмотра прилегающей территории. Обычно жилая башня состояла из нескольких ярусов: в нулевом ярусе зимой содержался домашний скот, в первом ярусе жили старейшины семьи, в его центре находился домашний очаг, на нем пекли, варили и жарили, там же обедала вся семья. Во втором и третьем ярусах жили сыновья, в следующем ярусе неизменно обитали дочери.

Жилая ячейка универсального назначения стала основой зарождения плановой композиции и пространственной структуры горской сакли. Этот морфотип жилища, присущий кавказским горцам, представляет собой основную квадратную ячейку, являющуюся комнатой старейшины дома и хранительницы домашнего очага, общей комнатой-залом и кухней-столовой для большой патриархальной семьи. В древности и Средние века очаг располагался по центру универсально функционирующего пространства, а уже в новое время переместился к стене комнаты.

По мере роста и взросления детей девушек выдавали замуж, а сыновей поочередно женили. Перед тем как женить старшего сына, к основной и самой большой квадратной жилой ячейке пристраивали такой же формы ячейку, но чуть меньшего размера, на 1,5–2 м она углублялась от линии фасада. Затем, с наступлением времени женитьбы второго, третьего и других сыновей, к новой ячейке старшего сына пристраивалась жилая ячейка второго, потом третьего и т.д.

С целью коммуникации всех членов большой патриархальной семьи перед дверным и оконными проемами каждой жилой ячейки по всей ее ширине устраивались анты – портик на деревянных колонах. При возрастании количества жилых ячеек эти портики срастались, и таким образом получалась длинная многоколонная галерея с покрытием. Эта галерея вела прямо к дверному проему, предусмотренному в боковой стене основной, самой большой и высокой жилой ячейки. Если рост количества жилых ячеек прекращался из-за рельефа горной местности, тогда в той же последовательности над ними устраивался второй этаж,

который сообщался с первым этажом посредством деревянной лестницы, располагавшейся в середине длины галереи.

В конечном итоге композиция плана сакли получала завершение, а по объему формировалась двухэтажная структура внутреннего пространства с многоколонной галереей в два яруса. Весь постепенно формирующийся новый объем не выходил за линию основной, первоначальной квадратной формы башенной ячейки. Наряду с архаичным замкнутым и укрепленным монопространством изначальной жилой ячейки универсального назначения образовались новые, не менее замкнутые жилые ячейки. Перед всеми жилыми ячейками образовалась многоколонная структура промежуточного пространства, объединяющего все замкнутые микропространства с открытой естественной средой [3].

В компактных поселениях горцев к жилищу обычно примыкали хозяйственные постройки (хлев для крупного и мелкого рогатого скота, амбары для хранения зерна, сараи для хранения сена, дров и другого назначения) и производственные сооружения (для ремесленной и промысловой деятельности, в частности производства и хранения самогона, вина, сыра, для копчения и сушения мяса и др.). Водяные, или проточные, мельницы всегда сооружались в непосредственной близости горного и равнинного поселения, на самом подходящем месте стремительно текущей горной речки.

Вблизи горных поселений, а нередко и на их территории на возвышенных местах обычно находились каменные, реже деревянные святилища. Они не имели интерьера, располагая лишь рудиментарным внутренним пространством для дарений. Снаружи они обычно имели пирамидально-ступенчатую форму, напоминая собой ступенчатую микропирамиду. Святилищ такой классической архаической формы в горах Центрального Кавказа сохранилось крайне мало.

На территории горного поселения или вблизи него, как правило, находились фамильно-родовые усыпальницы, то есть склеповые сооружения весьма оригинальной формы, не имеющие аналогов в мировой архитектуре. Нам удалось выявить этнокультурную закономерность: территория распространения склеповых сооружений полностью совпадает с ареалом кобано-тлийской культуры эпохи древности. Архитектурный морфотип склепового сооружения состоит из трех основных разновидностей: 1) подземный – это когда всё уходящее вглубь внутреннее пространство устроено в массе земли, и только фасадная часть с лазом выступает на склоне горы; 2) полуподземный – когда значи-

тельная часть удлиненного внутреннего пространства, то есть фасад с лазом, боковые стены и ложный свод, снаружи имеющий ступенчатое перекрытие, выложены из камня; 3) наземный – это каменные, почти квадратной композиции сооружения с вертикальной пространственной структурой, перекрытой внутри ложным сводом, имеющим снаружи пирамидально-ступенчатую форму.

Оборонительные сооружения. Характер рельефа местности, естественная среда, образ жизни и стиль мышления горских народностей Большого Кавказа обусловили строительство высоких башенных сооружений, необходимых для обороны. Как правило, сигнальные башни возводились на самых высоких и стратегически выгодных местах, хорошо просматриваемых с верхнего яруса башен. Сигнальные башни имели сторожевую функцию, каждый дозорный наблюдал за отдельной частью горного ущелья. В случае появления врага дозорные моментально подавали огненный сигнал, который за несколько минут распространялся по ущелью.

Оборонительные башни возводились на территории каждого горного поселения и вокруг него. В нижних ярусах жилых и оборонительных башен обычно прятались жители данного поселения со своими детьми и провиантом. Мужчины всячески обороняли свое поселение, ибо оно нередко являлось их родовым гнездом.

Неповторимые, поистине уникальные по архитектуре и строительной технике замки и крепости чудом сохранились в горах Большого Кавказа. Обычно они возводились на труднодоступных, иногда, казалось бы, на совершенно неприступных местах горных отрогов и вершин. Вольные феодальные общества Большого Кавказа создали настоящие шедевры наскальной архитектуры – замки и крепости высокой фортификационной значимости.

Всегда заинтересованный в странах и народах Кавказа высококультурный Древний Иран, уверенно господствовавший на обширной территории Передней Азии, в целях сохранения своих земель на их окраинах обычно возводил мощные каменные стены, защищавшие от проникновения воинственных племен Юго-Восточной Европы. До настоящего времени сохранились остатки каменных стен, некогда перекрывавших горные ущелья северных склонов Большого Кавказа. Эти стены имели ритмично расположенные башни с бойницами и укрепленные ворота, которые бдительно охранялись стражей.

Пространство исторической памяти и проблемы современных реалий. В планировочной структуре и пространственной композиции

каждого горного поселения, в семантике эстетического облика и символике художественного образа отображено мировоззрение конкретных племен и народностей Большого Кавказа, архаичность представлений о жилище для живых и усопших, о характере материальной организации сакрального пространства и в целом о строении мироздания. В горных поселениях воплощены издревле продолжающиеся строительные традиции горских народов.

Как свидетельствует реальная жизнь в горных изолятах полиэтничных Большого Кавказа, Западного Памира и Гиндукуша, традиционная архитектура стабильно развивалась до того момента, пока этнокультурный регион не оказывался в единой системе инфраструктуры с предгорной и равнинной территорией. Изолированность, замкнутость, закрытость являлась естественно-историческим условием имманентного развития народного зодчества, художественного творчества, этнической культуры, хозяйства и быта, в частности архитектуры горных поселений. Открытость и налаженные коммуникации с внешним миром отразились на качестве и характере архитектуры горцев. Новые веяния резко меняли, казалось бы, неизменные, уже устоявшиеся строительные традиции и стали причиной исчезновения культурной самобытности горских племен и народностей древнего и средневекового Большого Кавказа. На данном этапе стратегически важно если не приостановить, то хотя бы замедлить движение миграционных потоков коренных народностей Большого Кавказа с гор на равнину, чтобы сохранить этнокультурную самобытность горских поселений и жилищ.

Примечания

1. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: краниологическое исследование. М., 1974.

2. Хан-Магомедов С.О. Народное жилище Южного Дагестана // Советская этнография. 1951. № 1. С. 166–176.

3. Бесолов В.Б. Традиционное архитектурное наследие горцев Большого Кавказа как определитель творческого дарования зодчих, источник фундаментального гуманитарного знания и показатель духовной безопасности горских народов // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сб. матлов V Междунар. науч.-практ. конф. (ЧГПУ, г. Грозный, 7–8 декабря 2018 г.). Махачкала, 2018. С. 69–70.

Л.Т. Агиева

КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ИНГУШСКОМ СОЦИУМЕ

Своеобразие социально-экономического и культурного развития того или иного этноса вырабатывает определеную культуру общения, наиболее ярко выраженную в речевом этикете. Давая характеристику речевому этикету, мы можем констатировать, что это целая устойчивая система характерных для данного этноса моральных предписаний ритуализованного общения, а также изо дня в день повторяющихся типических ситуаций взаимодействия между людьми. Одновременно речевой этикет представляет собой сочетание многочисленных видов коммуникативных актов, характеризующих процессы жизнедеятельности человека в его стремлении нормализовать свое жизнеобеспечение и свои отношения в том или ином коллективе. То есть мы можем констатировать, что это негласный свод правил, которые обязательны для соблюдения всеми людьми, желающими выстроить хорошие отношения. Следовательно, речь является одной из форм реализации и средством регуляции социальных отношений. В этом качестве речевые фрагменты подвергаются постоянной ритуализации и служат маркерами социальных отношений [1].

Освоить навыки культуры общения можно благодаря использованию формул речевого этикета, т. е. определенных слов, устойчивых выражений и фраз, которые применяются в зависимости от стадий разговора. Всего в речи принято выделять три стадии: 1) приветственную, 2) основную, 3) заключительную. Известно также, что в любой жизненной ситуации общение людей, обладающих различными статусами, должно соответствовать нормам этикета. В этом случае в социуме различают этикет речевой и неречевой.

Неречевой этикет – это разнообразная система невербальных знаков: похлопывание по плечу, помахивание рукой (в знак приветствия или прощания), способы размещения людей в соответствии с правилами первенства (за столом и пр.), преподнесение подарков и т. д. Речевой этикет – это часть правил поведения человека в обществе, словесные (вербальные) формы выражения отношений между людьми в процессе общения, отражающие существенные для данного общества социальные связи в соответствующих сферах, ситуациях и функционирующие в силу традиции.

Использование этикетных речевых норм обусловлено также полом, возрастом, степенью родства, знакомства лиц, принимающих участие в разговоре, и ситуация играет здесь дополняющую и уточняющую роль в процессе языкового общения. Словосочетания, предложения, связанные с определенными бытовыми ситуациями и шаблонными темами разговора: формулы обращения, пожелания, приглашения, просьбы, – постоянно встречаются в бытовом общении. При этом заложенная в ингушском языке народная мудрость учит быть активными как в сфере материально-физической, так и духовно-нравственной.

Можно сказать, что посредством общения передается этнокультурная информация (синхронная и диахронная), необходимая для создания пространственной стабильности и культурной интегрированности этноса [2]. Специфические для данной культурной группы формы общения служат для ее консолидации и одновременно отгораживают ее от других групп, то есть утверждают ее внутреннюю целостность, своеобразие и уникальность. Отсюда очевидно, что общение людей регулируется в первую очередь социальными нормами, выработанными данным обществом. Эти нормы усваиваются индивидом в процессе его социализации, путем усвоения им культуры общества, то есть в ходе воспитания в среде данной культурно-исторической общности [3].

Табу в общении делятся на коммуникативные (языковые, тематические) и интерактивные (контактные). Языковые табу – это запреты на произнесение отдельных слов или словосочетаний (например, терминов родства). Тематические табу представляют собой полный отказ от разговоров на те или иные темы. Контактные табу – это запрет на некоторые или любые виды общения между носителями определенных социальных ролей, например между зятем и тещей [4]. Человек не должен хлопать старшего по плечу, так как этот жест может расцениваться как вызов. В рукопожатии, улыбке, поклоне можно выразить свое отношение к другому – от явно неприязненного до восторженного.

Изучение общения как явления, определенного культурной традицией, практически укладывается в рамки разработанной доктором исторических наук Б.Х. Бгажноковым «этнографии» общения [5]. Он включает в предмет общения традиционно-бытовую культуру общения. Это ритуалы приветствий и прощаний, обхождение с противоположным полом, родственниками, гостями, старшими, средства и атрибуты общения (жесты, мимика, позы, детали одежды и формы поведения, обхождение, правила учтивости), принятые в данном обществе [6].

Наибольшее значение при общении индивидов приобретают «вход в этикетную ситуацию и вывод из нее, то есть начало и конец этикетного поведения». Здесь как раз приветствия и прощания определяют границы этикетной ситуации. В традиционной ингушской культуре речевого этикета эти элементы этикета подробно разработаны и регламентированы.

Как правило, младший по возрасту или положению первый приветствует старших. Однако при встрече знакомого на улице нельзя спешить здороваться с ним издалека. Три или четыре шага – вот, вероятно, самая правильная дистанция для приветствия. При этом, конечно, не следует держать руки в карманах, а во рту сигарету. Какова бы ни была степень знакомства, приветствие никогда не должно быть развязным; даже если повстречается самый близкий товарищ, не надо махать рукой и кричать через всю улицу: «Салам, Мага!» и т. д.

Ингушский этикет не допускает, чтобы та или иная сторона прибегала не к своим формулам приветствий. Так, не допускается, чтобы старший по возрасту приветствовал младшего «1уйре дика хийла хьа» («Доброе утро»), а младший отвечал старшему «Дукха вахалва» («Живи долго»). Если возраст примерно одинаков, приходящий первый приветствует присутствующих, но младший первым приветствует старшего человека вне зависимости от того, является старший приходящим или присутствующим.

Следует также отметить, что ингушскому речевому этикету не свойственна этикетная формула обращения к старшим на «Вы». Правила общения продуманы так, чтобы любой разговор, любая реплика на определенную тему подчеркивали бы почтительное отношение к старшим по возрасту. Это проявляется в интонации, а также в других внелингвистических средствах выражения мысли (в позе, во взгляде, тембре и силе голоса, темпе речи). Речь старшего человека ингуши никогда не перебивают, независимо от того, нравится она или нет. Недостаточно хорошее знание родного языка при этом рассматривалось и до сих пор рассматривается как неуважение к собственному народу.

Таким образом, мы можем утверждать, что «свод морально-нравственных правил» ингушей выступает как носитель общих черт коммуникации и регулирует поведение человека. Следует отметить, что культуру общения ингуши прививали своим детям с раннего возраста, во время общения родителей, близких родственников, гостей, во время свадеб, похорон и других торжественных мероприятий.

Сильную модификацию движений (мимика и жесты) человека в различных культурах подчеркивают все исследователи невербального поведения. Ограничения, накладываемые каждой культурой на жестикуляцию, порой настолько строги, что существенно затрудняют общение представителей разных культур даже при знании ими соответствующих вербальных языков. В зависимости от жесткости ограничений культурного характера американский исследователь Лабарр выделяет следующие группы жестов и выражений лица.

1. Движения, которые во многом предопределены генетически и значение которых в разных культурах варьируется в целом несущественно: смех, плач, улыбка.

2. Движения, принятые только в рамках данной культуры и либо никак не интерпретируемые представителями данных культур, либо имеющие для них другое значение: некоторые формы утверждений, отрицаний, приветствий.

3. Движения, неадекватное воспроизведение которых влечет за собой санкции, например поцелуи и т. д. Эта классификация охватывает большинство эмпирически исследованных коммуникативных движений [7].

В ситуации приветствия и прощания у ингушей на первый план выходят принципы половозрастной дифференциации и почитания старших. В приветствиях ярче всего отражается смысл этикета – обозначение места общающихся в социальной иерархии, подтверждение социальной структуры общества. В вопросах приветствий у ингушей обычно не возникает затруднений. При приветствии необходимо придерживаться тех же правил, что и при знакомстве, то есть молодой человек должен первым приветствовать старшего по возрасту или девушку, младшая по возрасту женщина или девушка – старшую женщину и мужчину. Студенты и школьники должны первыми приветствовать своего учителя, даже если преподаватель младше своего студента (что также случается). Ингушская культура речи регламентирует первым поздороваться со старшим. Она подразумевает этикетное уважение к старшим, проявляемое во всех ситуациях, что особенно характерно для обществ с генеалогической структурой [8], к каковым относятся и ингуши.

Интересно трактуются сегодня принципы старшинства в ситуации приветствия нескольких человек сразу. Вступая в контакт с большой группой мужчин (6–7 человек), следует обменяться рукопожатием с двумя-тремя наиболее старшими, а другим адресовать общее словесное приветствие. При этом приветствовать нужно сначала того, с кем не связан узами родства.

По обычаю первым приветствовал всадник пешего, при этом тот, кто сидит на коне, должен привстать на стременах, ибо нельзя никого приветствовать в сидячем положении. При встрече мужчин-ровесников идущий из селения первым приветствовал идущего в селение, спускающийся – поднимающегося, одиночка – группу, всадник – пешего и т. д. Считалось неприличным говорить с пешеходом, держа плеть в правой руке, ее обязательно перекладывали в левую руку.

Обычай ингушей допускал приветствие всадником мужчин, находящихся в дороге, простым приподнятием правой руки с изгибом в локте. Если в прошлом всадник встречал подводу с сидящими женщинами, то он уступал им правую сторону, женщины при этом приподнимались, а мужчина в знак приветствия должен был приподнять правую руку и опустить ее. Еще недавно нельзя было проехать мимо аула, не остановившись в нем. Это считалось дурным тоном [9].

Как известно, отношения между людьми бывают весьма неоднозначными. Существуют отношения равноправные, неравноправные, родственные, дружеские, приятельские, теплые, холодные, высокомерные, легкие, тяжелые, натянутые, напряженные и т. п. Сложность состоит в том, что все многочисленные оттенки человеческих отношений находят свое отражение в речевом этикете. В правилах общения ингушей важное место также занимают выражения, обращения, формулы религиозного характера, что свидетельствует об огромном влиянии ислама и религиозного духовенства на сознание и образ жизни.

В ингушском языке существует большое число приветственных слов и устойчивых словосочетаний, приуроченных к самым различным ситуациям. Вместе с тем на определенном уровне развития языка возникает проблема упрощения или даже унификации речевых этикетных стереотипов. В русском языке на месте многих ситуативно регламентируемых формул вполне успешно и универсально используется слово «Здравствуйте». Оно удачно заменяет множество других слов, словосочетаний и предложений, таких как «Доброе утро», «Бог в помощь», «С приездом» и прочие, которые существуют в лексиконе русского языка. В ингушском языке сходную функцию выполняют общемусульманские: «Салам алейкум» (букв.: «Мир тебе») и «Фу де шва хьо*?*», «Миштад хьа *г1улакхаш?*» («Как дела?») (последняя формула не исключает необходимость повторить ее после ритуала приветствия, с выраженной вопросительной интонацией). Первое приветствие употребительно в мужской речи и адресовано, как правило, только мужчине. При этом, если разница в возрасте между тем, кто приветствует, и его адресатом

довольно велика (например, юноша приветствует пожилого человека), то формула «Салам алейкум» может оказаться неуместной как слишком высокая по стилю.

Важной особенностью речевого этикета является способность слушать собеседника. Необходимо заметить, что молчание во время говорения – это обязательный элемент коммуникации. По мнению В.В. Богданова, использование молчания в разговоре обусловлено универсальным законом речевого общения. Согласно этому закону, реплики собеседников появляются попеременно, а адресат и адресант постоянно меняются ролями. «Смена ролей означает, что в некоторый отрезок времени правом слова располагает один из коммуникантов, в то время как другой ожидает своей очереди… Этому периоду ожидания обычно соответствует молчание. Оно не является пассивным, т. к. коммуникант, выполняющий роль адресата, воспринимает и перерабатывает в этот период сообщаемую ему информацию… Интервалы молчания адресат нередко прерывает вербальными и невербальными вставками, указывающими на то, что он внимательно слушает говорящего» [10].

Употребление формул приветствий и прощаний зависело от того, когда собеседники в последний раз виделись. Если гость приезжал впервые, то расспросы были детальными, задавались вопросы, которые характеризовали жизнь, труд, быт, состояние семьи, хозяйства и т. д. Коммуникативная культура ингушской речи приветствует использование пословиц, поговорок, мудрых мыслей, устойчивых фразеологических единиц.

Самая распространенная форма невербального приветствия у ингушских мужчин – рукопожатие «Кульги бахар» / «Кулг далар» (дословно «сошлись руками»). Рукопожатием не обмениваются два человека, между которыми потенциально не может быть вражды и мести. Например, руку не подают женщине (так как с женщиной не может быть вражды, а следовательно, и примирения не нужно). Между тем ингушские женщины руку не подают ни друг другу, ни мужчине. Не здороваются за руку с близкими родственниками (дядей, двоюродными братьями, родными братьями, племянниками, отцом, сыном и т. д.). Между собой близкие родственники ограничиваются словесными знаками приветствия, у них нет необходимости в такой этикетной ситуации, так как с ними исключена какая-либо вражда, а следовательно, и примирения не требуется. Для ингушей считается большим оскорблением не принять протянутую для рукопожатия руку. Это является для них демонстрацией крайнего осуждения и враждебности и воспринимается как оскорбление.

Поведенческая культура ингушей предусматривает также определенный минимум расстояния между беседующими людьми. Младший по отношению к старшему должен выдержать дистанцию в 100–120 см, для этого младший после приветственного объятия тут же должен сделать 1–2 шага назад. Между разговаривающими мужчиной и женщиной «приличная» дистанция увеличивается до 1–1,5 м, а между женщинами сокращается до 70 см. Если встреча состоялась на лестнице, то младший по возрасту или мужчина по отношению к женщине должен стоять на 1–2 ступени ниже. В этом качестве речевые фрагменты подвергаются постоянной ритуализации и служат маркерами социальных отношений [11].

Хотя сегодня способы приветствий и прощаний у ингушской молодежи упрощены и модернизированы, тем не менее традиционные нормы сохранились. Если современный ингуш здоровается со всеми родственниками, знакомыми, то при этом он, как и в прошлом, пожимает им руку и расспрашивает о здоровье, делах и т. д. Знакомым также можно просто кивнуть и произнести: «1уйре дика хийла*!*» («Доброе утро!»), «Ди дика хилда*!*» («Добрый день!»), «Сайре дика хийла*!*» («Добрый вечер!»). На это однозначно отвечают: «Диканца вахалва» («Пусть твоя жизнь сложится!»); «Дукха вахалва» («Живи долго!»); «Дала ха й1аьха йойла хьа» («Пусть Бог даст тебе долгой жизни!»). При встрече пожилого человека (мужчины или женщины) обязательно употребляют традиционную формулу. Несмотря на упрощение правил приветствия и прощания, а также исчезновение многих словесных формулировок, общие принципы традиционного этикета продолжают действовать и в современных нормах.

Примечания

4. Исаев Э.А. Этические воззрения в системе традиционной культуры вайнахов // Южнороссийское обозрение. Вып. 43. Ростов н/Д., 2007. С. 252.

5. Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2. М., 1972.

6. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня: проблемы и перспективы. М., 1965. С. 36.

7. Бгажноков Б.Х. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982. С. 49.

8. Он же. Национальная культура и проблема этнографического изучения коммунистического поведения // Национальная культура и общение. М., 1977; Он же. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.

9. Он же. Коммуникативное поведение и культура // Советская этнография. 1978. № 5.

10. Петрова А.С. Феномен общения с точки зрения этнопсихологии (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1987. № 3. С. 19.

11. Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России XIX–XX вв. М., 1999. С. 23.

12. Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет народов Передней Азии. М., 1988. С. 18.

13. Богданов В.В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение: единицы и регулятивы. Калинин, 1987. С. 22.

14. Тарасов Е.Ф. О ритуализации общения. Национальная культура и общение. М., 1977. С. 76–77.

Г.В. Сёмина

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЭТНОСОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТВОРЧЕСТВА И ТРАДИЦИЙ: ОТВЕТ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ

Оборотной стороной глобалистики с основополагающей темой цивилизационного единообразия выступает регионалистика как оптимальная форма локального существования этнокультур, где проблемы выживаемости посредством сохранения самобытности имеют статус приоритетности. Культуры этносов сегодня претерпевают определенные трансформации, так как несут на себе специфические следы цивилизации, оставляемые давлением технического прогресса и массовой культурой. Так, в глобализированном мире локальная культура этноса перестает быть замкнутой и переходит в разряд открытых, то есть подверженных сильному влиянию мировых техногенных процессов. Г.В. Драч в своих исследованиях утверждает, что переплетение «судьбы национальных (многонациональных, как Россия) государств и национальных экономик с судьбами этносов должно быть не только признано, но и принято в самой практике национального развития» [1]. При этом ученый считает, что этносы постоянно находятся в ситуации раздвоенности, то есть в состоянии между стремлением сохранить этнокультурную идентичность и желанием овладеть всеобщностью, что

выдвигает вопрос о важности обособленности этносов в гражданском пространстве.

Не менее актуальными на сегодняшний день являются вопросы о сопоставимости сил – вызовов современного мира и возможностей российских этносов. Способны ли этносы дать адекватный ответ на процессы, обусловленные ростом международной конкуренции и конфликтности, и выйти на новый уровень своего развития? Или вызовы окажутся непосильными и в этнических сообществах произойдут надломы, которые приведут к потере этнокультурной идентичности?

В данной статье представлены результаты анализа событий, связанных с историей развития таких северокавказских народов, как карачаевцы, балкарцы, чеченцы и ингуши, которые основаны на научной концепции «вызова и ответа» британского культуролога Арнольда Джозефа Тойнби. Рассмотрены процессы их самоидентификаций сквозь призму национального творчества и культурных традиций в период принудительного переселения и последующего возрождения, выявлены позитивные импульсы, способствовавшие укреплению их самобытности. При этом определена тождественность направленностей культурного развития на высокий уровень самоидентификации как в период депортации, так и в период глобализации, ведь и тот и другой губительно влияют на этнокультурную идентичность. В заключении статьи подведены итоги рассмотрения автором вопроса сохранения этнокультурной самобытности народов Российской Федерации.

Согласно концепции А. Тойнби, развитие любой культуры осуществляется как серия ответов, даваемых творческим меньшинством на те вызовы, которые бросают ему природа, общество или внутренняя бесконечность самого человека. При этом всегда существуют различные варианты развития, так как на одни и те же вызовы этносы отвечают по-своему. Так, стимул, способный положительно повлиять на успешность в развитии любого процесса, который выделил Тойнби в своей теории, – это стимул ущемления: лишение определенных прав людей по национальному признаку, когда общество, утратив нечто жизненно важное, направляет свою энергию на выработку свойств, непосредственно возмещающих потерю. При этом если вызов слишком сильный, то он не стимулирует развитие, а ведет к гибели. В результате каждая социальная группа, успешно отвечая на последовательные вызовы истории либо природы, проходит свой уникальный путь развития, в котором опыт, полученный в постоянной борьбе, также уникален [2].

Ноябрь 1943 г. для карачаевцев, февраль 1944 г. для чеченцев и ингушей и март 1944 г. для балкарцев в историю этих народов вошли под трагическим знаком вынужденного переселения. Утрата исконной территории, смена привычных природно-климатических условий проживания, а также годы войны, полные тягот и лишений, нанесли огромный урон культуре этих этносов, дальнейшее развитие которых было прервано до 1957–1958 гг. – периода, когда были восстановлены национальные автономии этих этносов и им было разрешено вернуться на родину. Таким образом, вынужденная ссылка приостановила развитие самобытной культуры депортированных народов и вычеркнула их из общественно-политической и культурной жизни страны: спецпереселенцы были лишены возможности вести научную деятельность, развивать национальные литературу, историю и искусство в связи с запретом на любое издание материалов, в том числе на родном языке. В этот период в значительной степени были утрачены многие элементы материальной и духовной культуры, в том числе фольклор.

Данные исторические события были внешним вызовом в адрес этносов, испытанием на прочность и умение сохранить свою этнокультурную идентичность в суровых жизненных условиях. По шкале А. Тойнби вызов был завышен по всем онтологическим и бытийным параметрам. Были потеряны в одночасье: общая территория, политические права, государственная автономия, значительная часть народа – одни из основополагающих характеристик этнических сообществ, что лишало народы их права на всякое этнокультурное самовыражение. Однако вызов оказался для них посильным: народы приняли его каждый по-своему, в соответствии с культурными традициями и обычаями. Таким образом, источником и исторической иллюстрацией ответа можно считать всё творчество этих народов, выраженное в их национальной поэзии, литературе, живописи, мемориальной скульптуре. И подчеркнем здесь еще раз утверждение А. Тойнби о том, что непосредственно творческое меньшинство принимает вызовы и тем самым спасает народ своими лучшими творениями. То есть творческая элита депортированных этносов способствовала сохранению культуры национальными песнями и музыкой, стихотворениями и просто обычными словами, помогавшими соплеменникам не потерять присутствие духа и осознавать, что если живут литература, искусство и народное художественное творчество, значит, жив народ, жива традиция и есть надежда, что будет кому возвращаться на землю предков.

Ярким примером является творчество поэта Кязима Мечиева, пропитанное чувством сопричастности судьбе родной Балкарии, ее бедам, чаяниям и надеждам, разделившего тяжелую участь вместе со своим народом. Уже в зрелом возрасте он был депортирован в Казахстан и писал там о надежде на возвращение к домашнему очагу, не переставая призывать к единению и терпению на чужбине. Теме депортации посвящены такие его стихотворения, как «Таукел этейик биз бюгюн» («Будем надеяться мы сегодня»), «Осуят» («Завещание»), «Жарлы халкъым» («Бедный мой народ») и др. В начале 1956 г. в столице Киргизской ССР г. Фрунзе, в издательстве «Киргосиздат» вышла книга «Жашаубузну байрагъы» («Знамя нашей жизни») – сборник стихов и поэм на карачаево-балкарском языке, ставший первой ласточкой грядущей реабилитации репрессированных народов, свидетельством их скорого возвращения на родину.

Вместе с писателями старшего поколения молодые деятели культуры активно включались в литературную жизнь, своими творческими исканиями давая начало качественно новому этапу в развитии национальной культуры. Например, этнически окрашенное творчество Умара Яричева, чеченского поэта, автора множества стихотворений как на чеченском, так и на русском языке, отражающее стойкость своего этноса и способствующее его сплоченности. Он, так же как и все чеченцы, был выселен с семьей в Казахстан в том самом феврале 1944 г. Там он выучил русский язык и начал писать стихи. И даже вдали от родных мест, с которыми был разлучен, он не переставал думать и писать о своей родине, о своем многострадальном народе. Человеку, который столько лет был лишен своей этничности, воспринимался только как элемент безликой массы спецпереселенцев, необходимо было осознать самоценность личностного «Я», ощутить себя как значимую часть.

Вся лирика национальных поэтов, пишущих о депортации своих народов, учит умению держать жизненные удары, по-человечески достойно давать ответ на вызовы судьбы, сохранять свою культурную идентичность как одну из самых важных и определяющих этнических характеристик. Не меньшей силой наделено и изобразительное творчество, пронизанное памятью об исторических перипетиях. Так, балкарскому художнику Ибрагиму Джанкишиеву на момент депортации было чуть больше трех лет, но детская память сохранила и собрала воедино события жизни народа, пропитанные его болью и горечью, превратив их в картины. Триптих «Памяти Кязима Мечиева: Остывший очаг», «Прощание с Родиной», «Смерть поэта» входит в цикл из более чем

20 холстов под названием «Память», написанный к годовщинам трагедии, он посвящен теме исторической судьбы и возрождению духовной культуры балкарцев. Триптих «24 часа 14 дней 13 лет» (числа-символы депортации) – простая констатация цифр, дешифрующая «поворот колеса истории». 24 часа – время, данное на сборы, 14 суток – бесконечно долгий путь до нового местопребывания и 13 лет – тяжелейшие годы жизни вдали от родной Балкарии. 24, 14, 13 – знаки, символизирующие трагичную историю целого народа. Эта судьба сплотила народ как единое целое, выражая одну скорбь, одну печаль, одну судьбу [3]. Не остались равнодушными к исторической судьбе своего народа и молодые творцы современности. Преемственность традиций, основополагающая для культуры Северного Кавказа, занимает важное место и в этом аспекте. Своеобразная сюита из 15 картин под названием «Перекрестки памяти» об истории депортации чеченцев и ингушей была представлена молодым чеченским художником Рустамом Яхихановым в Мемориальном комплексе жертвам политических репрессий (г. Назрань), что также весьма символично. Мемориалы жертвам депортации представлены и в других городах: Майкопе, Грозном, Нальчике и др.

Память народа о перенесенной трагедии, сохраненная в мемориальных скульптурных композициях, увековечивается в столетиях, чтобы все последующие поколения помнили о выпавших испытаниях, заботились о сохранении самобытности своего народа посредством сохранения и трансляции культурных традиций. Как известно, современное общество имеет тенденцию к «переписыванию» истории, манипуляциям с памятью или ее уничтожению, поэтому ответом на выдвигаемый временем вызов стали бурно развивающиеся в XXI в. исследования памяти (memory studies), которые акцентируют внимание непосредственно на том, какие именно воспоминания сохраняются и каким образом социальные группы (этнические сообщества) их кумулируют. Как утверждает американский ученый С. Хантингтон, идентичность современных этносов неразрывно связана с их прошлым – «зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире» [4]. Однако не только далекое прошлое, но и события предыдущего столетия оставляют неизгладимый отпечаток в памяти народа как основном механизме его самоидентификации, поэтому мемориальные комплексы, возводимые на территориях, откуда были депортированы народы, имеют глубоко знаковый смысл. Таким памятником, возведен-

ным в 2009 г. к трагической дате депортации балкарцев, является мемориал в Кабардино-Балкарии в Нальчике, сочетающий в себе среднеазиатскую культовую архитектуру – мавзолей (как дань культуре, в которой пришлось прожить 13 лет) и балкарские приемы зодчества. Напоминанием о 13 депортационных годах служат и 13 ступеней, ведущих в первый экспозиционный зал цокольного этажа. Неподалеку от мемориала как часть комплекса размещена могила с прахом поэта Кязима Мечиева, перевезенным на родную землю из депортации в 1999 г., как напоминание последующим поколениям. Таким образом, становится очевидно, что тема памяти об исторических событиях не только не теряет своей значимости, а, наоборот, является одним из основополагающих механизмов, приводящих в действие ответы на предъявляемые глобализацией вызовы.

Потомки депортированных народов не должны предавать забвению историю своих этносов: принудительное переселение балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей повлекло за собой физическое уничтожение части населения, нанесло урон культурному развитию и привело к ликвидации их государственности – важного фактора в системе человеческих ценностей. В новых местах жительства люди объективно находились под угрозой исчезновения в связи с тяжелыми жизненными условиями и в силу дисперсного расселения на огромной территории [5]. И удивительный парадокс заключается в том, что этносы смогли не ассимилироваться в тех условиях, а сохранить свою самобытность. Объяснить это можно ролью семьи в традиционном обществе – это своеобразный микромир, и если в нем жить и воспитывать потомство по законам макромира, то социум в своем развитии не утратит этнокультурной идентичности. Обучение детей родному языку, культурным традициям и нравственному кодексу своего народа – всё это важнейшие инструменты сохранения целостности и своеобразия этноса.

Согласно решениям XX съезда КПСС, «перегибы» в национальной политике были устранены, что способствовало бурному культурному развитию вернувшихся на исконную территорию народов. После их возвращения в восстановленных автономиях создавались определенные условия для возрождения национальной культуры, вновь открывались театры, начинали выходить газеты и издаваться книги на родном языке, расширялась деятельность научно-исследовательских институтов, занимавшихся изучением проблем языка, литературы и истории северокавказских народов. О важной роли языка в формировании этнокультурной идентичности пишет в своей работе и И.Д. Тарба, утверждая, что

«детерминантой становления этнической ментальности можно считать и язык, оказывающий воздействие на акты сознания, стереотипы мышления и уровень бессознательного» [6]. Поэтому сегодня, согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, как одни из важнейших определены такие приоритеты, как сохранение этнокультурного и языкового многообразия страны с основополагающими общечеловеческими признаками – уважением самобытных традиций, сохранением и развитием языков народов, населяющих территорию Российской Федерации, а также повышением интереса к изучению истории культуры и языков народов РФ. Также Генеральной Ассамблеей ООН 2019 год провозглашен международным годом языков коренных народов. Однако теперь этносам грозит утрата идентичности уже со стороны глобализации.

Обращение автора к теме недавней трагедии депортированных народов обусловлено потребностью социума осознать уроки прошлого и сохранить их как историческую память для последующих поколений. Поэтому, подытоживая, можно сказать, что рассмотренная ситуация «переселение – возрождение» вполне укладывается в социологическую модель А. Тойнби «вызова и ответа». Проведенная автором экстраполяция положений ученого на локальную историю депортированных этносов подтверждает, что любое принудительное переселение народа является механизмом, разрушающим и уничтожающим этнокультурную идентичность, а развитие национального творчества, трансляция этнических традиций и сознательное и бессознательное следование неписанному нравственному кодексу кавказцев представляет собой механизм этнокультурного сохранения, о котором можно судить по имеющимся историческим, литературным, художественным и мемориальным источникам.

Сегодня цивилизация бросает новые вызовы. Глобализация, которая выражается в процессах всемирной интеграции и унификации, ведет к стиранию идентификационных границ между народами, приближая всех к стереотипу «гражданин мира». Поток массовой культуры, не имеющей этнической окраски, размывает фундамент традиционных культур. Так, Т.А. Мазаева выделяет проблему самоидентификации этносов в настоящий период и задается вопросом: «А способны ли этнические культуры в принципе преодолеть этот кризис своей идентичности?» [7].

В результате проведенного автором исследования установлено, что этносы обладают уже выработанными в процессе депортации механизмами самосохранения, сложившимися в их культуре на протяжении

всего историогенеза. Основополагающей же на современном этапе задачей социума является осознание необходимости сохранения этнокультурной идентичности и воспитание молодого поколения на примерах истории и культурных традициях: знании родного языка, национальной литературы, поэзии, живописи и нравственных кодексах.

Западная техногенная цивилизация своим развитием, нивелирующим признаки национального многообразия и стандартизирующим культуры народов, бросает вызов всем этническим сообществам. При этом ключевым становится вопрос – как удержать баланс между сохранением идентичности (в противовес всеобщей унификации) и патологическим перерастанием ее в явный национализм. Поэтому имеющий место «этнический парадокс современности» заставляет мировую общественность искать новые пути и методы предотвращения современных проявлений экстремизма и сепаратизма, трагического развития возможных событий, связанных с этническими проблемами. Как пишет И.А. Аполлонов, «суть данного парадокса в том, что на фоне процессов глобализации, которая объективно ведет к стиранию границ, причем не только экономических, политических, но и культурных, такой архаичный по своей природе феномен, как этничность, не только не ослабевает, но, наоборот, усиливается, становится реальным фактором в различных областях социокультурной жизни» [8]. Таким образом, в настоящее время особо актуальным становится вопрос стабилизации этнополитических процессов, при котором выстраивается такое общество, где будут господствовать межнациональный (межэтнический) мир и гражданское согласие, взаимопонимание и толерантность.

Примечания

1. Драч Г.В., Паниотова Т.С., Бадмаев В.Н. и др. Цивилизация (цивилизации) и культура (культуры) // Цивилизационные исследования на Юге России. Ростов н/Д.; Таганрог, 2018. С. 43.

2. Тойнби А.Дж. Постижение истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова; сост. А.П. Огурцов; вступ. ст. В.И. Уколовой. М., 1996.

3. Рахаев Дж.Я. Осознавая травму: реабилитация депортированных народов Северного Кавказа в общественно-политических дискуссиях конца XX – начала XXI в. // Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики и идентичности: сб. ст. М., 2014. С. 157.

4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2017. 640 с.

5. Сабанчиев Х.А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 2007.

6. Тарба И.Д. Ментальность как внутренний признак этноса // Межкультурная коммуникация и проблемы толерантности (междисциплинарный подход): мат-лы Междунар. науч. конф. Краснодар, 2017. С. 17.

7. Мазаева Т.А. Этнос в пределах новой онтологии // Пространство этноса в современном мире: сб. мат-лов I Междунар. конгресса. Грозный, 2014. С. 6–10.

8. Аполлонов И.А. Проблемы этничности в современном мире // Международная коммуникация и проблемы толерантности (междисциплинарный подход): мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ереван, 6–7 октября 2017 г.). Краснодар, 2017. С. 8.

М.М. Шульга

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ СКФО[1]

Индивид как субъект социальных взаимодействий неизбежно вынужден пассивно или активно определяться в системе многообразных групп и общностей [1]. Для периода юности и молодости идентификация является основной задачей и причиной различных личностных кризисов [2]. Очень точно характеризует этот этап в контексте идентификационных процессов И. Кон, который определяет молодость как период «ролевого моратория», когда молодые люди, примеряя на себя различные социальные роли, определяют приоритеты в своих социальных позициях [3].

Результатом процесса самоидентификации молодых людей является идентичность, которую можно определить как символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других. Разноуровневость и полинаправленность процесса идентификации позволяет говорить о различных типах и видах идентичности, их определенной структуре.

Наиболее важную роль, когда речь идет об отношениях в обществе, играет социокультурная идентичность – отождествление индивидом себя с макрообщностями, построенными на духовной близости, культуре и традициях, сложившихся веками (этническая, конфессиональная, гражданская идентичность).

[1] Публикация подготовлена в рамках ГЗ ЮНЦ РАН на 2019 год, проект «Конфликтологический анализ региональной ситуации на Юге России», № ГР проекта АААА-А19-119011190170-5.

Социокультурная идентичность является результатом социализации, которая осуществляется в определенном социально-политическом и социокультурном пространстве, детерминирующем этот процесс. Риски и угрозы окружающей социальной среды непосредственно влияют на иерархию, уровень и характер социокультурных идентичностей молодого поколения. Этот вопрос крайне актуален для сложного в социокультурном и этнополитическом плане Северо-Кавказского федерального округа.

Особенности социокультурной социализации молодежи региона обсуждались в фокус-группах, проведенных в сентябре 2018 г. со студентами 2–4-го курсов трех учебных заведений краевого центра: Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ), Ставропольского государственного медицинского университета (Медуниверситет), Ставропольского колледжа связи им. В.А. Петрова. Выбор учебных заведений определен социальным составом обучающихся, уровнем и характером получаемого образования, а также уровнем рисков отклоняющегося поведения студентов в них.

По мнению участников фокус-групп, межнациональные и межрелигиозные отношения в регионе становятся более стабильными и спокойными: «*Я думаю, что сейчас уже всё становится спокойно. Например, 4 года назад (я живу в общежитии) еще были какие-то драки между национальностями, например осетинами и ингушами, всякими пацанами. Подкалывали, например, меня: "Он ингуш – ты что, не будешь с ним разговаривать?"*»; «*У нас очень много этнических групп, все они всё время контактируют между собой, и эти контакты сами собой укрепляют нейтральные отношения между различными этническими группами. Я вообще считаю, что взаимоотношения между различными этническими группами, их совместное проживание, совместные виды деятельности, совместная социальная активность – это как раз главный фактор, который ведет к укреплению межнациональных связей*»; «*…Я думаю, времена, когда были какие-то конфликты между нациями, уже закончились, ничего такого уже не будет*»[1].

Основным показателем этих улучшений является, по мнению студентов, отсутствие конфликтных столкновений в повседневной жизни: «*…На улицах у нас постоянно спокойно*», «*До меня учился в Ставрополе мой старший брат и в северную часть Ставрополя невозможно было попасть, скажем так, представителям кавказкой национальности, потому что было очень сильно националистическое движение, нацисты*

[1] Здесь и далее курсивом выделены ответы участников фокус-групп.

были... драки были сплошь и рядом, лет 8–9 назад. На данный момент я учусь уже 4-й год в Ставрополе и ни разу не встречал межнациональных конфликтов»; «*Я с 7 лет здесь живу… в период обучения в школе это действительно была такая очень накаленная ситуация, и даже в школе очень много конфликтных ситуаций и вне школы, а сейчас намного спокойнее*»; отсутствие дискриминации по национальному признаку: «*Раньше на работу в милицию брали людей, желательно, чтобы не кавказской национальности… в данный момент очень много людей разной этнической принадлежности спокойно работают в органах, и в суде, и везде*».

Противоречия во мнениях возникают по поводу межэтнических браков как показателя улучшения этноконфессиональных отношений в крае. Этот показатель был предложен в ходе проведения фокус-группы в СКФУ и вызвал поддержку большинства участников исследования: «*Очень много людей, например карачаевцы, балкарцы, женятся на русских девушках, и наоборот. Если раньше это было табу, позор для мужчины кавказской национальности – жениться на девушке русской, или же, наоборот, мужчине русской национальности жениться на девушке, например карачаевке, было как-то позорно, то сейчас это считается очень положительным и все женятся, очень много таких браков*». В других фокус-группах большинство поддержали идею, что межэтнические браки способствуют гармонизации этноконфессиональных отношений в регионе, однако в единичных случаях была высказана и противоположная точка зрения: межэтнические браки «*больше приводят к разногласию – у людей разная религия и воспитание, соответственно. Происходит давление с двух сторон* (родителей. – *М. Ш.*)… *Если будут много жениться разных национальностей, то от нации может ничего не остаться. Поэтому родители не согласны, чтобы выходили за представителей других наций… воспитать ребенка очень сложно… он должен еще нерусский язык выучить. Скорее всего, мне кажется, что будет так, что ни туда, ни сюда. Пусть лучше выходят замуж за свою национальность*».

Однако ответы на вопросы фокус-группы, не касающиеся непосредственно оценки состояния этноконфессиональных отношений в крае, содержат факты, свидетельствующие о сохранении фоновой напряженности в этой сфере. Чаще негативные факты из опыта повседневного этноконфессионального взаимодействия приводят представители народов Северного Кавказа: трудно снять жилье, устроиться на работу, «двойные стандарты» по отношению к представителям кавказских на-

циональностей, превознесение казачества. Участники исследования – представители славянских национальностей приводят факты неуважения «кавказцев» к русской культуре, другим религиям, их вызывающее поведение, когда они уезжают за пределы своих республик.

В ходе групповой дискуссии о путях дальнейшей гармонизации этноконфессиональных отношений в среде региональной молодежи артикулированы 5 основных направлений данной работы: 1) больше проводить мероприятий этнокультурного характера; 2) больше проводить «*светских*» мероприятий, не имеющих определенной национальной или конфессиональной окраски; 3) использовать нестандартные формы работы, в частности все отметили как эффективную форму работы Всекавказский молодежный форум «Машук»; 4) активнее использовать социальные сети; 5) больше общаться с молодежью через молодежных лидеров. В двух фокус-группах (СКФУ, Медуниверситет) была акцентирована необходимость больше обращать внимание на пассивную молодежь и интенсивно с ней работать. В одном единственном случае (Медуниверситет) были предложены меры правового характера, связанные с ужесточением законодательства в отношении оскорбления других национальностей.

Противоречивую оценку получила роль гражданской идентичности в гармонизации этноконфессиональных отношений. Мнения разделились практически поровну в каждой из проведенных фокус-групп. Одна половина считает, что формирование приоритетной гражданской идентичности действительно способствует укреплению этноконфессиональных отношений в стране. Другая половина выразила сомнение в возможности и целесообразности целенаправленного формирования гражданской идентичности: «*Я думаю, человек никогда не забудет, какой он национальности, независимо от того, сколько ему будут втолковывать что-то другое. Он живет в своей среде, всё равно он был и будет именно той национальности, с которой родился. Формирование приоритетной гражданской идентичности происходит в коллективах. Раньше, например, хорошие пионерлагеря были, была какая-то общая государственная идеология, направленная на что-то, а сейчас такого нет, общество всё разрозненное: мы – дагестанцы, мы – карачаевцы, мы – русские. Естественно, эти группы более сплоченные, но, думаю, если вдруг какие-то события повторятся, которые были в XX в., уже не будет единства в обществе… Поэтому нужно формировать идеологию, в первую очередь на общегосударственном уровне, плюс нужно еще со школы приу-*

чать к тому, что человек неотделимо связан со своим обществом и никуда из него не денется»; «Одинаково важно, в какой стране ты живешь, и какой ты национальности. Нельзя говорить, что важнее то, что ты россиянин, чем то, что ты армянин или аварец, потому что даже внешне не видно этого различия. Родители, наоборот, должны объяснять, что да, у тебя есть своя история, но ты живешь в этой стране… прежде всего ты русский или армянин, потом уже ты гражданин своей страны»; «Именно в России я – представитель своей нации, карачаевец, а уже потом, например, если я уеду за границу, вот там я буду говорить сначала, что я – россиянин, потом свою нацию. Так как мы все в России живем, мы все россияне».

В целом проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

– студенческая молодежь региона осознает важность и сложность проблем гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, в том числе профилактики этнического и религиозного экстремизма в молодежной среде;

– основным источником оценок ситуации является опыт собственных повседневных практик, отсутствует знание и понимание закономерностей социально-политической жизни общества, нормативных основ регулирования жизнедеятельности общества;

– для оптимизации процесса гармонизации этноконфессиональных отношений и профилактики этнического и религиозного экстремизма в молодежной среде требуется сочетание методов правового и социально-политического образования; нетрадиционных методов воспитательно-профилактической работы, особенно в социальных сетях; увеличение числа досуговых мероприятий, не имеющих этнической или конфессиональной окраски; мониторинговых методов контроля психологического состояния молодых людей в учебных заведениях.

Примечания

1. Социальная идентификация личности. М., 1993. С. 20.
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
3. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984. С. 128.

М.А. Ялхароева

ИНГУШСКАЯ ДИАСПОРА В ТУРЦИИ И В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ

Благодаря кардинальным изменениям в современном обществе у нас появилась возможность для объективного и многостороннего осмысления одной из самых трагических страниц в истории Северного Кавказа, и в частности в истории ингушей. Как верно отмечает Р. Угурчиева, ингушская диаспора «как явление, как феномен истории, культуры до сих пор не стала объектом даже самого поверхностного историко-культурного, литературоведческого или социологического исследования» [1].

Основной причиной переселения в Турцию ингушей, как и других этносов Северного Кавказа, стала Кавказская война, в которую в разной степени были вовлечены все горские народы края. Кавказская война, отразившаяся на судьбе всего Кавказа, несомненно, усугубила и без того тяжелое социально-экономическое положение горцев. Постоянные репрессии, карательные экспедиции, малоземелье, нищета, надежда избавиться от всех неурядиц и поправить свое положение способствовали их переселению в Османскую империю. Обманутые царской властью, подстрекаемые турецкими эмиссарами, своими агитаторами, они решились на отчаянный шаг. Переселение жителей Карабулакского и Назрановского участков Ингушского военного округа началось с 1865 г. и продолжалось до 1904 г.

По официальным данным, в 1865 г. в Турцию переселилось более 100 семей назрановцев вместе с карабулаками (1500 семей). Переселялись ингуши и в последующие годы: 1877–1878, 1886, 1887, 1892, 1895, 1900 гг. Как отмечалось выше, переселение продолжалось вплоть до 1904 г., правда, данными о численности переселившихся ингушей в эти годы мы не располагаем.

С.-Э.С. Бадаев в своей диссертационной работе «Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии» только по 1904 году приводит следующие цифры: «В 1904 году из 15 селений Ингушетии ушло в Турцию 329 семей, или более тысячи человек» [2]. В одном только г. Бейшехир в Турции, где компактно проживали ингуши, по свидетельству потомка ингуша-мухаджира, старожила города Хасана Бояна (Тимурзиева), в переселенческие годы проживало 100–110 семей [3].

Сегодня ингуши проживают в Турции в следующих городах: Анкаре, Арелии, Бурсе, Измире, Кайсере, Конье, Кызылтапе, Мардине, Мерсине, Муше, Сивасе, Стамбуле, Гёлчюке, Ялово. Из Турции ингушская диаспора мигрировала во многие города Ирака: в Багдад, Диале, Бауба, Сулеймания, Эрбиль, Зиндан, Хавуйжа. Есть ингушская диаспора в Сирии: в Дамаске, Рас-аль-Айне, Халябе, а также в Иордании – в Аммане, Зарке и в с. Сухне [4].

Переселение коснулось и семьи автора настоящего исследования. После разрушения с. Алхасты наш дед Гобонуко вместе с двумя младшими братьями эмигрировал в Турцию. Спустя три года им удалось вернуться назад, они поселились в с. Сагопши, а точнее, стали его основателями. В посемейных списках с. Сагопши, составленных 1 января 1886 г., Гобонуко значится под № 273, а в списках от 1882 г. – под № 22 как Боготырив Гобонуко Албаков. Отец Гобонуко Албак похоронен в селении Алхасты, которое в ходе Кавказской войны в 1860 г. было разрушено [5].

Лишения в длительном и тяжелом путешествии привели к тому, что многие погибали, не доезжая до места назначения, еще в пути, причем целыми семьями и фамилиями. Мухаджиры старались селиться компактно, чтобы сохраниться и выжить физически и духовно в непривычных для них климатических условиях, в инородном обществе [6].

Сведения о переселившихся в разный период времени (со слов родственников) и собственные полевые исследования, проведенные нами в Турции, позволяют сделать вывод о том, что ингушская диаспора из-за бедствий и болезней в первые же годы переселения сократилась более чем в два раза. Самая большая по численности ингушская диаспора в настоящее время проживает в Турции и Сирии, затем в Ираке. В Иордании ингушей проживает меньше.

В Турции и странах Ближнего Востока нами выявлены представители более сорока ингушских фамилий: Албогачиевы, Арчаковы, Бештоевы, Белхароевы, Боковы, Булгучевы, Ведзижевы, Вельхиевы, Гагиевы, Газиковы, Галаевы, Гапархоевы, Гелисхановы, Горбаковы, Даурбековы, Дзауровы, Дидиговы, Дзейтовы, Досхоевы, Евлоевы, Картоевы (Добриевы), Котиевы, Кориговы, Куртоевы, Медаровы, Мержоевы, Мужухоевы, Озиевы, Оздоевы, Оскановы, Полонкоевы, Султыговы, Тимурзиевы, Торшхоевы, Точиевы, Тумгоевы, Фаргиевы, Хаматхановы, Хашагульговы, Хаштыровы, Цороевы, Цечоевы, Эсмурзиевы, Яндиевы. Поиск сородичей, переселившихся в Турцию, продолжается и по настоящее время. Ищут своих родственников: Антошкиевы, Гойговы, Зурабовы, Калоевы, Канциговы (Баркинхой), Льяновы, Плиевы, Шадиевы, Халухаевы, Арчаковы и др.

Родственники помнят и называют имена своих сородичей, эмигрировавших в Османскую империю, например, Арчаковы ищут потомков Бятыра Арчакова, который уехал с первой партией из с. Кантышево, Канциговы – Канцигова Мади Джалмарзиевича, переселившегося в 1887 г. из Яндаре, Канцигова Або Темботовича – из с. Ачалуки и т. д.

Ингушская диаспора по сравнению с другими кавказскими диаспорами считается малочисленной, но, несмотря на это, из ее рядов вышло немало людей, внесших свой вклад в культуру и историю страны проживания. Это генералы, министры, дипломаты, ученые, писатели, общественные деятели и т. д. Лучшие представители ингушской диаспоры сыграли важную роль в становлении турецкого государства, а также стран Ближнего Востока, в защите их интересов, много среди них награжденных высшими государственными наградами. Одиннадцать генералов, шесть Героев Турции, министр гражданской авиации, военный атташе в Югославии, первый посол Сирии в Турции, мэры городов, доктора наук, офицеры высшего и среднего командного состава, главные редакторы журналов и газет, писатели, поэты, публицисты, известные актеры – вот неполный перечень достижений ингушской диаспоры в Турции и странах Ближнего Востока.

В Турции это генерал Салих Полаткан (Хаматханов), который являлся военным атташе в Югославии. В Ираке 10 генералов; бригадные генералы: Аднан Моххамад Амин Тиберк (Албогачиев), Моххамад Мухадин Ахмад (галгай); адмирал Саад Абдурахман Исмаил (орстхо); генерал-лейтенанты: Моххамад Абдулкадыр Абдурахман (Албогачиев), живет в Иордании; Саффа Шамсудин Халос (Мержоев) (был приближенным Саддама Хусейна, его личным пилотом, в 2007 г. убит); генерал-майоры: Ияд Шаабан Иса (Албогачиев), Саад Шамсуддин Халос (Мержоев), Фарук Абдурахман Исмаил (орстхо), Аднан Абдурахман Ражип, Абдулкадыр Абдурахман Ражип (галгай), живут в Багдаде. В настоящее время в Ираке многие представители ингушской диаспоры, продолжая традиции своих отцов, выбрали военную карьеру [7].

Герои Турции, награжденные высшей наградой Турции – медалью «Истиклал Медальон» (Медаль Свободы) за отличие в освободительной войне: Сулейман Сырр Койдемир (Бештоев), Абдул-Межит Койдемир (Бештоев), Исмаил Чонкур (Торшхоев), Осман Тачой (Точиев), Мехмет Кетей (Магомет Котиев). Представленный к этой награде Осман Тимурзиев, по свидетельству его племянника Хасана Бояна (Тимурзиева), отказался от нее в связи с тяжелым положением Турции. Медаль была изготовлена из чистого золота.

Авиационную ассоциацию Турции – Turk Hava Kurumu (ТНК), основанную в 1925 г. Мустафой Кемалем Ататюрком, возглавлял доктор медицинских наук Атилла Тачой (Точиев). Доктор истории и филологии Шериф Баштав (Бештоев-Ахриев) – ученый с мировым именем, автор четырехтомной истории Турции. Помимо научной деятельности, он занимался публицистикой, пользовался псевдонимом «Терекбойлу» [8]. Салих Полаткан, Атилла Тачой (Точиев), Шериф Баштав (Бештоев-Ахриев) в начале 90-х гг. XX в. посетили историческую родину. Шериф Баштав (Бештоев-Ахриев) приезжал дважды.

Сподвижником Ататюрка был первый мэр г. Бейшехира, избранный в первый парламент Турции от вилайета Конья Сулейман Сырр Койдемир (Бештоев), который в 13-летнем возрасте был вывезен родителями из с. Насыр-Корт. Он окончил юридический факультет Сельджукского университета, владел деревообрабатывающей фабрикой. Во время освободительной борьбы Турции в его доме располагался штаб, на свои средства он снарядил 30 ингушей из г. Бейшехир. За эту деятельность он и был награжден высшей наградой Турции – медалью «Истиклал Медальон» (Медаль Свободы).

Соратником Ататюрка был еще один ингуш – Хасан Басри Гёккая (Горбаков /Кульбужев), который в 9–12-летнем возрасте вместе с родителями эмигрировал из с. Долаково. Он принимал участие в войне за независимость Турции, в битве при Чанаккале, возглавлял отделении жандармерии, в 33-летнем возрасте по состоянию здоровья в звании капитана ушел в отставку и занялся публицистикой, стал известным публицистом, в течение 10 лет возглавлял газету «Мерам». Первым иорданским послом в Турции был Абдель Вахаб Галгай (Досхоев), умер он в 2009 г. в возрасте 105 лет. Одним из лидеров северокавказского зарубежья был известный политик В.-Г. Джабаги (Джабагиев).

Ингуши, проживающие в Турции и странах Ближнего Востока, помнят многое из истории своего рода, самое главное, они сохранили в памяти имена своих предков, благодаря которым сегодня находят своих родственников в Ингушетии. Так, совсем недавно после одной публикации в социальной сети «Фейсбук» к автору данной статьи 23 января 2018 г. обратился 37-летний житель г. Бейшехира Фарук Эмре Каршы с таким письмом: «Я не знал, откуда мы пришли и кем я был. Я искал эту информацию в течение 10 лет. Спасибо за информацию. Я и моя семья благодарит Вас за то, что Вы сделали» [9]. Из фамилии Фарука из села Долакова в 1895 г. эмигрировало 5 семей, в которых насчитывалось одних мужчин семнадцать человек. Фарук прислал свою генеалогию.

Благодаря этой генеалогии и посемейным спискам 1886 г. с. Долакова, в которых зафиксирован и предок Фарука, нам удалось установить его ближайших родственников в Ингушетии [10]. Между ними установилась связь, в дальнейшем они планируют встретиться.

Сегодня проводится работа по установлению всех потомков Горбакова (Кульбужева) Мовсара Бехоевича, проживающих в Турции. Эта фамилия наряду с другими ингушскими фамилиями дала Турции известные имена. Это упомянутый нами выше один из сподвижников Мустафы Кемаля, офицер турецкой армии, талантливый публицист, главный редактор газеты «Мерам» Хасан Басри Геккая и его сын Экрем Геккая – известный в Турции актер, который снялся в 150 фильмах. Экрему Геккая в 2019 г. исполнилось 85 лет, он также прислал нам свое генеалогическое древо. Таким же образом была налажена связь между Гагиевыми из Ингушетии и Турции, которые эмигрировали в 1865 г. в г. Муш и сейчас проживают в г. Кызылтапе, Галаевыми из с. Галашки и т. д. И эта работа продолжается.

В настоящее время, несмотря на то, что с момента переселения прошло более 150 лет и ингушская диаспора интегрировалась в общество Турции и стран Ближнего Востока, она осознает свою этническую принадлежность и обособленность. Из-за урбанизации, разрозненности существует проблема владения родным языком. Материальная и духовная культура сохранилась в основном в виде исторических артефактов. Хочется отметить, что наряду с известными ассимиляционными процессами сегодня происходит и процесс пробуждения самосознания ингушской диаспоры, представители которой изучают историю, культуру своего этноса. Детей называют ингушскими именами, в Бейшехире живет девочка с необычным именем Назрань [11]. Более того, на могильных памятниках стали появляться ранее отсутствовавшие надписи о национальной принадлежности. Их мы обнаружили в г. Бейшехир.

В Стамбуле открыт Ингушский культурный центр «Дернек», его возглавляет Сельман Бештой (Ахриев). Отец Сельмана в 60-х гг. XX в. работал ответственным редактором журнала «Берлишик Кавкасия» («Объединенный Кавказ»). Ингушский культурный центр в Стамбуле организует различные культурные мероприятия, встречи с гостями с исторической родины и т. д. Сельман несколько раз посещал Ингушетию, в начале 2019 г. он привез в подарок Ингушскому государственного музею краеведения истинг (ковер ручной работы), который был вывезен ингушскими мухаджирами в Турцию. Общественными деятелями

диаспоры начата работа по переписи ингушей, проживающих в Турции и странах Ближнего Востока.

Важным событием не только для ингушской диаспоры, но и для всего ингушского народа является выход в свет в 2016 г. исторического романа «Серебряный кинжал», автором которого стал известный в Турции писатель, поэт, художник Садеттин Джанполат (Дзауров). Этот, по выражению самого автора полубиографический, роман он посвятил своим предкам, эмигрировавшим из с. Кантышево [12]. В семье его деда Ибрагима Джанполата на самом видном месте мы обнаружили красочно оформленное генеалогическое древо фамилии Дзауровых.

Ингушская диаспора Турции и стран Ближнего Востока стала не только налаживать с исторической родиной новые родственные связи, но и создавать новые, заключая браки. Все организационные мероприятия, связанные со свадебными торжествами, берут на себя родственники, проживающие в Ингушетии. Свадебные обряды проходят по ингушским национальным традициям. Так, Мержоевы из села Яндаре организовали свадьбу Юнуса Эргина (Мержоев) из г. Бейшехир Турции, а Ахриевы этого же села – свадьбу Назми Бештой из г. Конья Турции.

Наблюдаются процессы репатриации: вернулись на родину и обзавелись семьями представители Хашагульговых, Дидиговых, Боковых, Даурбековых, Мержоевых, Цечоевых, которых на исторической родине сородичи радушно принимают, словно и не было вековой разлуки, помогают им с благоустройством. Например, семья Али Хашагульгова из Ирака обосновалась в с. Яндаре, откуда ушел их предок. Сородичи построили возвращенцам дом на той земле, которая некогда принадлежала их прадеду. Также они помогли Али с женитьбой и трудоустройством. Даурбеков Магомед из Сирии в поисках родственников приехал сначала в Грозный, откуда его направили в Ингушетию, где в с. Яндаре он нашел своих сородичей, здесь же поселился и создал семью. В Малгобекском районе, в г. Малгобек и с. Сагопши осели представители Боковых, Мержоевых, Цечоевых из Сирии. Тридцатичетырехлетний Омар Дидигов из Ирака живет в Магасе, женился, у него двое детей, преподает английский язык в частной школе, занимается бизнесом [13]. Выдал замуж своих дочерей в Ингушетии Исмат Цечоев из Сирии, ныне житель г. Магаса. Заключили браки с соплеменницами из Ингушетии также Албогачиев из Ирака, Евлоев из Иордании, Вельхиев, Булгучев, Мержоев из Турции. Самое отрадное, что браки, созданные между представителями пусть и одной национальной общности, но выросшие в разных культурах, оказались крепкими. Хочется отметить, что все репатрианты

с помощью своих сородичей, а также других соплеменников успешно смогли интегрироваться в российско-ингушское общество, одни трудоустроились, другие нашли себя в сфере бизнеса, открыли свои фирмы.

Дальнейшее расширение связей с диаспорой, изучение жизни и деятельности ее представителей имеет большое значение в деле сохранения и развития культурного наследия ингушского народа, его традиций, обычаев, обрядов – как в диаспоре, так и на исторической родине. Культурный взаимообмен, несомненно, способствует сближению и взаимообогащению обеих сторон.

Примечания

1. Угурчиева Р.Х. Вассан-Гирей Джабагиев и журнал «Свободный Кавказ» // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. Вып. 7–8. М., 2015. С. 448.

2. Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии: автореф. дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 1998. С. 22.

3. Полевые материалы автора. Информатор Тимурзиев (Боян) Хасан, 1923 г.р., записано в г. Бейшехир (Турция) в ноябре 2005 г.

4. Ялхароева М.А. Иордания, Ирак, Сирия, Турция // Ингуши. М., 2013. С. 447.

5. Полевые материалы автора. Информатор Ялхароев Ахмет Губнакиевич, 1910–1996 гг., записано в г. Грозном в августе 1995 г.

6. Полевые материалы автора. Информатор Сагов (Сагон) Иса, 1921 г.р., записано в г. Бейшехир (Турция) в ноябре 2005 г.

7. Полевые материалы автора. Информатор Мутхана Камал Абдулхамед Такхи Бати (Албогачиев), 1959 г.р., записано в г. Магас в июле 2019 г.

8. Берзег С.Е. Писатели в кавказской диаспоре. Самсун, 1995. С. 50.

9. Электронное письмо Фарука Эмре Каршы от 12.01.2019 (личный архив автора).

10. Посемейные списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года. Т. 3. Магас, 2014. С. 322.

11. Ялхароева М.А. Литературно-публицистическая деятельность ингушской диаспоры в Турции. Назрань, 2008. С. 112.

12. Джанполат С. Серебряный кинжал. Стамбул, 2016. С. 11.

13. Полевые материалы автора. Информатор Дагистани Омар Абдулхалим (Дидигов), 1985 г.р., записано в июле 2019 г. в г. Магас.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абазов Алексей Хасанович – д.и.н. (Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского центра РАН, Нальчик)

Авидзба Аслан Фазлыбеевич – д.и.н. (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии, Сухум)

Агиева Лемка Тугановна – к.филос.н. (Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас)

Адамчевский Пшемыслав – к.и.н. (Институт политических исследований Польской академии наук, Варшава)

Адиев Асланбек Залимханович – к.полит.н. (Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН, Махачкала)

Азимзаде Айнур Рауф гызы (Институт кавказоведения НАН Азербайджана, Баку)

Акопян Виктор Завенович – к.и.н. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Афанасенко Владимир Иванович (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Ачмиз Казбек Гучипсович – д.и.н. (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, Майкоп)

Бабаян Гариб Михайлович – к.филос.н. (Университет Месроп Маштоц, Степанакерт)

Бадмаева Екатерина Николаевна – д.и.н. (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста)

Бегеулов Рустам Маратович – д.и.н. (Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск)

Бегуев Сулейман Ахятьевич (Чеченский государственный университет; Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный)

Бесолов Владимир Бутусович (Международная Академия архитектуры (отделение в Москве, Евразия), Владикавказ)

Боголюбов Александр Александрович – д-р гуманитарных наук в области новейшей истории (уч. степень Республики Польши) (Пятигорский краеведческий музей, Пятигорск)

Бондарев Виталий Александрович, д.и.н. (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону)

Броварь Александр Витальевич – д.и.н. (Донбасская юридическая академия, Донецк)

Бурыкина Людмила Васильевна – к.и.н. (Адыгейский государственный университет, Майкоп)

Вартумян Арушан Арушанович – д.полит.н. (Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске)

Васильев Игорь Юрьевич – к.и.н. (Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», Краснодар)

Васькина Данара Сергеевна (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Венков Андрей Вадимович – д.и.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Внукова Любовь Борисовна – к.полит.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Воротынцев Николай Владимирович (Краснодарское высшее авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза А.К. Серова, Краснодар)

Габараева Марина Руслановна (Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ)

Габиббейли Самира Ильхам гызы (Институт кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Ганиева Роза Хаматхановна – к.психол.н. (Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас)

Гапуров Шахрудин Айдиевич – д.и.н. (Академия наук Чеченской Республики; Чеченский государственный университет; Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный)

Гасанов Магомед Раджабович – д.и.н. (Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала)

Гасымлы Муса Джафар оглу – член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана (Институт кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Горюшина Евгения Михайловна (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Гучетль Зухра Хачмафовна – к.с.н. (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, Майкоп)

Дадашова Рамиля Бехлул кызы – к.и.н. (Институт кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Данакари Ричард Арами – д.филос.н. (Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград)

Дендиев Казбек Геланиевич (Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный)

Джуха Иван Георгиевич – к.г.н. (независимый исследователь, Геленджик)

Дзугаев Коста Георгиевич – к.филос.н. (Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева, Цхинвал)

Дмитриева Наталья Валерьевна (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Дьякова Елена Васильевна – к.и.н. (Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды, Харьков)

Ермоленко Людмила Павловна – к.и.н. (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Забелин Владимир Михайлович – к.и.н. (Северо-Кавказский социальный институт, Ставрополь)

Зассеев Дзамболат Артурович – к.ю.н. (Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал)

Зельницкая (*Шларба*) *Рица Шотовна* – к.и.н. (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург)

Зозуля Игорь Викторович – к.и.н. (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Идрисова Замира Байрамалиевна (Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала)

Ильюков Леонид Сергеевич – к.и.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Карташев Игорь Владимирович (Ставропольский государственный медицинский университет, Ставрополь)

Клычников Юрий Юрьевич – д.и.н. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Колесникова Марина Евгеньевна – д.и.н. (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Кравченко Наталья Николаевна (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Кратова Наталья Васильевна – к.и.н. (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск)

Кринко Евгений Федорович – д.и.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Кузьминов Петр Абрамович – д.и.н. (Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик)

Курбанова Гюнель Мансим кызы (Институт кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Лазарян Сергей Степанович – д.и.н. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Лиджиева Ирина Владимировна – д.и.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Магарамов Шарафетдин Арифович – к.и.н. (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала)

Максимчик Андрей Николаевич – к.и.н. (Белорусский государственный университет, Минск)

Мамедова Назия Амирхан кызы (Институт кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Мамсиров Хамитби Борисович – д.и.н. (Кабардино-Балкарский государственный университет)

Матвеев Владимир Александрович – д.и.н. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Матвеев Олег Владимирович – д.и.н. (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Матишов Геннадий Григорьевич – академик РАН (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Медведев Максим Валерьевич (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Медвенский Николай Игоревич (Государственный музей Боевой Славы им. В.Г. Ардзинба, Сухум)

Мирзазаде Лилия Фридуновна – д-р филос. наук по политическим наукам (Институт кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Мусабекова Роза Мадениетовна – к.филол.н. (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан)

Мусагалиева Арайлым Сабитовна – д.и.н. (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан)

Мусаева Гюнель Мисир (Институт кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Омаров Вахид Аллахверди оглу – д-р филос. наук по философии (Институт кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, Баку)

Осмаев Аббаз Догиевич – д.и.н. (Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный)

Панеш Аскербий Дзепшевич – д.и.н. (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, Майкоп)

Перетятько Артем Юрьевич – к.и.н. (Лицей Южного федерального университета, Ростов-на-Дону)

Рахаев Джамал Якубович – к.и.н. (Институт российской истории РАН, Москва)

Савельева Олеся Сергеевна (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Сагинадзе Элла Отаровна – к.и.н. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Салакая Сослан Шотаевич – к.и.н. (Абхазский государственный университет, Сухум)

Семенова Ольга Валерьевна – к.филос.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Сёмина Галина Викторовна (Южный федеральный университет, Ростовский-на-Дону филиал Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Ростов-на-Дону)

Скорик Александр Павлович – д.и.н., д.филос.н. (Южно-Российский государственный политехнический университет (Новочеркасский политехнический институт) им. М.И. Платова, Новочеркасск)

Скороходова Валентина Павловна – к.полит.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Степаненко Никита Сергеевич (Средняя образовательная школа № 4, Горячий ключ; Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Судавцов Николай Дмитриевич – д.и.н. (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Султанбеков Рабадан Магомедович – к.и.н. (Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала)

Тагиева Шахназ Гейдар (Институт кавказоведения НАН Азербайджана, Баку)

Тангиев Магомед Айсаевич (Академия наук Чеченской Республики, Грозный)

Татаринов Игорь Евгеньевич – к.и.н. (Луганский национальный университет им. В. Даля, Луганск)

Тикиджьян Руслан Геннадьевич – к.и.н. (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону)

Трофимов Максим Сергеевич – к.ю.н. (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Узнародов Дмитрий Игоревич – к.полит.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Федосеева Лариса Дмитриевна – к.и.н. (Адыгейский государственный университет, Майкоп)

Ханаху Руслан Асхадович – д.филос.н. (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, Майкоп)

Харатян Грануш Сергеевна – к.и.н. (Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения, Ереван)

Харсиев Борис Магомет-Гиреевич – к.филос.н. (Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас)

Хубулова Светлана Алексеевна – д.и.н. (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ)

Чуклина Элена Юрьевна (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Шадже Асиет Юсуфовна – д.филос.н. (Адыгейский государственный университет, Майкоп)

Шалак Максим Евгеньевич – к.и.н. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Шульга Марина Михайловна – д.соц.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Ялхароева Марем Ахметовна – к.филол.н. (Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (академик Г.Г. Матишов) 5

Раздел 1. Проблемы современного кавказоведения: в поисках новых подходов, оценок и источников

Кринко Е.Ф. Историческое кавказоведение на Юге России: институционализация исследований в советский и постсоветский периоды 7

Кузьминов П.А. Организационные проблемы современного кавказоведения и пути их решения 15

Рахаев Д.Я. Эволюционная теория в историческом адыговедении: современное состояние и проблемы изучения 23

Бегеулов Р.М. Мухаджирство: анализ исторического опыта в контексте северокавказского национального дискурса о путях и перспективах развития региона 29

Васильев И.Ю. Общины без первобытности на Северном Кавказе: предварительные замечания к историографии вопроса 34

Зозуля И.В., Колесникова М.Е. Библиографическое наследие кавказоведения (вторая половина XIX – первая четверть XX в.) 40

Матвеев О.В. Из кавказоведческого наследия Ф.С. Панкратова 45

Ермоленко Л.П., Салакая С.Ш. История изучения Абхазии в 20-е гг. XX в. 52

Тангиев М.А. Историографический обзор изучения подземных склепов Чечни XIII–XVII вв. 57

Адамчевский П. Польские источники о Кавказе 62

Боголюбов А.А. Кавказская война 1817–1864 гг. в воспоминаниях поляков 70

Максимчик А.Н. Отражение истории присоединения Кавказа к Российской империи в кинематографе начала XX в. 72

Кратова Н.В. Документы уполномоченного Совета по делам религии Совета министров СССР по Карачаево-Черкесской автономной области как исторический источник 80

Медведев М.В. Материалы донских архивов как источник по истории Великой Отечественной войны на территории Ростовской области 88

Бабаян Г.М. Опыт работы Центра кавказоведения Университета Месроп Маштоц 93

Медвенский Н.И. Историко-археологические и антропологические аспекты международной поисковой экспедиции «Санчаро. Высокогорный фронт – 2018» 97

Раздел 2. Политическое и социально-экономическое развитие Кавказа в XVI–XX вв.

Гапуров Ш.А. От военно-политического союза к государственному единству: этапы и особенности присоединения народов Северного Кавказа к России 106

Султанбеков Р.М. Проблема интеграции народов Дагестана в состав Российской империи (XVI – начало XIX в.) 115

Шалак М.Е. Опыт выживания военизированных сообществ Дона и Северного Кавказа в XVI–XVII вв. (на примере донского казачества и Малой Ногайской Орды) 121

Абазов А.Х. Моздокский верхний пограничный суд (1793–1822): некоторые особенности взаимоотношений с этническими элитами Северного Кавказа 129

Магарамов Ш.А. Институт аманатства в дагестано-российских отношениях (XVIII – начало XIX в.) 136

Степаненко Н.С. Обстоятельства переселения адыгского «черного народа» на подконтрольные России территории в 30–40-е гг. XIX в. 144

Перетятько А.Ю. Кавказские казачьи войска Российской империи во второй половине XIX в.: традиции и модернизация 151

Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Взаимодействие польских революционеров с горцами Северного Кавказа: замысел и реальность 159

Бурыкина Л.В., Федосеева Л.Д. Становление добывающей, обрабатывающей и перерабатывающей отраслей промышленности на Северо-Западном Кавказе в 80-х гг. XIX в. – начале XX в. 167

Сагинадзе Э.О. Проблемы и перспективы русской колонизации Черноморского побережья Кавказа на рубеже XIX–XX вв.: взгляд из Петербурга 175

Дмитриева Н.В. Проекты преобразования системы управления Кавказским краем в годы Первой русской революции 181

Матвеев В.А. Мусульманское духовенство Северного Кавказа в период революционного кризиса в России 1917–1920 гг. 189

Бегуев С.А. Мусульманское духовенство в политических процессах 1918–1920 гг. в Чечне 196

Мамсиров Х.Б. Национальная государственность и проблемы сохранения этнокультурной идентичности северокавказских народов в 1920-х гг. 204

Татаринов И.Е. Основные характеристики административно-территориальных трансформаций в Северо-Кавказском крае в 1924–1937 гг. 212

Харсиев Б.М.-Г. Проблемы становления национальной автономии ингушского народа в советский период 220

Акопян В.З. Изменение этнического состава населения в Нагорно-Карабахской автономной области в 1920–1980-е гг. 224
Бадмаева Е.Н. Эволюция гендерного статуса в традиционном калмыцком и кабардинском обществе (1920–1930-е гг.) 228
Скорик А.П. Терские казаки в кампании «За советское казачество» 236
Осмаев А.Д., Дендиев К.Г. Газета «Грозненский рабочий» в период репрессий второй половины 1930-х гг. 244
Забелин В.М. Развитие рисоводческих хозяйств на Северном Кавказе к 1940 г. 253
Тикиджьнян Р.Г., Бондарев В.А. Социокультурные процессы в казачьих регионах Юга России (вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.) 256
Кравченко Н.Н. Особенности колхозной системы в рыбколхозах Нижнего Дона в 1960–1980-е гг. 262

Раздел 3. Современный Кавказ между традициями и модернизацией

Шадже А.Ю. Северокавказское общество: «точки роста новых ценностей» в условиях модернизации 268
Семенова О.В. Кавказская идентичность как основа современных социокультурных процессов на Северном Кавказе 275
Омаров В.А. Политические процессы на Южном Кавказе 280
Мамедова Н.А. Деятельность общественно-политических организаций в Грузии 286
Мусаева Г.М. Влияние политических процессов на Кавказе конца XX в. на нефтяную политику Азербайджана 291
Габиббейли С.И. Торгово-экономическое сотрудничество между Азербайджанской Республикой и Грузией 296
Чуклина Э.Ю. История правовой регламентации статуса и режима Каспийского моря 302
Дзугаев К.Г. Южная Осетия в кавказской политике России 309
Внукова Л.Б. Практика приема в гражданство России в упрощенном порядке в сравнительной перспективе: случаи Абхазии, Южной Осетии, Донецкой и Луганской Народных Республик 314
Узнародов Д.И. Проблемные аспекты этнополитического развития тюркских народов Северного Кавказа в начале XXI в. 318
Скороходова В.П. Региональный аспект президентских выборов 18 марта 2018 г. на Северном Кавказе 326
Курбанова Г.М. Гендерная политика на Южном Кавказе (на примере Азербайджана) 335
Ханаху Р.А., Гучетль З.Х. Особенности функционирования некоторых традиционных соционормативных систем на современном Северном Кавказе 339

Адиев А.З. Самоорганизация и гражданская активность в решении вопросов местного значения на Северном Кавказе 346
Тагиева Ш.Г. Перспективы социально-экономического развития Чеченской Республики 350
Савельева О.С. Статусный потенциал кавказских этнических групп в Ростовской области и Краснодарском крае 354
Трофимов М.С., Зассеев Д.А. Особенности правового регулирования сферы образования в современной Южной Осетии 358

Раздел 4. Проблемы региональной безопасности и вооруженные конфликты на Кавказе

Венков А.В. Донские казаки на Кавказе в 1845–1856 гг. 365
Гасымлы М.Дж. Факторы, обусловливающие сближение большевистской России и Турции после Первой мировой войны 370
Джуха И.Г. Греки Кавказа: от расстрелов и повагонных списков 1930–1940-х гг. до нового исхода в 1990-е гг. 378
Султанбеков Р.М., Идрисова З.Б. Деятельность Рутульского районного комитета ВКП(б) по мобилизации населения района для отпора врагу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 386
Афанасенко В.И. Небоевые потери советской и немецкой авиации в береговой зоне Черного и Азовского морей весной 1943 г. 391
Дьякова Е.В. 18-я армия в боях за Кавказ 1942–1943 гг. 395
Карташев И.В. Политика оккупационных властей в области здравоохранения на территории Ставропольского края 403
Судавцов Н.Д. Взаимопомощь народов Кавказа в возрождении жизни на Ставрополье, освобожденном от немецко-фашистской оккупации 411
Мусабекова Р.М. Депортированные народы Северного Кавказа в северном регионе Казахстана 419
Мусагалиева А.С. Спецпереселенцы Северного Кавказа в Южном Казахстане 427
Горюшина Е.М. Историческая память как игнорируемый компонент политического риска 434
Хубулова С.А. Герои и войны XX в. в исторической памяти народов Осетии 440
Авидзба А.Ф. Великая Отечественная война в коллективных представлениях о прошлом в Абхазии 446
Ганиева Р.Х. Способность человека к личностному росту в условиях незавершенных психотравмирующих событий 452
Вартумян А.А., Воротынцев Н.В. Риски и угрозы региональной обособленности в политических идентификациях населения Северного Кавказа 459

Мирзазаде Л.Ф. Стратегия партнерских отношений между Азербайджаном и Чеченской Республикой как фактор региональной безопасности 468

Раздел 5. Кавказ как пространство диалога культур

Броварь А.В. Историческое значение Кавказа в развитии евразийских цивилизаций 473
Гасанов М.Р. К вопросу о взаимоотношениях народов Дагестана и Грузии в XVIII – начале XIX в. 478
Васькина Д.С. Калмыки на Северном Кавказе в первой половине XIX в. 483
Панеш К.Г., Ачмиз А.Д. Адыги Кубанской области в составе Российской империи: проблемы адаптации и трансформации традиционного общества 487
Лиджиева И.В. Кочевники в геополитическом пространстве Северного Кавказа 495
Харатян Г.С. Кавказско-албанский фактор в процессе формирования азербайджанской этнической идентичности 503
Данакари Р.А. Этническая группа удины: историческая память и современное бытие в пространстве диалога народов России 509
Дадашова Р.Б. Азербайджанские политические деятели и идея единого кавказского дома 514
Азимзаде А.Р. Место и роль Азербайджана в формировании и развитии межкультурного диалога на Южном Кавказе 520
Габараева М.Р. Влияние аланского наследия на межэтнические отношения на Кавказе 525
Ильюков Л.С. Древнейшая форма упряжи (по материалам Северного Кавказа) 532
Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Ритуальные вещи в традиционном обряде народов Западного Кавказа из собрания Российского этнографического музея 541
Бесолов В.Б. Архитектурное наследие Северного Кавказа как пространство исторической памяти и проблемы современной действительности 548
Агиева Л.Т. Культура речевого этикета в ингушском социуме 556
Сёмина Г.В. Самоидентификация этносов сквозь призму творчества и традиций: ответ депортированных народов 563
Шульга М.М. Особенности идентификационных процессов глазами молодежи СКФО 571
Ялхароева М.А. Ингушская диаспора в Турции и в странах Ближнего Востока: приглашение к диалогу 576
Сведения об авторах 583

TABLE OF CONTENTS

Foreword (Academician RAS Matishov, G.G.) 5

Section 1. The Problems of Modern Caucasian Studies: in Search of New Approaches, Assessments, and Sources

Krinko, E.F. Historical Caucasian Studies in the South of Russia: research institutionalization in the Soviet and post-Soviet periods 7

Kuz'minov, P.A. Organizational problems of contemporary Caucasian Studies and the ways to solve them 15

Rakhayev, D.Ya. Evolutionary theory in historical Adyghe Studies: current state and research problems 23

Begeulov, R.M. Muhajirun: analysis of historical experience in the context of the Northern Caucasus national discourse about the ways and prospects of the region's development 29

Vasiliev, I.Yu. Communities without primitive state in the Northern Caucasus: preliminary remarks on the historiography of the issue 34

Zozulya, I.V., Kolesnikova, M.E. Bibliographic heritage of the Caucasian Studies (second half of the XIX – first quarter of the XX centuries) 40

Matveev, O.V. From the Caucasian Studies heritage of F.S. Pankratov 45

Ermolenko, L.P., Salakaya, S.Sh. History of studying Abkhazia in the 20s of the XX century 52

Tangiev, M.A. Historiographical review of the study of underground vaults and crypts of Chechnya of the XIII–XVII centuries 57

Adamczewski, P. Polish sources about the Caucasus 62

Bogolyubov, A.A. Caucasian War of 1817–1864 in the memories of the Poles 70

Maksimchik, A.N. Reflection of the history of joining the Caucasus to the Russian Empire in the cinema of the early XX century 72

Kratova, N.V. Documents of the Authorized Council for Religious Affairs of the Council of Ministers of the USSR for the Karachay-Cherkessia Autonomous Region as a historical source 80

Medvedev, M.V. Materials of the Don archives as the source on the history of the Great Patriotic War in Rostov Region 88

Babayan, G.M. Experience and expertise of the Centre for the Caucasian Studies of the Mesrop Mashtots University 93

Medvensky, N.I. Historical, archaeological, and anthropological aspects of the International Search Expedition "Sancharo. Mountain Front – 2018" 97

Section 2. Political and Socio-Economic Development of the Caucasus in the XVI–XX Centuries

Gapurov, Sh.A. From military-political alliance to the state unity: stages and peculiarities of the Northern Caucasus peoples' joining Russia 106

Sultanbekov, R.M. Problem of integration of the peoples of Dagestan into the Russian Empire (XVI – early XIX centuries) 115

Shalak, M.E. Experience of survival of the militarized communities of the Don and Northern Caucasus in the XVI–XVII centuries (following the example of the Don Cossacks and the Lesser Nogai Horde) 121

Abazov, A.Kh. Mozdok Upper Border Court (1793–1822): some specific features of relations with the ethnic elites of the Northern Caucasus 129

Magaramov, Sh.A. Institute of amanat in Dagestan-Russian relations (the XVIII – early XIX centuries) 136

Stepanenko, N.S. Circumstances of resettlement of the Adyghe "black people" to the territories controlled by Russia in the 30–40s of the XIX century 144

Peretyatko, A.Yu. Caucasian Cossack troops of the Russian Empire in the second half of the XIX century: traditions and modernization 151

Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S. Interaction of the Polish revolutionaries with the highlanders of the Northern Caucasus: idea and reality 159

Burykina, L.V., Fedoseeva, L.D. Formation of mining, manufacturing, and processing industries in the North-Western Caucasus in the 80s of the XIX – early XX centuries 167

Saginadze, E.O. Problems and prospects of the Russian colonization of the Black Sea coast of the Caucasus at the turn of the XIX–XX centuries: a view from St. Petersburg 175

Dmitrieva, N.V. Projects of transformation of the management system of the Caucasus Region during the First Russian Revolution 181

Matveev, V.A. Muslim clergy of the Northern Caucasus during the revolutionary crisis in Russia in 1917–1920 189

Beguev, S.A. Muslim clergy in political processes of 1918–1920 in Chechnya 196

Mamsirov Kh.B. National statehood and problems of preservation of ethno-cultural identity of North Caucasian peoples in the 1920s 204

Tatarinov, I.E. Main characteristics of administrative-territorial transformations in the Northern Caucasus Krai in 1924–1937 212

Kharsiev, B.M.-G. Problems of formation of the national autonomy of the Ingush people in the Soviet period 220

Akopian, V.Z. Changes in the ethnic composition of the population in the Nagorno-Karabakh Autonomous Region in the 1920s–1980s 224

Badmaeva, E.N. Evolution of gender status in the traditional Kalmyk and Kabardian societies (the 1920–1930s) 228

Skorik, A.P. Terek Cossacks in the campaign "For the Soviet Cossacks" 236
Osmayev, A.D., Dendiev, K.G. The newspaper "Grozny Worker" ("Groznensky Rabochiy") during the repressions of the second half of the 1930s 244
Zabelin, V.M. Development of rice farms in the Northern Caucasus by 1940 253
Tikidzh'nyan, R.G., Bondarev, V.A. Socio-cultural processes in the Cossack regions of Southern Russia (second half of the 1940s – mid-1980s) 256
Kravchenko, N.N. Specific features of the collective farm system at the fishing collective farms of the Lower Don in the 1960–1980s 262

Section 3. The Modern Caucasus between Traditions and Modernization

Shadzhe, A.Yu. Northern Caucasian society: "points of growth of new values" in the context of modernization 268
Semenova, O.V. Caucasian identity as the basis of modern socio-cultural processes in the Northern Caucasus 275
Omarov, V.A. Political processes in the Southern Caucasus 280
Mamedova, N.A. Activities of political and social organizations in Georgia 286
Musaeva, G.M. Influence of political processes in the Caucasus of the end of the XX century on the oil policy of Azerbaijan 291
Gabibbeili, S.I. Trade and economic co-operation between the Republic of Azerbaijan and Georgia 296
Chuklina, E.Yu. History of legal regulation of the status and regime of the Caspian Sea 302
Dzugaev, K.G. South Ossetia in the Caucasian policy of Russia 309
Vnukova, L.B. The practice of granting citizenship of Russia in a simplified manner in a comparative perspective: cases of Abkhazia, South Ossetia, Donetsk and Luhansk People's Republics 314
Uznarodov, D.I. Problem aspects of ethno-political development of the Turkic peoples of the Northern Caucasus in the early XXI century 318
Skorokhodova, V.P. Regional aspect of the presidential elections of 18 March 2018 in the Northern Caucasus 326
Kurbanova, G.M. Gender policy in the Southern Caucasus (Azerbaijan case study) 335
Hanakhu, R.A., Guchetl, Z.H. Specific features of functioning of some traditional socio-normative systems in the modern Northern Caucasus 339
Adiev, A.Z. Self-organization and civic engagement in addressing local issues in the Northern Caucasus 346
Tagieva, Sh.G. Prospects of socio-economic development of the Chechen Republic 350

Savelieva, O.S. Status potential of the Caucasian ethnic groups in Rostov Region and the Krasnodar Krai 354
Trofimov, M.S., Zasseev, D.A. Peculiarities of legal regulation of education in modern South Ossetia 358

Section 4. Regional Security Issues and Armed Conflicts in the Caucasus

Venkov, A.V. Don Cossacks in the Caucasus in 1845–1856 365
Qasimli, M.J. Factors contributing to the rapprochement of Bolshevik Russia and Turkey after the First World War 370
Dzhuha, I.G. Greeks of the Caucasus: from executions and wagon lists of the 1930–1940s to a new exodus in the 1990s 378
Sultanbekov, R.M., Idrisova, Z.B. Activity of the Rutulskiy District Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (Bolsheviks) on mobilization of the region's population to repel the enemy during the Great Patriotic War of 1941–1945 386
Afanasenko, V.I. Non-combat losses of the Soviet and German aviation in the coastal zone of the Black Sea and Sea of Azov in the spring of 1943 391
Dyakova, E.V. The 18th Army in the battles for the Caucasus of 1942–1943 395
Kartashev, I.V. Policy of occupation authorities in the field of health care in the Stavropol Krai 403
Sudavtsov, N.D. Mutual assistance of the peoples of the Caucasus in the revival of life in the Stavropol Region, liberated from the German-Fascist occupation 411
Musabekova, R.M. Deported peoples of the Northern Caucasus in the northern region of Kazakhstan 419
Musagalieva, A.S. Special settlers of the Northern Caucasus in Southern Kazakhstan 427
Goryushina, E.M. Historical memory as an ignored component of political risk 434
Khubulova, S.A. Heroes and wars of the XX century in the historical memory of the peoples of Ossetia 440
Avidzba, A.F. The Great Patriotic War in collective ideas about the past in Abkhazia 446
Ganieva, R.H. Ability of a person to personal growth under the conditions of unfinished psychologically traumatic events 452
Vartumyan, A.A., Vorotyntsev, N.V. Risks and threats of regional isolation in the political identification of the Northern Caucasus population 459
Mirzazade, L.F. Partnership strategy between Azerbaijan and the Chechen Republic as a factor of regional security 468

Section 5. The Caucasus as a Space for a Dialogue among the Cultures

Brovar', A.V. Historical significance of the Caucasus in the development of Eurasian civilizations 473
Gasanov, M.R. On the issue of relations between the peoples of Dagestan and Georgia in the XVIII – early XIX centuries 478
Vas'kina, D.S. Kalmyks in the Northern Caucasus in the first half of the XIX century 483
Panesh, K.G., Achmiz, A.D. Adyghes of the Kuban Region in the Russian Empire: problems of adaptation and transformation of traditional society 487
Lidzhieva, I.V. Nomads in the geopolitical space of the Northern Caucasus 495
Kharatyan, G.S. Caucasian-Albanian factor in the process of formation of the Azerbaijanian ethnic identity 503
Danakari, R.A. Ethnic group of the Udis: historical memory and modern existence in the space of a dialogue between the peoples of Russia 509
Dadashova, R.B. Azerbaijanian politicians and the idea of a common and united Caucasian home 514
Azimzade, A.R. Place and role of Azerbaijan in the formation and development of the intercultural dialogue in the Southern Caucasus 520
Gabaraeva, M.R. Influence of the Alanian heritage on interethnic relations in the Caucasus 525
Ilyukov, L.S. The most ancient form of harness (based on the materials from the Northern Caucasus) 532
Zelnitskaya (Shlarba), R.Sh. Ritual things in the traditional rite of peoples of the Western Caucasus from the collections of the Russian Ethnographic Museum 541
Besolov, V.B. Architectural heritage of the Northern Caucasus as a space of historical memory and problems of modern reality 548
Agieva, L.T. Culture of speech etiquette in the Ingush society 556
Semina, G.V. Self-identification of ethnic groups through the prism of creativity and traditions: response of deported peoples 563
Shul'ga, M.M. Peculiarities of identification processes as viewed by the youth of the Northern Caucasus Federal District 571
Yalkharoeva, M.A. Ingush Diaspora in Turkey and the Near East countries: invitation to a dialogue 576

Information about the authors 583

Научное издание

НАРОДЫ КАВКАЗА
В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Материалы VI Международного форума историков-кавказоведов
(г. Ростов-на-Дону, 13–15 ноября 2019 г.)

Техническая редакция:	А.С. Бабаева, Ю.М. Валова-Романенко, С.А. Шестак, А.А. Яковлева
Оригинал-макет	С.А. Шестак
Перевод	Р.Г. Михалюк
Оформление обложки	А.В. Коржов

Подписано в печать 24.10.2019
Формат 70×100/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать цифровая Усл.
печ. л. 48,59. Тираж 500 экз.

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано DSM Group